Владимиръ Андерсонъ.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И СЕКТАНТСТВО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РУССКАГО РЕЛИГІОЗНАГО РАЗНОМЫСЛІЯ.

Поморство.
Ѳедосѣевщина.
Филипповщина.
Странничество.
Австрійское согласіе.
Единовѣріе.
Стригольничество.
Жидовство.

Хлыстовщина.
Скопчество.
Духоборчество.
Шалопутство.
Штундизмъ.
Пашковщина.
Хиліазмъ.
Іоаннитство.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО

Въ книжномъ складѣ В. И. ГУБИНСКАГО.

Очерки современной психологіи. Этюды о выдающихся писателяхъ нашего времени. Сочин. П. Бурже, пер. Э. К. Ватсова. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Характеры или нравы этого вѣка. Сочиненіе Жана Лабрюйера. Съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сенъ-Бева. Переводъ съ французскаго. Спб., 1890 года ц. 1 р. 50 к., 317 стр.

Современная германская психологія. Опытная школа. Соч. Профессора Т. Рибо. Переводъ съ франц. Спб., ц. 1 р.

Соціальные законы. Личное творчество среди законовъ природы и общества. Соч. Габріэля Тарда, перев. Л. Оболенскаго. Спб., ц. 40 к.

Исторія философіи съ древнѣйшаго до настоящаго времени въ популярномъ изложеніи. Соч. Фр. Кирхнера. Переводъ съ нѣмецкаго В. Вольфсона, съ дополнительною статьею «Исторія русской философіи» В. В. Чуйко. Спб. 2 издан., 393 стр., ц. 1 р. 20 к.

О воспитаніи умственномъ и нравственномъ. В. Г. Бѣлинскаго. Состав. А. Н. Сальниковъ Спб. 158 стр., ц. 50 к.

Героизмъ. Соч. Арманъ Рено. Примѣры героизма и нравственной энергіи изъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Съ 25 рисунками. Перевелъ съ французскаго и пополнилъ примѣрами русскаго героизма В. Д. Владиміровъ. Спб., ц. 1 р.

Опытъ общей психологіи. Популярное пособіе при изученіи психологіи. Соч. Шарля Рише, профессора медицинскаго факультета въ Парижѣ. Пер. Н. Федоровой. Спб., ц. 65 к.

Основы общедоступной психологіи и ея примѣненіе къ воспитанію. Джемсъ Селли. Переводъ съ англійскаго, подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Изд. 4 ое Спб., ц. 1 р. 35 к.

Радости жизни. Соч. Д. Леббока. Перев. съ 14-го англійскаго изд. М. Н. Лоловой съ предисловіемъ А. Михайлова. Спб. 3-е изд, ц. 90 к.

Идеалы жизни. Умѣнье жить разумно и съ пользою, соч. сэра Дж. Леббока Перев. съ англійскаго М. Лоловой. Спб. 1902 г. 302 стр. 2-е изд., ц. 75 к.

Чтенія объ искусствѣ. Сочиненіе знаменитаго ученаго И. Тэна, переводъ А. Н. Чудинова, 5-ое исправленное изданіе, 414 стр., Спб., ц. 1 р. 50 к.

Исторія культуры. Соч. Фр. Гельвальда, при участіи профессоровъ: Гааза, Бюхнера Лефманна, Хорна, Гольма, Геппе, Ш—амъ—Рина, Л. Гейгера, Филиссона и др. Первобытная культура и древнія восточныя цивилизаціи. Съ рисунками, перев. подъ редакціею д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898 г. Томъ I-й, ц. 1 р. 50 к.— Томъ II й. Античная культура, ц. 1 р. 50 к.—Томъ III-й. Новѣйшая культура, ц. 1 р. 35 к.

Историческіе и религіозные этюды. Соч. знаменитаго французскаго философа Эрнеста Ренана. Подъ редакціею В. В. Чуйко. Изд. 4-е. Спб., ц. 1 р.

Реформы въ политической экономіи. Соч. Тарда. Перев. Л. Оболенскаго. Спб., ц. 35 к.

Происхожденіе семьи и собственности. Соч. извѣстн. учен. Г. Тардъ, пер. съ франц. Съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенскаго: О происхожденіи семьи и собственности по теоріи эволюціонистовъ и экономическихъ матеріалистовъ. Спб. Цѣна 50 к.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ, соч. Ч. Дарвина, Переводъ д-ра М. Филиппова, съ многочисленными рисунками. Спб., ц. 2 р.

Жизнь послѣ смерти. Научные и моральные выводы философіи. Соч. Леона Дени. Перев. съ французскаго. 2-е изд. 1898 г. 320 стр., ц. 1 р.

Этика, наука о нравственности. Автора книги „Исторія философіи",—Фр. Кирхнера, доктора философіи. Перев. подъ редакціею Л. Оболенскаго. 2 изд. Спб., ц. 80 к.

Популярная астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ д-ра Клейна. Перев. съ нѣмецкаго, послѣднее изданіе. СПБ. съ многочислен. рисунками, 2 изд. ц 1 р.

Избранныя мысли и афоризмы Вольфганъ Гете, ц. 20 к.

Мысли и афоризмы Байрона, Шиллера и Берне, ц. 25 к.

Мысли Цицерона. Перев. Гюнсбурга, ц. 15 к.

Мысли и афоризмы Спенсера, перев. М. Модель, ц. 30 к.

Свѣтилы русской мысли. Толстой, Достоевскій, и В. Соловьевъ. Мысли, афоризмы и парадоксы. Спб, ц. 50 к.

2-й томъ Герценъ. Шелгуновъ, Михайловскій, Добролюбовъ, Чернышевскій и Писаревъ. Спб, ц. 30 к.

Мысли Паскаля Перев. Гюнсбурга, ц. 15 к.

Мысли и афоризмы Вольтера. Перев. Гюнсбурга, ц. 30 к.

Для чего страданіе? Шарбонели, ц. 6 к.

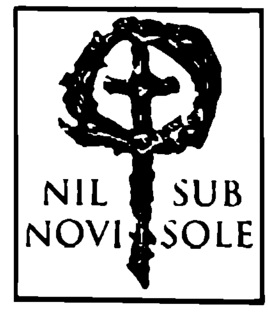
Владиміръ Андерсонъ.

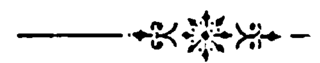
Старообрядчество и Сектантство.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
РУССКАГО РЕЛИГІОЗНАГО РАЗНОМЫСЛІЯ.

Поморство.
Ѳедосѣевщина.
Филипповщина.
Странничество.
Австрійское согласіе.
Единовѣріе.
Стригольничество.
Жидовство.

Хлыстовщина.
Скопчество.
Духоборчество.
Шалопутство.
Штундизмъ.
Пашковщина.
Хиліазмъ.
Іоаннитство.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская ул., 34.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Русскій расколъ! Какъ мало, повидимому, и какъ много, дѣйствительно, говорится въ этомъ словѣ. Грубѣйшее невѣжество, борода, кафтанъ, ссора съ приходскимъ священникомъ и бумажная война съ чиновникомъ, оканчивающаяся золотымъ миромъ — вотъ и все. Нѣтъ, это не совсѣмъ все. Мы такъ привыкли къ своей землѣ русской, что и не замѣчаемъ, какъ громадны размѣры всего того, что въ ней дѣлается и творится, въ добрѣ или злѣ. Русскій расколъ! Возьмите его въ трехъ его главныхъ развѣтвленіяхъ, забывая даже на время объ его мелкихъ, впрочемъ, вовсе немелкихъ, отросткахъ, и вы имѣете значительную массу, равную Испаніи. Сама эта численность уже заслуживаетъ вниманія. Потомъ подумайте, какъ широки его дѣйствія. Отъ Риги до Казани, до Ледовитаго океана, до Чернаго моря и Кавказа, а потомъ почти сплошною массою до Тихаго океана и до границъ Китая. Теперь, когда наступаетъ и непремѣнно наступитъ, въ силу историческихъ развитій, не только русскихъ, но и всемірныхъ, время болѣе широкой и полной жизни народной, подумайте, какъ важно значеніе такой многочисленной и такъ широко дѣйствующей массы. Какъ важенъ, для внутренней русской исторіи, а по воздѣйствію и для исторіи другихъ народовъ, вопросъ, сколько въ этой массѣ ковкости или упругости, сколько способности къ организаціи или склонности

къ призванію внѣшней силы для своей опеки, иначе, сколько стремленія къ просвѣщенію или оттолкновенія отъ него. Пусть этотъ расколъ по своимъ основаніямъ и признаемъ мы, въ большей части его формъ, не имѣющимъ въ себѣ будущности: это относится только къ его, такъ сказать, догматической замкнутости, но вѣдь онъ, даже исчезая, оставитъ по себѣ поколѣнія, приготовленныя особеннымъ образомъ, оставитъ особенное настроеніе въ умѣ милліоновъ, а эти то приготовленія, это то настроеніе умовъ и составляютъ дѣйствительныя историческія силы".

Такъ выразился сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ А. С. Хомяковъ, обращая особое вниманіе общества любителей россійской словесности, предсѣдателемъ котораго состоялъ, на докладъ В. Безсонова о раскольничьихъ пѣсняхъ, рельефно выдвигающихъ богатство нашей народной мысли, полной глубокихъ и разительныхъ контрастовъ по чередованію величаваго спокойствія съ порывами страстной энергіи.

Всегда оставаясь въ рамкахъ строго сознаннаго православія, въ высшей степени лойяльно настроенный, А. С. Хомяковъ своимъ рѣзко врѣзывающимся въ суть вещей умомъ, не могъ, конечно, не цѣнить мощнаго значенія многомилліонной массы, въ своихъ колебаніяхъ перекинувшейся за бортъ церкви и истосковавшейся въ усиліяхъ достичь спасительнаго берега, чуть замѣтные контуры котораго видятся за пленкою ненавистнаго тумана.

„Мы удивляемся твердости рыцарей храма, безропотно погибшихъ за свои убѣжденія, а никогда не думаемъ о собратіяхъ нашихъ, которые несутъ на чужбинѣ тяжкій крестъ за свободу совѣсти. Исторія нашихъ религіозныхъ выходцевъ достойна изученія и ждетъ еще своего безпристрастнаго лѣтописца", — докладывалъ императору Александру II князь Н. А. Орловъ, въ своей запискѣ о расколѣ, полной самыхъ

гуманитарныхъ тенденцій въ защиту тѣхъ „милліоновъ, которые, лишенные всѣхъ правъ, терпѣливо и покорно сносятъ свою участь", образуя въ то же время явленіе, гдѣ высказался оригинальный типъ Россіи, обнаружились черты, положительно немыслимыя на западѣ, особенности, дающія самыя точныя понятія о національномъ характерѣ русскаго общества, взлелѣявшаго антицерковный протестъ не въ кельѣ ученаго монаха, не въ школѣ, а въ избѣ крестьянина, за лавочнымъ прилавкомъ, откуда и пошелъ подземный корридоръ подъ величественнымъ зданіемъ оффиціальной церкви,— какъ картинно повѣствуетъ французъ Леруа-Болье, сходясь по существу съ сухо и дѣловито оброненнымъ мнѣніемъ нѣмца Гакстгаузена.

Дать обстоятельную исторію нашего раскола, понимаемаго, по толкованію высоко-компетентнаго А. С. Пругавина, какъ совокупность всѣхъ вообще религіозно-этическихъ и религіозно-бытовыхъ протестовъ русскаго народа, значитъ, другими словами, рѣшиться на созданіе многосторонней энциклопедіи русскаго духа, съ его перекрещивающимися стремленіями къ всечеловѣчеству. Грандіозная задача требуетъ и гигантскихъ силъ.

Вотъ почему лицо, работавшее надъ настоящею книжкою, не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на присваиваніе своему труду эпитета „исторіи", т. е. прагматическаго проникновенія въ корень вопроса, а, поразившись радужными переливами умственнаго и душевнаго всполоха „темнаго люда", просто постаралось, по мѣрѣ скромныхъ силъ, хотя бы и грубо, набросать ходъ событій, бережно остерегаясь неосмотрительнымъ прикосновеніемъ оскорбить полныя достоинства идеи.

Вездѣ, гдѣ только было удобно, пишущій эти строки придерживался принципа непосредственнаго текстуальнаго ознакомленія читателя съ сужденіями авторитетныхъ изслѣдова-

телей раскола, дѣлая это sine ira et studio, иными словами, силясь подняться на высоту безпристрастія, откуда можно было бы добру и злу равнодушно внимать.

Если авторъ окажется виновнымъ въ недостиженіи малой, имъ намѣченной цѣли, то онъ проситъ снисхожденія, ибо, стоя близко къ сокровищницѣ литературнаго богатства, собраннаго въ Императорской Публичной Библіотекѣ, онъ, по слабости критическаго зрѣнія, былъ ослѣпленъ развернувшеюся передъ нимъ Голкондою, и еле успѣвалъ подбирать драгоцѣнныя блестки по указаніямъ глубокоуважаемыхъ В. П. Ламбина, И. А. Бычкова и проф. А. П. Карташева, которымъ—вкупѣ съ Н. П. Роговицкимъ, содѣйствовавшимъ устраненію нѣкоторыхъ затрудненій — приноситъ низкій поклонъ, а преподавателю русской литературы Н. Д. Соколову выражаетъ теплую благодарность за его весьма полезныя замѣчанія.

В. А.

Противоцерковныя теченія на Руси до патріарха Никона.

Адріанъ и Дмитръ.

Въ Никоновской лѣтописи подъ 1004 годомъ мы встрѣчаемся съ первымъ исторически засвидѣтельствованнымъ фактомъ открытаго неудовольствія противъ православной церкви, хотя и выраженнаго въ единичномъ случаѣ.

«Влѣто . . . . —записалъ современникъ митрополитъ Леонтій—посадї втемницу инока Андреяпа скопца. Укоряше бо сей церковныя законы и епископы и презвитеры и їноки: и помале исправися, приїде впокояние, и впозна ше истины, якоже и многимъ дивитися кротости его, и смирению и умилѣнию».

Отрицающая дѣятельность монаха продолжалась недолго, своевременно пресѣченная энергичными мѣропріятіями автора цитируемаго сообщенія.

Двадцать одинъ годъ спустя примѣръ Адріана нашелъ себѣ послѣдователя въ лицѣ нѣкоего Дмитра. О послѣднемъ мы знаемъ еще меньше. Правда, историкъ Татищевъ склоненъ видѣть общность направленія Адріана и Дмитра, равно неудовлетворенныхъ тѣми формами, въ какія вылилась наружная, обрядовая сторона христіанства, принятаго нами изъ православной Византіи. Насколько предположеніе почтеннаго историка соотвѣтствуетъ истинѣ—вопросъ, на который нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта, за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было данныхъ, такъ или иначе освѣщающихъ личность Дмитра. Зная, впрочемъ, прямо дѣтское состояніе тогдашней культуры и всего умственнаго развитія русскаго парода, съ извѣстною достовѣр-

ностью можно остановиться на мнѣніи, что оба протестанта, о которыхъ идетъ рѣчь, были простыми распространителями одной изъ многочисленныхъ анти-православныхъ сектъ, зарождавшихся на Востокѣ и занесенныхъ къ намъ чрезъ посредство Византіи или Болгаріи, странъ, съ которыми древняя Русь поддерживала постоянныя сношенія. А если мы дадимъ себѣ трудъ заглянуть въ исторію церкви, то увидимъ, что какъ разъ въ это время греки сильно увлекались ученіемъ такъ называемыхъ богомиловъ, называвшихся иначе манихеями, мессаліанами и павликіанами.

Богомилы учили, что происходитъ вѣчная борьба между Господомъ Богомъ и злымъ божествомъ Сатанаиломъ, первороднымъ сыномъ Творца. Сатанаилъ, возгордившись своимъ могуществомъ, возмутилъ противъ Бога часть небеснаго воинства, но за то былъ изгнанъ съ неба и поселился на землѣ, обязанной ему своимъ окончательнымъ устройствомъ.

Пока мы имѣемъ дѣло съ простымъ изложеніемъ событій, знакомыхъ намъ по первымъ главамъ Библіи, но далѣе вмѣшивается цвѣтистая восточная фантазія.

Сатанаилъ, оказывается, пытался создать человѣка, но успѣлъ лишь въ отношеніи плоти, оставшейся безжизненною, потому что темный Духъ не смогъ вдохнуть въ нее безсмертную душу. Но милосердный Творецъ міра, сжалился надъ недоконченнымъ созданіемъ Сатанаила, и одарилъ его душою. Но вскорѣ зависть снова омрачила Сатанаила, желавшаго безраздѣльно властвовать надъ человѣкомъ. Онъ старался отвратить его многочисленное потомство отъ Бога и съ этою цѣлью чрезъ Моисея далъ свой законъ. Человѣчество, забывшее истиннаго Бога, страдало на протяженіи 5500 лѣтъ, пока Господь не почувствовалъ скорбь о бѣдствовавшихъ людяхъ и «отрыгнулъ» Слово, Ангела великаго совѣта, называвшагося Миха. Слово вошло въ Дѣву Марію и родился отъ Нея Іисусъ. Миха поборолъ на землѣ Сатанаила, лишилъ его имя священнаго окончанія *илъ*, которое и присоединилъ къ Своему. Затѣмъ Михаилъ вознесся на небо и снова заключился въ Богѣ-Отцѣ, а духъ Святой, сопутствовавшій Михаилу при Его земномъ служеніи, породилъ двѣнадцать апостоловъ.

Такова форма, въ которую богомилы облекали взаимоотно-

шенія между тремя Божественными ипостасями—Богомъ-Отцомъ, Богомъ-Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ.

Богомилы упорно отрицали правдоподобность чудесъ, творившихся Спасителемъ въ многоразличныхъ случаяхъ надъ человѣкомъ и природою, указывая, что сказанія евангельскія слѣдуетъ понимать всегда иносказательно, глубже вникая въ ихъ смыслъ. Въ вопросахъ о признаніи внѣшней, обрядовой стороны религіи богомилы также кореннымъ образомъ расходились съ ученіемъ православія, отвергая совершеніе брака, питаніе убоиною. Обрядъ крещенія богомилы замѣняли простымъ возложеніемъ рукъ и теченіемъ Евангелія отъ Іоанна.

Таинство пріобщенія, иконопочитаніе, богослуженіе въ храмахъ, молитвословіе—кромѣ Молитвы Господней — церковная іерархія и монашество—все это богомилами изгонялось.

Вообще, богомилы дошли до крайнихъ предѣловъ въ своемъ протестѣ, доведя его до грубыхъ извращеній въ практикѣ, рекомендуя своимъ послѣдователямъ даже скопчество, какъ лучшее средство для спасенія души.

Въ чистомъ своемъ видѣ богомильство, нѣкоторое время удержалось у насъ исключительно благодаря всегдашнему расположенію славянской натуры къ дуалистическому представленію о Божествѣ, какъ раздѣляющемся на два начала: доброе и злое. Взглядъ этотъ красною нитью проходитъ чрезъ всю славянскую миѳологію, сохранившись даже при знакомствѣ нашихъ предковъ съ христіанствомъ. Секта богомиловъ находила себѣ сочувствовавшихъ въ Россіи почти до злополучнаго XIII столѣтія, когда нахлынувшее на насъ злое татарское бѣдствіе надолго захлестнуло всякое движеніе мысли, хотя бы и направленной по ложному пути.

Споры о постѣ въ среду и пятницу.

Въ XII столѣтіи русское общество не мало волновали часто возникавшіе споры о томъ, какъ слѣдуетъ поступать, если въ среду или пятницу, т. е. дни постные, придется какой-либо праздникъ.

Въ 1157 году этотъ вопросъ вызвалъ такія волненія въ Ро-

стовѣ, что его жители изгнали изъ города епископа Нестора, запрещавшаго своей паствѣ скоромиться въ постные дни. Дѣло доходило даже до князя Андрея Боголюбскаго, осложнившись еще тѣмъ, что нѣкій попъ Ѳедоръ, племянникъ смоленскаго епископа Мануила, сталъ на сторону недовольныхъ ростовцевъ, всячески оспаривая грѣховность поста въ праздникъ. Несторъ соглашался разрѣшить скоромное лишь для случая Рождества Христова и Богоявленія, буде они случатся въ спорные дни. Ѳедоръ же требовалъ такого исключенія и для всей Пятидесятницы. За Нестора вступился самъ константинопольскій патріархъ Лука Хризовергъ, аттестуя изгнаннаго епископа «яко и смысломъ исполнена и разумомъ удобренна, и словомъ почтенна, и добродѣтелію свѣтяща, и житіемъ украшенна». Подстрекатель же, попъ Ѳедоръ, по мнѣнію патріарха, заслуживаетъ осужденія уже тѣмъ, что дерзнулъ проповѣдывать безъ подлежащаго разрѣшенія своего епископа; самое ученіе его идетъ въ разрѣзъ съ установленіями Св. Отцовъ.

Вообще, патріархъ высказался совершенно опредѣленно, давъ такое наставленіе сомнѣвающимся: [1]). «Если въ среду или пятокъ случится Господскій праздникъ Рождества Христова или Богоявленія, то мірянамъ разрѣшается мясо, а инокамъ молоко, масло коровье, сыръ и яица. Если праздникъ Рождества Богородицы, Успенія, Срѣтенія Господня или Преображенія—то инокамъ и мірянамъ разрѣшаются масло деревянное, овощи, рыба и вино. Если праздникъ Благовѣщенія, то, когда случится до Вербной недѣли, разрѣшаются масло, овощи и вино; на Страстной недѣлѣ, до великаго пятка масло и вино; въ самый великій пятокъ—одно вино. Если случится какой-нибудь изъ праздниковъ Предтечевыхъ, праздникъ Петра и Павла, Іоанна Богослова, или какого-нибудь другого нарочитаго Святаго, то разрѣшаются, съ благословенія мѣстнаго Епископа, масло деревянное, овощи, рыба и вино. Если праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста, — разрѣшаются масло де-

[1]) См. Никон. Лѣт. ч. II, стр. 179—188. Впрочемъ, Карамзинъ (III т. прим. 28) и Татищевъ (кн. III, прим. 499) сомнѣваются въ достовѣрности посланія патріарха, считая его поддѣлкою, сдѣланною ужс въ Россіи.

ревянное и вино. Въ двѣнадцать дней отъ Рождества Христова до Крещенія, въ недѣлѣ о Мытарѣ и Фарисеѣ, въ недѣлю Сыропустную, въ недѣлю Свѣтлую, въ недѣлю послѣ Троицына дня и отъ Свѣтлой недѣли до Пятидесятницы, поста, «иже до девятаго часа, не соблюдаемъ, но аще снѣдь сыра и масла кровіяго и мяса отметаемся, стыдѣніемъ Апостольскаго правила; но масло древянное и другая къ симъ и рыбы ядимъ». Ослушникамъ предлагаемаго правила патріархъ грозилъ суровымъ церковнымъ наказаніемъ: „сия уставляемъ повѣлениемъ и властию Святаго Духа, и уставомъ и словомъ великаго Архиерѣя Спаса нашего Исуса Христа, и аще еще не исправитца, таковая творя, прельщая люди, отнѣдь убо того во отсечение святия церкви и внепричастия всякоя святыни вводимъ по двадесятъ осмому святыхъ Апостолъ повелению; не токможъ того, но и единомысленники и споспѣшники и сопричастники его вся, послушающихъ чреззаконныхъ его поучениї».

Во время пререканій ростовцевъ съ Несторомъ, епископскую каѳедру занялъ Леонтій, сначала противъ желанія князя и народа. Леонтію приходилось даже нѣсколько разъ удаляться изъ Ростова, но, наконецъ, онъ утвердился. Леонтій въ спорномъ вопросѣ пошелъ куда дальше Нестора, не освобождая отъ поста ни въ какіе праздники. Противъ Леонтія высказывался даже величайшій авторитетъ того времени Св. Кириллъ Туровскій. Леонтій искалъ суда въ Константинополѣ, но и тамъ косо взглянули на не въ мѣру ретиваго епископа. Въ кіевскомъ Патерикѣ мы наталкиваемся на похвалу игумену кіево-печерской лавры Поликарпу, подвергшемуся въ 1168 г. церковному суду за запрещеніе употреблять сыръ, молоко, масло и яйца въ Господскіе праздники и дни, посвященные воспоминанію о болѣе извѣстныхъ святыхъ, если бы они пришлись въ среду или пятницу. Снова поднялось дѣло, опять пошли распри на этой почвѣ, волновавшія всю южную Русь, для прекращенія которыхъ пришлось созвать въ Кіевѣ соборъ духовенства. Съѣхались около 150 епископовъ, игуменовъ, монаховъ, но единомыслія между ними не было. Защитники Поликарпа ссылались на уставъ Ѳедора Студита; все же, наконецъ, большинство склонялось къ осужденію Поликарпа.

Въ началѣ XV столѣтія псковичи обратились къ митрополиту Фотію, сомнѣваясь, какъ поступать съ постомъ въ двѣнадцатидневный промежутокъ между днемъ Рождества Христова и Богоявленіемъ. Митрополитъ отвѣтилъ, что въ первые одиннадцать дней можно употреблять молоко и мясо, но наканунѣ Богоявленія совершенно возбраняется все скоромное, не исключая и рыбы.

Обсуждали вопросъ о постахъ и на Стоглавомъ Соборѣ. Положено было слѣдовать имѣющимся на этотъ счетъ уставамъ, начертаннымъ Святыми отцами.

Мартинъ.

Въ 1149 году пришелъ въ Россію нѣкій Мартинъ, сынъ армянскаго священника. Къ намъ онъ попалъ послѣ немалыхъ приключеній. Еще двадцатилѣтнимъ юношею Мартинъ, покинувъ родителей, отправился въ Римъ. Пробывъ тамъ семь лѣтъ Мартинъ, перебрался въ Константинополь, а оттуда уже въ Россію.

Извѣстенъ сталъ Мартинъ съ тѣхъ поръ, какъ написалъ книгу подъ многообѣщающимъ заглавіемъ; „Правда“, гдѣ онъ доказывалъ, что православіе представляетъ уклоненіе отъ истиннаго христіанства, сохранившагося еще до извѣстной степени у грековъ, передавшихъ намъ свою религію уже въ искаженномъ видѣ. Мартинъ дѣятельно распространялъ свое ученіе, признанное послѣдующимъ Соборомъ смѣсью ересей латинскаго происхожденія съ уклоненіями, возникшими на востокѣ, главнымъ образомъ на родинѣ Мартина — въ Арменіи. Напримѣръ, слѣды востока ясно сказываются въ такихъ пунктахъ ученія Мартина, безусловно якобы осужденныхъ русскимъ духовенствомъ:

1) Въ Іисусѣ Христѣ имѣется лишь одно естество.

2) Рождество Христа было безплотно. То есть, это надо было понимать такъ, что видимая плоть Іисуса, зарожденная еще на небѣ, окончательно вочеловѣчилась чрезъ посредство Дѣвы Маріи „пройдя, какъ чрезъ каналъ“.

3) Таинство литургіи должно совершать исключительно на чистомъ винѣ, не разбавленномъ водою.

Разбивалъ Мартинъ и другія уклоненія церкви. По его мнѣнію:

1) Суббота безусловно день постный.

2) На просфорахъ вырѣзывается не просто крестъ, а распятіе.

3) Проскомидія упраздняется.

4) Литургія служится на прѣсномъ хлѣбѣ.

5) Таинство Св. Крещенія совершается безъ помазанія крещаемаго св. Миромъ.

6) Творя крестное знаменіе, руку должно полагать сперва на лѣвое плечо, а потомъ на правое.

Болѣе интереса представляетъ та часть ереси Мартина, которая представляетъ продуктъ измышленія самого Мартина, уча, что:

1) Всякое Псалмопѣніе совершается съ лицомъ, обращеннымъ на Западъ, а не на Востокъ.

2) При таинствѣ св. крещенія слѣдуетъ ходить вокругъ купели по направленію движенія солнца, придерживаясь этого правила при хиротоніи и вѣнчаніи.

3) На вечерняхъ и обѣдняхъ съ кадиломъ, евангеліемъ и великимъ выносомъ выходятъ изъ алтаря чрезъ южныя ворота.

4) Имя Іисуса Христа пишется и произносится: Исусъ.

5) Аллилуіа возглашается дважды, а при третьемъ разѣ прибавляется славословіе.

6) При постройкѣ церквей алтари непремѣнно обращаются на югъ.

Митрополитъ кіевскій Константинъ обратилъ серьезное вниманіе на ересь Мартина, грозившую внесеніемъ разлада въ умы православныхъ, и, какъ средство для предупрежденія возможныхъ смутъ въ 1157 году въ Кіевѣ открылся соборъ духовенства, занявшійся уясненіемъ толкованій Мартина. Особенно ревностнымъ защитникомъ чистоты православія выступилъ самъ митрополитъ. Мартинъ не могъ выставить достаточныхъ доводовъ для поддержки своего ученія, но все же раскаяться не желалъ. Патріархъ Константинопольскій, взяв-

шій на себя окончательный приговоръ, опредѣлилъ предать анаѳемѣ закоренѣлаго еретика, что было выполнено въ Кіевѣ. Это крайнее средство воздѣйствовало па Мартина. Онъ согласился торжественно отречься отъ своихъ положеній, кромѣ первыхъ двухъ, изложенныхъ нами. На этомъ Мартинъ стоялъ крѣпко, не поддаваясь никакимъ увѣщаніямъ. Тогда отправили Мартина уже въ Константинополь предъ патріарха. Въ концѣ концовъ Мартина сожгли на кострѣ.

Такъ увѣряетъ о существованіи Мартина и о созывѣ собора противъ него наша старая церковная исторіографія, слѣдуя указаніямъ извѣстнаго Питирима архіепископа Нижегородскаго, ревностнаго миссіонера противъ раскольниковъ при Петрѣ Великомъ. „Это соборное дѣяніе—съ грустью констатируетъ высоко-авторитетный историкъ проф. Е. Голубинскій, (Исторія русской церкви, Изд. II. Т. 1, стр. 795)—есть ни что иное, какъ прискорбнѣйше неудачная и чрезвычайно неискусная выдумка, сдѣланная съ цѣлью привлеченія раскольниковъ къ православію и, къ сожалѣнію, попущенная, если не больше, такимъ разумнымъ человѣкомъ, какъ Петръ“. Съ 1718 г. было оно напечатано нѣсколько разъ отдѣльною книжкою, въ послѣднемъ году дѣяніе было напечатано въ видѣ приложенія къ Питиримовой Пращицѣ, гдѣ и разсказывается мнимая исторія его открытія, къ которой справедливо или несправедливо приплетается св. Димитрій Ростовскій „Поученія митрополитовъ Михаила и Ѳеопемпта—говоритъ далѣе проф. Голубинскій—на которыя ссылается „дѣяніе“, столько же существовали когда-нибудь, сколько и оно само“.

Словомъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ подражаніемъ практикѣ католическаго церковнаго обихода, создавшаго знаменитыя „лже Исидоровскія декреталіи“, имѣвшія цѣлью мотивировать притязанія папъ па свѣтскую власть. Питиримъ, какъ человѣкъ, знакомый съ ними и ихъ несомнѣннымъ въ свое время вліяніемъ на массы, попытался использовать авторитетъ церковныхъ соборовъ древней Руси, и, помѣстивъ въ ересь Мартина пункта, заимствованные изъ старообрядческой догмы, получилъ такимъ образомъ осужденіе послѣдней. Побужденія у Питирима были, внѣ всякаго сомнѣнія, самыя безкорыстныя, и осуждать его, поэтому, не приходится.

Стригольники.

Начиная со второй половины XIV столѣтія жизнь русскаго народа вдругъ дѣлаетъ порывистые скачки впередъ, словно силясь наверстать проведенные въ тяжеломъ полуснѣ годы мрачной татарщины. Начинаетъ повсюду пробуждаться здоровое чувство національнаго самосознанія, выразившееся въ яркомъ историческомъ фактѣ освобожденія отъ позорныхъ узъ хановъ-завоевателей и постепенномъ стягиваніи самостоятельныхъ мелкихъ государственныхъ единицъ къ центральному ядру — Москвѣ.

Русскіе люди, сперва робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, оглядываются вокругъ себя, ежеминутно натыкаясь на неустройства, нагроможденныя за періодъ полнѣйшей умственной спячки, зачастую даже поддерживавшейся извнѣ чисто искусственными мѣрами.

На Руси начинается броженіе, сперва совершенно лишенное опредѣленныхъ очертаній и внутренней формы, неясное, безъ обозначенной цѣли, но затѣмъ, оно какъ то инстинктивно выбирается на ровный путь и бурною волною катится впередъ, всюду подмывая устои косности и мертвеннаго отношенія къ дивнѣйшему свойству человѣка — способности вѣровать и молиться, то-есть хранить въ душѣ источникъ вѣчнаго утѣшенія и надежды.

Движеніе, о которомъ идетъ рѣчь, было вызвано и поддерживалась дѣятельностью такъ называемыхъ стригольниковъ.

Оно сразу стало на жизненную почву, имѣя дѣло съ предметами, доступными пониманію даже и той части общества, къ которой можно примѣнить нынѣшнее понятіе людей неинтеллигентныхъ.

Именно въ этомъ и была вся трудно поборимая сила стригольничества, составлявшая коренную разницу между нимъ и всѣми, раньше возникавшими религіозными протестами, имѣвшими въ виду чаще всего тонкости богословскихъ выраженій, такъ называемыя догматическія истины, которыя, въ сущности говоря, не могутъ особенно привлекать къ себѣ человѣка дюжиннаго, не владѣющаго способностью отвлеченнаго мышленія. И оттого

всѣ неудовольствія, возникавшія въ средѣ русскаго народа, или, вѣрнѣе, въ передовыхъ людяхъ его, не переходя въ массу, замирали.

Стригольники же перевели дѣло на болѣе твердыя и общепонятныя основанія, постоянно выдвигая на видъ нестроенія церковной жизни, довольно яркія ея уклоненія отъ истинно христіанской нормы, что и давало ихъ мнѣніямъ особую устойчивость.

Отвергая укоренившееся въ тогдашней Руси пониманіе смысла христіанства, стригольники тѣмъ самымъ возбуждали вопросъ о переоцѣнкѣ религіозной морали, какъ неправильно толкуемой заинтересованными слоями общества, изъ соображеній чисто земныхъ. Такимъ образомъ стригольничество касалось и соціальныхъ взаимоотношеній, а это, въ свою очередь, придавало вопросу особую остроту. Но стригольничество ломало старое зданіе, кивая на его неустойчивость, давало щедрые совѣты относительно необходимости его переустройства, все сводя на постоянное отрицаніе, лишенное положительной теоріи. И въ этомъ его слабая сторона. Какъ историческій фактъ стригольничество, заслуживаетъ полнаго вниманія къ сыгранной имъ немаловажной роли двигателя общественной мысли, столь нуждавшейся на первыхъ шагахъ въ толчкѣ.

Чтобы понять обстановку, среди которой зародилось и созрѣло стригольничество, слѣдуетъ вызвать въ памяти общую картину культурныхъ условій, въ которыхъ жила современная ему Русь.

Мало веселаго увидимъ мы.

Начнемъ съ „верховъ“. Трудно вѣрить въ наши дни, что герой Куликовской битвы, князь Дмитрій Іоанновичъ Донской былъ не грамотенъ! А, между тѣмъ, это несомнѣнно, и исторически подтверждается.

Многія грамоты XVI вѣка лишены въ нужныхъ случаяхъ подписей князей и бояръ, отговаривавшихся незнаніемъ грамоты. Литературы не было и въ поминѣ. Даже образованность сводилась къ простой „книжности“, и та шла не дальше умѣнія читать священное писаніе и книги, необходимыя при совершеніи богослуженія. Вообще, занятіе грамотою считалось дѣломъ, подходящимъ лишь особѣ духовнаго званія, а никакъ не міряниау.

Но вотъ въ томъ то и было горе, что духовенство, сословіе, которое, уже по своему предназначенію, должно было идти въ головѣ умственнаго движенія, само находилось въ крайне печальномъ состояніи.

Новгородскій архіепископъ Геннадій, человѣкъ энергично боровшійся съ стригольниками, а потому, не особенно расположенный поддерживать всѣ ихъ обвиненія, съ горестью печалуется московскому митрополиту Силуану (въ концѣ 15 столѣтія), что „ставленники, хотящіе въ дьяконы и попы ставиться; грамотѣ мало умѣютъ".

Далѣе тотъ же владыко разсказываетъ такъ: „приведутъ ко мнѣ мужика, я велю ему апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтырь,—и по тому едва бредетъ... Я прикажу учить его ектеньямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, да просится прочь, не хочетъ учиться. Вотъ теперь у меня побѣжали четверо ставленниковъ — Максимка да Куземка, да Афанаська, да Емельянка-мясникъ".

Нравственное состояніе духовенства прямо таки ужасаетъ. Стоглавый соборъ, засѣдавшій въ Москвѣ въ 1551 г. удостовѣряетъ, что попы и церковные причетники въ церквахъ всегда пьяны и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ. Попы въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя. Ввиду сихъ прискорбныхъ случаевъ соборъ установилъ должность особыхъ протопоповъ, обязанность которыхъ должна была заключаться въ наблюденіи за сохраненіемъ духовными особами хотя бы внѣшняго приличія. Впрочемъ, отцы собора тутъ же спохватились и сдѣлали оговорку: „а которые протопопы сами учнутъ упиватися" — о такихъ „священникамъ увѣщаты святителямъ".

Не лучше дѣло обстояло и въ монастыряхъ. Въ дѣяніяхъ того же Стоглаваго Собора имѣются указанія на то, что „во всѣхъ монастыряхъ пьянственное питіе безмѣрное среди игуменовъ, чернецовъ и мірскихъ поповъ». „По кельямъ индѣ женки и дѣвки небрежно приходять, а робята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ невозбранно, и по селамъ и по міру всюду ѣздятъ съ чернеци безъ дозору".

Бывали и такіе факты: „старецъ въ лѣсу келью поставитъ и церковь срубитъ, да и пойдетъ по міру, съ иконой,—просить на сооруженіе, а что соберетъ, то и пропьетъ.

Къ своимъ обязанностямъ священники относились болѣе чѣмъ халатно: „совершаютъ службу только черезъ пять—шесть недѣль, даже черезъ полгода, а то вовсе одинъ разъ въ годъ".

Естественно, что духовенство, призванное къ роли посредника между человѣкомъ и Богомъ, не могло внушить паствѣ ни малѣйшаго уваженія.

Паства была предоставлена всецѣло самой себѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отъ нея требовалась матеріальная поддержка.

При такомъ положеніи вещей взаимныя отношенія между пастырями и пасомыми сводились къ простой формалистикѣ, простому, чисто юридическому, посредничеству въ извѣстныхъ проявленіяхъ житейскаго уклада, требующихъ оффиціальнаго засвидѣтельствованія, такъ что священникъ изображалъ почти чиновника.

Ясно, что скрытаго неудовольствія противъ духовенства въ народѣ таилось не мало, и неудивительно, что искра, зароненная стригольниками, скоро вспыхнула яркимъ пламенемъ, охвативъ весь сѣверо-востокъ Руси, т. е. ея относительно культурный центръ.

И вотъ около 1371 года въ Псковѣ, „младшемъ братѣ" господина Великаго Новгорода началъ свою дѣятельность нѣкій дьяконъ Карпъ, положившій основаніе секты противоцерковниковъ, сильно таки замутившихъ тогдашнюю Русь.

Карпъ былъ „стригольникъ". Это значитъ, что онъ постригалъ новопоставляемыхъ дьяконовъ. Духовенство, при своемъ рукоположеніи, подстригало волосы на темени, подобно тому какъ это принято и по сейчасъ въ обиходѣ римско-католической церкви. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что обрядъ совершался при посвященіи въ первый чинъ духовной іерархіи, то-есть дьякона. Обыкновенно, эту церемонію начиналъ самъ епископъ крестообразнымъ выстриженіемъ волосъ на головѣ поставляемаго, а доканчивало постригъ лицо, избиравшееся изъ среды духовенства. Ему-то и присваивалось названіе стригольника.

Немудрено, что Карпъ, по роду своей службы, постоянно находившійся при поставленіи въ духовный чинъ, хорошо былъ ознакомленъ съ закулисною стороной обрядности, къ которой принадлежало и широко практиковавшееся тогда взиманіе платы за поставленіе, что оправдывалось необходимостью различныхъ расходовъ при особомъ священнослуженіи, во время котораго производился самый актъ рукоположенія. Вопросъ о законности такихъ поборовъ уже и раньше неоднократно поднимался въ средѣ вѣрующихъ, но обыкновенно, смущающихся успокаивали ссылкою на примѣръ Іисуса Христа и Апостоловъ, не уклонявшихся при посѣщеніи домовъ нѣкоторыхъ іудеевъ, какъ напримѣръ, мытаря, Матѳея, Марѳы, принимать отъ нихъ дары и угощенія.

Къ этому прибавляли слова Апостола: „да не завяжеши рта вола верхуща". Позднѣе, уже въ разгарѣ дѣятельности Карпа, епископъ суздальскій Діонисій, по порученію константинопольскаго патріарха, весьма подробно объяснялъ новгородцамъ всю разницу между *мздою* и *протopями.*

Карпъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для агитатора. Онъ обладалъ основательною по тому времени начитанностью; твердости характера и смѣлости, какъ видно изъ отзывовъ его современниковъ, несговорчивому дьяку тоже не стать было занимать. Задумано-сдѣлано.

Карпъ громко протестуетъ противъ церковныхъ поборовъ, указывая на ихъ полное противорѣчіе съ духомъ истаго христіанства. Его проповѣдь не могла придтись по вкусу представителямъ іерархіи, лично заинтересованнымъ въ сохраненіи обличаемыхъ безсребренникомъ-дьякономъ обычаевъ.

Карпа лишили сана. Онъ не унимался. Его прокляли и отлучили отъ церкви. Тогда Карпъ задумалъ создать свою церковь, на новыхъ уже началахъ, вытекающихъ изъ его убѣжденій.

Вокругъ Карпа постепенно собрался кружокъ недовольныхъ клириковъ, затѣмъ къ нимъ постепенно присоединялись и многіе свѣтскіе люди, подходившіе по своимъ взглядамъ къ типу современныхъ намъ свободомыслящихъ. Не слѣдуетъ забывать, что стригольничество началось въ Псковѣ, этомъ своеобразномъ свободномъ государствѣ, рѣзко отличавшемся

своимъ вольномысліемъ отъ прочей Руси, строго консервативной, если употреблять опять-таки выраженіе нашего времени.

Отъ отрицаній стригольниками взиманія денежной платы, понятенъ естественный переходъ къ полному непризнанію ими авторитета и самаго духовенства, какъ запятнаннаго смертнымъ грѣхомъ—симоніей.

Константинопольскій патріархъ Антоній, разбиравшій ученіе стригольниковъ, вполнѣ опредѣленно говоритъ, что еретики „оклеветали всѣ вселенскіе соборы, патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, игумновъ и поповъ". Такимъ образомъ вся духовная іерархія была разомъ объявлена стригольниками совершенно незаконною.

„Глаголятъ стригольници"—говоритъ далѣе тотъ же Антоній,—„о нынѣшнихъ святителяхъ и о попахъ: недостойны тѣхъ службы, яко имѣніемъ взимаютъ у христіанъ подаваемое имъ приношеніе и за живыя и за мертвыя"... Но стригольники, конечно, не могли ограничиться этими обвиненіями. Не щадятъ они красокъ и въ характеристикѣ нравственнаго облика пастырей: «сіи учители піаницы суть, ядятъ и піютъ, съ піаницами взимаютъ отъ нихъ и злато и сребро, и порты, отъ живыхъ и мертвыхъ"...

Соблюдая должную послѣдовательность стригольники отъ частностей перешли и къ общему, указывая на несостоятельность всей обрядовой стороны православія. Свои мнѣнія Карпъ излагалъ такъ, что „недостоитъ надъ умершими пити, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за мертвыя приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душу умершаго"...

„... Недостойни суть пресвитери по мздѣ поставляеми, недостойно отъ нихъ причащатися, ни каятися къ нимъ, ни крещенія отъ нихъ принимати".

Стригольники указывали на недостовѣрность священнаго преданія, указывали, что подъ христіанскою Церковью слѣдуетъ понимать лишь такую, гдѣ въ полной силѣ сохраняются исключительно Евангелія и Апостольскія Посланія. Теорія стригольниковъ выясняется намъ изъ обличеній патріарха Антонія, не упускавшаго случая ратоборствовать съ стригольниками. „Вы, стригольници, умаляете христіанъ тѣмъ словомъ,

еже Христосъ реклъ Апостоламъ—„не имѣйте влагалища, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ“. Не рискуя ошибиться, изъ этого можно заключить, что стригольники наши усвоили начала коммунизма, т. е. ученія, отрицающаго всякую собственность, какъ противоестественность. Подобные выводы на Руси были новостью, вещью, всего вѣрнѣе, до того неслыханною; немудрено, что люди обездоленные, голытьба, т. е. многочисленый классъ населенія, сталъ прислушиваться къ диковиннымъ людямъ, столь близко принявшимъ къ сердцу интересы бѣдняковъ. Существенной перемѣны въ своемъ положеніи, они конечно, ожидать не могли, но съ нихъ было достаточно и того открытія, что богатство—вещь неугодная Богу, предусмотрѣнная даже Священнымъ Писаніемъ.

Стригольники въ своемъ ученіи всюду придерживались буквальнаго толкованія Евангелія, въ чемъ помогала имъ недюжинная начитанность. Слова Апостола Павла о предоставленіи права ученія всякому желающему міряпину, они облекли въ дѣйствительность, выбирая изъ своей среды лицъ, на которыхъ и возлагалась обязанность совершать молитву, замѣнявшую упраздненное ими церковное богослуженіе, противъ котораго они любили приводить текстъ: „Всевышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ“.

Уклоняясь отъ таинствъ, принятыхъ въ православной церкви, стригольники удержали таинство покаянія, да и то предписывая каяться въ землю, а не священнику. Короче говоря, стригольники заявили себя рѣшительными врагами всякой обрядности, въ какой-бы формѣ послѣдняя ни проявлялась.

Надо отдать справедливость стригольникамъ: слово и дѣло у нихъ шли рука объ руку. Въ особенности ярко выставлялось практическое пренебреженіе имущественными благами, что особенно изумляло сторонній народъ, мало по малу привыкавшій видѣть въ стригольникахъ людей, дѣйствительно, не совсѣмъ-то отъ міра сего.

Далеко опережали они законное духовенство и своими познаніями въ Священномъ Писаніи, что при всякомъ сравненіи выставляло священство не въ особенно выгодномъ свѣтѣ. Патріархъ Антоній не можетъ не погоревать по этому поводу, замѣчая: „если бы не отъ книжнаго писанія глаголали, кто-бы

послушалъ ихъ: еще бо нѣчто и дивнѣе того реку: и бесерменове... отъ книгъ глаголютъ, но не подобаетъ внимати имъ".

Не могъ пройти незамѣченнымъ строго аскетическій образъ жизни стригольниковъ, среди которыхъ строгій постъ считался необходимымъ условіемъ.

Патріархъ Антоній указывалъ, что „фарисеи таци же бѣша: постишася дважды на недѣли, весь день не ядуще,... таковы-же бѣшя и вся еретицы, постници, молебници и книжницы, лицемѣрници, предъ людми чисти творящесь".

Какъ уже сказано, начало дѣятельности Карпа-стригольника было въ Псковѣ. Оттуда онъ перенесъ ее въ болѣе обширный и многолюдный пунктъ, служившій долгое время культурнымъ ядромъ сѣверо-западной Руси — въ Новгородъ. Первые шаги здѣсь Карпа почему-то оказались неудачными: новообращенныхъ было мало.

А вскорѣ для Карпа дѣло окончилось и совсѣмъ плохо. По почину новгородскаго архіепископа надъ Карпомъ и его ближайшими помощниками былъ наряженъ судъ, приговоромъ котораго всѣ, придерживавшіеся мнѣній стригольниковъ, были отлучены отъ общенія съ православною церковью. А въ 1376 г., новгородцы, возмущенные стойкостью стригольниковъ, подъ воздѣйствіемъ какого-то попа бросили въ Волховъ самого Карпа и дьякона Никиту.

Но и такими мѣрами смирить стригольничество не удалось, ибо казнь Карпа, окруживъ его и прочихъ пострадавшихъ, ореоломъ мучениковъ, только способствовала большей популярности ихъ ученія.

Все дѣло приняло, наконецъ, такіе угрожающіе для церкви размѣры, что пришлось обратиться за разрѣшеніемъ смущавшаго всѣхъ вопроса о еретичествѣ стригольниковъ къ высшему духовному авторитету для тогдашней Руси, именно къ константинопольскому патріарху. Послѣдній написалъ увѣщательную грамоту. Суздальскій епископъ Діонисій, получивъ отъ патріарха полномочіе на борьбу съ стригольничествомъ, дѣятельно распространялъ патріаршее увѣщаніе, но все же утѣшительныхъ результатовъ не видѣлось.

Московскій митрополитъ Кипріанъ, занявшій каѳедру въ послѣднихъ годахъ XIV вѣка, отправился самъ въ Новгородъ,

и тамъ, вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ въ ту пору виѳлеемскимъ митрополитомъ Михаиломъ и полоцкимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ, при ближайшемъ участіи мѣстнаго владыки, образовалъ помѣстный соборъ для рѣшительнаго искорененія стригольничества.

Выпущенъ былъ цѣлый рядъ посланій, грамотъ, разъясненій по поводу всевозможныхъ спорныхъ пунктовъ, на которые опирались стригольники. Казалось, что ересь начинаетъ стихать. По крайней мѣрѣ, о ней ничего не слышно до начала XV в., когда стригольничество снова выплываетъ на свѣтъ, и опять въ Псковѣ и Новгородѣ. Но на этотъ разъ не надолго. Видимо, жизненности было уже мало, энергія у стригольниковъ притупилась, или возможны какія-либо болѣе коренныя, неизвѣстныя намъ причины, но фактъ тотъ, что стригольничество постепенно умирало.

Въ 1427 г. митрополитъ московскій Фотій отправилъ въ Псковъ двѣ грамоты, поднявшія до извѣстной степени въ псковичахъ духъ усердія къ православію. Произведены были многочисленные аресты, благодаря которымъ всѣ болѣе или менѣе передовые еретики были изъяты изъ обращенія.

Оффиціально стригольничество прекратило свое существованіе. Но движеніе, вызванное единомышленниками Карпа, опиравшееся на простой здравый смыслъ, съ теченіемъ времени, претворилось въ новыя формы, зависѣвшія отъ извѣстнаго прогресса мысли и культуры, навѣсило новый ярлыкъ, и снова побрело по Руси, лукаво нашептывая въ уши православному люду, про вѣковѣчную правду, которая стоитъ передъ глазами всякаго, стоитъ только вглядѣться въ нее...

Жидовствующіе.

Знакомымъ повѣетъ на насъ отъ записи, сдѣланной въ пятнадцатомъ вѣкѣ „немудрствующимъ лукаво“ лѣтописцемъ. Онъ разсказываетъ намъ, что на православной Руси появились странные люди съ такими же странными рѣчами. Они задавали богохульные вопросы: „какъ можетъ Богъ на землю сойти и отъ Дѣвы родитися, яко человѣкъ? Давался и отвѣтъ

сейчасъ же: „но ни есть тако; яко пророкъ бѣ подобенъ Моисею, а не равенъ Богу Отцу".

Безхитростный историкъ сообщаетъ намъ, что люди, говорившіе это, „не вѣроваху, еже отъ Пречистыя Дѣвы Богородицы рождеству Его, ни воскресенію Его, ни на иконахъ писаному образу по человѣчеству Господа Іисуса Христа Сына Божія не поклоняхуся, ни Пречистыя Образу, ни Святымъ Его угодникамъ, но хуляще и ругающеся глаголаху: то суть дѣла рукъ человѣческихъ, уста имутъ и не глаголютъ, и прочее; подобни будутъ творящіи и вси надѣющіеся на мя; и такоже божественную службу совершающе ядше и пивше, и тѣло Христово ни во что не вмѣняюще, яко простъ хлѣбъ, и кровь Христову, яко просто вино" [1]).

То были жидовствующіе, прямые продолжатели дѣла стригольниковъ, сумѣвшіе далеко раскинуть сѣть своихъ ученій, и, благодаря талантливости многихъ своихъ членовъ, властно поднявшіе голосъ, въ защиту своего ученія, бороться съ которыми было не такъ то легко, въ силу многихъ условій, благопріятствовавшихъ еретикамъ.

Исторически зарожденіе у насъ ученія жидовствующихъ сложилось такъ.

Въ 1470 году пріѣхалъ въ Новгородъ братъ кіевскаго князя-намѣстника, Михаилъ Олельковичъ, или Александровичъ. Его пригласила къ себѣ литовская партія въ Новгородъ, съ цѣлью держать въ тревогѣ Москву. Это станетъ вполнѣ яснымъ, если вспомнить, что въ Новгородѣ всегда существовали два политическихъ теченія, боровшихся между собою съ перемѣннымъ успѣхомъ. Одни тянули на сторону великаго князя Литовскаго, сосѣда Новгорода, у котораго всегда находили себѣ пріютъ и поддержку всѣ недовольные русскими порядками люди. Литва обѣщала при этомъ Новгороду свою могущественную помощь противъ все усиливающихся притязаній „собирателей земли русской" на старую вольность „господина Великаго Новгорода". Другіе, по нынѣшнему, консерваторы, всецѣло стояли на сторонѣ единовѣрной Москвы. Между обѣими партіями шла постоянная вражда, на-

[1]) Собр. русскихъ лѣтописей. Т. IV, стр. 158—159.

водившая порядочную муть въ отношеніяхъ новгородцевъ между собою, лишая ихъ такимъ образомъ должнаго единства и сплоченности, что въ концѣ концовъ и привело къ политической смерти Новгорода, какъ оригинальнаго республиканскаго государства въ московской монархіи.

Вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ пріѣхалъ въ Новгородъ и нѣкій еврей Схарія.

Это былъ, по обрисовкѣ Іосифа Волоцкаго—„діаволовъ сосудъ, и изученъ всякому злодѣйскому изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же, и со астрологи живши въ градѣ, нарицаемомъ Кіевѣ".

Схарія принадлежалъ, по своимъ убѣжденіямъ, къ особой вѣтви еврейства—караимству.

Караимами назывались и называются евреи, совершенно отрицающіе такъ называемый Талмудъ, т. е. сборникъ религіозныхъ и нравственныхъ поученій, приспособленныхъ къ различнымъ случаямъ жизни, свято почитаемый самою многочисленною категоріею евреевъ-талмудистами. Караимы опираются исключительно на Ветхій Завѣтъ. Совершенно независимо отъ талмудизма и караимства существовала каббала. Послѣдней придерживались іудеи, воспитанные на религіозно-философскомъ ученіи, пытавшемся согласовать религіозныя преданія съ раціональнымъ складомъ мышленія, т. е. въ основаніе оцѣнки каждаго предмета ставящимъ его способность подчиненія научному объясненію.

Какъ разъ въ эпоху переѣзда въ Россію Схаріи, еврейство переживало періодъ своего сильнѣйшаго умственнаго обновленія. О немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, ибо оно несомнѣнно отразилось на многихъ пунктахъ ученія жидовствующихъ, начавшагося распространяться на Руси съ легкой руки Схаріи. Новое теченіе среди еврейства выразилось въ введеніи въ основаніе всякой мысли, всякаго образованія, преобладающаго элемента наукъ естественныхъ, точныхъ, иными словами, разсматривающихъ явленія съ точки зрѣнія критической повѣрки, путемъ осязательнаго опыта. При такихъ взглядахъ несомнѣнно должно было измѣниться и все міровоззрѣніе еврейства, особенно въ теологической своей части, т. е. въ объясненіи мірового механизма исключительно Промыс-

ломъ Божіимъ и Его хотѣніемъ. Нѣкоторыя изъ такихъ возрѣній отразились и на ученіи жидовствующихъ. На такихъ началахъ и строилась на Руси теорія жидовствующихъ.

Схарія былъ по тому времени человѣкъ далеко не заурядный. Кромѣ основательнаго знакомства съ философіею, Схарія былъ хорошо начитанъ въ области богословія, какъ еврейскаго, такъ и христіанскаго.

И вотъ Схарія начинаетъ мало-по-малу пропагандировать новое ученіе. Сперва къ нему присталъ какой-то попъ, именемъ Денисъ, за нимъ другой Алексѣй. Тамъ пріѣхали изъ Литвы земляки Схаріи, Іосифъ Шмуйло - Скорявый и Моисей Ханушъ.

Кружокъ жидовствующихъ становится все шире и шире. Количество еретиковъ разрастается. Попъ Алексѣй привлекъ къ жидовству своего зятя Ивана Максимова, его отца попа Максима, а Денисъ обратилъ протопопа Софійской церкви Гавріила и Григорія Тушина. Оба послѣдніе, пользовавшіеся въ Новгородѣ большимъ вліяніемъ, познакомили съ ученіемъ жидовствующихъ высшіе круги новгородскаго общества, среди котораго жидовство пріобрѣло широкую популярность.

Теоретическая сторона ученія жидовствующихъ выясняется намъ изъ „Просвѣтителя", принадлежавшаго перу яраго борца съ ересью, извѣстнаго поборника православія Іосифа Волоцкаго. Она представляется въ такомъ видѣ. Богъ Отецъ не имѣетъ ни Сына ни Святого Духа, равно какъ и не существуетъ Святой Троицы. Все относящееся въ Священномъ Писаніи къ Слову и Духу, слѣдуетъ понимать въ прямомъ смыслѣ. Сынъ Божій, о которомъ вѣщали пророки, долженъ быть таковымъ не по существу, а по благодати.

И этотъ Мессія еще не народился.

Іисусъ же Христосъ не Богъ, а простой человѣкъ. Погибнувъ на крестѣ смертью, онъ не можетъ болѣе воскреснуть.

Настоящій Мессія будетъ Сыномъ Божіимъ по благодати, какъ Моисей, Давидъ и пр. Воплощеніе Божіе въ человѣка совершенно не вызвано было настоятельною въ томъ необходимостью.

Если Іисусъ Христосъ былъ не Сынъ Божій, а обыкновен-

ный человѣкъ, то такими же людьми должно считать и всѣхъ Его апостоловъ.

Изображеніе на иконахъ Пресвятой Троицы—дѣло, совершенно неугодное Богу. Начало его слѣдуетъ искать въ ошибочномъ пониманіи библейскаго текста, который буквально гласитъ, что „Авраамъ бо пріятъ и учреди Бога съ двѣма ангелома“.

Всякому вѣрующему человѣку всячески слѣдуетъ уклоняться отъ почитанія всѣхъ вообще иконъ, креста, евангелія, Таинъ Христовыхъ, мощей и храмовъ. Не соблюдающіе этого явно нарушаютъ волю Божью, переданную людямъ чрезъ Моисея въ запрещеніи поклоняться какому бы то ни было творенію рукъ человѣческихъ. Это же приказаніе Божіе подтверждается и во Второзаконіи (6,13): „Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши“.

Идея монашества, сильно пришедшаяся по душѣ православному человѣку, нашла себѣ сильное порицаніе въ ученіи жидовствующихъ. По словамъ „Просвѣтителя“, жидовствующіе обвиняли монаховъ въ произвольномъ искаженіи естественнаго образа жизни, освященнаго даже и такими высокими и безспорными нравственными авторитетами, какъ пророки.

При этомъ жидовствующіе прибѣгали къ ловкимъ пріемамъ, ссылаясь на примѣръ самого Іисуса Христа, постоянно искавшаго сообщества, а не избѣгавшаго его. Если—говорили жидовствующіе—Іисусъ Христосъ, въ Котораго вы, православные, вѣруете и котораго считаете истиннымъ Сыномъ Божіимъ, не пожелалъ стать отшельникомъ, то по какому праву Его послѣдователи, называющіе себя христіанами, идутъ въ разрѣзъ велѣніямъ Учителя? Моисей, несомнѣнно, имѣлъ въ виду монашествующихъ, изрекая имъ грозное осужденіе: „проклятъ всякъ, иже не возстановитъ сѣмени во Израили“ (Второзак. 25, 5—9).

Вотъ въ краткихъ словахъ важнѣйшіе пункты ученія жидовствующихъ, какъ намъ передаетъ Іосифъ Волоколамскій въ своемъ знаменитомъ твореніи „Просвѣтитель“. Правда, Іосифъ всецѣло отразилъ свою богато одаренную натуру, смѣло и стойко боровшуюся съ ненавистною ересью; въ силу этого въ его полемическомъ изложеніи ученія жидовствующихъ попадается немало противорѣчій и недоговоренностей, которыми и

изрядно затемняется истинный смыслъ и характеръ дѣятельности еретиковъ.

Такъ напримѣръ въ первыхъ четырехъ „словахъ“ [1]) ясно указывается, что послѣдователи Схаріи совершенно отказывались признавать основныя истины христіанства, всецѣло проповѣдуя еврейство въ его чистомъ, не обезображенномъ посторонними вліяніями, видѣ. А уже 5-е „слово“ указываетъ, что сомнѣвались въ одномъ лишь явленіи св. Троицы Аврааму, и свою теорію о грѣховности изображенія ея на иконахъ строили на разногласіяхъ между великими авторитетами церкви по этому вопросу.

Вообще, касательно догматики жидовства, „Просвѣтитель“ даетъ свѣдѣнія самыя противорѣчивыя. И такія неточности, разсыпанныя по всему творенію современника движенія жидовствующихъ, невольно возбуждаютъ сомнѣніе въ вѣрности изложенія ереси, столь ярко выразившейся въ духовно жизни русскаго народа XV вѣка.

12 декабря 1484 г. архіепископомъ новгородскимъ былъ назначенъ чудовскій архимандритъ Геннадій, личность крупная, съ рѣзкой волей и неуклонностью заявившая себя въ борьбѣ съ еретическимъ движеніемъ.

Узналъ новый новгородскій владыка о существованіи въ Новгородѣ ереси случайно: четверо тайно жидовствующихъ въ пьяномъ видѣ проболтались о своихъ взглядахъ. Довели объ этомъ до свѣдѣнія Геннадія. Послѣдній не замедлилъ донести московскому митрополиту Геронтію. Тотъ, не совсѣмъ ладившій съ Геннадіемъ, не торопился браться за сыскъ, къ тому же еще побаиваясь великаго князя; оказалось, что пока дѣло шло, ересь перекинулась уже въ Москву и привилась даже среди ближайшихъ къ великому князю Іоанну III людей, ссориться съ которыми митрополиту не было никакой охоты.

Донесеніе Геннадія о вредной сектѣ положили въ Москвѣ „подъ сукно“. Но Геннадій, взявшись за искорененіе ереси, не желалъ сдаваться, и обратился за посильнымъ содѣйствіемъ

---

[1]) По содержанію весь „Просвѣтитель“ можно раздѣлить на двѣ части: историческую въ 16 „словахъ“ и чисто полемическую, охватывающую 16 „словъ“.

къ своему хорошо знакомому епископу сарскому Прохору, жившему въ ту пору въ Москвѣ.

Геннадій, изложивъ ходъ дѣла, убѣдительно просилъ Прохора взяться за князя и повліять на него, въ смыслѣ необходимости серьезной и энергической борьбы съ ученіемъ жидовствующихъ, часъ отъ часу становившихся все смѣлѣе и безотвѣтственнѣе въ распространеніи своего ученія. Теперь еретики уже чувствуютъ твердую почву подъ ногами. Ихъ общество насчитываетъ въ своей средѣ такихъ видныхъ московскихъ дѣятелей, какъ симоновскій архимандритъ Зосима, дьяки Истома и Сверчокъ; близкое участіе въ ихъ судьбахъ принимаетъ симпатизирующій новому движенію одинъ изъ выдающихся умовъ дореформенной Руси, близкій сердцу Іоанна III думный дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. Чрезъ нихъ то жидовство проникаетъ въ высшіе слои общества, невѣстка великаго князя Елена прислушивается къ увлекательному толкованію свободомыслящихъ послѣдователей умнаго еврея Схаріи. Наконецъ, дѣло доходитъ до того, что самъ „собиратель“ Руси, оказывается, благосклонно относится къ подпольной работѣ еретиковъ, повидимому, поставившихъ главною цѣлью борьбу съ духовенствомъ, чего Іоаннъ III, какъ тонкій политикъ, не могъ не одобрить. Кто знаетъ, быть можетъ въ головѣ Іоанна III не разъ бродила мысль о возможномъ обращеніи въ государственную собственность громаднѣйшихъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, въ цѣляхъ пополненія финансовъ, столь необходимыхъ при тогдашнемъ растроенномъ состояніи казны. Да и личнымъ наклонностямъ Іоанна, человѣка съ необузданною волею и размахомъ, не въ духѣ скромныхъ богобоязненныхъ князей, ученіе жидовствующихъ о свободѣ человѣка, растяжимость ихъ понятія о грѣхѣ, соотвѣтствовали какъ нельзя болѣе.

Не будь новгородскаго владыки Геннадія, ересь возросла бы до такихъ размѣровъ, что борьба съ нею могла оказаться бы прямо не по силамъ ревнителямъ строгаго православія.

Но Геннадій не дремалъ. Въ январѣ 1488 г. онъ обратился съ посланіями къ находившимся въ ту пору въ Москвѣ епископамъ Нифонту Суздальскому и Филоѳею Пермскому, усердно прося ихъ, „чтобы они потщились тому дѣлу исправленіе учи-

пити, занеже како нынѣ продлилося то дѣло обыскъ ему не крѣпко чинится... еретикамъ ослаба пришла, уже наругаются христіанству".

Мало-по-малу ересь совершенно водоизмѣнилась въ своемъ внутреннемъ содержаніи, перейдя въ полнѣйшее отрицаніе всѣхъ истинъ, дорогихъ сердцу всякаго христіанина. Жидовство впитало въ себя, такъ сказать, всѣ извѣстныя тогда теченія сомнѣвающагося ума, претворивъ ихъ въ своеобразную систему.

Іосифъ Волоколамскій, долго и дѣятельно работавшій надъ изученіемъ ереси, прямо сознается, что въ ученіи жидовствующихъ заключаются *ереси многи*. Геннадій тоже отказывается видѣть въ новгородскихъ еретикахъ просто уклонившихся послѣдователей Моисеева закона: „обрѣтохъ здѣ"—говоритъ онъ по словамъ „Просвѣтителя"—еретиковъ жидовская мудрствующихъ; покрытыжъ суть оныхъ еретихъ клятвенною укоризною, маркіанскія глаголю и мессаліанскія... и како ихъ спроси, и онъ говоритъ: азъ де православный христіанинъ, а того своего дѣла запрелся. Ино то въ нихъ не одно Июдейстово. А что ни есть ересей мессальянскихъ, то все они мудрствуютъ, жидовскимъ десятословіемъ людей только прельщаютъ, яко нествующе мнятся".

Посланіе Геннадія къ двумъ епископамъ не осталось безъ воздѣйствія. И Нифонтъ и Филоѳей принялись за давленіе на князя. Пришлось тому уступить, созвать нѣчто въ родѣ малаго помѣстнаго собора, куда и было представлено на разсмотрѣніе все дѣло о новгородскихъ еретикахъ.

Соборъ порѣшилъ поручить Геннадію произвести основательный розыскъ, наблюдая, „чтобы христіанство въ возмущеньи не было, а церковь Божія безмятежна была".

Полномочіе то Геннадію было дано, правда, но дѣло тормозилъ московскій митрополитъ Геронтій, несомнѣнно, сочувствовавшій необходимости искорененія зловредной, съ точки зрѣнія приверженцевъ Іосифа Волоколамскаго, ереси, но нерѣшительный. Послѣдній, вѣроятно, мало ошибался, давая Геронтію, такую характеристику, что „самъ же (Геронтій) убо христіанская мудрствуя, о прочихъ же ни мало попечеся, погибающимъ, увы мнѣ, Христовымъ овцамъ еретическимъ ученіемъ,

или грубостью одержимъ, или не радяше о семъ или бояшася державнаго“.

Какъ бы то ни было, но ревностно начатое разслѣдованіе не повлекло за собою ощутительныхъ практическихъ результатовъ, такъ что Геннадій горько жаловался ростовскому архіепископу, что въ Москвѣ „положили дѣло ни за что“.

Вскорѣ Геронтій умеръ.

Вожаки жидовствующихъ еще за девять лѣтъ до смерти митрополита весьма дальновидно перенесли главную свою дѣятельность въ Москву.

Здѣсь ловко и смѣло работали двое агентовъ жидовствующихъ, пользовавшіеся вдобавокъ благосклонностью Іоанна III. То были попъ Алексѣй, самимъ великимъ княземъ назначенный въ протопопы въ Успенскій соборъ, да попъ Денисъ, занимавшій священническое мѣсто въ Архангельскомъ соборѣ. Оба они „таяхуся, якоже зміевѣ въ скважинѣ“, пропагандировали чрезвычайно осторожно, сумѣвъ захлестнуть своимъ ученіемъ даже людей, доселѣ очень стойкихъ въ отеческой вѣрѣ.

Такимъ образомъ выходило, что Геннадій старался срубить вѣтви ереси въ Новгородѣ, слишкомъ поздно дознавшись, что корень растетъ въ Москвѣ, къ тому же въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бороться съ нимъ не такъ то легко и безопасно.

За смертью Геронтія освободилась митрополичья каѳедра. Ея занялъ „свой человѣкъ“ жидовствующимъ—симоновскій архимандритъ Зосима, назначенный великимъ княземъ, котораго уже, несомнѣнно, успѣли „обойти волхвованіемъ“.

Геннадій былъ совершенно устраненъ отъ участія въ духовномъ соборѣ, созваннаго ради приличія для избранія новаго митрополита. Положеніе владыки становилось все болѣе щекотливымъ. Пытались даже все свалить съ больной головы на здоровую, затребовавъ отъ Геннадія такъ называемаго исповѣданія вѣры, что, обыкновенно, практиковалось при рукоположеніи епископа въ санъ. А въ примѣненіи этой мѣры къ себѣ Геннадій не могъ не усмотрѣть явной обиды.

Теперь еретики, пользуясь тѣмъ, что на каѳедрѣ въ Москвѣ сидитъ ихъ ставленникъ, опираясь на полную безнаказанность, смѣло подняли голову, дойдя при этомъ до совершенно неизвинимыхъ крайностей. Такъ, напримѣръ, нѣкій жидовствующій

подъячій, именемъ Алексѣй Костинъ, въ пьяномъ, правда, видѣ, забрался въ часовню „да снявъ съ лавицы икону Пречистыя, на нее скверную воду спускалъ и иныя иконы вверхъ ногами переворачивалъ“.

Долго Геннадій терпѣлъ ересь, но, наконецъ, ему стало положительно не въ силу сносить дерзость еретиковъ, и онъ рѣшилъ обратиться съ открытымъ посланіемъ къ митрополиту, поставивъ весь вопросъ на строго-офиціальную почву, чтобы тѣмъ лишить еретичествующаго Зосиму прибѣгать къ какимъ бы то ни было увѣрткамъ.

Геннадій поименно перечисляетъ извѣстныхъ ему наиболѣе опасныхъ гонителей православія, указывая на долгъ митрополита, какъ пастыря, и его великую отвѣтственность, какъ блюстителя чистоты христіанства въ русскомъ государствѣ.

Ту же мысль Геннадій подробно развилъ въ другомъ посланіи, обращенномъ къ нѣсколькимъ епископамъ.

Зосиму приперли, какъ говорится, къ стѣнѣ. Ему не оставалось ничего другого, какъ согласиться на внесеніе въ ближайшій имѣющій быть соборъ вопросъ о еретичествѣ, и о мѣрахъ борьбы съ нимъ. 17 октября 1490 года открылся соборъ.

Геннадій не получилъ приглашенія на соборъ, несмотря на все свое желаніе присутствовать на немъ. На соборѣ мнѣнія архипастырей по поводу назначенія наказанія упорствующимъ еретикамъ раздѣлились, перевѣсъ остался, наконецъ, на сторонѣ митрополита, рѣшительно воспротивившагося смертной казни еретиковъ. По словамъ историка Татищева митрополитъ прямо заявилъ, что „достоитъ еретиковъ проклятію предати и сослати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу, зане мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшнія обращати къ покаянію“.

Къ подобному взгляду Зосимы присоединились и пользовавшіеся громаднымъ уваженіемъ народа подвижники Нилъ Сорскій и Паисій Ярославовъ, отнесшіеся къ ереси съ точки зрѣнія глубокаго проникновенія истинно-христіанскимъ всепрощеніемъ.

Не мало, конечно, среди соборныхъ судей было лицъ, сочувствовавшихъ движенію жидовствующихъ, но напоръ строго-православной части общества былъ настолько силенъ, что явно

выступить на защиту еретиковъ было не совсѣмъ то безопасно.

Въ концѣ концовъ рѣшеніе собора свелось къ тому, что были обвинены: протопопъ Гавріилъ, священники Денисъ, Максимъ, Василій, дьяконы Макарій и Самуилъ, чернецъ Захаръ и дьякъ Самсонка въ томъ, что они старались развратить чистую и непорочную вѣру въ Бога, въ Троицу славимаго, и погубить православное христіанство, отвергая Божество Іисуса Христа, Его воплощеніе отъ Пресвятой Дѣвы Маріи и воскресеніе, считая Его пророкомъ, подобнымъ Моисею, а не равнымъ Богу Отцу; ругались святыми иконами, называя ихъ, наравнѣ съ идолами, дѣломъ рукъ человѣческихъ; совершали литургію по принятіи пищи и питья; ни во что считали Тѣло и Кровь Христову въ таинствѣ евхаристіи, держались больше ветхаго завѣта и праздновали пасху по іудейски; въ среду и пятокъ ѣли мясо и молоко, и совершали другія еретическія дѣла и многихъ простыхъ людей прельстили своими ересями.

Еретики были всѣ преданы церковному проклятію, произнесенному надъ ними съ особою торжественностью, по плану, выработанному торжествующимъ Геннадіемъ. Ересь была открыто осуждена, но практическихъ результатовъ было немного. Всѣ наиболѣе вліятельные и потому опасные еретики, дѣйствовавшіе съ большею осторожностью, избѣгли преслѣдованія, временно, впрочемъ, прекративъ свою пропаганду, въ ожиданіи лучшаго для нихъ времени. А послѣднее было уже не за горами.

Наступалъ 1492 г. Его Русь ожидала со страхомъ и трепетомъ. Издавна съ востока, главнымъ образомъ изъ Византіи, дошло къ намъ повѣріе, что въ 1492 году, съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ наступитъ и конецъ міра. Такъ думалъ не только простой народъ, но и многіе ученые богословскіе авторитеты Византіи, исходя изъ туманно мистическаго толкованія чиселъ, означавшихъ имена Моисея, Іисуса Христа и Креста. Такая мрачная увѣренность въ неминуемомъ близкомъ страшномъ судѣ была настолько велика и непоколебима, что даже пасхаліи—то-есть календарныя обозначенія празднованія Св. Пасхи—были доведены до 1492 г., за которымъ, по свидѣтельству Геннадія, писался полный тоскливаго описанія стихъ: „здѣ страхъ,

здѣ скорбь; аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и по конецъ явися въ неже чаемъ и всемірное Твое пришествіе" И чѣмъ ближе дни подходили къ роковому году, тѣмъ все болѣе и болѣе „о семъ многимъ сомнѣніе бысть" Припоминали между прочимъ люди книжные слова Соломона „даждь часть седьмымъ же и осьмымъ", приводили мнѣніе Никифора Каллота—историка XIV в.—„глаголется же, яко седьми тысящь лѣтъ будетъ приходъ Іисуса Христа".

Предположеніе о связи между седьмой тысячью лѣтъ и наступленіемъ конца свѣта, основанное, въ сущности, на произвольномъ и ошибочномъ толкованіи нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ святоотеческихъ твореній, вѣками врастая въ умы, наконецъ, получило характеръ какого-то, самою церковью освященнаго, новаго пункта исповѣдыванія христіанства. И поэтому, когда тяжелый 1492 годъ миновалъ вполнѣ благополучно, то жидовствующіе и не преминули воспользоваться новымъ оружіемъ противъ истинности православія. Еретики, притворяясь немало изумленными, наивно задавали и безъ того смущенному люду коварные вопросы: „какъ же это? семь тысячъ лѣтъ окончились, и пасхалія изошла, а Христосъ не приходитъ? Стало быть, всѣ ваши священныя книги завѣдомо толкуютъ ложь и вѣрить имъ нельзя?

Вотъ теперь то понемногу сталъ снимать съ себя маску смиренія и самъ ставленникъ жидовствующихъ—митрополитъ Зосима—человѣкъ—по отзыву Іосифа Волоколамскаго „и объядайся, и уповаіся и свинскимъ житіемъ живый". Зосима открыто принялся за пропаганду, и „обрѣтаяприснѣйшихъ, напоялъ ихъ ядомъ жидовскимъ". Свой отрицательный взглядъ на православіе Зосима проводилъ въ жизнь самымъ рѣзкимъ образомъ, складывая, напримѣръ, иконы и прочія принадлежности богослуженія въ нечистыхъ мѣстахъ (?!).

Вѣрнѣе всего, что Зосима не былъ фанатикомъ новаго ученія, а просто теорія жидовствующихъ, удѣлявшая не мало мѣста свободѣ человѣческой воли, давала болѣе простора его неуравновѣшеннымъ наклонностямъ. Но имъ широко пользовались дѣйствительные сторонники жидовства, люди, счи-

[1]) Рукопись библіотеки Спб. Дух. Акад. № 1421. стр. 129.

тавшіе себя глубоко убѣжденными въ великомъ смыслѣ „освободительнаго движенія“ въ области духа человѣческаго, люди, не смотря на свои заблужденія, стоявшіе головою выше своихъ малокультурныхъ соплеменниковъ. Они то и группировались, главнымъ образомъ, вокругъ дьяка Курицына. Кружокъ Курицына, изображавшій что-то вродѣ центральнаго комитета, велъ пропаганду умѣло, чѣмъ и объясняется не малый успѣхъ ученія жидовствующихъ. Излюбленнымъ пріемомъ каждаго агитатора, уже искусившагося въ полемикѣ, были своеобразныя толкованія Св. Писанія. Немудрый русскій человѣкъ не могъ не послушать рѣчистаго толкователя Словъ Христа, и къ концу XV вѣка „толико бысть смущеніе въ христіанѣхъ, якова же никогда не быша отнели же солнце благочестія начатъ возсіяти въ Русской земли“.

При такомъ положеніи вещей, несомнѣнно представлявшемъ крупную опасность для православія на Руси, архіепископъ Геннадій, долго искавшій себѣ надежныхъ соратниковъ въ борьбѣ съ упорнымъ врагомъ, наконецъ, нашелъ дѣятеля, не побоявшагося выступить противъ жидовствующихъ. Новый борецъ православія далеко оставилъ за собою самого Геннадія. То была личность, что называется, историческая, и разъясненіе характера ея дастъ возможность легче выяснить себѣ эпоху, въ которой широко развернулось движеніе жидовствующихъ.

Здѣсь разумѣется Іосифъ Волоколамскій.

Говоря о послѣднемъ, обыкновенно, припоминаютъ и его полную противоположность, одновременно съ нимъ работавшаго, старца Нила Сорскаго. Оба они стоятъ, безъ сомнѣнія того, чтобы на нихъ остановиться болѣе подробно.

Іосифъ Волоколамскій — въ мірѣ Санинъ — родился въ 1439 или въ 1440 году. На восьмомъ году его отдали въ ученіе въ монастырь. Сохранилось извѣстіе, что уже въ раннихъ лѣтахъ Іосифъ отличался начитанностью. Юноша Іосифъ уже разсуждаетъ на тему о скоротечности земной жизни. Окончивъ монастырское ученіе, Іосифъ возвратился къ отцу—вотчиннику изъ Волоколамска,—но очень скоро его стало сильно тянуть къ монастырской жизни. Особенно привлекалъ его своимъ строгимъ уставомъ монастырь Пафнутія Боровскаго, и туда то направился юный любитель аскетической жизни. 20 лѣтъ отъ

роду Іосифъ принялъ монашество, и ровно 18 лѣтъ пробылъ въ монастырѣ Пафнутія. Такимъ образомъ ко времени вызова его Геннадіемъ ему было лишь 40 лѣтъ.

Что такое представлялъ собою Іосифъ?

Его нельзя назвать человѣкомъ широко образованнымъ, хотя бы и въ предѣлахъ XV в. „Еллинская хитрость" и „чернокнижное волхвованіе" совсѣмъ не привлекали къ себѣ Іосифа. Онъ ненавидѣлъ ихъ всѣми силами своего ума, сердца. Всѣ помыслы Іосифа сводились исключительно къ вѣрѣ, въ ней черпалъ онъ свои силы, она давала смыслъ и направленіе всей его жизни и дѣятельности. Слово Божіе—единственный его авторитетъ. „Все что не отъ Писанія—любилъ повторять Іосифъ—то отъ діавола". И такое отношеніе къ свѣтской мудрости, презрѣніе къ ея выводамъ, указаніямъ правового характера, имѣло своимъ послѣдствіемъ вполнѣ понятную неспособность разобраться въ вопросахъ хотя бы каноническихъ, гдѣ постановленія вселенскихъ соборовъ и поправки къ нимъ византійскихъ императоровъ, имѣли въ глазахъ Іосифа одинаковую цѣнность и важность. Богословъ-самоучка—Іосифъ изучалъ св. Писаніе самостоятельно, изучалъ ревностно, и остался вѣренъ буквѣ... духъ остался гдѣ-то вдалекѣ. Суровый идеалъ, созданный еврейскою Библіей, ея грозные образы ветхозавѣтныхъ обличителей-пророковъ, были, навѣрное, ближе душѣ Іосифа, нежели примирительное направленіе Евангелія, съ его постоянною проповѣдью любви, кротости, мягкости и снисхожденія.

Іосифа Волоколамскаго прямо характеризуетъ названіе „цѣльной натуры". Ярко огненными буквами постоянно пламенѣлъ предъ нимъ созданный имъ символъ вѣры—уклоненій отъ него онъ не вѣдалъ.

Православіе составляло для Іосифа святая святыхъ души, но въ пониманіи его задачъ и характера служенія его идеѣ, Іосифъ не смогъ шагнуть впередъ вѣка. Отсюда, станетъ, пожалуй, понятна нѣкоторая двойственность въ поступкахъ Іосифа. Строгій аскетъ не покажется страннымъ въ роли матеріалиста-игумена, дѣятельно заботившагося о приращеніи монастырскаго имущества, для каковой угодной, по мнѣнію Іосифа цѣли, имъ широко практиковалась система принятія до-

брохотныхъ вкладовъ мірянъ „на поминъ души“. Къ однимъ Іосифъ требуетъ примѣнять предписанія евангельской любви въ полномъ ея объемѣ, другихъ же, безъ всякаго мучительнаго сомнѣнія, какъ еретиковъ, совѣтуетъ послать на костеръ. И это не расшатанность убѣжденій, а стойкое служеніе дѣлу церкви, ярая защита ея интересовъ, хотя, можетъ быть, неправильно, съ точки зрѣнія XX вѣка, понимаемыхъ.

Словомъ говоря, Геннадій передалъ дѣло преслѣдованія въ руки, надежнѣе и пригоднѣе которыхъ найти трудно было.

Сила воли, стойкость, убѣжденность, талантъ личности, столкнулись съ правильно организованнымъ обществомъ; столкнулись двѣ идеи, встрѣтились два міровоззрѣнія, съ различными цѣлями и направленіями. Млѣла мысль, рвавшаяся на просторъ, ломались цѣпи...

Живое то было время. „Нынѣ и въ домѣхъ и въ путехъ и на торжищахъ, иноци и мірстіи, и вси сумнятся, вси о вѣрѣ пытаютъ, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ни отъ еретиковъ и отъ отступниковъ Христовыхъ“.

Первымъ письменнымъ памятникомъ открытаго участія Іосифа въ борьбѣ съ жидовствомъ, можно считать посланіе его къ Нифонту, епископу суздальскому, относящееся къ 1493 г. Въ немъ Іосифъ первымъ мѣропріятіемъ противъ еретиковъ считаетъ необходимость поставленія новаго митрополита, уже чисто православнаго и искренняго сына своей церкви. Нынѣшній же митрополитъ—„скверный и злобистый волкъ въ пастырской одеждѣ“.

Посланіе Іосифа, написанное смѣло и страстно, не прошло незамѣченнымъ. Митрополитъ Зосима устыдился обличеній Іосифа и снялъ святительскій санъ.

На его мѣсто соборъ іерарховъ выбралъ игумена Троице-Сергіева монастыря, Симона. Но великій князь, прежде всего политикъ, боявшійся видѣть рядомъ съ собою хотя тѣнь власти, даже и въ лицѣ духовенства, все по прежнему симпатизировалъ жидовствующимъ, а съ такимъ настроеніемъ Іоанна III новопоставленный митрополитъ Симонъ не желалъ не считаться.

Но что было неудобнымъ для осторожнаго и недалекаго Симона, того не убоялся Іосифъ, уже извѣстный на Руси игу-

меиъ неслыханной строгости монастыря, не знавшій трепета предъ земными владыками, тонкій психологъ къ тому же, задѣвшій чувствительную струнку государя. Прежде грозный Іоаннъ III съ годами, что называется, размякъ. Вся тяжелая работа его по утвежденіи единовластія на Руси пришла къ давно желанному концу, собирательная дѣятельность великаго князя увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, всѣ враги уже сломлены, опасныхъ соперниковъ за власть нѣтъ— всѣ они убиты, умерли, казнены—смута вездѣ залита кровью, все подчинилось отцу будущаго Грознаго — а годы уже старческіе... Жить осталось мало, почти видна могила, грѣховъ— не перечтешь. Страхъ смерти, и неизбѣжность судилища Господня все чаще и чаще заглядываютъ въ душу уже износившагося князя. Чѣмъ замолить грѣхъ? Какъ омыть грѣховную душу? И вдругъ страшная мысль, новая, забытая, разомъ встаетъ во всей своей силѣ, наводитъ еще болѣе тоску...

Іоаннъ кается. „Я зналъ новгородскихъ еретиковъ"—говоритъ онъ Іосифу,— „и ты прости меня въ томъ". Но Іосифъ, какъ служитель оскорбленной Іоанномъ церкви, можетъ простить его лишь тогда, если онъ усерднымъ искорененіемъ ереси загладитъ тяжкій грѣхъ общенія съ врагами Христовыми.

Мало по малу Іосифу удалось добиться отъ великаго князя приказаніе ѣхать въ Новгородъ и другіе города, для сыска еретиковъ. Но у князя осталось еще одно сомнѣніе: „какъ писано, нѣтъ ли грѣха казнить еретиковъ?" Іосифъ успокаиваетъ совѣсть Іоанна, приведя слова изъ писанія Павла къ евреямъ: „аще кто отвержется закона Моисеева при двою или тріехъ свидѣтелѣхъ, умираетъ, кольми наче иже Сына Божія поправъ и Духа благодати укоривъ..."

Но казнить еретиковъ Іоаннъ все еще не рѣшался, боясь къ старымъ грѣхамъ прибавить новые.

Въ вопросѣ о преданіи еретиковъ казни Іосифъ встрѣтилъ самое рѣшительное противодѣйствіе со стороны иного рода лицъ, во главѣ съ отраднѣйшимъ явленіемъ древней Руси— преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ.

Іосифъ Волоколамскій и Нилъ Сорскій—два полюса въ области мысли вообще, и религіозной въ частности. Они знаме-

нують два теченія, рѣзко отличаясь между собою, причемъ одно— ставитъ въ символъ своего исповѣданія букву закона, другое во всемъ ищетъ духъ, животворное начало. И тепломъ, сердечностью, отзывчивостью вѣетъ отъ людей, радостно понявшимъ *смыслъ* великихъ завѣтовъ Христа, обращавшаго свои слова къ труждающимся и обремененнымъ непосильною ношею міра сего.

Вотъ почему человѣчество всегда съ благодарностью вспомнитъ о носителѣ кристальной идеи Сына назаретскаго плотника, въ рваномъ рубищѣ, съ непокрытою головою, разъяснявшаго цѣль жизни, учившемъ, что̀ надлежитъ дѣлать чтобы достигнуть высшаго духовнаго равновѣсія, именуемаго счастьемъ, въ благороднѣйшемъ опредѣленіи этого понятія. И къ числу такихъ то душъ, жадно воспріявшихъ сѣмена ученія Христа, и принадлежитъ и нашъ Нилъ Сорскій.

Свѣдѣнія біографическія о Нилѣ до-нельзя скудны. Единственное извѣстіе о его происхожденіи сообщаетъ намъ только что Нилъ „бѣ родомъ отъ великаго града Москвы“. Родился онъ около 1433 г.; принадлежалъ, вѣроятно къ крестьянству. По крайней мѣрѣ, Нилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій вскользь говоритъ о себѣ, называясь „поселяниномъ“. Мірское имя его было—Майковъ, или—говоря словами одной записи о соборѣ 1503 г.—*по реклу Майковъ*. Рано попалъ въ монастырь. Кругозоръ Нила несомнѣнно расширило путешествіе его на Востокъ, во время котораго онъ посѣтилъ Аѳонскую гору и Царьградъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ въ сильной степени объясняется присущая Нилу склонность къ созерцательной жизни, обязанная своимъ зарожденіемъ Востоку съ его особенностями.

Возвратившись съ Востока, Нилъ, около рѣчки Сорки, на мѣстѣ пустынномъ, дикомъ и мрачномъ, основалъ свой скитъ. Видъ этого мѣста съ перваго разу даетъ понять о томъ, чего здѣсь искалъ святой. Первоначально Нилъ жилъ здѣсь отшельникомъ, но скоро стали возлѣ него селиться и другіе; Нилъ разрѣшалъ жить съ нимъ только на томъ условіи, чтобы живущіе „хранили заповѣди Божія и творили преданія св. отецъ“. Такъ было положено начало Нило-Сорской пустыни. Нилъ Сорскій постоянно проповѣдовалъ аскетизмъ, понимая его, какъ внутреннее самоуглубленіе, какъ необходимость по-

стояннаго наблюденія за искорененіемъ дурныхъ инстинктовъ, путемъ немедленной самокритики. И въ переработкѣ грѣховной души тщательнымъ очищеніемъ ея отъ всевозможныхъ наростовъ—Нилъ видитъ прямое и единственное предназначеніе иночества. Все міропониманіе Нила, его воззрѣнія на духовный подвигъ человѣка, вполнѣ ясны изъ его основныхъ положеній. „Напрасно,—говоритъ Нилъ Сорскій,—„думаютъ, что дѣлаетъ доброе дѣло тотъ, кто соблюдаетъ постъ, метаніе, бдѣніе, псалмопѣніе, и на землѣ лежаніе, онъ только согрѣшаетъ воображая, что все это угодно Богу; суетно трудится и тотъ, кто имѣя слезы и проливая ихъ, думаетъ, что дѣлаетъ доброе, а тѣмъ болѣе, если превозносится этимъ предъ другими, не имѣющими слезъ... Ни чтеніе молитвъ, ни прилежное богослуженіе, ни иные какіе труды, не ведутъ сами по себѣ къ спасенію безъ внутренняго дѣланія... Всякій можетъ вкушать хорошую пищу, но только съ воздержаніемъ. Лучше съ разумомъ пить вино, нежели съ преозорствомъ воду. Будемъ знать, что пища и питье сами по себѣ ничего не значатъ, но все заключается въ вѣрѣ, сопровождаемой любовью и дѣлами. Если всякому дѣланію послѣдуетъ вѣра, то нельзя осуждать пьющаго и ядущаго съ вѣрой; ибо только то грѣхъ, что не отъ вѣры. Безмѣрный постъ и воздержаніе приносятъ еще болѣе вреда, чѣмъ яденіе до сытости, потому что отъ него внутренній фарисей воспитуется...

Иноческій уставъ Нила былъ составленъ сообразно съ выстраданнымъ имъ взглядомъ на природу человѣка. Изъ видовъ иноческаго житья Нилъ рекомендуетъ скитскій, какъ наиболѣе соотвѣтствующій, по его мнѣнію, идеалу монашества. Нилъ былъ кромѣ того ярымъ безсребникомъ, окончательно отвергавшимъ владѣніе монахами или монастыремъ какого-либо имущества. Такую точку зрѣнія совершенно не раздѣлялъ Іосифъ Волоколамскій, указывавшій на то обстоятельство; что „аще у монастырей селъ не будетъ—како честному и благородному человѣку постригися, и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію, или архіепископа, или епископа и на всякія честныя должности? А какъ не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ иноковъ—вѣрѣ поколебаніе будетъ“. Нилъ возражалъ, что святыми отцами намъ особенно строго заповѣдано; чтобы мы

пріобрѣтали себѣ пищу и все нужное отъ праведныхъ трудовъ своего рукодѣлья и другою работою. Собираніе же имѣній—по насилію и отъ другихъ трудовъ—совсѣмъ намъ не на пользу. Какъ можемъ мы, обладая всѣмъ этимъ, исполнить заповѣдь Господню: хотящему съ тобою судитися и одежду твою взяти отдаждь и срачицу. Идеи Нила Сорскаго о внутреннемъ христіанствѣ,—или выражаясь его подлинными словами—„умномъ дѣланіи, дѣятельно развивалъ и обобщалъ ближній его ученикъ инокъ Вассіанъ Косой, въ мірѣ князь Патрикѣевъ, насильно постриженный Іоанномъ III. Вассіанъ по своей манерѣ писать подходилъ болѣе всего къ теперешнему типу популяризатора-публициста отвлеченной теоріи. Всѣ писанія Вассіана проникнуты ироническимъ тономъ и рѣзкостью, совершенно отличными отъ смиренія его учителя.

Малу-по-малу среди духовенства и вообще тогдашней интеллигенціи ясно опредѣлились два теченія, двѣ партіи: „іосифлянъ"—и сторонниковъ Нила Сорскаго. На сторону послѣдняго стало все передовое, мыслящее, прогрессивное—примѣнясь къ современнымъ намъ терминамъ, поскольку вообще Русь XV—XVI столѣтій можно считать способною къ воспріятію понятій гуманизарности.

Различіе во взглядахъ Іосифа и Нила особенно ярко сказалось въ вопросѣ о казни еретиковъ. Неумолимый Іосифъ, не видѣвшій предъ собою ничего, кромѣ надвигающейся грозной опасности вѣками освященнымъ церковнымъ традиціямъ и порядкамъ, доказывалъ, что „грѣшника или еретика руками или молитвою убити есть едино". Но съ такимъ толкованіемъ христіанскихъ идей не могъ согласиться Нилъ. „Некающихся еретиковъ велѣно заточать. Грѣшныхъ ради Сынъ Божій воплотися и пріиде спасти погибшихъ".

На приводимые „іосифлянами" примѣры гнѣва Господня бѣлозерскіе иноки обители Нила указывали, что „еще жъ ветхій завѣтъ тогда бысть, намъ же въ новый благодать яви Владыка христолюбивый союзъ, еже не осудитъ братъ брата".

Въ концѣ концовъ Іосифъ взялъ верхъ. Онъ постарался подѣйствовать на молодого князя Василія Іоановича, наслѣдника великокняжескаго престола. Зная склонность Василія, сына византійской принцессы Софіи Палеологъ, считать себя прямымъ

носителемъ преданій римскихъ императоровъ, Іосифъ ловко воспользовался слабою стрункою Василія, постоянно указывая на примѣры императоровъ Константина Великаго, Юстиніана, Ѳеодосія —ревностныхъ защитниковъ чистоты православія. Сынъ оказалъ давленіе на одряхлѣвшаго отца—и въ результатѣ— духовный соборъ въ 1504 г. Наступила пора полнаго торжества для Іосифа. Ересь была осуждена безповоротно въ лицѣ даже самыхъ знатныхъ еретиковъ. Теперь оставалось только дать основательную острастку поколебавшемуся народу. Такъ и сдѣлали. Примѣнили совѣтъ, данный когда-то Геннадіемъ Іоанну въ дѣлѣ истребленія еретиковъ слѣдовать поучительному примѣру „благочестиваго испанскаго короля". Еретиковъ главныхъ сожгли на кострахъ, другихъ, отрѣзавъ языки, сослали по дальнимъ городамъ въ заточеніе.

Ересь стала постепенно замирать. Но Іосифъ не могъ забыть заступниковъ еретиковъ, главнымъ образомъ, сильно досадившаго ему Вассіана Косого. Бѣлозерскихъ старцевъ обвиняли даже въ сочувствіи ереси. Долго тянулась вражда между тѣми и другими, не мало было извѣтовъ и доносовъ, наконецъ, уже въ княженіе Василія Іоанновича, Вассіанъ былъ оффиціально обвиненъ въ ереси и, заточенный въ монастырь, заморенъ тамъ „іосифлянами", по свидѣтельству извѣстнаго князя Курбскаго. Іосифъ могъ со спокойной душой считать ересь искорененною, иначе, зная его упорство въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, становится непонятною сдѣланная имъ характеристика великаго князя Василія Іоанновича, въ которой онъ прямо говоритъ, что „государь оныхъ скверныхъ новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ, иже жидовская мудрствующихъ, *до конца* низложилъ, православную и истинную, и непорочную христіанскую вѣру, поколебавшуюся и изнемогшую отъ еретическихъ ученій, утвердилъ".

Матвѣй Башкинъ.

Въ 1554 г. знаменитый наставникъ юнаго Іоанна IV, священникъ Сильвестръ, прознадъ отъ протопопа благовѣщенскаго собора Симеона, что нѣкій Матвѣй Башкинъ, исповѣдавшійся

у него въ великомъ посту, наводитъ на своего духовника немалый соблазнъ своими странными рѣчами. Симеонъ разсказалъ, что Башкинъ, несомнѣнно, христіанинъ, ибо „вѣритъ во Отца и Сына и Св. Духа и поклоняется образу Господа Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа и Пречистой Богородицы, и великимъ чудотворцамъ и всѣмъ святымъ, на иконѣ изображеннымъ“, но высказывалъ свое порицаніе духовенству. Между ними завязалось знакомство, они навѣщали другъ друга, и Матвѣй постоянно допытывался у Симеона разрѣшенія, мучившихъ его вопросовъ.

Башкинъ часто говорилъ смущенному Симеону, не могшему разрѣшить его сомнѣнія, что „во апостолѣ-де написано: весь законъ въ словеси сказывается: возлюбиши искренняго своего, яко самъ себѣ; аще себѣ угрызаете и снѣдаете, блюдите, да не другъ отъ друга снѣдены будете, а мы-де христовыхъ рабовъ у себя держимъ, а у насъ-де на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ порядніи *), а на иныхъ полнія; а я-де благодарю Бога моего, у меня-де ино было кабалъ полнихъ, то-де все изодралъ, да-держу-де своихъ добровольно, добро-де ему— онъ и живетъ, а не добро—и онъ куда хочетъ, а вамъ отцамъ пригоже посѣщать насъ почасту, и о всемъ показывати“.

Эти, да и другія подобныя толкованія, показались Симеону противными церковному ученію. Когда Симеонъ чистосердечно сознался Башкину, что онъ не можетъ пояснить ему темныя мѣста Евангелія, Башкинъ съ горечью сказалъ: я самъ знаю, тебѣ некогда объ этомъ вѣдать, въ суетѣ мірской ни день, ни ночь покоя не знаешь“. Все это показалось Симеону „развратнымъ“.

Сильвестръ не преминулъ донести о „шатаніи“ Башкина царю. На Москвѣ стали поговаривать, что существуетъ не одинъ Башкинъ, что вокругъ него образовался цѣлый кружокъ людей, которые и „испражняютъ Владыку Нашего Христа, пепщуютъ Сына Божія быти, и преславныя дѣйства о таинствѣ, и о литургіи, и о причастіи, и о церкви, и о всѣхъ православныхъ въ вѣрѣ христіанской“.

По настоянію митрополита Макарія, Іоаннъ приказалъ арестовать Башкина, его сообщниковъ — двухъ братьевъ Борисо-

*) Фальшивыя.

выхъ, и какихъ-то Игнатія да Ѳому. Пришлось созвать соборъ. Башкину и его товарищамъ предъявили цѣлый рядъ обвиненій, касавшихся отрицанія будто бы еретиками догматовъ православія, и кощунственнаго отношенія къ таинству евхаристіи. Но такъ какъ Башкина и прочихъ допрашивали „съ пристрастіемъ—т. е. подъ пыткою—то мудрено ли, что Башкинъ „бѣсу преданъ бысть и языкъ извѣся, непотребная и нестройная глаголаша на многіе часы“. Всѣ подсудимые несли такую же околесицу; выяснилось, наконецъ, что они не поклонялись иконамъ.

Въ дѣло впутали бывшаго троицкаго игумена Артемія и дьяка Висковатаго. Артемій уже раньше былъ въ подозрѣніи, какъ человѣкъ не совсѣмъ строго-православнаго образа мыслей. А тутъ его недруги воспользовались судомъ надъ Башкинымъ, вызвавъ Артемія, для присутствованія на соборѣ, имѣя въ виду подловить его.

Такъ оно и вышло. Башкинъ, оговаривая всѣхъ и каждаго, упомянулъ и Артемія. Артемій предпочелъ скрыться, но былъ пойманъ и привезенъ въ Москву. Устроили очную ставку Башкина съ Артеміемъ. Судьи старались вывѣдать мнѣніе послѣдняго касательно заблужденій Башкина, но тотъ всячески избѣгалъ давать прямые отвѣты. Ничего вполнѣ опредѣленнаго не выяснилось, но все же Артемія сослали въ соловецкій монастырь.

Въ приговорѣ суда Матвѣй Башкинъ и его соумышленники были изображены, какъ „безбожные еретики и отступники православныя вѣры, хулы глаголившіе на Господа Іисуса Христа,... нѣціе же еще и другихъ поучаютъ на сіе злочестіе; къ симъ же честное и святое тѣло Господа Нашего Іисуса Христа и честную и св. Его кровь ни во что жъ полагаютъ, но токмо простъ хлѣбъ и просто вино вмѣняютъ...“

Вскорѣ возникло дѣло дьяка Ивана Висковатаго. Послѣдній въ своихъ религіозныхъ сужденіяхъ касался, главнымъ образомъ, вопроса о правильности тогдашняго иконописанія. Призванный къ духовному допросу Висковатый повинился, что нѣкоторыя иконы немало смущаютъ его своимъ неправильнымъ освѣщеніемъ евангельскихъ событій и лицъ. Висковатый порицалъ, напримѣръ, манеру изображать Спасителя съ сжатыми руками, что, по мнѣнію дьяка, означаетъ, будто Христосъ не очистилъ человѣчество отъ первороднаго грѣха. Точно также дьякъ

усматривалъ западничество въ образѣ Христа, прикрытаго крылами ангеловъ, ибо „слыхалъ многажды отъ латынъ въ разговорѣ, яко тѣло Господа нашего Іисуса Христа укрываху херувими отъ срамоты. Греки его пишутъ въ портъкахъ, а онъ портъковъ не нашивалъ“. Касаясь изображенія Бога Отца, Висковатый, рѣшительно заявлялъ, что безплотныя существа не подобаетъ писать на иконахъ.

Изъ исповѣди, написанной Висковатымъ въ формѣ защитительной рѣчи, и составленной въ уступчивыхъ выраженіяхъ, выясняется, что всѣ сомнѣнія Висковатаго не носятъ въ себѣ рѣшительно ничего еретическаго, а просто человѣкъ сбился въ сложныхъ вопросахъ догматики.

Но представители духовной власти косо взглянули на попытки свѣтскаго человѣка толковать о дѣлахъ церковныхъ. Это ясно сквозитъ въ пренебрежительномъ обращеніи первенствующаго члена суда къ дьяку: „ты о томъ мудрствуешь и говоришь не гораздо, понеже не велѣно вамъ о божествѣ и о божьихъ дѣлахъ испытовати. Зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ положены, не разроняй своихъ списковъ“. Это же полное нежеланіе церковниковъ допускать мірянъ къ обсужденію богословскихъ пунктовъ, вполнѣ ясно, въ опредѣленной формѣ, было подтверждено въ окончательномъ приговорѣ по дѣлу Высковатаго, заканчивающемся характернымъ наставленіемъ: „всякъ человѣкъ убо долженъ есть вѣдати свой чинъ и не творить себе пастыря, овча сый и глава да не мнитъ нога сый, но повиноватися отъ Бога преданному чину и уши свои отверзати на послушаніе благодати пріемлющихъ учительская словеса“.

Висковатаго подвергли трехлѣтнему покаянію.

Попалъ подъ судъ и архимандритъ суздальскаго евфиміанскаго монастыря Ѳеодоритъ, извѣстный просвѣтитель лопарей. Ѳеодорита уже давно не долюбливали за строгость. Подчиненные ему иноки неоднократно жаловались на своего игумена высшему духовному начальству, при чемъ выражали довольно курьезную претензію, что Ѳеодоритъ не разрѣшалъ въ подвѣдомственномъ ему монастырѣ „не токмо женъ, а ни скота единаго отнюдь женскаго полу имѣти“. Враждовалъ съ суровымъ монахомъ и суздальскій епископъ, уличенный Ѳеодоритомъ въ

корыстолюбіи и пьянствѣ. Враги его воспользовались его знакомствомъ съ осужденнымъ еще раньше еретикомъ Артеміемъ и подвергли Өеодорита немалому поруганію.

Наконецъ, послѣднимъ лицомъ, фигурировавшимъ въ процессѣ Башкина и его единомышленниковъ былъ Кассіанъ, епископъ рязанскій и муромскій, превратившійся, совершенно неожиданно для себя, изъ судьи въ подсудимаго. Кассіану, за неимѣніемъ другого, вмѣнили въ вину его мягкосердечіе, выразившееся въ подачѣ голоса за обвиняемыхъ. Къ тому же Кассіанъ не желалъ признать полную авторитетность Іосифа Волоколамскаго. Озлобленное духовенство успокоилось, наконецъ, видя, что еретикъ-епископъ подпалъ подъ неслыханный гнѣвъ Божій: отъ неизвѣстной причины у него повернулась голова лицомъ назадъ.

Өеодосій Косой.

О Өеодосіи и его ученіи мы знаемъ только изъ дошедшей до нашего времени рукописи черноризца онежской новгородской пустыни Зиновія, ученика извѣстнаго Максима Грека.

Зиновій разсказываетъ, что однажды къ нему понавѣдались три знакомыхъ ему человѣка, монахи Спасова монастыря Герасимъ да Аөанасій, и иконописецъ Өеодоръ. Они то и разсказали ему, что нѣкій Өеодосій излагаетъ новое ученіе. А привлекало оно ихъ тѣмъ, что было ясно и нехитро даже и не для смышленнаго человѣка. Достигалъ Өеодосій такого успѣха тѣмъ, что толковалъ мѣста Священнаго писанія, имѣя постоянно предъ собою текстъ, на который можно сослаться. Это то послѣдователи Косого и цѣнили, а остальные пастыри— „ложніи учители епископы и попы, понеже учатъ книги въ руку не держати; самъ же Косой посему истинна учителя себе сказуетъ, понеже въ руку имѣяй книги и тыа разгибаа комуждо писанна давъ самому прочитати“.

Зиновій доказывалъ, что Косой не можетъ быть истолкователемъ истины, указывая на его „подлое“ происхожденіе.— Кто онъ?—„Рабъ единаго отъ слугъ царевыхъ“. Основываясь на прошломъ Косого, и, приводя примѣръ византійскихъ императоровъ, ссылаясь на слова самого Соломона, Зиновій всячески

утверждалъ, что „законы градскіе отмещутъ отъ рабовъ даваемыя свидѣтельства, но повелѣваютъ рабовъ на судища представляти ко взысканіи межи прящихся быти послухами“.

— Да гдѣ же это видано—изумляется Зиновій,—чтобы рабъ былъ учителемъ? Но новообращенные указываютъ, что Косой не рабъ: онъ уменъ и храбръ, ибо бѣжалъ отъ своего хозяина на его же собственномъ конѣ, слѣдовательно, онъ достоинъ свободы. А когда Зиновій вздумалъ укорить „ѳеодосійцевъ“ покражей коня—тѣ ловко указали на евреевъ, при удаленіи изъ Египта тоже захватившихъ имущество египтянъ. Косой, несомнѣнно, отличался большой изворотливостью и отвагою, что видно изъ отзыва о немъ со стороны знававшихъ его: „аще имать Косой разумъ здоровъ и вѣсть истину: всѣхъ учитель изряденъ.

Бѣжавъ изъ рабства, Косой укрылся въ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Но оттуда его, уличенного въ ереси, потребовали въ Москву и заточили. Косой обманулъ стражу, ушелъ въ Литву и женившись на вдовѣ-еврейкѣ, дѣятельно занялся распространеніемъ своего ученія. Косой рѣшительно отвергалъ божественное происхожденіе Іисуса Христа, какъ единороднаго Сына Божія. „Какъ это понять—задаетъ вопросъ Косой—что въ Символѣ Вѣры объ Іисусѣ говорится: рожденна не сотворенна—если самъ Апостолъ Петръ говоритъ, что Іисуса Богъ сотворилъ а не родилъ. Неприлично для Бога происходить изъ женской утробы“. Да и апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ въ этомъ же смыслѣ: единъ Богъ, единъ ходатай Богу и человѣкомъ *человѣкъ* Іисусъ Христосъ. Самая идея искупленія представлялась Косому искусственнымъ произведеніемъ православія а потому для спасенія души совершенно безполезною.—Что такое смерть человѣка, какъ не самое естественное, природою освященное, общее для всякаго дыханія, событіе? Вѣдь умираютъ же и рыбы и гады, а тѣ такія же творенія Божіи, какъ человѣкъ.

Христіанскій догматъ объ искупленіи и обновленіи человѣка крестною смертію Христа, еретики отрицали указаніемъ на то, что человѣкъ отнюдь не измѣнился, благодаря сошествію на землю Христа: былъ человѣкъ прежде смертенъ, такимъ же и остался, толку никакого не вышло. Вообще

въ христіанскомъ ученіи объ искупленіи Косой видитъ полнѣйшую непослѣдовательность: Богъ сотворилъ міръ, не воплощаясь, а для исправленія порчи ему оказалось необходимымъ принять образъ человѣческій? Гдѣ же тутъ всемогущество Божіе? Такъ же относится Косой и къ иконописанію. Опорою ему служили слова пророка Давида: „идолы, языкъ, сребро и злато—дѣло рукъ человѣческихъ, очи имутъ и не видятъ, уши имутъ и не слышатъ, ноздри имутъ и не обоняютъ, уста имутъ и не глаголятъ, руки имутъ и не осязаютъ, ноги имутъ и не ходятъ". Есть великая заповѣдь Господня: не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія—что прямо относится къ иконамъ. А потому первобытная, истинно христіанская церковь и не знала иконопоклоненія, появилось оно лишь со времени шестого вселенскаго собора. Къ нимъ смѣло можно примѣнить слова пророка Іереміи объ идолахъ: „запертыя ключами отъ воровъ и отъ руки кощунства, ночныя птицы и нетопыри безбоязненно скользятъ по неподвижнымъ головамъ и лицамъ, потускнѣвшимъ отъ дыма и очи ихъ полны праха, занесеннаго и поднимаего ногами входящихъ въ ихъ храмы". Православные только именуютъ себя таковыми, а на дѣлѣ идолослужители. Поклоняться мощамъ—великій грѣхъ. Тѣло умершаго не должно служить предметомъ поклоненія, а потому Антоній Великій порицалъ обычай египтянъ не зарывать покойниковъ. Даже снятаго съ креста Христа—и того погребли подъ землю. Когда же православные говорили, что они почитаютъ не мертвыхъ, а живыхъ, познавшихъ жизнь вѣчную—еретики тотчасъ же ссылались на апокалипсисъ Іоанна Богослова, гдѣ ясно сказано: „внегда поклонися Іоаннъ ангелу, ангелъ же взбрани Іоанну поклоненіе".

Вообще Косой совершенно отказывался признавать святость всей обрядовой стороны христіанства, видя въ ней лишь «произвольное примѣненіе лукаваго ума человѣческаго".

Вотъ христіане почитаютъ крестъ Христовъ, а того не принимаютъ во вниманіе, что крестъ ненавистенъ Богу, какъ орудіе смерти Его Единороднаго Сына.

Косой сурово обличалъ представителей духовной іерархіи,—„идольскихъ жрецовъ" —по его выраженію. Евангеліе говоритъ: „не входящая въ уста сквернятъ человѣка" а священ-

никъ запрещаетъ вкушать мясо. Толкуютъ противъ женитьбы, какъ будто Апостолъ никогда не называлъ такихъ лицемѣровъ „сожженными своею совѣстью". Всѣ ихъ заботы не идутъ далѣе пѣнія, да каноновъ, не заповѣданныхъ Евангеліемъ, такъ что заботиться о выполненіи основной евангельской заповѣди любви къ ближнему нѣтъ и времени. По отношенію къ такъ называемымъ ими еретикамъ принимаютъ самыя жестокія мѣры, умышленно не понимая смысла Христовой притчи о плевелахъ сельныхъ. Даже кающихся не прощаютъ, и опять таки идутъ въ разрѣзъ положительному велѣнію Божію: „аще кто седмьдесятъ кратъ седьмерицею согрѣшитъ тебѣ братъ твой и обратится глаголя: каюся,—остави ему". Ужъ на что великъ авторитетъ Василія Великаго, а и тотъ отказывается видѣть въ епископахъ духъ кротости, находя только плотское мудрованіе.

Дальнѣйшая судьба Ѳеодосія тонетъ въ туманѣ нашей исторіографіи, и мы ничего не можемъ сказать объ успѣхахъ его ученія въ массахъ.

Ѳеодосій заканчиваетъ собою анти-церковное движеніе до никоновскаго періода, ставившее себѣ задачею изъятіе дѣла религіи изъ исключительнаго вѣдѣнія клира и предоставленіе каждому міряшину права расходованія своего духовнаго богатства по собственному усмотрѣнію и наклонностямъ. Все древнерусское „еретичество" безусловно являлось прототипомъ позднѣйшаго сектанства, намекомъ на желательность освободительной реформаціи въ сферѣ компетенціи религіи, но общія условія быта и вѣка не дали возможности преждевременно зароненному сѣмени дать какіе-либо плоды. Между Русью XVI столѣтія и Западною Европою того же періода лежала глубокая пропасть, и никогда нельзя забывать, что взлелѣявшая „ересь Лютера" Германія была достаточно къ тому подготовлена работою столповъ гуманизма—Эразма Роттердамскаго, Рейхлина и Гуттена; — уже кончили свою проповѣдь Виклефъ и Гуссъ, мощною волною прокатилось глубоко народное таборитство, и догоралъ флорентійскій костеръ, сжегшій Саванароллу. Европа восхищалась античнымъ міромъ, переживая „эпоху возрожденія", а мы едва высвободились изъ-подъ „тяжкихъ татарскихъ

задовъ", и захлебывались въ домашнихъ спорахъ, не желая никого и ничего знать.

Стихло движеніе „первосектантства", захирѣвъ въ своей „кружковщинѣ"—трудно поборимомъ злѣ русскаго общества, и стало внимательно прислушиваться къ все усилившемуся ропоту неудовольствія также религіозно настроенной, но не изъ тѣхъ же религіозныхъ побужденій исходившей части русскаго народа, выкинувшей тотъ же стягъ, съ лозунгомъ: „прочь отъ церкви", но призывавшей не къ открытому небу — храму Бога Вездѣсущаго—не къ мистически безхитростному моленію—„трое васъ, трое насъ, Господи помилуй насъ",—а къ благоговѣйному лобызанію памяти прошлаго, оскверненной якобы дерзновеннымъ посягательствомъ московскихъ церковниковъ, вступившихъ въ союзъ съ «княземъ тьмы", и готовыхъ отнять то, „чѣмъ Русь крѣпка и свята стала" — ея „старый обрядъ".

Старообрядчество.

Исторія исправленія богослужебныхъ книгъ.

„Братіе, не высокоумствуйте, но во смиреніи пребывайте, посему же и прочая разумѣвайте.—Аще кто же речетъ, вѣсте ли вы философію, и ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ, философію ниже очима не видѣхъ".

Такія мудрыя правила запоминали русскіе люди вплоть до конца XVII столѣтія, когда, наконецъ, вѣками копившееся невѣжество не выдержало бодрой струи западнаго вѣтра, сквознякомъ продувшей сонное русское государство, черезъ окно, прорубленное непосѣдой—сыномъ „тишайшаго" царя. Русскіе люди XV и XVI в. старательно чурались заморскаго чудища, именуемаго наукою, порожденнаго „люторскою" или „латинскою" ересью. Просвѣщеніе было сильно не по сердцу тогдашнему „истинному русскому человѣку". Встрѣчаясь съ соб-

лазномъ познакомиться съ нимъ, православный, вѣрующій въ Бога и твердо слѣдующій отеческимъ велѣніямъ, тотчасъ же принимался шептать про себя, затверженное имъ съ дѣтства, поученіе: „богомерзостенъ передъ Богомъ всякъ любяй геометрію, а се душевніи грѣси учитися астрологіи и еллинскимъ книгамъ... проклинаю прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя; люби простоту паче мудрости; величайшаго себе не изыскуй и глубочайшаго себѣ не испытуй; а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи".

Русскій народъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ его образованнаго класса, „книжныхъ людей" считалъ себя избранникомъ Божіимъ, полностью перенявшимъ его откровенія, и въ силу этого возлюбленнымъ. Уже слагались повѣрія о „третьемъ Римѣ"—Москвѣ,—задачею которой являлось образованіе міроваго государства, въ которомъ слились бы всѣ христіанскія земли подъ мощною рукою московскаго владыки. Русь гордилась своимъ правовѣріемъ, гордилась, что не „испроказились", какъ Византія, нѣкогда давшая ей христіанство.

Такъ называемый принципъ націонализма, или иначе сказать, стремленіе къ обособленности, въ смыслѣ сохраненія своихъ особенностей, какъ народа со всѣми его характерными чертами, неизбѣжно долженъ былъ особенно сильно проявляться въ стремленіи сохранить старину. При отсутствіи умственныхъ силъ, которыя могли бы сдерживать такія наклонности въ предѣлахъ разумности, любовь къ старинѣ, къ традиціи, выражалась очень печально, въ формѣ полнѣйшаго застоя.

А такъ, какъ кругъ отвлеченнаго мышленія тогда ограничивался одними религіозными вопросами, то и на нихъ „букво-ѣдство"—по современному термину—рутинерство — положило видимый и неизгладимый отпечатокъ. Добраться до смысла религіи русскій человѣкъ не могъ: нехватало знанія, способности разобраться въ матеріалѣ. Религія существовала лишь въ молитвословіи, обрядности, каждая мысль имѣла драгоцѣннѣйшее значеніе, такъ что, напримѣръ, лѣтописецъ подъ 1476 г. занесъ, повидимому, немаловажное для его времени

происшествіе, что „нѣкіе философы начали пѣть: о Господи помилуй; а другіе просто Господи помилуй".

При такомъ упорномъ стараніи отстоять дорогую старину, богослужебная книга, которой пользовались и въ церкви и дома—пріобрѣтала характеръ священной, лишь постолько, насколько она сохраняетъ свою неприкосновенность, отсутствіе какихъ-либо измѣненій. Греческія книги, какъ издѣлія западныхъ типографій, авторитетомъ никакимъ не пользовались, у себя дома книгопечатаніе еще не было налажено какъ слѣдуетъ, и все дѣло распространенія книгъ находилось исключительно въ рукахъ переписчиковъ. Перепись превратилась въ ремесло, при которомъ спѣшность работы играла видную роль; описки, недописки попадались сплошь и рядомъ; съ такой испорченной книги писалась копія. прибавлялся еще рядъ ошибокъ, и такъ дальше и больше. Уже первоначальный переводъ церковно-богослужебныхъ книгъ съ греческаго на славянскій дѣлался не важно. Переводчики обыкновенно плохо знали или тотъ или другой языкъ, почему и случалось, что каждый переводчикъ работалъ по своему разумѣнію, а отсюда получалось, что одна и та же книга переводилась различными словами, отчего мѣнялся и самый смыслъ.

Лучшіе русскіе люди, передовые умы того или другого времени, сознавали всю плачевность такого положенія вещей, и старались, по мѣрѣ силъ, внести какое-либо улучшеніе въ установленіе точнаго текста богослужебныхъ книгъ. Такъ, напримѣръ, благодаря стараніямъ митр. Θеогноста (1328—1353) Русь получила болѣе или менѣе точный Требникъ, митр. Алексѣй (1354—1378) свѣрялъ славянскій переводъ Новаго Завѣта, митр. Кипріанъ (1378—1400) также много работалъ надъ больнымъ мѣстомъ русскаго богослуженія.

Но вотъ въ XVI в. вопросъ объ окончательномъ исправленіи книгъ начинаетъ пріобрѣтать характеръ насущной потребности. Двинулъ все дѣло извѣстный Максимъ Грекъ.

То былъ ученый аθонскій инокъ. Его пригласилъ въ Москву великій князь Василій Іоанновичъ, поручившій ему приведеніе въ порядокъ своей библіотеки. Когда Максимъ справился съ этимъ, то получилъ уже извѣстность, какъ знающій человѣкъ. Изъ Москвы его не отпустили, а предложили пересмотрѣть

богослужебныя книги. Погрѣшностей Максимъ отыскалъ не мало, нѣкоторыя выраженія были внесены искусственно, съ цѣлью, очевидно, придать оттѣнокъ, удобный еретическому толкованію. Но указанія Максима были встрѣчены очень неодобрительно, особенно партіей „іосифлянъ", съ которою Максимъ сразу сталъ въ натянутыя отношенія, тогда какъ ученики Нила Сорскаго питали къ Максиму живѣйшія симпатіи. Вассіанъ Косой, со свойственной ему манерою выражаться сильно, говорилъ даже, что старыя неисправленныя книги „отъ дьявола писаны, а не отъ святого Духа, и по нимъ мы Бога только хулили, а не славили".

Указывали, что по книгамъ—неправильнымъ на взглядъ Максима Грека—молились и спасались древне-русскіе чудотворцы и подвижники, что Максимъ имъ „немало досаждаетъ".

И, въ концѣ концовъ, подъ давленіемъ митр. Даніила, нелюбившаго Максима за его объясненія, на того созвали соборъ.

Главнымъ пунктомъ обвиненія Максима въ еретичествѣ выдвинули допущенную имъ въ Тріоди выраженіе объ Іисусѣ Христѣ: *„сѣдѣвъ* одесную отца", тогда какъ нужно было сказать: *„сѣдъ"*. Затѣмъ Максима обвиняли, что плоть Христову онъ назвалъ описуемою. Напрасно Максимъ доказывалъ, что употребить въ настоящемъ случаѣ противоположное понятіе—было бы чистѣйшимъ безсмысліемъ—его не слушали, указывали на нѣкоторыя мѣста, говорящія повидимому, противъ дѣвства Богоматери, и окончательно осудили его „аки хульника и св. писанія тлителя".

Сосланный въ Волоколамскій монастырь, Максимъ, черезъ шесть лѣтъ тяжкаго тюремнаго заключенія, сопровождавшагося пытками дымомъ и холодомъ, снова былъ вызванъ на судъ, гдѣ у него допытывались, на какомъ основаніи въ Символѣ Вѣры, въ ученіи о св. Духѣ онъ вычеркнулъ слово... „истиннаго".

Максимъ, истомленный, больной, павшій духомъ, могъ только слезно молить о прощеніи. Умеръ онъ въ 1566 г. въ Троице-Сергіевой лаврѣ, куда его перевели изъ Тверскаго Отрочь-монастыря, на давно желанный покой.

Бывшій въ 1551 г. Стоглавый соборъ, въ видахъ преду-

прежденія на будущее время новыхъ ошибокъ при переписываніи книгъ, постановилъ: „протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ досматривать, чтобы писцы писали книги съ добрыхъ переводовъ, и при этомъ исправляли, а потомъ продавали; а которые будутъ продавать книги неправленныя, тѣмъ возбраняли бы съ великимъ запрещеніемъ".

Но пользы изъ этого постановленія не вышло никакой, потому что и протопопы не были въ силахъ отличить исправленную книгу отъ порченой.

На слѣдующій годъ царь Грозный открылъ въ Москвѣ первую типографію, и притомъ исключительно для печатанія богослужебныхъ книгъ. Но первая печатная книга Апостолъ, названная „переводомъ семидесяти двухъ богомудрыхъ толковниковъ", нелишенная также многихъ ошибокъ, не могла служить хорошимъ образцомъ. Да и типографщики не могли похвастаться ученостью; такъ, напримѣръ, одинъ изъ первыхъ справщиковъ былъ запѣвалой, пользовавшійся извѣстностью въ качествѣ толковаго пѣвца. Немудрено, что напечатанный такими справщиками Уставъ, распоряженіемъ патріарха Филарета былъ всюду отбираемъ, какъ добавленный совершенно произвольными замѣчаніями. Еще до Филарета трудился надъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ преподобный Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіевской лавры въ сотрудничествѣ съ старцемъ Арсеніемъ Глухимъ и священникомъ подмосковнаго села Клементьева Иваномъ Насѣдкою Отнеслись эти справщики къ своему дѣлу добросовѣстно. Сидѣли надъ работой полтора года безъ отдыха, сравнивали съ греческимъ текстомъ. Исключены были двѣ молитвы предъ литургіею, въ которыхъ священникъ отпускалъ себѣ свои грѣхи; въ водосвятной молитвѣ: „самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ *и огнемъ*" — справщики выкинули слово „огнемъ", какъ позднѣйшаго происхожденія, и потому лишнее.

Такія же поправки коснулись многихъ молитвъ, утратившихъ свой первоначальный смыслъ. Опять нашлись усердные не въ мѣру ревнители благочестія, которые возстали на Діонисія за отрицаніе имъ правильности тогдашняго обряда погруженія зажженныхъ свѣчъ въ воду, во время Богоявлен-

скаго освященія воды. На Діонисія взвели обвиненія, что тотъ не признаетъ св. Духа, „яко огнь есть“.

Соборъ 1618 г. тоже отнесся къ такимъ справщикамъ неодобрительно. Діонисія отлучили отъ Церкви, заточили въ Новоспасскій монастырь, тамъ его морили голодомъ, дымомъ, истязали водили по улицамъ въ цѣпяхъ, но патр. Филаретъ пересмотрѣлъ дѣло и справщики были торжественно оправданы, и получили выраженіе благоволенія отъ царя Михаила Феодоровича. Тѣмъ не менѣе выкинутое справщиками слово „огнемъ“ долго еще печаталось въ книгахъ, пока наконецъ, въ 1625 г., патріархи александрійскій и іерусалимскій грамотой предписали уничтожить спорное слово. Умный Филаретъ уже систематически наладилъ дѣло исправленія, образовавъ особую комиссію изъ знакомаго уже Арсенія Глухого, Антонія Крылова, и Ивана Насѣдки. Но крупнаго успѣха Филаретъ не достигъ уже потому, что въ Москвѣ были далеко не всѣ греческіе подлинники. Даже и при этихъ неудобствахъ, все же были исправлены Требники изданій 1624 и 1625 гг. Служебникъ и Слѣдованная Псалтырь 1627 г., и церковные уставы 1632—33 гг.

При слѣдующемъ патріархѣ Іосафѣ положеніе измѣнилось опять къ худшему. Самъ Іосафъ непосредственно не стоялъ за дѣломъ исправленія, которое велось недружно, вслѣдствіе чего и явилось „многое нѣкое разногласіе“. Книги Филаретовскаго исправленія подверглись вторичному пересмотру, вызвавшему значительныя различія между тѣми и другими изданіями. Особенно отразилось это на Потребникѣ 1639 г. Чинъ крещенія по Потребнику разныхъ изданій не одинаковъ, есть разница въ обрядности, напримѣръ, въ поднятіи и опусканіи рукъ при формулѣ отреченія отъ сатаны. Были и добавленія. Въ Иноческій Потребникъ съ Номоканономъ (1639) внесли ученіе о семи просфорахъ и „Соборное изложеніе“ патр. Филарета о перекрещиваніи католиковъ и другихъ уже крещенныхъ—обливаніемъ. Въ Мірскомъ Потребникѣ (1639) внесена статья, запрещающая бритье бороды и усовъ.

Значительно ускорилъ вялый ходъ дѣла патр. Іосифъ

Теперь книги правили: протопопъ Михаилъ Роговъ, ключарь Иванъ Насѣдка, старецъ Савватіій, міряне Игнатій Мар-

теньяновъ и Захарій Афанасьевъ—общее наблюденіе принадлежало архимандриту Андроньевскаго монастыря Сильвестру, и его помощникамъ Захарію Новикову и Силѣ Григорьеву. Новые справщики издавали книги, тщательно провѣренныя, въ нихъ заботились уже и о грамматической чистотѣ языка, такъ что съ этой стороны вышедшія подъ наблюденіемъ этихъ справщиковъ книги считаютъ вполнѣ основательно лучшими старопечатными московскими изданіями. Теперь уже стали вносить въ богослужебныя и учительныя книги разныя мнѣнія, получившія надлежащее узаконеніе на Стоглавомъ Соборѣ. Такъ, напримѣръ, въ прежнихъ изданіяхъ при возгласахъ „аллилуіа"—всегда прибавлялось „аллилуіа" трижды, что одинаково благопріятствовало и трегубой и сугубой „аллилуіѣ". Въ изданіяхъ же времени Іосифа печатается: „аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже". Еще до него была напечатана отдѣльная статья о двуперстномъ сложеніи при крестномъ знаменіи, гдѣ основанія для двухперстія, изложенныя Стоглавомъ, были дополнены и изложены, даже иногда въ ущербъ смыслу. Но видимо исправщики сознавали, что задача ихъ еще далеко не исчерпана. Въ „Кормчей"—послѣдней книгѣ, изданной при Іосифѣ (1650), предисловіе говоритъ: „воззри, аще нелѣностенъ еси, обрящещи ли гдѣ правѣ списанную безъ всякаго порока въ церквѣхъ святѣхъ книгу? Но вѣмъ, яко неудобь обрѣсти возможеши".

Кое-что было, конечно, достигнуто, довести же до конца мысль Максима Грека, безъ соблюденія его основного правила провѣрять съ греческими подлинниками—сказалось невозможнымъ. И людей пригодныхъ для этого не находилось, да и не думали о совѣтѣ перваго справщика книгъ, жестоко пострадавшаго за свою попытку освѣтить лучемъ мысли темныя дебри суевѣрія и невѣжества.

Начало новому направленію положили два ученыхъ монаха Кіево-Братскаго монастыря Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій. При ихъ содѣйствіи ближній бояринъ царя Алексѣя Михайловича—Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, поклонникъ просвѣщенія и самъ человѣкъ, основательно ученый, основалъ въ окрестностяхъ Москвы монастырь, гдѣ бы желающіе могли обучаться греческому языку, столь необходимому для

духовенства. Такъ возникло ученое Ртищевское общество, въ своихъ задачахъ поставившее, между прочими заботу о правильномъ переводѣ богослужебныхъ книгъ. Но имъ изданъ былъ лишь „Шестодневъ“, а потомъ дѣло почему то заглохло, не давъ осязательныхъ результатовъ.

Нужно было явиться человѣку недюжинному, сильному, съ большимъ вліяніемъ, такимъ же кругозоромъ, который взялъ бы на себя трудную и неблагодарную задачу, разомъ покончить съ упрямствомъ и тупостью „іосифлянъ“, своимъ рутинерствомъ мѣшавшихъ каждому благому начинанію, если только оно шло напротивъ сѣдой стороны, за которую цѣпко держалась партія приверженцевъ столь любезнаго имъ стараго порядка, консерваторы, что ли, въ узкомъ смыслѣ слова. И Русь, жалкая, мужицкая Русь, выдвинула изъ своей среды знаменитаго патріарха Никона, безъ оглядки взявшагося за дѣло реформы, не побоявшагося злобы враговъ, грѣха смертнаго, геенны огненной, которыми обыкновенно пугали еретиковъ-справщиковъ. Все это онъ поднялъ на свои плечи, все вынесъ; не вынесла церковь, старые мѣхи не выдержали новаго вина — и получился новый грандіозный фактъ, названный старообрядчествомъ.

Патріархъ Никонъ.

Патріархъ Никонъ, въ мірѣ Никита, былъ сынъ простого крестьянина нижегородской области, слѣдовательно, представитель здоровой черноземной породы, быть можетъ, неладно скроенный, но крѣпко сшитый. Рано выучившись грамотѣ Никита, 12 лѣтнимъ мальчикомъ ушелъ въ монастырь, и здѣсь скоро обратили вниманіе на его строго-подвижническую жизнь и рѣзко проявлявшуюся силу воли. 20 лѣтъ Никонъ женился, подъ вліяніемъ родственниковъ, и получилъ санъ священника, но черезъ десять лѣтъ, потерявъ своихъ дѣтей, уговорилъ жену постричься въ монахини, а самъ тоже принялъ монашество въ Анзерскомъ скиту на Бѣломъ морѣ. Черезъ пять лѣтъ онъ не поладилъ съ тамошней братіею изъ-за постройки церкви, и переселился въ Кожеозерскій монастырь, гдѣ его и

выбрали игуменомъ. Въ 1615 г. Никонъ пріѣхалъ въ Москву за сборомъ, случайно сдѣлался извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу, понравился ему, и сразу попалъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Съ этого времени Никонъ быстро пошелъ въ гору.

Около царя Алексѣя Михайловича существовалъ особый кружокъ ревнителей благочестія, къ которому принадлежало не мало людей, выдающихся по своимъ нравственнымъ. Одинъ изъ членовъ этого кружка, Степанъ Вонифатьевъ, былъ духовникомъ царя. Его другъ Иванъ Нероновъ, проповѣдникъ Казанскаго собора, пользовался громаднымъ успѣхомъ среди москвичей, толпами ломившихся послушать талантливаго священника.

Сюда же имѣлъ доступъ и столь извѣстный впослѣдствіи протопопъ Аввакумъ.

Кружокъ преслѣдовалъ чисто идейныя цѣли, пытаясь внести единеніе въ отношенія между пастырями и паствою, сдѣлать необходимыя измѣненія въ церковной службѣ, одухотворить ее, чтобъ она получила болѣе живой характеръ и могла привлекать сердца молящихся. Уже эти благія начинанія приходились не по нутру извѣстной части московскаго общества, такъ что приходилось членамъ кружка выслушивать непріятныя жалобы въ родѣ того, что „заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе, и людей въ церкви учите, а мы людей прежде сего въ церквахъ не учивали, а учивали ихъ втайпѣ. Бѣса, вы всѣ, ханжи, въ себѣ имате“. Никонъ горячо поддерживалъ стремленія кружка.

Послѣ Новоспасскаго монастыря Никонъ получилъ новгородскую каѳедру. Тамъ онъ пріобрѣлъ еще болѣе довѣріе царя, усмиривъ крупный бунтъ новгородцевъ.

Въ это то время Никонъ и обратилъ серьезное вниманіе на недостатки нашихъ богослужебныхъ книгъ. Еще болѣе натолкнулъ Никона на мысль объ исправленіи книгъ пріѣхавшій въ 1649 г. въ Москву іерусалимскій патріархъ Паисій. Онъ неоднократно указывалъ Никону на крупныя разногласія въ русскихъ обрядностяхъ, которыя и могли рано или поздно вызвать церковную неурядицу. Особенно поражало патріарха

„зазорное новшество“ замѣченное имъ только въ Россіи—двуперстіе.

На эту тему Никонъ началъ бесѣдовать съ царемъ, настоятельно указывая ему на всю путаницу въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ, и на его долгъ, какъ православнаго царя. Тотъ подѣлился мыслью Никона съ своими воспитателями, бояриномъ Морозовымъ и духовникомъ Степаномъ Вонифатьевымъ, вполнѣ ставшими на сторону Никона. Тогда царь отправилъ старца Арсенія Суханова на Востокъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ, какъ человѣкъ знающій греческій языкъ, и бывавшій уже въ Палестинѣ, описалъ всѣ обряды Св. Земли, а тѣмъ временемъ Кіевскому ученому Епифанію Славинецкому было поручено перевести съ греческаго языка на славянскій литургію Св. Іоанна Златоуста. Сухановъ уѣхалъ. Какъ разъ въ Москву пріѣхалъ назаретскій митрополитъ Гавріилъ. И онъ также сурово отнесся къ русскимъ обрядамъ, особенно къ двуперстію. Патріархъ Іосифъ былъ между двухъ огней. Путаницы въ обрядности слишкомъ давали себя знать, нужно было принимать энергическія мѣры, но привязанность къ старому благочестію все же не позволяла ему примкнуть открыто къ новому теченію. Дрогнуло сердце старика—патріарха, когда онъ прослышалъ, что аѳонскіе монахи, найдя у одного старца книги московской печати, и уличивъ его въ двуперстіи, созвали соборъ, на которомъ и двуперстіе и богослужебныя книги торжественно были объявлены еретическими. Умеръ Іосифъ и царь Алексѣй Михайловичъ настоялъ, чтобы патріаршья каѳедра досталась его любимцу новгородскому владыкѣ Никону. Долго отказывался Никонъ, и согласился лишь послѣ того, какъ всѣ, не исключая самого царя, дали обѣщаніе слушаться его какъ отца. Царь еще болѣе привязался къ Никону, и даровалъ ему титулъ „великаго государя“, до Никона принадлежавшаго только патріарху Филарету, родному отцу царя Михаила Ѳеодоровича. Никонъ пользовался громаднымъ вліяніемъ, простиравшимся до того, что въ отсутствіе государя оберегалъ царское семейство и правилъ государствомъ. По отношенію къ боярамъ Никонъ постоянно выказывалъ большую строгость. Доставалось и духовенству. Не даромъ его прежній другъ протопопъ Іоаннъ Нероновъ съ горечью говорилъ суро-

вому патріарху: „государевой власти не слыхать, а отъ тебя всѣмъ страхъ“.

Ставъ патріархомъ, Никонъ рѣшилъ самъ ближе познакокомиться съ положеніемъ дѣла объ исправленіи книгъ. Долго и кропотливо работалъ Никонъ въ патріаршей библіотекѣ, сличалъ тексты, какъ умѣлъ, вдумывался въ ихъ смыслъ, и, наконецъ, пришелъ къ безповоротному убѣжденію, что дальше дѣла оставлять такъ нельзя.

И вотъ Никонъ приступилъ къ осуществленію своей завѣтной мечты—внести стройность и единообразіе въ обрядовую сторону богослуженія. Первымъ начинаніемъ его въ этой области было введеніе живой проповѣди, которая прекратилась вѣка два тому назадъ, замѣненная уже готовыми поученіями, составленными на различные случаи. Никонъ же обратилъ вниманіе на единогласіе, вмѣсто котораго, для сокращенія службы, практиковалось такъ, что сразу говорило нѣсколько, одинъ возсылалъ молитвословія, другой пѣлъ, третій читалъ Евангеліе. Объ этомъ говорилось еще на Стоглавѣ, но вывести было не такъ то легко. Улучшенію же подверглась и старая манера церковнаго пѣнія, при которой растягивали гласныя—такъ что вмѣсто „Спасо“ пѣли „Сопасо“, вмѣсто „помолимся“ „помолимися“. Никонъ рѣшительно высказался противъ такого искаженія смысла священныхъ пѣснопѣній. Вводилось пѣніе гармоническое, по нотной системѣ, вмѣсто прежнихъ „крюковъ“.

Нововведенія коснулись и иконописанія. Прежнія, латинскаго письма, иконы, которыя легко можно было найти на Руси, Никонъ приказывалъ отнимать, подъ угрозою анаѳемы.

Въ 1662 г. возвратился въ Россію Арсеній Сухановъ и представилъ царю и патріарху „Проскинитарій“—обстоятельный докладъ обо всемъ видѣнномъ, раздѣленный на 46 главъ. Арсеній подробно повѣствуетъ о разницѣ въ обрядахъ у насъ съ греками. Такъ Арсеній указываетъ, что на Востокѣ не принято причащать богоявленскою водою, что въ великую субботу съ плащаницею ходятъ вокругъ церкви противъ солнца, просфоръ особенныхъ за царя и патріарха нѣтъ. Священникъ начинаетъ вечерню, стоя на клиросѣ, а не передъ царскими вратами. Аллилуіа говорится иногда трижды, иногда дважды, съ

прибавленіемъ словъ: „слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ“, или „Упованіе наше, слава Тебѣ“. Каѳизмы читаютъ иногда обратившись лицомъ на западъ, такимъ же образомъ читаютъ и Евангеліе на утрени и литургіи. Во время обѣдни, при патріаршемъ служеніи патріарха, послѣ омовенія рукъ, въ началѣ „Херувимской“, воду не разносятъ молящимся, какъ это принято на Руси, при великомъ выходѣ ограничиваются преклоненіемъ колѣнъ, отнюдь не ложась на полъ лицомъ внизъ. Арсеній сообщаетъ, что греки совершенно не чуждаются общенія съ латынянами, поддерживаютъ знакомство даже представители высшаго духовенства того и другого вѣроисповѣданія. Не уклонились отъ зоркаго глаза Суханова и многія послабленія церковнаго устава, такъ, напримѣръ, даже патріархъ іерусалимскій по постнымъ днямъ ѣстъ сахаръ.

„Проскинитарій“ заинтересовалъ впослѣдствіи раскольниковъ, которые упорно желали видѣть въ немъ яркаго обличителя „еллинства“, столь близкаго сердцу патріарха Никона. Сложился даже взглядъ, что Сухановъ и былъ посланъ на Востокъ лишь съ цѣлью сравненія правовѣрія русскаго съ греческимъ, и, разумѣется, оказалось, что православіе въ первобытной чистотѣ сохранилось лишь на Руси, не запятнавшей себя постыдною и поганою, „латинскою прелестью“. Не такъ думалъ патріархъ. Еще сразу по вступленіи въ патріаршество Никонъ, какъ уже сказано, ревностно предался изученію обширной патріаршей библіотеки. Тутъ почерпнулъ Никонъ немало новаго и интереснаго. Отыскалась подлинная, подписанная восточными патріархами, грамота объ учрежденіи въ Руси патріаршества. И говорилось въ ней, между прочимъ, что русскій патріархъ долженъ быть во всемъ согласенъ съ восточными. Къ грамотѣ прилагался и символъ вѣры, въ которомъ въ 8 чинѣ значилось только: „Господа“ (το Κυριον), и не было слова: „истиннаго“. То же было изображено въ символѣ вѣры, начертанномъ по-гречески на саккосѣ, привезенномъ въ Москву еще митрополитомъ Фотіемъ, то есть за 250 лѣтъ назадъ.

Константинопольскій патріархъ Аѳанасій, пріѣзжавшій въ Москву, неоднократно указывалъ Никону на укоренившіеся у насъ еретическія уклоненія, широко примѣнявшіяся тогда,

особенно на поразившее его двуперстное сложеніе. И подъ его настойчивыми указаніями на многія весьма важныя ошибки въ обрядности, Никонъ серьезно рѣшился отбросить, наконецъ, всю непоколебимую увѣренность въ непогрѣшимость Руси въ дѣлѣ исповѣдованія христіанства, и дѣятельно отмести соръ, вѣками накоплявшійся, причемъ за образецъ взять исключительно греческую церковь, слѣдовать ея толкованію, оставивъ совершенно въ сторонѣ мысль о возможности исправленія богослужебныхъ книгъ лишь путемъ ихъ сравненія съ древне-славянскими памятниками.

Собственно, ломка началась уже немного раньше. Еще до знакомства съ Аѳанасіемъ, именно предъ наступленіемъ великаго поста 1653. Никонъ разослалъ по московскимъ церквамъ особую „память", въ которой предлагалось во время чтенія молитвы св. Ефрема Сирина полагать только четыре земныхъ поклона, вмѣсто прежнихъ двѣнадцати, поясныхъ же поклоновъ дѣлать двѣнадцать, креститься же только тремя перстами, а отнюдь не двумя. Недобрую молву вызвало новое патріаршее распоряженіе среди духовенства; нѣкоторые прямо говорили: „видимъ, яко зима хощетъ быть"; а протопопъ Юрьевца Поволжскаго, Аввакумъ, вмѣстѣ съ протопопомъ Даніиломъ изъ Костромы, подали особое мнѣніе по этому поводу самому царю.

Эти лица принадлежали къ упоминавшемуся уже у насъ „кружку ревнителей благочестія", были даже дружны съ Никономъ, отчасти обязанному своимъ избраніемъ царскому духовнику Стефану Вонифатьеву. Но затѣмъ взгляды ихъ разошлись. „Кружокъ" упорно стоялъ на почвѣ націонализаціи, всѣ непорядки русской церкви основывая исключительно на уклоненіяхъ отъ старины, совершенно раздѣляя указанный нами уже взглядъ объ идейномъ значеніи русскаго государства въ міровой христіанской семьѣ. Ртищевская школа, во главѣ которой стоялъ кіевскій монахъ Епифаній Славинецкій, „въ философіи и богословіи изящный дидаскалъ и искуснѣйшій въ еллино-греческомъ и славянскомъ діалектахъ", уже порядкомъ подорвала авторитетъ кружка, все образованіе членовъ котораго не шло дальше начитанности св. Писанія. Никонъ, съ его широкимъ кругозоромъ, не долго былъ единомышлен-

никомъ Неронова, Вонифатьева и другихъ. Ясный умъ указывалъ, что правда не здѣсь, не среди грузныхъ московскихъ протопоповъ, и онъ совершенно сталъ на сторону новаго теченія.

Началась открытая борьба. Выступили два направленія, новизна бросала вызовъ старинѣ, отживающій порядокъ не желалъ сдаваться безъ боя. Крутой Никонъ, видя предъ собою намѣченную цѣль, тоже не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія отказаться отъ нея только изъ-за трудностей.

Какъ разъ въ іюлѣ 1653 года, въ Москву поступила жалоба муромскаго воеводы на протопопа Лонгина, будто тотъ хулитъ иконы и ликъ Спасовъ. Іоаннъ Нероновъ, одинъ изъ вожаковъ партіи, враждебной Никону, выступилъ защитникомъ Лонгина, указывая на явную нелѣпость обвиненія и на беззаконіе Никона, своевольно отдавшаго протопопа „за пристава". Во время спора ясно обнаружились главные пункты неудовольствія противъ Никона. „Прежде сего,—говорилъ Нероновъ Никону,—ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ Стефану часто пріѣзжалъ, и о всякомъ дѣлѣ совѣтовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, въ архимандритахъ и въ митрополитахъ, и которые боголюбцы посланы государемъ къ блаженныя памяти къ патріарху Іосифу, чтобы ему поставити, по его государеву совѣту, въ митрополиты, и въ архіепископы, и епископы, иныхъ въ архимандриты, игумены и протопопы, а съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ ты тогда былъ въ совѣтѣхъ и не прекословилъ нигдѣ, и при поставленіи ихъ не говорилъ: анаксіосъ, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойны стали, а протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь, а друзей его разоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь; доселѣ ты намъ другъ былъ, а нынѣ на насъ возсталъ". Укоряли Никона и за его покровительственное отношеніе къ грекамъ: „Ты хвалишь законоположеніе иноземцевъ и обычаи ихъ пріемлешь. Нынѣ у тебя и святые-то люди: гречане и изъ малыя Руси".

Никонъ не стерпѣлъ всѣхъ этихъ обидъ. Воспользовались довольно рѣзкими выраженіями Неронова по адресу духов-

наго собора, разбиравшаго дѣло Лонгина, и „за великое безчиніе“ протопопа сослали въ Каменскій монастырь на Кубенскомъ озерѣ. А потомъ и Аввакума сослали въ Тобольскъ. Но Никонъ еще не сломилъ своихъ прежнихъ друзей, а теперешнихъ враговъ: изъ ссылки Нероновъ писалъ царю посланія противъ патріарха, горько жалуясь, что „не правилами святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ онъ, патріархъ, осуди мя; но своея ради страсти, зане правду ему рекохъ, свобождая душу его отъ вѣчныя бѣды. Онъ же сихъ ради возненавидѣ мя и не точію мене, но и братію всю христовыхъ рабовъ, и во враги ему быхомъ, правду предъ нимъ глаголюще всегда“.

Никонъ видѣлъ, что вести дѣло исправленія обрядности ему одному будетъ трудно, что больше авторитета придастъ соборное постановленіе. Въ 1654 г. въ палатахъ царя Алексѣя Михаиловича составился соборъ подъ предсѣдательствомъ „тишайшаго“. Присутствовало на немъ пять митрополитовъ, четыре архіепископа, одинъ епископъ, одиннадцать архимандритовъ и игумновъ и тринадцать протопоповъ.

Патріархъ указалъ собору всѣ замѣченныя имъ неправильности въ книгахъ, молитвословіяхъ и обрядахъ, кромѣ двуперстія, касательно котораго самъ царь колебался, да и Никонъ не былъ еще основательно убѣжденъ. Причиною созванія собора Никонъ выставилъ протоколъ константинопольскаго собора 1593 г., въ которомъ рекомендовалось „потреблять всякую новину“ въ церковныхъ чинахъ, дабы не было соблазна благодаря имъ. Перечисляя такія „новины“, вошедшія въ обиходъ русской церкви, Никонъ отмѣчалъ и отсутствіе ихъ въ обрядности Византіи. Почти по всѣмъ вопросамъ соборъ постановилъ исправить погрѣшности, согласно греческихъ старыхъ уставовъ. Пунктъ о „поклонахъ“ вызвалъ разногласіе. Особенно высказывался противъ мнѣнія патріарха епископъ коломенскій Павелъ, человѣкъ, близко стоявшій къ Неронову и Аввакуму. Упорство Павла не осталось безнаказаннымъ: послѣ собора Никонъ лишилъ несговорчиваго епископа каѳедры и сослалъ въ отдаленный монастырь, гдѣ тотъ и лишился разсудка.

За разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ Никонъ обратился

къ константинопольскому патріарху Паисію. Отвѣтъ получился очень торжественный, облеченный въ форму посланія, подписанный, кромѣ патріарха, двадцатью восемью іерархами константинопольской церкви.

Въ посланіи указывалось на возможность существованія какихъ-либо обрядовыхъ различій между отдѣльными церквами, которыя, однако, сущности православія поколебать не могутъ.

„Вижу изъ грамоты твоего преблаженства,—писалъ царьградскій святитель,—что ты сильно жалуешься на несогласіе въ нѣкоторыхъ обрядахъ, замѣчаемое въ помѣстныхъ церквахъ, и думаешь, не вредятъ ли разные обряды нашей вѣрѣ. Хвалимъ мысль: ибо кто боится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя и отъ великихъ. Но исправляемъ опасеніе: ибо мы имѣемъ повелѣніе апостола бѣгать только еретиковъ, по первомъ и второмъ наказаніи, какъ развращенныхъ. (Тит. 3, 11), равно и раздорниковъ, которые, хотя кажутся согласующимися съ православными въ главныхъ догматахъ, имѣютъ, однакожъ, свои особенныя ученія, чуждыя общему вѣрованію церкви. Но если случится какой-либо церкви разнствовать отъ другой въ нѣкоторыхъ уставахъ, не необходимыхъ и несущественныхъ въ вѣрѣ, т. е. касающихся не главныхъ членовъ вѣры, а вещей маловажныхъ, каковы: время служенія обѣдни или какими перстами долженъ благословлять священникъ и т. п., то это не дѣлаетъ никакого раздѣленія между вѣрующими, лишь бы только непреложно сохранялась одна и та же вѣра. Церковь наша не отъ начала приняла весь тотъ уставъ чинопослѣдованія, какой содержитъ нынѣ, а мало-по-малу. Прежде, какъ говоритъ св. Епифаній Кипрскій, „читали въ церкви одиннадцать псалмовъ, а потомъ больше, и имѣли разныя степени постовъ и мясояденія“. Далѣе Паисій говоритъ: „а о епископѣ коломенскомъ Павлѣ и о протопопѣ Іоаннѣ Нероновѣ вы говорите, что они не согласуются съ вами ни касательно книгъ и литургіи, ни касательно крестнаго знаменія, и отвергаютъ наши молитвы, какъ будто онѣ совершаются страха ради человѣческаго, а не ради страха Божія, и что будто бы на литургіи патріархъ молится иначе, чѣмъ другіе іереи, отвѣчаемъ: все это суть признаки

ереси и раскола, и кто такъ говоритъ и вѣруетъ, тотъ чуждъ православной нашей вѣрѣ... Блюдитесь крѣпко отъ такихъ волковъ: подъ образомъ исправленія, желая, повидимому, исправить недостатки церковные, они желаютъ привнести въ нее свои ядовитыя плевелы".

На вопросъ о правильномъ перстосложеніи Паисій отвѣчалъ: „всѣ мы имѣемъ древній обычай, по преданію, креститься тремя первыми перстами, сложенными вмѣстѣ, во образъ Св. Троицы. просвѣщеніемъ Которой открыта намъ тайна воплощенія, и мы научены славить единаго Бога въ трехъ лицахъ, Отца и Сына и Святого Духа и да распинаемся на крестѣ вмѣстѣ съ Господомъ нашимъ Іисусомъ, Сыномъ Божіимъ, сошедшимъ съ небесъ и вочеловѣчившимся, и пострадавшимъ плотію ради нашего спасенія. Представляется это благословнымъ, потому что совокупленіемъ трехъ перстовъ мы воспоминаемъ таинство св. Троицы, и когда изображаемъ на себѣ крестъ Господа, то воспоминаемъ Его страданіе и воскресеніе, и ими, и ради нихъ призываемъ отъ Бога помощь". Но еще до полученія грамоты отъ Паисія, Никонъ, опираясь на постановленіе собора 1654 г., приступилъ къ исправленію богослужебныхъ книгъ. Палатный дворъ для этой цѣли былъ переданъ въ полное распоряженіе Никона. Къ дѣлу исправленія книгъ, въ основаніе котораго былъ положенъ новый переводъ съ греческаго языка, были привлечены чудовскій старецъ Евѳимій, старецъ Арсеній Грекъ, іеромонахъ Епифаній Славинецкій и архимандритъ Иверскаго аѳонскаго монастыря Діонисій. Все это были люди, прекрасно знакомые съ греческимъ языкомъ и греческими обрядностями.

Въ 1655 г. прибыли въ Москву два патріарха: антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ. Ихъ-то присутствіемъ Никонъ и воспользовался для разсмотрѣнія своихъ нововведеній. На соборѣ, созванномъ въ томъ же году, было утверждено постановленіе собора 1655 г. объ исправленіи книгъ, примѣнительно къ греческимъ. Разсматривали вновь исправленный „Служебникъ", который по напечатаніи былъ разосланъ по церквамъ и монастырямъ для руководства. Новый „Служебникъ" значительно отличался отъ прежнихъ изданій. По нему, напримѣръ,

священнику и діакону предписывается выходить на литіи не царскими вратами, а сѣверными; при благословеніи хлѣбовъ, священникъ, взявъ хлѣбъ, не благословляетъ имъ прочіе хлѣбы, какъ это дѣлалось прежде, а рукою дѣлаетъ на немъ знаменіе креста, при проскомидіи предлагалось употреблять пять просфоръ, а не семь, изображая при этомъ на нихъ четырехконечный крестъ со словами І. С. Х. С. N. І. К. А., чего прежде не было. Измѣненія коснулись и многихъ выраженій, частью измѣненныхъ, частью и вовсе опущенныхъ.

Окончательное рѣшеніе собора по вопросу о перстосложеніи, было объявлено народу въ очень торжественной формѣ. 12 февраля 1656 г., въ день празднованія памяти Мелентія, патріарха антіохійскаго, Никонъ служилъ заутреню въ Чудовомъ монастырѣ. Присутствовалъ самъ царь и патріархи. Никонъ читалъ мѣсто въ Прологѣ, гдѣ говорится о Мелентіи. Тамъ имѣется сказаніе, что когда Мелентій, присутствуя на одномъ соборѣ, созванномъ противъ аріанъ, показалъ три перста, то такое сложеніе осталось безъ всякаго небеснаго знаменія, а когда сложилъ два, а третій согнулъ, то „изыде отъ него огнь, яко молнія". Это сказаніе приводилось прежде, да и теперь еще толкуется, какъ неоспоримое доказательство богоугодности двуперстія. Никонъ, желая разъ навсегда разсѣять всякія сомнѣнія на этотъ счетъ, громко спросилъ патріарха Макарія, что, по его мнѣнію, должно означать знаменіе. Тогда Макарій объяснилъ, что Мелентій показалъ три первыхъ пальца отдѣльно, а затѣмъ ихъ соединилъ, чтобы указать на единосущіе св. Троицы, и это толкованіе подтвердилось даннымъ съ неба знаменіемъ. Въ наступившей вскорѣ засимъ недѣлѣ православія, когда совершался чинъ православія, Макарій во всеуслышаніе заявилъ предъ царемъ и присутствовавшимъ многочисленнымъ народомъ, что всякій православный христіанинъ долженъ креститься тремя первыми перстами, всякій же, поступающій иначе—еретикъ, и потому подлежитъ отлученію отъ церкви. Созванный въ слѣдующемъ году духовный соборъ, совершенно согласился съ доводами восточныхъ іерарховъ, и подтвердилъ отлученіе двуперстниковъ.

Тѣмъ временемъ исправленіе книгъ шло своимъ чере-

домъ. Издана была „Скрижаль", составленная греческимъ іеромонахомъ Нафанаиломъ и переведенная на славянскій языкъ Арсеніемъ Грекомъ. Въ нее вошли творенія восточныхъ авторитетовъ по спорнымъ вопросамъ, возбуждавшимъ сомнѣнія на Руси, причемъ собраны были всѣ имѣвшіяся доказательства противъ различныхъ заблужденій. За „Скрижалью" были изданы: Канникъ, Часословъ, Служебникъ, Тріодь постная, Евангеліе напрестольное, впервые раздѣленное на главы и стихи, Апостолъ, Ирмологій и Псалтирь Слѣдованная. Изданныя книги тотчасъ же разсылались по Руси, причемъ приказывалось старыя книги отбирать, а эти-то мѣры и вызвали впослѣдствіи толки, что уничтоженіемъ старыхъ книгъ обижаютъ древнихъ молитвенниковъ земли русской, спасавшихся по тѣмъ книгамъ, которыя теперь признавались неправильными. Разгоралась искра, не замедлившая потомъ перейти въ страшный пожаръ, полымемъ охватившій всю Русь.

Начало раскола.

Реформы Никона проводились среди глухого неудовольствія народа, встрѣчали самое сильное противодѣйствіе со стороны многочисленной партіи, ненавидѣвшей крутого патріарха, къ тому же пользовавшагося безграничнымъ вліяніемъ на слабохарактернаго царя Алексѣя Михаиловича. Роптали почти всѣ; Никонъ являлся еретикомъ для почитателей родной старины, косо смотрѣвшихъ на новшества „греческой прелести"; духовенство, бояре, не могли спокойно переносить его властнаго, не терпѣвшаго ни малѣйшаго противорѣчія, характера. Даже ближнія къ царю лица, родственники „тишайшаго", и тѣ ежеминутно нашептывали на ухо тому, что патріархъ-де заслоняетъ высокій авторитетъ помазанника Божія.

На бѣду Русь постигали несчастія, одно другого горше. За страшною моровою язвою, положившею въ могилу не мало народа, напалъ неурожай, появился голодъ. Стали указывать на карающую десницу Божію. А за что прогнѣвался Господь на бѣдную, неповинную Русь? Все за грѣхи нечистивца-патріарха,

вонъ и знаменія небесныя пошли; солнечное затменіе, да небывалая комета съ хвостомъ. Слухи и вѣсти, какъ змѣи, ползли по всей землѣ. Нѣкая Степанидка, и братъ ея Терешка имѣли даже по сему случаю особое видѣніе Пресвятой Богородицы и мученицы Параскевы. Сохранившіяся даже до нашего времени выраженія: „никоніанство, никоніанская церковь", ясно показываютъ, что вся ненависть ревнителей стараго благочестія направлена была главнымъ образомъ на самого патріарха. Это же убѣжденіе въ виновности Никона сквозитъ и въ многочисленныхъ челобитныхъ, гдѣ повсюду встрѣчается одна и та же просьба къ царю „да Никона отставить". Вся реформа, проводившаяся Никономъ, сливалась въ мнѣніи народа во едино съ личностью патріарха. Никонъ рекомендовалъ слѣдовать въ дѣлахъ церковныхъ авторитету грековъ. Но со времени паденія Константинополя и неудачной флорентійской уніи слово „грекъ" въ устахъ правовѣрнаго русскаго стало означать человѣка, склоннаго къ латинству этой „мерзкой, богоотступной прелести". Хуже латинства для русскаго человѣка нельзя было себѣ и вообразить. Въ „Кормчей" за постановленіе св. отцовъ выдавалось, напримѣръ, требованіе не ѣсть съ латиняниномъ изъ одной посуды. Отвергнутые, оскорбленные Никономъ прежніе справщики книгъ, не упускали случая внушать народу убѣжденіе, что „Никонъ совершенно возлюби мерзкую ересь римскую и равенъ съ папою Петромъ Гунявымъ, яко вѣру православную съ латинью соедини, и явно есть христіанскій гонитель и папежскій ревнитель".

И мало по малу, враги реформатора-патріарха достигли своего: между Никономъ и царемъ пробѣжала черная кошка. Алексѣй Михайловичъ, за время польскаго похода, значительно возмужалъ, окрѣпъ характеромъ въ невзгодахъ военной жизни, да и отвыкъ немного отъ патріарха. Постоянныя нашептыванія тоже не могли пройти безслѣдно, и Никону вскорѣ пришлось горькимъ опытомъ удостовѣриться, что звѣзда его меркнетъ. 6 іюня 1658 года надъ Никономъ разразился ударъ. Въ этотъ день Москва торжественно встрѣчала грузинскаго царевича. Патріарха обошли приглашеніемъ во дворецъ, а его представителя, присутствовавшаго на церемоніи, одинъ изъ придворныхъ даже побилъ палкою. 8 іюля, въ праздникъ Казан-

ской иконы Божьей Матери, царь не посѣтилъ обѣдни, служившейся патріархомъ; 10 іюля царь уже прямо оповѣстилъ Никона о своемъ неудовольствіи противъ него. Тогда Никонъ, отслужилъ литургію, и пѣшкомъ отправился на подворье Воскресенскаго монастыря, а черезъ три дня уѣхалъ въ самый монастырь, прекративъ всякія занятія церковными дѣлами. Чрезъ нѣсколько времени временное управленіе церковью, за отказомъ патріарха, перешло въ руки крутицкаго епископа Питирима, непримиримаго врага гордаго Никона. Партія противниковъ начатыхъ было реформъ, окончательно брала верхъ Подъ ея давленіемъ возвращены были въ Москву многія лица, сосланныя Никономъ за противодѣйствіе его планамъ. Прибылъ изъ Сибири и протопопъ Аввакумъ. Съ этого времени и начинается видная роль послѣдняго въ движеніи части народа къ заброшенной старинѣ, и постепенно Аввакумъ становится душою и вдохновителемъ раскола перваго періода. Фигура Аввакума ярко и эффектно выдѣляется на общемъ мрачномъ фонѣ односторонняго фанатизма, лишеннаго отпечатка талантливости. Расколъ окрѣпъ, организуясь около Аввакума, давшаго ему окончательное идейное обоснованіе, выработавшаго положительную теорію, которая и должна была склеить обрывки формулированій зарождающагося направленія среди русскихъ людей. А что личность Аввакума представляетъ явленіе крупное въ исторіи русской мысли, то этого не рѣшаются оспаривать даже завзятые недоброжелатели юрьевецкаго протопопа. Поэтому будетъ далеко не лишнимъ нѣсколько остановиться на характеристикѣ Аввакума.

Аввакумъ родился около 1620 г. въ селѣ Григорьевѣ Княгининскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Отецъ Аввакума, священникъ, „прилежаше питія хмѣльнаго“, зато мать была женщина глубоко и искренно религіозная, „постница и молитвенница“, какъ болѣе всего и опредѣлялось тогда благочестіе истаго христіанина. Несомнѣнно мать оказала сильное вліяніе на мальчика, благоговѣйно смотрѣвшаго на аскетическую почти жизнь родительницы, ея заботы о загробномъ спасеніи. Съ ранняго возраста Аввакумъ, постоянно слыша наставленія о грѣховности натуры человѣческой, и о необходимости искупленія ея побѣдою надъ своими страстями, начинаетъ привы-

кать къ самоуглубленію. Аввакумъ старательно учится. Судя по его позднѣйшей дѣятельности проповѣднической, нельзя никоимъ образомъ сомнѣваться въ обширной начитанности Аввакума, отлично знакомаго съ русскою литературою, какъ оригинальною, такъ и переводною. А если принять во вниманіе характеръ тогдашней книги, постоянно толковавшей о тщетности всего земного, о лукавствѣ міра и необходимости отказаться отъ свѣтской жизни, гдѣ все—порокъ и соблазнъ, то легко понять, какія сѣмена могли западать въ душу впечатлительнаго, и, можетъ быть, нервнаго юноши, склоннаго къ всевозможнымъ экзальтированнымъ порывамъ.

По совѣту матери, всегда послушный во всемъ, Аввакумъ женился на своей односельчанкѣ, въ надеждѣ, что кроткая и набожная жена будетъ ему вѣрною „помощницею ко спасенію". Семейная жизнь Аввакума не обманула его чаяній; жена совершенно подходила по складу и убѣжденіямъ своему молодому мужу. По смерти матери Аввакумъ переселился въ село Лопатицы, гдѣ, двадцати одного года отъ роду, былъ рукоположенъ въ дьяконы, а черезъ два года въ священники. Аввакумъ высоко ставилъ предназначеніе пастыря душъ человѣческихъ, безпощадно подавляя въ себѣ всѣ слабости, которыя, по его мнѣнію, не могли уживаться съ саномъ священника.

Былъ случай, что къ Аввакуму пришла на исповѣдь падшая дѣвица. Голосъ молодой крови далъ себя почувствовать, и тогда Аввакумъ, чтобы смирить себя, зажегъ три свѣчи, и, укрѣпивъ ихъ около аналоя, держалъ надъ ними правую руку, мужественно перенося боль.

Аввакумъ самымъ ревностнымъ образомъ относился къ отправленію своихъ обязанностей, всячески стараясь внести большую стройность въ обрядъ, и тѣмъ побудить народъ возможно болѣе вникать въ смыслъ богослуженія. Интересно то обстоятельство, что уже въ молодости Аввакумъ обнаруживалъ склонность къ нервозности, дававшей благодарную почву для всевозможныхъ галлюцинацій. Аввакумъ самъ признается, что имѣлъ видѣнія дьявола,—чуть не общая черта многихъ замѣчательныхъ людей. Аввакумъ не задумывался вступаться въ неправое дѣло, не щадя подчасъ самого себя. Одинъ изъ „начальниковъ" отнялъ дочь у вдовы, а когда Аввакумъ

вздумалъ указать ему на всю беззаконность его поступка, то тотъ подстрекнулъ чернь, и Аввакумъ былъ нещадно избитъ. Прихожане тоже не долюбливали строгаго священника, не желавшаго сокращать церковныя службы, въ угоду слабостямъ молящихся. Дошло дѣло до того, что всякими способами у Аввакума отняли все имущество и даже выгнали изъ прихода. И вотъ Аввакумъ, съ женою и только что народившимся сыномъ бредетъ въ Москву—за защитою. Тамъ онъ понравился царскому духовнику Стефану Вонифатьеву и протопопу Казанскаго собора Ивану Неронову. Это были все лица видныя, и имъ не стоило труда добыть царское утвержденіе Аввакума въ отобранномъ мѣстѣ.

Въ селѣ Аввакумъ опять скоро не поладилъ. Пришли въ село какъ то скоморохи, Аввакумъ не стерпѣлъ „бѣсовскаго навожденія“ и выгналъ тѣхъ, изломавъ ихъ музыкальные инструменты. Крестьяне взволновались такимъ самоуправствомъ. Надумали обратиться къ проѣзжавшему въ ту пору боярину Шереметеву. Важный сановникъ принялся упрекать Аввакума въ излишней строгости, и, въ заключеніе, просилъ благословить его сына. На бѣду юный московскій франтъ, слѣдуя всесильной модѣ, закрадывавшейся изъ-за рубежа, былъ обритъ, и Аввакумъ, забывъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, принялся громить боярина за „блудолюбивый образъ“. Въ результатѣ—побои.

Мало по малу положеніе Аввакума въ Лопатицахъ стало невыносимымъ. По ходатайству московскихъ знакомыхъ Аввакума назначили протопопомъ въ Юрьевецъ - Поволжскій. Нравъ Аввакума не измѣнился. Суровый аскетъ-протопопъ, громившій подвластное ему духовенство за нерачительное отношеніе къ святости церковной обрядности, постоянно указывавшій на необходимость слѣдовать идеалу христіанства, въ смыслѣ подавленія въ себѣ всѣхъ человѣческихъ похотей, контролировавшій даже помыслы, не могъ внушить особой къ себѣ любви. Разразилось настоящее возмущеніе противъ Аввакума, чуть не убили, едва военною силою удалось отбить его отъ народа.

Весь избитый, истерзанный, Аввакумъ тайкомъ, ночью опять бѣжалъ въ Москву. Здѣсь онъ и остался. Съ того времени начинается его тѣсное общеніе съ кружкомъ, собрав-

шимся вокругъ Вонифатьева и Неронова. Тутъ были костромской протопопъ Даніилъ, муромскій—Логинъ, дьяконъ Московскаго Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ и суздальскій попъ Никита. Вліяніе этого кружка простиралось даже на самаго царя. Сюда же примыкалъ и тогдашній митрополитъ новгородскій—Никонъ.

Завязалось знакомство Аввакума съ „тишайшимъ". Благочестиваго царя немало покорялъ строгій образъ жизни протопопа, соединявшійся съ богатымъ запасомъ сердечной нѣжности по отношенію къ другимъ. Царь не мало удивлялся рѣдкимъ подвигамъ Аввакума, его способности молиться. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Аввакумъ представлялъ нѣчто незаурядное. Каждый вечеръ Аввакумъ, послѣ цѣлаго ряда молитвъ, при потушенномъ огнѣ, впотьмахъ совершалъ 300 поклоновъ, 600 молитвъ Іисусовыхъ, да 100 Богородицѣ.

Аввакумъ принималъ также участіе въ исправленіи книгъ при патріархѣ Іосифѣ. Но, разумѣется, справщики въ духѣ приверженцевъ русской старины, чувствовавшіе глубокое и неопреодолимое отвращеніе къ научному опыту Запада, не смогли существенно измѣнить старые грѣхи. При своемъ узкомъ, одностороннемъ, образованіи, справщики многаго не могли уразумѣть, но какъ люди самолюбивые, не желали сознаваться въ своемъ безсиліи. Довольно неудачною оказалась и дѣятельность Аввакума, порядкомъ таки напутавшаго, даже по отзывамъ его ближайшихъ единомышленниковъ. Но ни разу Аввакумъ не сознался въ своей ошибкѣ: фанатическое убѣжденіе въ правотѣ своихъ взглядовъ, искренно и чистосердечно продуманныхъ, начинаютъ все болѣе и болѣе ярко выражаться въ характерѣ будущаго апостола раскола. Совершенно новое теченіе въ дѣлѣ церковныхъ реформъ, обнаружившееся въ патріаршество Никона, сразу обострило отношеніе между „нероновцами" и „никоновцами". Завязалась борьба. Нероновъ палъ. Его услали въ вологодскій Спасо-Каменскій монастырь. За отсутствіемъ его, водворился въ роли главаря „охранителей" Аввакумъ, страстно принявшійся обличать еретика—„латинянина". Гроза обрушилась и на него По приказу патріарха протопопа арестовали, и, закованнаго въ кандалы, отвезли въ Андроньевъ монастырь, но трехдневная

голодовка не могла сломить упрямство Аввакума, текстами изъ Св. Писанія отвѣчавшаго на всѣ попытки образумить его. Личное свиданіе Никона съ Аввакумомъ убѣдило Никона въ непоколебимости протопопа. Никонъ рѣшился лишить Аввакума сана, но, подъ вліяніемъ царя, Аввакумъ отдѣлался одною ссылкою въ Тобольскъ.

Весь кружокъ Аввакума подвергся разгрому, многіе пали духомъ и смутились. Но не поддался Аввакумъ. Въ Сибири онъ устроился сперва довольно счастливо, благодаря симпатизированію со стороны тобольскаго епископа Симеона, недолюбливавшаго Никоновской новизны. Аввакумъ получилъ даже приходъ, и тутъ то ему открылось обширное поле для пропаганды, тѣмъ болѣе воспріимчивое, что въ Сибирь Аввакумъ явился въ ореолѣ мученика идеи, борца за чистоту и непорочность православія.

Теперь личность протопопа совершенно сформирована. Аввакумъ—весь одинъ порывъ къ Богу, къ религіи. Православіе для него и цѣль и смыслъ жизни. Внѣ его—для Аввакума нѣтъ ничего. Громадная сила воли Аввакума, его убѣжденія, способность увлекать окружающую среду своимъ огненнымъ краснорѣчіемъ, изъ ряду выходящею строгостью жизни, напоминавшею древнихъ подвижниковъ, не могли остаться незамѣченными. Къ нему стекаются послѣдователи. По городамъ и селамъ идетъ вѣсть о чуднómъ протопопѣ, страдающемъ за вѣру; изъ устъ въ уста передаются чудовищные разсказы, что въ далекой Москвѣ продана вѣра христіанская, продана самимъ патріархомъ, что Русью завладѣваетъ поганая латинщина.

Но враги Аввакума не дремали. Приказано было препроводить его еще дальше—на Лену, а затѣмъ и въ Даурію, въ качествѣ священника при отправленной туда развѣдочной экспедиціи воеводы Пашкова. Власть воеводы была безгранична и Аввакумъ терпѣлъ не мало, если вспомнить его положеніе полу-арестанта. Аввакума и били, и въ кандалы заковывали, и голодомъ морили, разлучали съ дѣтьми; испытывалъ онъ ужасныя мученія отъ холода, почти лишенный одежды—но духъ былъ твердъ. Во всѣхъ своихъ мученіяхъ Аввакумъ постоянно видѣлъ промыслъ Божій, испытующій крѣпость человѣка, предназначеннаго для великой цѣли.

Шесть лѣтъ тянулась такая почти животная, безправная, тяжелая жизнь Аввакума, ежечасно рисковавшаго погибнуть отъ рукъ грубаго, жестокаго воеводы, всячески старавшагося взять изморомъ желѣзнаго протопопа. Шесть лѣтъ длилась борьба Аввакума со всѣми невзгодами—и, наконецъ, окончились мученія. Аввакуму разрѣшили вернуться въ столицу. Патріаршій престолъ былъ уже пустъ. Отношенія между царемъ и Никономъ были самыя холодныя. И вотъ враждебная удалившемуся патріарху партія, желая, такъ сказать, воздвигнуть стѣну между Алексѣемъ Михаиловичемъ и его любимымъ когда то другомъ, добилась возвращенія въ столицу всѣхъ сосланныхъ противниковъ Никона. Аввакумъ двинулся въ Москву. Твердая увѣренность царила въ его душѣ, что правое дѣло, за которое онъ такъ страдалъ, взяло, наконецъ, верхъ. Но уже по дорогѣ Аввакумъ узналъ, что хотя Никонъ и не у дѣлъ, но начатыя имъ реформы все же не заброшены, кое что въ этомъ направленіи дѣлается, несмотря на сильное противодѣйствіе. Тоскливое сомнѣніе заползло въ душу измученнаго протопопа. Истомился онъ, на рукахъ была семья—впереди опять предстоялъ тяжелый подвигъ — борьба съ ересью Никона. То былъ по истинѣ трагическій моментъ, когда воля Аввакума заколебалась, готовая уступить тяжелымъ обстоятельствамъ. Впервые, быть можетъ, Аввакумъ понялъ, что придется бороться съ надвигающейся новизною, противъ которой его силы оказываются слабыми. Аввакумъ повѣдалъ тяжелую думу своей женѣ, безпредѣльно преданной ему и совершенно проникнутой его убѣжденіями. И женщина оказалась характера не женскаго.

„Жена, что сотворю—(ломалъ руки Аввакумъ)—зима еретическая на дворѣ: говорить ли мнѣ или молчать? связали вы меня!“ „Господи помилуй!—отвѣчала ему Настасья Марковна, что ты, Петровичъ, говоришь! Азъ тя и съ дѣтьми благословляю: дерзай проповѣдать слово Божіе по прежнему! А о насъ не тужи: дондеже Богъ изволитъ—живемъ вмѣстѣ; а когда разлучатъ, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Силенъ Христосъ, и насъ не покинетъ. Поди, поди въ церковь, Петровичъ, обличай блудни еретическую“.

Среди духовенства, боровшагося съ реформами Никона,

наступило разногласіе. Одни, какъ, напримѣръ, Нероновъ, подчинялись авторитету великихъ патріарховъ, вполнѣ одобрившихъ нововведенія Никона, другіе твердо считали еретиками всѣхъ спокойно относившихся къ старинѣ, не признавая никакихъ толкованій на этотъ счетъ. Аввакумъ появился какъ разъ во время. „Яко опала пріяша меня“. Царь, сославшій Аввакума только подъ давленіемъ со стороны Никона, не могъ не цѣнить такого благочестиваго человѣка, какъ Аввакумъ. Вообще, Алексѣй Михайловичъ во всей исторіи съ Никономъ и раскольниками обнаружилъ нѣкоторую раздвоенность характера, много вредившую и его репутаціи и ходу дѣлъ. Болѣе всего онъ не терпѣлъ всякихъ волненій, выбрасывавшихъ его изъ обычной колеи. Человѣкъ съ извѣстною эрудиціею, съ ясно смотрящимъ на дѣло умомъ, „тишайшій царь“ не могъ не видѣть всю справедливость и цѣлесообразность начатой Никономъ церковной реформы. Но Никонъ принялся за дѣло черезчуръ ужъ ретиво, не церемонясь съ стариной, разстаться съ которою Алексѣй Михайловичъ, высоко уважавшій традиціи, не могъ, волненія народныя непріятно дѣйствовали на его впечатлительную душу самъ Никонъ недостаточно сдерживалъ свои размахи—и палъ. Во имя реформы нужно было удалить наиболѣе закоренѣлыхъ противниковъ ея—Аввакумъ, тотъ самый Аввакумъ, котораго такъ очень почиталъ царь—ѣдетъ въ дальнюю ссылку. Нѣтъ Никона, некому постоянно нашептывать о вредности раскольниковъ,—царь не прочь вызвать Аввакума. Алексѣй Михайловичъ постоянно пытался сгладить шероховатости въ взаимныхъ отношеніяхъ двухъ направленій, вести новое дѣло мирно, безъ осложненій, но это совсѣмъ не удавалось ему. И поэтому получается странная картина. Царь, съ вѣдома котораго шесть лѣтъ мучился Аввакумъ, совершенно размякъ при первомъ же свиданіи съ протопопомъ, всегда изумлявшимъ его своимъ благочестіемъ, „Государь—говоритъ Аввакумъ—меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ, и слова милостивыя говорилъ; здорово ли-де, протопопъ, живешь? еще-де видатца Богъ велѣлъ. И я сопротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говоря: живъ Господь, жива душа моя, царь-государь, а впредъ, что изволитъ Богъ. Онъ же, миленькой, вздохнулъ,

да и пошелъ, куда надоти ему. И иное кое что было, да что много говорить. Прошло уже то.

Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ, и въ походѣ мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а самъ говоритъ: благослови-де-меня и помолись обо мнѣ. И шапку въ иную пору мурманку, снимая съ головы, уронилъ ѣдучи верхомъ. А изъ кареты высунется бывало ко мнѣ. Какъ мнѣ царя того не жалѣть?"

Аввакумъ не могъ никакъ примириться съ тѣмъ, что свѣтская власть такъ снисходительно относится къ попыткамъ Никона нарушить цѣлость православной вѣры. Аввакумъ выпустилъ въ Москвѣ цѣлый рядъ обличительныхъ посланій, въ которыхъ доказывалось, что попы „во многихъ церквахъ Божіихъ поютъ пѣсни, а не божественное пѣніе, по латини, и законы и уставы у нихъ латинскіе, руками машутъ, и главами киваютъ и ногами топчутъ, какъ-де обикло у латинниковъ по органамъ". Книжные же справщики въ духѣ Никона „попираютъ стадо христово злымъ ученіемъ и образы пѣсенно носятъ отступническіе, а не природные наши словенскаго языка, и они же не церковнее чада, діаволя, родилися ново, отъ Никонова ученія, понеже не вѣруютъ во Христа вочеловѣчевшася, и еще же исповѣдаютъ и не воскресша и царя несовершенна па небеси со Отцемъ быти, и Духа Святаго не истинна глаголютъ быти".

Видя, что отъ его увѣщаній взглядъ правительства на реформы Никона не мѣняется, убѣждаясь все болѣе въ томъ, что неудовольствіе на Никона со стороны царя и аристократіи вызвано главнымъ образомъ самою личностью властолюбиваго и почти всегда несдержаннаго патріарха, а взглядъ его на необходимость ломки существующихъ церковныхъ обычаевъ раздѣляется верхами московскаго общества, Аввакумъ рѣшилъ итти напроломъ. Чрезъ довѣреннѣйшаго ученика своего, юродиваго Θеодора, онъ подалъ царю челобитную, въ которой умолялъ „взыскать старое благочестіе и на престолъ патріаршескій пастыря православнаго учинить, вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика". Приводился даже рядъ именъ лицъ вредныхъ, по мнѣнію протопопа, для религіи.

Челобитная произвела во дворцѣ впечатлѣніе самое невыгодное для ея автора. Непреклонность Аввакума ясно показывала,

что онъ не желаетъ внять увѣщаніямъ царя смириться, а прямо припираетъ, что называется, „тишайшаго“ къ стѣнѣ. Аввакумъ становился уже опаснымъ для общественнаго спокойствія. Какъ на грѣхъ Аввакумъ подалъ второе прошеніе въ еще болѣе рѣзкомъ тонѣ, въ которомъ громилъ уже все московское духовенство, какъ разсадникъ ереси. Терпѣніе Алексѣя Михаиловича лопнуло: Аввакуму было послано краткое, но краснорѣчивое оповѣщеніе: „власти на тебя жалуются: церкви ты де запустошилъ; поѣдь въ ссылку опять“.

29 августа 1664, проживъ на свободѣ въ Москвѣ всего полгода, онъ со всей семьей двинулся въ далекій Пустозерскъ.

Съ дороги протопопъ шлетъ царю просьбу такого содержанія: „Христолюбивому государю, царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу бьетъ челомъ богомолецъ твой, въ Дaурехъ мученой протопопъ Аввакумъ Петровъ. Прогнѣвалъ, грѣшной, благоутробіе твое отъ болѣзни сердца неудержаніемъ моимъ, а иніе тебѣ, свѣтъ государь, и солгали тебѣ на меня, имъ же да не вмѣнитъ Господь Богъ въ грѣхъ. Помилуй, равноапостольный государь-царь, робятишекъ ради моихъ умилосердися ко мнѣ. Съ великою стужею доволокся до Холмогоръ; а въ Пустозерской острогъ до Христова Рождества стало невозможно ѣхать, потому что путь нужной, на оленяхъ ѣздятъ. И смущаюся, грѣшникъ, чтобъ робятишки на пути не примерзли съ стужи“. Царь внялъ мольбамъ и заступничеству бывшаго протопопа Неронова, нынѣ уже монаха, и разрѣшилъ остаться Аввакуму въ Мезени. Тамъ жилось Аввакуму относительно сносно.

Между тѣмъ неудача Аввакума въ борьбѣ съ реформами произвела нѣкотораго рода расколъ въ средѣ его единомышленниковъ, болѣе осторожные изъ которыхъ были недовольны излишнею, по ихъ мнѣнію, ретивостью протопопа, столь портящею общее дѣло. Аввакуму пришлось работать по двумъ направленіямъ: поддерживать духъ своей партіи и бороться съ новымъ церковнымъ теченіемъ. За такою работою провелъ онъ полтора года послѣдней ссылки, а затѣмъ нежданно-негаданно суждено было оборваться всей дѣятельности агитатора-протопопа.

Въ церковно-общественной жизни, послѣ ухода Никона, не-

строеніе продолжалось. Временно управлявшій патріаршествомъ крутицкій митрополитъ Питиримъ, выдвинутый враждебною Никону партіею, былъ слишкомъ зауряденъ, чтобы унять всѣ раздоры. Реформы Никона, не доведенныя до конца, только вышвырнули народъ русскій изъ его вѣковой колеи. Простая сермяжная Русь глухо мутилась, не усваивая себѣ всю суть преобразованій патріарха, верхи общества не сходились во взглядахъ на устройство церкви, царь тоже не могъ придумать какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ. Послѣ многихъ споровъ и предположеній, выдвинулась, наконецъ, на первый планъ старая идея созыва собора, который бы и разсудилъ всѣ запутанныя дѣла государства, обладая, конечно, достаточнымъ для этого авторитетомъ въ глазахъ недовѣрчиваго русскаго человѣка. И вотъ, въ февралѣ 1666 г. въ Москву съѣхались съ разныхъ концовъ Руси представители бѣлаго и чернаго духовенства. Пригласили и двухъ патріарховъ восточныхъ: александрійскаго и антіохійскаго. Доставлены были въ Москву и „блядословный" Аввакумъ, во главѣ цѣлой группы убѣжденныхъ своихъ сторонниковъ, рѣшившихъ не итти ни на какія уступки и твердо стоять за „правое дѣло". Къ тому времени литература въ духѣ Аввакума достигла уже порядочныхъ размѣровъ. Дѣятельно осуждали всѣ нововведенія вятскій епископъ Александръ, суздальскій попъ Никита, составившій обстоятельную челобитную, въ которой всесторонне разбирались всѣ недостатки новаго перевода „Скрижали"; дьяконъ Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ Ивановъ, „діавольскимъ навожденіемъ въ тяжкое пріиде безуміе и неистовство, якоже дерзнути ему аки ехиднину рожденію, чрево матери своея терзати: ибо изблева ядъ змiинъ отъ устъ своихъ, и отригну слово злоклеветное и ложное на начальнѣйшія правители святыя восточныя каѳолическія церкви, на святѣйшія патріархи греческія... забывъ, окаянный, яко ихъ благословеніемъ и ученіемъ вся селенная, аки четирма рѣками райскими, окропляется, оживляется и угобжается.. Наипаче же похули символъ благоисправленный, и святого аллилуіа утроеніе, такожде и первыхъ перстовъ во знаменованіи крестномъ сложеніе, якоже вся по преданію святихъ отецъ благочинно-исправимая благодатію пресвятаго, и отъ боготворящаго Духа, а не

прелестей сатаниною развратившася, яко онъ богомерзкій хульникъ, и слѣпый вождь и безумный невѣжда, на святѣйшаго Никона патріарха клевещетъ!"

Романо-Борисоглѣбскій попъ Лазарь тоже указывалъ на заимствованія Никономъ отъ инославныхъ вѣроисновѣданій. Немалымъ вниманіемъ пользовалась и книга архимандрита Спиридона Потемкина.

Сильная партія сторонниковъ благочестія давно уже окончательно сформировалась и при дворѣ. Видное мѣсто въ ней придется отвести фанатической послѣдовательницѣ Аввакума боярынѣ Ѳеодосіи Морозовой. До самозабвенія преданная мысли о погибающемъ православіи, Морозова вся отдалась пропагандѣ, дѣйствуя и словомъ и примѣромъ. Видная аристократка, находившаяся въ родственныхъ отношеніяхъ съ царствующею династіею, Морозова вела аскетическій образъ жизни, превративъ обширныя хоромы въ странноприимное убѣжище, переполненное всякаго рода нищими, юродивыми, и тому подобнымъ людомъ. Аввакумъ „не выходя" жилъ у нея, повѣряя слѣпо вѣровавшей въ его святость Морозовой всѣ свои самыя затаенныя думы, постоянно встрѣчая съ ея стороны живѣйшую готовность на всякія жертвы за „вѣру Христову". Здѣсь собирались и такія видныя лица тогдашняго общества, какъ бояре Иродіонъ Строгановъ, Иванъ Воротынскій, княгиня Евдокія Урусова и многіе другіе.

Пропаганда велась совершенно открыто и свободно. Доходило до того, что нѣкоторые смѣльчаки бѣгали по улицамъ за царскою повозкою, крича: „добро-бы, самодержавный царь, на древнее благочестіе вступить". „Староверы", какъ можно уже теперь называть приверженцевъ „старой вѣры" устроили даже нѣчто въ родѣ собора, на которомъ было постановлено: „никоніанское крещеніе не вмѣнять за истинное, такъ какъ церкви осквернены мерзостію антихристовою". Ходили по Россіи Богъ вѣсть откуда взявшіеся темные слухи о различныхъ видѣніяхъ. Нѣкій волжанинъ Дмитрій видѣлъ бѣсовъ, привѣтствовавшихъ Никона какъ „любезнаго брата". Неурядица шла полная. Священники совсѣмъ сбились съ толку. Въ каждой церкви служили по своему. Вѣрующіе перестали даже посѣщать храмы, въ своихъ сомнѣніяхъ „отлучившася церков-

наго входа и молитвъ и покаянія о грѣсѣхъ и принятія тѣла и крови Христова лишенная“. И тѣ восемь лѣтъ, которыя русская церковь провела по удаленіи Никона, безъ главы, по всей справедливости слѣдуетъ считать началомъ великаго русскаго раскола. Народъ рѣзко разбился на два легеря; какъ въ томъ такъ и въ другомъ были и убѣжденные люди, немало насчитывалось и запутавшихся въ хитрыхъ толкованіяхъ бого словскихъ взглядовъ на различныя стороны сложной обрядности.

Долѣе терпѣть такого хаоса понятій, грозившаго участи церкви, не приходилось, и при новомъ патріархѣ Іосифѣ соборъ 1666 года ребромъ поставилъ лично всѣмъ вызваннымъ расколоучителямъ цѣлый рядъ вопросовъ такого рода: „Святая и апостольская восточная церковь истинная ли есть и въ ней совершаемыя божественныя тайны—таины ли суть, и чины ея истинны ли суть, и великій *государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ православенъ ли и благочестивъ ли*, и святѣйшіе вселенскіе патріархи: константинопольскій, александрійскій, антіохійскій іерусалимскій, и великій господинъ святѣйшій Іосифъ патріархъ Московскій и всеа Русіи и преосвященные митрополиты и архіепископы и епископы, и весь преосвященный соборъ православный ли и благочестивъ ли, и пастыріе ли и учителе ли суть всѣмъ православнымъ христіанамъ и новоизданныя и исправленныя книги со старыхъ греческихъ и харатейныхъ книгъ славянскаго языка святы ли и честны и правы ли мнятъ быти, и о символѣ святыя нашея православныя вѣры, и о трегубой аллилуіи и о сложеніи первыхъ тріехъ перстъ во изображеніи честнаго креста Господня и о четвероконечномъ крестѣ и о всемъ, еже исправлено и напечатано въ новоисправленныхъ печатныхъ книгахъ, право ли мнитъ быти?“

Православіе церкви Аввакумъ призналъ, утверждая лишь, что все вновь введенное Никономъ,—„не согласуетъ“. Ядовитый, крючковатый вопросъ о благочестіи царя Аввакумъ также ловко обошелъ, безусловно согласившись съ чистотою намѣреній царя, который, по его мнѣнію „простою своею душою принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка,

книги, чая ихъ православни, не разсмотря плевелъ еретическихъ въ книгахъ, внесенныхъ ради браней, понялъ тому вѣры"... И тутъ же Аввакумъ обнаружилъ немалыя діалектическія способности, ободривъ царя, невольно нагрѣшившаго, что „праведникъ аще падетъ не разбіется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его".

Восточныхъ патріарховъ Аввакумъ сурово обличалъ, заявивъ, что у нихъ „не крестятся, но обливаются по-римски", а потому ихъ авторитетъ для нашего православнаго человѣка болѣе чѣмъ сомнителенъ.

По одиночкѣ были допрошены всѣ выдающіеся расколоучители. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Аввакумъ и, Лазарь, и слышать не хотѣли объ отреченіи отъ своихъ взглядовъ, другіе, болѣе слабые, и, быть можетъ, не такъ убѣжденные, сдались на увѣщанія собора и согласились съ его доводами. Не обошлось при этомъ, конечно, и безъ лицемѣрія. Никита Пустосвятъ и дьяконъ Ѳеодоръ Ивановъ, повидимому, совершенно раскаявшіеся, униженно просили соборъ о прощеніи, а въ послѣдующихъ событіяхъ ихъ неискренность не замедлила выясниться.

Послѣ разбора раскольничьихъ дѣлъ соборъ издалъ „Наставленіе", въ которомъ изложены были всѣ заблужденія раскольниковъ.

Рѣшеніемъ собора Аввакумъ былъ разстриженъ и заключенъ въ монастырь св. Николая, куда бывшаго протопопа и отправили самымъ секретнымъ образомъ, подъ конвоемъ стрѣльцовъ, изъ опасенія, чтобы народъ не отбилъ пострадавшаго Аввакума.

Популярность Аввакума все росла и росла. Его необыкновенная стойкость и упорство въ защитѣ тѣхъ или другихъ взглядовъ не могли не вызывать симпатій.

Несмотря на соборныя осужденія старовѣрческихъ убѣжденій, носителемъ которыхъ былъ Аввакумъ, народъ все же никакъ не могъ видѣть въ немъ грѣшника только за то, что протопопъ не могъ отказаться отъ вѣры въ освященныя вѣками традиціи. Особой ереси въ ученіи Аввакума простолюдинъ не могъ найти. Осужденные учителя вѣдь утверждали, въ сущности говоря, что иконы, предъ которыми молились

подвижники земли русской, богослужебныя книги, употреблявшіяся ими же—все это предметы, достойные всякаго почитанія и уваженія. И такія мнѣнія, весьма вѣроятно, раздѣлялъ и царь Алексѣй Михаїловичъ. Что-то скребло на сердцѣ у „тишайшаго“. Растриженный съ его же согласія протопопъ оставался по-прежнему богоугоднымъ человѣкомъ, ради котораго онъ ѣздилъ даже въ монастырь, и тутъ-то сказалась слабая черта характера царя, выразившаяся въ томъ, что вѣнценосный посѣтитель не могъ набраться храбрости открыто навѣстить своего бывшаго друга, а только „около темницы походилъ, и постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря“. Съ теченіемъ времени строгость надзора за узникомъ стала ослабѣвать, къ нему получили доступъ желающіе получить утѣшеніе отъ „Божьяго человѣка“. Опять носились слухи о чудесныхъ вещахъ, случавшихся вокругъ арестанта. За достовѣрное передавали, что Аввакуму въ тюрьмѣ явился самъ Христосъ съ Богородицею и убѣждалъ не падать духомъ. Началось броженіе, пока еще смутное, но правительство встревожилось и рѣшило пресѣчь всякое общеніе Аввакума съ внѣшнимъ міромъ. Его перевели въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь, игумену котораго были даны самыя опредѣленныя указанія касательно обращенія съ арестантомъ. „Вы-бъ его, Аввакума,—говорилось въ наказѣ,—приняли и велѣли посадить въ тюрьму и приказали его беречь накрѣпко съ великимъ опасеніемъ, чтобы онъ съ тюрьмы не ушелъ и дурна никакова-бъ надъ собою не учинилъ, и чернилъ и бумаги ему не давать, и никого къ нему пускать не велѣть“. И опять-таки слово упорно не сходилось съ дѣломъ. Осужденный, ошельмованный разстрига заставлялъ преклоняться предъ собою тюремщиковъ-монаховъ. Духовное оружіе Аввакума ломало оковы, брало верхъ надъ окружающею средою. Особая атмосфера, окружавшая Аввакума, его стальная энергія, закаленность характера, импонирующе дѣйствовали на приставленное къ нему начальство. Въ крохотной, темной кельѣ-казематѣ горѣло яркое пламя, далеко разсыпавшее искры по необъятной Руси.

Аввакумъ, лишенный свободы, семьи, вырванный изъ жизни, потерявшій возможность открыто, явно бороться за свои идеи, страдалъ, но страдалъ гордо, ни разу не обнаруживъ

послѣдней слабости. Никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью для него быть не могло. Все росло и крѣпло въ душѣ его могучее сознаніе своей угодности Богу, горячее стремленіе пострадать до конца за оскорбленную вѣру. Весь народъ, со всѣмъ и его помыслами воплотился въ Аввакумѣ. Онъ какъ бы хотѣлъ искупить его малодушіе, своею кровью заплатить за его избавленіе отъ мукъ адовыхъ,—непремѣннаго слѣдствія дьявольскаго соблазна „волка-патріарха".

17 іюня 1667 г. судьба Аввакума окончательно опредѣлилась. Въ этотъ день онъ стоялъ въ Москвѣ предъ наѣхавшими восточными патріархами. Всѣ попытки патріарховъ наставить Аввакума на путь истинности, не привели ни къ чему—Аввакума сломить нельзя было

„Богъ отверзъ мнѣ уста и посрамилъ ихъ Христа,—говоритъ объ этомъ допросѣ Аввакумъ. Послѣднее слово ко мнѣ рекли: что-де ты упрямъ? вся-де наша Палестина—и Серби и Албанцы,—и Валахи, и Римляне и Ляхи,—всѣ-де трема персты крестятся, одинъ-де ты стоишь въ своемъ упорствѣ и крестися пятію персты!—такъ не подобаетъ. И я имъ о Христѣ отвѣтилъ сице: Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невсклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіанамъ. А и у васъ православіе пестро стало отъ насилія татарскаго Махмета. И впредь пріѣзжайте къ намъ учитца: у насъ, Божіею благодатію, самодержство. До Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь не мятежна. Никонъ волкъ съ дьяволомъ предали трема персты креститца, а первые наши пастыри, якоже сами пятію персты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданію святыхъ отецъ... И патріархи задумались, а наши, что волченки, вскоча, завыли и плевать стали на отцевъ своихъ, говоря: глупы-де были и несмыслены наши русскіе святые, не ученые-де люди были,—чему имъ вѣрить! Они-де грамотѣ не умѣли! О, Боже Святый! Како претерпѣти святыхъ своихъ толикая досажденія! Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало. Побранилъ ихъ, колко могъ, и послѣднее слово реклъ: чистъ есмь азъ, и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лучше одинъ творяй волю Божію, не-

жели тми беззаконныхъ. Такъ на меня и пуще закричали: возми, возми его!—всѣхъ насъ обезчестилъ! Да и толкать и бить меня стали: и патріархи сами на меня бросились: человѣкъ съ сорокъ, чаю, было,—велико антихристово войско собралось! И я закричалъ: постой, не бейте! Такъ они всѣ отскочили. И я толмачу-архимандриту говорить сталъ: говори патріархамъ: Апостолъ Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ, и прочая; а вы убивше человѣка, какъ литургисать станете".

Такое самообладаніе Аввакума ошеломляюще подѣйствовало на черезчуръ увлекшееся духовенство.

Аввакумъ ни мало не робѣлъ предъ сильнымъ міромъ, отъ котораго теперь много въ его жизни зависѣло, онъ, напротивъ, словно задался цѣлью вывести своихъ судей изъ терпѣнія.

„А я отошелъ къ дверямъ, да набокъ повалился: посидите вы, а я полежу,—говорю имъ. Такъ они смѣются: дуракъ-де протопопъ! и патріарховъ не почитаетъ. И я говорю: мы уроды Христа ради! вы славны, мы же безчестны! вы сильны, мы же немощны. Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стали говорить со мною. И мнѣ Христосъ подалъ: посрамилъ я въ нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ... И Евѳимій,—торжествующе прибавляетъ Аввакумъ,—чудовской келарь, молвилъ: правъ-де ты,—нечего-де намъ больше такъ говорить съ тобою. Да и повели меня на цѣпь".

Такъ же безрезультатны оказались всѣ увѣщанія собора, обращенныя къ прочимъ подсудимымъ: протопопу Никифору, священнику Лазарю, дьякону Ѳеодору и монаху Епифанію.

Но царь все же не хотѣлъ отказаться отъ мысли какими-либо мѣрами подѣйствовать на Аввакума. Съ этой цѣлью онъ отправлялъ къ нему различныхъ лицъ, всяческимъ способомъ стараясь заставить его покориться патріархамъ. Былъ у него и извѣстный проповѣдникъ того времени, ученый монахъ Симеонъ Полоцкій. Богословскій диспутъ между ними отличался немалою страстностью: „зѣло было стязаніе много: разошлися, яко пьяны, не могъ и поѣсть послѣ крика". Ближній бояринъ царскій, Артамонъ Матвѣевъ, пробовалъ пустить въ

ходъ угрозы, но Аввакумъ не струсилъ: „Не грози мнѣ смертію, не боюсь тѣлесныя смерти,—но развѣ грѣховныя".

Аввакуму съ товарищами указано было ѣхать въ Пустозерскъ. Но передъ отъѣздомъ явились къ ссыльному „комнатные люди" и говорили ему „царскій глаголъ": „протопопъ, вѣдалъ я-де твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе; прошу-де твоего благословенія и съ царицею и съ чады: помолися о насъ".

Московскій соборъ 1667 года окончательно установилъ точку зрѣнія на положеніе русской церкви. Всесторонне было разобрано и дѣло патріарха Никона. Самъ бывшій патріархъ подвергся строгому порицанію за надменность и своевольный уходъ съ престола. Положили лишить его сана и сослать въ Ѳерапонтовъ монастырь. Предпріятіе же дѣло Никона встрѣчено было сочувственно, что и излагалось въ особомъ „Изрѣченіи"—второй части общихъ постановленій Собора. Въ немъ весьма опредѣленно указывалось: „если кто не послушаетъ нашего повелѣнія и не покорится святой восточной церкви и сему священному собору, или начнетъ прекословить или противиться намъ, мы такого противника, данною намъ властію, если будетъ священнаго чина, извергаемъ и предаемъ проклятію, а если будетъ отъ мірскаго чина, предаемъ проклятію и анаѳемѣ, какъ еретика и непокорника и отъ Церкви Божіей отсѣкаемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ.

Относительно же спорныхъ обрядовъ, вызвавшихъ все раскольничье движеніе, и утвердившихся большею частью въ XVI вѣкѣ послѣ одобренія ихъ на Стоглавомъ Соборѣ, и внесенныхъ затѣмъ въ старопечатныя книги, соборъ 1667 г. высказался въ томъ смыслѣ, что сужденія Стоглава, не посовѣтовавшагося съ вселенскими патріархами, и порѣшившаго дѣло „неразсудно, простотою и невѣжествомъ" — недѣйствительно, и потому самый соборъ „вмѣняется не въ соборъ, какъ и не былъ". „Житіе преподобнаго Ефросина"—„соннаго мечтанія списателева",—любимѣйшаго авторитета старообрядцевъ, было признано „лживымъ писаніемъ на прельщеніе блачестивымъ людямъ". Въ третьей книгѣ соборныхъ дѣяній патріархи Паисій и Макарій подробно дали свое толкованіе о

правильной аллилуіи, о крестномъ знаменіи, о св. Символѣ вѣры и о молитвѣ Іисусовой.

Главнымъ пунктомъ обвиненій противъ расколоучителей служила вовсе не ихъ приверженность къ старымъ обрядамъ, а оскорбленіе новоисправленныхъ: — „писали хулы на св. символа исправленіе, на сложеніе перстовъ при крестномъ знаменованіи, хульными словеси обзывали тройное аллилуіа, оклеветали священники московскія, аки невѣрующія во Христа вочеловѣчившася, укоряли священный соборъ, вся неправославными нарицая, называли неправославными и восточныхъ патріарховъ“.

Книги, положенныя при первыхъ пяти патріархахъ отнюдь не были признаны еретическими, и потому неправославными.

Кромѣ главныхъ обрядовъ постановленія собора касались и болѣе мелкихъ. Крестные ходы, напримѣръ, было предложено совершать противъ солнца; исправленный при патр. Никонѣ „Служеникъ“ былъ признанъ совершенно отвѣчающимъ своему назначенію, равно какъ и „Скрижаль“. Вопросъ о преслѣдованіи упрямыхъ раскольниковъ былъ разрѣшенъ соборомъ въ томъ смыслѣ, что нежелавшіе подчиняться указаніямъ церкви подлежали уже свѣтскому суду.

Соборомъ оффиціально было признано существованіе многочисленной категоріи русскихъ людей, отдѣлившихся отъ церкви въ ея преобразованномъ видѣ, и образовавшихъ свое собственное религіозное общество, съ особенными обрядами и формами пониманія христіанства.

Русь *раскололась.*

Казнь расколоучителей. Возмущеніе въ Соловецкомъ монастырѣ. Возмущеніе раскольниковъ въ Москвѣ.

Постановленія собора 1667 г. произвели на раскольниковъ впечатлѣніе явной несправедливости, и у нихъ сложился свой взглядъ на церковную и свѣтскія власти, соединившіяся въ противоборствѣ съ расколомъ.

Церковь въ ея исправленномъ видѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ подверглась критикѣ, какъ еретическая, самое общеніе съ которою заражаетъ тяжкимъ грѣхомъ. „Не подобаетъ, утверждали раскольники, — православнымъ христіанамъ ни благословенія отъ никоніанъ пріимати, ни службы, ни крещенія, ни молитвы, ни въ церкви съ ними не молитися, тоже въ дому; еретическихъ книгъ не читати, чтенія и пѣнія еретичеческаго не слушати".

Впрочемъ, житейскія условія путемъ практики выработали своего рода сдѣлки между убѣжденіями и необходимостью. Навстрѣчу такимъ нуждамъ пошелъ тотъ же Аввакумъ; щадя людскую слабость, онъ далъ цѣлый рядъ совѣтовъ, клонившихся къ тому, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. „Если—наставлялъ Аввакумъ—затащатъ въ церковь, то молитву Ісусову воздыхая говори, а пѣнія ихъ не слушай; образу Спасову вмѣстѣ не кланяйся, но когда они престанутъ отъ молитвы, тогда кланяйся".

„Если въ праздники попъ придетъ въ домъ съ крестомъ, и освященною водою, и въ дому бывъ, водою помочитъ, и ты послѣ него вымети метлою, ребятамъ вели отъ него спрятаться, а самъ съ женою ходи тутъ и виномъ его пой, а самъ говори: прости, недостойны къ кресту. Онъ кропитъ, а ты рожу то въ уголъ вороти, иль въ мошну въ тѣ поры полѣзь, да деньги ему давай, а жена за домашними дѣлами поди, да говори ему... не время мнѣ. Да какъ нибудь, что собаку отживите его. А хотя и омоютъ водою того, душа бы твоя не хотѣла... Аще нужда привлечетъ на исповѣдь идти къ никоніанину, то ты ему сказки сказывай". Наставленія эти очень характерны. Ими ясно опредѣлялось отношеніе раскольниковъ къ господствующей церкви: явное вѣроисповѣданіе старообрядства отнюдь не вмѣнялось въ обязанность, разъ получались какія либо практическія отъ этого неудобства.

Взглядъ раскольниковъ на свѣтскую власть въ еретическомъ государствѣ вылился въ опредѣленное ученіе о наступленіи на землѣ царства антихриста. Въ основу его легла старая легенда о признакахъ конца міра. Второе пришествіе Христа должно было предвзриться особыми странными собы-

тіями, какъ, напримѣръ, появленіемъ различныхъ лже-Боговъ, войнъ, народныхъ бѣдствій.

Въ болѣе древнія времена по христіанскому міру было особенно распространено такъ называемое „хиліастическое“ ученіе, то есть повѣріе, что міръ можетъ существовать лишь тысячу лѣтъ по Рождество Христово. На смѣну его явилась теорія о таинственной связи между Римомъ и всею землею, покоившаяся на толкованіи нѣкоторыхъ евангельскихъ мѣстъ. Послѣ паденія Рима, стали толковать, что Евангеліе имѣетъ въ виду второй Римъ, христіанскій, то есть Константинополь. Но взятіе турками Византійской столицы разрушило легенду. Ее перенесли на Москву — третій Римъ, какъ наслѣдницу греческихъ императоровъ.

Раскольничество ввело новую догадку о близкомъ наступленіи второго пришествія и наступленіи власти антихриста, судя по патріарху Никону. Старецъ Авраамій прямо указывалъ на Никона, какъ на несомнѣннаго антихриста, исходя изъ тѣхъ соображеній, что: 1) „Пророкъ глаголитъ, яко отъ сѣвера лукавство изыдетъ“. 2) Св. Кириллъ полагалъ, что происхожденіе антихриста будетъ не царское. 3) „Ипполитово. Слово“ пророчествуетъ, что антихристъ создастъ въ Іерусалимѣ новый каменный храмъ. Всѣ эти признаки какъ нельзя болѣе подходятъ къ Никону-прельстителю. Высчитали даже и срокъ. Сатана связанъ (какъ говоритъ Евангеліе) на 1000 лѣтъ, но считать лѣта слѣдуетъ со времени сошествія Христа въ адъ. Такимъ образомъ къ 1000 лѣтъ слѣдуетъ прибавить апокалипсическое имя антихриста „666“ и 33½ (земная жизнь Христа). Такимъ образомъ въ концѣ XVII вѣка и настанетъ роковая минута.

Долго раскольники не желали примириться съ своимъ положеніемъ. Ихъ стремленія къ возвращенію старыхъ церковныхъ порядковъ выражались между прочимъ въ цѣломъ рядѣ посланій, въ формѣ челобитныхъ, адресованныхъ на имя Алексѣя Михаиловича и его ближайшихъ преемниковъ. Аввакумъ страстно умолялъ царя загладить свой невольный грѣхъ никоніанства и возратить землѣ русской ея старинное благочестіе. Особенно характерно въ этомъ отношеніи его 6 посланіе, отправленное изъ Пустозерска“

„Царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ— молилъ ссыльный, разстриженный протопопъ—многажды писахомъ тебѣ прежде и молихомъ тебя, да примиритися къ Богу и умилитися въ раздѣленіи твоемъ отъ церковнаго тѣла, и нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моленіе приношу изъ темницы, яко изъ гроба: помилуй единородную душу свою и внiиди паки въ первое свое благочестіе, въ немже ты порожденъ еси, съ прежде бывшими тебе благочестивыми цари, родители свои, и съ прародители, и съ нами богомолцы своими во единой святой купели ты освященъ еси, единыя же Сіонскія церкви святымъ сосецъ ея нелестнымъ млекомъ воспитанъ еси съ нами, сичѣчь единой православной вѣрѣ... Почто по духу братію свою тако оскорбляеши? Что есть ересь наша, или кій расколъ внесохомъ мы въ церковь, якоже блядословятъ о насъ никоніаны, порицаютъ раскольниками и еретиками въ лукавомъ и богомерзкомъ Жезлѣ, а индѣ и предтечами антихристовыми! Не постави имъ, Господи, грѣха сего; не вѣдятъ бо, что творятъ, бѣдніи. Ты, самодерже, судъ подымеши о сихъ всѣхъ, иже таково дерзновеніе имъ подавый на ны. Не вѣмъ ни слѣду въ себѣ ереси коихъ, — пощади насъ, сынъ Божій- отъ такова нечестія и впредь!—ниже раскольства!..

Аще мы раскольники и еретики: *то и вси святіи отци наши и прежніе цари благочестивіи и святѣйшіе патріарси таковы суть*.

Аввакумъ, видимо, прямо добивается „мученическаго вѣнца". Онъ открыто объявляетъ царю: „елико ты насъ оскорбляеши больше, и мучишь и томишь: толико мы тебя больши любимъ царя, и Богамолимъ до смерти твоей"... Немного далѣе Аввакумъ довольно оригинально пытается подѣйствовать на впечатлительнаго царя пересказомъ своего пророческаго сна: нѣкогда мнѣ молящуся о тебѣ съ горькими слезами, отъ вечера и до полуночи зѣло стужающу Божеству, да бы тебѣ исцѣлиться душею своею и живу быти предъ нимъ и отъ труда своего, азъ многогрѣшній, падохъ на лицѣ своемъ, плакахся и рыдахъ горько, и отъ туги великія забыхся лежахъ на земли и видѣхъ тя предъ собою стояща или ангела твоего умиленна подпереться подъ лице правою рукою. Азъ же возрадовахся и началъ тя лобызати и обимати съ умиленными ласки. И ви-

дахъ на брюхѣ твоемъ язву зѣло велику, исполненну гноя многа и убоявся вострепетахъ душою своею, и положихъ взнакъ на войлокъ свой, на немже молитва и поклоны творю и начахъ язву на брюхѣ твоемъ слезами моими покропляти, а руками сводити: и бысть цѣло брюхо и здраво. И паки поворотихъ тя вверхъ спиною твою, и видѣхъ спину твою згнившую паче брюха и язвы больши первыя явися. Мнѣ же такъ плакавшуся, рукама своими сводящу язву твою спинную, и мало мало сошлася, и не вся исцѣлю. И очутихся отъ видѣнія того, не усунихъ тя всего здрава до конца.

Нѣтъ, государь, больше покинуть плакать о тебѣ: вижу не исцѣлить тебя".

Но звѣзда Аввакума уже закатывалась. Его челобитныя, то просительныя, то обличительныя не достигали цѣли. О своей личности протопопъ, казалось, совершенно забылъ. Свое и безъ того тяжелое заключеніе онъ умудрился еще усугубить различными аскетическими ухищреніями, отказался отъ всякой одежды, изнурялъ свою плоть, и все же бодръ былъ духомъ. Что ему лишенія, холодъ, голодъ, когда онъ владѣетъ входомъ къ небесному раю. Онъ горделиво обращается къ царю: „ты владѣешь на свободѣ живучи одною русскою землею, а мнѣ Сынъ Божій покорилъ за темничное сидѣніе небо и землю". И несмотря на разобщеніе его съ окружающимъ міромъ, онъ умудрился исписывать крошечные клочья бумаги, попадавшіе въ его казематъ. Ихъ переписывали, и такая подпольная высокоцѣнившаяся литература, ходила по Руси. За 14 лѣтъ сидѣнья въ Пустозерской ямѣ Аввакумъ написалъ очень много; кромѣ своего „житія", ему принадлежатъ 7 толкованій псалмовъ, 9 догматическихъ сочиненій, и 42 писанія. Вчитываясь въ нихъ, проникаешься глубокимъ уваженіемъ къ недюжинному популяризаторскому таланту Аввакума, его мѣтко брошенной фразѣ, поразительной образности стиля, приноровленнаго къ пониманію простого малоразвитаго люда [1]).

---

[1]) Напримѣръ, въ сочиненіи: „Списаніе и собраніе о божествѣ и о твари, и какъ созда Богъ человѣки" Аввакумъ такъ передаетъ исторію грѣхопаденія первыхъ людей:

„И позавидѣ діяволъ чести и слава Адаміи, восхотѣ у Бога украсти.

Какъ бы сознавая всю поконченность своей дѣятельности и близкіе разсчеты съ жизнью, Аввакумъ съ еще большею силою громилъ пороки и отступленія, „никоніанъ“ отъ истинной церкви.

Иконописцы новаго направленія пытались было познакомить Русь съ итальянскою школою живописи, сильно дѣйствовавшею на православный людъ своимъ тяготѣніемъ къ землѣ, стремленіемъ дать болѣе осязательную, жизненную форму тѣмъ или другимъ идеямъ. Аввакумъ, воспитанный на преклоненіи передъ старыми, византійскими образцами, съ ихъ строгими, застывшими шаблонами, совершенно лишенными чувственныхъ тоновъ, не могъ переносить заморскихъ тенденцій.

„Пишутъ фрязы—неистовствуетъ Аввакумъ со своею обычною грубоватою и прямолинейностью въ выраженіяхъ—образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, чреватую, брюхо на колѣни виситъ. Да пишутъ иконописцы Христа на крестѣ раздутова: толстехонекъ стоитъ и ноги у него, что стулики... Лице одутловато, уста червонныя, власы кедровыя, руки и мышцы толстыя, персты надутыя, такъ и у ногъ бедры толстыя и весь, яко нѣмчинъ брюхатъ, и толстъ учиненъ“.

Вообще, по мнѣнію Аввакума, ересь Никона окончательно растлила церковь. Иноки! Развѣ это иноки? Смотрите, они

вниде во змія, познаша звѣря,—и оболга Бога къ Адаму, рече: завистливъ Богъ, Адаме, не хощетъ васъ быти таковыхъ, какъ самъ; аще вкусите отъ древа, отъ него же вамъ ясти заповѣда, будете, яко бози. Онъ же, отказалъ, помня заповѣдь зиждителеву. Змія же отклонися отъ Адама, пріиде къ Евѣ,—ноги у нея и крылья были, хорошій звѣрь, красной была, докажетъ не своровала. И рече Евѣ тѣ же глаголи, что и Адаму... Она же, послушавъ зміи, приступи къ древу, вземъ грушъ и озоба его, и Адаму даде: понеже древо красно видѣніемъ, и добро и снѣдь,—смоковь красная, ягоди сладкіе, слова между собою льстивыя.

Паки Божія: *и вкусиста Адамъ и Ева* отъ древа, отъ него же Богъ заповѣда, и *обнажистася*. О, миленькія! Пріодѣти стало некому! Ввелъ діаволъ въ бѣду, а самъ и въ сторону. Лукавый хозяинъ накормилъ, напоилъ, да и з двора спихнулъ: пьяный валяется на улицѣ ограбленъ, никто не помилуетъ. Паки Библія: Адамъ же и Ева сшиста себѣ листвіе смоковничное отъ древа, отъ него же вкусиста, и прикрыста срамоту свою, и скрыстася, подъ древо возлегоста. Проспалися бѣдныя съ похмѣлья, анъ и самихъ себя соромъ: борода и усъ въ блѣвотинѣ, а отъ г...на въ мотылѣхъ, со здоровыхъ чашъ голова кругомъ идетъ и на плечахъ не держится...

„Богомъ преданны, скидали съ головъ, и, волосы расчесавъ, чтобъ бабы любили ихъ, выставя рожу всѣ, да препояшутся по титькамъ, воздѣвши на себя широкій жупанъ... На женскую подкисейку платьишко положилъ, да я-де су инокъ Христовымъ страстямъ пособникъ... Іоаннъ Предтеча подпоясывался по чресламъ, а не по титькамъ, поясомъ услонымъ, сирѣчь кожанымъ: чресла глаголются, подъ пупомъ опоясатися крѣпко, даже брюхо то и не толстѣетъ. А ты, что чреватая женка, не повредить бы въ брюхѣ ребенка, подпоясываешься по титькамъ. И въ твоемъ брюхѣ то не менше ребенка бабья накладено бѣды той, ягодъ мигдалнихъ, и ренскова и романеи и *водокъ различныхъ и ренскова,* какъ ево подпоясать"...

Православіе погибло на Руси безвозвратно „Отвергли никоніане вѣчную правду церковную, не восхотѣли пятію персты, по преданію святыхъ отецъ, креститися, но нѣкако странно тремя персты запечатлѣшася въ сокровищи всегубителя,—глаголю, печатію запечатлѣшася антихристовою, въ ней же тайна тайнамъ бѣ: змій, звѣрь и лжепророкъ. Всякъ, тремя персты знаменаяся, не можетъ разумѣти истины, омрачаетъ бо у таковового духъ противніи умъ и сердце его". Прогнѣвалъ народъ Бога и нечестивымъ произношеніемъ аллилуіи.

„Мерзко Богу четверичное воспѣваніе лицевое: аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже! Да будетъ проклятъ лице поюще. Зло и проклятіе се мудрованіе Богомъ и святыми".

Въ 1681 г. Аввакумъ самъ произнесъ себѣ послѣдній приговоръ. Запало ему въ голову отправить царю Ѳеодору Алексѣевичу прошеніе, пересыпанное горькими укоризнами по адресу покойнаго государя, чье преступное малодушіе, какъ выражался уже психически свихнувшійся отъ долгаго заключенія Аввакумъ— и поддерживало великое шатаніе земли русской. Тонъ посланія былъ по-прежнему строптивый. Послѣ первыхъ строкъ, вполнѣ спокойныхъ и трогательныхъ, Аввакумъ, какъ бы желая заглушить свою слабость, даетъ волю необузданному фанатизму, и настойчиво требуетъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ „еретикамъ". Но Аввакумъ не разсчиталъ. При дворѣ уже устанавливался новый курсъ, пахло западомъ, настойчиво пробивавшимся сквозь преграды вѣковой косности, представителемъ которой считался Аввакумъ, не желавшій знать

ни реформы, ни общенія съ иноземцами, полезность которыхъ почти оффиціально заявлялась московскимъ царемъ. Теперь добродушнаго „Михайловича", постоянно заступавшагося за Аввакума, не было въ живыхъ и „за великія на царскій домъ хулы" приказано было сжечь и Аввакума и его товарищей по несчастію. 1 апрѣля того же года Аввакумъ погибъ на кострѣ, въ послѣдній разъ наказавъ собравшейся многочисленной толпѣ молиться, слагая двоеперстіе, чтобы не погибнуть отъ Божьяго наказанія.

Страдальческая смерть Аввакума освятила его образъ въ памяти потомства. Мужество, непоколебимость Аввакума, выдержанныя до конца, казались лучшимъ аргументомъ его правоты и святости дѣла, имъ защищавшагося. Ревностно старалась злопамятная Москва затереть всяческіе слѣды упрямца, прибѣгая къ крутымъ репрессіямъ. Семья казненнаго протопопа была разсѣяна по Сибири и увидѣла свѣтъ уже долго спустя лишь благодаря заступничеству князя Бориса Голицына—фаворита Петра Великаго. Сынъ Аввакума, темный мужикъ Иванъ, показался особенно подозрительнымъ равительству и довелось *ему познакомиться съ начинавшимъ* тогда входить въ моду Алексѣевскимъ равелиномъ, отъ котораго бѣднягу не избавило его клятвенное обѣщаніе, что онъ „отца своего Аввакума за православнаго не пріемлетъ, и вмѣняетъ его за сущаго святой церкви противника и всѣхъ злыхъ дѣлъ его *отрицается". Равелинъ* принялъ Ивана Аввакумова, видимо, дружелюбно, ибо 7 декабря 1720 г. узникъ „будучи въ С.-Петербургской крѣпости за карауломъ, умре".

Погибъ Аввакумъ, заточены по тюрьмамъ его ближайшіе сподвижники, изъяты, стало быть, изъ обращенія самые зловредные смутьяны, но тѣмъ не менѣе движеніе вовсе не стихаетъ, наоборотъ, идетъ въ ширину и глубину, подвергаясь цѣлому ряду дробленій, и не теряетъ свою жизненность до нашихъ дней, запавъ въ души десяти милліоновъ коренныхъ русскихъ людей.

Оффиціальная исторіографія пытается увѣрить насъ, что расколъ старообрядчества вызванъ исключительно слѣпою, а стало быть, неразумною приверженностью къ неправильно истолкованнымъ догматамъ православія и внѣшней, обрядовой

стороны его, значительно отошедшей отъ соответствія съ духомъ церкви. Но нѣкоторые пытливые историки давно уже не удовлетворяются подобнаго рода вразумленіемъ. Неужели—задаютъ они себѣ вопросъ, — оттого, что одни крестились двумя перстами, чтили старопечатныя книги, восьмиконечный крестъ и пѣли сугубую аллилуію, а законъ другихъ предписывалъ трехперстное знаменіе, служеніе по исправленнымъ патріархомъ Никономъ книгамъ, почитаніе четырехконечнаго креста и тройную аллилуію, неужели только отъ этого десять милліоновъ народа откололись отъ прочей массы русскаго населенія, чуждаются ея, посильно избѣгаютъ общенія съ нею?

Со стороны догмы и пониманія сути церковныхъ уставовъ, справедливость была на сторонѣ московскихъ соборовъ, осудившихъ расколоучителей и признавшихъ цѣлесообразность реформъ. Если старообрядцы этого не понимали, тогда остается предположить, что милліоны раскольниковъ отличаются не только невѣжествомъ, но и полною бездарностью. Такое заключеніе было ошибочнымъ. Въ предводителяхъ раскола и даже въ массѣ ихъ послѣдователей исторія выводитъ предъ нами людей даровитыхъ, начитанныхъ, ловко и съ тактомъ ведущихъ свои дѣла, часто тонкихъ дипломатовъ. Это ли невѣжественная среда? Это ли сборище людей, не могущихъ понять, что не все хорошо, что старо и что ошибки должны быть исправляемы [1]).

„Всѣ они были лучшими выразителями своей эпохи, имѣли одну цѣль; очистить и возвысить обрядовый культъ, затертый индифферентистами XVII столѣтія, распространить христіанскія идеи какъ можно шире въ массахъ, стряхивающихъ съ себя мало по малу языческую оболочку и начинавшихъ прислушиваться къ голосу проповѣдниковъ, говорившихъ о Богѣ мира, любви, долготерпѣнія, о единомъ Богѣ, вѣчномъ, всемогущемъ. Жилось такъ тяжело, земное устроенье двигалось быстрѣе назадъ, чѣмъ впередъ; моры и голодовки и страшныя знаменія разстраивали нервную систему, создавали въ дѣтскисильномъ воображеніи людей XVII в. пугающіе образы грядущаго и страшнаго горя злосчастья. А въ это время—глухого

---

1) В. Андреевъ „Историческія судьбы раскола". „Всем. Трудъ" 1870.

молчанія представителей оффиціальной церкви являлись Аввакумы, Нероновы, и, презирая страданія и побои, добродушно смѣясь надъ злобными вспышками толпы, у которой эти люди разрушали всѣ ея привычки, говорили о раѣ и адѣ, о необъяснимомъ блаженствѣ въ какомъ-то будущемъ, далекомъ мірѣ,—блаженствѣ, которое обѣщалось всѣмъ огорченнымъ, страдающимъ, задавленнымъ... Толпа ихъ слушала, возмущалась, если эти пылкіе проповѣдники новыхъ истинъ уже слишкомъ рѣзко и грубо посягали на обычный складъ ихъ жизни и нравовъ, била ихъ перѣдко „смертнымъ боемъ". Но въ нихъ была сила вѣры, ихъ рѣчь была такъ жива, такъ понятна и сулила такъ много нравственнаго успкоепія, что за ними снова шли, ихъ слушали снова, и побои только увеличивали ихъ нравственный авторитетъ [1]). „Перечтите біографіи Неронова и Аввакума и вы сразу уловите тамъ особыя нотки, по которымъ при извѣстной вдумчивости можно ясно представить себѣ общую грустную гамму душевнаго настроенія, сквозь которую нѣтъ нѣтъ да и прольется чисто гражданскій мотивъ. Вспомнимъ, что эпоха зарожденія раскола совпадаетъ съ уничтоженіемъ земскихъ народныхъ правъ. Утвержденіе московскаго единодержавія естественно подводило бытовыя условія народа подъ одинаковыя формы. Что прежде было особенностью, то теперь становилось отступленіемъ отъ нормы, выдѣленіемъ изъ общаго правила. Мѣстное отличіе теперь мало по малу начало превращаться въ расколъ. Разнодержавіе допускало разномысліе по церковнымъ и гражданскимъ вопросамъ; единодержавіе вводило единеніе и однообразіе, такъ что мѣстная особенность если она не уступала выработаннымъ въ нравственномъ центрѣ формуламъ, дѣлалась уклоненіемъ отъ нихъ, расколомъ.

„Окончательное объединеніе Россіи въ гражданскомъ и церковно-административномъ отношеніи, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ земщины, завершившаяся полнымъ закрѣпощеніемъ крестьянства—вотъ гдѣ надобно видѣть источникъ раскола. Второстепенныя причины его истекали изъ главныхъ. Онѣ были: устраненіе прихода отъ выбора священника, назначав-

[1]) Н. Харламовъ. „Церковные идеалы и религіозныя идеи раскола" „Страна" 1880, № 57.

шагося съ этого времени правительствомъ и ставшаго изъ выборнаго человѣка административнымъ лицомъ; устраненіе крѣпостного сословія отъ священства, давшее возможность даровитымъ людямъ изъ крѣпостныхъ становиться во главѣ раскола; вмѣшательство гражданской и церковной власти въ частныя, семейныя дѣла, рѣзко противорѣчившее прежнимъ правамъ земской общины, и т. п.

Все это чувствовалось тѣмъ живѣе, что религіозные вольнодумцы XIV в. занесли изъ Новгорода въ Москву великій, прогрессивный принципъ совѣсти и мысли. Они первые попытались сдѣлать массу участницей религіозныхъ вопросовъ и не безслѣдно. Религія сдѣлалась народнымъ дѣломъ, изъ храма вышла на площадь, подверглась обсужденію и изслѣдованію,—другой вопросъ,—какова была качественная цѣнность подобнаго изслѣдованія. И если поборникъ ортодоксіи Іосифъ Волоколамскій обнаруживалъ своего рода грусть по поводу того, что „на улицахъ вси сумнятся, вси о вѣрѣ питаютъ", то Аввакумъ, наоборотъ, радовался развитію критическаго, т. е. проникновеннаго отношенія къ вѣрѣ. „Не дивися ты тому, что нѣтъ согласія между вѣрными—писалъ онъ одному изъ своихъ учениковъ. А что противятся другъ другу,—пускай такъ. Тамо истина и правда больше сыскиваются. Пускай грызутся о Христѣ, яко долбли псы и яко вранове о трупѣ".

Первымъ и самымъ важнымъ своимъ требованіемъ расколъ поставилъ глубоко демократическій принципъ общенароднаго участія въ дѣлахъ церкви, независимость областныхъ епископовъ отъ центральнаго владыки, и равенство всѣхъ служителей церкви въ устройствѣ церковныхъ дѣлъ. Это уже не обрядъ, не слѣпая погоня за буквою, а нѣчто изъ явленій высшаго порядка, непосредственно связаныхъ съ духомъ истаго, внутренняго гуманизма, подсказывавшаго Аввакуму и Неронову необходимость громкаго протеста противъ насильственнаго хозяйпичанья въ чужой душѣ, противъ поддержанія нравственнаго авторитета примѣненіемъ силы и власти. „Явившись сначала, какъ порывъ душевнаго движенія, съ массой второстепенныхъ, невыработанныхъ и отрывочныхъ идей и положеній, расколъ—какъ проявленіе религіозно-нравственной народной массы,

свою творческую, реформаціонную силу, обратилъ,—къ прискорбію—не на выясненіе путей и средствъ, которыми можно было бы добиться удовлетворенія своихъ желаній, а на анализированіе деталей своихъ доктринъ. Въ этомъ слабость раскола, не позволившая развернуться ему тѣмъ размахомъ, на который онъ безспорно способенъ. Мятущаяся душа руссаго человѣка въ своей скорби не смогла точно и опредѣленно формулировать своихъ стремленій, ибо ее раздирали требованія земли и неба. Израсходовавъ запасъ активности на противодѣйствіе соединенному нападенію бюрократіи свѣтской и духовной, расколъ остановился на пассивномъ сопротивленіи вновь появившимся вѣяніямъ, и запутался въ мистическомъ ученіи объ антихристѣ, которое—по мнѣнію—С. М. Соловьева—является при сильныхъ общественныхъ движеніяхъ, при важныхъ общественныхъ перемѣнахъ и борьбахъ, когда человѣку—христіанину такъ естественно обращаться къ апокалипсическимъ представленіямъ и спрашивать себя: не сбывается ли? не предъ глазами ли нашими знаменіе второго пришествія и кончины вѣка? Не нужно распространяться про то, какую силу имѣютъ апокалипсическія представленія надъ людьми, которые имѣютъ религіозную начитанность, и у которыхъ наука не умѣряетъ еще излишней живости воображенія".

Сильный и мощный толчокъ раскольничьему движенію дало возмущеніе братіи высокочтимаго Соловецкаго монастыря, сообщавшее ему немалый авторитетъ „Возмущеніе соловецкихъ монаховъ во второй половинѣ XVII вѣка имѣетъ весьма важное историческое значеніе. Это, съ одной стороны явленіе небывалое ни въ Соловецкомъ монастырѣ, ни въ русскомъ монашествѣ, ни даже въ русской церкви... До этого случая въ продолженіе многихъ столѣтій русская церковь и русское гражданское правительство всегда находили и привыкли видѣть въ монашествующихъ лучшихъ себѣ помощниковъ... Но вотъ въ то самое время, когда они можетъ быть болѣе всего нуждались въ помощи иночествующихъ, соловецкіе монахи не только не изъявляютъ готовности помогать имъ, но являются непокорными ихъ распоряженіямъ, противодѣйствуютъ, вступаютъ въ кровопролитную съ ними борьбу. Съ другой сто

роны, соловецкое возмущеніе своею необычайностью и своими основными мотивами произвело въ русскомъ народѣ такое впечатлѣніе, которое не можетъ забыться и до сихъ поръ." Дѣло въ томъ, что оно случилось какъ разъ въ то самое время, когда лишь только зарождался нашъ расколъ, т. е. когда большая часть русскаго народа, сосредоточивъ все свое вниманіе на церковной реформѣ, начатой Никономъ, колебалась въ выборѣ путей спасенія, предлагаемыхъ съ одной стороны Никонамъ, съ другой—Аввакумомъ съ товарищами. Соловецкіе монахи, для которыхъ, по народнымъ представленіямъ, чистота вѣры и спасеніе души цѣль жизни и дороже всего на свѣтѣ, стали на сторону Аввакума. Выборъ ихъ сразу разрѣшилъ сомнѣнія многихъ изъ благочестивыхъ людей, до сихъ поръ еще колебавшихся и они послѣдовали примѣру соловецкой братіи".

Казненные въ 1676 г. нѣкоторые монахи были причислены старобрядцами къ лику святыхъ, а ихъ извѣстная челобитная, поданная въ 1667 г. царю Алексѣю Михайловичу, пріобрѣла значеніе чуть ли не катихизиса старообрядчества, почитаемаго еще и понынѣ. Слѣдуетъ помнить, что благодаря пропагандѣ соловчанъ старообрядчество завоевало себѣ наше сѣверное поморье, плотно осѣвъ въ знаменитой Выговской пустыни.

Въ возмущеніи мирныхъ иноковъ, взявшихся, однако, за оружіе, слились два элемента—религіозный и политическій, при чемъ второй проявился лишь тогда, когда за приведеніе монаховъ въ лоно церковное, прибѣгли къ мѣрамъ гражданской власти.

Рѣшительное отвращеніе монаховъ къ „никоновщинѣ" во многомъ основано на личной непріязни между патріархомъ и иноками, имѣвшими много поводовъ быть недовольными Никономъ, еще въ бытность того митрополитомъ Новгородскимъ, т. е. непосредственнымъ наблюдателемъ за Соловецкою обителью, находившейся въ подсудности отъ строгаго Никона. Въ Соловки давно уже ссылали весь безпокойный элементъ, почему либо мозолившій глаза Москвѣ, но считавшійся неудобнымъ для простой тюрьмы. Такіе подневольные монахи постепенно сживались съ обителью, на ихъ жизнь добродушные

иноки смотрѣли сквозь пальцы, понимая ихъ тяжелое положеніе и, можетъ быть, даже иной разъ сочувствуя имъ. Никонъ же ревниво относился къ своей обязанности „царева ока“ и строго слѣдилъ за недопущеніемъ ссыльнымъ какихъ-либо послабленій. Естественно, что постоянные разносы Никона не могли расположить къ нему лицъ, такъ или иначе пострадавшихъ отъ него, и потому, старательно агитировавшихъ противъ зоркаго и несговорчиваго митрополита. Горько обидѣлъ монастырь Никонъ и тѣмъ, что пріѣхавъ въ монастырь, якобы погостить, онъ увезъ оттуда въ Москву мощи извѣстнаго митрополита Филарета, нѣкогда много потрудившагося для Соловокъ. Отошли отъ монастыря нѣкоторыя его доходныя статьи—опять оказался замѣшаннымъ Никонъ. Ясно послѣ этого, что Никонъ стоялъ бѣльмомъ въ глазахъ у братіи, всю свою враждебность къ его личности перенесшей и на его начинанія.

Черезъ своихъ людей на Москвѣ соловецкіе монахи знали о всѣхъ тонкостяхъ нововведеній Никона; извѣстно имъ было и несочувствіе многихъ къ „грековщинѣ, и потому, еще въ 1658 году обитель, по внушенію игумена архимандрита Ильи, особымъ приговоромъ рискнула отказаться отъ вновь исправленнаго и доставленнаго служебника, мотивируя свою уклончивость рѣшимостью умереть въ православной вѣрѣ и „латинской службы не принимать“. Но Никона уже не было на патріаршемъ престолѣ, въ правительственныхъ сферахъ наблюдалось нѣкоторое колебаніе относительно дальнѣйшаго веденія церковныхъ реформъ, и суемудріе монаховъ прошло незамѣченнымъ. Умеръ вскорѣ Илья и его мѣсто, по выбору монастыря, занялъ іеромонахъ Варфоломей, человѣкъ въ обители извѣстный и тѣмъ между прочимъ, что „жилъ незазорно и пьянаго питья не пилъ“. Долгое время Варфоломей пытался лавировать между опасеніемъ прослыть ослушникомъ царской воли, склонявшейся на сторону нововведеній Никона, и давленіемъ братіи, упрямо „зазорившей“ всякія новшества. Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, монахи раздѣлились на два лагеря: меньшій, умѣренный, и значительно большій — чисто-старообрядческій, строгій до фанатизма въ соблюденіи всѣхъ существовавшихъ до Никона подробностей церковнаго ритуала.

Въ 1666 году Варфоломея вызвали въ Москву для присутствованія на соборѣ, созванномъ въ цѣляхъ разсмотрѣнія дѣла Никона. Въ отсутствіе настоятеля положеніе Соловецкаго монастыря обострилось до крайности, въ силу полнаго разногласія между братіею, такъ что келарь вынужденъ былъ, наконецъ, обратиться за помощью къ самому царю. „Помилуй насъ, нищихъ твоихъ государевыхъ богомольцевъ — писалъ онъ въ своей челобитной,—освободи свое государево богомолье отъ мятежниковъ, и вели намъ дать свою, великаго государя, грамоту, чтобъ намъ опальныхъ людей и своихъ старцовъ, которые мятежъ чинятъ и безчинно живутъ, смирять, чтобы въ твоемъ государевомъ богомольѣ безмятежно было, а намъ бы, твоимъ государевымъ нищимъ богомольцамъ, отъ мятежниковъ и опальныхъ людей, отъ ихъ крамолъ и набѣговъ, отъ тебя, великаго государя, въ обидѣ не быть".

Московскія власти къ этому времени начинали уже со вниманіемъ относиться къ рѣзко-оппозиціонному настроенію соловецкой братіи. Въ монастырь наряженъ былъ архимандритъ Сергій „ради неповинующихся нынѣшнему святыхъ книгъ отъ греческаго исправленію, послышимому въ насъ, и непріемлющихъ елико въ словесѣхъ и чинѣхъ". Миссіи приданъ былъ внушительный характеръ, архимандрита сопровождалъ даже отрядъ вооруженной охраны. Отношеніе разворчавшихся монаховъ къ визиту неожиданно наѣхавшаго ревизора выясняется изъ донесенія Сергія въ Москву: „а какъ пріѣхали мы въ Соловецкій монастырь и они (монахи) отвели намъ только двѣ кельи, гдѣ стоять, и тѣ кельи малы; а гдѣ церковное и великаго государя сыскныя дѣла дѣлать, и они никакія кельи на то дѣло не дали и приставили ко всѣмъ намъ свои караулы, съ бердышами и палками". Гости слышали и такія непривѣтливыя рѣчи, „что годитца-де ихъ побить каменьемъ, посланы они-де отъ антихриста прелщати насъ". И это все—несмотря на заблаговременно доставленный въ Соловки царскій указъ, которымъ повелѣвалось подъ опасеніемъ „быть въ жестокомъ наказаньѣ и въ дальнихъ ссылкахъ", повиноваться архимандриту Сергію „во всемъ безъ всякаго прекословія". Миссія Сергія осталась безрезультатною: „сыскать все въ правду" ему не удалось, ибо монахи вели себя уклончиво и прямо-таки,

временами, лживо. Но едва только Сергій выбрался изъ монастыря, какъ отцы вновь совершили произволъ, самовольно, безъ санкціи государя, назначивъ на должности келаря и казначея двухъ рядовыхъ монаховъ, въ сущности совершенно этого не заслуживавшихъ, но выдвинутыхъ крайнею „революціонною“ партіею, захватившею теперь въ свои руки всю власть надъ монастыремъ.

Варфоломей, сидѣвшій все еще въ Москвѣ, окончательно сталъ ненавистенъ соловчанамъ своею видимою уступчивостью московскимъ вѣяніямъ, и они рѣшились, наконецъ, на совершенно отчаянный шагъ, отправивъ приказы по всѣмъ монастырскимъ владѣніямъ, что Варфоломей уже не считается болѣе главою обители, а потому всякія дальнѣйшія обязательства по отношенію къ нему теряютъ свою силу. Московское правительство, не видя конца ссорѣ соловецкаго настоятеля съ братіей и ничего въ ней не понимая, вняло, наконецъ, многочисленнымъ ходатайствамъ монаховъ и удалило Варфоломея отъ его поста, выбранъ на который онъ былъ его теперешними врагами, извѣрившимися въ его правотѣ. Уступая настойчивости братіи, Москва предполагала чрезъ это успокоить монастырь, безъ чего нельзя было и думать о водвореніи тамъ новыхъ церковныхъ порядковъ. Ошиблись и тѣ, и другіе. Монахи разсчитывали видѣть у себя настоятелемъ ихъ же архимандрита Никанора, любезнаго имъ и проживавшаго въ Москвѣ, человѣка большого ума и рѣшительнаго характера, имѣвшаго много связей съ Соловецкимъ монастыремъ и извѣстнаго своею ревностью къ старинѣ. Никаноръ послѣ визита Сергія въ Соловки былъ вызванъ въ Москву, смирился тамъ и отказался отъ старообрядчества, сохранивъ, однако, въ душѣ непоколебимую вѣрность завѣтамъ братіи Соловецкаго монастыря. Мечты его о настоятельствѣ не сбылись, и на мѣсто Варфоломея попалъ бывшій строитель московскаго подворья, старецъ Іосифъ. Хотя Никаноръ и Іосифъ, оба подъ давленіемъ Москвы, примирились съ никоновскимъ православіемъ, но въ истинныхъ чувствахъ перваго соловчане были увѣрены, тогда какъ второй не внушалъ имъ довѣрія. Явился новый игуменъ. Далеко на встрѣчу ему вышла монастырская депутація и сразу же задала прибывшему вопросъ: съ чѣмъ вы пріѣхали, и какъ у насъ

служить будете: по старому или по новому. Въ первомъ случаѣ онъ будетъ принятъ съ честью, братія рада будетъ ему, какъ Богу, а если онъ приверженецъ новизны, то онъ въ монастырѣ не нуженъ, „сиди въ кельѣ, какую дадутъ, и ничего не вѣдай, до указа великаго государя." Оказалось, что Іосифъ имѣетъ съ собою требуемый братіею документъ, предписывающій ему служить по новоисправленнымъ книгамъ. Чтеніе грамотъ отложили до монастыря. Во время заутрени, когда Іосифъ сталъ читать свои вѣрительныя грамоты, написанныя въ неугодномъ для монаховъ духѣ, разыгралась шумная и непристойная сцена. Монахи засадили Іосифа и его спутника по кельямъ подъ строгимъ карауломъ. А тутъ подоспѣлъ и Никаноръ, котораго Москва имѣла неосторожность отпустить въ Соловки на покой, и послѣ выраженнаго имъ братіи раскаянія въ вынужденномъ у него въ Москвѣ отступничествѣ, фактически очутился во главѣ управленія монастыремъ, отправившемъ царю пространную челобитную, написанную съ кажущеюся рѣшительностью: „аще ли ты, великій государь, помазанникъ Божій, намъ въ прежней, святыми отцы преданной, въ старой вѣрѣ быть не благоволишь и книги перемѣнить изволишь, милости у тебя, у государя, просимъ: помилуй насъ, не вели больше того къ намъ учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будемъ прежней своей православной вѣры перемѣнять, и вели, государь, на насъ свой мечъ прислать царской и отъ сего мятежнаго житія переселить насъ на оное, безмятежное, и вѣчное житье, а мы тебѣ, великому государю, не противны"... Такимъ смиреніемъ и героическою готовностью пострадать за „правую вѣру" дипломаты въ рясахъ думали смягчить сердце „тишайшаго" царя.

Восемь челобитныхъ, одну за другою, отправилъ монастырь на имя царя, съ особенною яркостью выставивъ въ послѣдней всѣ свои обвиненія противъ никоніанства и весь арсеналъ своихъ доводовъ за святую необходимость блюсти вѣру отцовъ. Въ смыслѣ аргументаціи монахи ровно ничего новаго не дали, лишь перефразировавъ и дополнивъ писанія Аввакума, Неронова и другихъ расколоучителей. Пробовали сперва образумить протестантовъ, ударивъ ихъ по карману. „За противность — гласилъ царскій указъ отъ 27 декабря 1667 года—

ко святой, соборнѣй и апостольской церкви, и за непослушаніе къ намъ, великому государю, того Соловецкаго монастыря вотчинныя села и деревни, и соляные и всякіе промыслы, и на Москвѣ и на городѣхъ со всякими заводы и съ запасы, указали отписать на насъ, великаго государя, и изъ тѣхъ селъ и деревень и отъ всякихъ промысловъ денегъ и хлѣбныхъ и иныхъ запасовъ и всякихъ покупокъ съ Москвы и изъ городовъ въ тотъ монастырь пропускать не велѣли"... А московскій духовный соборъ, въ полномъ своемъ составѣ, всѣхъ „непокорниковъ" предалъ анаѳемѣ.

Стрѣлецкій сотникъ Чадуевъ, доставившій въ монастырь царскій указъ, получилъ въ свою очередь „отписку" къ царю, съ оправданіемъ высылки монахами назначеннаго царскимъ изволеньемъ игумена Іосифа въ „сказку", съ прежними изъясненіями взглядовъ братіи на истинное православіе.

Дипломатія оказалась безсильной и рѣшено было принять противъ автономной обители карательныя мѣры. Въ 1668 г. началась семилѣтняя осада Соловецкаго монастыря. Теперь борьба приняла характеръ явно политическій Монахи въ глазахъ правительства сдѣлались несомнѣнными государственными преступниками, презирающими царскую власть. Съ своей стороны соловчане свою прежнюю враждебность къ церковной іерархіи перенесли на личность царя Алексѣя Михайловича отступившаго отъ отеческихъ преданій. „Съ нимъ — думали монахи—вступить въ борьбу за вѣру не только не будетъ особеннаго грѣха, напротивъ, можетъ вмѣниться отъ Бога въ особую добродѣтель".

Оружія монахамъ нечего было занимать: на стѣнахъ обители и по башнямъ стояло девяносто пушекъ, въ оружейной палатѣ хранилось большое количество холоднаго оружія, въ пороховомъ погребѣ были припасены бочки съ порохомъ, при всемъ этомъ монахи достаточно умѣли постоять въ ратномъ дѣлѣ, вдоволь напрактиковавшись въ ожиданіи предполагавшагося нападенія шведовъ, да и въ числѣ монаховъ можно было нисчитать не мало отставныхъ воякъ. Первый періодъ осады монастыря, ведшійся подъ руководствомъ Игнатія Волохова, ни сколько не подвинулъ дѣло впередъ въ виду преподанныхъ тому изъ Москвы инструкцій только „всемѣрно тѣснить" мона-

ховъ. Вдобавокъ Волоховъ перессорился съ безмѣстнымъ настоятелемъ Іосифомъ, номинальнымъ игуменомъ осаждаемаго монастыря, и оба они порядкомъ надоѣли Москвѣ своими кляузами другъ на друга. Въ 1672 г. Волоховъ былъ отозванъ, и замѣненъ стрѣлецкимъ головою Іевлевымъ. Между тѣмъ, даже и слабая осада монастыря была большимъ соблазномъ для русскаго народа, и особенно поморья, гдѣ всюду бродили соловецкіе выходцы и распространяли слухи о царѣ - гонителѣ, о духовныхъ и гражданскихъ властяхъ — слугахъ антихристовыхъ и объ истинныхъ мученикахъ-герояхъ—осажденныхъ монахахъ. Голодные и забитые московскими воеводами поморы жадно вслушивались въ подстрекательныя рѣчи и готовы были къ возстанію противъ правительства. „На черномъ соборѣ" отъ 28 декабря 1673 г. было постановлено „за великаго государя богомолье отставить". Этимъ монахи желали, конечно, выразить свое мщеніе царю, и начали про него „говорить такія неистовыя слова, которыхъ не только написать, но и слышать страшно". Въ средѣ возставшихъ опять произошелъ расколъ. Нашлось не мало робкихъ, испугавшихся послѣдней мѣры. Пошли распри между „молящимися" и „немолящимися", но численный перевѣсъ все же былъ на сторонѣ послѣднихъ. Наконецъ, терпѣніе царя истощилось, и онъ рѣшилъ принять самыя рѣшительныя мѣры, передавъ осадное дѣло стольнику Ивану Мещеринову, которому теперь было наказано, чтобы онъ „надъ соловецкими ворами чинилъ всякій воинскій промыселъ со всякимъ радѣніемъ неотложно, чтобы ихъ воровство и мятежъ искоренить вскорѣ".

Пошла отчаянная пушечная пальба. Толстыя стѣны монастыря, не развалившіяся почти два вѣка спустя отъ ядеръ англійской эскадры, бомбардировавшей обитель въ 1854., съ успѣхомъ держались подъ огнемъ старинной московской артиллеріи. Монахи бились отчаянно. Архимандритъ Никаноръ безпрестанно ходилъ по башнямъ, кропилъ освященною водою пушки, подбадривая монаховъ стоять до конца.

Нѣсколько разъ Мещериновъ вынужденъ былъ снимать осаду монастыря по недостатку боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ. Въ 1674 году, снабженный всѣмъ необходимымъ, имѣя подъ своимъ началомъ до тысячи стрѣльцовъ, Мещериновъ вплотную окружилъ монастырь.

Нашелся среди монаховъ и предатель, быстро облегчившій москвичамъ ихъ задачу. Въ ночь на 9 ноября къ Мещеринову явился чернецъ Ѳеоктистъ и повѣдалъ, „что-де можно надъ соловецкими ворами промыслъ учинить отъ Ануфріевскія церкви и ратныхъ людей ввести въ Соловецкій городъ окномъ, которое подъ сушиломъ у Бѣлой башни, за часъ до свѣту или въ отдачу ночныхъ часовъ, потому что-де воры въ то время съ караула и съ башенъ и со стѣнъ сходятъ въ кельи, а остается-де на башняхъ и по стѣнамъ только по одному человѣку".

По разработанному плану стрѣльцы ворвались въ монастырь и овладѣли имъ послѣ короткой, но горячей схватки. Отпраздновавъ побѣду торжественнымъ молебномъ въ Преображенскомъ соборѣ, стольникъ принялся чинить судъ и расправу. По словамъ того же Ѳеоктиста, Мещериновъ „иныхъ воровъ перевѣшалъ, а многихъ чернецовъ, выволоча за монастырь на морскую губу, живыхъ заморозилъ". Вообще, когда въ началѣ 1676 года въ монастырь прибылъ новый настоятель архимандритъ Макарій, Мещериновъ выдалъ ему „роспись за своею рукою" только о 14 уцѣлѣвшихъ чернецахъ „сидѣльцахъ". Вмѣсто казненной, убитой и разсаженной по тюрьмамъ братіи, монастырь былъ населенъ новымъ составомъ, набраннымъ изъ другихъ обителей.

Для старообрядчества соловецкій бунтъ не прошелъ безслѣдно. Практика монастырскаго сидѣнья выработала рядъ доктринъ, обусловливавшихъ, какъ увидимъ потомъ, существованіе такъ называемаго безпоповства и положившихъ начало такому тяжелому явленію въ исторіи раскола, какъ самосожиганіе.

За монахами сдѣлали попытку (1682) возстать за „попранное православіе", московскіе стрѣльцы, составлявшіе въ то время нѣчто въ родѣ гвардіи московскихъ царей.

На престолѣ сидѣлъ слабый духомъ и тѣломъ сынъ „тишайшаго" Ѳедоръ Алексѣевичъ, во многомъ схожій на Ѳеодора Іоанновича, унаслѣдовавшаго Іоанну Грозному.

Пользуясь слабостью центральной власти и раздорами въ царскомъ семействѣ, раскольники умѣло начали снова возбуждать въ народѣ участіе къ временно затихшимъ толкамъ о вѣрѣ; а тутъ

еще какъ разъ скончался царь, фактическая власть въ государствѣ перешла въ руки сестры покойнаго царя умной и энергичной царевны Софіи Алексѣевны, сумѣвшей съ помощью закупленныхъ стрѣльцовъ, добиться регенства надъ подраставшими братьями—царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами. Московскимъ преторіанцамъ благодарная Софья воздвигла даже памятникъ съ лестной для нихъ надписью, что они „сражались за домъ Пресвятой Богородицы".

Ихъ то и привлечь на свою сторону стало первою задачею раскольниковъ, разсчитывавшихъ „въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру возобновить, въ ней же россійскіе чудотворцы Богу угодные и прежніе великіе князи, благовѣрные цари и святѣйшіе патріархи до настанія Никонова патріаршества пребывали". Между стрѣльцами были такъ же, какъ и въ прочихъ сословіяхъ, ревнители „стараго благочестія", а главное, самъ начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій былъ втайнѣ жаркимъ послѣдователемъ протопопа Аввакума, нерѣдко даже находившаго въ его домѣ убѣжище въ годину бѣдствій. На третій день послѣ Кремлевскаго погрома, когда еще дымилась кровь, пролитая на Красной площади, на совѣтѣ стрѣльцовъ было положено написать челобитную отъ лица всѣхъ полковъ съ настоятельнымъ требованіемъ отвѣта отъ властей, „за что они возненавидѣли старыя книги, и возлюбили новую латино-римскую вѣру, по своей волѣ, а не по Божьей сотворенную". Челобитную составилъ уважаемый раскольниками инокъ Сергій „твердый адамантъ, искусный въ ученіи". Всѣ обѣщались единогласно постоять за православную вѣру; „за тлѣнное было головы свои положили, а за Христа-свѣта, чего не умереть". Въ челобитной была выражена и просьба къ царямъ и патріарху, чтобъ было разрѣшено общенародное преніе о спорныхъ вопросахъ. Среди общаго толка, кого избрать представителемъ интересовъ старой вѣры, произнесено было имя суздальскаго попа Никиты, извѣстнаго у противной стороны подъ прозваніемъ Пустосвята.

Надѣясь на покровительство стрѣльцовъ, старообрядческіе агитаторы заклинали народъ всячески уклоняться отъ никоніанскихъ священниковъ, грозя загробнымъ проклятіемъ. И „на-

родъ внималъ проповѣдникамъ со страхомъ и трепетомъ и страшился дѣйствительно погубить душу".

5 іюля Никита Пустосвятъ, отслуживъ молебенъ, двинулся съ своими на торжественный диспутъ, сопровождаемый стрѣлецкими выборными и громадной толпою народа. Раскольники расположились за Архангельскимъ соборомъ, уставили налои, разложили на нихъ старыя книги и иконы, зажгли свѣчи. Никита поднялся на подмостки и принялся поучать народъ. Патріархъ, увѣдомленный о волненіи, поднятомъ старообрядцами, въ цѣляхъ успокоенія велѣлъ раздать напечатанную повинную Никиты, въ которой тотъ, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, отрекался отъ своихъ мнѣній, но охотниковъ читать ее нашлось очень, очень немного. Тогда правительница Софья, рѣшившаяся выставить себя сторонницею новыхъ обрядовъ и, надѣясь, что привязанность къ ней стрѣльцовъ возьметъ верхъ надъ ихъ склонностью защищать Пустосвята, приказала открыть пренія въ Грановитой Палатѣ, въ своемъ присутствіи. Туда и отправились выборные. Софья встрѣтила „совопросниковъ" очень немилостиво. Никита повѣдалъ, что цѣлью ихъ посѣщенія является ходатайство о возвращеніи къ упраздненнымъ церковнымъ обычаямъ, а на замѣчаніе патріарха, что вовсе не дѣло „простолюдинамъ" вмѣшиваться въ религіозныя дѣла, отвѣчалъ дерзостью. Въ челобитной, поданной и прочтенной Никитою попалось нѣсколько неосторожныхъ выраженій относительно сомнительности православія царей Алексѣя Михайловича и Θеодора Алексѣевича, сильно оскорбившихъ Софью, что та и не замедлила высказать. Диспутъ принялъ совершенно безпорядочный характеръ, всѣ кричали разомъ, другъ друга не слушая. Софья распустила собраніе. Раскольники толпою сбѣжали внизъ по Красному Крыльцу и, поднявъ руки съ двуперстнымъ знаменіемъ, кричали: „вотъ такъ, вотъ такъ!". На посыпавшіеся вопросы о результатахъ споровъ, расколоучители только твердили одно: „побѣдихомъ, перепрехомъ".

Между тѣмъ Софья приняла всяческія мѣры воздѣйствія на стрѣльцовъ, отъ которыхъ зависѣлъ въ данный моментъ весь церковный вопросъ. Она плакала, просила, увѣщевала, пустила въ ходъ лесть и, наконецъ, очаровала стрѣльцовъ, приказавъ вы-

катить изъ дворцовыхъ погребовъ стоявшія тамъ бочки съ медомъ. Православное воинство не устояло противъ послѣдняго соблазна, и, махнувъ рукою на скучную догматику, въ предвкушеніи угощенія, изъявило полную готовность поддержать радушную царевну. Пошелъ отчаянный кутежъ, и, подъ трескъ выламываемыхъ бочекъ, состоялся скорый и грозный судъ надъ коноводами раскольничьихъ безпорядковъ. Никита Пустосвятъ поплатился головою, его ближайшіе единомышленники были разосланы по монастырямъ, и активное выступленіе расколоучителей окончилось для нихъ полнѣйшею неудачею.

Въ 1685 г. былъ обнародованъ правительственный указъ „о наказаніи разсѣевающихъ и принимающихъ ереси и расколы, любопытный, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ, въ сущности говоря, вплоть до самаго недавняго времени, за извѣстными послабленіями, вызванными условіями времени, служилъ отраженіемъ и мѣриломъ оффиціальныхъ воззрѣній на расколъ, давая цѣлую программу прямыхъ и косвенныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ подавленію старообрядчества и, вообще, взглядовъ, несогласныхъ съ указаніями господствующей церкви. „Буде—гласилъ указъ,—кто явится еретикъ и раскольникъ, въ какомъ развратномъ ученіи и въ противности и въ раскольствѣ и во всякомъ плевосѣяніи на святую церковь, а въ церковь Божію не приходятъ, и въ домы свои ни съ какою потребою священниковъ не пускаютъ, и на исповѣдь къ священникамъ не приходятъ, и Святыхъ Таинъ не причащаются, и межъ христіанъ чинятъ соблазнъ и мятежъ: и такихъ людей на Москвѣ и въ городахъ разспрашивать, и пытать накрѣпко, у кого они учились и кто съ ними единомышленники и товарищи; и на кого станутъ говорить и тѣхъ оговорныхъ людей имать и разспрашивать и давать имъ межъ себя очныя ставки; а съ очныхъ ставокъ тѣхъ оговорныхъ людей потому жъ съ языка пытать и розыскивать накрѣпко и которые съ пытокъ учнутъ въ томъ стоять упорно жъ, а покоренія святой церкви не принесутъ, и такихъ за такія вины, по трикратному у казны вопросу, будетъ не покорится, сжечь; а будетъ у смертной казни придетъ во обращеніе и вины всѣ свои принесутъ съ правами и нелестнымъ показаніемъ и обѣщаніемъ отъ тѣхъ своихъ злодѣйствъ престати и вѣрить по преданію святыя церкви: и

такихъ отсылать для исправленія истиннаго покаянія, на Москвѣ къ святѣйшему Патріарху, а въ городнн ко архіереямъ; и буде по свидѣтельству такіе противники пришли въ истинное покаяніе, и по исповѣди сподобилися пріятія Святыхъ Таинъ, и такихъ освобождать съ поручными записьми. А буде такіе люди, хотя избыть смерти, обратятся лестно, а послѣ явятся въ прежнихъ своихъ злобахъ и по правому свидѣтельству будутъ уличены: и такихъ казнить смертью безъ испытанія. А будетъ тѣ люди учнутъ говорить въ томъ своемъ воровствѣ на кого нибудь, а тѣ люди станутъ бить челомъ, что за ними никакова еретичества и раскольства и церковной противности нѣтъ, и станутъ приносить о себѣ во оправданіе какое свидѣтельство: и о тѣхъ людѣхъ сыскивать отдати ихъ духовнымъ, и приходскимъ священники и окольными людьми; а о допросѣ ихъ, духовныхъ и приходскихъ церквей священниковъ посылать памяти на Патріаршъ дворъ, а окольными людьми и иными свидѣтельства розыскивать, и указъ читать до чего доведется въ тѣхъ приказахъ, въ которые они приведены будутъ; а которые раскольники прелестію своею простолюдиновъ и ихъ женъ и дѣтей приводятъ къ тому, чтобъ они сами себя жгли, а такихъ воровъ по розыску за то ихъ воровство, что отъ ихъ прелести люди жглись, сжечь самихъ. А которые простолюдины, невѣдущи Божественнаго писанія, разговаривали о вѣрѣ и вступили не въ свои дѣла къ церковному развратy, чего на нихъ не положено, а по розыску явится и о церкви хотя что малая противность: и такимъ чинить наказаніе, смотря по винамъ, и свобождать на поруки, чтобъ имъ впредь въ такія дѣла не вступаться и быть въ послушаніе церковномъ, подъ паствою отцовъ своихъ духовныхъ; а въ которыхъ по розыску противности не явится, и такихъ свобождать безъ поручныхъ записей.

„А которые всякихъ чиновъ люди раскольщиковъ у себя держали, творя къ нимъ милость, а сами прелестнаго ихъ ученія не держались, а вѣдая про нихъ, не извѣстили, и видя въ нихъ раскольства и церковную противность, не поимали и не привели или отъ того съ нихъ имали какія взятки, или которые люди учнуть приходить про нихъ провѣдывать или приносить питье или яству или принесутъ отъ кого какія письма

подсылкою, а по розыску въ томъ, что они того прелестнаго ученія не держались, очистятся: и такимъ за утайку тѣхъ воровъ чинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ, а иныхъ смотря по дѣлу ссылать; а которые что приносили съ собой съ проста и въ томъ очистятся, и тѣмъ чинить наказаніе, бить батоги; а которые раскольники отъ неразумія, или въ малыхъ лѣтахъ, стоятъ въ упрямствѣ только въ новоисправныхъ книгахъ, что будто перемѣчено или въ крестномъ знаменьи или во святой молитвѣ, и такимъ чинить наказаніе, бить кнутомъ, и давать на поруки, дворцовыхъ селъ крестьянъ тѣхъ же селъ прикащикамъ и крестьянамъ, а монастырскихъ въ монастыри властямъ, а помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, а для наученія отдать духовнымъ, и смотрѣть за ними пятидесятскимъ и десятскимъ, и сосѣдамъ, чтобъ они впредь такъ не чинили и въ церкви Божіей приходили и ученія отъ отца своего духовнаго слушали и съ раскольщики не знались и въ домы свои ихъ не пускали; а буде впредь тѣ жъ раскольники объявятся въ такой же злобѣ, и на нихъ извѣщать, а по извѣтамъ чинить чего доведется; а которые люди, ходя по деревнямъ мужеска и женска полу, которые въ совершенныхъ лѣтѣхъ, также и дѣтей ихъ, которые въ совершенныхъ и малыхъ лѣтахъ перекрещивали прежнее святое крещеніе нарицали неправымъ, а перекрещиванье вмѣняли въ истину; и такихъ воровъ, которые перекрещивали, хотя они церкви Божіей и покаяніе принесутъ и отца духовнаго принять, Святыхъ Таинъ причаститься желати будутъ истинно, и ихъ исповѣдать и и причастя, казнить смертію безъ всякаго милосердія. А которые люди ходили къ раскольникамъ и сами у нихъ перекрещивались и носили дѣтей своихъ крещенныхъ, которые въ малыхъ лѣтахъ; а иныхъ и въ возрастѣ перекрещивать, а прежнее святое крещеніе вмѣняли въ неправое крещеніе: и тѣмъ которые перекрещивались буде они въ томъ учнутъ виниться безъ всякія противности, чинить наказаніе, бить кнутомъ и отсылать ко архіереямъ, кто чей епархіи, а имъ о исправленіи ихъ чинить по правиламъ Святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ; а которые покоренія въ томъ приносить не учнутъ и стануть въ той своей прелести стоять упорно и вмѣнять то въ истину, а прежнее святое крещеніе нарицать неправымъ, и тѣхъ казнить

смертію; а которые люди въ церковной противности учинились невдавнѣ, и въ распросы учнутъ церкви Божіей приносить покореніе, что они чинили то отъ невѣденія, или отъ какого принужденія, а извѣстить несмѣли, а иныхъ никого тому не учинили, и въ томъ вины свои объявятъ совершенно и обѣщаются съ клятвою впредь того не дѣлать, и такихъ посылать для исправленія на патріаршъ дворъ, а послѣ исправленія отдавать ихъ подъ паству отцамъ ихъ духовнымъ за поруками, а отцамъ ихъ духовнымъ надъ ними смотрѣть накрѣпко, чтобъ они впредь къ церкви Божіей приходили и церковнаго расколу у себя не имѣли и съ раскольщики не знались и въ домъ къ нимъ не ходили и къ себѣ ихъ не пушали, и ученія ихъ плевосѣятелей и хульниковъ на святую церковь отнюдь не слушали. Въ томъ же указѣ написано: а у которыхъ людей будутъ винятн раскольники, а жили у нихъ съ поруками, а они про расколъ ихъ не вѣдали, а тѣ записи будутъ не записаны, и на такихъ имать пени по 5 рублевъ; а у которыхъ жили безъ порукъ, и на тѣхъ имать противъ татиной и разбойной статьи по 50 руб. на человѣка, и у которыхъ жили хотя и съ порукою, а они про расколъ ихъ вѣдали, а не извѣстили, и тѣмъ чинить наказаніе, бить кнутомъ и ссылать; а поручикамъ, буде они про расколъ вѣдали жъ, чинить тожъ, а которые ругались не вѣдая, и тѣхъ свобождать и въ вину имъ не ставить; а которые люди за расколъ будутъ сосланы въ городы, и въ тѣхъ городахъ воеводамъ и приказнымъ людемъ приказывать надъ ними въ тѣхъ слободахъ, гдѣ они жить учнутъ, старостамъ, и пятидесятскимъ и десятскимъ надсматривать, чтобъ отъ нихъ церковной противности и расколу не было, а буде они объявятся или втай учнутъ держаться расколу или съ раскольники учнутъ знаться, и тѣмъ ворамъ чинить указъ по Уложенью. А на которыхъ людей станутъ говорить въ расколѣ языки, и тѣ люди въ то время отъ сыску ухоронятся, или гдѣ будутъ въ отъѣздѣ, а ворамъ и разбойникамъ будетъ указъ учиненъ, а тѣ люди объявятся собою, или сысканы будутъ послѣ, и въ томъ учнутъ запираться, а очныхъ ставокъ дать будетъ не съ кѣмъ: и такихъ по раскольничьимъ рѣчамъ распрашивать и разыскивать про нихъ обыскными сосѣдями и отцами духовными; и буде по розыску очистятся, и ихъ освидѣтельствовавъ

отцами духовными подлинно, свобождать на поруки; а буде въ чемъ будутъ обличены, и ихъ пытать и по пыточнымъ рѣчамъ указъ чинить, по вышеписаннымъ статьямъ, до чего доведется. У богохульниковъ и еретиковъ и у раскольщиковъ, у которыхъ объявятся дворы и помѣстья и вотчины и лавки и иные промыслы и заводы, также и у тѣхъ людей, у кого жили, и у поручиковъ, которые ручались вѣдая, сосланы будутъ въ ссылки, и тѣ ихъ дворы и помѣстья и вотчины и лавки и заводы отписывать на Великаго Государя, и продавать по оцѣнкѣ съ большею наддачею для того, что по такимъ сыскнымъ дѣламъ на прогоны и посыльнымъ людямъ въ жалованье Его Государскія денежныя казны исходитъ не малое число".

Указъ однимъ почеркомъ пера поставилъ раскольниковъ совершенно внѣ закона, лишивъ ихъ возможности гласно исповѣдывать свои убѣжденія и загнавъ въ подполье.

Событіе чисто церковное мало по малу стало пріобрѣтать уже значеніе гражданское, воспринявши въ себя элементъ противогосударственный, благодаря чему за расколомъ и сохранилась репутація оппозиціонной политической организаціи, охватившей низы недовольнаго народа. По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ раскола, развитіе противоправительственнаго принципа въ расколѣ протекаетъ въ двухъ періодахъ, изъ которыхъ первый фактически характеризуется мятежемъ соловецкихъ монаховъ и внушительно начавшеюся, но позорно закончившеюся, политическою демонстраціею московскихъ стрѣльцовъ, а второй начинается воцареніемъ Петра. Кровавое подавленіе безпорядковъ, рядъ совершенныхъ казней, весь терроръ, нагнанный правительствомъ на раскольниковъ не могъ, конечно, вызвать у нихъ особенно теплыхъ чувствъ къ суровой власти. Отраженіемъ общаго настроенія раскольниковъ того времени можетъ служить эпосъ, чаще всего проникнутый чувствомъ преклоненія предъ муками раскольниковъ и негодованія на жестокосердое начальство. Сплошь и рядомъ звучатъ нотки совсѣмъ не вѣрноподданническаго характера. Уже одинъ изъ первыхъ расколоучителей, дьяконъ Θедоръ, послѣ непреклоннаго собора 1667 г. вынесъ совершенно опредѣленное заключеніе, что „во время се нѣсть ни царя, ни святителя. Единъ бысть православный царь на земли остался, да и того

невнимающаго себѣ западніи еретицы, яко облацы темніи угасили христіанское солнце и свели во тьму многія прелести и погрузили, да не возникнетъ на истинный свой первый путь правды . . . . . ." „Невидимый змій проклятый діаволъ и сатана, входитъ во изобрѣтенная своя сосуды, въ двоицу окаянныхъ человѣкъ—царя и патріарха и бываетъ нечистая троица—еже видѣ Богословъ Іоаннъ въ трехъ нечистыхъ духахъ—змія, звѣря и лживаго пророка. Ипполитъ же святой и прочіи исповѣдницы Христовы истолковаша змѣя въ діавола, звѣря въ антихриста, сирѣчь царя лукаваго, мучителя лживаго пророка, духовнаго попа и тако бываетъ троица пребеззаконная, пречистѣй и пресвятѣй Троицѣ противница."

Окончательную обоснованность теоріи раскольниковъ о подчиненности русской государственной власти внушенію дьявола, создали реформы„ перваго русскаго интеллигента" Великаго Петра, глубоко уязвившаго самолюбіе національнаго консерватизма, утратившаго всякую вѣру въ уваженіе царя къ идеаламъ его подданныхъ. Чего еще лучше оставалось ждать? „Тишайшій" государь Алексѣй Михайловичъ допустилъ опутать себя греко-латинскою прелестью Никона, и презрѣлъ завѣты старыхъ молитвенниковъ земли русской, а его сынъ весь отдался нѣмцамъ. Московское царство начинаетъ рушиться, преобразуется въ всероссійскую имперію. Старыя формы государственной и общественной жизни отпадаютъ одна за другою. Всѣ порядки, условія быта, выработаннаго вѣками, сломаны, чтобы дать мѣсто новымъ вѣяніямъ, порожденнымъ чужою волею, чужимъ умомъ. Политика, руководившаяся прежде инстиктомъ національной обособленности, теперь запечатлѣвается характеромъ новаторства и заимствованія. Вся сущность петровскихъ реформъ заключалась въ насильственномъ привитіи народной жизни иноземныхъ началъ. Но извѣстно, что расколъ въ области религіи отстаивалъ не что иное, какъ именно сохранность своего, чисто русскаго, протестуя противъ иноземщины. Власть въ глазахъ народа выставила себя антинаціональной, лишившись какой бы то ни было популярности. Систему Петра консервативный народъ, за исключеніемъ малой горсти, совершенно отрицалъ. Сила энергіи, ума на сторонѣ Петра, за нимъ обаяніе мощи духа, у народа—одна религія, худая ли хорошая,

все равно, но въ ней привыкъ онъ черпать всегда и бодрость и смѣлость.

Раскольники ратуютъ за родную старину—вали къ нимъ. Всѣ народныя движенія, возникавшія въ началѣ Петрова царствованія и задавленныя его умѣніемъ подчинять себѣ волю другихъ, возникали подъ знаменемъ раскола. Заговоръ стрѣльцовъ, организованный въ 1705 г., и чуть было не пошатнувшій тронъ Петра, выставилъ лозунгомъ своимъ необходимость перебить всѣхъ нѣмцевъ, добиться старой вѣры и возможности не носить заморскаго богопротивнаго платья, не брить бородъ. Едва справились со стрѣлецкою бѣдою, на югѣ Россіи вспыхнулъ новый пожаръ, поднятый донскимъ атаманомъ Кондратіемъ Булавинымъ, разославшимъ по всѣмъ казачьимъ станицамъ прокламаціи, въ которыхъ предлагалось „всѣмъ старшинамъ и казакамъ за дѣло Пресвятыя Богородицы и за истинную вѣру встать и умереть за одно, ибо зло на насъ помышляютъ, жгутъ и казнятъ напрасно, а злые бояре и нѣмцы вводятъ въ насъ еллинскую вѣру и отъ истинной христіанской вѣры отвратили“.

Слѣдуетъ помнить, что хотя Россія никогда не знала клерикализма, за то глубоко была проникнута принципомъ теократическаго устройства государственности. Изстари государственный интересъ сливался въ одно нераздѣльное цѣлое съ интересами церкви. Самое гражданское законодательство сложилось подъ вліяніемъ каноническихъ постановленій. Государство строилось во вкусѣ церкви и вопросы гражданскаго устройства разсматривались съ точки зрѣнія церковныхъ авторитетовъ. Въ „Соборномъ изложеніи“ 1649 года лучше всего отразился духъ старой, допетровской Россіи. Въ этомъ законодательномъ кодексѣ важнѣйшею задачею считается собрать тѣ статьи, „которыя написаны въ правилахъ святыхъ отецъ, апостолъ и пристойны къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ“. Юридическія понятія о правдѣ и преступленіи сплошь и рядомъ выяснялись мѣстами св. писанія и правилами вселенскихъ соборовъ. Самъ царь смотрѣлъ на свой санъ съ чисто религіозной стороны, представляя себя намѣстникомъ Божіимъ, охраняющимъ въ подвластномъ ему народѣ вѣру и благочестіе. Преслѣдуя однѣ и тѣ же цѣли, направляясь къ однимъ

и тѣмъ же идеаламъ, власть духовная и свѣтская постоянно шла рука объ руку, вполнѣ искренно сочувствуя взаимнымъ начинаніямъ.

Петръ завелъ иное. Облюбованный имъ полицейско-бюрократическій режимъ омертвилъ русскую церковь вовсе, превративъ ее въ огромную канцелярію „вѣдомства православнаго исповѣданія". Безспорный религіозный индифферентизмъ Петра безжалостно отбросилъ мистическій покровъ, распростертый до тѣхъ поръ надъ палладіумомъ власти. Наружно, онъ конечно, не порываетъ связи съ церковью, по прежнему фигурирующею во всѣхъ правительственныхъ актахъ, но изъ преданнаго сотрудника, превратившеюся въ оробѣлаго подчиненнаго. Съ Стефаномъ Яворскимъ сошли въ могилу традиціи высшаго духовенства былыхъ временъ; мѣсто „печальниковъ" государевыхъ заступила коллегія чиновниковъ „Духовнаго Регламента въ рясахъ, начатая жизнерадостнымъ, угодливымъ, но умнымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, постоянно готовымъ церковнымъ авторитетомъ декорировать нововведенія своего вѣнценоснаго друга.

Странно ведетъ себя „благочестивѣйшій" государь, очень странно. Пляшетъ въ „машкерѣ", куритъ богопротивный табакъ съ голландскими шкиперами, самолично своею высокою персоною участвуетъ въ „мерзкихъ позорищахъ", колющихъ глаза истаго православнаго человѣка. Почему бы это? И вотъ по необозримымъ равнинамъ государства россійскаго, по городамъ и селамъ, урочищамъ и весямъ, несется страшная, леденящая умъ и сердце православныхъ, молва, разомъ разрѣшившая всѣ сомнѣнія: на престолѣ „третьяго Рима" въ вѣнцѣ и бармахъ Владиміра Мономаха сидитъ „антихристъ, жидовинъ изъ колѣна Данова", вознамѣрившійся извести на землѣ благочестіе.

Ученіе о Петрѣ, какъ объ антихристѣ, было общимъ отвѣтомъ старообрядческаго народа на его реформы. Это былъ выводъ русскаго ума изъ всѣхъ дѣйствій Петра. Хотя иниціатива этой доктрины безспорно принадлежала расколу, потому что послѣдній уже давно проповѣдовалъ о пришествіи антихриста, но это не помѣшало легендѣ сдѣлаться популярной и въ средѣ православнаго населенія, потому что она какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала его національнымъ предразсудкамъ. Отголоски подоб

наго мнѣнія мы встрѣчаемъ въ самыхъ *разнообразныхъ слояхъ* тогдашняго общества. *Предсказанныя апокалипсисомъ опасности* и бѣдствія послѣднихъ временъ сильно дѣйствовали на воображеніе людей, жившихъ исключительно религіозными убѣжденіями и рѣшавшимися для блага и спасенія гибнущихъ душъ проповѣдывать открыто противъ царя-антихриста.

Іюня 28 дня 1700 года въ преображенскомъ приказѣ, вѣдавшемъ особо важныя уголовныя и политическія дѣла, пѣвчій дьякъ Ѳедоръ Коранецъ извѣтомъ показалъ: „Того де числа пришедъ къ нему въ домъ зять его Патріаршей площади подъячій Аѳонасій Алексѣевъ съ женою своею Ѳеклою, и сказали: живутъ они въ Кисловкѣ у книгописца Гришки Талицкаго и слышалъ отъ него про Государя всякія непристойныя слова, чего и слышать невозможно; да онъ же Гришка рѣжетъ невѣдомо какія доски, а вырѣзавъ, хочетъ печатать тетради, а напечатавъ бросать въ народъ".

„... А по статейнымъ спискамъ показано: Гришка Талицкой въ распросѣ и съ розысковъ винился въ томъ: составилъ онъ воровскія письма, будто настало нынѣ послѣднее время и антихристъ въ міръ пришелъ, а антихристомъ въ томъ же своемъ письмѣ, ругаясь, писалъ Великаго Государя, также и иныя многія статьи ему Государю воровствомъ писалъ и народамъ отъ него отступить велѣлъ и слушать Его Государя и всякихъ ему податей платить не велѣлъ. Онъ же Гришка о томъ же послѣднемъ времени и о антихристѣ вырѣзалъ двѣ доски, а на тѣхъ же доскахъ хотѣлъ печатать листы и для возмущенія къ бунту и на Его жъ Государево убійство, тѣ листы хотѣлъ отдавать въ народъ безденежно".

Талицкій составилъ двѣ „тетради", 1) „О пришествіи въ міръ антихриста и о лѣтахъ отъ созданія міра до скончанія свѣта", 2) „Врата", гдѣ и изложилъ сдѣланныя имъ розысканія, доказывавшія, что Петръ Первый—восьмой царь, т.-е. антихристъ. Тамбовскій епископъ Игнатій, проѣздомъ чрезъ Москву, услышалъ о Талицкомъ, пригласилъ его къ себѣ, и, слушая чтеніе его произведеній, умилялся, плакалъ, и подарилъ автору пять рублей.

Пропаганда Талицкаго шла очень успѣшно, пока онъ не нарвался на доносчика, выдавшаго его страшному оберъ-

инквизитору князю Ромодановскому. Талицкаго арестовали и стали пытать. Послѣ безконечныхъ допросовъ обвиняемый и одинъ изъ его ближайшихъ друзей былъ приговоренъ къ смертной казни *копченіемъ*. Извѣстно, что Талицкій не выдержалъ послѣднихъ мукъ и принесъ повинную, но помилованія, конечно, не получилъ. Нашлись у Талицкаго и другіе послѣдователи.

„По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, (слушавъ изъ тайной канцеляріи выписки и доношенія) приговорили: старца Варлаама, а по обнаженіи монашества Василія Савина, сына Левина, (который напредь сего былъ капитаномъ) казнить смертью, сжечь въ Москвѣ, для того, что въ нынѣшнемъ 1722 году марта въ 19 числѣ, пришедъ онъ, Левинъ, въ городъ Пензу и кричалъ всенародно злая слова, а именно бунтовныя, касающіяся къ Превысокой персонѣ Его Императорскаго Величества и вредительныя государству, и въ тайной канцеляріи по распросамъ его Левина и по розыскамъ явилось, что нетокмо на Пензѣ, но и прежде того отцамъ своимъ духовнымъ на исповѣди, и на Пензѣ въ Предтечевскомъ, да въ Симбирскомъ въ Жадовскомъ монастыряхъ игуменомъ и начальному своему отцу старцу Іонѣ и въ Сараяскомъ уѣздѣ, въ церкви всенародно, также ѣдучи изъ Санктъ-Петербурга въ Пензенскій уѣздъ дорогою тѣ же злыя слова онъ, Левинъ, разглашалъ явно; къ тому же показалъ онъ распросомъ, что и впредь де ежели ему означенную вину его отпустятъ и отъ смерти свободятъ то-де имѣлъ онъ намѣреніе, чтобъ во всѣхъ градѣхъ и на путѣхъ кричать и тѣ злая слова произносить, дабы народъ къ бунту возмутить и по оному всему вышеозначенное его злое намѣреніе показалось не отъ чего иного, но токмо отъ природныя его злобы къ возмущенію простого народа, чѣмъ бы ему кого въ напрасную злобу и въ горесть привесть, которое свое злое намѣреніе и въ дѣйство уже онъ произвелъ, то есть показалъ онъ въ распросѣхъ своихъ, будто тѣ злая свои слова сказывалъ... что-де вѣру православную христіанскую онъ охуждаетъ и кровь Христа Спасителя нашего за истинное тѣло и кровь его не пріемлетъ, а святыя иконы называетъ идолами, и ежели де его допустятъ, то онъ ихъ исколетъ, и тѣмъ онъ, Левинъ,

показалъ себя нетолько злымъ порицателемъ Его Императорскаго Величества Высокіе персопы и злодѣемъ къ народу, но и богохульникомъ и иконоборцемъ...

„Артикулъ двадесятый: „кто противъ Его Величества особы хулительными словами погрѣшитъ, Его дѣйсто и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ живота лишенъ быть и отсѣченіемъ головы казненъ, и по означенной уложенной статьѣ и по военному артикулу вышеобъявленную казнь ему, Левину, учинить и приговорили: а прежде той казни вырѣзать ему языкъ, понеже которымъ удомъ прежде злобу онъ произносилъ, тотъ удъ прежде и казнь воспріиметъ, а для всенароднаго вѣденія на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ сожженъ, выставить листъ съ надписаніемъ тѣхъ его злыхъ винъ..."

Такъ же трагически завершилась проповѣдь на ту же тему современника обоихъ казненныхъ—Самуила Выморкова.

То былъ сынъ тамбовскаго дьячка, одаренный натурою необыкновенно впечатлительною, страстною, умомъ, постоянно работавшимъ въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ сомнѣній. Молодой дьячекъ вѣчно копался въ книгахъ, всюду отыскивая ихъ и съ особенною любовью изучая книгу Ефрема Сирина. Близко сошелся онъ съ нѣкіемъ монахомъ Саввою, часто бесѣдовавшимъ съ нимъ объ антихристѣ и т. п. Все болѣе и болѣе сталъ онъ задумываться, и ревностное чтеніе старопечатной литературы окончательно свернуло его мысли на несомнѣнное превосходство старыхъ церковныхъ порядковъ. Не мало смущало его и то обстоятельство, что въ силу новаго духовнаго регламента, на ектеніяхъ, вмѣсто „царя Петра Алексѣевича" стали возглашать теперь „императора Петра Великаго". Рѣшился Самуилъ уйти отъ грѣха въ монастырь. Развелся съ своею тоже молодою женою и поступилъ въ Трегуляеву обитель. Одинъ изъ братіи монастыря, монахъ Филаретъ, совсѣмъ сбилъ и безъ того поколебавшагося Самуила, разсказавъ ему, что Петръ—не царскій сынъ, а Лефортовъ, подмѣненный царицею-матерью, родившею на самомъ дѣлѣ дочку. Іеромонахъ Никаноръ, въ отвѣтъ на повѣданныя ему Самуиломъ тревожныя опасенія плохо успокоилъ его, выра-

зивъ предположеніе, что Петръ не самъ антихристъ, а только предтеча его.

Наконецъ, Самуилъ рѣшился и собственноручно написалъ „хулительное письмо", нѣчто въ родѣ воззванія къ духовенству о томъ, что оно повинуется не государю, а антихристу. „Увѣдалъ я,—писалъ Самуилъ,—отъ свѣтлыхъ писаній, что попущеніемъ Божіимъ, принялъ область антихристъ прельстити весь міръ, зане умножися нечестіе вездѣ и повсюду злая содѣвается". За подобную пропаганду Самуила на первыхъ же порахъ въ монастырѣ отодрали, а потомъ даже и на цѣпь посадили. Подобралъ себѣ Самуилъ среди монаховъ маленькую компанію сочувствующихъ, и тайкомъ бѣжали всѣ они изъ обители, надѣясь найти мѣсто, гдѣ бы укрыться отъ антихриста. Но скоро въ душѣ Самуила свершилась новая эволюція, зародившаяся подъ вліяніемъ направленнаго противъ раскольниковъ сочиненія нижегородскаго епископа Питирима „Пращицы".

Многое разомъ представилось Самуилу въ новомъ свѣтѣ, и, послѣ долгихъ думъ, онъ сознался себѣ въ своихъ заблужденіяхъ и рѣшилъ возвратиться въ монастырь, хорошо зная, что за самовольную отлучку его ожидаетъ суровое наказаніе. Игуменъ отнесся къ Самуилу снисходительно, и зажилъ онъ спокойно, всегда наставляя сомнѣвающихся въ православіи. Такъ бы все и окончилось, если бы на его бѣду, не подоспѣлъ царскій указъ, повелѣвавшій всѣмъ молодымъ монахамъ явиться въ Москву для обученія. Столица и погубила воспріимчиваго Самуила, постоянно пламенѣвшаго, готоваго во всемъ различать правду отъ неправды.

Приглядѣвшись къ строю тамошней жизни, Самуилъ не могъ не присоединиться къ оппозиціи старо-православнаго духовенства, рѣзко недовольнаго дѣятельностью особо приближенныхъ къ императору іерарховъ, Ѳеодосія Яновскаго и Ѳеофана Прокоповича, главныхъ якобы виновниковъ тѣхъ бѣдствій, которыя тогда претерпѣвала наша церковь. „Ѳеофанъ ученьемъ, а Ѳеодосій смѣлостью и дерзновеніемъ великимъ явно началъ всю святую церковь бороть и всѣ ея догматы и преданія разрушать и превращать, и безбожное люторство и прочее еретичество вводить и вкоренять, и тогда весьма отъ нихъ было

печальное время. Учали быть вездѣ противу благочестія, безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ, на церковь поношеніе говорилъ, и всякое развратное и слабое житіе имѣти учили смѣло, и такъ тогда поносима и вонечтожаема была святая церковь, что всякое благочестивое христіанское доброе дѣло единымъ словомъ, суевѣріемъ—называемо было, и кто въ нихъ въ еретикахъ былъ пущій пьяница, и нахалъ, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка, кто же хотя мало постникъ, или воздержникъ и богомольный человѣкъ, то у нихъ званъ былъ раскольникомъ и лицемѣромъ, и ханжей, и безбожникомъ и весьма недобрымъ человѣкомъ... Во всемъ государствѣ часовни разорили, иконы святыя изъ нихъ безчестно вынесть велѣли, а гдѣ часовенныя каменныя стѣны остались, тамо вмѣсто молитвъ и псалмопѣнія, и кановъ табакомъ торговать и бороды брить попустили, чудотворныя иконы, отвсюду забравъ, на гнойныхъ телѣгахъ, подъ скверными рогожами, явно, во весь народъ, увозили, всецѣлое монастыри разорять, изъ нихъ монаховъ въ другіе монастыри жить переводить, а церковныя всякія другія вещи и монастырскую казну забравъ, по себѣ, на свои роскоши, на дорогіе напитки, на музыки съ танцы и на карты съ товарищи, употребляли, молодымъ монахамъ жениться и молодымъ монахинямъ замужъ посягать благословляли.

Такія изобличенія всѣхъ современныхъ еретичествъ неминуемо долженъ былъ слушать молодой Самуилъ, вращаясь среди нагнанныхъ отовсюду въ школы послушниковъ, еще болѣе отъ всякихъ довольно таки темныхъ монаховъ, слонявшихся по Москвѣ. И вотъ, мало по малу опять возмущается духъ Самуила, болѣе и болѣе раздувается потухшая искра ненависти, которую онъ носилъ въ сердцѣ своемъ противъ главнаго, по его мнѣнію, виновника всей смуты—Петра.

Сталъ онъ отставать отъ ученія, задумываться надъ старымъ проклятымъ вопросомъ, и, страдая подъ „назидательною лозою“ учителей, только ожесточался и опять таки противъ „антихриста“.

Умеръ Петръ, и скоро пришла къ Самуилу тяжелая для него вѣсть, что жена его вторично вышла замужъ. Нервная система Самуила пошатнулась. Опять оказался виноватъ по-

койный государь, разрѣшившій женамъ монаховъ полную свободу дѣйствій. Самуилъ впалъ въ какое-то изступленіе; духъ его былъ въ самомъ возбужденномъ состояніи. Для Самуила было теперь одно ясно, что *для покоя въ совѣсти своей*, ему необходимо написать осужденіе во слѣдъ оставившему міръ предтечѣ антихриста.

И вотъ хватается Выморковъ за перо, пишетъ, чертитъ, рветъ на клочки, чтобы написать вновь.

И пришла на умъ Самуилу несчастная мысль написать императрицѣ Екатеринѣ письмо „съ нѣкоторыми хуленіями" про ея покойнаго супруга, указать ей, на великій соблазнъ для народа, созданный „Духовнымъ регламентомъ" Петра.

Идея почему-то осталась невыполненною, а вмѣсто предполагавшагося посланія императрицѣ, Самуилъ написалъ нѣчто еще худшее, именно „проклятіе во слѣдъ нисшедшему во адъ антихристу" такого содержанія:

„Злочестивый, уподобившійся самому антихристу, мерзости запустенія, стоящей на святѣ мѣстѣ, и восхитившему божескую и святительскую власть, бывай соблазнитель и губитель душъ христіанскихъ, прегордостномъ безуміемъ надменный держатель в. у. п. б. п. всескверный и. [1]) со всѣми своими

[1]) Всероссійскаго царства, попущеніемъ Божіемъ, Петръ прескверный императоръ.

бывшими единомудрствующими да будетъ проклятъ. Писано лѣта Господня 1725, мѣсяца февруарія въ 9 день".

Положилъ Самуилъ письмо на подоконникъ. Въ келью вошелъ іеродіаконъ Іерофей Оглобля, подошелъ случайно къ окну, увидалъ письмо, прочелъ его и... донесъ.

Далѣе начинается обычная исторія. Тюрьма, допросъ, пытка, Впрочемъ, Самуилъ и не думалъ запираться. Подробно, шагъ, за шагомъ раскрылъ онъ предъ слѣдственной комиссіей длинную стезю своихъ сомнѣній, и по своей неподдѣльной искренности перечислилъ всѣхъ лицъ, съ которыми когда либо бесѣдовалъ на преступныя темы, не утаивая мельчайшихъ подробностей.

14 августа 1725 г. за кронверкомъ (уже въ Петербургѣ) въ присутствіи небольшой команды гвардейскихъ солдатъ,

Самуилъ Выморковъ сложилъ на плахѣ свою беспокойную голову.

А Іерофей Оглобля „за усердное показаніе“ получилъ жалованья 50 рублей.

Раздѣленіе раскола на „согласія“.

Итакъ, въ мірѣ царствуетъ антихристъ; онъ всюду; все осквернено его прикосновеніемъ, его тлетворнымъ дыханіемъ, его присутствіемъ. Церкви—храмы антихриста, духовенство и свѣтская власть его служители и исполнители его велѣній. Благодать улетѣла на небо и истинной церкви не стало. Благодать не освящаетъ таинствъ и не сообщаетъ имъ болѣе врачующей силы. Нѣтъ ни одного истинно-православнаго епископа, который могъ бы передать по преемству отъ апостоловъ благодать совершенія таинствъ. А безъ таинствъ жить нельзя. Что же дѣлать вѣрующимъ? Страшно жить безъ таинствъ, но также страшно и умирать безъ нихъ. Остается одинъ исходъ: въ ожиданіи несомнѣнно скораго Христова второго пришествія нужно обойтись безъ нѣкоторыхъ таинствъ „по нуждѣ“ совершать самимъ только тѣ, которыя, по церковнымъ обычаямъ, въ крайнихъ случаяхъ позволительно совершать безъ участія священника.

Люди послѣдовательные, какъ это всегда водится, пошли дальше, додумавшись до сомнѣнія въ цѣлесообразности какого-бы то ни было таинства. Получается дробленіе, разномысліе, кучка людей отпадаетъ, составляя новую фракцію, дающую затѣмъ новые отростки.

Это явленіе замѣчалось въ расколѣ уже съ самаго начала, не мало огорчая Аввакума. „Затекаете во многомъ мудрованіи своемъ,—сѣтовалъ тотъ,—и уже другъ друга гнушаетесь и хлѣба не ядите другъ съ другомъ, глупцы, отъ гордости, что черви капустные, всѣ пропадете“.

Расколъ въ идейномъ отношеніи представлялъ вначалѣ ужасную путаницу воззрѣній. То же происходило и по отношенію къ соціальному положенію протестантовъ. Противъ Никона, противъ его реформъ были озлоблены всѣ,—особенно

боярство. Многіе представители боярства дружили съ расколоучителями, давали имъ у себя пріютъ, укрывали отъ преслѣдованія, заявляли свою солидарность съ ихъ убѣжденіями.

Когда расколъ безповоротно совершился, когда на протестантовъ обрушились гоненія и кары, когда послѣдовательные приверженцы, „избывая мукъ" стали уходить изъ центровъ къ окраинамъ,—всѣ кому недурно жилось на своихъ мѣстахъ, кому сдѣлалось жаль своего положенія въ обществѣ, своей домашней заведенной рутины, своихъ капиталовъ, оглянулись назадъ. Никона не было. Реформы шли своимъ чередомъ. Но отъ нихъ вѣдь они были не въ убыткѣ, а скорѣе въ барышахъ, и кромѣ того надъ отщепенцами висѣло пугающее проклятіе вселенскихъ патріарховъ. И вотъ все сытое довольное жизнью, городское населеніе выдѣляется изъ общей массы протестантовъ. Наиболѣе практическіе люди раскаиваются въ своихъ заблужденіяхъ и возвращаются въ лоно церкви.

Люди съ болѣе сильнымъ религіознымъ настроеніемъ, но не настолько убѣжденные, чтобы жертвовать своимъ матеріальнымъ положеніемъ, не настолько смѣлые и подвижные, чтобы стать выше обрядовой внѣшности, отрѣшиться отъ старинной рутины, сѣли между двухъ стульевъ. Они не возвратились къ церкви, но и не стали отрицаться. Усомнившись въ ортодоксальности „Никоновой церкви" они, однако, не отринули ни одной обрядовой мелочи, напротивъ, на мельчайшимъ соблюденіи этихъ мелочей основали свою систему. У нихъ главнымъ образомъ сосредоточились всѣ укоризны церкви за ея будто бы неуваженіе къ восьмиконечному кресту, семи просфорамъ, двуперстію, за несоблюденіе точнаго количества поклоновъ и пр. Такъ появились собственно „старообрядцы", послѣдователи „бѣгствующаго священства", потомъ и бѣлокриницкой іерархіи. Поповцы сразу явились какъ аристократія въ расколѣ. Съ отдѣленіемъ этой части расколъ демократизировался, и вмѣстѣ съ религіозными вопросами напуталъ себѣ на шею неподходящее количество для него неразрѣшимыхъ вопросовъ соціальныхъ, которые онъ принялся рѣшать съ апокалипсической точки зрѣнія. Обозначилась безпоповщина. Общимъ принципомъ ея тоже было собственно не отрицаніе

церкви, какъ общества вѣрующихъ во Христа, а лишь отрицаніе іерархіи церковной и признаніе за каждымъ вѣрующимъ права не прибѣгать къ посредничеству священниковъ. Безпоповскимъ расколъ сталъ еще при первыхъ расколоучителяхъ, когда отношенія между протестантами и церковью настолько обострились, что стороны, взаимно бранясь еретиками, стали отказываться не только отъ религіозныхъ, но и чисто мірскихъ отношеній между собою. Не даромъ говорятъ, что протопопъ Аввакумъ былъ первый безпоповецъ. „Которые люди въ пиконіанскіе храмы не ходятъ и съ ними не соединяются, и не молятся—писалъ онъ—тіи добрѣ творятъ, не подобаетъ бо благочестивому съ нечестивыми соединяться, по писанному: кая есть часть вѣрному съ невѣрному, кое общеніе свѣту съ тьмой?

Еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе и се писано есть: лучше не молитися, нежели злѣ помолитися, и умереть не причастився, нежели неправеднаго агнца пріобщитися". „А исповѣдатися почто идти къ никоніанину; исповѣдуйте другъ другу прегрѣшенія по апостолу и молитеся другъ за друга, да исцелѣете. А младенцевъ причащайте истиннымъ запасомъ тѣла Христова искусненько, и міряпинъ причащай ребенка, Богъ благословитъ.

Да и взрослымъ аще нужда привлечетъ и причаститься безъ попа можно. Аще мужескъ полъ, аще женскъ, въ нынѣшнее огнеопальное время, со исповѣданіемъ и прощеніемъ другъ ко другу тѣла и крови причащайтеся. Но все это признается только „по нуждѣ". „Нельзя, дѣтки, безъ попа,—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—велика вамъ нужда отъ лихомановъ, да что же, свѣти мои, дѣлать станемъ? Гдѣ же дѣться? Живыя могилы нѣтъ. Когда живы были еще попы, посвященные до Никона, горе не такъ аще было велико. Но вотъ, когда стали они вымирать, когда „никоніанское освященіе" поповъ стало обычнымъ фактомъ, сдѣлалось чрезвычайно важнымъ рѣшить вопросъ объ отношеніяхъ къ церковной іерархіи вообще. Здѣсь то выдѣлилаась робкая поповщина и поставила правиломъ, что обходиться безъ церкви и таинствъ нельзя, что священниковъ можно принимать и отъ господствующей церкви, но съ условіемъ ихъ отреченія отъ ересей.

Нѣтъ причастія у поповцевъ,—добываютъ его; къ крохамъ

стараго, тщательно сохранявшагося, причастія, припекаютъ тѣсто и пріобщаются. Причастіе носятъ при себѣ, иногда пересылаютъ его въ выдолбленныхъ орѣхахъ и т. п. Исповѣдуются у простого мірянина, тотъ записываетъ грѣхи на бумажку и пересылаетъ попу. Поповъ мало, явились странствующіе попы, переѣзжавшіе съ мѣста на мѣсто въ ящикахъ, прикрытые рогожами. Любопытно, что поповщина и безпоповщина разбились по Россіи по законамъ исторической этнографіи, Московская Русь, центральная, схватилась за поповщину, не найдя въ себѣ достаточно рѣшимости оторваться отъ забитаго ей въ голову преклоненія предъ властью. Но окраины, особенно сѣверъ, носившій на себѣ слѣды древне новгородскаго свободомыслія, не стали упорно держаться обрядностей. У Москвы ничего не было кромѣ „древляго благочестія", Новгородъ вспоилъ, вскормилъ стригольниковъ жидовствующихъ, сохранилъ память о Матвѣе Башкинѣ. Сѣверъ мужественно боролся за выборное начало во всѣхъ проявленіяхъ церковно-общественной жизни. Мы знаемъ, напримѣръ, что новгородскіе владыки Арсеній и Θеодосій не были вовсе посвящены высшею церковною властію; народный выборъ, въ глазахъ новгородцевъ, имѣлъ, очевидно, болѣе вѣса, нежели митрополичья санкція. Пока духовнымъ отцомъ сѣверянина былъ выборный попъ, онъ довольствовался имъ. Когда назначеніе священниковъ перешло въ руки власти, онъ отступилъ въ расколъ, и отказался отъ назначенныхъ ему священниковъ, даже не спрашивая лучше или хуже они прежнихъ. „Въ безпоповщинѣ всякій естественно считаетъ себя учителемъ, — говоритъ извѣстный историкъ раскола преосвященный Макарій, — и вотъ какой-нибудь полуграмотный дьячекъ, и чернецъ, и бродяга и бѣглый солдатъ и вовсе безграмотный пастухъ и даже баба Акулина выдумываютъ свои жалкіе толки и выдумываютъ свои согласія". Да въ этомъ то и кроется самая важная опора безпоповщины. Куда не проникла бы рѣчь просвященнаго пастыря, тамъ охотно прислушивались къ словамъ немудрящаго на видъ человѣка, говорившаго грубымъ, но жгучимъ языкомъ, простыми, и понятными образами.

Расколоучители, стоя близко къ массѣ, умѣли давать ей пищу самодѣятельности, втягивая въ кругъ религіознаго мы-

шленія, хотя односторонняго, хотя туманнаго, но отвлекающаго отъ гибельной спячки. Тамъ, гдѣ принадлежащій къ господствующей церкви безпрекословно воспринималъ догматику, уже надлежащимъ образомъ для него переработанную, естественно мыслительный процессъ обозначался медленнѣе, нежели у „отщепенца“, готоваго ежеминутно ринуться въ богословскій диспутъ о правильности той или другой детали православія.

Безпоповщина.

Поморскій толкъ Выговская пустынь.

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришелъ азъ тебя соглядати.
Потщися мя воспріяти,
И буди мнѣ яко мати,
Отъ смутнаго міра пріемли мя,
Съ усердіемъ въ тя убѣгаю.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ.
Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.

„Отъ хорошей жизни не полетишь“,—это старая истина, проводившаяся на Руси давнымъ давно всѣми тѣми, кому невмоготу было отъ сложившихся общественныхъ порядковъ. Допекали ли русскаго человѣка притѣсненія властьимущихъ, чинили ли имъ разореніе разбойники или непріятели, настигалъ ли страну неурожай или какое-нибудь другое стихійное бѣдствіе,—онъ снимался съ насиженнаго мѣста и брелъ, куда глаза глядятъ, гдѣ земля была ничья, въ лѣса и болота, въ широкія степи, и селился тамъ, ведя борьбу съ суровою природою.

Къ этому же средству пришлось прибѣгнуть и раскольникамъ, для которыхъ соціально-экономическій гнетъ усугублялся еще и тяжестью душевной.

Послѣ цѣлаго ряда правительственныхъ мѣръ направленнныхъ противъ раскольниковъ, жить тѣмъ въ предѣлахъ вліянія Москвы не было никакой возможности. Вдали отъ городовъ, отъ „щепотниковъ“, раскольникъ чувствовалъ себя спокойно, не видя предъ собою страшнаго призрака дыбы или хомута

не чувствуя надобности платить оброка помѣщику или попу. Колонизаціонный раскольническій потокъ устремился одновременно по всѣмъ четыремъ сторонамъ свѣта, на сѣверъ и югъ, востокъ и западъ. На сѣверѣ раскольники наполнили лѣса Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерніи, основавъ здѣсь тысячи скитовъ и деревень. Въ 1684—85 г.г., какъ говорится въ одномъ указѣ, „изъ разныхъ волостей и погостовъ разныхъ помѣщиковъ крестьяне и бобыли въ расколѣ бѣжали, безвѣстно, за свейскій рубежъ", поселившись большею частью въ Копорьѣ, по побережью Финскаго залива. На востокѣ раскольники разошлись по Поволжью, въ степяхъ Саратовской, Самарской и Астраханской губерніи, заняли многія мѣста вокругъ Оренбурга, перешли черезъ Уралъ и появились въ Сибири, Забайкальѣ и Алтаѣ. На югъ раскольники двинулись очень рано; колонизовавъ Кавказъ, Закавказье, оттуда перекинувшись въ Турцію. Съ береговъ Дона раскольники по теперешней Новороссіи дошли до Молдавіи, Валахіи, и Австріи. Въ Новгородъ-Сѣверской области раскольники заселили Стародубскіе лѣса, гдѣ образовали семнадцать свободъ и куда сошлось болѣе 50,000 человѣкъ. За польскимъ рубежомъ такимъ же центромъ стала знаменитая Вѣтка, вмѣщавшая въ въ себѣ въ дни своего процвѣтанія до 40,000 жителей. Изъ Польши раскольники перешли въ Восточную Пруссію, сохранившись и до нынѣ. Наконецъ, раскольники заняли нѣкоторыя мѣстности Прибалтійскаго края, напримѣръ, пространство между озеромъ Пейпусъ и рѣкою Эмбахъ, Ригу и др. Переходя за предѣлы Московскаго госрдарства, раскольники не забывали и удобные для нихъ пункты внутри Россіи. Такъ заселились лѣса волоколамскіе, брынскіе, чернораменскіе, керженскіе.

Перечисленные факты могутъ дать хотя приблизительное понятіе о громадныхъ размѣрахъ раскольничьей колонизаціи, и о томъ важномъ значеніи, которое она имѣетъ въ исторіи русскаго народа. Раскольничій писатель Иванъ Алексѣевъ, авторъ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ" имѣлъ полное право сказать, что „сицевыми народы (раскольниками) пустыя мѣста и звѣропаственныя паселяхуся, и вмѣсто деревъ людей умноженіе показася, трава и терніи растущія въ вертоградѣ и садовія обратишася, грады вторіи показашася населеніемъ че-

ловѣкъ“. Громадныя пространства дикой, ни къ чему, казалось, негодной земли, культивированы, превращены въ плодородные луга и пашни. Страшно много труда положено было на борьбу съ природою, дикими звѣрями и туземными обитателями, и нужно было имѣть всю раскольническую ревность о вѣрѣ, чтобы вынести эту борьбу при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при постоянныхъ помѣхахъ со стороны „никоніанъ“. Невольно приходится изумляться той силѣ, которую расколъ обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ и благодаря которой десятки милліоновъ десятинъ прежде дикихъ земель сдѣлались доступными пользованію русскаго народа и тѣмъ увеличили его общее богатство. Это мирное, культурное завоеваніе, совершенное расколомъ, безъ сомнѣнія несравненно важнѣе многихъ завоеваній, сдѣланныхъ при помощи оружія.

„Въ раскольничью организацію, въ общины, созданныя раскольниками на окраинахъ государства, стремились всѣ, тѣ кто не укладывался въ рамки создававшагося тогда государственнаго строя новой Россіи. Раскольничья колонизація представляла собою предохранительный клапанъ, въ который выходили невмѣщавшіеся въ государственной машинѣ пары. Только существованіемъ такого клапана, только возможностью для всѣхъ недовольныхъ существующими порядками уходить въ пустыню и устраивать тамъ жизнь по своему желанію, и объясняется тотъ фактъ, что такая радикальная ломка государственныхъ и общественныхъ порядковъ и обычаевъ, какая совершена Петромъ I не встрѣтила особенно сильнаго сопротивленія со стороны народа и не сопровождалась катаклизмами. Отвлекая недовольные элементы въ свои общины, расколъ тѣмъ самымъ далъ возможность Россіи развиться въ то огромное государство, какимъ оно является теперь. Наконецъ, нужно отмѣтить еще одно значеніе раскольничьей общины. Какъ извѣстно, ко времени появленія раскола, старинное русское областное самоуправленіе и общинные порядки находились подъ сильнымъ давленіемъ централизаціонныхъ стремленій московскаго правительства и его бюрократическихъ замашекъ. Дальнѣйшая исторія Россіи только усилила бюрократизмъ и совершенно сгубила, даже изъ памяти народной вычеркнула областное самоуправленіе. Совсѣмъ не то было въ расколь-

ничьихъ общинахъ. Находясь внѣ вліянія центральной власти или откупаясь отъ нея деньгами, раскольничьи общины не только жили стариннною общинною жизнью, но и развивали ее сообразно новымъ условіямъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣльныя общины группировались по мѣстностямъ и толкамъ въ союзы, управлявшіеся свободно выбранными по общинамъ лицами. Отдѣльные союзы нерѣдко также соединялись и образовывали федераціи. Отсюда то сильное развитіе общности у раскольниковъ, которое подмѣчено всѣми современными изслѣдователями раскола. Здѣсь же заключается объясненіе высшаго уровня политическаго развитія раскольниковъ сравнительно съ остальною массою русскаго народа".

Громадный вредъ раскольничьей колонизаціи, особенно на сѣверѣ, принесло широко практиковавшееся въ концѣ XVII в. и началѣ XVIII самосожиганіе раскольниковъ, вырвавшее изъ среды ихъ тысячи жертвъ мрачной идеи о спасительности добровольной смерти. Мысль о возможности достиженія царства небеснаго путемъ мученическаго наложенія на себя рукъ явилась въ умахъ еще перваго поколѣнія раскольниковъ. Еще знаменитый Аввакумъ старательно рекомендовалъ самосожженіе. „Боишься пещи той—писалъ онъ.—Дерзай, плюнь на нее, не бось.

„До пещи страхъ—отъ, а какъ въ нее вошелъ, тогда и забылъ вся. Егда же загоришься, а ты и видишь Христа и ангельскія силы съ нимъ. Емлютъ души тѣ отъ тѣлесъ, да и приносятъ ко Христу, а онъ, надежа, и благословляетъ и силу ей подаетъ божественную. Но уже къ тому бываетъ тяжко, но яко восперенна; туда же со ангели летаетъ,—ровно яко птичка попархиваетъ,—рада: изъ темницы своей вылетѣла. Темница горитъ въ пещи, а душа, яко бисеръ, и яко злато чисто, взимается со ангели выспрь во славу Богу и отцу". Эта же идея легла въ основу ученія такъ называемыхъ „запащиванцевъ" и „морельщиковъ". Мы имѣемъ длинный рядъ зарегистрованныхъ фактовъ массоваго самосожиганія, при чемъ очень часто гибло разомъ по сотнѣ людей, отдавшихъ дань могучему фанатизму, манившему ихъ „діадемою" мученичества, угоднаго Богу. Къ тому же правительство все болѣе и болѣе запускало свои щупальцы, стремясь сломить ускользавшихъ отъ него

раскольниковъ. Формировались карательные отряды, неутомимо дѣйствовавшіе мечемъ и тѣмъ же огнемъ.

Въ началѣ 18 столѣтія правительство, отвлекаемое иными заботами, какъ-то поостыло къ преслѣдованію колонистовъ-раскольниковъ, и именно въ это то время и возникли всѣ наиболѣе крупныя поселенія раскольниковъ, игравшія ту или другую роль въ исторіи безпоповщины въ частности и раскола вообще.

Мѣстность между сѣверною губою Онежскаго озера и Онежскою губою Бѣлаго моря прорѣзывается рѣкою Выгомъ, впадающею въ Выгоозеро. Здѣсь то и возникла знаменитая Выговская пустынь, обусловившая существованіе одного изъ наиболѣе рельефныхъ толковъ безпоповщины, именно — поморскаго. Піонерами раскольничьей колонизаціи на сѣверѣ были разнаго рода „старцы", бѣжавшіе изъ монастырей внутренней Россіи послѣ „перемѣны благочестія", и „не токмо пустыни и болота, но и окрестъ лежащіи грады и веси благочестія свѣтомъ научивше и просвѣтивше".

Самыми замѣчательными изъ нихъ были Игнатій Соловецкій и Корнилій, изъ которыхъ первый считался „сосудомъ полнымъ мудрости", умницею, который „книжныя премудрости, яко губа воду въ себѣ почерпне". Главное ихъ значеніе состоитъ въ томъ, что своею ревностною и продолжительною работою въ пользу раскола они воспитали и образовали цѣлое поколѣніе дѣятелей, создавшихъ впослѣдствіи Выговское общежитіе, игравшее первенствующую роль въ исторіи безпоповщины, какъ, напримѣръ, Даніила Викулина, братьевъ Андрея и Семена Денисовыхъ, Петра Прокофьева и др. Со всѣми ими старецъ Игнатій „бѣсѣдоваше отъ священнаго писанія", всѣхъ ихъ „просвѣти ученіемъ своимъ", всѣхъ ихъ „наказомъ непорочному благочестію и страхомъ Божіимъ воспита". Проповѣдь же Корнилія носила чисто практическій характеръ. „Праздный да не ястъ, и проклятъ есть тунеядецъ", говорилъ онъ, показывая примѣръ трудолюбія и полнаго ригоризма въ личной жизни, проникнутой при томъ духомъ чистаго альтруизма. Старцы,—не только сейчасъ названные,—не могли, конечно, не возбуждать удивленія и уваженія со стороны населенія, постепенно привыкшаго обращаться со своими горестями и

нуждами къ отзывчивымъ, добросердечнымъ старцамъ. И къ нимъ отовсюду шелъ народъ. Шли изъ ближнихъ селъ, изъ дальнихъ мѣстностей. Одни приходили только послушать старца, другіе оставались временно пожить съ нимъ, наконецъ, третьи, кому не особенно сладко жилось на родинѣ, оставались здѣсь навсегда. Такимъ образомъ у каждаго старца образовалась паства, вокругъ его кельи строились избы— и основывалось поселеніе.

Въ 1692 г. въ Поморьѣ появился талантливый юноша, Андрей Денисовъ, изъ рода князей Мышецкихъ, одаренный недюжиннымъ организаторскимъ даромъ, который и помогъ ему ничтожную въ началѣ Выговскую пустынь превратить въ большой полу-городъ, полу-монастырь.

Преданный расколу до фанатизма и задавшійся цѣлью поднять его, Андрей Денисовъ высоко стоялъ надъ массою тогдашнихъ раскольниковъ своимъ широкимъ умомъ и чрезвычайною любознательностью. Обладая обширнымъ, по тогдашнему, образованіемъ, Денисовъ отличался и недюжиннымъ краснорѣчіемъ, такъ что „языкъ его пресладкій, чуднѣйшій орфеова баснословимыя цѣвницы показася, не бо горы и каменіе привлачаше къ себѣ, но каменосердныя человѣки отъ земли на небо славно влечаше“.

Семья Андрея состояла изъ отца, младшаго брата Семена и сестры Соломоніи. Отецъ Андрея тоже вполнѣ сочувствовалъ старымъ порядкамъ, но въ предѣлахъ „житейскаго благоразумія“. Тайно молодой Денисовъ бѣжалъ изъ отцовскаго дома, съ пламенною мечтою чѣмъ-нибудь поработать на пользу гонимой вѣры, пустившей крѣпкіе корни въ душѣ глубоко-религіознаго юноши. Въ Поморьѣ Андрей близко сошелся съ тамошнимъ старожиломъ Данилою Викулинымъ, въ сотрудничествѣ съ которымъ и учредилъ общину для ближайшихъ единомышленниковъ, число которыхъ постепенно увеличивалось. Въ 1695 году было положено начало Даниловскому монастырю.

Въ это время община состояла изъ сорока человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ. Номинальнымъ главою общины считался старецъ Викулинъ, въ дѣйствительности же истиннымъ вождемъ общины былъ Андрей Денисовъ. Скром-

ный въ своихъ требованіяхъ, трудолюбивый Андрей постоянно подавалъ примѣръ другимъ. При своемъ миролюбіи онъ постоянно старался, чтобы въ общежитіи, число членовъ котораго росло со дня на день, царило тихое согласіе. Уваженіе, которымъ Андрей пользовался среди раскольниковъ, было чрезвычайное. Какъ восторженно-религіозный человѣкъ, Андрей въ настоящей, земной жизни видѣлъ лишь переходную ступень къ будущей, загробной жизни. Настоящая жизнь въ его представленіи являлась лишь средствомъ, которымъ человѣкъ заготавливаетъ себѣ будущее существованіе. Идеаломъ поэтому земного прозябанія Андрей считалъ жизнь монашескую, строго подвижническую. Въ такихъ то правилахъ первоначально и протекала дѣятельность общины, принявшей весь укладъ монастырей первыхъ вѣковъ христіанства. Но, разумѣется, не всѣ могли выдерживать безусловно аскетическій режимъ, и пришлось дѣлать уступки запросамъ слабаго духа. Основываясь на томъ, что со времени Никона православная іерархія прекратилась, а новое поколѣніе священства незаконно, совершать браки не можетъ, Андрей, какъ и другіе ревнители благочестія, въ брачномъ сожитіи видѣлъ одинъ блудъ, отъ котораго желательно всячески воздерживаться. Но, такъ какъ борьба съ плотью не всякому оказывалась по плечу, то пришлось членовъ общины разбить на двѣ части: „могущіе вмѣстить“ остались въ скитахъ, подчиненныхъ безусловно схимническому режиму, съ абсолютнымъ воздержаніемъ, смиреніемъ, безпрерывными церковными службами, а семейные и „новожены“ могли вести обычный свѣтскій образъ жизни.

Благодаря примѣрному трудолюбію общинниковъ, ихъ самой разнообразной дѣятельности, направленной на земледѣліе, рыбную ловлю, звѣриный промыселъ, мастерства и, главнымъ образомъ, на торговлю, Выгъ, особенно его ядро—Даниловъ съ Лексою, стали очень богатыми населеніями, разбросанными на нѣсколько верстъ. Всѣ избытки Выгъ обращалъ исключительно на благотворительныя цѣли. Водилось правило всѣхъ приходящихъ кормить и поить безъ разбору. Въ неурожайные годы на Выгъ тянулось все сѣверное обнищавшее крестьянство, жило тамъ цѣлую зиму, и возвращалось домой, надѣленное съѣстными припасами и сѣменами для посѣва. Широкая бла-

готворительность Выга, увеличивая его славу въ раскольничьемъ и православномъ мірѣ, была одною изъ главныхъ причинъ, привлекавшихъ сюда все новыя партіи колонистовъ, благо всѣ формальности для новичковъ ограничивались признаніемъ съ ихъ стороны правильности двуперстія.

Выгъ сыгралъ громадную роль въ исторіи раскола, ставъ религіознымъ, умственнымъ и экономическимъ центромъ безпоповщины, лишь въ самомъ концѣ XVIII вѣка уступивъ мѣсто московскому Преображенскому кладбищу. За Выгомъ сохранилась репутація раскольничьей академіи, воспитавшей цѣлый рядъ крупныхъ фигуръ раскола. Выгорѣцкія школы славились по всей Россіи. Получавшіе въ нихъ продуманное образованіе, въ выдержанномъ тонѣ старообрядческой доктрины, разсыпались потомъ по различнымъ угламъ и дѣлались чтецами, уставщиками и руководителями раскольничьихъ общинъ. Отсюда же разсылались пѣвцы, и иконописцы, книги и иконы. Заботясь о великолѣпіи Выга Андрей, а за нимъ его присные, собирали старинные иконы, кресты, евангелія и т. п. Такимъ образомъ на Выгѣ образовалось богатѣйшее собраніе русскихъ церковныхъ рѣдкостей, спеціально ради которыхъ налаживались туда паломничества исъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей.

Миссіонерство практиковалось выговцами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Сами Денисовы постоянно разъѣзжали по дѣламъ Выга, повсюду насаждая расколъ, поддерживая его, улаживая споры и раздоры между „толками“ и создавая новыя организаціи. Надо отдать справедливость рѣдкому усердію поморцевъ, для пользы агитаціи не стѣснявшихся изображать изъ себя профессіональныхъ нищихъ, рабочихъ, разносчиковъ и т. п. Внутренній распорядокъ Выгорѣнья безспорно заслуживаетъ нашего живѣйшаго вниманія, какъ любопытный образчикъ религіозно-соціальной коммуны, построенной на самыхъ цѣлесообразныхъ началахъ, обстоятельно регламентированныхъ въ „Уложеніи“ Андрея Денисова.

Отдѣльныя поселенія Выгоррѣлья связывались между собою федеративнымъ принципомъ, сохраняя внутреннюю автономію въ предѣлахъ осуществленія общей пользы. Во главѣ федераціи стоялъ „киновіархъ“, или, проще говоря, старшій, большакъ, на-

блюдавшій за общимъ порядкомъ и подчинявшійся въ то же время „собору“ выборныхъ представителей постоянныхъ обитателей Даниловской обители. Всѣ должности по общежитію, какъ административныя такъ и хозяйственныя—нарядникъ, казначей, келарь, староста, стольники, гостинщики, больничные, писаря и др.,—замѣщались исключительно по выбору на общихъ собраніяхъ, и такъ какъ не были сопряжены съ какими-либо выгодами, то на нихъ попадали люди, прошедшіе всѣ стадіи личнаго труда, зачастую самаго тяжелаго. Уже тогда выгорѣцкіе русаки провели въ жизнь позднѣйшія теоріи западныхъ соціалистовъ о распредѣленіи и необходимости разнообразія работы. Соблюдалась послѣдовательность въ смѣнѣ занятій, при условіи, предоставленія каждому индивидууму возможности въ полной мѣрѣ проявить и развить врожденныя способности.

Красною нитью черезъ все „Уложеніе“ проходитъ тенденція объ умѣренности и отреченіи отъ завистливаго чувства, порождаемаго комфортомъ и излишествомъ. Вопросъ о „священной собственности“ испарился какъ-то самъ собою; съ тонкою деликатностью, совершенно замалчивалась разница о правѣ на „мое“ и „твое“. Единственное личное имущество выговца было его носильное платье, все остальное—общее. Въ идеѣ созданія общины уже коренился намекъ на прекращеніе частныхъ матеріальныхъ взаимоотношеній, такъ что каждый вновь вступающій „собственникъ“ первымъ долгомъ вносилъ въ общину свое достояніе, отказываясь добровольно отъ всякихъ правъ на него. Возникновеніе и расцвѣтъ Выгорѣчья совпадаютъ съ эпохою царя преобразователя. Казалось бы, что отъ „перваго русскаго интеллигента“, поклонника западной культуры, расколъ могъ ожидать для себя мало хорошаго... Но въ „Виноградѣ Россійскомъ“ находимъ строки, совершенно противоположнаго характера. Андрей Денисовъ съ чувствомъ тихаго удовлетворенія отмѣчаетъ, что „Великому Петру монаршескую пріемлющу область, гоненія и бури утишишася, всюду муки о староцерковномъ благочестіи преставаху царскимъ милосердіемъ“. Дѣло въ томъ, что какъ ни отрицать, но Петръ по существу былъ глубоко индифферентенъ къ религіозному буквоѣдству, мало считаясь съ тонкостями церковной догматики, смѣло имъ, во многихъ случаяхъ, вѣжливо отодвинутой въ сторону. На-

чиная „петербургскій періодъ“ реформированной русской жизни первый славянскій императоръ вовсе не думалъ связывать себя отсталыми воззрѣніями „благочестивѣйшихъ“ хранителей православія, понимавшихъ его въ духѣ ненавистнаго Петру напыщеннаго, застывшаго византизма. Вѣчно кипѣвшій энергіей умъ „царя плотника“ по своему утилитарному направленію ненавидѣлъ косность и вялость, всюду разыскивая людей столь привлекавшей его „американской складки“. Приглядываясь къ своимъ подданнымъ Петръ не могъ не замѣтить выгодно отличавшей раскольниковъ, особенно поморянъ, ихъ практической дѣловитости. Отъ своихъ помощниковъ иностранцевъ Петръ слышалъ только лестные отзывы о работоспособности раскольниковъ, особенно сказавшейся въ дѣлѣ оборудованія горныхъ заводовъ въ сѣверномъ краѣ, многимъ обязаннаго усердію и познанію тамошнихъ старожиловъ раскольниковъ. Благосклонность Петра, давшаго весьма существенныя льготы выговцамъ, всего вѣрнѣе, дала бы еще болѣе ощутительные для раскольниковъ результаты, если бы не ихъ огромная тактическая ошибка, впутавшая „старыя“ идеи въ злополучную аферу царевича Алексѣя Петровича.

Сильно раздраженный Петръ предпринялъ противъ раскола рядъ суровыхъ мѣръ, въ родѣ обложенія ихъ двойнымъ подушнымъ окладомъ и др. А посылая въ 1718 г. Ржевскаго въ Нижній Новгородъ для содѣйствія тамошнему владыкѣ извѣстному расколоборцу Питириму, императоръ между прочимъ предписывалъ ему „учителей раскольническихъ, буде возможно, вину сыскавъ кромѣ раскола, съ наказаніемъ и вырѣзавъ ноздри, ссылать на галеру“. И тутъ Андрею Денисову удалось въ значительной степени ослабить тяжесть упавшихъ на расколъ бѣдъ. Пустивъ въ ходъ всѣ свои петербургскія связи, подавъ самому Петру нѣсколько дипломатически написанныхъ челобитныхъ, въ тонѣ безусловнаго вѣрноподданничества, Андрей Денисовъ достигъ извѣстнаго ослабленія репрессій противъ выговцевъ, сохранившихъ даже свой укладъ.

Въ 1722 г. спокойствіе поморянъ было нарушено не особенно то пріятнымъ для нихъ визитомъ іеромонаха Неофита, командированнаго на Выгъ въ миссіонерскихъ цѣляхъ, вѣ-

роятно, по почину преосв. Питирима, хотя инструкція, данная Неофиту носитъ характеръ терпимости, свойственной лишь Петру, а никакъ не нижегородскому архіерею, не отличавшемуся мягкостью.

Неофитъ явился на Выгъ во всеоружіи оффиціальной учености, и рѣшилъ разомъ припереть „еретиковъ" къ стѣнѣ, задавъ имъ 106 казуистическихъ вопросовъ. Но не съ Андреемъ Денисовымъ было бороться Неофиту. Не даромъ тотъ всю свою долгую жизнь цѣликомъ посвятилъ изученію богословскихъ и этическихъ тонкостей; плодомъ котораго и появились прогремѣвшіе среди раскольниковъ „Поморскіе отвѣты", своего рода религіозная энциклопедія безпоповщины вообще и поморскаго согласія въ частности. Эффектъ получился полный. Императоръ ничего не возразилъ противъ отвѣтовъ, молчаніемъ обошли ихъ виднѣйшіе іерархи „никоновской" церкви, а раскольничья литература обогатилась классическимъ памятникомъ старообрядческой доктрины, не имѣющимъ ничего себѣ подобнаго среди другихъ писаній различныхъ учителей и начетчиковъ. Всѣ „Отвѣты" проникнуты духомъ миролюбія и желаніемъ перенести вопросъ на чисто академическую почву, по мѣрѣ возможности избѣгая неосторожнаго обостренія щекотливаго вопроса о преимуществахъ того или другого исповѣданія православія.

Выговцы не имѣютъ ничего противъ „словеснаго препирательства", преклоняясь предъ тѣмъ, что „еже убо Всепресвѣтлѣйшее Императорское Величество повелѣ, еже святѣйшій правительствующій синодъ присуди, яко имѣти тебѣ (Неофиту) съ нами о *происшедшемъ несогласіи* тихое, кроткое и безопасное разглагольство, яко принужденіе не творити насильна въ произвольной вѣрѣ". Они, бѣдные, къ этому не привыкли. „Сіе всеблагодатное императорское милосердіе, сіе прекроткое царское человѣколюбіе ублажаютъ вся пустынныя жительства, горы восхваляютъ, холмы возблажаютъ, пещеры воспрославляютъ, вся дебренная мѣста жительми своими благодарными гласи усердно благодарствуютъ". Они, собственно, хорошо не уяснили себѣ, чего, именно, отъ нихъ „грубыхъ" угодно, отъ чего отучить хотятъ, въ чемъ они виновны. „Не новины какія затѣяхомъ, не догматы своемышленныя нововнесохомъ, не за своевольныя

преданія утверждаемся, но готовая древлеправославныя церкве преданія содержимъ, по готовымъ священнымъ книгамъ службу Богу приносимъ, еже есть въ готовѣй древлеправославнѣй церкви пребываемъ". Обвинить раскольниковъ въ еретичествѣ по меньшей мѣрѣ преждевременно: „всѣмъ сердцемъ вашимъ и умомъ и устами исповѣдуемъ и славимъ, покланяемся и почитаемъ и вѣруемъ въ Пресвятую пребезначальную, въ пресущную и единосущную Троицу, нераздѣльную и триипостастную, равносильную и непостижимую; въ безначальнаго и нерожденнаго Отца Бога истиннаго, и въ собезначальнаго Сына Бога истиннаго, отъ отца рожденнаго, и въ Духа Пресвятаго Господа истиннаго и животворящаго, иже отъ Отца исходящаго: въ того единаго трисоставнаго и присносущнаго, трисвѣтаго и всемогущаго, въ Троицѣ славпаго Бога вѣруемъ, тому покланяемся, того прославляемъ, на того уповаемъ на наше спасеніе. Такоже вѣруемъ, и прославляемъ и исповѣдуемъ единаго отъ тоя всепѣтыя живоначальныя Троицы, собезначальнаго и соприсносущнаго Сына и Слова, благоволеніемъ Отца и содѣйствомъ Святаго Духа, воплотившагося, распята и погребена, и воскресшаго и вознесшагося на небеса. Проповѣдуемъ и славимъ того единаго Христа, Сына Божія и Сына человѣка, во дву совершену естеству, въ Божествѣ и человѣчествѣ, въ единомъ же составѣ православно славословимаго. Тако со священными богословцы вѣруемъ, во святую Троицу и воплощеніе Сына Божія исповѣдуемъ. Тако православно каѳолическую вѣру исповѣдуемъ, и вся евангельская и апостольская заповѣданія всевѣрно пріемлемъ, святоотеческая наказанія благоговѣйно почитаемъ, святыхъ соборовъ преданія и поученія всепокорно лобызаемъ. Вся таинства церковныя. содѣваемая, по преданію святихъ апостоловъ и святыхъ отецъ, всевѣрно исповѣдуемъ и благоговѣйно пріемлемъ и почитаемъ. И аще чего за нужными случаями не можемъ получить, обаче всевѣрно вѣруемъ и желаемъ и исповѣдуемъ *и въ тѣхъ случаяхъ тако пребываемъ, якоже древліи святіи во времена нужная пребываху*".

Послѣ такого приступа, указывающаго на непоколебимую увѣренность поморянъ въ своемъ истинномъ православіи, излагается рядъ положеній, общихъ не только для выговцевъ, но и

для всей безпоповщины. Изложимъ ихъ по порядку. *Перстосложеніе* „Яко вещь сложенія перстовъ на крестное знаменіе, отъ грекъ съ крещеніемъ въ Россію пріятая, изъявляется на святыхъ иконахъ, яже Владиміръ оттуду принесе, и отъ извѣстныхъ святыхъ мужей писанія, яко двѣма перстома, а не трема испервà пріяше россіане креститися: о чесомъ во отвѣтѣ изъявися. Троеперстное же сложеніе неидѣже до Никона въ Россіи слышася, ниже во святыхъ писаніяхъ, ниже на образахъ святыхъ древлецерковныхъ зрится. Но въ лѣта Никона патріарха утвержденіе троеперстнаго сложенія предлагается: еже намъ не есть достовѣрно. Премножайшими свидѣтельства, святороссійское и восточное православіе, еже двѣма перстома, а не трема знаменоватися объявляется. Сице священныя старопечатныя московскія книги утверждаютъ, сице бѣлороссійскихъ премудрыхъ учителей, книги показуютъ, сице древлевое точнаго православія, сербовъ и волоховъ, старопечатныя книги засвидѣтельствуютъ: сице древлеписанныя и харатейныя святыя книги объявляютъ: сице чудотворныхъ иконъ греческихъ и россійскихъ согласіе научаетъ; сице восточнихъ святыхъ учителей повелѣнія просвѣщаютъ, сице древлецерковныя святыхъ запрещенія утверждаютъ, сице княземъ Владиміромъ принесенное греческое иконописаніе объясняетъ, яко князь Владиміръ и вся Россія пріяша отъ восточныя церкве и содержаша даже до Никона патріарха, двѣма персты креститися и благословити“.

Тонко обошли поморцы разставленную имъ Неофитомъ ловушку въ вопросѣ: аще ли же мните быти ересь а не православіе троеперстное сложеніе, скажите какая ересь, и гдѣ о томъ обрѣтается въ писаніи, что ересь. „Что намъ оономъ троеперстномъ сложеніи трудитися много, что оно есть— отвѣтствовали выговскіе старцы — его же Христосъ благословеніемъ своимъ намъ не даде. А еже трема персты знаменоватися святіи отцы и святіи апостолы не предаша намъ, сего пріяти боимся. А еже въ древлеправославнѣй церкви положенная запрещенія на незнаменующихся двѣма персты, сего преступити трепещемъ“.

Неофитъ не отставалъ: „Благочестивый государь нашъ императоръ Петръ Великій, самодержецъ всероссійскій, и святѣйшій

правительствующій синодъ вѣрно со упованіемъ надежду имѣютъ спасеніе получити: вы же всомняете ли за православныхъ, или причитаете къ нѣкакимъ еретикомъ".

Предъ выговцами лицомъ къ лицу стало страшное обвиненіе въ crimen laesac majestatis (оскорбленіе величества). Отвѣтъ послѣдовалъ самый смиренный со ссылкою на слова Христа о раздѣленіи кесарева отъ Божія.

„Симъ спасительнымъ его наказаніемъ и ми грубіи научаемся, яже въ богослуженіи и въ богоугожденіи надлежатъ благочестіе таинства, церковная уставохраненіе, спасительная дѣла, воздавати все вѣрно Богови, тако и отъ его вседержащія Божія десницы поставленному и славою и честію вѣнчанному всепресвѣтлѣйшему державнѣйшему императору, всемилостивѣйшему нашему государю должная честь и покоренія, благодаренія и всевѣрная служенія всеусердно воздавати. Мы аще внесенныхъ отъ Никона новопреданіяхъ сомнѣваемся но не сомнѣваемся о Богопоставленномъ самодержавствіи Богохранимаго и Богопомазаннаго самодержца. И вопрошаемыхъ таковыхъ словесъ произносить ужасаемся".

Какъ видно изъ этого, теорія объ антихристѣ на практикѣ принимала уклончиво оппортунистическій характеръ, предписывавшій не вступать въ напрасныя пререканія съ силою и властью, а внѣшнимъ образомъ уступать имъ.

Сугубая аллилуіа. „Книги древнія елико святыхъ всероссійскихъ митрополитовъ, елико великихъ чудотворцевъ, руками ихъ писанныя, елико древнехаратейныя обрѣтаемъ, во оныхъ славословій трегубаго аллилуіа обрѣсти не возмогохомъ. Чего ради не мнимъ быти въ древлесвидѣтельствованныхъ книгахъ трегубое аллилуіа. И преподобный Максимъ Грекъ трегубое аллилуіа латинскимъ чиносодержаніемъ нарицаетъ... Святіи всероссійстіи митрополиты, Кипріанъ, Фотій и прочіе велиціи чюдотворцы въ своихъ писаніяхъ указуютъ глаголати сугубы, а не трегубы аллилуіа".

О иконахъ. „Измѣненіе живописанія святыхъ иконъ, преданнаго отъ самихъ апостолъ, изобразующаго подобіе первообразнаго, еже неизмѣнно въ древлероссійской церкви до лѣтъ Никона патріарха хранимо бяше по древнимъ обычаемъ церкве. Нынѣшніи же живописцы, тое священное преданіе измѣнивше,

пишутъ иконы не отъ древнихъ подобій святыхъ чудотворныхъ иконъ греческихъ и россійскихъ, но отъ свое разсудительнаго смышленія: видъ плоти Спаса Христа и прочихъ святыхъ одовлѣваютъ, и въ прочихъ начертаніяхъ не подобно древнимъ святымъ иконамъ имѣюще, но подобно латинскимъ и прочимъ, иже въ библіяхъ напечатана и на полотнахъ маліована. Сія живописательная новоизданія рождаютъ намъ сомнѣнія сихъ ради: Понеже святіи апостолы и святіи отцы, изображающи на святыхъ иконахъ, яко Спаса Христа и Пречистыя Богоматере, тако и святыхъ образа благоговѣйно, во умѣренной тонкости умиленнымъ подобіемъ писаху. И священный, иже при Макаріи митрополитѣ, стоглавный соборъ во главѣ своихъ завѣщаній повелѣваетъ иконописцамъ святыя иконы писати по образу и по подобію, смотря на образъ древнихъ живописцевъ, и запрещаетъ, чтобы отъ самосмышленія своими догадками сверхъ древняго ничего не затѣвали".

Доказавъ аналогичными ссылками на старину и ея авторитетовъ, всю неправильность якобы послѣ-никоновскаго церковнаго ритуала, „Поморскіе отвѣты" логически не могли обойти вопроса о значеніи іерархіи и возможности обходиться безъ нея, т. е. такимъ образомъ изложить credo поморскаго толка, стало быть, всей безпоповщины.

Вопросъ Неофита былъ поставленъ достаточно ясно:

„Или помышляете точію въ васъ быти церкви и православію, а индѣ нигдѣ же, и се словесемъ Христовымъ и святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ писаніямъ зѣло противно: и аще вамъ мнится быти не противно, то скажите о семъ отъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, что и *кромѣ церкве и кромѣ архіерея и іереевъ вся тайны церковныя и отъ простолюдиновъ непосвященныхъ могутъ совершатися и православная вѣра и безъ священства будетъ утверждатися*".

Выговцы отвѣчали такъ:

„Якоже вѣра святая и православная не въ стѣнахъ заключается, и не въ неразсудномъ сложеніи святыхъ богодухновенныхъ писаній святоцерковнаго преданія, тако и святая каѳолическая церковь не стѣнами и столпами утверждается, но вѣрою православною житіемъ благочестивымъ ограждающися сіяетъ.....Аще въ гонительныя случаи вѣрніи мнози священни-

ковъ не имяху, аще при апостолѣхъ помѣстомъ священниковъ не бяше, аще рукоположенніи по апостолу въ чинахъ церкви, во апостольствѣ, учительствѣ и пророчествѣ отъ Бога положившася. *Убо во время нужды гонительныхъ случаевъ церковь и вѣра православная можетъ и кромѣ священства, кромѣ видимыхъ церквей быти.* Тѣмже иже древлецерковное благочестіе лобызающіи, и за гоненіе или иныхъ ради винъ благословныхъ не имуще рукотворенныхъ церквей, не имуще священниковъ, нуждныя случаи таинъ дѣйствуютъ (не гордости ради и киченія, но спасенія ради душъ своихъ) не противятся словесемъ Христовымъ, и святымъ апостолъ и святыхъ отецъ, но и зело соглашаются: яко таяжде дѣйства, таяжде нуждныя случаи, яже отъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и повелѣнная и дѣйствованная совершаютъ, и во время нуждное совершаютъ".

Установивъ возможность для себя, какъ гонимыхъ, обходиться безъ священства, выговцы высказали и свои взгляды на таинства.

„Аще во святой церкви и седмь таинъ исповѣдается, яже посредства вѣчнаго блаженства суть, обаче не единообразно, ниже вся кому, ова бо суть во спасеніе нуждныя, яко крещеніе и прочая, ова же ко спасенію, яко миро, еже священникомъ крещающимъ прилично есть на крещеніи, яко печатствующее крещеніе, кромѣ же священника или при священницѣ, по скудости крещенія, тайна можетъ и безъ мира совершиться, и спасеніе человѣческое, по нуждѣ можетъ и безъ миропомазанія; твердо и извѣстно есть".

„Иныя по нуждѣ заповѣди, тѣ же есте двѣ: крещеніе и покаяніе, ею же кромѣ нѣсть лѣть спасенія получити... Аще и нѣсть достойно кромѣ нужды діакономъ и чернецемъ и бѣльцемъ, и женамъ крещати, по смертной жаждѣ или гладу нудящу, можетъ Давиду уподобься діаконъ или бѣлецъ крещеніе сотворити, якоже и твориша нѣцыи въ первоначаліе церкви: крестилъ Филиппъ діаконъ евнуха, крестилъ Ананій Павла, крещаху и ученицы Христова, еже ему странствовавшу въ мірѣ, не у бывше священницы... И простіи, по нуждѣ крещающіи и согласно святымъ мужемъ и святымъ правиломъ творящіи, не суть безбожніи и противніи Богу, но благочестивы и

богобоязненны суть яко согласная и любезная Богу и святымъ творятъ и дѣйствуютъ".

„Якоже тѣлесныя недуги и согнитія врачевати хотящіи ищутъ врача не сего, иже врачевскими ризами одѣвается, иже имя врачевское носитъ, но иже искусъ врачеванія знаетъ, иже врачевская былія имать, иже силу врачеванія в дѣйствѣ показуетъ. Тако и душевная язва и согнитія требуютъ врача добродѣтельми блистающа, искусъ знающа святаго писанія, вѣдуща боренія и прелести бѣсовскія, знающа коеждо язвѣ подобное врачеваніе приносити, а не именемъ единымъ похваляющася, имже ничтоже можетъ пользовати исповѣдающагбся.

„Сего ради святіи отцы лучше искусному иноку, паче не искуснаго священника повелѣша исповѣдати, якоже преднаписанная помоканона правила свидѣтельствуютъ".

„Гдѣ емлете святую евхаристію—допытывался Неофитъ,—и бываете ли причастники тайнѣ сей?".

Въ отвѣтъ поморцы, перомъ Андрея Денисова, обстоятельно развили глубокую теорію о „невѣщественномъ" причащеніи посредствомъ душевнаго желанія, ни на шагъ при этомъ не отступая отъ излюбленной имъ аргументировки фактами изъ практики святоотеческой.

„Христосъ Спаситель нашъ пречистыми уста своими глаголетъ, ядай мою плоть и піяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ,

„Сія словеса Христа Бога нашего, елико всякаго достовѣрства и благоговѣйнаго почитанія достойна суть, толико и прилежнаго во тщаніи исполненія требовательна, во еже всякому всегда причастнику быти животворящія плоти и крове Господни во освященіе души и тѣла, въ наслѣдіе живота вѣчнаго, о чесомъ вси вѣрующіи Христу и наипаче всѣмъ сердцемъ спастися ревнующіи *огнепальное желаніе* присно являти усердствуютъ. Обаче во святѣй каѳолической церкве, якоже причащающихся устроеніе, трегубо раздѣлено обрѣтается, тако и словеса святыхъ отецъ о семъ разсуждающая являются, еще же и новопечатная книги явственно сія опредѣляютъ.

„Первіи суть, иже уста и серцемъ въ чистѣмъ совѣсти пріемлютъ животворящее тѣло и святую кровь Христову, по преданію св. отецъ и св. апостолъ, и се сугубно, овіи во святѣй

церкви на святѣй литургіи причащаются, овіи же отъ священника православнаго веемше часть животворящихъ таинъ у себе держать и егда восхотятъ причащаются, ибо дотолѣ сіе таинство цѣло есть, доколѣ видъ хлѣба и вина цѣло пребываетъ. Таковы быша въ скитахъ и пустыняхъ отцы, во Александріи же и Египтѣ простіи людіе, на мнози имуще причащеніе въ дому своемъ каждо и егда хотяху причащахуся собою, яко Василій Великій свидѣтельствуетъ.

„Вторіи, иже благословныхъ ради винъ не имущіи гдѣ причаститися, еже устами вкусити животворящихъ и пречистыхъ Таинъ, обаче вѣру теплую и усердное желаніе о семъ показуютъ, добродѣтельми свое житіе украшающе, *таковіи чрезъ вѣру и усердіе духовнѣ причащаются* плоти и крови Христови. Такова бяше преподобная Марія Египетская мз лѣтъ въ пустыни живущи, и святыхъ Таинъ не причащающися, чрезъ добрыя дѣла присно благодать Божія причащашеся, и *Христа внутрь себе имяше*... Сице мнози святіи пустынницы (слѣдуетъ перечень именъ) далече отъ вселенныя живуще, церкви и священниковъ не имуще, устами святыхъ Таинъ причаститися не имуще, обаче вѣрою и желаніемъ и, житіемъ добродѣтельнымъ присно оныхъ благодать въ себѣ имяху....

„Вся собранія и службы, праздницы, и причащенія и жертвы, сего ради быша, яко да очистится человѣкъ отъ грѣхъ своихъ, и вселится Богъ въ онь. *Отстоитъ душа богоносная отъ всякія любве церквей зданныхъ и жертвъ видимыхъ, и соборъ множества и праздникъ человѣческихъ и ниже въ горѣ сей, ни въ Іерусалимѣхъ желаетъ поклонитися Богу, внутрь бо имать въ себя Бога, внутрь Духъ истинный огнь, внутрь жертвенникъ чисту совѣсть, внутрь очистилище грѣхомъ духовную слезу, внутрь вышній Іерусалимъ радостную слезу, прочее яко духовенъ духовными очами духовныя жертвы приноситъ.*

„Третіи суть едиными токмо устами причащающіися, иже недостойны ко святому приходятъ, иже скверными грѣхи окаяны, иже въ смертныхъ грѣхахъ погрязшіи и не очиствшіися, которіи не токмо не получаютъ благодати Божія, но паче большее осужденіе пріимутъ. Пріемлющіи же дѣйствіе Тайны святыя, си есть, приумноженія благодати

Божія безъ причащенія, сіи суть, иже имѣютъ огнепальное желаніе сердца, желаніе причаститися, но не могутъ, или нѣкоея ради тяжкія болѣзни, или иныхъ кіихъ благословныхъ винъ, или не имѣютъ на сіе помощника себѣ, пріемлютъ же точію дѣйствіе тайны святыя за свое благоусердное желаніе и духовнѣ сицевіи причащатися глаголются. Не усомнѣвайтеся, не изнемогайте умомъ вашимъ благоговѣйніи и Бога любящіи души, воистину вѣруйте, яко равную мзду и благодать и милость у Бога обрѣтаете за сицевую ревность и намѣреніе духовное, якобы воистину уже причастилися, и намѣреніе бо сицевое неизрѣченнѣ благоугодно есть Господеви, свидѣтельствующу о семъ учителю церкве иппонійскія сими словесы: вѣруй, и вкусилъ еси и причастился еси".

Методъ доказательства, какъ видно изъ изложеннаго, примѣнялся безпоповщиною исключительно діалектическій. Нисколько не отрицая какъ принципа таинствъ, такъ и института церковной іерархіи, безпоповцы весь вопросъ о щекотливыхъ пунктахъ тренія между старообрядчествомъ и оффиціальною ортодоксіею, свели къ force majeure, къ признанію положенія вынужденности, не отъ нихъ зависящей, имъ огорчительной, но фактически неустранимой.

Тонъ „Отвѣтовъ" безусловно умиротворительный. Религіозная догма объ антихристѣ въ лицѣ Петра не мѣшала, однако, выговцамъ тщательно подчеркивать свою лойяльность по отношенію къ личности монарха, а стало быть и вообще императорскому правительству, т. е. дѣлать уступки силѣ. И въ этомъ отношеніи выговцы не представляли никакой опасности для практическаго Петра. Бунтовать не бунтуютъ, подати, даже и двойныя, платятъ безъ понужденія, активнаго сопротивленія не оказываютъ — значитъ, элементъ терпимый. Въ тридцатыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія положеніе раскольниковъ значительно измѣнилось. Престолъ перешелъ къ старшей линіи дома Романовыхъ, и Анна Іоанновна считала своею священною обязанностью поддерживать старыя традиціи „хранителей православія". Чуть ли не случайно изъ скромнаго курляндскаго городка перенесенная въ столицу громадной имперіи, чувствуя, быть можетъ, что тронъ подъ нею не особенно то надеженъ, Анна съ болѣзненнымъ самолюбіемъ отно-

силась къ внѣшнему престижу своего имени и своей власти. Никогда, пожалуй, столько людей не пострадало въ Россіи по обвиненію или даже простому подозрѣнію въ неосторожномъ отношеніи, хотя бы мысленномъ, къ титулу монархини. Процвѣтавшая при Биронѣ „тайная канцелярія" ревностно отыскивала крамолу, пытаясь даже забраться въ сердца россійскихъ людей. Доносы и подметныя письма подорвали, наконецъ, и Выгорѣчье. „До правительства дошли свѣдѣнія", что въ легализированной Выговской общинѣ на самомъ дѣлѣ обстоитъ не все благополучно, оказывается содѣйствіе разнаго рода бѣглымъ, и что всего страшнѣе—совершенно упразднена молитва за государыню. Въ 1739 г.—уже по смерти Андрея Денисова, въ общину нежданно—негаданно нагрянула слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ чиновника Самарина, задавшаяся цѣлью выяснить вопросъ объ игнорированіи „молитвъ за царя". Выговцамъ предстояло категорически высказать свой взглядъ на этотъ щекотливый предметъ. Рѣшеніе, принятое наиболѣе умѣренною частью общины, во главѣ съ Семеномъ Денисовымъ, было, конечно, самое благоразумное и даже единственно возможное при сложившихся обстоятельствахъ, но тѣмъ не менѣе оно подорвало репутацію Выга, какъ палладіума — „безпоповщины" и произвело въ ней новый расколъ.

Выгъ, внеся „моленіе" *) въ свои служебники, тѣмъ самымъ отрекался отъ краеугольнаго камня безпоповщинской теоріи, бойкотировавшей никоніанскую власть и переставалъ служить выразителемъ ея задушевныхъ стремленій. Образовалось умѣренное меньшинство—поморяне—и непримиримое большинство—ѳедосѣевцы, филипповцы и др. Все обвиненіе выговцевъ въ забвеніи старыхъ завѣтовъ благочестія зиждилось на ихъ снисходительномъ отношеніи къ міру. Свой политическій оппортунизмъ выговцы формулировали такъ:

„О иновѣрныхъ властяхъ по псалтирю въ прочихъ указанныхъ мѣстахъ и о обращеніи ихъ молить. Моли убо прежде всѣхъ творити моленія за царя и проч. (слова Апостола). Но аще речетъ кто, яко не за всѣхъ, но за вѣрнихъ: егда глаго-

*) То былъ извѣстный тропарь „Спаси Господи люди твоя".

летъ за царей, не быша тогда благочестивіи царіе и пр. Ни яко же на небеси, никто же есть лукавъ, тако ниже на земли да будетъ, но всѣхъ въ страхъ свой провлецы, вся ангелы сотвори, аще и врази наши и супостаты. Сице намъ Божественнаго Писанія повелѣваютъ молиться о еллинахъ же и еретикахъ, паче о вразѣхъ, да и тіи въ разумъ истинный пріидутъ и вѣру обратятся. Мы за его императорское величество Бога молимъ, по рѣченному Псалмопѣвцемъ; Господи, спаси царя, и услыши ны, и всякаго блага его благолюбивому величеству доброхотно желаемъ. Мы и прочихъ градоправителей и военачальниковъ должны не судить, но честно почитати. *Прежде бывшіе наши отцы за иновѣрныхъ властей таковаго богомолія не употребляху*, но на благочестивыя лица они солоняху".

Собственно говоря, политика, была, по выраженію П. Н. Милюкова,—послѣдней каплей переполнившей чашу неумолимо предъявляла свои права, неустанно борясь съ буквою теоріи, не желавшею приспособливать свои требованія къ запросамъ реальныхъ условій. Религія упрямо открещивалась отъ грѣховнаго міра, дѣлая видъ; что его требованія для нея не играютъ никакой роли, но съ безпощадною ясностью выдвигалась настоятельная необходимость занять то или иное положеніе къ все болѣе усложнявшимся формамъ общежитія во всѣхъ его проявленіяхъ. Примѣняя терминологію нашихъ дней пришлось бы выговцевъ назвать прогрессистами старообрядчества, сохранивъ эпитетъ реокціонеровъ за ихъ противниками.

Кардинальный догматъ безпоповщины, признавая сохранившимися только два таинства—крещеніе и покаяніе, отрицалъ таинство брака, выводя отсюда необходимость безбрачной жизни Но догматика одно, а практика другое. Получилось вопіющее противорѣчіе. Религіозный фанатизмъ, что тамъ ни говори, кульминаціоннаго пункта своего вдохновеннаго напряженія долго выдержать не могъ. Аскетизмъ ослабѣлъ. Принципы строгаго дѣвства, воздержанія отъ брака и семейной жизни, ставившіеся какъ conditio sine qua non, въ эпоху эсхатологическихъ чаяній о скорой кончинѣ міра, подпавшаго подъ власть антихриста, мало по малу теряютъ свою обязательность. Первые поморцы постоянно указывали на желательность устранить вся-

10*

кое соприкосновеніе между „сѣномъ и огнемъ“, но вѣковѣчные физіологическіе порывы ломали всѣ плотины, устраивавшіяся безплотными умами „отцовъ“ безпоповщины.

Вопросъ о бракѣ сдѣлался для безпоповцевъ центральнымъ пунктомъ, сосредоточившимъ на себѣ всю мучительность разлада между душою и плотью. Поморцы отказывались жить прошлымъ. Они покорно примирились съ фактомъ, признали, что наступаетъ сѣрое прозаичное время, чуждающееся проявленія какихъ-либо эксцесеовъ отвлеченнаго происхожденія. Поморцы не могли конечно всецѣло отказаться отъ своего основного ученія о пришествіи, но за то прибѣгнули къ варіанту его, въ болѣе успокоительномъ духѣ. Они допускали, что антихристъ подчинилъ себѣ Русь, но власть его понимали „духовно“ а не „чувственно“, т. е. переносили ее не на личности а общее положеніе вещей.

Зашаталась теорія, и потеряла прежнюю стройность и единство вся система безпоповщины, предъ которой обрисовалось уже нѣсколько путей. Предстояло разобраться кому куда идти. Съ новыми мыслями о старыхъ предметахъ появились и иные дѣятели на прежней нивѣ.

Федосѣевщина. Преображенское кладбище.

„Феодосій Васильевичъ, бывшій дьячекъ Новгородской губерніи, Крестецкаго яма, основатель церкви, подъ названіемъ своего имени, Федосѣева, мужъ благочестивый, даровитый, твердой памяти и славный буквалистъ, торжественно поправшій никоніазмъ и мгновенно учинившійся пылкимъ и разительнымъ ревнителемъ благочестія. Онъ неустанно стараясь въ подвигахъ вѣры, утвердилъ и просвѣтилъ правовѣріемъ новгородскую страну, озарилъ симъ Польшу и прочія страны въ Россіи, пожертвовавшій за таковыя великія доблести своею жизнію Іову, митрополиту новгородскому. Онъ не разъ состязался съ Андреемъ (Денисовымъ) киновіархомъ о тайнѣ брака, и вездѣ его побѣждалъ откровеніемъ и мудростію, паче же своей апологіей, не разъ боролся съ буйнымъ изувѣрствомъ своей лжебратіи, желая устроить единство своей и поморской

церкви. Его вѣдѣніе святого Писанія, примѣрная жизнь и твердыя начала истинъ удостоили быть собесѣдникомъ славныхъ вельможъ, другомъ знатныхъ особъ и громкой славы во всѣхъ концахъ Россіи. Онъ былъ примѣрный мужъ въ подвигѣ благочестія, твердаго духа и неустрашимый казней міра, рѣдкій любитель церковнаго благочестія, чтитель кротости и попратель надмѣнія. Неразумная ревность его учинила съ Поморскою церковью раздоръ, а міролюбіе его убѣдило паки оной попрать и быть ему не разъ въ Вигориціи на загражденіе того. Онъ скончался въ Новгородѣ мученически отъ руки Іова митрополита Новгородскаго 1711 года, іюля 23, отъ рожденія своего 50 лѣтъ. Онъ былъ росту средняго, худощавъ, лицомъ бѣлъ, и мало продолговатъ, или круглъ, брада окладистая и большая, украшенная сѣдинами, взоръ веселый и пріятный, осѣненный смиреніемъ и набожностію".

Старообрядческая историографія даетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о возникновеніи „Ѳедосѣевщины", обязанной своею идеею „достохвальному Феодосію", доблести котораго мы только что перечислили изъ источниковъ, безусловно симпатизировавшихъ поморью.

„Сего убо Феодосіева согласія начала наименованіе влечется отъ нѣкоего Феодосія Васильева, бывшаго по внѣшнему состоянію, дьячка Крестецкаго Яма, области Новгородской подчиняющагося; въ томъ убо сего рожденіе произведеся, въ немъ же при церковенновыхъ догматъ бы исперва усердный служитель, потомъ позна отъ нѣкіихъ христіанъ, тогда въ тѣхъ странахъ кроющихся, лучи древняго благочестія и отвержеся ревностно новолюбнихъ преданій, и бываетъ послѣдователь древняго закона и нѣсколько въ оныхъ краяхъ пребысть и, за ради тогда подлежащаго гоненія, уклонися съ братомъ и чада своими въ Польскую державу. Идѣже, по тщанію своего ученія, собра общежительство отъ стекшихся отъ Россійскаго гоненія христіанъ, въ немъ же пребывая, учаше благочестію и житію добродѣтельному своихъ послѣдователей, точію за необысканіемъ конечныхъ, въ нѣкіихъ обычаехъ не покоряющихся правдѣ, *погрѣшительнымъ являшеся, яже по священнически поручни при крещеніи имѣти, еже священническая молитва при рожденіи и исповѣди, и погребеніи читати, еже настоятельствующихъ по*

нуждъ нуждными епископами нарицати, еже новолюбную тайну брачную опровдати, еже торжищное брашно скверниль, противъ Апостольскихъ гласовъ именовати, еже и титлу Никоно-латинскую на крестахъ имѣти и опровдати, еже аллилуйныхъ поклоновъ въ прочіе посты не содержати, и прочая многая несогласная чиносодержанія, коя убо не соизвѣстившіяся съ священнымъ Писаніемъ и со оставшимся отъ древняго благочестія обычаемъ упорны содержаше. И тако жительствуя съ своими въ Польскомъ Государствѣ, понужденъ бысть отъ нихъ, ово же и самъ возжела, посѣтити, тогда возблиставшую Выгорѣцкую сію обитель, основанную на Соловецкихъ выходцахъ и уставахъ, паче же на всемъ древнемъ преданіи, которую убо и посѣти тогда и много преудивися твердости тѣхъ, благочестію и жестокости житія, лѣпотному чиноукрашенію, идѣже онъ съ Выгорѣцкими отцы много бесѣдовавъ о благочестіи! мирно, такожде и обычаевъ содержаніи, при чемъ и о нелѣпотномъ своемъ дѣйствѣ, еже въ поручняхъ тогда зазрѣнъ бысть и исправити обѣщася, и о иномъ глаголаша къ пользѣ общества, а потомъ въ мирномъ соидѣ паки въ Польскіе краи ко своей обители отъѣха и тамъ, собравъ свою братію, предложи зазрѣніе Выгорѣцкихъ пустынножителей о семъ неполезномъ обычаѣ, еже въ поручняхъ крестити и прочіе оныхъ пустынно жителей доводы. Слышащіе же мнози, потерпѣлови быша и начаша смущатися о воспріятомъ отъ него крещеніи и о прочихъ, чего ради мнози, отлучившеся его общества, отъидоша во ины страны. Онъ же и прочіи отъ сего пріяша вину недоброхотства и вражды къ Выгопустыннымъ жителямъ, паче же сего ради въ раздоръ нашаша преклонятися; ибо изъ Выгорѣцкаго жительства выѣха въ Новгородъ, для проповѣди благочестія, и иныхъ нуждъ, многоразумный и премудрый мужъ, Леонтій Феодосіевичъ, который ради сего многаго разума и преизящнаго вѣдѣнія, не помалу возлюбленъ бысть новгородскими христіаны, къ которымъ учитель Феодосій съ прочими наставники пріѣзжаше, отъ чего оными наставники зѣло бысть ненавиствуемъ и возненавидѣлъ, зане въ вѣдѣніи священныхъ Писаній ихъ много превосхождаше. Многаху же пряхуся съ нимъ о нововодной титлѣ, и о прочихъ не сослагательныхъ вещахъ, иже по премногу праведными доводами отъ онаго противо сраща-

хуся, чего ради, не терпяще между собою онаго зрѣти, пріѣхавше, наустиша учителя Феодосія, да учинитъ съ Поморскими пустынножители раздѣлъ, полагающе оныя вышеизъявленныя вины, паче же за высокопоставляемую отъ нихъ титлу, ея же ради и Христоборцами, Іудеями, поморцевъ нарицаху. Учитель же Феодосій, ово самъ ревностно по сказанной титлѣ, разжигаяся, ово же своими, подгнѣщаемъ, весь подвижеся къ несогласію оныхъ, поемъ съ собою шесть старѣйшинъ, и потекъ къ Поморскимъ краямъ, уже не мирними ногами, и пріиде въ Выгорѣцкое общежительство въ лѣта 7214 (1706). Отцы же Выгорѣцкіи радостными сердцами его пріяша съ пришедшими и честь ему подобающую воздаша (въ то время благо мудрому Андрею съ братомъ Симеономъ не прилучившимся въ общежительствѣ быти, по нѣкіихъ ради братскихъ потребъ во внутренныя Россійскія предѣлы отъѣхавшимъ) и потомъ вину пріѣзда ихъ увѣдоша, что пріѣхаша не ради согласія, но ради мятежей и раздоровъ не христіаподлѣпныхъ, чего ради отъ отецъ увѣщеваемы быша оныхъ неполезностей не производити. . . . . И тако много бесѣдовавше и съ обѣихъ сторонъ доводствующе, согласія въ словесѣхъ отѣдь возимѣти не возмогоша . . . . . И егда же Феодосій исхождаше изъ обители, напутствовавъ бысть отъ отецъ потребными и провождаемъ съ честію; онъ же егда дойде до монастырскихъ служителей, пасущихъ скоты, ту остановися со своими, изъемши изъ влагалищъ отеческая брашна, повергше трудникомъ, приглашающе, яко не хощутъ пріяти снѣди отъ не послушающихъ ихъ проповѣди и потомъ начаша изъуватися своихъ обувей, и оными трясти, стоя прямо къ обители, глаголюще сице: „Прахъ, прилѣпшій къ ногамъ нашимъ, отрясаемъ во свидѣтельство ваше“, и еще страшнѣйшее сего прорекши се: „Не буди намъ съ вами имѣти общенія ни въ семъ, ни въ будущемъ вѣцѣ“, и тако съ тѣмъ намѣреніемъ въ раздорномъ духѣ поидоша въ путь свой“.

Послѣдователями Ѳеодосія, рѣшительно отколовшимися отъ поморскаго толка, признаннаго ими еретическимъ, послѣ цѣлаго ряда редакціонныхъ и по существу поправокъ, былъ выработанъ уставъ, любопытный тѣмъ, что большая часть его пунктовъ охватываетъ вопросы житейскаго порядка, стара-

тельно заботясь о возможнѣйшемъ изолированіи „древле православнаго“ отъ просто православнаго, зараженнаго тлетворнымъ дыханіемъ антихриста. Чисто догматическая часть „устава“ рекомендуетъ „вѣровати и поклонятися животворящему Кресту Христову съ надписаніемъ титли о славѣ Іисусъ Христовѣ, еже сице І. Н. Ц. І., или на дщицѣ написанномъ ІС. ХС.[1]) за едино почитати и поклонятися“.

Тутъ же чуть-ли не впервые ѳедосѣевцами заявленъ протестъ противъ термина „раскольникъ“. „Никоніане вѣру христіанскую раскольническою нарицаютъ и христіанъ раскольниками именуютъ, и подъ оное именованіе мнози христіане подписалися раскольниками именоватися, и сіе ихъ подписаніе, а намъ христіанамъ неприлично; и сицевыхъ къ себѣ въ моленіе не пущать. и себѣ имъ во оправданіе не имѣть, и отъ всѣхъ христіанъ о семъ прощеніи имъ просити и полагати 300 поклоновъ“.

Далѣе слѣдуютъ соображенія этическо-наставительнаго характера.

„Христіанамъ пищу въ домѣхъ своихъ устраивать и симъ питатися; аще ли по нуждѣ доспѣтое на торгу покупаетъ кто, и за что полагати поклоновъ сто, ащемъ же кромѣ нужды дерзнетъ кто купити, и таковый сотворитъ поклоновъ сто до земли при соборѣ“.

„Въ воскресные дни, и въ праздники великіе за торгомъ не ѣздить и не ходить, такоже и на конскихъ ристаніяхъ не ѣздить; аще ли великая нужда позоветъ, и за то полагати поклоновъ сто до земли“.

„Юношамъ и дѣвицамъ, такожде и женамъ въ воскресные дни, и прочіе праздники господскіе и богородичные. и въ нарочитыхъ святыхъ празднуемыхъ, по кирмашамъ и въ лѣсъ за ягодами и за грибами, и по чужимъ деревнямъ не ходити, но честно сія дни провождать съ моленіемъ и почтеніемъ. Аще ли обрящутся тако мотающіися, и праздники святыя не почитающіи, да творятъ таковіи триста поклоновъ до земли“.

---

[1]) Противъ „четырехсоставнаго“ догмата о Крестѣ, поморцы сильно возставали, говоря что „первобытное Пилатово написаніе злѣ и на хулу писано, какъ означающее вину Спасителя. Пилатъ бо на дщицѣ написа: Іисусъ Назорянинъ, Царь Іудейскій“.

„Среды и пятки ядущихъ по дважды, а прочіе дни по трижды, сицевымъ по первомъ и второмъ наказаніи налагать по триста поклоновъ до земли".

„Піющіи горѣлое вино и пиво отъ жидовскихъ рукъ и отъ невѣрныхъ, на сицевыхъ налагать постъ двѣнадцать дней, и на кійждо день до сто поклоновъ".

„Въ бани христіанамъ съ мірскими и съ новоженами отнюдь не входить, и изъ единыхъ сосудовъ во оскверненной водѣ съ ними не мытися; но имѣти христіанамъ сосуды особные".

„Растящихъ власы и носящихъ малахаи и шляпы запрещать и въ моленіе не пущать".

„Поющихъ пѣсни бѣсовскія и играющихъ въ карты и въ варганы, и въ дуды, и бранящихся матерны, и пляшущихъ и яйцами катающихъ, и на качеляхъ качающихся, да творятъ сіи вси пятьсотъ поклоновъ до земли".

„Духовнымъ лицамъ отнюдь не торговать, и въ тяжбы и въ свары съ простыми людьми не входить, и подъ иновѣрный судъ отнюдь не ходить".

„Юношамъ рубахъ красныхъ и штановъ каламянковыхъ, а дѣвицамъ сапоговъ красныхъ и платковъ красныхъ и въ подвязкахъ золотыхъ на моленіи отнюдь не стоять, и поясами чтобы не подпоясывалися, и тѣмъ бы православныхъ не соблазняли".

Любопытно, что ѳедосѣевщина, порвавшая связь съ поморьемъ изъ за послабленій, допущенныхъ якобы послѣднимъ въ точкахъ соприкосновенія теоріи съ практикою, сама любитъ обходиться довольно таки неуловимою казуистикою.

Въ принципѣ, напримѣръ, отвергая доброжелательное отношеніе къ никоніанской власти, ѳедосѣевцы въ то же время умудряются фактически поддерживать его, подчиняться всѣмъ распоряженіямъ, словомъ, исполнять обще гражданскія повинности. Возникаетъ вопросъ о податяхъ. Ѳедосѣевцы даютъ такую реплику: „за что даемъ дань—не за службу, не за вѣру ихъ, но за обладаніе и за имущую власть по попущенію святаго Бога. Дабы никто не имѣлъ на насъ гнѣва, во еже до конца обидѣти: аще требуетъ врагъ злата—дадите, аще ризу—дадите, аще почести—дадите, аще вѣры хощетъ отъяти—мужайтеся всячески. Мы въ послѣднее время живемъ и потому

всяку дань даемъ всякому просящему, дабы не предалъ врагъ на муку, или бы не заточилъ въ незнаемое мѣсто".

Мирно уживаются Ѳедосѣевцы и съ финансовымъ матеріализмомъ, казалось бы, не совсѣмъ то свойственнымъ идеалистическому міровоззрѣнію. „Портреты и литеры царскія на златѣ и сребрѣ были и не безъ ума: каковъ царь, таковъ портретъ и на деньгахъ и литера. И Христосъ вопроси: чіе лице указуя сребренникъ. Отвѣщаша: Кесарево—воздадите убо Кесарева Кесареви, а Божія Богови. Виждь отъ сего и разумѣй—деньги не касаются вѣры, непротивны закону, аще кто съ разумомъ имѣетъ ихъ. Злато и сребро Богомъ сотворены: продать, купить, и милостыню сотворить, свѣчу и масло купить въ жертву Богу и на всякую потребу. Многіе святые куплю творили; зри о томъ въ прологахъ и четминеяхъ".

По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1821 года выяснилось, что ѳедосѣевцы: 1) не имѣютъ священства; 2) брака—тоже; 3) женатымъ предписываютъ разлучаться; 4) терпятъ блудную жизнь; 5) дѣтоубійство не считаютъ преступленіемъ (?); 6) за государя не молятся; 7) мѣстныхъ властей не уважаютъ; 8) общую присягу считаютъ еретическою и антихристовою; 9) военной службы не терпятъ; 10) побѣгъ изъ нея считаютъ допустимымъ.

Поморцы имѣли свою штабъ-квартиру на Выгѣ, ѳедосѣевцы создали ее на московскомъ Преображенскомъ кладбищѣ; первые отца и главнаго наставника себѣ нашли въ Андреѣ Денисовѣ, у вторыхъ былъ Илья Ковылинъ, „московскій купецъ, славный членъ ѳеодосіянской церкви сей столицы, рѣдкій буквалистъ и твердой памяти. Мужъ даровитый, смѣлый, предпріимчивый и примѣрной ревности благочестія, не разъ торжественно поражавшій лжемудріе никоніазма въ глазахъ вельможъ и обожателей его, не разъ побѣждалъ явныя заблужденія старообрядцевъ и слѣпоту нѣтовщины. Онъ былъ общій и отличный покровитель всѣхъ церквей старовѣрства отъ владыкъ міра и насилія іерархій его, тщательный строитель великолѣпнаго и огромнаго зданія въ Москвѣ на Преображенскомъ кладбищѣ, пожертвовавшій оному своимъ имуществомъ на вѣчное его существованіе до трехъ сотъ тысячъ рублей. А при сихъ важныхъ отличіяхъ былъ рѣдкій собиратель священныхъ

предметовъ древности и предковъ своихъ творенiй, соборовъ и мышленiй догматизма и преданiй. Милость его къ страждущимъ за благовѣстiе Православiя и угнетаемымъ бѣдствiями мiра озаряла всѣ пути его и возносила до небесъ. Отличная его слава за доблести гремѣла по всей Москвѣ и раздавался звукъ ея въ Петрополѣ, Ригѣ, Астрахани, Нижнемъ и прочихъ странахъ благочестiя. Онъ жилъ въ мiрѣ не для себя, а для церкви и ближнихъ. Словомъ, это былъ единственный человѣкъ ради церкви и ея созданiй. Разительное его краснорѣчiе, живая память, ясный и прiятный тонъ въ убѣжденiи истинъ, плѣняли каждаго въ послушанiе ему и обращали на него глубокое вниманiе. Впрочемъ, при всѣхъ таковыхъ доблестяхъ, онъ былъ, къ общему сожалѣнiю, отличный бракоборецъ и чтитель постыднаго галилейства, любитель пышной жизни и другой непрвственности по предмету удовлетворенiя тѣла. Онъ имѣлъ важный и сановитый видъ, ростъ его былъ высокiй, корпусъ красивый, лицо бѣлое, продолговатое, взоръ веселый и проницательный, брада окладистая, долгая и кругловатая, украшенная сѣдинами; на лбу и верху главы его время изгладило всѣ власы у него. При первомъ на него взорѣ каждый замѣчалъ, что онъ, есть человѣкъ отличный и рѣдкiй въ церкви патрiархъ, а въ мiрѣ владыка мiра. Онъ скончался въ Москвѣ благочестно и погребенъ славно, 1809 года въ августѣ, отъ рожденiя своего 78 лѣтъ" .

Въ 1771 году Москву постигло страшное несчастiе,—моровая чума, въ короткое время повысившая смертность до небывалыхъ размѣровъ. Уцѣлѣвшее населенiе въ паническомъ страхѣ бѣжало изъ опустѣвшей столицы, тѣмъ не мало озаботивъ правительство, опасавшееся, что ужасное повѣтрiе будетъ разнесено повсюду; къ тому же полицiи почти не существовало, предохранительныхъ мѣръ не принималось. Тогда зажиточный купецъ Илья Ковылинъ, ревностный ѳедосѣевецъ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками подалъ московской администрацiи оффицiальное заявленiе такого содержанiя: „мы, нижеподписавшiеся, въ означенномъ отъ насъ противъ Преображенскаго въ земляномъ валу мѣстѣ для содержанiя больныхъ больницу построимъ, съ тѣмъ, что какъ для караула, и смотрѣнiя за больными, такъ равно и вывозу въ оную забо-

лѣвшихъ изъ домовъ, людей надежныхъ довольное число опредѣлимъ, и тѣхъ больныхъ и помянутыхъ опредѣленнымъ снабжать платьемъ, обувью, и довольною пищею содержать будемъ сами, а если сего исполнять не будемъ, то подвергаемъ себя, чему будемъ по закону достойны, въ чемъ и подписуемся". Ковылинъ былъ извѣстенъ за человѣка безусловно благонамѣреннаго, предложеніе его пришлось какъ нельзя болѣе кстати, разрѣшеніе было дано и Ковылинъ приступилъ къ осуществленію своего плана. На дорогѣ изъ Москвы ѳедосѣевцы устроили карантинъ, всюду загородили заставами и принялись за благотвореніе. Употреблены были всякія средства, чтобы пропитать голодныхъ, призрѣть и успокоить старыхъ, слабыхъ и больныхъ. „Молва о прокормленіи на ковылинскихъ заставахъ живо облетѣла всю Москву; голодные и изнуренные страхомъ исполняли правила о семи поклонахъ передъ трапезою и послѣ нея, безъ чего никто къ столу не допускался, участвовали при служеніяхъ Ильи Ковылина, который въ особенномъ шалашѣ предъ древними иконами, отправлялъ молебствія, вечерни, всенощныя, при чемъ не оставлялъ поучать, что бѣдствіе язвы и голода произошли отъ никоновской вѣры. „Вотъ какъ Богъ ополчился противъ враговъ своихъ, преступниковъ православія, щепотниковъ, и какъ ихъ караетъ. Можетъ ли на нихъ сходить Духъ Святой, когда ихъ маковицы заросли волосами, бриты бороды, обезчещенъ образъ Божій, тогда какъ царь Давидъ за бритіе пословъ его воздвигъ войну".

Легко понять, какъ относился народъ къ сострадательнымъ раскольникамъ, видя, съ одной стороны, что мертвые погребаются безъ христіанскихъ обрядностей, безъ напутствія православнаго священника, боявшагося заразиться, а рядомъ съ этимъ, у Ковылина все идетъ „благочестно", опасно больные видятъ у себя наставника съ теплымъ словомъ, погребеніе сопровождается христіанскимъ благолѣпіемъ. Сравненіе и на этотъ разъ не говорило въ пользу господствующей церкви, и сыграло огромную агитаціонную роль. Число ѳедосѣевцевъ, тайныхъ и явныхъ, росло со дня на день, инстинктивно тяготѣя къ Преображенскому. Эпидемія уже прошла, но впечатлѣніе отъ дѣятельности Ковылина и его помощниковъ осталось. Пріютившимся подъ гостепріимнымъ кровомъ очень уже не хотѣлось уходить

оттуда, благо Ковылинъ и не думалъ просить ихъ пожаловать вонъ, и постепенно съорганизовалось уже постоянное общежитіе, носившее безусловно монастырскій обликъ. Всѣмъ общинникамъ тщательно и систематически внушалось, что вѣнчать можетъ только священникъ, а такъ какъ вся церковная іерархія отравлена никоніанствомъ, то и браки, ею благословленные,—просто блудное сожительство, противное Богу и достойное вѣчнаго мученія въ огненномъ озерѣ; расторженіе брака и посвященіе себя Богу можетъ искупить отъ этого, неминуемаго въ противномъ случаѣ, наказанія.

Къ воцаренію императора Александра I Преображенское кладбище уже затмило собою захирѣвшій Выгъ, считаясь теперь богатѣйшею общиною „древняго благочестія“, въ однихъ пріютахъ котораго проживало болѣе трехсотъ человѣкъ, да около 3000 прихожанъ считалось по всей Москвѣ.

Въ 1808 г. Ковылинъ, чрезъ своихъ чиновныхъ благопріятелей, подалъ императору „всеподданнѣйшее“ прошеніе, въ которомъ говорилось, что „московскіе старообрядцы, желая доставить призрѣніе безпокровнымъ, старымъ и бѣднымъ своего общества, приняли намѣреніе соорудить богадѣленный домъ, и повергая планъ содержанія ихъ къ престолу Его Императорскаго Величества, просятъ утвердить оный своимъ Высочайшимъ Именемъ“. Я почитаю—заключаетъ Ковылинъ,—себя щастливымъ въ преклонности дней моихъ, которые Богу угодно было продлить, чтобы я ходатайствовалъ у Монарха-отца о дѣлѣ, столь пріятномъ его чадолюбивому сердцу и столь полезномъ, для безпомощнаго человѣчества“. И на это разрѣшеніе послѣдовало, благодаря близкимъ связямъ богатѣйшаго Ковылина съ глубоко презираемой имъ въ душѣ администраціею, поторопившейся завѣрить въ Петербургѣ, что „образъ правилъ ихъ (ѳедосѣевцевъ) всегда состоялъ въ совершенной тишинѣ и согласіи и при безпрестанномъ занятіи въ приношеніи усердныхъ молитвъ Создателю міра“.

Въ прошеніи указывалось затѣмъ, что ѳедосѣевцы, какъ вѣрноподданные своего монарха, находя себя достойными по горячей любви къ нему его благоволенія, ходатайствуютъ объ освобожденіи кладбища отъ зависимости синода, и дать право кладбищу распоряжаться по собственному желанію завѣщан-

ными ему различными лицами движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Просьба эта успѣха не имѣла, но за то Ковылину, чрезъ посредство своихъ вельможныхъ благопріятелей, удалось достичь крайне важнаго для нихъ высочайшаго повелѣнія исключить изъ метрическихъ книгъ по московскимъ приходамъ всѣхъ старообрядцевъ. Но Ковылинъ не удовольствовался ограничительнымъ характеромъ указа, и, пустивъ въ ходъ вліяніе князя Куракина, могъ утѣшиться расширеніемъ правъ, данныхъ москвичамъ и на остальныхъ ѳедосѣевцевъ. „Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Преображенское кладбище обязано своимъ существованіемъ Ковылину. Разсматривая его дѣйствія, можно признать, что Ковылинъ, при ничтожномъ своемъ образованіи, владѣлъ въ высокой степени хитростію; не имѣя просвѣщенія, не создавъ новаго раскола, но извлекая таившійся до него изъ мрака, придавъ ему новую форму, своими стараніями представилъ его смѣлымъ и дерзкимъ противникомъ православной церкви. Изъ грубаго по ремеслу кирпичнаго заводчика онъ достигъ связей съ вельможами своего вѣка, проникъ ихъ слабости и умѣлъ пользоваться ими весьма благоразумно; не поставляетъ ли это его въ ряду знаменитыхъ европейскихъ основателей расколовъ“ *).

Но за этимъ холодно оффиціальнымъ признаніемъ недюжинности Ковылина, при ознакомленіи съ нѣкоторыми фактами, можно вывести нѣчто поучительное.

На сторонѣ Ковылина были двѣ могучія, никогда не теряющія своей мощности силы: умъ и деньги. Вѣчно на сторожѣ, вѣчно готовый отразить всѣ нападенія противъ дорогого его сердцу Преображенскаго кладбища,—этой временной magna charta libertatis раскола,—съ вкрадчивою улыбкою на безкровныхъ губахъ, милліонеръ-фанатикъ глубоко и страстно презиралъ дешевую человѣческую натуришку, готовую податься даже мимолетному соблазну. И Ковылинъ имѣлъ на такое чувство полное нравственное право. Закупивъ почти всю московскую администрацію, посыпавъ золотымъ пескомъ запылившуюся іерархическую лѣстницу, видя, что самые строгіе охранители „незыблемыхъ устоевъ гражданственности“, куда-то прячутъ свои

*) В. Кельсіевъ. „Сборн. прав. расп. о расколѣ“. Лондонъ. 1860. В. I, стр. 29.

„убѣжденія“ при видѣ раскрывающейся мошны бородатаго плебея, „достоуважаемый Илья Алексѣевичъ“, подавляя невольное брезгливое ощущеніе, ad majorem Dei gloriam водилъ дружескую компанію съ знатью, кормилъ лукулловскими обѣдами, чуть ли не купалъ ее въ шампанскомъ, и саркастически ухмылялся, съ наслажденіемъ любуясь грустною картиною перепившихся „никоніанъ“.

19 августа 1809 г., истощенный продолжительнымъ и суровымъ постомъ, Ковылинъ умеръ. Несмѣтная толпа, во главѣ съ московскимъ комендантомъ, провожала прахъ заслужившаго общія симпатіи старца. Нечего и добавлять, что похороны завершились обильнѣйшими поминками.

И послѣ смерти Ковылина хорошо налаженная организація продолжала существовать, умѣло обходя всяческія препятствія, становившіяся поперекъ ея пути.

Попрежнему Преображенское кладбище являлось лидеромъ всей ѳедосѣевщины, играя роль связующаго центра, но нельзя не признать что умственная работа всей партіи постепенно теряла свою остроту, способность подходить близко къ животрепещущимъ вопросамъ раскола, создавшую ей временную гегемонію среди раскольничьихъ фракцій, и ѳедосѣевцы сплошь и рядомъ размѣнивались на мелочи, затрачивая не мало мыслительной энергіи на разрѣшеніе такихъ схоластическихъ софизмовъ, какъ, напримѣръ, въ родѣ инцидента 1817 года, возникшаго по слѣдующему поводу. Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ при произношеніи молитвы „Господи Іусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“, ѳедосѣевцы и вообще всѣ старообрядцы, налагаютъ двуперстіе на лѣвое плечо какъ разъ при словахъ: „Сыне Божій“, и никогда имъ раньше въ голову не приходило, что, какъ извѣстно, на лѣвомъ плечѣ постоянная резиденція сатаны, искушающаго человѣка чрезъ нашептываніе въ лѣвое ухо, и, стало быть, сближать имя Божіе съ дьяволомъ совсѣмъ уже неудобно. Нежданно-негаданно появившееся сомнѣніе скоро вызвало уже немалый соблазнъ. Провинціальной ѳедосѣевщины разрубить этотъ гордіевъ узелъ оказалось не подъ силу, пришлось обратиться къ компетенціи Преображенскаго кладбища, одинъ изъ наставниковъ котораго, Гнусинъ— личность довольно таки неразъясненная, предложилъ старо-

обрячеству держать руку на животѣ, а крестить лѣвое плечо уже по окончаніи молитвы, взявъ при этомъ на себя миссію испросить у Господа Бога простить грѣхъ прежняго невѣдѣнія, что, въ сильной степени, отзываетъ или непростительною наивностью, или вѣрнѣе,—шарлатанствомъ.

Благополучно пережило Преображенское кладбище эпоху политическо-общественной неустойчивости царствованія Александра Благословеннаго, мистика въ душѣ и споткнулось, наконецъ, на николаевскомъ режимѣ, подозрительно настроенное воображеніе котораго не смогло примириться съ фактомъ существованія status in statu.

Первую серьезную непріятность общинѣ причинили такъ называемыя „Отеческія завѣщанія", составленныя однимъ изъ видныхъ дѣятелей кладбища и попавшія въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ. Текстъ „завѣщанія" носилъ явно крамольный оттѣнокъ, весьма неосторожно афишируя запечатанныя въ сердцахъ раскольниковъ общія догмы безпоповщины. Говорилось тамъ, что „отъ лѣта по Рождество 1667 установленная Богомъ царская власть и начальствующая упразднися и наступило царствованіе антихристово", что „бракъ отняся и запретися", а потому „младенцевъ, отъ христіанъ брачущихся, не крестить" и т. д. Изъ сего усмотрѣно было, что правила ѳедосѣевщины «ведутъ къ безпорядкамъ, къ разврату и къ дѣтоубійству». 18 апрѣля 1847 года послѣдовало непріятное для раскольниковъ высочайшее повелѣніе:

„Для учрежденія въ богадѣльномъ домѣ, находящемся на Преображенскомъ кладбищѣ порядка, на точномъ основаніи указа 15 мая 1809 г., о сказанномъ домѣ послѣдовавшаго, подчинить оный вѣдѣнію попечительнаго совѣта заведенія общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, въ число городскихъ благоугодныхъ заведеній, состоящихъ подъ личнымъ Его Величества направленіемъ и предоставить ему немедленно принять тотъ домъ въ свое завѣдываніе и устроить порядокъ управленія, соблюдаемый въ другихъ подобныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ, приводя сіе въ исполненіе не вдругъ, но постепенно, дабы быстрымъ измѣненіемъ прежняго порядка не охладить усердія раскольниковъ къ добровольнымъ приношеніямъ въ пользу своихъ безпомощныхъ единомышленниковъ, такъ

какъ сіе благотворительное заведеніе содержится исключительно таковыми приношеніями, а затѣмъ приведя въ извѣстность все имущество, доходы и вообще способы сего заведенія, представить соображенія о дальнѣйшемъ онаго содержаніи попечительнаго совѣта". Правительственное дознаніе выяснило, что „Преображенское кладбище, съ его богадѣльнымъ домомъ есть ничто иное какъ религіозное и политическое, раскольниками самовольно устроенное учрежденіе, которое по всей Россіи усваиваетъ безпоповщинской сектѣ характеръ отдѣльнаго общества и заправляетъ дѣлами этой секты по всему государству; что оно имѣетъ огромные денежные способы, коими старшины распоряжаются на распространеніе раскола". 19 марта 1854 года митрополитъ московскій Филаретъ поставилъ въ извѣстность оберъ-прокурора о новомъ теченіи въ расколѣ.

„Обращенное правительствомъ вниманіе на прекращеніе безпорядковъ на такъ называемомъ Преображенскомъ кладбищѣ, (которое подъ видомъ богадѣльнаго дома, заключало въ себѣ людей, чуждыхъ православной церкви, содержащихъ и распространяющихъ ученія, сколько противныя церкви, столько же предосудительныя въ отношеніи къ правительству и общественной жизни), для разсудительныхъ послѣдователей преображенскихъ наставниковъ, сдѣлалось случаемъ къ такому движенію умовъ, по которому они начали сознавать неправильность своего положенія въ отношеніи къ вѣрѣ и получили расположеніе къ соединенію съ св. церковью".

Быстро пошло дѣло „очищенія" безпоповщинской твердыни, и черезъ два года извѣстный витія оффиціальной церкви архіепископъ Херсонскій Иннокентій, посѣтивъ знаменитое нѣкогда кладбище, теперь превратившееся въ заурядный погостъ, имѣлъ возможность констатировать, что „теперь тутъ отъ возсіявшаго весенняго солнца ледъ ожесточенія растаялъ и явилась свѣжая нива, удобная къ пріятію сѣмянъ здраваго ученія, теперь тутъ, вмѣсто вѣковой вражды, водворилось благое начало единства съ церковью православною и взаимной любви Христовой, такъ что тѣ, кои составляли собою язву на тѣлѣ церкви, скоро могутъ составлять одно изъ лучшихъ ея украшеній".

Исторія Выговской пустыни и Преображенского кладбища, думается, поучительная уже въ томъ отношеніи, что достаточно убѣдительно доказываетъ всю шаткость идеи измѣнить условія соціальнаго быта путемъ перехода отъ индивидуалистическихъ основъ къ коммунальнымъ, понимаемымъ въ смыслѣ религіозно-этическаго идеала. Процессъ разложенія подобнаго организма всегда одинъ и тотъ же. Воодушевленіе, вызванное отвлеченнымъ экстазомъ, является слишкомъ ненадежнымъ ферментомъ общежитейской солидарности. Неносильныя задачи, внушенныя страстнымъ порывомъ вверхъ, по ту сторону ощущаемой реальности, таятъ въ себѣ самихъ растлѣвающія начала, гибельныя для равновѣсія плоти и духа. И Выгъ и Преображенское погибли отъ одной причины—неразсчитанности силъ, находящихся въ распоряженіи человѣка. Явная ненормальность постановки вопроса объ аскетическомъ уклоненіи отъ брака, не могла способствовать жизненности коммуны здоровыхъ, сильныхъ людей, подпавшихъ гипнозу плѣнительной мысли о возможности подчиненія запросовъ крови ригористической слѣпотѣ доктрины о всевластіи духа.

Да и не одинъ бракъ подорвалъ безпоповщину, подорвала вся ложность ея теоретической концепціи, созданной застывшими старческими головами.

Филипповщина.

25 декабря 1827 года въ Угличѣ, въ домѣ тамошняго купца Ивана Васильевича Выжилова человѣкъ десять наиболѣе видныхъ послѣдователей лѣваго крыла безпоповщины, называвшіе себя „филипповцами", собравшись изъ разныхъ сторонъ, по случаю многихъ замѣченныхъ мудрованій и нехраненія отеческихъ преданій, постановили:

„Возрадѣемъ свое православіе содержати и яко же желаемъ своимъ душамъ спасенія, такожe наипаче усердно и о прочихъ спасеніи старатися.

„Сверхъ опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а также 106 Поморскихъ статей, содержать и хранить слѣдующее:

„Въ воскресные дни, Господскіе и Богородичные праздники и равно въ дни великихъ святыхъ, христіанамъ не работать, не торговать ничѣмъ и никакого дѣла не дѣлать, а приходить на общее моленіе и слушаніе Божественнаго писанія.

„Внѣшнихъ вь вѣру принимать со искусомъ и исповѣданіемъ Правыя вѣры и житія по писанію, и святаго крещенія скоро не сподоблять. У кого изъ приходящихъ къ вѣрѣ окажутся малыя дѣти, принимать ихъ съ тѣмъ, буде согласятся и дѣтей съ собою въ вѣру привести, а безъ того не принимать.

„Приходящихъ къ намъ отъ Ѳедосѣевыхъ и Монастырскихъ (Поморцевъ) принимать съ четыредесятнимъ постомъ, а кто изъ нихъ находится въ явныхъ нѣкоихъ качествахъ, то по разсужденію налагать постъ и болѣе продолжительной; родителей ихъ не поминать, также и иконъ отъ нихъ не брать.

„Новоженовъ принимать, съ тѣмъ, чтобы они разошлись.

„Староженовъ принимать, съ совѣтомъ тоже разойтись.

„Отъ внѣшнихъ младенцевъ въ крещеніе принимать, если родители ихъ дадутъ обѣщаніе съ младенцемъ не сообщаться и прочаго совокупленія не имѣть, въ среду и пятокъ поститься, въ Никоніанскую церковь на свадьбы и позорища не ходить, и тамъ не крестить; младенца отдавать на охраненіе христіанамъ; буде же они свой обѣтъ преступятъ и вновь принесутъ младенца, то не принимать, доколѣ не вступятъ въ соглашеніе, если крещеннаго младенца осквернятъ,—хранителей его наказывать, оскверненныхъ же младенцевъ не отпѣвать и не поминать.

„Отъ новоженовъ, безъ развода, младенцевъ не крестить и приносовъ въ церковь на службу не взимать.

„Тѣхъ отцовъ и матерей, которые сына женятъ или дочь отдадутъ замужъ, на покаяніе не принимать, доколѣ не расторгнутъ брака.

„На тѣхъ родителей, кои женятъ или выдадутъ замужъ мірскихъ дѣтей и будутъ прикладывать къ тому свое попеченіе, накладывать двѣ четыредесятницы, или два поста.

„Всѣмъ духовнымъ правителямъ быть безпорочными и знающими св. Писаніе, имѣть имъ духовныхъ отцовъ и духовнаго

дѣла касаться по избранію братства, съ благословеніемъ духовныхъ отецъ.

„Иконникамъ безъ благословенія отеческаго дѣла сего не касаться, иконы писать съ древнихъ образцовъ, иновѣрнымъ иконъ не писать и не продавать, жить цѣломудренно подъ смотрѣніемъ отцовъ духовныхъ и безъ совѣту ихъ ничего не дѣлать, ходить каждый годъ четырежды на исповѣдь.

„Настоятелямъ при своихъ кельяхъ зазорныхъ лицъ не держать, также и всѣмъ христіанамъ женскаго полу въ работницы не нанимать и единокелейно не жить.

„Свѣчи работать для христіанъ, а иновѣрнымъ не продавать.

„Въ праздники и на поминки къ иновѣрнымъ и несогласнымъ съ нами не ходить, снѣднаго и напитковъ отъ нихъ не вкушать.

„Входя во внѣшніе домы, иконамъ ихъ не кланяться.

„Платья необычнаго не носить, какъ-то: халатовъ съ отворотами, тулуповъ съ воротниками, сапоговъ смазныхъ, картузовъ, малокрылыхъ шляпъ, жилетовъ и разной пестряди рубашекъ и прочихъ разнообразныхъ матерій, сарафановъ, непристойныхъ черевиковъ, цвѣтныхъ платковъ, особенно во время собранія въ молитвенномъ домѣ.

„Чаю не пить и пряниковъ не покупать.

„Въ стриженіи власовъ всѣмъ соблюдать христіанскій обычай; затылка высоко не выстригать и шеи не брить.

„Вина и прочаго хмѣльного питія не употреблять, по нынѣшнему горькоплачевному времени и по обѣщанію нашему жить цѣломудренно и соблюдать чистоту.

„Такожде по причинѣ разсѣянія людей освященныхъ—мяса не принимать.

„Всѣмъ христіанамъ, какъ мужескому, такъ и женскому полу на мірскія бесѣды и прочія сонмища и гульбища, христіанамъ не приличныя, не ходить.

„Христіанамъ въ наслѣдство имѣнія внѣшнимъ не оставлять, хотя и дѣти будутъ.

„Христіанамъ въ банѣ съ мірскими не мыться, также и въ печахъ не париться.

„Крестное знаменіе каждому налагать истово, кланяться

низко, посты поститься по уставу, во все лѣто среду и пятокъ ѣсть однажды въ день и когда слѣдуетъ класть поклоны земные, равно и понедѣльникъ поститься.

„Въ молитвенныхъ домахъ, гдѣ бываетъ общее собраніе, мужескому полу съ женскимъ безъ преграды и безъ завѣсы не молиться и вмѣстѣ не пить, также и въ домахъ безъ преграды не спать.

„Отцамъ духовнымъ при крещеніи и покаяніи отнюдь денегъ не брать.

„Денегъ въ ростъ и ломбардъ не давать.

„Каждый годъ одинъ разъ духовнымъ отцамъ собираться, гдѣ означено будетъ, любовно совѣтоваться о церковныхъ дѣлахъ, другъ друга любовно подкрѣплять, отеческихъ чиноположеній не опущать.

„Въ помощь духовнымъ отцамъ для исправленія усмотрѣнныхъ недостатковъ, избирать выборныхъ, а для наблюденія надъ женскимъ поломъ избирать старушекъ, и что за кѣмъ окажется, возвѣщать отцу духовному или выборному; женскому полу однимъ вездѣ не шататься.

„Для наблюденія надъ всѣмъ симъ, нынѣ же избрать выборныхъ трехъ человѣкъ соборныхъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно посѣщали страны и надсматривали, выполняется ли по всѣмъ странамъ, а гдѣ усмотрять упущеніе, сообщать о томъ, чего сами рѣшить не могутъ, собранію отцовъ духовныхъ.

Таково было окончательно сложившееся ученіе филипповскаго согласія, пошедшаго отъ бывшаго стрѣльца Филиппа, впослѣдствіи „духовнаго отца" Выговской пустыни. Послѣ подчиненія выговцевъ самаринской комиссіи, Филиппъ откололся отъ Поморья и поселился съ собравшимися вокругъ его единомышленниками на рѣкѣ Умбѣ. Провѣдали о немъ власти, отправили воинскую команду, но Филиппъ сжегъ себя съ семидесятью наиболѣе преданными ему изувѣрами. Его преемникъ Терентій повысилъ число жертвъ фанатизма до девятидесяти, да почти столько же переселилъ въ лоно Авраамово третій вожакъ, старецъ Матѳей.

Съ ихъ почина самоубійство вошло въ практику ревностныхъ приверженцевъ филипповщины, видѣвшихъ въ этомъ

вѣрное средство уберечь свою душу отъ мірского соблазна и захвата антихристомъ.

Первоначально филипповщина пустила свои корни въ извѣстномъ торговомъ селѣ Кимрахъ Тверской губерніи, а уже отсюда въ концѣ восемнадцатаго столѣтія перекинулась въ Москву. Долго скитались филипповцы по Россіи, пока не нашли себѣ прочнаго пристанища. Организація ихъ шла медленно, и только тогда мало по малу стала приходить въ порядокъ, когда почти совсѣмъ стихли преслѣдованія раскольниковъ. Отсюда—аскетизмъ гораздо дольше существовалъ между филипповцами нежели между поморцами и ѳедосѣевцами. Ѳедосѣевцы и поморцы распропагандировали купечество и зажиточное крестьянство, агитація филипповская обратилась къ мѣщанству и крестьянству,—т. е. полу-пролетаріату. Прежде чѣмъ основаны были въ Москвѣ Преображенское кладбище и Покровская часовня—о послѣдней рѣчь будетъ впереди—ѳедосѣевщину и поморство уже составляла компанія богатыхъ буржуа, заправлявшими всѣми общинными дѣлами.

Когда исторія застала филипповцевъ въ Москвѣ, ихъ матеріальное положеніе было совсѣмъ таки неважнымъ.

На первыхъ порахъ проявленія филипповщины въ Москвѣ были очень скромны: общественныя собранія для молитвы составлялись лишь тогда, когда пріѣзжали кимрскіе монахи. Но репутація „крѣпкихъ христіанъ“ сохранялась за филипповцами, а когда поправились ихъ дѣла, то и вся сдержанность покатилась по торной дорожкѣ.

„Терпимость екатерининскаго правительства создала весьма благопріятную почву для сближенія съ міромъ самыхъ крайнихъ партій раскола. Но чѣмъ примиреніе было легче, чѣмъ компромиссъ становился соблазнительнѣе, тѣмъ онъ долженъ былъ казаться болѣе опаснымъ настоящимъ радикаламъ безпоповщины. Правительственное снисхожденіе къ расколу представлялось имъ новымъ искушеніемъ, предназначеннымъ для того, чтобы предать людей въ руки „сына погибели“. Жертва этого искушенія была на лицо: ѳедосѣевцы запутались въ тѣ же мірскія сѣти, въ которыя раньше ихъ попали поморцы. Естественными обличителями ѳедосѣевцевъ являлись теперь самые строгіе изъ безпоповцевъ—филипповцы. Съ точки зрѣ-

нія безпоповщинскаго идеала, филипповцы имѣли полное основаніе упрекать ѳедосѣевцевъ, что тѣ не спѣшатъ пострадать за вѣру, не стремятся къ мученической смерти, не разрываютъ съ мірянами, а, напротивъ, ради корысти и наживы заводятъ съ ними торговыя сношенія и семейныя связи, изъ страха муки платятъ имъ дары и налоги. И защищаясь противъ этихъ обвиненій, ѳедосѣевцы припуждены были прибѣгнуть къ тому же авторитету, который выставляли противъ ихъ собственной нетерпимости поморцы. И они принимались доказывать, что „чувственный“ антихристъ еще не пришелъ, что его „ни на какое лицо нельзя указывать“. Имъ, какъ и поморцамъ, такое толкованіе давало возможность заключить если не окончательный міръ, то хотя бы перемиріе на неопредѣленный срокъ съ существующимъ гражданскимъ строемъ.

„Въ сущности, однако, и сами филипповцы не менѣе ѳедосѣевцевъ нуждались въ этомъ перемиріи. Они могли сколько угодно, напускать на себя внѣшнюю суровость, щепетильно воздерживаться отъ всякаго общенія съ православными, даже выражать готовность пострадать за вѣру при первомъ открытомъ столкновеніи съ властями, но отъ всего этого суть дѣла не измѣнялась. Разъ они продолжали, все-таки, жить въ обществѣ, они поневолѣ должны были подчиниться нѣкоторымъ условіямъ общежитія, представлявшимся, съ строгой точки зрѣнія, дѣломъ антихриста. Это противорѣчіе слова съ дѣломъ, не могло не тревожить людей съ чуткою совѣстью; за грѣхъ общенія съ міромъ совѣсть требовала искупленія: и вотъ отъ времени до времени, жертвы этихъ душевныхъ мукъ то искали въ глухомъ лѣсу голодной смерти, то удивляли міръ какимъ-нибудь громкимъ протестомъ съ прямою цѣлью вызвать преслѣдованіе начальства. Вѣроятно, не мало совѣстливыхъ душъ нашли личное удовлетвореніе въ подобномъ исходѣ, прежде чѣмъ одному изъ нихъ, одаренному отъ природы не только чуткою совѣстью, но и сильнымъ умомъ, и энергической волей и, наконецъ, обширными познаніями не удалось сплотить небольшую кучку одинаково настроенныхъ въ отдѣльное общество и найти выраженіе ихъ личному настроенію въ стройной системѣ“ *).

*) П. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“, часть 2, стр. 89.

Странники.

«Ничто не можетъ воспретити
Отъ странствованья отлучити.
Пищи тако не алкаю,
Странствоваться понуждаюсь.
Не такъ жаждою смущаюсь
Скитатися понуждаюсь.
Всему міру въ смѣхъ являюся,
Токмо странства не минуся.
Бѣжи, душа, Вавилона,
Постигай спѣшно Сіона,
Тецы путемъ къ горню граду.
Плачи душе, о томъ времѣ,
О грѣховномъ своемъ бремѣ
Како будеши отвѣщати,
На судѣ страшномъ предстати.
Уже часъ дне сокращается,
Смертный день приближается».

Въ этихъ немудрыхъ стихахъ сказалось цѣлое направленіе раскола, ставшее на крайнемъ его лѣвомъ флангѣ, въ догматъ возведшее пассивное сопротивленіе антихристу въ лицѣ іерархіи и администраціи россійской державы путемъ уклоненія отъ подчиненія его законамъ, что достигалось постояннымъ нахожденіемъ въ бѣгахъ, передвиженіемъ съ мѣста на мѣсто, безъ какой бы то ни было осѣдлости.

Какъ и всѣ почти старообрядческія фракціи, согласіе странниковъ или бѣгуновъ получило свою оформленность въ эпоху чудовищныхъ контрастовъ русской жизни, судорожно бившейся подъ напоромъ искусственно вводимой „заморщины". главною прелестью и преимуществомъ которой считалась разработанность и всеобъемлемость полицейско-бюрократическаго режима. „Петербургскій періодъ" нашей исторіи довершилъ дѣло московскихъ „собирателей", подчинивъ движенія громадной государственной машины, указанію центральныхъ канцелярій, мало справляясь съ истинными потребностями Россіи, величіе и процвѣтаніе которой цѣлыхъ почти сто лѣтъ понималось въ смыслѣ расширенія географическихъ границъ. Мы только что цитировали мнѣніе нашего извѣстнаго историка П. Н. Милюкова о „терпимости екатерининскаго правительства". Но вѣрнѣе будетъ опредѣлить систему сѣверной Семи-

рамиды, какъ желаніе мягко постлать, не особенно то заботясь объ удобствѣ дальнѣйшаго. Внѣшній эффектъ эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма“ обходился сермяжной Россіи ой какъ недешево. Горемычная масса податного народа, среди которыхъ особенно процвѣталъ расколъ, стономъ стонала, — но всѣ ея вопли,—по словамъ князя Щербатова—не были слышны среди столичной роскоши. Народъ совершенно не зналъ правительства, и только испытывалъ кругомъ вопіющія злоупотребленія администраціи и судопроизводства, крѣпостнаго права, развившагося до своего апогея и проч. Толстый слой приказной бюрократіи, созданной табель о рангахъ и воспитанной концелярской безнаказанностью, задавилъ собой подлый людъ, отданный отъ „финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“ въ безконтрольное распоряженіе всевозможныхъ ландратовъ, ландрихтеровъ, ландкомиссаровъ, оберъ-комендантовъ и т. п. продуктовъ нелѣпо понятой западно-европейской цивилизаціи.

Всѣ сословія, кромѣ „достохвальнаго шляхетства“, были нестерпимо ограничены въ своихъ даже гражданскихъ правахъ. Не видѣлось рѣшительно никакого просвѣта; одно безначаліе, деспотическое давленіе и своеобразное „внѣзаконіе“. Все смутило народъ, возбуждало недовольство и располагало къ бѣгству, единственному спасенію въ безвыходно-тяжеломъ положеніи. И бѣгство въ XVIII вѣкѣ было неудержимое, непрерывное, повсемѣстное, особенно на юго-востокѣ и западной границѣ. Бѣгство составляло путь спасенія, единственный способъ совершеннаго и рѣшительнаго отрицанія всего, что не нравилось, что тяготило въ мірѣ. То были цвѣтущія времена бродячей Руси. „Бѣжали земскіе люди отъ міра, изъ земской общины, потому что духъ антихристовъ, возвѣялъ на міръ. помутилъ миръ, разрознилъ членовъ общины, сдѣлалъ общины съ ихъ выборными представителями служебными орудіями имперіи. Бѣжали земскіе люди отъ рекрутчины, потому что она убивала лучшія производительныя силы, въ самой ихъ свѣжей мощи и жизненности. Бѣжали земскіе люди отъ податей и повинностей. Бѣжали отовсюду, изъ городовъ, изъ селъ, изъ казармъ, даже изъ школъ. И собирались эти бѣглые въ разныя шайки, согласья, скопища. Одни, могучіе физическими силами, собирались въ „воровскія компаніи и чинились вмѣ-

сто царскаго величества подданныхъ, злодѣи всему государству, собирались больше полустолѣтія, чтобы произвести наконецъ пугачевщину. Другіе обладая нравственными силами, движимые религіозно-политическими ученіями, бѣжали въ лѣса, въ горы, въ степи, тайно собирались въ свои мирныя общины. Какъ разъ въ эпоху разочарованія пугачевщиной, показавшаго невозможность для физически-неорганизованныхъ массъ бороться съ мощью правительства, и возникло раскольничье согласіе странниковъ или бѣгуновъ. Оно прямо и твердо стало на землѣ, даже говорило о владѣніи землею, рѣками и усадьбами въ пользу народа. Оно указывало путь спасенія не мистическій, не отвлеченный, а чисто земной, при томъ уже указанный народной исторіей путь бѣгства, странничества, скрытія. Бѣгство было уже фактическимъ, дѣйствительнымъ самоосвобожденіемъ отъ всякихъ сдержекъ и тяжестей житейскихъ и политическихъ, домашнихъ и общественныхъ; было не словеснымъ, не созерцательнымъ, а реальнымъ, практически-жизненнымъ, дѣятельнымъ, демократически-оппозиціоннымъ отрицаніемъ всякой крѣпостности и помѣщичества и ревизско-податной и казенно-церковной; было фактическимъ, дѣйствительнымъ самоисключеніемъ изъ списка подданныхъ крѣпостныхъ, служилыхъ рабовъ имперіи сыновъ церквъ. Равнымъ образомъ, не надѣясь, подобно пугачевщинѣ, тряхнуть Москвой, ниспровергнуть неправившійся политическій и церковный порядокъ, согласье бѣгуновъ возвѣстило принципъ постепеннаго и постояннаго, личнаго и общесогласнаго, отрицанія этого порядка бѣгствомъ отъ него, принципъ постепенной подготовки простого народа къ политической борьбѣ, посредствомъ странствующей пропаганды, странствующихъ наставниковъ массъ народныхъ. Браться—подобаетъ съ антихристомъ—говорили бѣгуны, но до времени открытой борьбы съ нимъ браться нельзя, а подобаетъ только браться противленіемъ его волѣ и неисполненіемъ его законовъ, а когда придетъ время открытой брани съ нимъ, тогда всякъ, иже убіенъ будетъ, получитъ вѣнецъ, какой не получалъ никто изъ мучениковъ".

Въ восьмидесятыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія въ глухихъ лѣсахъ Костромской губерніи скрывался нѣкій Евѳимій, дезертировавшій изъ военной службы, подъ вліяніемъ цѣлой

сумятицы душевной, обострившейся въ религіозную экзальтацію. Евѳимій былъ знакомъ съ многими старцами филипповскаго толка, научившими его не молиться властей, отвергать всякую какъ гражданскую такъ и военную службу. Побывалъ Евѳимій и въ Поморьѣ, но не поладилъ съ тамошними наставниками и перебрался временно въ Москву съ своею вѣрною спутницею и единомышленницею крестьянкою Ириною Ѳедоровою. Не найдя и тамъ себѣ успокоенія среди учителей Преобрбженскаго кладбища, Евѳимій, окончательно обдумавшій начала новаго вѣроученія, впервые выступилъ съ своей проповѣдью въ селѣ Сонникахъ Ярославской губерніи. Сперва проповѣдь носила, конечно, нѣсколько необработанный характеръ, указывая лишь на основные принципы „бѣгунства", но съ теченіемъ времени и съ развитіемъ теоретическихъ обоснованій вылилась въ нѣчто оформленное, съ чѣмъ, конечно, можно и не соглашаться, но оспаривать которое, какъ религіозно-этическій тезисъ, на чисто реальной почвѣ,—затруднительно.

Катихизисъ „бѣгунства" Евѳимій изложилъ въ такъ называемомъ „Цвѣтникѣ", главныя положенія котораго таковы:

„Апокалипсисный звѣрь есть царская власть. Икона его—власть гражданская, тѣло—церковная.

„Пріиде и послѣдній врагъ Божій—чувственный антихристъ, на великороссійскую сѣдѣ державу, поплѣни вся храмы Божіи, пусты сотвори вся церкви Христовы.

„Кто убо сей скверный, чувственный антихристъ? не иного мню, развѣ Петра перваго, врага же Божія послѣдняго; о немъ бо ясно св. Кириллъ Іерусалимскій рече: во имя Симона Петра имать вєѣсти гордый князь міра сего—антихристъ.

„Въ началѣ бо указныхъ повелѣній своихъ рече: мы, Божіею милостію, Императоръ, понеже съ нимъ въ еретическомъ провозглашеніи и дьяволъ провозглашается.

„Начатіе скверная печати онаго чувственнаго антихриста, налагаемой на тѣлѣхъ человѣческихъ (Апок. XII. 9) отъ начатія онымъ императоромъ народныя описи знаменаетъ быти. Понеже до сей описи человѣцы свободни быша. Онъ же, описавшійся народъ въ груду собра, хотя его во власти своей удержати по реченному Ипполитомъ (Рим. папою): Антихристъ соберетъ расточенные люди.

„И по реченному: тогда беззаконный вознесется сердцемъ и соберетъ бѣсы въ образѣ человѣчѣ и сотворитъ изъ нихъ себѣ начальники, будетъ жестокъ, наглъ, лютъ, яръ, нестроевъ, страшенъ, ненавистенъ, мерзокъ, мучитель, лукавъ, воззоветъ гласомъ крѣпкимъ: кто силенъ, якоже, азъ кто Богъ велій, развѣ мене, и чувственніи бѣси его, по Ипполиту, возлагаютъ повсюду: царь велій явися... пріидите, водите крѣпость его и силу, сирѣчь: діавола власть полная, егда сей врагъ поплѣни послѣднее наслѣдіе Божіе Россійское царствіе, тогда наречеся царь быти всей земли, его же разсыльщики чувственніи бѣсы проповѣдаша крѣпость и силу величества полномощную; новый Богъ даетъ вамъ вино, богатство многочисленное, и честь, роскошное и славное житіе, плоти угодное, а не путь Господень указуетъ нужный и прискорбный, ведущій въ царствіе Небесное, но законъ новый, разслабляющій, плотолюбивый, пьянственный, раскольный, свинскій.

„Того ради не повелѣно оному льстецу и гонителю повиноватися, и покорятися волѣ его; слушаяй бо повелѣній онаго чувственнаго антихриста, слушаетъ самаго Сатаны.

„Спасется лишь непокоривыйся мучителю, до самаго дне суднаго непокоривымъ быти Антихристу повелѣно. Святый Кириллъ Іерусалимскій не могущимъ противъ врага стати бѣгство проповѣдуетъ имѣти, глаголя: страшливіи да бѣгутъ, того ради достоитъ таиться и бѣгати, или же съ нимъ на брань вступати. Таковое антихриста одержаніе являетъ быти въ опись пародную, егда императоръ описалъ всѣхъ человѣкъ и *раздѣлилъ ихъ на разные чины, имъ же размеживъ землю, лѣса и воды, даде я въ наслѣдіе,* комуждо ихъ, и откуду и дань потребовася отъ умершихъ. И самъ раздѣленіемъ яко язычниковъ содѣя, другъ на друга ратоборствовати, межи бо яко границы чуждымъ землямъ устави, аще комуждо глаголати *свое. Сей же глаголъ св. Златоустъ проклятый и скверный нарицаетъ; глаголъ: „мое“ отъ діавола,* рече, *ведеся,—вся вамъ общая сотворилъ есть Богъ.*

„Отнынѣ-же, егда такъ удержапа врагомъ человѣцы при имѣніяхъ своихъ, яко же лукавіи неусыпно тщаніе возымѣша, какъ большая собрати и сего ради оттолѣ пачаша бывати обманы, неправыя мѣры, неистовые вѣсы, и во всякую вещь

неудобные примѣсы, родишася божбы и клятвы, жаждательства имѣнія, ненависть, зависть, вражда, и драки и междоусобная брани до свирѣпства, обиды до грабительствъ, все сіе онаго ради запрещенія и раздѣленія: кому оный императоръ много, кому мало, иному же ничего не давъ, токмо едино рукодѣліе имѣти повелѣ.

„Оный же императоръ введе и почти сіи нечистоты, сирѣчь три страсти: стяжаніе богатства, самолюбіе и сластолюбіе.

„И здѣ еще разумны вонмите вещь: егда бо оный императоръ умасли елинскіе и латинскіе и прочіе языческіе законы уста меняти, яко се: брады брити, платье нѣмецкое носити, и табакъ посомъ пити, и устами курити, и со псы изъ единыхъ сосудовъ ясти, и всякую давленину и звѣроядину употребляти, и прочая тако поганская дѣяти, а древніе останки благочестивыхъ обычаевъ до конца истребити, — исполнися реченное: и гладъ будетъ великъ.

„Тогда убо прежде сего ону преимущую надъ всѣми власть упраздни, сирѣчь патріарше лице отстави, яко хотяще въ намѣреніяхъ оныхъ языческихъ дѣлъ ему препятствовати, и состави синодъ, сирѣчь собраніе къ разсужденію совокупи: четырехъ бо екзарховъ, поборниковъ себѣ, въ такое же присутствіе тогда избра, папежскаго отрода, сущихъ обливанцевъ и табачниковъ и усоподсѣкателей.

„Нѣсть того видѣти въ писаніи, егда бо познавъ истину человѣцы, у нечестивыхъ властей своихъ спрашивались, да позволятъ имъ вѣру Христову имѣти, по содѣяша бо вѣру во Христа раболѣпну. Имя бо Христово преславно, и свято паче же и Христоименито есть; сего ради и мы Христовы люди нарекохомся. Самъ Богъ пророкамъ бѣгати заповѣда, глаголя: бѣжите отъ среды Вавилона, сирѣчь міра сего. Сего ради и Христосъ Сынъ Божій въ послѣдніе дни, не оглядываясь назадъ, яко жена Лотова, отъ прелести міра бѣгати повелѣ.

„Наконецъ, бѣжавъ отъ Антихриста, должно перекреститься (непремѣнно въ рѣкѣ). Всѣ бо иже во имя сатаны погружаются, облекаются въ стыдъ и срамоту и кто въ антихристову купель слазитъ,—не водой измывается, но яко въ калъ главня омочается и выходитъ изъ нея и скверный и смрадный".

Малосодержательно, голословно было ученіе Евѳимія, но

оно послужило плодотворнымъ сѣменемъ для послѣдующаго развитія догматики бѣгуновъ, породивъ нѣсколько религіозно политическихъ твореній дальнѣйшихъ реформаторовъ. Исходнымъ путемъ согласья бѣгуновъ стало село Сопѣлки Ярославской губерніи, гдѣ, по смерти Евфимія, поселилась его ближайшая ученица, Ирина Ѳедорова, дѣятельно распространяя начатое дѣло.

Для каждаго вновь вступающаго бѣгуна первой обязанностью было обречься на странствованіе. Но изъ строгой обязательности странствованія и необходимости его для пропаганды неминуемо вытекала необходимость убѣжищъ, пристаней для укрывательства странниковъ. И вотъ согласіе бѣгуновъ раздѣлилось на два, равно необходимыхъ и полезныхъ ad maiorem sectae gloriam разряда: на жиловыхъ, мірскихъ, то есть пристанодержателей и собственно странствующихъ. Первые, принадлежа большею частью къ зажиточному крестьянству и купечеству, ведутъ жизнь осѣдлую, ничѣмъ не выдавая свою принадлежность къ бродячему люду. Дома ихъ обыкновенно имѣютъ всевозможные укромные уголки, подполья, скрытые чердаки для секретнаго проживанія странствующихъ. Бѣгуны имѣли подробнѣйшія свѣдѣнія о пристаняхъ число которыхъ, по нѣкоторымъ уберніямъ доходило до нѣсколькихъ сотъ. Составлялись спеціальные маршруты, иной разъ и прямо таки фантастическіе. Такъ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія старообрядчество изрядно колыхнула Богъ вѣсть откуда появившаяся вѣсть, что древнее благочестіе во всей своей неприкосновенности сохраняется на дальнемъ востокѣ, „на Бѣлыхъ Водахъ, въ Опоньскомъ государствѣ“. Въ этотъ то призрачный Сіонъ и кинулась было волна страннической эмиграціи. Раскольничьи географы поспѣшили составить путеводитель для желающихъ побывать въ благословенномъ краѣ, которымъ изъ европейской Россіи надлежало итти „на Екатеринбурхъ, на Томскъ, на Барнаулъ, вверхъ по рѣкѣ Катурнѣ на Красной Яръ, деревня Ака, тутъ часовня и деревня Устьба. Во Устьбѣ спросить страннопріимца Петра Кирилова, зайти на фатеру. Тутъ еще множество фатеръ. Снѣговыя горы: оныя горы на 300 верстъ, отъ Алама стоятъ во всемъ видѣ. За горами Дамасская деревня, въ той деревнѣ часовня, настоятель схимникъ Іоаннъ. Отъ той обители есть ходъ 40 дней съ роздыхомъ, чрезъ Кижисскую землю, потомъ

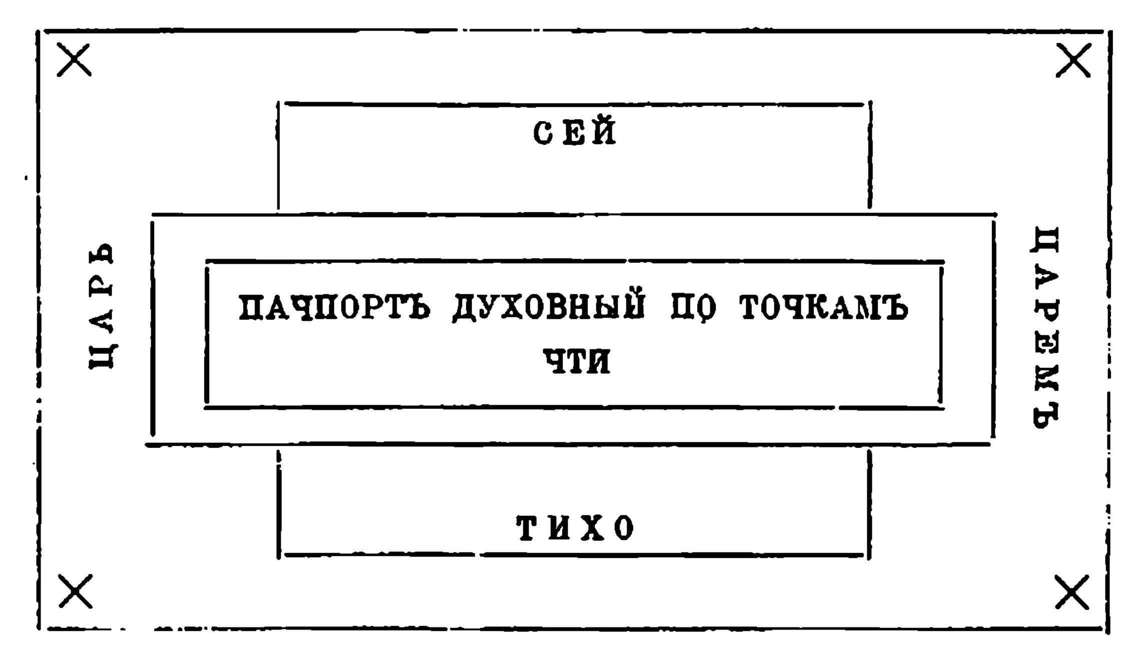
четыре дни ходу въ Татанію, тамъ Опоньское государство; живутъ въ губѣ океана-моря: мѣсто, называемое бѣловодіе и озеромъ Ловомъ, а на немъ 100 острововъ, а на нихъ горы, а на горахъ живутъ о Христѣ подражатели христовой церкви, православные христіане. А тамъ не можетъ быть антихристъ, и не будетъ. И въ ономъ мѣстѣ лѣса темные, горы высокія, разсѣдлины каменныя, а тамъ народъ именно, варварствъ никакихъ нѣсть и не будетъ, а ежели бъ всѣ китайцы были христіане, то бъ и не едина душа не погибла".

Запасшись на дорогу маршрутомъ, странники иногда имѣли при себѣ и самодѣльные паспорта, т. е. удостовѣренія о принадлежности извѣстнаго лица къ согласію. Документы эти были различные, напримѣръ:

„Господь защититель живота моего: кого устрашуся?

„Господь спаситель мой: кого убоюся? Отпустилъ мя, раба своего, великій господинъ града Вышняго, чтобы не задержали бѣсы раба Божія нигдѣ. А кто страннаго пріять будетъ бояться, тотъ не хощетъ съ господиномъ моимъ знаться; а кто мя, вѣры ради гогонитъ, тотъ явно себя съ антихристомъ въ геенну готовитъ. Аминь".

Приведемъ другой образчикъ подобной вѣрительной грамоты, но уже нѣсколько таинственнаго смысла.



„Сей пачпортъ духовный по точкамъ чти тихо: царь царемъ".

И бредетъ себѣ такой бѣгунъ по необъятной шири русскихъ степей, да поетъ подъ носъ традиціонный стихъ:

„Паспортъ у насъ града вышняго Ерусалима,
Убѣжали мы на волю отъ худого господина,
Отпустилъ насъ другой господинъ—
Богъ вышній единъ!
Гдѣ бы намъ не жить,
Только бы Господу служить!
Онъ насъ къ себѣ призываетъ
И свои руцѣ къ намъ простираетъ,
И грѣхи наши не вспоминаетъ,
Но токмо цѣловати насъ желаетъ,
Въ одежду свѣтлую насъ облекаетъ,
Въ сапоги наши ноги обуваетъ
И тельца упитаннаго закалаетъ,
И съ собою за трапезу посаждаетъ,
И ангеламъ радоватися повелѣваетъ,
Глаголя: „Радуйся, небесная сила!
Азъ обрѣтохъ пропавшаго сына моего жива.
...Онъ умильными словесами утѣшаетъ,
Но грѣшить намъ это не мѣшаетъ,
Мы гласу его не внимаемъ
Свою волю всегда сотворяемъ;
Но потщимся Его гласу внимати—
И получимъ много всякой благодати—
Такъ пойдемъ же путемъ правымъ по Христѣ,
Чтобъ не держали бѣсы рабовъ божіихъ нигдѣ.
Бѣсы насъ сѣтями прельщаютъ
И потомъ нагихъ въ геену опущаютъ...
Мы же ни града, ни села не знаемъ,
Но къ нерукотворному граду путешествовать желаемъ“.

Но любопытно и здѣсь отмѣтить общую, присущую всѣмъ раскольничьимъ фракціямъ, черточку: инстинктивное тяготѣніе къ централизаціи, проявившееся даже въ бѣгунствѣ, самый дробительный характеръ котораго долженъ былъ, казалось, вносить сепаративныя тенденціи. И дѣйствительно, хотя каждый бѣгунъ, и составлялъ отдѣльную ячейку, автономную единицу, тѣмъ не менѣе глаза всѣхъ бѣгуновъ были постоянно устремлены на Сопѣлки, какъ исходный путь развитія всѣхъ обла-

стныхъ пристаней, какъ средоточіе наибольшаго страннческаго населенія. Совокупность всѣхъ единицъ—мѣстныхъ общинъ, или пристаней, великорусскихъ и сибирскихъ, образовала федерацію или союзъ согласія бѣгуновъ, сконцентрированный около Сопѣлокъ. Каждая отдѣльная пристань пользовалась своимъ самобытнымъ совѣтомъ и судомъ, рѣшенія котораго, въ особо важныхъ случаяхъ переносились опять таки въ высшую инстанцію сопѣлковскихъ „отцовъ".

Изъ характерныхъ черточекъ бѣгунства слѣдуетъ указать на эмансипацію женщины, допускавшейся къ занятію должностей наставницъ, что шло въ разрѣзъ общему реакціонному взгляду старообрядчества на женскій вопросъ. Въ 1812 году нѣкій Василій Петровъ, изъ филипповскаго согласія перешедши къ странникамъ, сдѣлалъ попытку особо подчеркнуть раціоналистическую сторону теоріи странниковъ, попыткою развить ученіе объ общности имуществъ и отрицаніемъ необходимости исповѣди. Петровъ доказывалъ даже полную безполезность таинствъ въ дѣлѣ спасенія, ибо Богъ при смерти грѣшника невидимо для постороннихъ глазъ пріемлетъ исповѣданіе грѣховъ умирающаго, таинственно съ нимъ сообщается и освящаетъ его. Особаго успѣха проповѣдь Петрова не имѣла, ибо послѣдній совершенно игнорировалъ антихриста, безъ чего никакъ не могли обойтить раскольники.

Болѣе существенную поправку въ теорію странничества внесъ бывшій ѳедосѣевецъ Иванъ Ѳедоровъ, настаивавшій на томъ, что грѣшно брать въ руки деньги, покупать продающійся казенный хлѣбъ, соль, и т. п., какъ продуктъ антихриста. Такимъ образомъ, сокративши свои насущныя потребности до крайности, страннику приходилось удовлетворять свои надобности исключительно собственными силами. На повѣрку же оказалось, что при существующемъ и доселѣ соціально-экономическомъ строѣ, обойтись безъ посредства денежныхъ знаковъ куда какъ затруднительно. Пришлось въ силу этого прибѣгнуть къ фикціи, т. е. всю матеріальную часть, необходимую для существованія странника возложить на страннопріимцевъ, подведя послѣднихъ подъ категорію своего рода кандидатовъ въ истинные члены согласія, временно якобы не порвавшихъ еще связь съ міромъ. Постепенно образовалось нѣчто въ родѣ іерархіи,

младшее мѣсто въ которой отведено было страннопріимцамъ, далѣе слѣдовали рядовые братья и сестры, руководимые старшимъ чиномъ-наставниками.

Членъ согласія, принявшій крещеніе (въ рѣкѣ, или новомъ чанѣ, налитомъ дождевою водою) уходитъ тотчасъ же въ лѣсъ, выдерживая тамъ испытаніе, въ смыслѣ извѣстнаго самосозерцанія, и, найдя въ себѣ достаточно силъ, постригается въ иночество и тѣмъ оканчиваются всѣ его отношенія къ міру. Онъ объявляется самовольно отлучившимся, уничтожаетъ свой паспортъ, бросаетъ всѣ заботы о своихъ государственныхъ повинностяхъ и куда-то исчезаетъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ одинъ изъ странническихъ руководителей Никита Семеновъ, авторъ „Малаго образа ересей, или 30 ересей“ жестоко обрушился на прочія старообрядческія согласія, выставивъ противъ нихъ тридцать обвиненій, нѣкоторою новизною изъ которыхъ являются тѣ пункты, въ которыхъ говорится, что всѣ не-странники:

1) Жертву даютъ діаволу строеніемъ храмовъ, даяніемъ на строеніе храмовъ и прочія потребы.

2) Въ человѣческое имя нареклись и нарицаются до днесь, противно св. Писанію.

3) Старовѣрами и старообрядцами нареклися, и сіе не отъ Божія Духа, понеже вѣра Христова ничтоже имать, но присно юнѣетъ и христіаномъ нѣсть иныхъ именѣ, кромѣ Христова; того ради вѣру непотребною нарекли. Вѣтхая вѣра—законъ жидовенъ, а новая вѣра—христіанъ.

4) Въ начальство *поступаютъ съ присягою и многое противъ закона обѣщаются исполнять* съ цѣлованіемъ Евангелія и Креста яко благочестивой власти служить вѣрою и правдою, и въ томъ будучи, случается, и прочихъ къ нечестію приводятъ; *своихъ единовѣрцевъ въ воина отдаютъ.*

5) Городскіе жители въ праздничные и табельные царскіе дни планки запаляютъ и свѣчи сальныя на окнахъ, вкупѣ съ нечестивыми позорище творятъ, а за позорищи проклятіе.

6) Кровь животныхъ ядятъ въ сахарѣ и колбасахъ“.

Въ полемической литературѣ странники, при всемъ своемъ ригоризмѣ, не чуждались и юмора. Сохранилась до насъ одна довольно, въ сущности, беззлобная сатира на представителей

господствующей церкви и всю сытую, ни о чемъ не заботящуюся буржуазію, столь несимпатичную для пролетарскаго духа странниковъ.

„Пришла газета съ того свѣта, въ нынѣшній вѣкъ смотри, всякъ человѣкъ; правда сгорѣла, истина охромѣла, добрую совѣсть закопали, смиреніе погами попрали; славолюбіе епископомъ стало, сребролюбіе всѣми обладало; въ первыхъ предстали сатанѣ монахи и чернецы-пьяницы и подлецы; привели священника—озорника, болтушку, плута и мотушку; сатана главою потрясъ, испустилъ громкій гласъ: при церквахъ вы пребывали, а волю мою совершали, табачищемъ носы набивали; вино и пиво пили, ровно воду въ ротъ свой лили, безъ памяти напивались, и какъ свиньи валялись, о себѣ и стадѣ своемъ не пеклись, чтобы души ихъ спаслись; только приносы ихъ сбирали, а должныхъ молитвъ не возсылали; назывались богомолы и утѣшители, а были злы, какъ мучители; затѣмъ явися гордые купцы и бояре—господа: сатана рюхнулъ по своему: а, честнѣйшіе господа, пожалуйте сюда; накормлю я вашу жадну душу: стоплю олово, смолу и сѣру, какъ сладкую грушу; наполню ими ненасытны ваши глотки, вмѣсто сладкой водки. Наконецъ, пришли нищіе духомъ, съ голоднымъ брюхомъ; сатана ихъ не взлюбилъ и немного говорилъ: зачѣмъ вы глупые, пришли, иль на небо пути не нашли. Вы о грѣхахъ день-ночь болѣли, и въ адѣ себѣ мѣста готовить не умѣли; здѣсь всѣ мѣста заняли люди не простые, богатые толстые: господа вельможи, что мнѣ всегда угожи, и нищіе ухватили свои кошели въ Царствіе Небесное побрели“.

Элегическое настроеніе странничества отразилось въ его излюбленномъ духовномъ стихѣ: „не могу пребыть безъ рыданія! до конца тонетъ благочестіе, процвѣтаетъ нынѣ все нечестіе: духовный законъ съ коренія ссѣченъ, законъ гражданскій въ конецъ истребленъ, вмѣсто законовъ водворилось беззаконіе, лихоимцы всѣ грады содержатъ, немилосердіе въ градахъ первіе, на мѣстахъ зміи приставники, духъ антихристовъ возвѣя на насъ... не могу пребыть безъ рыданій“.

Окончательное развитіе догматика странничества получила въ такъ называемыхъ „Разглагольствованіяхъ тюменскаго странника“, написанныхъ въ духѣ строгаго порицанія „смущеннаго

жидовскаго собранія, то есть господствующей церкви, противъ которой несомнѣнно якобы направлена 18 глава Апокалипсиса, говорящая: „изыдите изъ нея людіе мои, да не причаститеся грѣхомъ ея и отъ язвъ ея да не вредитеся". Кромѣ положеній общихъ со всею безпоповщиною, имѣется различіе въ вопросѣ о причащеніи. Отвергая причащеніе на томъ основаніи, что такъ какъ они одни сыны истинной христіанской церкви, то для нихъ одного желанія пріобщиться—достаточно, „Тюменскій странникъ" прибавляетъ: „принимаю на каждый день тѣло Христово и безсмертнаго источника вкушаю, сирѣчь каждый день трапезу поставляю и въ показанное время обѣдаю. Законнику свято есть: кую пищу не поставитъ, хотя быше и зеліе крѣпко, и то въ тѣло и кровь Христову обращается, а беззаконнику и богопротивнику вся пища обращается въ уголь горящій, и червь кипящій и въ смрадъ зловонный изъ адова сокровища".

Исходя изъ такого понятія церкви странники составили своеобразное, дуалистическое міросозерцаніе. Съ паденія благочестія въ Россіи вселенная раздѣлилась на двѣ половины: Божью и сатанинскую:

Въ мірѣ Божьемъ:	*Въ мірѣ сатанинскомъ.*
1) Богъ, истинный творецъ всея твари, зиждитель, вседержитель, пастырь, руководитель и всему міру хранитель и спаситель.	1) Противникъ Божій, антихристъ, діаволъ, санъ погибельный, седмиглавый, змій древній, клеветникъ, истовый пакостникъ, судія сатанинъ, титанъ преисподніи.
2) Духъ истинный, святый, животворящій.	2) Духъ ложный, противный, погибельный и убивательный.
3) Градъ небесный, Сіонъ, вышній Іерусалимъ, и райскія свѣтлицы въ немъ.	3) Великій градъ падшій, темный Вавилонъ и адова темница въ немъ.
Во градѣ небесномъ:	*Въ Вавилонѣ:*
4) Благовѣрные.	4) Зловѣрные.
5) Благочестивые.	5) Злочестивые.
6) Священники.	6) Люты демоны.
7) Благочинные.	7) Злочинные.
8) Попы.	8) Пустопопы, кони сатанины, только во адъ носятъ души къ отцу своему діаволу.

9) Благородные.	9) Злородные.
10) Слуги Божіи.	10) Слуги діаволовы.
11) Столпы Божіи.	11) Столпы діаволовы, какіе столпы, такія и стѣны.
12) Праздники торжественные.	12) Праздники табельные, сирѣчь табашные.

Остается упомянуть о замѣчательномъ пунктѣ ученія странниковъ, касающемся „Новаго Іерусалима". Странники чаютъ „*перваго* воскресенія, утверждая, что близко то время, когда Христосъ на бѣломъ конѣ пріидетъ съ небеси, сотворитъ брань съ антихристомъ и что въ это время всѣ странники будутъ въ рядахъ его воинства; тогда всѣ пріимутъ часть въ первомъ воскресеніи и „будутъ іереи Богу и Христу и воцарятся съ нимъ на тысячу лѣтъ". Тысячелѣтнее царство будетъ на землѣ обновленной, о которой говорится въ XXI главѣ Апокалипсиса. „Новый Іерусалимъ для жилища странниковъ спущенъ будетъ Богомъ съ небеси на то мѣсто, гдѣ моря нѣсть къ тому". Странники видятъ здѣсь мѣстность около Каспійскаго моря, почему и совершаютъ туда очень часто паломничества.

Въ 1854 г. по Высочайшему повелѣнію въ Ярославской губерніи былъ организованъ особый „секретный совѣщательный комитетъ" для сужденія о степени вредоносности согласія странниковъ. Запрошенный по сему предмету извѣстный московскій митрополитъ Филаретъ отозвался, что виною распространенія странничества въ настоящее время является „добрая мысль кроткаго правительства—никого не преслѣдовать за мнѣнія о вѣрѣ", въ данномъ случаѣ совершенно недопустимая, „ибо ученіе странничества не только противно ученію православной церкви, но и отвергаетъ верховную власть, и законы, и исполненіе общественныхъ обязанностей. Слѣдовательно, живущіе по сему ученію рѣшительно отказываются отъ того, чтобы приносить какую-либо пользу государству, а стремленіе причинять оному вредъ и растройство. Поэтому, по справедливости, слѣдуетъ заключить, что такіе люди сами себя лишаютъ права пользоваться благодѣяніями государства, и оно, по закону возмездія (sic)—въ правѣ, а по закону самохраненія,—даже обязано дѣйствовать къ уничтоженію такой секты". Касаясь этической стороны странничества почтенный іерархъ высказалъ полное свое недоумѣніе „могутъ ли люди, которые

рѣшились не уважать законовъ церкви и государства, постоянно уважать правила, выдуманныя бѣглымъ мѣщаниномъ и бѣглымъ солдатомъ.“

Секта была признана „вредною“ и для пресѣченія ея были назначены всѣ имѣющіяся на сей предметъ средства церкви и власть.

Согласіе „пріемлющихъ бракъ“.

Монинская часовня.

Всѣ, упоминавшіяся нами до сихъ поръ значительныя развѣтвленія безпоповщины, теоретически рѣшительно отвергаютъ таинство брака, невозможное и преступное, по ихъ мнѣнію, за отсутствіемъ законно посвященнаго и православно молящагося духовенства. Единственные поморцы пошли было на компромиссъ, придумавъ тактику закрытыхъ глазъ, чѣмъ и вызвали дробленіе въ средѣ безпоповщины, но дѣла впередъ не продвинули. Вопросъ о бракѣ былъ для раскола очень и очень щекотливъ, непосредственно соприкаясь съ столь ненавистнымъ безпоповщинѣ пунктомъ о прекращеніи іерархіи. Старообрядцы наткнулись на препятствіе, обойти которое съ помощью казуистическаго толкованія текстовъ оказалось затруднительно. Съ первою попыткою самостоятельнаго рѣшенія „гордіева узла“, выступилъ одинъ изъ передовыхъ ѳедосѣевцевъ, Иванъ Алексѣевъ, написавшій изслѣдованіе „О тайнѣ брака“, построенное на фактахъ изъ практики древне-христіанской церкви. Послѣдняя, — какъ установилъ это, Алексѣевъ, не повторяла таинства брака надъ прозелитами, т. е. всецѣло одобряла самый институтъ, мало заботясь о его внѣшней формѣ. Бракъ, какъ справедливо думаетъ Алексѣевъ, разнится отъ прочихъ таинствъ уже тѣмъ, что въ немъ передача благодати вовсе не связуется съ обрядностью,—тезисъ, подтверждаемый „Большимъ Катехизисомъ“, по толкованію котораго бракъ есть тайна, которою женихъ и невѣста отъ чистой любви своей въ сердцѣ своемъ... согласіе между собою и обѣтъ творятъ“.

„Дѣйственникъ“—т. е. лицо производящее тайну,—есть самъ Богъ, положившій въ природу живыхъ существъ потребность

плодиться и множиться. Эта-то завѣщанная Богомъ потребность и составляетъ сущность таинства. Священникъ есть только свидѣтель отъ христіанской общины, а церковная церемонія— „общенародный обычай", скрѣпляющій гражданственность брака, „чинъ" его, появившійся уже въ „законѣ писанномъ", тогда какъ бракъ положенъ въ основу „естественнаго закона", опередившаго всякія каноническія нормы. Алексѣевъ вполнѣ резонно указывалъ на невозможность ссылаться на примѣры изъ предшествующей жизни. „Нужно знать—говоритъ онъ—что отцы наши жили далеко отъ міра, проходя пустынное и скитское житіе, потому и въ бракѣ не нуждались,—не гнушаясь имъ, а не желая смущать мѣсто и пустыню превращать въ міръ. Мы же посреди міра живемъ и во всѣхъ соблазнахъ міра пребываемъ. Послѣдователи Алексѣева, какъ водится, оказались радикальнѣе своего учителя, и рѣшили, что вообще никакого вѣнчанія не требуется. Самъ Алексѣевъ поколебался зайти такъ далеко, и остановился на полпути. Тогда въ дѣло вмѣшался новый факторъ безпоповщины—московская Покровская часовня поморскаго толка, сооруженная усердіемъ купца Монина, по имени котораго и все согласіе безпоповцевъ, пріемлющихъ бракъ, стало называться монинскимъ.

Основателемъ часовни, а за нею и всего согласія, былъ нѣкто Василій Емельяновъ, тоже бывшій ѳедосѣевецъ, разошедшійся съ единомышленниками Ковылина изъ-за моленія о царѣ. По мысли его и Гавріила Скачкова, въ Москвѣ, въ пику ѳедосѣевцамъ, и было учреждено филіальное, такъ сказать, отдѣленіе Выгорѣчья.

Но съ своими патронами — поморскими старцами, Емельяновъ скоро не поладилъ своею проповѣдью о бракѣ, ниспровергавшею оффиціальную доктрину поморцевъ. Старообрядчество ясно видѣло всю тлѣнность буквы закона, но порвать съ нею все же было выше его силъ. Рухнулъ бы фундаментъ безпоповщины, чего допустить, конечно, было тоже невозможно.

Всю церемонію бракосочетанія Емельяновъ свелъ къ молебну Спасителю и Богородицѣ. Новаторство Емельянова, его санкція брака, шло совершенно въ разрѣзъ старой безпоповщинской тенденціи всемѣрно содѣйствовать прекращенію рода человѣческаго, подъ властью антихриста погрязшаго въ сквер-

нахъ грѣховныхъ. Пришлось Емельянову ѣхать даже на верховный судъ выговскихъ старцевъ, вынудившихъ у него (1792 г.) обѣщаніе не защищать безсвященносословныхъ браковъ, но, возвратившись въ Москву, Емельяновъ не могъ рѣшиться отказывать въ вѣнчаніи приходившимъ къ нему безпоповцамъ.

Апологетику брака и выработку брачнаго устава принялъ на себя даровитый Гавріилъ Скачковъ, который

„Спасительна ума, премудрости любитель,
Чтилъ вѣру, чинъ, законъ, неправды обличитель,
Сей дѣвству честь принесъ, супружество почтилъ,
Закономъ дѣвства нѣтъ, писаньемъ изъяснилъ“.

Трудами Скачкова Монинская часовня, пріютившая подъ своимъ кровомъ до нѣсколькихъ сотъ призрѣваемыхъ, скоро достигла прочнаго благосостоянія, и немалаго авторитета среди безпоповцевъ, очень своевременно выдвинувъ положеніе, что „оженившіеся не согрѣшаютъ, бракъ чистъ, ложе не скверно и неблазненно“. Вообще, часовня, просуществовавшая до 1836, своею терпимостью и миролюбіемъ представляетъ въ исторіи раскола очень симпатичное явленіе, служа яркою представительницею такъ называемаго прогрессивнаго теченія, поскольку послѣднее вообще возможно въ расколѣ съ его вѣчною охранительною тенденціею.

Въ извѣстномъ „Уставѣ брачномъ правовѣрнаго старовѣрчества“ *) умный и дальновидный Скачковъ съ своими единомышленниками имѣлъ достаточно гражданскаго мужества указать на прежніе недочеты старообрядчества и достаточно ясно мотивировать свои новшества, внесенныя въ практику безпоповщины.

„Съ самаго начала,—какъ родилось въ Россіи священное имя „старовѣръ—говорится въ только что упомянутомъ произведеніи,—и до истеченія осьмагонадесять вѣка, такъ старовѣрство угнетаемо было проклятымъ тиранизмомъ и постыднымъ предразсудкомъ, соединеннымъ съ суевѣріемъ что едва могло возникать на стези откровенія и природы въ разсужде-

*) Составленъ въ 1803 г.

ніи шестой тайпы. А все это потому, что нѣкоторые ученые, есть ли же ихъ можно назвать таковыми, проповѣдавши о сей жизни трагическимъ образомъ и облекшись по большей части въ трауръ, почитая его истукапомъ, и представляя себѣ оное дѣйствіе въ видѣ священной роли, брали особенно каждая оружія клятвъ и поражали всякаго, противящагося ей. Тогда невѣжество надъ ихъ сердцами торжествовало, премудрость попираема, и обожаемъ былъ хаосъ; нѣкоторыя особы, познакомясь нѣсколько съ Откровеніемъ и натурою брачною, погрѣшность замѣчали, вздыхая и удивляясь слѣпотѣ ожесточенныхъ сердецъ. Но сами напротивъ того, мало отступая отъ водворившейся въ душѣ ихъ постыдной мѣты; поелику не имѣли въ виду положительныхъ истинъ сего предмета, а потому и не было, какъ рѣшительнаго исповѣданія о сей тайнѣ, такъ и священнаго чина или порядка, совершающаго оную публично въ молитвенномъ храмѣ; по сей самой причинѣ въ истинномъ даже старовѣрствѣ брачное совершеніе существовало во многовидномъ и преглупомъ безобразіи относительно до религіи и наружностей. Не смотря на такія плачевныя разстройства, стыдъ и позоръ всѣмъ внѣшнимъ, содрогались вздыхали, будучи царское священіе, языкъ святъ, находился у всѣхъ почти исповѣданій въ крайнемъ презрѣніи, поношеніи и яко овощномъ хранилищѣ; для того пророчески сказать: „Ревность дому твоему, Господи, снѣсть мя". Призвавъ въ помощь Всевышняго Бога, рѣшились всѣ оныя постыдства въ истинныхъ сочленахъ ослабить и пресѣчь, и образовать сей предметъ разумомъ, благочиніемъ и непоколебимостью, почему, сообразуясь со временемъ и нравами людей, издали на первый разъ сей „Брачный Уставъ", дабы церковь сохранить отъ всѣхъ нелѣпостей, Творца своего восхвалять и прославить, совершающей же четѣ милость Божію получить, а труждьшимся въ священномъ семъ изданіи вящьшей благодати сподобиться, и, по заглаженіи всѣхъ продерзостей противъ своего виновника жизни, наслѣдовать превыспреннія небеса, и во вѣки вѣкомъ съ Создателемъ оныхъ царствовать".

При заключеніи брака даются взаимные обѣты:

„Всесильнаго, Преблагого и Премилосердаго, въ тріехъ ипостасяхъ прославляемаго, Бога милостію, щедротами и человѣ-

колюбіемъ, находяся мы въ совершенномъ возрастѣ и лѣтахъ, по его же Всемогущаго Господа и Творца нашего благоволенію и родителей нашихъ любовнымъ благословеніемъ, сродниковъ и пріятелей нашихъ благопріятнымъ совѣтомъ, и собственнымъ нашимъ незазорнымъ другъ къ другу согласію вступать (имя рекъ) съ дѣвицею (имя рекъ) въ законнобрачное сожитіе, которое сохранять мы должны законно и соблюдать во всю жизнь нашу ненарушимо, нераздѣльно и во всемъ честно, какъ повелѣваетъ Божій законъ.

„Но кто изъ насъ какое преступленіе учинитъ, вѣрность не сохранитъ и обѣщаніе свое премѣнитъ, или въ ученія странная уклонится и бракъ законный обезчеститъ, и яко незаконный, по ученію бракоотложителей вмѣнять будетъ, или рождаемыхъ дѣтей во иное согласіе крестить понесетъ, то сицевый явственно покажетъ себя противникомъ истины и нарушителемъ Божія закона, за что и будетъ самъ отвѣтствовать праведному судіи, Господу Богу на страшномъ Его судѣ.

„И что все сіе изреченною мною, какъ устами, такъ я исповѣдую и сердцемъ истинно, неложно и справедливо, въ томъ я увѣряю васъ моею чистою совѣстію и и цѣлованіемъ честнаго и животворящаго Креста Господня".

Весь чинъ брачнаго молитвословія состоитъ въ томъ, что настоятель подходитъ къ брачущимся и спрашиваетъ жениха громко: „охотою ли и безъ всякаго понужденія берешь сію рабу Божію?" Женихъ отвѣчаетъ: „охотою и безъ всякаго принужденія". „Въ вѣчную ли и нераздѣльную жизнь съ нею вступаешь?". Отвѣчаетъ: „въ вѣчную и нераздѣльную". „За самый ли истинный бракъ вмѣняешь сіе священное обстоятельство?". Отвѣчаетъ: „За самый истинный". То же спрашивается и у невѣсты. Покончивъ съ опросомъ настоятель провозглашаетъ четѣ: „господа новобрачные! для точнаго засвидѣтельствованія вашей сердечной истины, цѣлуйте животворящій Крестъ". Тѣ, подходя къ Кресту, двукратно поклонясь, цѣлуютъ правую ногу Спасителя, и опять перекрестясь, кланяются до земли и возвращаются на свое мѣсто. Пѣвчіе поютъ псаломъ 122: „Блажени вси боящіеся Господа" на шесть пріемовъ седьмымъ голосомъ. Настоятель прочитываетъ, „Аминь", „Царю Небесный", „Трисвятое", „Слава", „Пресвятая Троица",

„Господи помилуй“ „Отче нашъ“, „Господи, услыши молитву мою“.

Такіе „сводные“ или „безсвященосословные“ браки особенное распространеніе среди безпоповщины получили въ царствованіе императора Николая Перваго, ставъ уже обычнымъ явленіемъ у „поморцевъ“ и найдя себѣ много сторонниковъ между ѳедосѣевцами, прельстившимися существовавшею у монинцевъ регистраціею браковъ, что придавало имъ внѣшнюю форму законности, за которую такъ страстно мечется все старообрядчество. Запрещеніе монинцамъ вести брачныя книги, послѣдовавшее подъ эгидою „желѣзной власти“, при своей нецелѣсообразности, сильно пошатнуло „брачное“ теченіе въ безпоповщинѣ и сильнымъ толчкомъ отбросило ее отъ чуть-чуть наладившагося было совмѣстнаго съ господствующею церковью пути. Началось соглашеніе съ признанія брака, а могло вѣдь окончиться и болѣе существеннымъ, но близорукіе церковные политики и тутъ не сумѣли тактично отнестись къ безпоповщинѣ, и безъ того значительно уклонившейся отъ своей первоначальной точки зрѣнія.

Поповщина.

Бѣглопоповщина. Вѣтка и Стародубье. Дьяконовщина.

Какъ мы уже видѣли, однимъ изъ основныхъ мотивовъ внутренней исторіи старообрядчества сдѣлался мучительный, чисто гамлетовскій вопросъ: быть церковной іерархіи, или не быть—и имъ такъ или иначе опредѣляется большинство явленій старообрядческой жизни, получающей ту или другую окраску.

Вопросъ объ іерархіи, какъ опять мы уже знаемъ, хронологически связанъ съ зарожденіемъ раскола. Изъ высшихъ чиновъ духовенства на сторону раскольниковъ открыто всталъ лишь одинъ епископъ Павелъ Коломенскій, да и то временно. Изъ священнаго писанія и святоотеческихъ произведеній начитанные старообрядцы хорошо знали, что безъ епископа Церковь существовать не можетъ. „Благовѣстникъ“ и книга „Маргаритъ“ — своего рода справочники тогдашняго богослова,

вполнѣ опредѣленно указывали, что трехчинное устроеніе церковной іерархіи должно сохраниться въ православіи до скончанія міра. Старорукоположенные священники до—Никонова посвященія вымирали одинъ за другимъ, и для созданія новыхъ кадровъ второго чина, умѣренные раскольники рѣшили прибѣгнуть къ компромиссу, начавъ принимать къ себѣ бѣглыхъ никоновскихъ священниковъ „въ сущемъ ихъ санѣ". Еще первые расколоучители старались распугаться въ отношеніяхъ къ служителямъ господствующей церкви, какіе изъ нихъ могутъ съ грѣхомъ пополамъ считаться истинными священниками, и отъ какихъ слѣдуетъ отказаться окончательно.

Протопопъ Аввакумъ на вопросъ, предложенный нѣкимъ Іоанномъ, какъ смотрѣть на поповъ, рукоположенныхъ отъ прежнихъ святителей, но соблазнившихся „отъ Никона богоотступной прелести"—отвѣтилъ такъ: „они отъ простоты погрѣшиша, страха ради мучительскихъ запрещеній слицемѣрпша вмалѣ, и отъ таковыхъ можно всякую святыню пріимати, а которые попы отъ Никона отступника ставлены, паче же отъ 1666 г.—православнымъ христіанамъ нынѣ не подабаетъ ихъ благословенія пріимати, ни службы, ни крещенія, ни молитвъ, ни въ церкви съ ними не молиться, ниже въ дому". Его ближайшій продолжатель діаконъ Θеодоръ разрѣшалъ „по нужи отъ старыхъ рукоположенцевъ пріимати обратившихся паки на истину" также, сурово относясь къ „новичкамъ".

Къ окончательному рѣшенію касательно пріема бѣглыхъ поповъ главари раскола такъ и не пришли, расходясь между теоріею, указывавшею имъ на грѣховность общенія съ никоновскими ставленниками, и практикою, опредѣленно требовавшею необходимость сохраненія церковной іерархіи, безъ которой теряется смыслъ церкви. Каждый попъ до-никоновскаго постава цѣнился необыкновенно высоко. Вокругъ такого уцѣлѣвшаго памятника исчезнувшаго благочестія собиралась община людей, не имѣвшихъ въ себѣ достаточно мужества, ясно и категорически сказать, подобно беэпоповцамъ, что при наступившихъ обстоятельствахъ и нашествіи антихриста прежнее церковное единеніе съ Богомъ невозможно и слѣдуетъ искать иныхъ путей. Умѣренная часть старообрядчества не дерзала примириться съ такимъ выводомъ, стоя на томъ, что „скорѣе

солнце отъ теченія своего престанетъ, чѣмъ церковь Божія будетъ безъ вѣсти". Нѣтъ, безъ іерархіи обойтись невозможно, нужно только поразмыслить откуда брать поповъ. Первое въ этомъ направленіи практическое указаніе дала такъ называемая Вѣтка—островъ въ нынѣшней Могилевской губерніи, въ рукавѣ р. Сожи—быстро сдѣлавшаяся довольно крупнымъ центромъ бѣглопоповщины. О возникновеніи ея раскольничья исторіографія даетъ слѣдующія свѣдѣнія.

„Нѣкто бывшій въ Москвѣ попъ именемъ Козма, службу имѣя въ церкви всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, видя сія налѣтанія (преслѣдованія раскольниковъ) совѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими, отъити въ стародубскіе предѣлы (бяше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гавріилъ Ивановичъ, его же въ нѣкоихъ напастехъ укрываше). И угодно всѣмъ бысть то совѣщаніе: оставивше жительства своя, поидоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму попа, любовное пріятство, всѣмъ сущимъ съ нимъ показа и на прошенія ихъ къ атаману Ламакѣ, повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительство мѣсто, нарицаемое Попуровку. И тамо всѣ пришедшіе съ Козмою, числомъ 20 поселишася при рѣцѣ Ревнѣ въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, толико умножашеся на староверцы гоненіе, ищуще тая, и къ новшествамъ принуждающе силою и муками; какъ страшныхъ прещеній не могуще носити, многіе народы оставляюще свои природныя мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область, и тамо пустыни населяюще. И по сихъ прійде еще нѣкій попъ изъ Бѣлева, именемъ Стефанъ, такожде якоже и Козма, имѣя на себѣ крещеніе и постановленіе старое, мужъ великія ревности благочестивыя исполненъ, взыскуя себѣ тихаго и безмолвнаго житія всякаго покоя тѣлеснаго и славы бѣгая. Тѣмъ временемъ службу по обычаю простыхъ для собранія творяше, литургіи же никакоже касаяся, и ниже прочихъ таинъ дѣйствоваше, овая же тако ненавидя, яко аще бы кто къ нему отъ таковыхъ крещенъ пришелъ, не второ крестя, на общеніе не пріимаше. Новорукоположенцовъ за освященныя не вмѣняше и дѣтемъ о нихъ впредь запрещаше. И сперва сей Стефанъ въ Залишевѣ живяше, и потомъ въ заселенную съ сыномъ его Димитріемъ въ

слободу Митьковку на жительство прейде. И сія вся поселенія въ стародубскомъ полку въ царство царя Алексѣя Михайловича бяше. Живущу же Стефану въ Митьковкѣ, пріиде указъ о новорожденномъ сему царю сынѣ Петрѣ Алексіевичѣ въ Стародубъ, идѣже быти на той часъ сыну Стефанову случися и слыша чтимый сей указъ, умершу царѣ Алексію Михайловичу, на мѣсто его дщерь София Алексіевна скипетръ пріимши царства великороссійскаго. И сія слышавше таковыхъ слободъ стародубскихъ населеніе, повелѣ послати къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику указъ—на кой часъ уже не оный Гавріилъ, но Симеонъ полковникъ въ Стародубѣ бяше въ коемъ указѣ повелѣвая, дабы такіе забѣглые народы или ласкою или крещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ приводили. Такову же указу разгласившуся, ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разспяшася. Слабѣйшіе же, не хотяще стяжанія и домовъ лишитися, къ новодогматствованію приступиша. Времени убо нѣкоему въ въ томъ пребывающу, утишися таковая зѣльность гоненія и бысть тишина. Но паки отъ того же Симеона гоненіе наста. Видѣвше же людіе толику бурю гоненія на нихъ возстающу, обще всѣ совѣтъ положиша отъити въ Польшу. И тако усовѣтовавше поидоша и поселишася въ области пана Халецкаго. при рѣцѣ Вѣткѣ. И сице усилившися, на молитву кійждо со своими въ храмѣхъ простыхъ собирахуся и пѣніе церковнаго чина кромѣ литургіи совершаху. Гоненію же въ Великороссіи на старовѣрца належащу, мнози оставляюще своя отечества, течаху въ оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствованіе паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустыя мѣста и звѣропаственныя мѣста населяхуся, и въ мѣсто древесъ людей умноженіе показася, трава и терніи растущая въ вертограды и садовія обратишася... *),

Чрезъ нѣсколько времени Стефанъ скончался, „при смерти дѣтямъ своимъ духовнымъ ни очемъ тако наказаваше, точію о семъ, да блюдутся новинъ и древнія церкви преданія опасно

*) Обычное въ раскольничьихъ писаніяхъ подчеркиваніе пользы, приносимой старообрядческими скитами и трудолюбіемъ ихъ обитателей.

да соблюдутъ. И глагола, да всячески отъ новаго рукоположенія сохранятъ себе, и да изволятъ тако умрети, нежели отъ тѣхъ коего дѣйства пріятниками быти".

Но возлѣ Вѣтки уже притаился соблазнъ. „Пріиде къ нимъ черный попъ Іосафъ и постави внизъ по пути при рѣцѣ келію и пребываше въ той келіи уединенъ, проходя безмолвное житіе, Бяше же въ народѣ веліе сомнѣніе о немъ и злословіе на него мещуще, парицаху его не Іосафомъ, но Асапомъ, вины ради сея, яко сей попъ аще и стараго бяше крещенія, обаче о рукоположеніи подзоръ имяше". Іосафъ былъ келейникомъ священника Іова, который „имяше веліе дружество" съ тверскимъ архіереемъ, стараго крещенія и рукоположенія, но служившаго по новымъ книгамъ. Къ нему-то Іовъ и послалъ Іосафа, прося посвятить того по старымъ книгамъ, что тотъ и исполнилъ,

Всего въ Вѣткѣ было пятеро „правильныхъ" поповъ: Козма, Стефанъ, Іовъ, Досиѳей и Іосафъ, но съ теченіемъ времени всѣ они разбрелись по Руси, и Вѣтка осталась безъ священства. Тогда на сцену появилось новое лицо: іерей Ѳеодосій, пострадавшій было за „старину", но оффиціально покаявшійся что, конечно, не помѣшало ему сохранить прежній образъ мыслей. Случился Ѳеодосій по близости Вѣтки и тамошніе жители послали звать его на священствованіе. „Соизволи прошенію ихъ Ѳеодосій, прейде отъ Великороссіи въ польскую область, идѣже радостными привѣтства возблагодариша приходъ его къ нимъ и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возсеающее, ликующе купно и веселящеся, на вступленіи того вси увядшіи печалію, весело хождаху". Ѳеодосій то и провелъ первый въ Вѣтку „новопоставленцевъ", вызвавъ на помощь себѣ изъ Рыльска своего брата „бѣглаго" попа Александра, а за нимъ внѣдрился и другой попъ Григорій, тоже „новаго" постановленія. „И съ сими двома, безъ діакона, Ѳеодосій освяти церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, въ нюже антиминсъ положенъ бяше старый. На толикую убо славу новоосвященную церкве, вси народы во всѣхъ странахъ радости исполнишася, на нюже отвсюду приходяще людіе, видѣти толикій храмъ церкве желающе, его же ради и паче людіе, оставляюще дома, въ толикій путь труда воспріимаху. Откуду без-

численными народы наполнися вѣтковское жительство и аки градъ великъ въ населенiи тѣхъ явися".

Съ теченiемъ времени и расширенiемъ условiй совмѣстной жизни въ Вѣткѣ увеличивались и нужды ея жителей. „Яко толико множеству стекшуся народу, мирское житiе преходящимъ, велiя наста нужда въ тайны брака", и для удовлетворенiя такой надобности пришлось увеличить штатъ священнослужителей, конечно, при томъ, изъ „новичковъ", такъ какъ „старые" iереи уже повывелись. Слѣдуетъ замѣтить, что Вѣтковское общежитiе носило чисто мiрской характеръ, благочестиваго, правда, оттѣнка, но безъ всякой примѣси аскетизма, чѣмъ и объясняется относительная слабость вѣтковцевъ въ дѣлѣ соблюденiя завѣтовъ строгихъ наставниковъ раскола. Фактъ прiятiя въ Вѣткѣ бѣгствующихъ отъ оффицiальной церкви хотя кореннымъ образомъ подрывалъ первоначальную раскольничью докрину, по которой „никоновщина" разсматривается, какъ сплошная ересь, зараженная „скверною антихриста", но былъ предрѣшенъ практически и совершился подъ влiянiемъ свѣтскаго строя вѣтковскихъ общинъ, при которомъ священноначалiе было необходимо. Ревностные послѣдователи раскола въ его безпоповщинской вѣтви не могли простить Ѳеодосiю его попустительство новизнѣ, говоря, что онъ „единъ порокъ имѣя, поворукоположеннымъ дверь отверсти и начало подати онымъ священнодѣйствовати".

Твердо памятуя обычай предковъ, что приходящихъ отъ великороссiйской церкви должно перекрещивать, будь они миряне или лица духовнаго званiя, и бѣглопоповцы первое время принимали „бѣгствующее" священство первымъ чиномъ, т. е. подъ крещенiемъ. Но нашлись скептики, утверждавшiе, что послѣ перекрещиванья попъ совсѣмъ лишается духовной благодати. Тогда придумали новый чинъ среднiй между первымъ и третьимъ, т. е. крещенiемъ и миропомазанiемъ, такъ что обрядъ крещенiя сводился къ простому хожденiю вокругъ купели, а при помазанiи миромъ не снимали одежды. Подобный компромиссъ тоже оказался недолговѣчнымъ, въ силу своихъ оппортунистическихъ такъ сказать, стремленiй, и постепенно привился уже третiй чинъ, т. е. простое отреченiе отъ никонiанства. Введенъ послѣднiй, какъ есть вѣроятiе думать, около 1706 г., потому

что какъ разъ въ это время на Вѣткѣ выступилъ съ своимъ ученіемъ діаконъ Александръ, который въ числѣ уклоненій вѣтковцевъ отъ обычаевъ предковъ и самовольныхъ ихъ нововведеній, между прочимъ выставлялъ именно то, то они незаконно помазывали своимъ собственнымъ миромъ. До 1764 г. Вѣтка служила главнымъ центромъ всей поповщины и изъ нея разсылались попы по всему раскольничьему міру, „пріемлющему священство".

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи поповщины XVIII столѣтія составляютъ заботы старообрядцевъ о пріобрѣтеніи епископа, такъ какъ по ученію православія, Церковь Христова должна сохранять три чина священства. Вѣтковцы не думали отыскать „древлеправославнаго" епископа, а просто рѣшили удовлетвориться принятіемъ епископа, который бы согласился послѣдовать примѣру переходящихъ въ расколъ священниковъ. Не малое количество русскихъ поповцевъ жило въ пограничной Молдавіи, единовѣрной намъ, и туда то и были направлены взоры старообрядцевъ, возмечтавшихъ о собственномъ архіереѣ. Раскольники имѣли доступъ къ ясскому митрополиту Антонію, тепло и сочувственно относившемуся къ непоколебимымъ сынамъ стараго православія и потому не нашедшему повода отказать имъ въ убѣдительной просьбѣ—посвятить имъ епископа. Ему было уже представлено оффиціальное прошеніе отъ вѣтковской общины, но почему то дѣло затормозилось, и въ слѣдующемъ, 1731 г., вѣтковцы хлопотали у самого молдавскаго господаря, дабы тотъ повліялъ на митрополита въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Дѣло могло окончиться очень благопріятно для вѣтковцевъ, не напорти всего дѣла цареградскій патріархъ Паисій, запрошенный Антоніемъ по поводу ходатайства вѣтковцевъ. Паисій научилъ такъ обусловить посвященіе епископа, что вѣтковцамъ оставалось въ сущности цѣликомъ, присоединиться къ господствующей церкви, на что, конечно, вѣтковцы не могли согласиться, и вопросъ остался открытымъ.

Прошеніе вѣтковцевъ, полностью до насъ сохранившееся, имѣетъ за собою огромную историко-догматическую цѣнность, всесторонне излагая доктрину поповщины и ея взглядъ на уклоненія никоніанства въ ересь, стоя въ этомъ отношеніи

наравнѣ съ уже цитированными нами „Поморскими отвѣтами“ и „Окружнымъ посланіемъ“, о которомъ рѣчь будетъ впереди.

„Великороссійскаго царства, православія греческаго—бьютъ челомъ вѣтковцы, съ сознаніемъ своего достоинства—восточныя церкве сынове, обитающіи въ Польскомъ королевствѣ, Покровскаго монастыря въ мѣстности, смиренный игуменъ Власій и прочіи священноиночествующіи и народы православніи многія тысящи, къ вашей всеблаженнѣйшей вселенской паствѣ въ сокрушеніи сердечномъ и со источники многихъ слезъ неводнихъ . . . . *) отъ великороссійскихъ новосѣдальныхъ синодовъ ложно на насъ наносимыхъ оглашеній, предъ вашимъ великопастырствомъ смиренно припадаемъ и изгнанія нашего и клеветъ неповинныхъ азъ объявляемъ, яко предъ самѣмъ Богомъ на страшномъ Его судѣ стояще, сице предъ вашимъ вселенскимъ правительствомъ въ супликѣ нашей доносимъ, кромѣ всякаго прилогу лукаваго, вѣры нашея образъ извѣствуемъ, яко имѣемъ мы вѣру греческую отъ вашего престола константинопольскаго великимъ княземъ Владиміромъ Кіевскимъ пріятую; чины и уставы церковные неотмѣнно содержимъ, якоже древле въ книгахъ греческихъ пріяхомъ, како древніи греческіе патріархи православніи и прочіе церковные учители насъ научиша и писаніи своими утвердиша, въ этой вѣрѣ доселѣ пребываемъ; тако главные артикулы каѳолическія церкви, сице и прочія церковныя догматы соблюдаемъ, и вашу богословію вселенскихъ государей нашихъ патріарховъ безъ премѣненія содержимъ, сице въ обители нашей, якоже и у васъ, пѣніе церковное совершаемъ и безкровное приношеніе, тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, повседневно въ церкви святѣй приносимъ и вѣрніи народи во вся святые посты, по обычаю христіанскому, тѣлу и крови Христовой причащаются, и наконецъ въ жизни своея всякій христіанинъ, въ наверпіеніе покаянія своего, образъ монашескій и схимонашескій пріемлютъ, съ воспріятіемъ тѣла и крови Христовой, жизнь свою при обители нашей оканчиваютъ. Тако истинно о православной вѣрѣ нашей безъ всякаго прилогу вашему вселенскому пастырству доносимъ и въ свидѣтельство на нашу совѣсть самого Бога представляемъ,

*) На этомъ мѣстѣ подлинникъ испорченъ.

а чужого еретическаго ученія ненавидимъ. Аще и мало что отъ православнаго святыхъ отецъ преданія подвиглъ бы кто, отвращаемся, о чесомъ наше содержаніе вѣры по главизнамъ здѣ предъ вашимъ вселенскимъ пастырствомъ явлено показуемъ.

„Первое. Никейскаго собора перваго отеческую богословію въ Триипостасномъ божествѣ Отца и Сына и Святаго Духа едино существо и естество исповѣдуемъ; Арія еретика мудрованіе, противное православію отецъ святыхъ собора Никейскаго разсѣцающаго пребезначальную Троицу Отца и Сына и Святаго Духа въ три существа, проклинаемъ; тако вѣруемъ, якоже никейстіи отци насъ научиша; на семъ святыхъ отецъ исповѣданіи настоимъ.

„Второе. Савелія еретика, мудрствующаго въ тріехъ ипостасѣхъ единому лицу быти и сліяніе въ тріехъ ипостасѣхъ мудрствующаго, проклинаемъ и во Святѣй Троицѣ три лица неслитно и нераздѣльно исповѣдуемъ.

„Третіе. Македонія еретика, хулившаго Святаго Духа и не единосущна Отцу и Сыну глаголющаго, яко извѣстнаго богохульника, отвращаемся, и Святаго Духа Отцу и Сыну единосущна и сопрестольна глаголимъ.

„Четвертое. Несторія еретика, похулившаго Пресвятую Богородицу и Господа нашего Іисуса Христа въ два сына раздѣляющаго, сего врага Божія отмѣщаемся и Пресвятую Богородицу, сущую Богоматерь, исповѣдуемъ, и Христа Сына Божія съ воспріятіемъ плоти во двою существу и во единѣмъ составѣ вѣруемъ.

„Пятое. Евтихія еретика, Господа нашего Ісуса Христа во едино естество сливающа и смѣшающа, проклинаемъ, и Господа нашего Ісуса Христа во двою естествѣ и въ единѣмъ составѣ несмѣстно и нераздѣльно исповѣдуемъ.

„Шестое. Сергія и Тирра и прочихъ еретиковъ, въ Господѣ нашемъ Ісусѣ Христѣ едино дѣйство и хотѣніе мудрствующихъ, ненавидимъ и исповѣданію святыхъ отецъ послѣдуемъ, по воплощеніи въ Господѣ нашемъ Ісусѣ Христѣ два хотѣнія и двѣ воли, естественнѣ, нераздѣльно во единомъ составѣ и лицѣ Христовѣ быти мудрствуемъ.

Древнія преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, яже

восточною церковію намъ преданы, тыя усердно соблюдаемъ, и ихъ догматовъ держимся, въ нихъ пребываемъ и премѣнити не смѣемъ, понеже вѣру, книги, патріарховъ и прочій весь чинъ апостольскій и обычай церковный пріяша отъ вашего константинопольскаго престола и въ вашей восточной церкви отъ православныхъ учителей научихомся. Въ которой православной вѣрѣ мнози Господеви Богу угодиша и чудесы прославленніи прославишася.

„Вновь умышленныхъ новыхъ преданій, несогласныхъ съ святою восточною церковію, латинскихъ и лютеранскихъ, иже богословію древнюю премѣнили, о схожденіи Святого Духа отъ Отца и отъ Сына преложили, и прочее преданіе святѣхъ премѣнили,—о постахъ и объ опрѣсночномъ служеніи и о пострижені брадъ и прочемъ ихъ новосмышленіи, которое противствуетъ древнему греческому преданію, весьма того премѣненія не пріемлемъ".

Послѣ перечисленія цѣлаго ряда уклоненій реформированной церкви отъ отцовскаго благочестія, всячески соблюдаемаго старообрядцами, претерпѣвающими за сіе бѣдствія отъ церковныхъ и гражданскихъ властей вѣтковцы непосредственно приходятъ къ самому вопросу о духовной іерархіи, сѣтуя, что „мы—дескать—нижайшіи великороссійскіи, иногда, въ знатномъ нашемъ мѣстѣ Вѣтцѣ—идѣже и монастырь Покрова Богородицы, во ономъ монастырѣ и съ прежними отцы пребываніе имѣемъ... Но точію во священнѣй тайнѣ церковной единаго вышняго члена въ совершеніе, рекше епископа, не имѣемъ, и сіе воистину не отъ презрѣнія нашего, но ради недовольнаго имѣнія во иноземствѣ обывателей нашихъ, и о семъ лишеніи члена сего обитель наша и многочисленный народъ отъ езувитовъ и прочихъ иновѣрныхъ, яко неимущіе пастори, поношеніе и укоризну страждемъ. И того ради, во исполненіе седми таинъ церковныхъ, въ прошломъ 1730 и въ нынѣшнемъ 1731 годахъ въ столичномъ градѣ Яссахъ всея Молдавіи преосвященному митрополиту и экзарху сиравскому и всего поморія архіерею, и всепресвѣтлѣйшему и благочестивому государю мы, смиренніи, обитатели нашея и ото всѣхъ скитовъ и ото всѣхъ обывателей нашихъ многочисленнаго народа доношенія, листъ просительный подали, а въ про-

шеніи написано, о еже бы преосвященный митрополитъ властію отъ первоначальствующаго архіерея Христа Сына Божія данною, апостольски ревнуя о спасеніи человѣческомъ, во исполненіе нашего православія епископа намъ обители нашея иконома Павла, работавшаго Господеви въ монашествѣ въ оной обители лѣтъ съ тридесять, посвятилъ и престоломъ епископскимъ въ нашей обители на защищеніе отъ уніи вѣчно благословилъ, и во исполненіе таинствъ церковныхъ насъ сотворилъ дабы родъ христіанскій, святыя восточныя церкве сынове, въ польскомъ королевствѣ живущіи, не погрязновены были западнихъ расколовъ напоеніемъ, но при греческой вѣрѣ право, юже мы пріяли отъ Андрея Первозваннаго, пребывали.

„Тѣмже сего ради возобновленіе въ наше исправленіе, яко къ верховнѣйшему пастырю и вселенскому правителю святыя восточныя церкве, столпу и свѣтилу всего міра, въ сокрушеніи сердца нашего, и со источникомъ слезъ, капающихъ нынѣ, припадаемъ: Божественною благодатію бѣдныхъ насъ и оклеветанныхъ напрасно, помилуй, спостражди о нашемъ спасеніи, якоже пастырь нашъ, иже кровь свою пречистую излія и душу свою за гонимыхъ и содержимыхъ въ адскихъ челюстяхъ положи, сице и ваше апостольское пастырство, якоже Христосъ о насъ сотвори, ко просвѣщенію народа нашего правовѣрнаго властію отъ Христа Сына Божія надъ вселенною волѣ данною, даруй намъ святителя, о еже просвѣщалъ бы родъ христіанскій божественными тайнами и настоятель былъ бы во общей обители нашей и прочимъ скитскимъ отцемъ, иже западнихъ расколовъ весьма себя хранятъ, а за православіе отеческаго преданія души свои полагаютъ. Въ сицевомъ посвященіи иконома Павла, ваше вселенское пастырство просимъ, апостольскую ревность: не остави насъ сирыхъ въ прошеніи нашемъ, возобнови божественнымъ священноначальствомъ насъ, понеже безъ епископа священныя тайны не могутъ въ исполненіе пріити. О чемъ Діонисій Ареопагитъ сказуетъ: діаконъ, рече, служитъ, іерей же священствуетъ, архіерей же литургисаетъ и дарованія Богу воздаетъ, и вязати и рѣшити грѣхи власть имѣетъ. Ибо вашимъ вселенскимъ пастырствомъ восточныя церкве православіе въ насъ да утвердится, западныя же расколы молитвами вашими да истребятся и тако въ Троицѣ сла-

вимый Богъ въ соборѣ нашемъ пропѣтъ и превозносимъ будетъ во вѣки, аминь".

Какъ уже сказано вѣтковцы потерпѣли полную неудачу. Для греческаго патріарха, съ его традиціонною, заискивающею предъ русскимъ правительствомъ, политикой, вовсе не представлялось желательнымъ вызвать по отношенію къ себѣ неудовольствіе, что не замедлило бы ощутительнымъ образомъ отразиться на карманѣ патріаршемъ, неоднократно пополнявшемся изъ оффиціальныхъ русскихъ источниковъ, почему осторожный патріархъ и повелъ себя уклончиво, приведя въ свое оправданіе рядъ богословскихъ тонкостей. Пришлось вѣтковцамъ удовлетвориться священникомъ и утѣшиться значеніемъ ихъ обители въ распространеніи бѣглопоповщины, семьдесятъ слишкомъ лѣтъ черпавшей свои силы отъ вѣтковскихъ учителей, пока, наконецъ, этотъ оплотъ поповщины не былъ уничтоженъ по повелѣнію императрицы Екатерины II. Первенствующее мѣсто въ поповщинѣ перешло къ Стародубью—мѣстечку въ нынѣшней Черниговской губерніи. Во главѣ стародубской общины сталъ попъ Михаилъ Калмыкъ—приверженецъ діаконовскаго толка, почему ясно, что и въ Стародубьѣ „бѣгствующихъ" священниковъ не перемазывали миромъ. Слѣдовательно, мы видимъ, что принятіе „бѣгствующаго" священства третьимъ чиномъ, будучи введено, въ началѣ XVIII ст., подъ вліяніемъ дьяконовцевъ, укоренились затѣмъ въ Вѣткѣ и Стародубьѣ, сдѣлавшись общимъ догматомъ поповщины вплоть до такъ называемаго „перемазанскаго" собора 1779 г., нанесшаго сильный ударъ „діаконовскимъ" тенденціямъ, т. е. стало быть и третьему чинопріему. Начинается исторія новаго фактора въ жизни поповщины, „перемазановщины", свившей себѣ гнѣзда въ Москвѣ, именно на Рогожскомъ кладбищѣ и поволжскомъ Иргизѣ. Кладбище открыто было въ 1771 г. и предназначалось, какъ и Преображенское, для погребенія чумныхъ мертвецовъ. Быстро разросшись, обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи, кладбище насчитывало около семидесяти тысячъ прихожанъ. При кладбищѣ были постоянные дежурные священники изъ „бѣгствующихъ", которые и совершали желающимъ всяческія требы. Первое время рогожцы находились въ единомысліи

съ первенствующею въ поповщинѣ стародубскою общиною и приглашали себѣ отъ нея священниковъ. Но долго такое положеніе не просуществовало, плохо гармонируя съ все разростающимся богатствомъ кладбища и рогожцы изъявили претензію на гегемонію. Первыя поползновенія въ этомъ направленіи обнаружились въ 1779 г., когда рогожцы съ своимъ попомъ Василіемъ чебоксарскимъ стали толковать, что священниковъ, отходящихъ въ расколъ отъ синодской церкви должно помазывать миромъ, а такъ какъ послѣдняго у нихъ не оказалось, то разсудивъ, что „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ", недолго колеблясь, рогожцы изготовили свое собственное миро и освятили его сами. Но такой смѣлый въ отношеніи разрыва съ церковными традиціями поступокъ сильно встревожилъ старообрядчество, проникнутое духомъ строгаго уваженія къ старо-православному ритуалу. Стародубье, въ лицѣ двухъ своихъ сильнѣйшихъ дѣятелей, попа Михаила Калмыка и инока Никодима, разразилось громомъ обличеній непозволительныхъ новшествъ рогожцевъ, отвѣтившихъ на всѣ обвиненія трогательно написаннымъ отъ лица яко бы церви посланіемъ, въ которомъ истые православные всячески усовѣщивались не пугаться поступка рогожцевъ, дерзнувшихъ сварить миро для нуждъ старообрядческой паствы. „Плачется и рыдаетъ, егда помышляетъ мать наше всеобще-союзно любящая животная церковь, по апостолу, глаголющему, зачалу 182-му сицѣ: „братіе, вы бо есте церкви Бога жива, служеніе благотвореніе и спасеніе. И егда видитъ, раздирателей своихъ наказуетъ. И егда помышляетъ: како предстанутъ на судъ Божій и како явится, съ неподобными, суду Божію, предъ лицемъ Божіимъ како вселятся въ полки святые? Како пребудутъ со страдальцы Христовы святыми, кои въ вѣрѣ Христовѣ божественнымъ миромъ посвящаются и како сего печати дара святаго духа повершенію къ водруженію и присвоенію къ Богу и ко ангеломъ его святымъ воспріятія лишающеся. И како нынѣ пребудутъ приходящіе къ правовѣрнѣй церквѣ безъ воспріятія духа благодати, по катихизису краткому глаголющему сицѣ: по миропомазаніи бо воспріятія духа святаго благодать бываетъ; и посему како остаются безъ повершенія благовѣрнаго мира, безблагодатными пребывати? Аще и съ примѣшаніемъ

масла священническими руками за скудость благовѣрнаго мира, по Матѳея іерусалимскаго книгѣ, составъ, но все за благовѣрной же миръ благодатной состоитъ и пріемлется, а вы его нонѣ повершительности благодатной гнушаетеся: плачетъ дѣтей своихъ отъ того отторгающихся.

„Что я вамъ чрезъ благодатное присвоеніе къ Богу и ко ангеломъ его согрубила? Что я вамъ, наипаче просвѣщеніемъ моимъ, чрезъ миръ святой досадила? Что я вамъ ко укрѣпленію духа святаго и къ присвоенію, пополненія воспріятія духа благодати, миропомазаніемъ остудила".

Рогожцы не остались одинокими. Выраженія сочувствія „перемазановщинѣ" получались съ разныхъ концовъ старообрядческой осѣдлости. „Діаконовщина" все чаще и чаще стала именоваться „новомышленіемъ, душегубнымъ ядомъ", говорилось, что необходимо „остаться при прежнихъ узаконеніяхъ, какъ на Вѣткѣ, такъ и въ нашихъ, по сіе время наблюдаемыхъ, принятыхъ отъ прежнихъ нашихъ священниковъ, обхожденій обрядочестей, ибо они принимали съ миропомазаніемъ какъ священниковъ, такъ и простолюдиновъ, и священство отъ нихъ было неотъемлемо".

Споры „діаконовцевъ" съ „перемазанцами" угрожали внести новое дробленіе въ старообрядчество, расколовъ поповщину на два новыя согласія. И вотъ тогда-то для разрѣшенія спорнаго вопроса рѣшено было собрать соборъ „первостатейныхъ, сѣдиною цвѣтущихъ людей", дабы установить, наконецъ, золотую истину и допытаться, кто „въ чувственныя сердца наши таково терніе всѣялъ". Рѣшеніе вынесъ состоявшійся въ 1779 г. московскій соборъ, категорически ставшій на сторону перемазановщины. Твердо и съ сознаніемъ своей правоты отстаивалъ Никодимъ положеніе діаконовщины, вразумляя своихъ упрямыхъ оппонентовъ, что послѣ вторичнаго миропомазанія перешедшихъ въ старообрядчество изъ великороссійской церкви священниковъ, необходимо надъ ними совершать и хиротонію, такъ какъ прежнее рукоположеніе теряетъ свою силу. „Кривосказатель" Никодимъ убѣдилъ, однако, немногихъ, а большинство соборянъ присоединилось къ мнѣнію „предѣленія", указавшаго „по древле установленному обычаю древнихъ отецъ нашихъ, въ тая времена жившихъ и досто-

славную память по себѣ намъ оставившихъ; тѣмъ мы послѣдоваша и со изъясненіемъ правилъ съ миропомазаніемъ приходящихъ отъ еретиковъ, какъ священниковъ, такъ и простыхъ, съ святыми согласно, и едино чиноположеніемъ въ православіе къ пріятію утвердиша сице". Аргументировалась сентенція собора рядомъ ссылокъ на правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и соборное же изложеніе Филарета патріарха, предписывавшаго вновь приходящихъ въ православіе неукоснительно перемазывать. Слѣдуетъ замѣтить, что по толкованію отцовъ перемазанскаго синклита всѣ лица, входящія въ составъ оффиціальной синодской церкви подведены были подъ категорію аріанъ и т. п. еретиковъ, чинопріемъ которыхъ былъ дѣйствительно опредѣленъ миропомазаніемъ.

Рѣшеніе собора получило силу въ большей части общинъ поповскаго согласія, къ нему присоединились и Петербургъ съ Москвою, равно какъ и иргизскіе монастыри, имѣвшіе тѣмъ большее значеніе, что имъ именно правительствомъ разрѣшено было имѣть своихъ собственныхъ священниковъ, конечно, переходящихъ изъ ново-православія, и изъ Иргиза уже командировавшихся по другимъ общинамъ, невольно, благодаря этому подпадавшимъ подъ гегемонію Иргиза. Послѣній-то и далъ рѣшительный перевѣсъ перемазановщинѣ. Въ 1782 и 84 г. въ Иргизѣ состоялись два собора, на которыхъ торжественно были утверждены рогожскія обрядности перемазыванія. Послѣднее слово по сему вопросу произнесено было тамъ же, на соборѣ 1805, когда подверглась тщательной разработкѣ вся регламентація возможныхъ случаевъ перехода въ старообрядцевъ лицъ духовнаго званія, формулированная въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Аще кто пріидетъ отъ великороссійской церкви священникъ или діаконъ... къ нашей православной церкви, а оные крещены въ три погруженія и посвящены отъ великороссійскаго русскаго архіерея, который архіерей и самъ крещенъ тожь въ три погруженія; таковыхъ подобаетъ принимать по 2-му чину, т. е. по чистомъ его раскаяніи и проклятіи ересей, да помазуетъ св. миромъ, якоже новокрещеный и потомъ всякъ во своемъ чину да пребываетъ. А если же кто придетъ отъ священнаго чина посвященный отъ русскаго епископа,

и приходящіе крещены обливаніемъ таковыхъ пріемлемъ, яко же еллиновъ и подобаетъ совершенно крестить и потомъ священнодѣйствія оные лишаются и вмѣняются за простолюдинъ. Если же кто придетъ отъ священнаго чина, который крещенъ въ три погруженія, а посвященъ архіереемъ, который крещенъ обливаніемъ, то таковыхъ пріемлемъ по 2-му чину, т. е. подъ проклятіемъ ересей и святымъ миромъ помазуются, а священнодѣйствія совершенно лишаются и пріемлются яко же простіи. Если же который отъ священнаго чина бывъ при нашей православной церкви и отступитъ самовольно и приступитъ къ ереси, а потомъ покается чистымъ сердцемъ, таковаго принять по 3-му чину съ проклятіемъ ересей и дать ему за преступленіе заповѣдь, а священнодѣйствія всего лишенъ да будетъ и имѣть его за простолюдина, но токмо въ сидѣніи давать ему почесть и благословить ему трапезу. Аще же кто отъ священнаго чина были при нашей православной церкви и отступили отъ насъ самовольно ко отщепенцамъ, называемыхъ присоединену ими къ великороссійской церкви (т. е. единовѣрцамъ) и если потомъ обратятся и прибѣгнутъ съ чистымъ покаяніемъ, таковыхъ съ милованіемъ принять по 3-му чину, съ проклятіемъ ересей, а священнаго чина лишены да будутъ и вмѣняются за простолюдины, а если по нуждѣ, то пріемлемъ и на первыя степени да опредѣляются. А если же отъ священнаго чина были опредѣлены отъ русскаго архіерея и отъ него поставлены ко онымъ отпущенцамъ (т. е. единовѣрцамъ), и если кто къ нашей православной церкви пріидетъ святымъ покаяніемъ, такового пріемлемъ по 2-му чину, потомъ опредѣляются, кто въ какомъ чину былъ по свидѣтельству духовнаго отца. Аще кто отступитъ самовольно или на страхъ отъ нашей православной церкви къ великороссійской церкви или ко отщепенцамъ (т. е. единовѣрцамъ) оныхъ и отъ него родившихся и тамо крестившихся дѣтей, сына или внука, его посвятитъ архіерей россійскій во священный чинъ, какой ни есть, и оный пріидетъ съ чистымъ покаяніемъ и нелицемѣрною вѣрою къ нашей православной церкви, такового по 2-му чину съ проклятіемъ ересей и св. миромъ пользуемъ".

На соборѣ же 1805 г. получила окончательную верховную

санкцію и самая „исправа“, сведшаяся къ слѣдующему ритуалу. Прозелитъ сперва исповѣдывался въ алтарѣ, потомъ старообрядческій священникъ выводилъ его къ молящемуся народу и заявлялъ о его готовности къ священнослуженію; на что богомольцы отвѣчали“: „Богъ благословитъ“. Затѣмъ новичка облагали и заставляли вслухъ провозгласить торжественное отреченіе отъ прежнихъ заблужденій въ достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ: „азъ священно-іерей (имя рекъ) отъ гнусныя никоніанскія ереси къ непорочной всей душою приступаю вѣрѣ, проклинаю вся отреченная святыми отцы: аще кто не креститъ въ три погруженія съ приглашеніемъ во имя Отца и Сына Св. Духа, но обливаетъ, да будетъ проклятъ; аще кто служитъ божественную литургію на пяти просфорахъ, а не на семи, да будетъ проклятъ; аще кто при, глашаетъ божественную пѣснь: аллилуія, аллилуія, аллилуія слава тебѣ Боже, да будетъ проклятъ; аще кто проклинаетъ пятію персты странно нѣкако, не по преданію св. отецъ, да будетъ проклятъ; знаменія на просфорахъ—четвероконечные кресты, а не осьмоконечные, и на ихъ служащіе да будутъ прокляты; аще кто чтетъ молитву—Господи Іисусѣ Христе Боже нашъ, помилуй насъ, съ приложеніемъ литеры I, а не по древнему, да будетъ проклятъ; въ заключеніе, наконецъ, и всѣхъ нововведенныхъ преданій Никона патріарха, содержимыхъ нынѣ греко-россійскою церковію, отрицаюсь и проклинаю, и анаѳемѣ предаю, и еже изволитъ имъ и послѣдуетъ—анаѳема и да будетъ проклятъ“.

Подвергнувшись помазанію масломъ, за неимѣніемъ мира, „исправленный“ такимъ образомъ, священникъ съ этого момента могъ уже совершать богослуженіе.

Вотъ какимъ образомъ появилась новая вѣтвь старообрядчества, давшая толчокъ направленію компромиссовъ, вылившаяся потомъ въ единовѣріе, и ставшая въ непримиримую оппозицію безпоповщинѣ, нарушивъ основной мотивъ ученія отцовъ раскола, строго заказавшихъ общеніе съ „Вавилономъ“. Бѣглопоповщина съ самаго начала своего возникновенія получила характеръ строго практическій, сложившись подъ вліяніемъ жизненныхъ требованій, и проложивъ себѣ срединный путь между обоими теченіями старообрядческой догмы,

ухватившись за искони спасительный принципъ объясненія своихъ поступковъ роковою необходимостью, „нуждным временемъ“. Разошедшись съ безпоповцами по вопросу о духовной іерархіи, вполнѣ естественно, бѣглопоповцы должны были отринуть и нѣкоторые другіе пункты ихъ теоріи, особенно непримиримые по отношенію къ великороссійской церкви, что особенно сказалось въ ученіи объ антихристѣ, признать пребываніе котораго въ православіи послѣ-никоновскаго періода бѣглопоповцы рѣшительно уклонились, но за то дали такъ называемое „лужковское“ согласіе, обязанное свою исторією указу Императора Александра Перваго отъ 26 марта 1822 г., закрѣпившаго за Иргизомъ право постановленія священниковъ, наблюдая только, чтобы тѣ „для порядка вели метрику“. Посадъ Лужки въ Стародубьѣ, и прежде отличавшійся изрядною долею фанатизма, сильно усомнился въ дозволенности для истинно-православнаго духовенства вести „подозрительныя“ метрическія записи. Думали, думали лужковцы на эту тему и пришли къ заключенію, что новое священство, дѣйствующее открыто, съ вѣдома гражданскихъ властей, и не высказывающее особеннаго рвенія къ претерпѣнію гоненій, не можетъ считаться правильнымъ. Политически-протестующій элементъ „лужковщины“ сказывается въ ея нежеланіи приносить обычную просфору за носителя верховной власти. Согласіе сохранилось и до нашихъ дней, но не пользуется вліяніемъ среди поповщины, доминирующая роль въ которой перешла къ наиболѣе жизненной вѣтви старообрядчества, признающаго священство, именно къ такъ называемому „австрійскому согласію“, сперва обосновавшемуся за рубежомъ, а оттуда уже перекинувшемуся и въ Россію, гдѣ послѣдователи „бѣлокриницкой іерархіи“ занимаютъ наиболѣе видное мѣсто.

«Австрійское согласіе».

Вполнѣ понятно, что наиболѣе умѣренная часть старообрядчества, не пожелавшая идти на полный разрывъ съ идеалами христіанской церкви, осуществляемой клиромъ и міряками, и прибѣгнувшая для удержанія дорогихъ ей тра-

дицій къ всевозможнымъ компромиссамъ, вплоть до призванія „бѣглыхъ поповъ", не могла остановиться на простомъ пріемѣ священниковъ чужого поставленія, а пыталась добиться возможности основать свою собственную іерархію, дабы, обладая всѣми тремя чинами ея, выйти изъ обидной зависимости отъ епископа господствующей великороссійской церкви. Получалось очень и очень двусмысленное положеніе. Въ основаніе старообрядческаго движенія положенъ лозунгъ „прочь отъ никоновщины". Православіе на Руси гибнетъ, боговдохновенной іерархіи нѣтъ, все осквернено еллинской и папежской прелестью, догматы вѣры искажены, порядокъ священнослуженія изобилуетъ новшествами, заимствованными съ гнилого Запада.... И истинными островками стараго благочестія въ взбаломученномъ морѣ чиновничьей церкви являются старообрядческія общины, судорожно цѣпляющіяся за камень дорогой имъ вѣры, не новой, не чуждой, а простой, безхитростной, старой, во имя которой жили, молились, спасали Русь и свои души длинные ряды подвижниковъ, доставившіе своей родинѣ великую славу „святой". Такъ мыслитъ каждый старообрядецъ. Но въ расколѣ свой расколъ. Безпоповецъ давно уже рукою махнулъ на былое, его нѣтъ и оно мхомъ поросло. Сгибла церковь—безъ нея обойдемся. Некому таинства совершать—ничего не подѣлаешь, проживемъ и безъ нихъ. Изъ міра реальнаго безпоповецъ ушелъ въ область отвлеченныхъ представленій, замѣнивъ всюду форму—идеею, осязательное, видимое—духовнымъ, чувствуемымъ. Все—или ничего. Его собратъ поповецъ остановился на полпути, и половинчатость-то эта тяжелымъ камнемъ легла на воспріимчивую совѣсть религіознаго человѣка, привыкшаго цѣнить въ дѣлахъ вѣры каждую ея деталь, не преступая ни на іоту отъ завѣтовъ предковъ и съ ужасомъ открещиваясь отъ соблазнительной критики, иную натуру совершенствующей, а другую растлѣвающей.

Настойчиво работавшій въ одномъ направленіи мозгъ „поповца", измыслившаго способъ довольствоваться исправленнымъ попомъ, отрѣшившимся отъ прежнихъ заблужденій, но не отъ сана, пошелъ дальше и привелъ старообрядчество къ Австріи, съ ея относительною, конечно, религіозною свободою, благодаря чему и удалось части поповщины добиться завѣтной

цѣли милліоновъ старовѣровъ — имѣть собственныхъ поповъ, получившихъ высшую благодать изъ рукъ своего же архіерея.

Любопытно, что расколъ, на первыхъ порахъ своего существованія сплотившій людей разнаго званія, отъ родовитой аристократіи до низовъ населенія, постепенно пополнявшій свои кадры изъ рядовъ чернаго и бѣлаго духовенства, совсѣмъ не коснулся „князей церкви", кромѣ извѣстнаго Павла, епископа Коломенскаго, мужественно ставшаго на сторону „старочинцевъ" и поплатившагося за это ссылкой и безвѣстною гибелью. Вокругъ имени Павла создался въ старообрядчествѣ особый, вполнѣ понятный, ореолъ святости, отличавшій его отъ современныхъ ему іерарховъ, среди которыхъ можно насчитать нѣсколько ихъ несочувственно относившихся къ реформаторской дѣятельности Никона, но не найти мужественныхъ противниковъ всесильнаго патріарха, ополчиться на котораго осмѣлились лишь послѣ его дворцоваго паденія. Умеръ Павелъ и съ нимъ сошелъ въ могилу единственный святитель, признанный раскольниками.

Первая попытка старообрядчества добыть себѣ архіерея, относится къ 1730 г. и предпринята она была вѣтковцами, какъ объ этомъ уже сообщалось. Къ желанному концу дѣло, благодаря упрямству патріарха Паисія, не дошло. Но черезъ два года старообрядческая исторія уже занесла на свои страницы имя Епифанія Реуцкаго — перваго епископа, поставленнаго молдаво-валашскимъ митрополитомъ Георгіемъ для города Чигирина, но постановленіе это оказалось недѣйствительнымъ, ибо, какъ повѣствуетъ, „Сказаніе о епископѣ Епифаніи", послѣдній, будучи „отъ рода жидовска и отъ жены нѣкія нечистыя жидовки", обманулъ митрополита, воспользовавшись своей близостью къ канцеляріи кіевскаго архіепископа, гдѣ съ помощью его печати, составилъ на имя Ясскаго владыки два прошенія, одно отъ архіепископа, другое отъ жителей города Чигирина, оба—съ ходатайствами о возведеніи Епифанія въ санъ епископа и именно для города Чигирина, что Георгій и исполнилъ. Но очень скоро новый епископъ сталъ извѣстенъ русскимъ властямъ и, лишенный сана, угодилъ въ Соловки, бѣжалъ, и былъ перехваченъ вѣтковскими агентами, заботливо наблюдавшими за дѣломъ Епифанія, который очень могъ имъ

пригодиться, какъ формально рукоположенный епископъ. Епифаній не особенно угодилъ своимъ ставленникамъ, быстро усомнившимся въ правильности его крещенія, да и вообще Епифаній не выказывалъ особой ревности къ старообрядчеству, такъ что вторичный его арестъ не вызвалъ какого-либо волненія на Вѣткѣ, успѣвшей обзавестись изряднымъ количествомъ поповъ Епифаніева посвященія.

Черезъ полтора десятка лѣтъ мы видимъ на Вѣткѣ уже двухъ архіереевъ—Аѳиногена и Анѳима.

Первый изъ нихъ — бѣглый дьяконъ — чернецъ Воскресенскаго монастыря, съ распростертыми объятіями принятый на Стародубьи, гдѣ онъ выдалъ себя за іеромонаха Аѳиногена. Аѳиногенъ, ловко сыгралъ на мечтаніяхъ бѣглопоповцевъ о собственномъ епископѣ, и съ большимъ измѣненіемъ сталъ распространять легенду о своемъ посвященіи въ епископство, правдоподобность котораго увеличивала пристегнутое сюда полное таинственности имя убитаго императора Іоанна Антоновича.

Меньшинство старообрядцевъ недовѣрчиво отнеслось къ разглагольствованіямъ Аѳиногена, но большинство увѣровало въ высокій санъ новоявленнаго архіерея, и бѣглопоповщина опять обогатилась свѣжими кадрами поповъ. Самозванство Аѳиногена все же обнаружилось и пришлось ему бѣжать въ Польшу, а тамъ карьера его завершилась самымъ страннымъ для духовнаго лица образомъ, именно переходомъ въ католичество, женитьбою и военнымъ мундиромъ, надѣтымъ имъ въ 1753 г.

До своего паденія Аѳиногенъ посвятилъ въ архимандриты монаха Анѳима, человѣка, видимо, способнаго и рѣшительнаго, что видно изъ его настойчивыхъ попытокъ добиться архіерейства, чуть было не полученнаго имъ отъ того же Аѳиногена, если бы не случился извѣстный намъ скандалъ съ „военнымъ“ епископомъ, и его раскрытымъ настоящимъ положеніемъ, въ силу чего постановленіе Анѳима оказалось самаго курьезнаго свойства, и непріятно подѣйствовало на болѣе вдумчивую часть старообрядчества, видѣвшую, что на каждомъ шагу приходящіе ех-дѣятели православія несутъ съ собою немало срамоты. Анѳимъ бѣжалъ и окончилъ

жизнь свою трагически, утопленный какими-то фанатиками въ Днѣстрѣ. Такова краткая исторія трехъ злополучныхъ архіереевъ, достаточно дискредитировавшихъ идею полученія епископовъ изъ коренной Россіи.

Наступило царствованіе императора Николая I и послѣдовалъ рядъ Высочайшихъ указовъ, ясно высказывавшихъ намѣреніе прекратить „прискорбное для православной церкви" явленіе—то есть расколъ вообще и особенно распространившееся бѣглопоповство. Особенно тяжело подѣйствовало на бѣглопоповцевъ распоряженіе отъ 8 ноября 1827 г., коснувшееся Рогожскаго кладбища и категорически объявившее, чтобы старыхъ поповъ „оставить въ покоѣ", но „новыхъ отнюдь не принимать". Ясно было, что готовился рядъ новыхъ правительственныхъ мѣропріятій, грозившихъ въ корень подорвать бѣглопоповство. Всколыхнулся старообрядческій міръ, пустилъ въ ходъ всѣ свои связи, тряхнулъ тугою мошною, и особой депутаціи удалось добиться аудіенціи у всемогущаго въ то время шефа жандармовъ графа Бенкендорфа. Выяснилось, что перемѣны курса ждать нечего и приходится искать другого выхода. Такой нашелся. Дипломатъ-графъ самъ указалъ его. Принятіе бѣглыхъ поповъ, по его словамъ, государь разсматриваетъ какъ дѣло „постыдное для старообрядцевъ и прискорбное для православной церкви", и гораздо лучше было бы, если бы раскольники „гдѣ-нибудь" обзавелись собственнымъ архіереемъ. Заработали во всю старообрядческіе умы, изыскивая способы къ предотвращенію грозящаго полнаго оскудѣнія священства, но на планѣ дѣйствій остановиться не могли. Одни склонялись къ учрежденію „древле-православной" епископской каѳедры, другіе находили это рискованнымъ, и неизвѣстно, существовала бы „Бѣлокриницкая іерархія" если бы не явился у старообрядцевъ такой дѣятель, какъ Петръ Васильевичъ Великодворскій, прославившійся подъ именемъ инока Павла. Происходилъ послѣдній изъ самыхъ демократическихъ слоевъ общества, родившись въ семьѣ простого волостного писаря, рано почувствовалъ наклонность къ созерцательной жизни и, подъ вліяніемъ старообрядческихъ наставниковъ, порѣшилъ уйти въ Стародуб-

скую обитель, но помѣшалъ отецъ, такъ что осуществить свое намѣреніе Петру удалось уже взрослымъ человѣкомъ. Громадная начитанность, предпріимчивый характеръ, энергія въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, глубокая, экзальтированная религіозность, и вѣра въ свое славное предназначеніе—скоро выдвинули Петра Великодворскаго въ „лидеры“ сторообрядчества. Купецъ Громовъ—участникъ депутаціи къ Бенкендорфу и ярый сторонникъ мысли о раскольничьемъ архіереѣ—надумалъ поручить Великодворскому сложную миссію—подыскать подходящее мѣсто и людей для епископіи. Нисколько не колеблясь принялъ Великодворскій порученіе и, выбравъ себѣ въ помощники игумена Серковскаго монастыря Геронтія, двинулся въ путь. По ихъ плану предстояло объѣхать тѣ страны, гдѣ, по сказаніямъ, распространеннымъ у старообрядцевъ, сохраняются еще епископы и священники древняго поставленія, т. е. Персію, Грузію, Сирію, Египетъ и т. д. 1 марта 1836 г. Великодворскій принялъ монашество, и „того же числа, *никому* кромѣ духовнаго отца своего священно-инока Епифанія *невѣдомо*, пустились въ предлежащей свой путь“.

Люди были они оба далеко недюжинные, дополняя другъ друга, и нося въ себѣ всѣ данныя для того, чтобы стать во главѣ религіозной секты, особенно инокъ Павелъ съ своими „быстропронзительными, ярко-прозрачными и яко у птеница строфина неморгливами очами“, постоянно горѣвшими внутреннимъ огнемъ.

Искони старообрядцы уже бѣгали за-рубежъ, такъ что образовался проторенный путь роскольничьей эмиграціи, лежавшій по теперешней Молдавіи и юго-восточнымъ австрійскимъ владѣніямъ на Турцію. Павелъ же съ Геронтіемъ чрезъ Таганрогъ и Азовъ добрались до Кавказа, но тамъ возбудили подозрѣніе своимъ иноческимъ костюмомъ, и были арестованы. Жандармерія причислила ихъ къ категоріи бродягъ и выслала обратно въ Европейскую Россію, на чемъ и окончилась первая попытка обоихъ друзей, нисколько не смутившихся неудачею, но наученныхъ уже горькимъ опытомъ соблюдать необходимыя предосторожности. И вотъ уже въ 1839 г. Павелъ и Геронтій тайкомъ перебираются чрезъ австрійскую границу, а тамъ „свой человѣкъ“ провелъ ихъ до центра раскольничьихъ по-

селеній въ Буковинѣ—именно Бѣлой-Криницы,—ставшей затѣмъ во главѣ новаго направленія раскольничьей теоріи и практики.

Австрію раскольники облюбовали уже со временъ Петра Перваго, а въ 1783 г., благодаря услугѣ австрійскому правительству, раскольники были уже легализированы, и получили отъ императора Іосифа грамоту, разрѣшавшую имъ поселиться и свободно отправлять свои религіозныя надобности. Аборигены Буковины, носили наименованіе липованъ, и старательно отграничивались отъ пришлаго элемента. Имѣлась въ Бѣлой-Криницѣ и церковь, обслуживалась она „бѣглыми" попами. Сюда то и попали Павелъ съ Геронтіемъ, радушно принятые настоятелемъ Бѣлокриницкаго монастыря и, исключительно руководимые намѣреніемъ раздобыться здѣсь австрійскимъ паспортомъ для дальнѣйшаго путешествія, но и тутъ ничего не вышло, ибо австрійскій чиновникъ усомнился въ ихъ принадлежности къ коренному липованскому населенію и отказался выдать имъ необходимый документъ. Въ различныхъ хлопотахъ провели оба посланца въ Бѣлой-Криницѣ полгода и тутъ то и былъ выработанъ планъ относительно оффиціальнаго учрежденія австрійскимъ правительствомъ старообрядческой архіерейской каѳедры, благо существовала оффиціальная привилегія покойнаго императора Іосифа, въ которой узаконялось существованіе старообрядческаго духовенства,—преимущество, крайне важное,—по сравненію съ Россіею и другими сосѣдними странами, гдѣ раскольничьи попы совершенно игнорировались. Павелъ быстро столковался съ бѣлокриницкими иноками, посвятивъ ихъ въ свой планъ, и уговорилъ подать прошеніе въ мѣстный „крейзамтъ" (окружное правленіе), въ которомъ отъ лица буковинскихъ старовѣровъ указывалось, что „необходимо нужно намъ присно имѣть издавна желаемаго нами святителя, который бы, согласно правиламъ св. Апостолъ и св. отецъ, у насъ священнодѣйствовалъ и намъ, изъ числа нашихъ старовѣровъ, достойныхъ пресвитеровъ посвящалъ. Поелику нынѣ обдержитъ насъ не одна скудость, что безъ священства невозможно быть производству иноческаго чина и совершенію божественной литургіи; но еще и другая предстоящая крайность побуждаетъ насъ душевными чувствами безпокоиться и до зѣла

болѣзновать, что наши въ цѣлыхъ четырехъ селеніяхъ многочисленные старовѣры находятся за скудостью священства въ крайне бѣдственномъ положеніи, ибо они для совершенія случающихся крещеній, бракосочетаній и прочихъ духовныхъ требъ часто вынуждены бываютъ даже ѣздить въ иныя владѣнія, не имущіе же на таковое иждивеніе достатка терпятъ великую духовную нужду, такъ что у нихъ многажды случается новорожденные младенцы надолго остаются некрещенными, овыя же, не дождавъ священническаго совершенія, печати Дара Духа Святаго, то есть безъ миропомазанія умираютъ, а пришедшіе въ совершенный возрастъ остаются чрезъ свою временность безбрачны, и нерѣдко, повреждая совѣсть, теряютъ естественныя чистоты, непорочность и обычную богобоязность... Нѣсть-ли это крайняго сожалѣнія достойно? А хотя наши священники, которыхъ мы изъ Россіи отъ единовѣрныхъ нашихъ обществъ съ немалыми издержками достаемъ, здѣсь у насъ и бываютъ, однакожъ какъ мы своего святителя, коему бы они подчинены были, здѣсь не имѣемъ, уѣзжаютъ чрезъ короткое время за-границу къ нашимъ старовѣрскимъ обществамъ, ибо и тамъ крайняя нужда въ духовенствѣ существуетъ. Нынѣ же занятіе священниковъ изъ Россіи сдѣлалось весьма строже, такъ что уже старовѣры приходятъ въ отчаяніе".

Права и обязанности бѣлокриницкаго епископа должны были состоять въ слѣдующемъ:

„Святителю священнодѣйствовать во всемъ непремѣнно по нашему старогреческому закону, и наблюдать въ точности весь обычай, у насъ содержимый, древняго христіанскаго благочинія.

„Онъ долженъ будетъ для всякаго случая, какъ-то: скорой своей смерти, или чего иного непосредственнаго, одного изъ нашихъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ, съ согласія общаго собора, въ наслѣдство своего святительскаго престола неотлагательно посвятить, дабы, по дальнему за-границей существованію, согласно нашей религіи святителя, въ нашемъ мѣстѣ древле-христіанскаго исповѣданія престолъ многолѣтно не вдовствовалъ, и дабы тѣмъ старовѣрскія наши общества, толикою, якоже донынѣ, обдержащею духовною нуждою паки до зѣла не бѣдствовали.

„Долженъ составить свой духовный судъ, какъ-то: изъ своего наслѣдника, двухъ священниковъ, и двухъ священно-иноковъ.

„Долженъ изъ числа достойныхъ и божественное писаніе добрѣ знающихъ мірскихъ старовѣровъ каждому ихъ обществу потребное число священниковъ на неотлучное при ихъ церквахъ пребываніе поставлять.

Одновременно же былъ переработанъ и уставъ бѣлокриницкаго монастыря, вооружившій старую братію обители противъ Павла и Геронтія, такъ туда какъ былъ внесенъ пунктъ о веденіи метрикъ, чего прежде не водилось, такъ что чуть было не дошло до избіенія пришельцевъ, взбаломутившихъ мирную обитель своими широкими замыслами. Начальству вся эта исторія была представлена въ невыгодномъ для липованъ свѣтѣ и прежній настоятель Іоиль, какъ безпокойный человѣкъ, былъ смѣщенъ, а на его мѣсто, подъ давленіемъ Павла, избранъ былъ Геронтій; но затѣя о каѳедрѣ туго подвигалась впередъ изъ-за тренія въ окружномъ правленіи, такъ что въ концѣ концовъ пришлось аппеллировать къ самому императору, что Павелъ и сдѣлалъ, въ сотрудничествѣ новаго лица, появившагося въ Бѣлой-Криницѣ, инока Алимпія, готоваго съ головою броситься въ любое дѣло, разъ только оно увлечетъ его. Послѣ долгихъ проволочекъ и слѣдствій, 6 сентября 1844 г. послѣдовалъ давно ожидаемый декретъ императора, гласившій, что „всемилостивѣйше дозволяется привезти изъ-за границы одно духовное лицо, именно архипастыря или епископа, съ тѣмъ, что онъ можетъ производить находящимся въ Бѣлой-Криницѣ липованскимъ инокамъ высшее посвященіе, и имѣетъ еще поставить себѣ преемника, который также будетъ поставлять священниковъ, равно какъ избрать и посвятить преемниковъ себѣ. А такъ какъ по правиламъ греческаго восточнаго закона высшее священство только изъ иноковъ происходитъ, то его величество всемилостивѣйше утверждаетъ впредь существованіе въ Бѣлокриницѣ отъ многихъ лѣтъ находящагося монастыря".

„Такъ совершилось—говоритъ производившій въ 40-хъ годахъ слѣдствіе о расколѣ Надеждинъ—событіе, до сихъ поръ

небывалое въ раскольничьемъ мірѣ, и о которомъ раскольники не смѣли и помышлять. Благоустроенное, могущественное государство, какова Австрія, торжественно даруетъ имъ всѣми формами гражданской законности обезпеченную епископскую каѳедру и слѣдовательно расколъ, доселѣ пресмыкавшійся темною отверженною сектою, возводитъ на степень оффиціально признанной церкви.

Понятно, какой восторгъ, какое потрясеніе должно было это вызвать въ мірѣ раскольничьемъ".

Первая половина дѣла, слѣдовательно, пришла къ вожделѣнному концу; оставалось рѣшить вопросъ о личности епископа, откуда достать его, и для этого то въ исходѣ 1841 г. Павелъ съ Алимпіемъ направились въ Москву и Петербургъ, чтобы тамъ уже посовѣтоваться съ руководящими лицами старообрядчества, послѣ долгихъ совѣщаній съ которыми неутомимые иноки и отправились въ вояжъ, объѣздили славянскія земли, всюду приглядываясь къ соблюденію тамъ „чистаго" православія, и неудовлетворенные результатами своихъ наблюденій, проѣхали насквозь христіанскій востокъ и въ концѣ концовъ попали въ Константинополь, гдѣ и познакомились съ бывшимъ боснійскимъ митрополитомъ Амвросіемъ, которому суждено было стать первымъ епископомъ новоявленной бѣлокриницкой каѳедры. Депутація Амвросія была самая хорошая такъ что одна боснійская лѣтопись говоритъ даже, что „этотъ владыка былъ святой человѣкъ, онъ много заботился о бѣдныхъ. Онъ былъ родомъ болгаринъ, вовсе не былъ сребролюбивъ и радѣлъ только о томъ, чтобы народу было покойно, чтобы народъ не терпѣлъ неправды". Постоянныя его препирательства съ турецкими властями, зло ненавидѣвшими прямодушнаго митрополита, окончились тѣмъ, что по опредѣленію патріарха Анфима, игравшаго въ руку туркамъ, Амвросій былъ отозванъ изъ митрополіи и очутился въ тяжеломъ положеніи, такъ что приходилось кругомъ должать, и даже разъ попасть въ тюрьму за неплатежъ по обязательствамъ. Къ нему то константинопольскіе старообрядцы и направили бѣлокриницкихъ делегатовъ. Сначала Амвросій отказался отъ предложеній Павла, но тотъ съ свойственнымъ ему умѣніемъ и краснорѣчіемъ развернулъ предъ тѣмъ завлекательную кар-

тину тихой и вполнѣ независимой жизни „первосвятителя всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“, которая ожидаетъ утомленнаго прежними треволненіями владыку, документально доказалъ ему всю законность ихъ желанія, санкціонированнаго австрійскимъ правительствомъ, указалъ на горести старообрядчества, горячо преданнаго религіи своихъ отцовъ, но лишеннаго возмо́жности открыто служить ей, и, наконецъ, склонилъ на свою сторону сына Амвросія, имѣвшаго немалое вліяніе на своего отца, подписавшаго послѣ долгихъ колебаній слѣдующее условіе.

„Я, митрополитъ Амвросій, не желая далѣе провождать жизнь свою праздно, и не по нуждѣ, и не по какой страсти, но по истой совѣсти согласился съ депутатами Бѣлокриницкаго монастыря Алимпіемъ Милорадовымъ и Павломъ Васильевымъ, согласно данному всевысочайшему указу, и во исполненіе глаголъ Іисуса Христа изреченныхъ въ притчѣ духовномъ производствѣ: „кунію дайте дондеже пріиду и по мине вжигаютъ свѣтильникъ и поставляютъ его подъ спудо́мъ“, заблагоизволилъ поступить въ старовѣрскую религію, въ сущемъ званіи митрополита надъ всѣми духовными лицами и мірскими людьми, состоящими въ оной религіи, верховнымъ пастыремъ и притомъ обязуюсь, по прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь, учиня церко́вное присоединеніе, согласно правиламъ святыхъ отецъ и, неотлагательно поставить тамъ себѣ въ намѣстники другого архіерея, такъ какъ дозволено имъ высочайшимъ указомъ“.

Алимпій и Павелъ отвѣтили Амвросію слѣдующимъ контръобязательствомъ:

„Обязуемся по данному намъ отъ монастыря довѣрію, по прибытіи его высокопреосвяще́нства господина митрополита Амвросія въ Бѣлокриницкій монастырь, содержать его на всемъ монастырскомъ иждивеніи, во всякомъ спокойствіи и удовлетвореніи во всю его жизнь, съ тѣмъ, чтобы его высокопреосвященство долженъ у насъ все законно исполнять по правиламъ св. отецъ, согласно монастырскаго устава безъ нарушенія“. Переѣздъ Амвросія въ Австрію былъ обставленъ большимъ секретомъ, и только послѣ аудіенціи, умилостивъ къ себѣ императора, новый енископъ отрѣшился отъ своего

инкогнито и 12 октября 1848 г. состоялся его торжественный въѣздъ въ Бѣлую Криницу; а спустя двѣ недѣли и чинопріятіе Амвросія, относительно котораго было не мало пререканій между бѣлокриницкими отцами, порѣшившими на второмъ чинѣ, т. е. „перемазаніи". Амвросій согласился и на это, оговорившись только, что дескать „изволѣ на ваше предложеніе, только съ тѣмъ, да будетъ свидѣтель Богъ, если состоитъ въ этомъ какой грѣхъ, да будетъ на васъ, а я чистъ отъ такового".

Дѣятельность Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ продолжалась всего два года; успѣлъ онъ за это время поставить двухъ епископовъ да нѣсколько священниковъ.

Австрійское вмѣшательство въ домашнія отношенія между русскою церковью и ея непокорными дѣтьми, не на шутку испугали нашихъ политиковъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и доморощенныхъ. Въ извѣстной запискѣ казеннаго изслѣдователя раскола Надеждина, относящейся къ 1846 г. и вовсе не подлежавшей оглашенію, опредѣленно высказывается опасеніе касательно сорока тысячъ зарубежныхъ раскольниковъ, что „масса эта, безпрерывно подновляемая свѣжими выходцами изъ отечества, вообще питаетъ горячую любовь къ землѣ Русской, но преисполнена непріязненныхъ чувствъ къ порядку вещей, существующему въ Россіи, а потому и къ правительству, которымъ этотъ порядокъ введенъ и поддерживается. При бывшемъ доселѣ положеніи дѣлъ, все это не могло бы еще возбуждать слишкомъ важныхъ опасеній, прямо относящихся къ существеннымъ интересамъ Россіи. Но въ настоящее время, формальное учрежденіе раскольничьей епископской каѳедры въ Буковинѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны русскаго правительства. За границею раскольничье епископство будетъ важно тѣмъ, что массу поповщинцевъ соединитъ еще ближе и свяжетъ еще тѣснѣе. Что Австрія, во владѣніяхъ и подъ покровительствомъ которой учреждается епископская каѳедра, преумножила свое политическое вліяніе, въ особенности на Молдавію, гдѣ раскольники поповщинцы составляютъ значительную долю въ общественномъ составѣ населенія, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ отношеніи же собственно къ Россіи, опасности, могущія произойти отъ рас-

кольничьяго архіерея, водвореннаго за границею, пока еще вполнѣ немыслимы. Видно, однако, уже и теперь нѣтъ. Одно лишь пока извѣстіе о началѣ дѣла, распространяясь всюду по имперіи, производитъ уже волненіе въ раскольникахъ и не только въ поповщинѣ, но даже и въ нѣкоторыхъ безпоповщинцахъ.

„Будетъ-ли это или не будетъ въ самомъ дѣлѣ, но, дѣйствительно, многіе богачи похваляются, что какъ скоро явится въ Буковинѣ ожидаемый архіерей, то они немедленно переносятся туда со всѣми своими капиталами. Затѣмъ, появленіе архіерея непремѣнно должно наводнить Россію раскольничьими попами, къ истребленію которыхъ правительство принимаетъ нынѣ столь дѣятельныя мѣры. Во всякомъ случаѣ, пока еще нѣтъ дѣйствительнаго епископа, не хорошо уже и то, что масса народа грубаго и невѣжественнаго волнуется мыслями и надеждами, тѣмъ болѣе вредными, что совершенія ихъ люди русскіе пріучаются ожидать внѣ предѣловъ отечества“.

Въ 1848 году, когда окончательно выяснилась дѣятельность Бѣлокриницкаго монастыря, императоръ Николай Первый, видимо, иначе думавшій, чѣмъ его любимецъ Бенкендорфъ, положилъ слѣдующую резолюцію: „Сообщить г. Нессельроду (министру иностранныхъ дѣлъ), чтобы повторилъ мое рѣшительное требованіе австрійскому правительству, чтобы мнимый монастырь былъ немедленно закрытъ, а самозванецъ епископъ высланъ, какъ бродяга и объявить австрійскому правительству, что ежели Я не получу скораго удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, Я вынужденъ буду прибѣгнуть къ инымъ, Мнѣ крайне прискорбнымъ мѣрамъ“.

Подошелъ тяжелый въ исторіи Австріи 1848 г., вспыхнуло венгерское возстаніе, грозившее разнести на куски разноплеменную монархію Габсбурговъ, уцѣлѣвшую исключительно благодаря штыкамъ графа Паскевича, и правительство только что вступившаго на престолъ юнаго монарха Франца-Іосифа, рѣшило оказать любезность императору Николаю, крайне боявшагося, чтобы Бѣлая-Криница не вмѣшалась бы въ распорядокъ многихъ сотенъ тысячъ его старообрядческихъ подданныхъ.

Къ Бѣлокриницкому монастырю оказалось возможнымъ предъявить обвиненіе въ самовольныхъ сношеніяхъ съ бѣглыми изъ Россіи священниками и монахами и пристано держательствѣ. Въ декабрѣ того же года Амвросій былъ вызванъ въ Вѣну, а оттуда отправленъ подъ надзоръ полиціи въ городъ Цилль.

Бѣлокриницкій монастырь снова вызвала къ жизни вскорѣ объявленная австрійская конституція, и послѣдовалъ цѣлый рядъ архіерейскихъ поставленій, уже безъ содѣйствія Амвросія. Въ Браиловъ былъ назначенъ епископъ Онуфрій, русскіе старообрядцы получили Софронія симбирскаго, Аркадій — отправился въ Турцію, Алимпій—въ Тульчу.

Бѣлокриницкая іерархія стала фактомъ, неоспоримымъ явленіемъ, опровергать законность котораго серьезныхъ попытокъ оказано въ дальнѣйшемъ не было.

Въ Россіи число послѣдователей такъ называемаго „австрійскаго согласія“ достигло весьма внушительной цифры, ясно показавъ, насколько сильно въ вѣрующемъ народѣ стремленіе къ церкви съ функціонирующею іерархіею. Одна за другой пооткрывались епархіи: Саратовская, Пермская, Казанская, Кавказская, Коломенская, Балтская и др.

„Австрійское согласіе“, какъ и прочія развѣтвленія раскола, тоже не выдержало единства направленія, и дало дальнѣйшее дробленіе—общую суровую долю нашего религіознаго протеста, лишеннаго однообразія идеи и ясности поставленной задачи.

„Бѣлокриница“ раздвоилась, благодаря новому теченію, внесенному въ нее Илларіономъ Егоровичемъ Кабановымъ, болѣе извѣстнымъ своимъ литературнымъ метонимомъ Ксеноса. Ксеносъ, человѣкъ, одаренный крупнымъ даромъ критическаго отношенія къ окружающему, лично склонялся къ убѣжденіямъ дьяконовскаго толка, т. е., стало быть, придерживался умѣренныхъ взглядовъ, давно уже мечтая корректировать старообрядство путемъ возможнаго смягченія въ немъ тенденцій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ безпоповскимъ увлеченіямъ. Въ 1862 г. Ксеносъ, въ бытность свою въ Москвѣ, свидѣлся съ Бѣлокриницкимъ намѣстникомъ Онуфріемъ и повѣдалъ тому о своихъ мысляхъ и получилъ отъ него порученіе

составить „Окружное посланіе“ къ членамъ австрійскаго согласія, которое 27 февраля того же года и было издано за подписью Онуфрія, Пафнутія Казанскаго, Варлаама Балтскаго и Антонія Владимірскаго.

„Посланіе“ изложено въ 10 пунктахъ.

Въ немъ указывается, во-первыхъ, что, „Святая православно-каѳолическая церковь и священство вкупѣ съ приношеніемъ безкровныя жертвы требуетъ до скончанія вѣка и до дне судняго, по не ложному обѣтованію Господнѣ, яко же глаголетъ Самъ пречистыми своими усты: „на семъ кемени созижду церковь мою и врата адова не одолѣютъ ее, и яко же Христосъ не умираетъ, тако и священство его по чину Мельхиседекову не престанетъ“.

Второй пунктъ соглашался съ тѣмъ, что „господствующая нынѣ въ Россіи церковь, а равно и греческая, вѣруетъ не въ иного Бога, но во единаго съ нами, Творца небу и земли; исповѣдуетъ и плотьское смотрѣніе Христово, во искупленіе рода человѣческаго содѣянное; почитаетъ и честная праздники владычни, вкупѣ съ нами, не провидѣніемъ, но дѣятельнѣ. Покланяется святымъ иконамъ древняго изображенія съ надписаніемъ имене Христова Ісусъ Христосъ. Лобызаетъ честный гвоздь и хитонъ Христовъ, святыя и чудотворныя иконы и святыхъ угодниковъ Божіихъ Мощи. И сими всѣми явственно доказуется, яко во единаго и того же вѣруетъ Бога единаго и того же съ нами исповѣдуетъ Христа. И таковаго ради вѣрованія ея, Крещеніе, совершаемое отъ нея въ три погруженія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и Хиротонія на основаніи Священныхъ правилъ и Святоотеческихъ событій *пріемлется безъ повтореній.*

Но „попущеніемъ Божіимъ, чрезъ Никона, патріарха бывшаго, древле-церковная преданія измѣнившаяся и въ послѣдствіи соборомъ 1667 года ужаснѣйшая клятва и анаѳема на содержащихъ свято-церковныя преданія произнесеся и строгое гоненіе и преслѣдованіе воздвижеся съ мученіемъ“.

...„Сихъ ради совѣсть наша не допущаетъ насъ быти въ подчиненіи пастыремъ тоя церкве, иже, къ крайнему сожалѣнію здравомыслящихъ, не обращаютъ должнаго вниманія на исправленіе своихъ полемическихъ книгъ, и не уничтожаютъ

означенныхъ жестокословныхъ порицаній, порицаній отвратительныхъ, благочестивому слуху не вмѣстимыхъ и Христіанскимъ пастыремъ отнюдь не свойственныхъ. Аще же нѣкогда, благодатію Божіею озарившеся, отложатъ вышеупомянутая порицанія и соборнѣ оставять свои новодогматствованія, а Святую старожитность возлюбятъ и пріимутъ, и порученнымъ себѣ хранити ю повелятъ, и начнутъ послѣдовати всѣмъ древлецерковнымъ преданіямъ неизмѣнно, и устроится церковь въ таковой точности догматовъ и преданій, якоже бяше отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра и до лѣтъ Никона бывшаго патріарха, тогда вамъ сего предѣла въ ровенникъ обратится, и единымъ къ другимъ прихожденіе учинятъ сердца, и мы, безъ всякаго увѣщанія человѣческаго пойдемъ ко общенію ея, а донынѣже пребываютъ соблазны и преткновенія, возмущающія совѣсть нашу, то мы не можемъ, вопреки ученію древле-православныя церкве, и вопреки убѣжденію своея совѣсти, послѣдовати новоизложеннымъ догматамъ и преданія. И сего ради нѣсмы раскольницы и раздорницы, но чада единая, Святыя Соборныя, Апостольскія, Древле-православно-каѳолическія церкве...

„Объявивше убо свое исповѣданіе и священное желаніе, засвидѣтельствуемъ предъ Всевидящимъ Богомъ: яко же удаляемся отъ порицающихъ древле-церковная преданія, тако не общаемся и хуламъ безпоповскимъ, и молимъ живущаго въ вышнихъ Единаго безначальнаго царя Славы, да послужитъ сіе образцемъ ученымъ, пастыремъ господствующей нынѣ въ Россіи церкве яко да и тіи обратятъ должное вниманіе о вышепредложенныхъ жестокословныхъ порицаніяхъ, отъ предмѣстниковъ ихъ сочиненныхъ и въ свѣтъ изданныхъ".

Третій пунктъ посвященъ защитѣ общаго старообрядческаго догмата „о святѣйшемъ и поклоняемомъ Христовѣ имени", причемъ вся „погрѣшность никоніанъ заключается только въ приложеніи къ имени Іс, единой гласной буквы".

Въ четвертомъ говорится „о честномъ и животворящемъ Крестѣ", правильно изображать который надлежитъ въ трехсоставномъ видѣ „но идѣже аще по случаю начертанъ, или сложенъ, есть видъ креста †, и той не обезчестимъ и не ху-

лимъ, но, по завѣщанію Святыхъ Отецъ отъ всякаго поруганія тщимся сохранити, елика сила".

Признанію богоносности Евхаристіи отведена пятая главка, указывая, что „таковымъ продерзателямъ (безпоповцамъ) затыкаютъ уста Восточніи учители. Ругательство, наводимое ими на Таинства, совершаемая по древле-церковному преданію, въ нашей православно-каѳолической церкви, зѣло богохульно и душепагубно есть. Сихъ ради винъ завѣщаемъ Православнымъ Христіанамъ зловреднаго ученія Безпоповскаго не слушати и вся сочиненія ихъ, направленная на истребленіе Церковныхъ Таинствъ и въ поруганіе святыни, не согласная Священному Писанію и церковному ученію, повелѣваемъ огнесожженію предавати".

Шестая часть „Посланія" рекомендуетъ приносить моленіе „о здравіи и о спасеніи, и о царстѣй побѣдѣ, иже отъ высочайшія и вседержащія Божія десницы поставленнаго и славою и честію вѣнчаннаго, Самодержавнѣйшаго и Богохранимаго Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя".

„Пока же вторицею завѣщеваемъ—напоминаетъ седьмой параграфъ цитируемаго нами высокоинтереснаго памятника, — и молимъ кровосказательныхъ ученій бѣгати и лжесоставленная сочиненія, несогласная сказанію и толкованію Святыхъ Отецъ, не пріимати отнюдь,—но отметати ю, и единомудрствовати вкупѣ со Святою Церковью единогласно и единомышленно, яко же Святіи Отцы предаша и научиша", что относится и къ вѣрованію „о пришествіи Святыхъ пророкъ Иліи и Еноха" (восьмой пунктъ) и къ „мудрствованію о антихристѣ" (девятый) и, наконецъ, въ заключительной, десятой части „Окружного посланія" пастыри „австрійскаго согласія",въ духѣ Ксеноса, констатируютъ, что „о днѣ и часѣ кончинѣ міра и втораго пришествія Господа Бога и Спаса Нашего, Іисуса Христа, никто же вѣсть *), ни Ангели небесніи, токмо Самъ той Единъ, тѣмже никому же отъ земнородныхъ о семъ вѣдати надлежитъ и испытословити отнюдь не подобаетъ по реченному: „вышнихъ тебе не ищи и крѣпчайшихъ тебе не испытуй", оканчивается „Посланіе" трогательнымъ призывомъ „хра-

*) Говорится въ противовѣсъ эсхатологическимъ теоріямъ.

нити вся заповѣди Божія и преданія церковная неизмѣнно, свято и нерушимо и удалятися всякихъ ересей и раздоровъ и иностранныхъ обычаевъ, имѣти между собою согласіе и единомысліе во всемъ, и миръ и любовь, яже есть союзъ совершенства, и еже себѣ не угодно инымъ не творити. Богъ же мира и отецъ щедротамъ, Богъ всякія утѣхи, собираяй расточенная и вселяяй единомысленная въ домъ свой, да соберетъ расточенная овци во ограду напоити своея, и да подастъ единодушіе и единомысліе всѣмъ православнымъ христіанамъ благодатію и человѣколюбіемъ своимъ, яко да будетъ едино стадо и единъ пастырь".

„Окружное посланіе" вызвало полнѣйшее недоумѣніе среди старообрядцевъ, въ чемъ же заключается различіе ихъ вѣрованій отъ догматики господствующей церкви. Посланіе завершило дѣло равненія старообрядчества вправо, непримѣтно вливаясь въ единовѣріе, создавая почву для новыхъ компромиссовъ, знаменующихъ собою полный упадокъ энтузіастическаго порыва. „Посланіемъ" старообрядчество сказало свое послѣднее слово, оглянулось на предшествующую исторію мученій своего духа и безсильно созналось въ шаткости своихъ лозунговъ, повисшихъ гдѣ-то въ пространствѣ. Старообрядчество не смогло побороть въ себѣ стремленіе къ формѣ, проникнуться духомъ, понять, что человѣчество — живой организмъ, съ взлетами мысли, порывающейся вонъ изъ-подъ давящаго ее церковнаго купола, что и внѣ его есть гдѣ отдохнуть истрепавшейся душѣ человѣческой. Отцы и вчинатели старообрядчества за двоеперстіемъ видѣли насущную реалію, въ сокращенномъ „Ісусѣ" для нихъ таилась симфонія проникновенія въ корень вещей, могильщики великаго раскола судорожно вцѣпились въ іоту закона, куда-то уходившаго, и, перебирая „лѣстовку", задушили въ себѣ живого Бога. Начавшись гнѣвнымъ рокотомъ въ кремлевскихъ палатахъ, просидѣвъ полтора столѣтія въ затхломъ подпольѣ „старая вѣра" окончательно одряхлѣла и оказалось рада-радешенька заполучить право доживать свой вѣкъ, право, пріобрѣтенное „Окружными посланіями", смиренными поклонами католическому „обливанцу" цезарю и мирнымъ успокоеніемъ на лонѣ единовѣрія.

Актъ „Окружнаго посланія" породилъ „окружниковъ" и

„неокружниковъ"; первые съ радостью вступили на мостъ перекинутый чрезъ двухвѣковую пучину раздора, вторые поколебались.—Ни тѣ ни другіе не выдвинули впередъ сколько-нибудь яркихъ личностей, не дали вплоть до нашихъ дней ни одного запоминаемаго эпизода. Мы можемъ насчитать съ десятокъ, другой „австрійскихъ" архіереевъ, сочиняющихъ обстоятельныя энциклики другъ къ другу, непрестанно полемизирующихъ, но вся ихъ работа не выходитъ изъ предѣловъ рѣшеній схоластическихъ задачъ. „Австрійское священство" пользуется заслуженною репутаціею благонамѣренности, стремившейся и достигнувшей открытаго существованія: Россія покрыта въ настоящее время сѣтью „австрійскихъ" епархій.

Единовѣріе.

Явленіе послѣдняго рода есть ничто иное, какъ послѣдовательно доведенная до конца практика принятія отъ синодальной церкви ея священства. Основныя положенія единовѣрія, обязанныя иниціативѣ представителей ново-православія, ведутъ свое начало отъ XVIII в. будучи впервые теоретизированы трудами новгородскаго митрополита Дмитрія Сѣченова и епископа псковскаго Гедеона Криновскаго, указавшихъ на полную цѣлесообразность и желательность, съ точки зрѣнія христіанской этики, нѣкоторыхъ уступокъ вожделѣніямъ старообрядцевъ; касающимся главнымъ образомъ обрядовой стороны религіи, относительно которой имѣются историческія указанія, что первохристіанская церковь не слишкомъ строго относилась къ различнымъ, такъ сказать, провинціализмамъ въ этой области, предпочитая установленіямъ спасеніе души.

Передовые іерархи православія отлично понимали, что клятва собора 1667 г. произнесена была вовсе не на обряды, а за нѣчто болѣе существенное, такъ что ужъ и относиться чрезмѣрно сурово къ соблюденію старообрядцами прежней обрядности, является жестокостью. Практически первый осуществилъ идею единовѣрія архіепископъ Никифоръ Ѳеотокій, крайне внимательно отнесшійся къ просьбѣ старообрядческаго населенія Елисаветградскаго уѣзда, представившихъ владыкѣ свое хода-

тайство, въ которомъ признавалась святость великороссійской церкви и ставилась на видъ вся желательность сохраненія старыхъ обрядовъ и книгъ „ради немощнѣйшихъ и недостаточно разсудительныхъ“.

Для нихъ то и построили церковь въ селѣ Знаменкѣ того же уѣзда, гдѣ богослуженіе совершались по старымъ порядкамъ, но православнымъ священникомъ. О своемъ поступкѣ преосвященный Никифоръ, письмомъ отъ 3 августа 1780 г., не замедлилъ оповѣстить Синодъ, предполагая вызвать сочувствіе своему начинанію, но вмѣсто этого встрѣтилъ молчаливое неодобреніе.

Продолжателемъ выступилъ извѣстный намъ уже противоперемазенецъ инокъ Никодимъ, имѣвшій возможность войти въ сношенія съ тогдашнимъ намѣстникомъ Малороссіи графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ. Благодаря его протекціи Никодимъ добрался до Петербурга, получилъ аудіенцію у императрицы Екатерины, и подалъ въ Синодъ, по довѣренности 1500 человѣкъ своихъ единомышленниковъ, проектъ возсоединенія съ господствующею церковью, и подчиненія особо поставленному надъ ними хорепископу „великороссійской породы“, непосредственно подчиненному одному только Синоду и поставляющему старообрядческое священство по указанію самыхъ прихожанъ. Условія эти показались непріемлемыми.

Послѣ нѣкоторыхъ другихъ частныхъ попытокъ, окончательную оформленность единовѣріе уже получило въ царствованіе Павла, утвердившаго 16 пунктовъ, при условіи соблюденія которыхъ часть старообрядцевъ изъявила согласіе присоединиться къ православію.

Пункты эти были таковы:

1) Дабы святѣйшій Синодъ разрѣшилъ прежденоложенныя клятвы на двоеперстныя сложеніе и другіе подобные сему обряды.

Резолюція митр. Платона. Отъ клятвъ, прежде на нихъ возложенныхъ разрѣшить: ибо хотя Церковь на нихъ оныя возложила праведно, что они и сами признаютъ, почитая ими себя связанныхъ и отъ оныхъ просятъ разрѣшенія, но какъ нынѣ они сближаются, или паче, соединяются съ Церковію, и истину ея, и таинства и священство ея признаютъ дѣйстви-

тельными, то и потребно сіе разрѣшеніе, и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема, подъ каковыми отторгающіеся еще отъ Церкви имѣютъ и впредь состоять праведно. А чтобы сіе разрѣшеніе было открытое и ихъ болѣе успокаивающее, то надъ каждымъ, принимаемымъ къ дозволяемымъ ими Церкви, прочесть епископу или пресвитеру съ возложеніемъ руки, слѣдующую разрѣшительную молитву: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію Своею и человѣколюбіемъ да разрѣшитъ тя, къ Церкви Святѣй обращающася, отъ всѣхъ клятвъ, имъ же отъ Церкви, отторженіемъ отъ нея, подвергся еси. И азъ, недостойный архіерей (или іерей) властію нынѣ отъ Него данною, разрѣшаю тя, раба Божія, отъ всѣхъ клятвъ и всѣхъ грѣховъ твоихъ, во Имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь".

2. Да соблаговолитъ ваше Высокопреосвященство избрать священниковъ, и діаконовъ, кои по собственному желанію согласятся быть въ старообрядчествѣ, и по желанію прихожанъ. Если же таковыхъ не окажется, то хиротоносать, по прежде печатаннымъ книгамъ, избранныхъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ и по согласію прихожанъ. Также священниковъ, уклонившихся въ старообрядчество донынѣ, если они окажутся безпорочны и явятся къ Вашему Высокопреосвященству съ истиннымъ смиреніемъ, таковыхъ разрѣшить и благословить отправлять службу Божію и требы христіанскія; отлучившіеся же таковые священники безъ воли своего епископа, впредь къ старообрядческимъ церквамъ принимаемы не будутъ.

Резолюція: вторую статью по всей ея силѣ, по снисхожденію, дозволить, но съ тѣмъ, чтобы опредѣлить вновь священниковъ по избраніи прихожанъ и по разсмотрѣнію и разсужденію епископа, а прежнихъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей Церкви, совѣсти и сана своего, къ таковой церкви не опредѣлять.

3. Дабы Святѣйшій Синодъ и Ваше Высокопреосвященство благословили старообрядческихъ священниковъ службу Божію, таинства и требы христіанскія совершать по прежде печатаннымъ книгамъ при Всероссійскихъ патріархахъ Іовѣ, Ермогенѣ,

Филаретѣ, Іосафѣ и Іоакимѣ, чему слѣдовать должны діаконы и церковнослужители.

Резолюція. Третью статью также дозволить, ибо хотя въ книгахъ, ими управляемыхъ, п находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ, и что пріобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе всего.

4. Церкви для старообрядцевъ освятить Вашему Высокопреосвященству по старопечатнымъ книгамъ, или по благословенію Вашего Высокопреосвященства, старообрядческимъ священникамъ; и да будутъ антиминсы, освященные при вышепоименованныхъ патріархахъ, или вновь освящены будутъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ по старопечатнымъ книгамъ и изображены такъ, какъ показано въ старопечатномъ потребникѣ.

Резолюція. На четвертую статью можно преподать согласіе.

5. Старообрядческихъ священниковъ не требовать въ Грекороссійскую Церковь къ Соборнымъ моленіямъ, какъ-то: въ крестные ходы и тому подобное, а отправлять имъ по благословенію Вашего Высокопреосвященства въ Церквахъ старообрядческихъ оныя соборныя моленія; также не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персты, брады бріющихъ, и прочія имѣющія несогласія съ древними обыкновеніями, выключая Высочайшихъ Особъ. Старообрядцамъ хотя и незаписнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Грекороссійскія Церкви, таковымъ не возбранить присоединиться къ церкви старообрядческой.

Резолюція. Также.—Но что надлежитъ до недопущенія ими въ церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно, а предоставить сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ священниковъ съ наставленіемъ епископа. А чтобы не возбранять присоединяться къ Церкви, ими просимой, и другимъ незаписнымъ, но издавна уклонившимся отъ сообщества Грекороссійской Церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что онъ никогда дотолѣ въ Церковь Православную не ходилъ, и таинства ея не принималъ, и то, нашедши его та-

ковымъ, при принятіи къ Церкви, прочесть надъ нимъ вышеписанную разрѣшительную молитву. А въ Церкви нашей Православной бывшихъ, никакъ до таковаго присоединенія не допускать.

6. Старообрядческимъ священникамъ и пріемлющимъ сіе священство старообрядцамъ по духовнымъ дѣламъ быть подъ судомъ и въ полномъ вѣдѣніи у Вашего Высокопреосвященства; по дѣламъ же принадлежащимъ до старообрядцевъ, благоволите чинить разбирательство и сужденіе чрезъ старообрядческихъ священниковъ, выключая таковыхъ дѣлъ, кои требуютъ законнаго слѣдствія, но въ чемъ надлежитъ онымъ священникамъ относиться къ Святѣйшему Синоду и Вашему Преосвященству, на то имѣть особаго письмоводителя, съ произвожденіемъ платы отъ общества старообрядческаго.

Резолюція. Шестую статью можно принять.

7. Старообрядческіе священники да будутъ снабжены Св. мνромъ отъ Вашего Высокопреосвященства.

Резолюція. Пріемлется.

8. Старообрядческихъ священниковъ не принуждать исповѣдь имѣть, кромѣ старообрядческихъ же священниковъ.

Резолюція. Оставить сіе каждому священнику на совѣсть.

9. Благоволите Ваше Высокопреосвященство благословлять старообрядческихъ священниковъ и старообрядцевъ, слагая два перста, по обыкновенію, древле бывшему въ Россіи.

Резолюція. Сіе предоставить благоразумію и совѣсти каждаго епископа, однако предохраняя другихъ отъ соблазна.

10. Священнодѣйствія, донынѣ старообрядческими священниками учиненныя, какъ-то: крещеніе, бракосочетаніе, молитвословіе, монашество (если къ сему не окажется со стороны свѣтскаго правительства препятствія) и другія требы христіанскія, да будутъ оставлены въ существенной ихъ силѣ и не повторять оныя, развѣ только окажется каковой-либо изъ оныхъ старообрядческихъ священниковъ, бывшихъ до нынѣ самозванецъ или правильно изверженный, священнодѣйствія оныя совершалъ. Также и старообрядческіе священники, опредѣляемые нынѣ къ старообрядческимъ церквамъ, не долженствуютъ поправлять пріемлемыя старообрядцами отъ Грекороссійскія Церкви священная тайна, какъ-то: хиротонія, крещеніе, миро-

помазаніе, бракъ и проч., но принимать оныя въ дѣйствительной ихъ силѣ.

Резолюція. Пріемлется.

11. Если кто изъ сыновъ Грекороссійскія церкви пожелаетъ пріобщиться св. Таинъ отъ старообрядческаго священника, таковому не возбранять. Равно же, если и старообрядецъ пожелаетъ пріобщаться св. Таинъ въ Грекороссійской Церкви, не возбранять оному.

Резолюція. По сей статьѣ, сынъ Православной Грекороссійской Церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе, развѣ то въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣ бъ не случилось найти православнаго священника, и Церкви, а старообрядцу дозволять то безъ всякаго затрудненія.

12. Если учинитъ старообрядческій священникъ преступленіе, достойное изверженія, таковый предоставляется суду Вашего Высокопреосвященства.

А если жъ въ таковой винѣ окажется, за которую только временно долженъ понести наказаніе, таковой эпитимійствуется при церквахъ старообрядческихъ по разсужденію Вашего Высокопреосвященства.

Резолюція. Пріемлется.

13. При старообрядческихъ церквахъ имѣть троечастныя книги. Но во время святыхъ постовъ, если кто изъ старообрядцевъ, по каковымъ-либо встрѣтившимся обстоятельствамъ, на исповѣди, и у причастія святыхъ Таинъ не будетъ, таковыхъ, ко взысканію съ нихъ штрафныхъ денегъ не выписывать, и о томъ никуда не представлять, но да судятъ о томъ духовные ихъ отцы по священнымъ правиламъ. Еслижъ кто по нерадѣнію, или пренебреженію, или другимъ незаконнымъ причинамъ, уклоняться будетъ отъ оныя Святыни, таковыхъ записывать въ особыя книги и наказывать эпитиміею, и другими духовными исправленіями.

Резолюція. Хотя на сію статью и можно согласиться, но какъ деньги штрафныя собираются въ казну, то сіе зависитъ отъ благоусмотрѣнія Святѣйшаго Синода. А ежели бъ и всѣ православные отъ онаго денежнаго штрафа были освобождены, а наказываемы бы они были за духовное преступленіе

духовными эпитиміями, сіе бы сходственнѣе было съ духовнымъ прегрѣшеніемъ.

14. Еслижъ случится быть браку, состоящемуся одной половинѣ Грекороссійской Церкви, а другой старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію или въ Грекороссійской Церкви или Старообрядческой:

Резолюція. Сію статью принять можно.

15. Священники старообрядческіе во всѣхъ случаяхъ имѣютъ приносить моленіе о Высочайшемъ здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества, Супруги Его Императорскаго Величества, Наслѣдника Его, всей Высочайшей фамиліи, и прочихъ кого слѣдуетъ, по данной отъ Святѣйшаго Синода формѣ.

Резолюція. Сіе необходимо потребно.

16. Распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для Богослуженія, ибо таковая обостренная разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, что вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сынове Грекороссійскія Церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единая Святыя, Соборныя и Апостольскія Церкви.

Резолюція. Требованіе благое и достойное, чтобъ оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности.

Къ пунктамъ митрополитъ прибавилъ, что „по таковомъ взаимномъ всего вышеписаннаго принятіи и согласіи, таковыхъ пріемшихъ и согласившихся и получившихъ на вышеписанномъ основаніи церковь, не называть болѣе раскольниками или старообрядцами, ибо въ Церкви ничего новаго нѣтъ, и нѣтъ новообрядцевъ, а называть соединенцами или единовѣрцами, на что они, особливо на послѣднее, по предложенію моему и согласными быть оказываются, а потому и Церковь ихъ имѣетъ называться единовѣрческою, а въ упорствѣ и въ отторженіи отъ Церкви пребывающіе да остаются при прежнемъ ихъ наименованіи раскольниками. При дозволеніи просителямъ Церкви потребно быть судится провозгласить, что несчастливый расколъ, отъ чего произошелъ и когда, сіе извѣстно изъ многихъ изданныхъ о томъ книгъ. Церковь все тщаніе и ревность прилагала къ приведенію на путь истины отторгшихся отъ нея, и для того изданы многія книги, въ

коихъ явственно и доказательно показано, и заблужденіе отторгшихся, и погрѣшности отъ нерадѣнія и невѣжества взошедшія въ прежнія церковныя книги, и какъ сходственно съ греческими и славянскими книгами, оныя погрѣшности исправлены, и что таковымъ образомъ исправленныя книги въ нашей Церкви Православной употребляются, и хотя и нынѣ не можетъ быть о всемъ томъ иныя Церкви мысль, развѣ каковая Ею доселѣ за истину признана и признается, однако Церковь яко мать сердобольная, не видя въ обращеніи отторгшихся отъ Нея великаго успѣха (хотя нѣкоторые Богомъ просвѣщенные и совершенно соединяются съ Нею) разсудила за благо учинить таковымъ, въ невѣденіи погрѣшающимъ, нѣкоторое снисхожденіе, однако безъ соблазна правовѣрныхъ, особливо разсуждая ихъ прошеніе, которое довольнымъ образомъ ихъ съ Церковію сближаетъ, или паче соединяетъ, слѣдуя примѣру Апостольскому, иже немощнымъ бысть, аки немощенъ, и дабы возымѣть благую надежду, что таковые со временемъ Богомъ, просвѣтятся, и ни въ чемъ въ нерадиствующее съ Церковію пріидутъ согласіе. Сіе почитается нужнымъ, дабы всѣмъ вѣдомо было, по какой винѣ Церковь нынѣ таковое имъ чинитъ снисхожденіе и дабы развратные не протолковали, аки бы Святая Церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину познали, какъ то нѣкоторые дерзаютъ и мыслить и говорить".

Крупные успѣхи сдѣлало единовѣріе, въ смыслѣ увеличенія своихъ членовъ, въ богатое репрессіями время императора Николая Перваго. Въ 1851 г. насчитывалось уже 179 единовѣрческихъ церквей, поддался даже Иргизъ. Но насколько искренно было такое массовое перехожденіе въ единовѣріе—это вопросъ другой. Въ Москвѣ, напримѣръ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей единовѣрія явился новый законъ о торговлѣ раскольниковъ на временномъ правѣ. Раскольничій міръ, по преимуществу принадлежащій къ коммерціи, не на шутку струсилъ такого мѣропріятія, и цифра прозелитовъ единовѣрія быстро поднялась, но съ отмѣною затѣмъ этого неудобнаго для старообрядцевъ правила, можно замѣтить обратный отливъ въ расколъ. Въ 1854 г. единовѣріе перекинулось и на Преображенское кладбище. Зашаталась старая твердыня раскола. Освященіе единовѣрческой церкви сопровождалась пышною церемоніею. А въ

1866 г. вся мужская половина кладбища обратилась въ единовѣрческій монастырь. Въ Иргизѣ единовѣріе было насаждено при непосредственномъ участіи властей, высшихъ и низшихъ, полиціи, благодаря тому, что иноки нѣкоторыхъ монастырей оказали сопротивленіе, которое и было окончально сломлено лишь послѣ категорическаго повелѣнія Императора Николая. Въ Москвѣ центромъ единовѣрія сдѣлался Никольскій монастырь, сыгравшій крупную роль агитатора единовѣрія. Большой подрывъ „австрійщинѣ" оказало единовѣріе, заполучивъ въ свою среду цѣлый рядъ епископовъ и священниковъ „бѣлокриницкой іерархіи".

Изъ безпоповщины перешелъ на сторону единовѣрія извѣстный ѳедосѣевецъ инокъ Павелъ Прусскій, организовавшій въ Пруссіи типографію для печатанія безпоповщинской литературы. Долго работалъ Павелъ въ рядахъ безпоповства, но произошелъ въ его душѣ тяжелый переломъ и стало меньше однимъ крупнымъ и убѣжденнымъ защитникомъ крайнихъ доктринъ старообрядчества, съ теченіемъ времени все болѣе приближающагося къ единовѣрію, этому типичному „октябризму" раскола, со всею его половинчатостью и слабостью отчетливаго пониманія вещей. Павелъ Прусскій внесъ не малое смущеніе въ среду раскольниковъ своимъ присоединеніемъ къ единовѣрію, сразу получившему въ глазахъ старообрядцевъ большой вѣсъ. Отступивъ отъ раскола Павелъ дѣятельно сталъ бороться съ строго-старообрядческими взглядами, и, благодаря своему крупному проповѣдническому дару, оказалъ единовѣрію существенную услугу. Благодаря его же вліянію изъ за-границы было перенесено въ Россію изданіе журнала „Истина", явившагося теперь выразителемъ идей единовѣрія.

Быстрые успѣхи единовѣрія въ значительной степени объясняются тою ролью тихой пристани, спокойною отъ всѣхъ треволненій, которой такъ жаждали старообрядцы, порядкомъ таки утомившіеся постоянною необходимостью быть „на чеку". Единовѣріе не безъ основанія сулило возможность легализироваться, и цѣною нѣкоторыхъ уступокъ добиться безпрепятственнаго существованія внѣ подполья, куда милліоны русскихъ людей были загнаны въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ, благодаря узкой политикѣ синодальной церкви.

Мелкія развѣтвленія старообрядчества.

„Нѣтовщина“ или „Спасово согласіе“—безпоповщинскій толкъ очень стараго происхожденія, развившійся изъ догмы нѣкоего крестьянина Козьмы, дѣйствовавшаго при св. Димитріи Ростовскомъ и учившаго, что вслѣдствіе наступленія на землѣ царства антихриста всякая борьба съ міровымъ зломъ является для человѣка непосильною, и потому приходится всю надежду возлагать на одного „Спаса, который вѣдаетъ, какъ насъ, бѣдныхъ спасти“.

Въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи „нѣтовщина“ разбилась на двѣ части: болѣе умѣренные—„отрицанцы“—принимаютъ вновь приходящихъ при условіи отрицанія тѣми своей прежней „ереси“, а болѣе упорный элементъ—„глухая нѣтовщина“—отказался цѣликомъ отъ всякой церковности, замѣнивъ ея обрядность приношеніемъ такъ называемаго „скитскаго покаянія“, заимствованнаго изъ наставленія, даннаго яко бы апостоломъ Павломъ Діонисію Ареопагиту. Исповѣдь обязательно совершается наединѣ предъ образомъ Спасителя, охотнѣе всего гдѣ-нибуль въ глуши лѣсной, при чемъ проливаются обильныя слезы; путемъ такого психологическаго облегченія себя отъ накопившагося бремени заботъ и прегрѣшеній, „нѣтовцы“ получаютъ невидимое причащеніе.

„Нѣтовщина“ представляется носительницею принципа аскетизма, и притомъ мрачнаго. Не говоря уже о томъ, что ея ученіе нетерпимо относится къ браку, приходится констатировать, что среди „нѣтовцевъ“ долгое время были сильно распространены случаи самоубійствъ, какъ единичныхъ, такъ и массовыхъ, чаще всего самосожженіемъ. Естественно, что ученіе, признававшее желательнымъ для своихъ послѣдователей такое мужество, не могло найти себѣ особенно многочисленный кадръ, не идя въ этомъ отношеніи въ сравненіи съ разбиравшимися уже у насъ старообрядческими толками.

Если „нѣтовцы“ единственно цѣлесообразнымъ способомъ очищенія себя отъ „прелести антихриста“ считаютъ усиленное слезное покаяніе, то нѣсколько смягченное отраженіе

этого пункта „нѣтовщинской“ догматики находимъ среди другой отрасли безпоповщины—именно въ „рябиновщинѣ“, довольствующейся одною молитвою, но, конечно, горячею. Названіе свое „рябиновцы“ получили на основаніи своей вѣры въ церковное преданіе, что кресгъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель, состоялъ изъ трехъ родовъ древесныхъ породъ—кипариса, кедра и певга, почему и поклоняться можно только именно такому кресту. Но за отсутствіемъ въ нашей флорѣ подобныхъ экземпляровъ дендрологическаго міра, „рябиновцы“ названіе певга переносятъ на рябину. „Рябиновцы“—довольно оригинальнаго мнѣнія относительно иконопоклоненія, признавая только такіе образа, на которыхъ изображены исключительно святыя лица и на этомъ основаніи отвергаютъ, напримѣръ, икону „Входа Спасителя въ Іерусалимъ“, гдѣ, какъ извѣстно, есть оселъ.

На своеобразности обрядовыхъ деталей зиждется и толкъ *„лучинковцевъ“*, вмѣсто свѣчей при богослуженіи употребляющихъ лучину: чѣмъ больше та коптитъ, тѣмъ держащій ее угоднѣе Богу. „Лучинковцы“ выводятъ свое ученіе объ отрицаніи церковности изъ словъ пророка Даніила: „Мы умалены, Господи, паче всѣхъ народовъ и унижены нынѣ на всей землѣ за грѣхи наши, нѣтъ у насъ ни князя, ни пророка, ни всесожженія, ни жертвы, ни ѳиміама, ни мѣста, чтобы намъ принести жертву Тебѣ и обрѣсть милость Твою“. Антихристъ наложилъ свою печать на всѣ предметы богослужебнаго обихода, одна лучина осталась внѣ его воздѣйствія.

Нѣсколько большимъ вліяніемъ пользуется *„Дюбушкино согласіе“*, хотя оно возникло всего лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, зародившись среди извѣстной части безпоповщины, сочувствующей такъ называемому конкубинату, т. е. брачному сожительству, не скрѣпленному участіемъ церкви и вообще какихъ-либо договорныхъ формъ. Въ данномъ случаѣ согласіе это довольно остроумно пытается разрѣшить скользкую для безпоповщины проблему продолженія рода человѣческаго, дозволяя сожительство мужчины и женщины безъ благословенія священнаго лица, въ надеждѣ, что въ загробной жизни проступокъ этотъ будетъ прощенъ и бракъ утвержденъ

властью верховнаго священнослужителя Господа Іисуса Христа.

Связующимъ всѣхъ людей ферментомъ, на которомъ должна развиваться вся сложная схема человѣческой жизни, „Любушкино согласіе“ считаетъ любовь, но, разумѣется, уже идейную, чуждую физическихъ вожделѣній, любовь, отстраняющую всѣ другіе инстинкты.

Почти одновременно съ „Любушкинымъ согласіемъ“ безпоповщина выдѣлила изъ себя „*немоляковъ*“, вставшихъ на совершенно противоположную приверженности старой обрядности точку зрѣнія. Донской казакъ Зиминъ, сосланный на Кавказъ въ 1837 г., предвосхитилъ мысль Льва Толстого о духовной молитвѣ, непосредственно исходящей изъ теплаго настроенія.

„Немоляки“ создали свою собственную хронологію міровой жизни, раздѣленной—по ихъ воззрѣніямъ—на четыре періода: первый отъ сотворенія міра до Моисея—это весна, вѣкъ праотеческій; отъ Моисея до Іисуса Христа—лѣто, вѣкъ Отеческій; отъ Рождества Христова до 1666 г.—осень, вѣкъ Сыновній, а съ 1666 г.—зима и вѣкъ Св. Духа,—значитъ, и жить теперь надо духомъ, а не плотью. Исходя изъ такихъ убѣжденій „немоляки“ всѣ событія Св. Писанія понимаютъ духовно, т. е. усваивая всѣ элементы чисто сектантскаго мышленія, столь близкаго, въ сущности, значительной части безпоповщины вообще, что особенно ярко сказывается въ сужденіяхъ „немоляковъ“ объ истинной молитвѣ, которая „не въ протяженіи рукъ и предстояніи тѣлеси и языкомъ зрящимъ видится, но во умномъ поученіи и ума дѣланіи, Божьей памяти, прилежнымъ умиленіи разумѣвается“.

Безпоповщина являетъ собою любопытный примѣръ чисто лихорадочнаго метанія религіозной теоріи и практики изъ стороны въ сторону, отъ буквоѣдства къ полному отверженію послѣдняго. Ѳедосѣевщина, напримѣръ, съ натяжкою признавала законнымъ бракъ двухъ лицъ, заключенный въ православной церкви еще до перехода ихъ въ согласіе и не расторгала его. Но сряду же нашлись „отцы“, узрѣвшіе въ этомъ „поруху вѣрѣ“ и одинъ изъ таковыхъ, петербургскій купецъ Василій Аристовъ, оттянулъ къ себѣ группу лицъ, ставшихъ ядромъ новаго толка—

„аристовскаго“ или *„адамантоваго“*, т. е. крѣпкаго. Аристовъ былъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ сочиненій Никиты Спицына—„пагубнаго источника всѣхъ зломудрій по предмету брачной тайны“. Аристовъ въ вопросѣ о бракѣ всталъ на сторону, такъ сказать, отдѣленія религіи отъ соціальныхъ условій быта, представляя вопросъ объ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ субъективному рѣшенію каждаго заинтересованнаго въ томъ лица.

Нѣсколько другихъ антицерковныхъ согласій, вытекшихъ въ свое время изъ безпоповщины, теперь впитали въ себя всѣ черты или „евангелическаго“ или „духовнаго“ христіанства, почему и разсматривать ихъ правильнѣе будетъ именно въ связи съ явленіями раціонально-мистическаго сектантства, что мы и сдѣлаемъ.

II.

Духовно-евангелическое христіанство. Секты мистико-раціоналистическія.

1. Земля трепещетъ и, сверкая,
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ гремитъ, взывая:
Израиль! Мой народъ, внимай!
Израиль! ты мнѣ строишь храмы,
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.

2. Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной любви.

3. Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Къ чему мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ небо, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой.

4. Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему куренья? Предо мною
Земля со всѣхъ своихъ концовъ
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.

5. Твой скуденъ даръ. Есть даръ безцѣнный,
Даръ, нужный Богу твоему,
Ты съ нимъ явись, и, примиренный,
Я всѣ твои дары приму.
Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля твердая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на землѣ!

(„Сборникъ гимновъ свободныхъ христіанъ" Лондонъ. 1904).

Вопросъ о происхожденіи русскаго сектантства. Взглядъ на положеніе протестантизма въ Россіи до начала VIII столѣтія.

Дѣйствовавшій до 17 апрѣля 1905 г. законъ всѣхъ впавшихъ „въ ереси и расколы" обычно именовалъ раскольниками", не различая отпавшихъ въ XVII в. по случаю исправленія книгъ церковныхъ, и послѣдователей раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ, позднѣйшаго происхожденія. Изъ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ усматривается, что еще до изданія закона 3 мая 1883 г. были попытки правительственной власти распредѣлить общую массу раскольниковъ на категоріи, по степени „вредности" той или другой секты, съ тѣмъ, чтобы относительно „болѣе вредныхъ" изъ нихъ принимать и болѣе энергичныя мѣры борьбы. Первоначально, въ 1842 г., всѣ секты были раздѣлены на три степени: вреднѣйшія, вредныя и менѣе вредныя. Особый временный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, предположенія коего удостоились Высочайшаго одобренія 16 августа 1864 г., отказавшись отъ перечисленія отдѣльныхъ сектъ, указалъ лишь общіе признаки, по которымъ онъ дѣлилъ ихъ на двѣ категоріи: на болѣе и менѣе вредныя; къ

первымъ были отнесены: не признающія пришествія въ міръ Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа, не признающія никакихъ таинствъ и никакой власти—Богопоставленною, допускающія, при наружномъ общеніи съ церковью, человѣкообожаніе, посягающія на оскопленія себя или другихъ, отвергающія молитву за Царя и отвергающія бракъ; остальныя же секты и толки признавались менѣе вредными. Однако, и впослѣдствіи такая классификація была признана неудобною. Государственный совѣтъ въ сужденіяхъ своихъ по проекту закона 3 мая 1883 г. высказалъ, что признаки эти не должны быть предметомъ законодательнаго обсужденія и служить для постановленія по указанному предмету какого-либо правила; отъ министра же внутреннихъ дѣлъ будетъ зависѣть сообразовать дѣлаемыя имъ относительно раскола распоряженія съ мнѣніемъ святѣйшаго синода о большей или меньшей вредности каждой секты въ отдѣльности. Такимъ образомъ, послѣ изданія закона 3 мая 1883 г., вопросъ о большей или меньшей вредности могъ быть возбуждаемъ только въ отношеніи тѣхъ сторонъ религіозной жизни раскола, нормировка которыхъ была этимъ закономъ предоставлена усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, т. е. въ отношеніи открытія новыхъ молитвенныхъ домовъ, исправленія или возобновленія существующихъ и распечатанія запечатанныхъ и т. п. Изъ этого общаго порядка исключеніе было сдѣлано только для тѣхъ раскольниковъ, которые принадлежатъ къ ересямъ, соединеннымъ со свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противонравственными дѣйствіями. Собственно, какъ приведенныя попытки установить дѣленіе на категоріи раскольническихъ ученій, такъ и самые законы 1874 и 1883 гг., охватывали два совершенно различныя въ религіозной жизни нѣкоторыхъ частей нашего народа явленія—старообрядчество и сектантство. Различаясь историческими и бытовыми условіями своего происхожденія, основами вѣроученія и одухотворяющими жизнь ихъ началами, религіозныя теченія эти объединялись нашимъ закономъ, считавшимъ раскольникомъ всякаго, уклонившагося отъ православія. Въ законодательствѣ начала и средины прошлаго столѣтія встрѣчается рядъ постановленій,

относящихся къ отдѣльнымъ сектамъ, но всѣ они носятъ случайный характеръ, касаясь отдѣльныхъ мѣстностей, а часто и отдѣльныхъ лицъ. До настоящаго времени къ сектантству, какъ явленію церковно-общественной жизни, не выработалось еще твердаго и систематическаго отношенія правительства... Проявленіе обособленности среди сектантовъ выражалось зачастую демонстративнымъ устраненіемъ обряднаго благочестія, и сопровождалось иногда такими дѣйствіями, которыя могли подвергать виновныхъ наказаніямъ, установленнымъ въ законѣ „за кощунство..." Комитетъ министровъ положеніемъ 4 іюля 1894 г., Высочайше утвержденнымъ, постановилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, объявить секту штундистовъ болѣе вредною, съ воспрещеніемъ штундистамъ общественныхъ молитвенныхъ собраній.

Постановленіе это касалось однихъ лишь штундистовъ, оставляя прочія секты при тѣхъ льготахъ, которыми они имѣли право пользоваться по закону 1883 г., но въ дѣйствительности новое правило получило широкое примѣненіе, и практика административныхъ учрежденій пыталась распространить его *на всѣхъ вообще сектантовъ, отвергающихъ обрядовую сторону православной вѣры и замѣняющей ее обыкновенно чтеніемъ библейскихъ стиховъ и гимновъ изъ особыхъ богослужебныхъ книгъ, чтеніемъ, съ проповѣдническимъ, въ духѣ секты, толкованіемъ св. писанія, а иногда и колѣнопреклонною молитвою, съ произнесеніемъ импровизованныхъ молитвословій безъ употребленія крестнаго знамени...* Компетентными изслѣдователями признается, что сектантское движеніе съ особою силою проявилось, начиная съ 60-хъ годовъ, увлекая однихъ въ крайній мистицизмъ, а другихъ—направляя на путь раціонализма. „*Это послѣднее теченіе вызывается самостоятельнымъ чтеніемъ св. Писанія, односторонне толкуемаго, послѣдствіемъ чего является отрицаніе святости церковной іерархіи и обрядовъ Православной Церкви, которые не имѣютъ прямого основанія въ священномъ писаніи*".

Мы процитировали офиціальныя сужденія о расколѣ вообще и сектантствѣ въ частности, поскольку они нашли себѣ отраженіе въ извѣстныхъ засѣданіяхъ комитета министровъ, поведшихъ къ изданіямъ акта 17 апрѣля 1905 г., съ обнаро-

дованіемъ котораго и начинается новая эра отношеній гражданско-духовной власти къ религіознымъ воззрѣніямъ русскаго человѣка.

Кратко и поверхностно мы изложили на предшествующихъ страницахъ исторію борьбы части многомилліоннаго народа нашего за милую и дорогую ему старину, за каждую букву религіознаго обычая, противъ ненавистнаго ему вторженія запада. Теперь дадимъ себѣ трудъ подойти и къ другой группѣ людей, тоже немалочисленныхъ, тоже горящихъ любовью къ религіознымъ идеаламъ, тоже насчитывавшихъ въ своемъ прошломъ изрядное количество горестныхъ страницъ, и утѣшавшихся лишь сознаніемъ, что претерпѣвый до конца—спасется.

Старообрядчество все замерло въ какомъ-то обрядовомъ оцѣпенѣніи. Земли для него не существуетъ. Она скрылась гдѣ-то внизу, подъ густыми облакама ѳиміама, ея голосъ глохнетъ въ спорахъ за форму креста, въ пререканіяхъ за лишнюю точку въ написаніи лишней буквы въ имени Бога, забывая, что Высшій Духъ не укладывается между строкъ, что біенія живого сердца не сдавить застежкою старопечатной книги. Поддерживая все время старое зданіе, вдыхая въ себя его тлетворный запахъ, старообрядчество въ два столѣтія своего топтанія на мѣстѣ осталось позади рвущагося впередъ человѣка, съ каждымъ шагомъ увеличивающаго разстояніе между прошлымъ и настоящимъ, между слѣпымъ воспріятіемъ внушаемаго ему и упрямыми попытками просвѣтленной мысли проникнуть въ суть мірового и душевнаго механизма. Давно извѣстно, что когда человѣчество начинаетъ доживать извѣстный періодъ своей исторической жизни, когда утомленное предшествующей борьбою, оно начинаетъ какъ бы вянуть, для него необходима новая встряска, новый горизонтъ, новое пространство для эмиграціи, такъ сказать, пріунывшихъ духовныхъ силъ. Зарождается новая „вѣра“. Да оно и понятно уже потому, что наиболѣе близки, наиболѣе сродны каждой народности именно вопросы религіи, обнимающіе собою кругъ его духовной дѣятельности, не удовлетворяющейся сухою матеріею. Законъ прогрессивности неизбѣжно долженъ проявиться. Всѣ религіи монотеистическаго характера, то есть

проповѣдующія единобожіе, въ разныя времена и при разныхъ обстоятельствахъ подчинялись процессу такъ называемой спиритуализаціи—одухотворенности. Движеніе противъ религіозно обрядоваго формализма зиждется на голосѣ ума человѣческаго и порывахъ сердца. Исторія религіи даетъ намъ тому примѣръ на западной Европѣ, пережившей эпохи тяжелыхъ религіозныхъ мятежей, и кровью многихъ сотенъ тысячъ людей достигшей преобразованной, реформированной религіи. Умъ—это проклятая вещь. Онъ не признаетъ состоянія неподвижности. Какъ острымъ скальпелемъ буравитъ онъ, все попадающееся ему на встрѣчу, подвергая его ѣдкой критикѣ, взвѣшивая на своихъ собственныхъ вѣсахъ. Подобное критическое, или, какъ его чаще называютъ, раціоналистическое направленіе, отразившись въ христіанствѣ, единымъ непререкаемымъ авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры считаетъ непосредственное изложеніе ученія Іисуса Христа—Евангелія. Священнымъ Писаніемъ исчерпывается смыслъ и задачи христіанства. Въ Евангеліи—все, внѣ его—ничего.

Поэтому церковное преданіе отнюдь не носитъ того характера поясненія къ Священному Писанію, какъ это признаетъ католичество и православіе. На принципѣ строгаго соблюденія Евангелія основано протестантство, лютеранство, иначе называемое евангелическимъ христіанствомъ.

Это первый этапъ на пути противодѣйствія церковному авторитету, черновая работа кладки возвышеннаго храма чистой вѣры. Милліоны людей дошли до него и успокоились, найдя то, къ чему ихъ влекла неудовлетворенность обрядомъ, буквою, вялою догмою. Отринуто все неясное, расплывчатое, остались кристаллизированныя слова Богочеловѣка, обнявшаго небо и землю, побѣдившаго плоть и духъ. Но есть, вѣдь, кромѣ ума и другой важный факторъ нашей дѣятельности, часто сопутствующій уму, а часто и идущій поперекъ тому—сердце, то есть безотчетность, повиновеніе быстро и глубоко проявляющимся добрымъ, теплымъ порывамъ. Отъ вѣры во всемогущество человѣческаго сердца, въ способность его невидимо и таинственно сочетаться съ Высшимъ существомъ, входить въ общеніе съ неуловимымъ, неосязаемымъ, пошло въ философіи и богословіи направленіе мистическое. Для мистика

не нужна реальность, онъ замѣняетъ предметъ ея идеею и получаетъ о ней полное и ясное представленіе. Въ „Поморскихъ отвѣтахъ“ выговскихъ старцевъ мы уже встрѣтились съ мистическимъ пріобщеніемъ Св. Таинъ. Поморяне не могли вещественно получить необходимое имъ таинство, и замѣнили его духовностью, воображеніемъ. Зналъ умный Денисовъ, что говорилъ, когда писалъ свою глубокую фразу, что „церковь не стѣны и кровли, но вѣра и житіе“. Въ сферѣ религіи мистикъ отвергаетъ и преданіе и писаніе, закрываетъ глаза даже на указанія первоисточника, отрывается отъ положительной почвы, и называетъ себя уже и не евангелическимъ христіаниномъ а духовнымъ.

Вотъ эти то два религіозныхъ теченія, попавъ въ среду русскаго народа и создали то мощное, крѣпкое сознаніемъ своей силы и правоты явленіе, что объединяется общимъ названіемъ сектантства. Чистаго русскаго корня сектантство, или заимствовано? И да и нѣтъ. Существуетъ много тенденцій на этотъ счетъ, но всѣ онѣ отзываютъ субъективизмомъ. А проще признать и то и другое происхожденіе. И есть на это основанія. Тяжелыя историческія условія, неизгладимый фактъ сидѣнья „подъ игомъ“, сурово сложившійся общественный и государственный строй, сообща отодвинули Русь отъ прогресса, заставивъ ее питаться крохами съ барскаго стола. Если взглянуть въ XVI—XVIII вѣкахъ синхронистически на исторію нашего народа и сосѣднихъ, то получается не совсѣмъ то веселая картинка. Европейскій Западъ давно уже сбросилъ бремя дворянскаго феодализма, поднялъ мятежный бунтъ противъ католицизма, выдвинулъ мощную фигуру Лютера, освѣтилъ древность перомъ Рейхлина и Эразма, далъ міру рядъ неувядаемыхъ шедевровъ искусства, породилъ Рафаэля, Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело, спустился на дно ада вмѣстѣ съ Данте, закатился веселымъ смѣхомъ надъ безсмертными страницами Боккачіо, и сосредоточенно нахмурился, слѣдя за циркулемъ Коперника, а востокъ?.. Нашъ родимый русскій востокъ, только что оторвался отъ расшитой туфли татарскаго баскака, и завязъ въ безконечныхъ спорахъ, кому сѣсть выше за великокняжескимъ столомъ, брезгливо поглядывая на „нѣмчина“ и „фрязина“, не покладая рукъ раз-

дувавшихъ огонь въ горнилѣ эффектными брызгами разлетавшейся мысли. И просидѣлъ нашъ русскій человѣкъ великолѣпный пиръ и пришлось ему довольствоваться, чѣмъ Богъ послалъ.

Затащивъ себѣ вѣру изъ собора Св. Софіи, довелось и ереси заимствовать. И если официальнымъ православіемъ мы обязаны чужестранцамъ—грекамъ, то и измѣненіе его, насажденіе новыхъ идеаловъ религіи и этики тоже имѣетъ своею родиною заморскія страны. Неоспоримо, что сектантство навѣяно протестантизмомъ, давшимъ ему первоначальный толчокъ, но изъ исторіи и догмы нашего духовно-евангелическаго движенія ясно проступаютъ наружу характернѣйшія черты истинно-русскаго творчества, безудержности, страннаго и трудно понимаемаго со стороны смѣшенія великаго со малымъ, неспособности сдержаться въ какихъ бы то ни было предѣлахъ.

„Когда въ церкви русской происходитъ раздѣленіе изъ-за внѣшности и обрядности, когда неискусные въ вѣрѣ рѣшительно теряются, гдѣ найти истину и опору, новая секта подаетъ руку примиренія, открываетъ убѣжище спасенія для обѣихъ раздѣлившихся сторонъ, всѣхъ зоветъ къ себѣ, ласкаетъ и соглашаетъ; она провозглашаетъ, что внѣшняя сторона религіи, изъ-за которой возникло столько споровъ, ничего не значитъ, важно и существенно лишь то, что совершается въ глубинѣ человѣческаго духа дѣйствіемъ внутренняго слова, здѣсь, во внутреннемъ святилищѣ духа, совершается вся религія, здѣсь священникъ, алтарь, жертва и всѣ таинственныя дѣйствія вѣры. Далѣе, православная церковь сокращается во внѣшнихъ предѣлахъ своихъ, вслѣдствіе отпаденія отъ нея раскольниковъ; отпадшія члены не только не могутъ сплотиться въ одну церковную общину, но во взаимномъ фанатическомъ озлобленіи, изъ-за мелочныхъ внѣшнихъ пререканій, другъ друга попираютъ, уничтожаютъ въ ученіи новыхъ отщепенцевъ сектантовъ, является новая церковь, собирающая подъ собою всѣхъ православныхъ и отвернувшихся отъ православія, обнимающая собою всѣ безъ различія религіи, объединяющая ихъ безъ всякихъ внѣшнихъ символовъ“...

Все это принесъ съ собою пересаженный на русскую почву

протестантизмъ, бывшій самъ послѣдствіемъ такъ называемой эпохи возрожденія, всюду сопровождаемой наукою, всюду освобождавшій мысль изъ оковъ слѣпой рутины, раболѣпства мнимому авторитету и пробуждавшій въ ней духъ свободнаго глубокаго изслѣдованія.

„Нельзя, — говоритъ одинъ извѣстный нашъ церковный историкъ,—не преклониться предъ величіемъ вождя и воссоздателя Россіи (Перваго Петра) за то, что онъ, имѣя предъ собою выборъ между цивилизаціею, выросшею на почвѣ протестантизма, и цивилизацію міра католическаго, предпочелъ первую цивилизацію. Католическая наука часто бываетъ чуждою свободы и искренности; готова на сознательный обманъ, лишь бы достигнуть завѣтной цѣли. Протестантская же наука правдолюбивѣе и искреннѣе; изъ уваженія къ правамъ человѣческаго разума, она не позволяетъ себѣ такъ беззастѣнчиво искажать истину, какъ католическая, оттого она прогрессивнѣе католической".

Протестантство во многихъ случаяхъ какъ обухомъ било русскую, запутавшуюся въ дебряхъ византійщины, образованность. Достаточно упомянуть о любопытномъ инцидентѣ во время извѣстныхъ „Преній о вѣрѣ", вызванныхъ настойчивымъ желаніемъ царя Михаила Ѳеодоровича обратить въ православіе датскаго королевича Вольдемара, предполагавшагося жениха его дочери. Патріархъ Іосифъ съ многоученымъ протопопомъ Насѣдкою для сей цѣли изготовили „краткое" изъясненіе православной догматики, занявшее свитокъ длиною въ 48 саженъ, а лютеранскій „попъ Матвейка», состоявшій въ свитѣ королевича, противъ длиннѣйшей реплики объ еретичествѣ крещенія обливаніемъ выставилъ этакое ядовитое разсужденіе: „Говорите вы, что Иванъ (Креститель) Спасителя за пречистый верхъ главы Его взялъ, трижды во Іордани погрузилъ, а не водою обливалъ. И нынѣ даемъ мы вамъ обмыслити: можно-ли было Ивану одному полнаго возраста человѣка по вашему обычаю въ воду совати и рукою своею опять вонъ извлечь, потому что та рѣка добрѣ быстра, и легко могло одного человѣка ото многихъ тысячъ, которые къ нему выходили и отъ него креститися хотѣли, быстротою снести". Патріархъ съ протопопомъ, только крестились, слушая подобное

весьма хладнокровное сужденіе Матвейки, да изумлялись почему огонь небесный медлитъ опалить еретика. „Тотъ глубокій интересъ и наблюдательность, съ какою протестантскіе ученые изучали русскую религію на мѣстѣ и исписали груды фоліантовъ, это напряженное вниманіе, съ какимъ читались и слушались въ заграничныхъ университетахъ публичныя лекціи о состояніи русской религіи [1]), съ какимъ воспринимались свѣдѣнія о ней отъ лицъ, искавшихъ ученыхъ степеней, эта словоохотливая оцѣнка выдающихся ея явленій,— должны были измѣнить къ лучшему религіозно-умственное состояніе Россіи, пробудить пытливость религіозной мысли, расширить ея кругозоръ, восполняя такимъ образомъ скудость прямого, непосредственнаго содѣйствія ея развитію и преуспѣянію“.

Безпомощное состояніе „до-реформенной“ русской богословской науки, видно уже изъ того, что вплоть до 1639 г., у насъ не дѣлалось никакого различія между католичествомъ и протестантизмомъ, одинаково обобщавшимися терминомъ „латинской поганой ереси“. Самъ Іоаннъ Грозный, великій риторъ своего времени, неоднократно диспутировавшій съ наѣзжими о лютеранствѣ, зналъ лишь имя Лютера, да фактъ его женитьбы на монахинѣ. Но съ 1639 г. пришлось уже разграничить оба эти понятія. Волокита съ принцемъ Вольдемаромъ и его изворотливыми пасторами, заставила русскихъ начетчиковъ посерьезнѣе взяться за дѣло и въ указанномъ году протопопъ Насѣдка выпустилъ „Изложеніе на люторы“, въ коемъ протестантство предавалось анаѳемѣ.

Какъ на сторонилось старое московское государство отъ общенія съ иноземцами, волею неволею приходилось обращаться къ ихъ услугамъ, какъ людей свѣдущихъ. Уже въ 1560 г. составилась первая нѣмецкая колонія въ Москвѣ, и съ теченіемъ времени развилась до цвѣтущаго состоянія, имѣя даже собственную церковь. Любопытно, что со стороны государственной власти, уживчивый, мало склонный къ про-

---

[1]) Къ слову сказать, не всегда лестныя для русскаго самолюбія. Такъ, напримѣръ, въ началѣ XVII с. въ Іенѣ защищалась диссертація, разбиравшая вопросъ: „христіане-ли московиты?“.

пагандѣ, протестантизмъ пользовался всегда неизмѣримо большимъ благоволеніемъ, нежели страстный, воинствующій католицизмъ, уже потому внушавшій самыя тяжелыя опасенія, что былъ господствующею религіею исконныхъ враговъ Россіи—поляковъ, и сопряженъ былъ съ самыми грустными для русскаго человѣка воспоминаніями. Церковь русская, по традиціонной непріязни православнаго Востока къ католическому Западу, всегда непріязненно относилась къ латинству, и понятно, что протестантизмъ, боровшійся съ католичествомъ, являлся до извѣстной степени желаннымъ союзникомъ православія въ оборонѣ отъ закидывавшаго давно уже свою руку римскаго папы. Сути протестантской доктрины православный людъ не важно понималъ, но его вражду съ римскою „прелестью" видѣлъ и этого уже было достаточно.

Окончательно упрочилось положеніе протестантизма въ Россіи при его могущественномъ покровителѣ Петрѣ Первомъ, не скрывавшемъ свои симпатіи къ протестантскимъ народностямъ, и не долюбливавшемъ католиковъ. Извѣстно, что Петръ всю жизнь былъ глубокимъ поклонникомъ Лютера, раздѣлялъ его взгляды на роль человѣка въ обществѣ, и уважалъ здравость сужденій великаго реформатора. Во многомъ здѣсь сказалась не терпѣвшая удержа широкая натура Петра. „Аще бо Лютеръ — ядовито замѣчаетъ его ненавистникъ Стефанъ Яворскій, тайныя исповѣди и поста сорокадневнаго не отвергъ, аще бо воздержанія узъ не растерзалъ, аще бо въ нечистотахъ и прочихъ беззаконіяхъ погрязшихъ грѣшникомъ не возвѣстилъ оправданія единою точію вѣрою безъ дѣлъ, не имѣлъ бы столь многихъ послѣдователей". Плотина, отдѣлявшая до реформенную Русь отъ тлетворнаго Запада, прорвалась подъ вліяніемъ шумныхъ ассамблей и явнаго покровительства Петра веселымъ иноземцамъ, и протестантство выступило па арену Московскаго государства, нимало не стѣсняясь и опираясь на мощнаго царя-плотника.

„Что же это были за идеи и чрезъ кого онѣ распространялись? Въ нѣмецкой слободѣ, откуда преимущественно онѣ шли, занималась заря новой жизни, раскрывался цѣлый міръ новыхъ воззрѣній, возбуждались вопросы, подготовлявшіе и сопровождавшіе великую реформу Петра, касавшіеся умствен-

но-нравственнаго возрожденнія и обновленія всѣхъ и каждаго. Понятно, какое сильное впечатлѣніе производили эти вопросы на людей, которые начинали испытывать на себѣ дѣйствіе великой реформы и сочувственно привѣтствовали освобожденіе русской мысли отъ оковъ стараго преданія.

„Среди этихъ то всеувлекающихъ культурныхъ запросовъ искусные цивилизаторы начинаютъ проводить воззрѣнія религіозныя, поднимать вопросы вѣроисповѣдные, и это какъ-бы мимоходомъ, по требованію обстоятельствъ дѣла, потому что-умственно-нравственное обновленіе и возрожденіе общества не можетъ совершиться помимо религіи: „мы не пришли для наученія васъ вѣрѣ—говорятъ иноземцы—и не хотимъ въ вашъ законъ вступаться, если же случится въ разговорѣ, по прошенію сказать о вѣрѣ, оное не есть проповѣдь“. Но въ томъ и дѣло, что эта религіозная бесѣда не была чистою пропагандою, отталкивающею слушателя своею навязчивостью и посягательствомъ на его убѣжденія и интересы; это, просто, дружеская бесѣда, тихая, уклончивая, благожелательная. Вопросы, въ ней рѣшаемые, вопросы жизни и духа, совѣсти и религіи, скрывали въ себѣ главную тайную, пружину начинавшагося возрожденія всѣхъ и каждаго, подъ личинею содѣйствія которому и выступаетъ протестантство, и въ свою очередь отъ тѣхъ магически обаятельныхъ политическихъ вопросовъ, они получили новую силу обаянія, и, наконецъ, сами въ себѣ они имѣли столько прелести, свѣжести, увлекательности. Рѣшались они соотвѣтственно важности предмета, на основаніи св. писанія и святыхъ отцовъ, но изъясняемыхъ, конечно, съ осторожностью. Легко себѣ представить, какъ веденная по такому искусному плану бесѣда плѣняла, электризовала воображеніе слушателя, особенно если онъ былъ пылкаго ума: онъ съ жадностью впивалъ въ себя каждое слово, какъ святую воду, съ замираніемъ сердца прислушивался къ каждому слову, надѣясь схватить въ немъ отвѣты на тревожные вопросы; отъ душевнаго крайняго напряженія онъ падалъ, изнемогалъ, совершенно терялся и кружился въ заколдованномъ кружкѣ своихъ просвѣтителей, и дѣлался самымъ послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ; они овладѣвали имъ, какъ магнетизеръ намагнетизированнымъ существомъ. Прибавимъ къ этому ту

неуловимую махинацію, съ какою въ самый разгаръ экзальтаціи ему подбрасывали разныя книги, на которыхъ лежалъ запретъ правительства, громы проклятій патріаршей власти, и которыя не только имѣли прелесть запрещеннаго плода, но и должны были, по увѣренію друзей-просвѣтителей—развѣять это напряженное экзальтированное состояніе, пролить въ душу новый свѣтъ истины, добра, радости и жизни".

„Литературная" пропаганда шла изъ Швеціи, правительство которой издавна лелѣяло мечту олютеранить приграничную ей полосу русской территоріи. Уже въ 1614 г. въ Нарвѣ было напечатано „Краткое изложеніе и наставленіе о христіанской вѣрѣ и богослуженіи въ Швеціи", въ которомъ „опровергаются грубѣйшія заблужденія, какія есть въ религіи русскихъ". Въ 1625 г. въ Стокгольмѣ учреждена была спеціальная типографія, печатавшая славянскія книги, и трудами которой былъ изданъ русскій переводъ катихизиса Лютера. Многіе съ подобострастнымъ благоговѣніемъ читали эти „прелестныя" книги, не чета оригинальнымъ нашимъ мудрствованіямъ написанныя, „и оныя молитвы лютеранскія читали съ великимъ почтеніемъ, зѣло хвалили и цѣловали".

Прочтя тонко и умно написанную апологію лютеранства, вышедшую изъ подъ пера ученаго теолога, одинъ изъ нашихъ богослововъ, составившій нѣчто въ родѣ возраженія, въ оправданіе слабости своей аргументаціи особенно напиралъ на то обстоятельство, что „лютъ бо бѣ той попъ грамотамъ разнымъ ученъ, паче же рещи, отъ самаго сатаны наученъ стоять за свою проклятую вѣру".

Исторія начала протестантствующаго движенія русской религіозной массы, если не считать тѣхъ проблесковъ раціоналистическаго мышленія, о которыхъ говорилось въ первыхъ главахъ настоящей книжки, впервые оффиціально развертывается во время судебныхъ разбирательствъ по дѣламъ двухъ извѣстныхъ агитаторовъ конца XVII в.—пріѣзжаго пастора Квирина Кульмана и лекаря Дмитрія Евдокимовича Тверитинова, работавшихъ въ духѣ направленія позднѣйшаго сектантства, первый—духовнаго, второй евангелическаго.

1689 г., 26 мая въ Государственномъ посольскомъ приказѣ иноземецъ Квиринко Кульманъ въ допросѣ сказалъ:

„Родомъ де онъ Шленскія земли (Силезіи), города Бряславля, отецъ его былъ торговой человѣкъ имянемъ Квиринъ Кулманъ, вѣру люторскую держалъ и умеръ въ Полшѣ, и ево имя тоже есть Квиринъ Кулманъ, и то имя толкуется сирѣчь: Кулманъ—прохладжательный [1]) человѣкъ, взято отъ посланія Петра апостола; притомъ именуется и Іовилеусъ [2]). И Іовилеусъ есть у римлянъ и жидовъ во всякій седмый годъ; а когда седмерицею седмы избирается годъ, тогда бываетъ сорокъ девять, и въ пятидесятомъ году жиды для великаго Іовилея оставляютъ землю съ пашнею на потраву всякому волно и розные овощи, и рабовъ своихъ отпущаютъ и, нечего не дѣлаютъ; празднество превеліе у нихъ. И того ради онъ Кулманъ, называется Іовилеусъ, се есть такой, не токмо прохлаждательный, но и торжество, и праздникъ превелій, дѣйствующій, яко тотъ Іовилеусъ даетъ душамъ свободу и утѣшеніе земли, такъ и онъ признающимъ къ себѣ даетъ всякой прохладъ и утѣшеніе и привлекаетъ ихъ къ своей сектѣ, къ первенственной христіанской церкви.

„А крещенъ онъ былъ въ младенчествѣ люторскимъ пасторомъ, а учился онъ въ академіяхъ и въ высокихъ школахъ въ Цесарской землѣ, во Елфуртѣ, въ Лейцикѣ и въ Іенѣ, и въ иныхъ городахъ, и былъ во многихъ городахъ, а вѣры онъ христіанской, а закону и ученія новаго, что проповѣдали учителя Христофоръ Котеръ, да Христина Паніатова, да Никола Драбицскусъ и тѣхъ де учителей книга у него есть, А тѣ де люди пророки были, и видѣнія во откровеніи видѣли многія, и книги ихъ ученія называются апокалепсисы, и того де ихъ пророчества и ученія многіе откровенія въ нынѣшніе времена исполняются, а иные еще впредь будутъ приходить во исполненіе, а какое де ихъ пророчество, и что въ видѣніи откровенія видѣли, и то описано именно въ книгахъ ихъ историчныхъ, А тотъ де—Котеръ простой человѣкъ и неграмотной былъ, а откровеніемъ многія книги учительные о новой вѣрѣ, какъ будетъ едино стадо и единъ пастырь, написалъ; а какъ де онъ училъ и проповѣдалъ и умре тому семьдесятъ три

---

[1]) Kühl—прохладный.

[2]) Юбилей.

года, и многіе де люди римской и люторской и калвинской вѣры ученіе его приняли. И послѣ того ихъ ученія во всѣхъ государствахъ людей многое число, а иныхъ де учителей той же вѣры въ римскомъ государствѣ и въ Саксонской землѣ и въ венграхъ казнили и жгли. А того де ученія сборища, и никаково духовенства и костелнаго дѣйства и особливаго костела по се время еще нигдѣ нѣтъ, для того, что еще урочные годы не пришли, а исполнится де то ихъ видѣніе и пророчество въ триста лѣтъ. А то де ихъ ученіе взято изъ трехъ вѣръ: изъ христіанской греческаго закона, изъ еврейской и съ турской. Открылъ ему Богъ во снѣ и на яву, что нынѣшняго времени приближается кончина міру и цесарь римской, также и папа—послѣдніе, и по нихъ впредь папы и цесаря не будетъ, и та вся римская вѣра исчезнетъ, а будетъ во всей вселенной едина вѣра христіанская, какая была сначала у апостоловъ, что всѣ будутъ *имѣнія и сходы и соборы общіе, и явится всякая правда, и грѣховъ люди и беззаконій творить не будутъ. А у тѣхъ де у всѣхъ людей будетъ единъ пастырь Христосъ, а царей и королей и великихъ государей князей и иныхъ вельможъ не будетъ, а будутъ всѣ равныя и всѣ вещи будутъ общественные и никто ничего своими называть не будетъ*".

Московское чиновничество такихъ рѣчей, несомнѣнно грозившихъ „ниспровергнуть существующій государственный строй „струхнуло, и пришлось накрѣпко допрашивать вреднаго иностранца, „кто его къ Москвѣ призвалъ, и не по письму ль чьему, и для чего онъ съ такими еретическими писмами пріѣхалъ и кто съ нимъ въ томъ совѣтѣ есть?"

„И Квиринъ сказалъ прежнія рѣчи, что онъ къ Москвѣ пріѣхалъ по видѣнію ангелову, и если де ево дѣлъ въ Москвѣ не примутъ, то повелѣно ему отъ ангела возвратитися назадъ, а если де великіе государи (дѣло происходило въ правленіе братьевъ Іоанна и Петра Алексѣевичей) укажутъ ему жить на Москвѣ и дадутъ свободу, то онъ де о многихъ великихъ и тайныхъ дѣлахъ можетъ объявлять, которые будутъ ему сказывать видѣніемъ своимъ ангелы". „И то ево стало явное воровство и, знатно, онъ пріѣхалъ по нѣкакому писму, для возмущенія и прелести еретической".

Предъявлены были для просмотра книги, найденныя у

Кульмана. То были все сочиненія мистическаго характера, въ духѣ произведеній знаменитаго теософа Якова Беме, дававшія предсказанія апокалипсического типа. Пригласили на экспертизу проживавшихъ въ ту пору въ Москвѣ іезуитовъ Товію Тихановскаго и Давида, которымъ и предъявили особенно показавшіяся москвичамъ подозрителньыми сочиненіе самаго Кульмана „Kühl—Psalm" и произведеніе Амоса Коменскаго „Lux e tenebris".

Іезуиты дали такое заключеніе, что „всѣхъ вышеписанныхъ книгъ писателей, книги и писма — безумные, злоплевелные и ложные суть, Святому Писанію истинно противны и и чину духовному зѣло безчестны и смутительны, христіанской вѣрѣ зѣло вредительны, и вѣрнымъ христіанамъ зѣло злобны и къ тому правлены, дабы ими простыхъ людей, которые милости духа укрѣпленіе не имѣютъ, отъ Бога и божественной правды отвесть и въ сатанинскую школу ввесть", почему представляется желательнымъ, „дабы таковы и имъ подобные безумные и злоплевелные книги, и писма никогда бъ не были, или, аще ли изволеніе ихъ царскаго величества началству, понеже сіе здѣсь дерзновенно и злобно ихъ между людьми разсѣяли, тѣ сыскать и известь, а творителямъ тѣхъ книгъ и которые ихъ здѣсь разгласили, достойное учинили бъ осмотрѣніе, дабы собраніе Божіе впредь смущенія не имѣли".

Такого же мнѣнія оказались и лютеранскіе пасторы. На основаніи всѣхъ этихъ сужденій, и, принявъ во вниманіе нѣкоторыя туманности въ проповѣдяхъ Кульмана, объясненыя, какъ поношеніе московскаго государства, судьи постановили предать Кульмана и его ближайшихъ единомышленниковъ предать смертной казни чрезъ сожженіе на кострѣ, что было и выполнено, какъ обычное явленіе въ тотъ ужасный вѣкъ, слѣпой, упрямый, не желавшій и не умѣвшій отличать наивнаго энтузіаста отъ злонамѣреннаго преступника. Кульманъ былъ чистѣйшей воды мистикомъ, духовнымъ христіаниномъ, твердо вѣрившимъ, что будущее, реформированное человѣчество создастъ подобіе Соломонова храма, преисполненное дивной осмысленной красоты, затмѣвающей всякое земное благолѣпіе. Кульманъ не оставилъ какой либо разработанной теоріи, самобытной или эклектической. Онъ весь горѣлъ всепожираю-

щимъ огнемъ мистическаго провидѣнія, почти что бредилъ апокалипсическими образами, нестройнымъ роемъ бродившими въ его воспаленномъ мозгѣ, и, всюду гонимый, нашелъ, наконецъ, свой загробный Сіонъ въ варварской Московіи. Кульманъ погибъ, благодаря, главнымъ образомъ, проискамъ московскихъ лютеранскихъ пасторовъ, боявшихся все возраставшаго вліянія Кульмана на прихожанъ „нѣмецкой“ слободы.

Нѣсколько позднѣе Кульмана возбудилъ не мало волненій своею проповѣдью извѣстный Тверитиновъ, тоже чуть было не угодившій на костеръ, и спасшійся исключительно благодаря религіозной терпимости императора Петра Перваго, отнюдь не желавшаго въ этой области разыгрывать „великаго инквизитора“.

Тверитиновъ съ малыхъ лѣтъ вращался въ обществѣ иноземцевъ, работая по аптекамъ, гдѣ и выучился „цирульному мастерству“, т. е. пускать кровь, составлять лекарства и т. п. Какъ живая, мыслящая натура, съ развитою способностью критики, Тверитиновъ отъ „дохтурской науки“ перешелъ къ вопросамъ общаго характера и увлекся религіозною метафизикою. Съ жадностью прочелъ Тверитиновъ „Лютеранскій катихизисъ, то есть науку стародавнюю отъ святого писма, для простого народа языка русскаго“, и проникся истиннымъ уваженіемъ къ содержанію книги. Напрасно патріархъ громилъ людей, „пожелавшихъ пить воду нестоянную своихъ или въ проповѣдяхъ чужихъ умствованій, восхотѣвшихъ искать воду, возмущенную конскою свирѣпостью непокорствія“ — Тверитиновъ отнюдь не желалъ застыть въ разъ усвоенныхъ формулахъ, стремясь, напротивъ, къ большимъ познаніямъ. Такъ какъ его любознательность и пытливость не удовлетворялись ортодоксальными сочиненіями православной церкви, то, постепенно развивая въ себѣ духъ критическаго отношенія къ церковнымъ авторитетамъ, Тверитиновъ добрался до Богооткровеннаго источника, самоучкою овладѣлъ латынью и принялся кропотливо изучать библейскій текстъ, сравнивая латинскій и славянскій переводы. Плодомъ его работы явились выписанныя имъ около 500 мѣстъ Св. Писанія, раздѣленныя на 30 группъ, и касавшіяся вопросовъ о почитаніи иконъ, призываніи святыхъ, почитаніи мощей, достовѣрности чудесъ, значеніи преданія св. отцевъ, и т. д., что

впослѣдствіи, фигурируя въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, получило наименованіе „тетрадей богопротивной кумпаніи", немало погрѣшившей, по словамъ монаха Евфимія, своими постоянными стремленіями задавать неподобающіе вопросы, вродѣ: „сіе чего ради? сіе откуда взято? сіе кто предаде? сіе гдѣ писано?"

Соглашаясь во многомъ съ протестантскою догмою, Тверитиновъ все же не принялъ ея цѣликомъ, безъ оговорокъ. Самъ Стефанъ Яворскій, болѣе другихъ ратовавшій съ Тверитиновымъ, прямо заявлялъ, что его разсужденія, „не отъ разговора другихъ, но отъ своего вымысла написаны", и что иныя его положенія согласны съ ученіемъ православія, а другія не подходятъ ни къ протестантству, ни къ какой-либо другой религіи.

Основнымъ пунктомъ своего ученія Тверитиновъ выставилъ то, что „правая вѣра не отъ чудесъ познается, а отъ писанія боговдохновеннаго и добродѣтели. „Можно спасти свою душу въ любой вѣрѣ, ибо апостолъ сказалъ: боящйся Бога, и дѣлаяй правду, во всякомъ языцѣ пріятенъ Ему есть. Изъ этого вытекала необходимость широкой вѣротерпимости, согласующейся съ тою любовью, которую проповѣдуетъ Христосъ. Категорически отвергаетъ Тверитиновъ и церковное осужденіе заблуждающихся. „Недостоитъ—указываетъ онъ на слова „Премудрости" Соломона—кляти на лицо, яко подобаетъ праведному человѣколюбцу". Вообще авторитетъ церкви въ глазахъ Тверитинова никакой цѣны не имѣетъ. „Я самъ церковь; всякій христіанинъ находится въ чину іерейства, потому что о Христѣ сказано въ Писаніи: сотворилъ еси насъ Богови нашему цари и іереи. И зачѣмъ вообще установлены церковные чины въ эти послѣдніе годы? Развѣ чувствовался какой-либо недостатокъ въ христіанствѣ? И какимъ образомъ нѣкоторые спаслись безъ этихъ чиновъ?" Тверитиновъ, всегда болѣвшій надъ ложнымъ, какъ ему казалось, положеніемъ духовенства, особенно напиралъ на выясненіе задачъ истиннаго пастырства. „Дѣло священника показать собою образъ благочестія, и не созидать ничего на иномъ основаніи. Слова учителя слѣдуетъ повѣрять Писаніемъ, и то, что согласно съ нимъ—принимать, а то, что чуждо—отбрасывать.

Писанія отцовъ несогласны между собою; отцы поправляли одинъ другого, и прежнихъ порицали за невѣжество. Наставникамъ подражать Истинному Пастырю, не славы и чести искать, но смиряться предъ людьми и всѣмъ показывать собою образъ благочестія". Отвергая значеніе церковной іерархіи, Тверитиновъ и въ другихъ пунктахъ своей теоріи сходился съ старыми стригольниками, немало труда положившими на борьбу съ укоренившимся изъ глубокой старины обычаемъ набожныхъ людей завѣщать вклады въ монастыри или церкви за молитвы объ упокоеніи душъ умершихъ. Противъ этого Тверитиновъ выставилъ то положеніе, что „несогласно съ священнымъ Писаніемъ молиться о заступленіи ангеламъ и отшедшими святымъ и стихословить имъ какія-либо похвалы; они—далеко отстоять отъ насъ, не знаютъ нашихъ прошеній и ничего не могутъ для насъ сдѣлать. Святые, по отшествіи изъ этого міра, подобны спящему. Суетна всяка молитва за умершихъ, потому что по смерти человѣка затворяется для него всякое милосердіе Божіе. Святые не получали просимаго ими отъ Бога, даже тогда, когда находились въ живыхъ". Въ квартирѣ Тверитинова на стѣнѣ былъ прикрѣпленъ особый листъ, на которомъ было выписано цѣлое увѣщаніе не надѣяться на предстательство святыхъ: „Авраамъ назвалъ богатаго чадомъ своимъ и не въ силахъ былъ оказать ему того, что доставляетъ отецъ сыну. Богатый назвалъ Авраама отцомъ и не былъ участникомъ пріязни, которою прилично пользоваться чадамъ. Научись отсюда, что ни родство, ни дружба, ни иное что не можетъ приносить пользы тому, котораго предаетъ собственная жизнь. Добродѣтель другихъ не можетъ доставить намъ никакой пользы. Вспомни тѣхъ дѣвъ, которыя не дали масла другимъ пяти дѣвамъ: не вошли эти послѣднія въ невѣстникъ и затворился онъ передъ ними. Благо тому, кто ожидаетъ спасенія отъ своего собственнаго исправленія. Никто не надѣйся получить добро, не сотворивши добра, хотя бы у него и были тысячи праведныхъ прадѣдовъ: кійждо бо пріиметъ яже сотвори съ тѣломъ". Съ отрицаніемъ дѣйствительности заступничества святыхъ связано и самое пониманіе сущности святости. „До дня страшнаго суда—высказывался Тверитиновъ—нельзя кого-либо называть святымъ или грѣшнымъ. Святые не бывали въ адѣ, но

не были также и въ присутствіи Бога, какъ нынѣ". Безусловно и трезво отвергъ Тверитиновъ своеобразный институтъ юродивыхъ или блаженныхъ,—„ихъ де житіе не по Богѣ и не благообразно видится". Вообще „человѣческое естество отъ начала тлѣнію подлежитъ". Отъ святыхъ Тверитиновъ дошелъ и до отрицанія иконопоклоненія, нѣсколько неправильно иногда понимавшегося въ русскомъ быту, противъ чего возставалъ истинно просвѣщенный архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, образованнѣйшій подданный Петра Перваго, въ душѣ, какъ и его повелитель, несомнѣнно симпатизировавшій протестантизму, на что имѣются неоспоримыя доказательства.

„Простѣйшіе люди обоготворили иконы—выражался Тверитиновъ.—Зачѣмъ установили иконамъ поклоненіе и кажденіе? Зачѣмъ приносятъ къ нимъ свѣчи, надписуютъ ихъ именемъ Первообразнаго, называютъ ихъ чудотворными и, гдѣ-либо бывши, имѣютъ ихъ съ собою? Зачѣмъ исповѣдуютъ, что отъ нихъ происходитъ спасеніе?

„Не этимъ поклоненіемъ можно угодить Богу, но милостынею къ ближнимъ. Икона только вапъ и доска безъ силы чудотворенія: если бросить ее въ огонь, она сгоритъ, не сохранитъ себя. Богу же подобаетъ клапяться въ небо духомъ". Также духовно, а, можетъ быть, односторонне, понималъ Тверитиновъ и слова Писанія о Крестѣ Господнемъ, признавая" неподобнымъ клапяться кресту, какъ бездушному древу, неимѣющему никакой силы; ибо если у кого сына убьютъ ножомъ или палкою, и тое палку или ножъ отецъ того убитаго какъ можетъ любить, понеже онымъ убитъ сынъ его? Такъ и Богъ какъ можетъ любить то древо, на которомъ былъ распятъ Сынъ Его? Если покланяться кресту, то слѣдуетъ почитать и іудеевъ за то, что они сотворили крестъ".

Монашество, по толкованію Тверитинова, находитъ себѣ полное осужденіе въ словахъ апостола Павла: „отступятъ юнци отъ вѣры, иже возбраняютъ отъ женщинъ и бракомъ", откуда ясно, что „монашеское дѣвство не по разуму держится".

Тверитиновъ велъ свою пропаганду осторожно, тактично, но и не таясь. Благодаря своей обширной врачебной практикѣ,

и умѣнью отыскивать „усумнѣвающихся" Тверитиновъ подобралъ себѣ цѣлую партію послѣдователей среди разнообразныхъ слоевъ общества. Нельзя сказать, чтобы самъ Тверитиновъ считалъ свои мнѣнія непогрѣшимыми; напротивъ, онъ какъ бы стремился найти людей или доводовъ, которые могли бы доказать его заблужденія, и... не находилъ. Изболѣвшись душою, Тверитиновъ обратился къ извѣстнымъ своею богословскою ученостью наставникамъ московской-славяно-греко-латинской академіи „съ своими о догматахъ церкви Восточной усумнѣніями, и говаривалъ, что я де зѣло усумнѣваюся и въ недоумѣніи пребываю и требую рѣшенія о поклоненіи святыхъ иконъ и о призываніи святыхъ божіихъ преставьшихся, и о всѣхъ догматахъ нашихъ, противныхъ люторскому и кальвинскому ученію". Но, къ сожалѣнію, его оппоненты оказались не въ состояніи доказать Тверитинову неосновательность его доводовъ, ибо глядѣли на вопросъ подъ другимъ угломъ мышленія, стоя въ чисто церковной плоскости, между тѣмъ какъ Тверитиновъ единственнымъ для себя пріемлемымъ считалъ прямое указаніе библейскаго и евангельскаго текста. Изъ диспутовъ онъ обыкновенно выходилъ «препирателемъ», немало импонируя и противнику и слушателямъ своимъ умѣніемъ держаться, ибо „имѣлъ понравіе уклонное, мягкое, и весьма льстивое, такъ что уже тѣломъ своимъ не могъ быть не уклоненъ, не уступчивъ, не прегибателенъ на тотъ бокъ и на другой: такожде и шею свою и на то и на другое плечо полагалъ, и самъ весь изгибался, и говорилъ весьма утѣшно, очень вѣжливо, смѣхомъ растворяя, приступалъ и уступалъ, и всячески мастерилъ, дабы тому, съ кѣмъ говоритъ, пріятенъ былъ и таковымъ одареніемъ такъ былъ понравенъ, что едва равнаго ему обрѣсти могъ».

Въ противность Тверитинову его ближайшіе и способнѣйшіе ученики Иванъ Максимовъ да Михайло Андреевъ — Косой обнаруживали въ рѣчахъ и поступкахъ полнѣйшую несдержанность, подорвавшую успѣхъ начавшей было зарождаться секты. Максимовъ прямо таки «брехалъ» на предметы религіознаго поклоненія, не щадя даже высокочтимыхъ народомъ угодниковъ Божіихъ, а Косой «свѣчи отъ св. иконъ отымалъ и закуривалъ табакъ въ церкви». Нашлись у Тверити-

нова, конечно, и враги. Образовалась цѣлая коалиція противъ еретика, встрѣтившая себѣ покровителя въ лицѣ «мѣстоблюстителя патріаршаго престола» Стефана Яворскаго, лидера „національной“ партіи, воспитаннаго кіевскими іезуитами, схоластически образованнаго, и императоромъ за свою приверженность къ ненавистной ему старинѣ нелюбимаго. Подняли дѣло о «соблазнительствѣ» лекаря-богослова. Пошло по инстанціямъ. На сторону Тверитинова сталъ всесильный царскій любимецъ всѣми за свою прямоту уважаемый, князь Яковъ Долгоруковъ. Послѣ долгихъ перипетій, преданный Яворскимъ анаѳемѣ, обвиненный въ подстрекательствѣ къ рѣзкому кощунству, учиненному однимъ изъ сектантовъ, Тверитиновъ спасся отъ грозившей ему злой гибели торжественнымъ церковнымъ отреченіемъ отъ своего ученія, всецѣло обязанный жизнью рѣшительной непріязнѣ императора къ Яворскому и его ближнимъ, видѣвшимъ въ дѣлѣ Тверитинова лишь простой поводъ лишній разъ выразить свой запоздалый протестъ противъ европейски-цивилизаторскихъ кампаніи великаго монарха.

Въ общемъ, конечно, Тверитиновъ не далъ чего-либо новаго, повторивъ уже намъ извѣстныя обличенія старыхъ нашихъ вольнодумцевъ, въ родѣ Матвѣя Башкина, Ѳеодосія Косого и другихъ, но расширивъ при этомъ предѣлы ихъ мечтаній, въ зависимости отъ духа времени и положенія вещей. Недостатокъ Тверитинова, и другихъ, современныхъ ему и позднѣйшихъ, сектаторовъ заключался именно въ неумѣньи или неспособности во время замѣнить отрицательный элементъ своихъ теорій чисто положительнымъ, годнымъ для установки прочнаго и новаго фундамента. Разрушительныя тенденціи, построенныя въ схемѣ критическаго отношенія къ существующему религіозно-соціальному строю, оказались орудіемъ одностороннимъ, увлекшимъ изъ одной крайности въ другую.

Тверитиновъ самъ за себя отрекся отъ своего вѣроученія, но евангелическое пониманіе религіозныхъ надобностей христіанина не на немъ основалось и не съ нимъ прекратилось, лишь выдвинувъ его въ извѣстный историческій моментъ, какъ выразителя и толкователя новой догмы.

За живою струею, внесенною сектантствомъ въ русскую религіозность, есть большая и неоспоримая заслуга въ дѣлѣ

рафинированія, такъ сказать, метафизическихъ наклонностей истинно-русскаго человѣка, издавна претендовавшаго на исключительную принадлежность Руси термина святой. Но святость эта на самомъ дѣлѣ была болѣе чѣмъ недоказанною.

„Духовная жизнь народа (массы, большинства) вся сосредоточивалась въ религіозномъ чувствѣ, она была душою души его, единственнымъ почти выраженіемъ ея; умственные, научные интересы не волновали ея, духъ нравственности былъ закрытъ для нея, въ глубины христіанства она не проникала. Религіозное чувство это стояло на низшей ступени, на которой оно касается лишь поверхности нравственной практической жизни, оно было рядомъ преходящихъ ощущеній, вызываемыхъ внѣшнею обрядностью, оно не было постояннымъ, неизмѣннымъ религіознымъ настроеніемъ, которое проникало бы всѣ сокровенные тайники души, вдохновляло бы всѣ помыслы и дѣянія, оно было скользившею по поверхности набожностью, не облагораживавшею нравственнаго строя жизни. Оттого рядомъ съ этою всеумиляющеюся набожностью уживались самыя грубыя преступленія, самые безнравственные поступки. Богатымъ, неоскудѣвающимъ источникомъ этой набожности, благочестивыхъ вздоховъ и умиленій была церковная внѣшность. Но система обрядовъ могла быть источникомъ благочестія только въ установленномъ ея строѣ, подъ условіемъ общепринятаго религіознаго формализма. Стоило только чуть измѣнить церковный механизмъ—строй нарушался, слышался диссонансъ, производившій не умиленіе, а недовольство, раздраженіе, озлобленіе, во всей нравственно-практической жизни происходила ломка, тѣмъ болѣе тягостная, опасная, чѣмъ больше значенія имѣла въ духовной жизни эта религіозность и набожность. А такъ какъ послѣдняя заключалась въ обрядности, то всѣ глубочайшіе интересы духа русскаго человѣка, всѣ помыслы ума именно въ ней и сосредоточивались. Надъ ней онъ умствовалъ, старался отыскать въ ней ближайшій смыслъ, связь съ жизнью. Отсюда, при извѣстной умственной недоразвитости, развилась своеобразная діалектика. Русскій человѣкъ любилъ потолковать обо всемъ отъ Писанія, на все въ мірѣ смотрѣлъ подъ угломъ религіозности, понимаемой въ узкомъ смыслѣ церковности, обрядности; научныхъ,

даже грамматическихъ объясненій не долюбливалъ, избѣгалъ, обо всемъ судилъ на основаніи богословскихъ соображеній, не поднимаясь, однакожъ, выше буквы символизма. Онъ мастеръ былъ такъ связывать явленія между собою, какъ не сумѣетъ ни одна искусственная логика. Исчезая въ подробностяхъ, онъ не могъ подняться до общихъ воззрѣній, объединяющихъ его частныя мысли и поступки; останавливаясь на внѣшнихъ случайныхъ признакахъ предмета, онъ неспособенъ былъ проникнуть во внутреннія существенныя стороны его".

Какъ обухомъ по головѣ ударило его сектантство, дерзко и вмѣстѣ съ тѣмъ наивно усомнившееся надъ цѣлесообразностью старой системы буквальнаго пониманія вѣры и просто посовѣтовавшее, устами хотя бы украинскаго философа Сковороды, „усматривать сущаго сквозь текстъ". А сущій—вездѣ. „Многіе ищутъ Христа въ монархіи Августа и Тиберія, волочатся по Іерусалимамъ, по Іорданамъ, по Виѳлеемамъ: здѣсь Христосъ,—кричатъ другъ другу. Знаю,—кричитъ имъ ангелъ,—Христа распятаго ищете. Нѣтъ его тутъ. И ищутъ въ высокихъ мірскихъ честяхъ, въ великолѣпныхъ домахъ, въ церемоніальныхъ столахъ, ищутъ, зѣвая, по голубому звѣздному своду, по солнцу, по лунѣ, по всѣмъ Коперниковымъ мірамъ. Нѣтъ, и тутъ нѣтъ! Ищутъ въ долгихъ моленіяхъ, въ обрядахъ, въ постахъ... не здѣсь... Несчастный книжникъ читалъ пророковъ, искалъ человѣка, а попалъ на мертвеца, и самъ съ нимъ пропалъ. Нѣтъ Христа въ царствѣ мертвецовъ; онъ всегда живъ, тамъ его ищите. Если прежде не сыщете внутри себя, безъ пользы искать въ другихъ мѣстахъ".

Такъ гдѣ же Онъ?—спросимъ мы сектантство и получимъ отъ него обстоятельный отвѣтъ, за малыми измѣненіями, отражающій вѣрованіе почти всѣхъ евангелически-духовныхъ христіанъ,—катихизисъ религіозно-нравственныхъ понятій, объединяющій большую часть сектъ, кромѣ фанатически-крайнихъ, матеріалъ для составленія яснаго и опредѣленнаго взгляда на сущность и задачи, поставленныя людьми, опирающимися на Боговдохновенное Писаніе и Боговдохновенное Слово, претворившіяся отъ Божественнаго Духа.

Общая догма сектантства.

А намъ Богъ открылъ сіе Духомъ Своимъ, ибо Духъ все постигаетъ, и Глубины Божіи.
1 Кор. II, 10.

«Богъ есть Духъ, ибо Онъ—безконечное, всевоодушевляющее Единство и Сущность; Истина, ибо внѣ Его только неправда и ложь; Свобода, ибо она есть Истина, и нѣтъ въ Немъ ни единаго насилія; Красота, ибо великое благо созерцать его въ Духѣ и Истинѣ, и нѣтъ наслажденія большаго сего; Добро, ибо Онъ *все*, кромѣ зла, да и зло существуетъ только, какъ отрицающее Бога; оно есть *ничто*, и вся его сила въ отрицаніи; подобно тьмѣ, оно существуетъ только оттого, что есть свѣтъ. Богъ есть *Любовь*, ибо Онъ *Всесоединяющій* и познавать Его можно только въ любви къ Нему и не знаетъ Его только тотъ, кто не любитъ; *Свѣтъ*, ибо онъ есть Разумъ въ насъ, и *Законъ* въ мірѣ, а внѣ Разума только тьма и безуміе; *Сила*, ибо Онъ все Собою держитъ и внѣ Его только паденіе: кто противъ Бога. *Жизнь*, ибо Онъ всеоживляющая Истина, дающая бытіе міру и свободу намъ; Богъ *безконечный*, ибо Онъ *все*, и нѣтъ ему ограниченія; *вѣчный*, ибо и самое время въ немъ; *вездѣсущій*, ибо Имя Его пространнѣе небесъ, и Онъ объемлетъ Собою пространство; *безконечно малый*, ибо вселяется и въ самое малое; *безконечно великій*, ибо объемлетъ Собою *все*. Какъ *Жизнь* Онъ постоянно *измѣняется*, но въ измѣненіи Своемъ остается *вѣчно неизмѣннымъ* и Самимъ Собою. Онъ проявляется неисчисленными образами и Именамъ Его нѣтъ конца, и во всѣхъ проявленіяхъ Своихъ Онъ все тотъ же *Единый*, *Нераздѣльный*, *Сущій* Богъ нашъ; и всѣ имена Его значатъ и суть единое *Да*.

Богъ открывается намъ во всемъ внѣ насъ и внутри насъ сущемъ, какъ причина, благо, жизнь и цѣль всего; горе невидящимъ Свѣта! мы же во всемъ видимъ присутствіе Его, и вся красота, лѣпота и сіяніе міра есть только отблескъ Его Единаго красиваго, лѣпотнаго и сіяющаго во славѣ Своей.

Но во всей полнотѣ Истины своей Богъ открывается намъ въ нашемъ духѣ, ибо мы созданы по образу и подобію Божіему, который, по словамъ Апостола, состоитъ въ правдѣ и святости Истины. И въ духѣ нашемъ Богъ открывается намъ, не какъ нѣчто чужое намъ, но, напротивъ, какъ наша наисокровеннѣйшая сущность, начало, причина, свобода, истина и цѣль; Онъ всецѣло въ насъ пребываетъ и присущъ намъ, ибо мы „храмъ Бога живаго" (1 Кор. III, 16), и Богъ въ насъ обитаетъ и мы въ Немъ.

Кромѣ ихъ двухъ откровеній, изъ которыхъ всякій, разумомъ обладающій, можетъ познать Бога, мы познаемъ Его еще изъ книги, называемой Библіей, ибо мы въ ней видимъ всю глубину Божественной премудрости и принимаемъ ее, какъ непреложное руководство къ Богопознанію. Библія разсказываетъ намъ судьбы народа еврейскаго, но кромѣ того видимъ въ ней боговдохновенный разсказъ о постепенномъ возрастаніи человѣческаго духа въ Богопознаніи, и потому, хотя эта книга и давно написана, мы считаемъ ее вѣчно юною и неисчерпаемою. Послѣднею же священою книгою считаемъ Апокалипсисъ или Откровеніе святого Іоанна Богослова.

Вотъ наши единственные источники въ Богопознаніи; въ нихъ Самъ Богъ открылъ Себя намъ, они Его истинное откровеніе.

Кромѣ поименованныхъ источниковъ, никакихъ другихъ не принимаемъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: „Хотя и мы бы, или Ангелъ съ неба, сталъ благовѣствовать вамъ, не то что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ анаѳема" (Посл. 8); потому и мы не придаемъ божественнаго значенія и твореніямъ отцовъ позднѣйшей церкви, ибо къ нимъ могутъ быть приложены слова Св. Апостола: „называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный нетлѣнному человѣку" (I Римл. 23), и не почитаемъ истиннымъ ученіе ихъ, запрещающее вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ, дабы вѣрнѣе и познавшіе истину вкушали съ благодареніемъ (1 Тим. IV, 3).

Въ поклоненіи своимъ отцамъ, церковь опирается на слова апостола Павла: „тѣмъ же убо братіе стойте и держите преданія, или же научистеся или словомъ или посла-

ніемъ нашимъ" (2 Сол. II, 15). Мы также признаемъ преданіе, переданное намъ въ книгахъ Ветхаго и Новаго завѣта, но отнюдь не можемъ отнести слова Св. Апостола къ преданіямъ отцовъ церкви, искавшимъ смыслъ истиннаго богооткровеннаго преданія, и измѣнившимъ слово нетлѣннаго Бога въ тлѣнный образъ, ибо ихъ ученіе названо Апостоломъ Павломъ „ученіемъ бѣсовскимъ" (1 Тим. IV, 1).

Не согласуемся также съ ученіемъ греко-россійской церкви о трехъ лицахъ въ Божествѣ; Богъ одинъ и нераздѣленъ, свое ученіе греко-россійская церковь основываетъ преимущественно на словахъ, сказанныхъ Божественнымъ Учителемъ Его ученикамъ: „шедше убо научити вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа". Мы же понимаемъ это мѣсто священнаго Писанія такъ, что Іисусъ повелѣлъ своимъ ученикамъ научить всѣ народы истинному Богопознанію и указать имъ Бога во всемъ существующаго и въ себѣ самомъ пребывающемъ, „да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ", а потому названія Отецъ, Сынъ, Духъ Святой, суть не болѣе, какъ названія Бога, различныя только по той области, въ которой мы Его созерцаемъ, а созерцать Его Единаго мы можемъ по преимуществу: 1) какъ Творца неба и земли, 2) какъ жизнь и душу міра, и 3) какъ Истиннаго Духа, какимъ Онъ открывается намъ въ нашей вѣрѣ къ Нему, ибо истинное понятіе о Богѣ есть понятіе о Немъ, какъ о Духѣ (Іоан. IV, 23, 24), ибо въ Духѣ Богъ является, какъ Единый и Нераздѣльный. Вотъ истинное значеніе словъ Спасителя, ибо такія тѣлесныя понятія, какъ Отецъ и Сынъ, къ Богу можно прилагать только образно.

Богъ есть творецъ міра, Онъ сотворилъ его въ шесть дней; но только для насъ сотвореніе міра есть шестидневное, только мы видимъ все во времени, Богъ же есть большій времени (2 Петр. III 8) и потому онъ есть его постоянный и неусыпный Творецъ, (Еккл. III 1—2) ибо Богъ вѣченъ и неизмѣненъ, и нѣтъ для него прошлаго или будущаго, а только настоящее.

Онъ творитъ міръ по безконечной благости Своей (ибо Онъ Любовь, и онъ возлюбилъ міръ. (Іоан. IV, 8).

Богъ есть Духъ, и потому ему не нужно матеріала для

построенія міра; Онъ создаетъ его, разлагаясь Самъ отъ себя: міръ отъ Бога, (Евр. I 10), онъ есть слово Божіе (Пс. 32). Любя міръ, Богъ любитъ Самого Себя, но онъ любитъ себя въ мірѣ, какъ нѣчто иное, внѣшнее себѣ, и въ этомъ различіи своемъ Богъ видитъ и любитъ Самого Себя: красота міра есть Его красота, и жизнь міра есть Его жизнь; но красота и жизнь міра различны отъ красоты и жизни Божьей.

Вѣнецъ созданія есть человѣкъ; міръ безъ человѣка не полонъ; безъ человѣка міръ не выражаетъ полной сущности Божества, онъ не свободенъ, не разуменъ; его свобода и разумъ внѣ его, и потому онъ не можетъ воздать Богу за любовь Его. Міръ не есть образъ и подобіе Божіе, ибо этотъ образъ и подобіе въ немъ разсѣяны и не соединены въ одну свободу, въ одну любовь; оттого то міръ конеченъ и не сознаетъ себя: сознаніе и разумъ въ немъ только возможны.

Человѣкъ есть эта воплощенная возможность, онъ созданъ по образу и подобію Божіему, онъ по природѣ обладаетъ Божественнымъ Разумомъ, онъ есть вся полнота Божественной мысли, которая содержится въ немъ, какъ дерево содержится въ сѣмячкѣ (3 Эздры, VI 53).

Но сѣмячко еще не есть дерево и не есть плодъ, и потому, для того, чтобы образъ и подобіе Божіи стали въ человѣкѣ дѣйствительностью, для того, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ былъ выраженіемъ Божественной мысли, онъ долженъ познать Бога, какъ безконечное Добро, сознать свою Божественную природу, сдѣлаться ея достойнымъ, и тѣмъ какъ бы завоевать ее.

Тогда только будетъ исполнено его назначеніе быть вѣнцомъ и царемъ созданія и воздать Богу Его любовь; только при этомъ условіи онъ достигаетъ безконечной свободы и разума и становится образомъ и славою Божіею.

Первый человѣкъ жилъ въ земномъ раю, описываемомъ намъ Моисеемъ, какъ прелестный садъ, въ которомъ всего было довольно для услажденія потребъ человѣка. Онъ жилъ въ раю, полный радости, не вѣдая зла, но не сознавая также и добра. (Первобытная невинность Адама — совсѣмъ не та невинность, которую мы должны имѣть, и которую дѣйствительно имѣлъ Христосъ. Невинность Христа есть невинность въ злѣ, но Христосъ былъ виновенъ въ добрѣ, которое Онъ творилъ

и въ совершенствѣ Своемъ; Адамъ же пока не различалъ добра отъ зла, не былъ виновенъ ни въ злыхъ, ни въ добрыхъ поступкахъ, а потому невинность Адама есть только безсознательность, а невинность Христа есть сознательная и добровольная праведность и непорочность). Въ этомъ состояніи первобытной невинности человѣкъ отличенъ отъ животныхъ только тѣмъ, что онъ можетъ возвыситься надъ ними. Животныя также не знаютъ ни добра ни зла, они живутъ въ невинности и не отступаютъ отъ Божественной мысли, по которой они созданы, и потому для нихъ нѣтъ добра. Но человѣкъ, какъ обладающій Божественной природой, безконечнымъ духомъ, есть существо свободное, и какъ таковое, онъ долженъ быть повиненъ за свои поступки, онъ долженъ сознать добро, и создать его: состояніе первобытной невинности не достойно человѣка: такое состояніе есть невинность животнаго, состояніе незнанія. Человѣкъ долженъ знать, это въ природѣ его, и потому онъ вскорѣ прельщается плодами древа познанія добра и зла, и вкушаетъ отъ нихъ: „и вотъ—говоритъ Господь Богъ—человѣкъ сталъ какъ одинъ изъ насъ въ познаніи добра и зла".

Человѣкъ только узналъ, что есть добро и зло, онъ еще не сотворилъ зла, но уже первая его радость омрачилась, онъ лишился состоянія невинности и покоя; онъ изгнанъ изъ рая и изъ присутствія Божія, онъ теперь долженъ самъ, своими собственными силами вновь достигнуть блаженства, единенія съ Богомъ.

Но человѣку Богъ оставилъ на произволъ, творить ли ему добро или зло, и человѣкъ, по преимуществу, творитъ зло, ибо не постигъ еще сущности добра, сущности Бога; Богъ кажется ему чужимъ, отдаленнымъ, а законъ Божій, законъ добра, является ему какъ законъ принудительный, тяжкій, а потому онъ постоянно отъ него отпадаетъ. Онъ видитъ въ Богѣ только своего гнѣвнаго Бога и старается умилостивить Его постоянными жертвоприношеніями; онъ не можетъ вынести его присутствія, только нѣкоторые избранные приближаются къ Нему, и то съ трепетомъ, для остальныхъ же Онъ остается тайной непостижимой, тайной страшной. И это отношеніе человѣка къ Богу выражается тѣмъ, что только одинъ первосвященникъ могъ входить въ часть храма называемой Святая Святыхъ, и

то разъ въ годъ. Но исполнились времена и человѣкъ возмужалъ разумомъ и родился тотъ, отъ котораго міръ чаялъ искупленія. И Онъ возвѣстилъ міру истину: „Блаженни чистіи сердцемъ, ибо тіи Бога узрятъ". Онъ открылъ намъ нашу близость съ Богомъ; онъ назвалъ Бога Отцомъ, а Себя и насъ Его сыновьями, и союзъ страха обратилъ въ союзъ любви. Онъ научилъ насъ познавать Бога, какъ свою истину, свою сущность; и добро стало для насъ понятно, и законъ принужденія сталъ закономъ свободы. Онъ показалъ намъ путь ко блаженству и ко спасенію; и ученіе свое запечатлѣлъ Онъ смертію на крестѣ. И когда Онъ испустилъ духъ, завѣса въ Святая Святыхъ разодралась на двое сверху до низу и тайное стало явнымъ, *и теперь нѣтъ болѣе тайны*, ибо по словамъ Апостола тайна, которая въ другія времена не была показана сынамъ человѣческимъ, нынѣ открыта" (Ефес. III, 5).

И человѣкъ понялъ истину и познать Бога, какъ Духа откровеннаго намъ въ нашемъ духѣ, ибо „Духъ свидѣтельствуетъ о Духѣ". И познать Бога, какъ Отца, и себя, какъ сына Божія, и нашелъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе.

Всѣ мы сыны Божіи и Духъ Святой обитаетъ въ насъ. Но Божественный Учитель нашъ по преимуществу есть Сынъ Божій, онъ выразилъ Собою всю сущность Божества; Онъ истинное Слово Божіе и совершеннѣйшій Богочеловѣкъ, ибо онъ былъ совершеннѣе всѣхъ людей и не было въ Немъ ни единаго порока, мы же ежеминутно согрѣшаемъ и тѣмъ помрачаемъ въ себѣ подобіе Божіе.

Чтобы намъ сдѣлаться достойными своей Божественной природы, мы должны сознать ее и явить ее дѣлами; мы должны быть „совершенны, какъ и Отецъ нашъ небесный". Божественный Учитель нашъ показалъ намъ своею жизнью, какъ намъ достигнуть этого совершенства, и вся жизнь Его есть только раскрытіе Его Божественнаго Духа, и была одною любовью къ Богу и къ ближнему.

Онъ сказалъ намъ, въ чемъ состоитъ весь истинный законъ Божескій и человѣческій. На вопросъ: „какая есть большая заповѣдь", онъ отвѣчалъ: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, вотъ твоя первая заповѣдь; вторая подобная заповѣдь

есть сія: „возлюби ближняго твоего, какъ самого себя; въ этомъ весь законъ и пророки, и заповѣди эти не тяжки: Богъ Самъ первый полюбилъ насъ и вселился въ насъ. Онъ есть наша сущность, Онъ—то, что въ насъ самаго истиннаго и разумнаго, и потому намъ легко и естественно любить Его, что только въ любви къ Нему познаемъ себя и дѣлаемся тѣмъ, чѣмъ мы, по природѣ своей, должны быть, т. е. образомъ и подобіемъ Божіимъ: „Любовь отъ Бога, и всякій, кто любитъ—рожденъ отъ Бога, потому что Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви, пребываетъ въ Богѣ, а Богъ въ немъ.

Еще давно до рожденія Іисуса Христа, евреямъ были даны Богомъ чрезъ Моисея десять заповѣдей, въ которыхъ объяснены всѣ обязанности человѣка къ Богу и къ ближнему его. Заповѣди эти и до сихъ поръ должны быть исполняемы, ибо онѣ не отмѣнены Христомъ; Онъ Самъ говоритъ; „не думайте, что я пришелъ нарушить законъ, я не нарушить законъ пришелъ, но исполнить. Ибо, во истину говорю, скорѣе прейдетъ небо и земля, нежели прейдетъ одна буква, или черта изъ закона, такъ, чтобы не исполнилось бы все.

Моисеевы заповѣди и послѣ пришествія Христа Спасителя остались тѣ же, но намъ стало легче ихъ исполнять: для евреевъ заповѣди были написаны на двухъ каменныхъ доскахъ, у каждаго же истиннаго послѣдователя Христова онѣ начертаны въ сердцѣ. Евреи исполняли ихъ единственно изъ страха Господня, мы же повинуемся имъ изъ любви къ Богу и къ ближнему и потому исполненіе заповѣдей для насъ не тяжко. И такъ какъ любовь и исполненіе заповѣданнаго для насъ значитъ одно и то же, то мы исполняемъ заповѣди не только согласно буквѣ ихъ, но и согласно Божественному смыслу и духу, оживляющему ихъ, ибо „буква убиваетъ; а духъ животворитъ“ (2 Кор. III, 6) и только духовное пониманіе истины, потому что „настало уже время, что истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ: ибо такихъ Отецъ ищетъ поклонниковъ себѣ“ (Іоан. IV, 23). И въ чемъ же истинное исполненіе заповѣдей, какъ не въ исполненіи ихъ по духу, содержимому въ нихъ? Самъ Іисусъ Христосъ научилъ насъ такъ понимать заповѣди Божіи. Онъ сказалъ: ежели пра-

ведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то не войдете въ царство небесное.

Не будемъ же только фарисействующими исполнителями закона, но возлюбимъ Господа Бога нашего, всѣмъ духомъ нашимъ, и въ любви къ Нему найдемъ въ себѣ силы для нелицемѣрнаго соблюденія заповѣдей Его.

Первой заповѣдью—по толкованію духовно-евангелическаго христіанина—запрещается отдавать Божескія почести и молиться кому бы то ни было, кромѣ Единаго Бога, вотъ почему они считаютъ, что православная церковь творитъ смертный грѣхъ, поклоняясь святымъ и угодникамъ. Нигдѣ въ священномъ писаніи, ни въ ветхомъ, ни въ новомъ Завѣтѣ не видно, чтобы Богъ когда-либо повелѣвалъ или дозволялъ поклоняться кому-либо кромѣ Себя. И въ древности были мужи, угодившіе Богу добродѣтельною жизнью, и вѣрою своею: былъ Моисей, удостоившійся, по свидѣтельству Священнаго Писанія, разговаривать съ Самимъ Господомъ Богомъ; было много и другихъ святыхъ мужей и пророковъ, содѣлавшихъ Божіею благодатію и своею вѣрою многія и различныя чудеса для спасенія своего народа, былъ Іоаннъ, объ которомъ Іисусъ сказалъ, что онъ больше пророка, были ученики Христовы, разнесшіе потомъ по лицу земли Его Евангеліе. Священное Писаніе описываетъ намъ всѣ ихъ дѣянія и подвиги, и нигдѣ намъ не показано, чтобы имъ когда-либо поклонялись, или чтобы мы должны были кланяться и молиться имъ.

„Когда апостолъ Петръ входилъ, Корнилій встрѣтилъ его и поклонился, падши къ ногамъ его. Петръ же поднялъ его, говоря: встань и я такой же человѣкъ“, (Дѣян. Апост. X, 25, 26).

Ап. Іоаннъ въ Апокалипсисѣ говоритъ: „Я видѣлъ и слышалъ сіе, когда же услышалъ и увидѣлъ, палъ къ ногамъ Ангела, показывающаго мнѣ сіе, чтобы поклониться ему. Но онъ сказалъ мнѣ: не дѣлай сего, ибо я сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ пророкамъ и соблюдающимъ слова книги сія: Богу поклонись“ (Откр. XXII, 8, 9).

Ежели же Святые апостолы Христовы не позволяли, чтобы имъ при жизни отдавали Божескія почести и молились имъ, то тѣмъ менѣе прилично и позволительно дѣлать это послѣ ихъ смерти. И ежели и самимъ ангеламъ запрещено, и потому

грѣшно поклоняться, то тѣмъ болѣе грѣшно поклоняться различнымъ святымъ, которыхъ народъ уважаетъ болѣе нежели самаго Единаго Господа Бога. Необходимо обратиться къ достодолжному и разумному поклоненію Единому Богу Вседержителю, духомъ и истиною, ибо, по словамъ самого Спасителя, „такихъ поклонниковъ ищетъ себѣ Богъ". Не поклоняться и отдавать Божескія почести надо людямъ, угодившимъ Богу, а подражать ихъ добродѣтельному житію: они же никогда никому не кланялись, кромѣ Единаго Бога, а поклонявшіеся твари, а не Богу,—не могли угодить Богу, ибо Богъ запрещаетъ такое поклоненіе.

И просить объ заступничествѣ и ходатайствѣ предъ Богомъ никого нельзя, кромѣ Іисуса Христа, ибо всякій, читавшій Священное Писаніе, знаетъ, что сказано, „одинъ и ходатай между Богомъ и человѣками, человѣкъ Іисусъ Христосъ" (1 Тим. II, 5).

Но для того, чтобы достойно поклоняться Господу Богу, должно познать Его. Познать Его можно во всемъ, и весь міръ исполненъ дѣлами Господними, „ибо все сотворилъ Господь". И потому слѣдуетъ изучать міръ и учиться истинамъ, которыя въ немъ содержатся. Человѣкъ просвѣщенный въ разныхъ наукахъ, и обучавшійся имъ, несравненно лучше и глубже можетъ постигнуть истину Божества, нежели человѣкъ не наставленный ни въ какихъ наукахъ. Поэтому большинство сектантовъ находитъ, что не слѣдуетъ бояться никакой науки, а, что напротивъ, слѣдуетъ искать ее, ибо всякая наука отъ Бога, и можетъ освѣтить наше понятіе о немъ. „Всяка прэмудрость отъ Бога, и съ нимъ во вѣкъ (Сына Сир. I, 1) и всякое значеніе и истина отъ Бога".

Болѣе же всего слѣдуетъ изучать самое Слово Божіе, переданное намъ въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, ибо все Священное Писаніе—Боговдохновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, чтобы совершенъ былъ человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу пріуготовленъ" (2 Тим. V, 16, 17) и потому знать Священное Писаніе есть Священная обязанность каждаго христіанина, но въ особенности обязанность пастыря и пресвитера церкви.

Хорошо, если бы было принято къ свѣдѣнію, что пишетъ

апостолъ Павелъ въ посланіи Коринѳянамъ, говоря: „если я теперь приду къ вамъ, братья, и стану говорить на незнакомыхъ вамъ языкахъ, то какую пользу принесу вамъ, когда не изъяснюсь вамъ, или откровеніемъ, или познаніемъ, или пророчествомъ, или ученіемъ. Если я не разумѣю значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ и говорящій для меня чужестранецъ. А потому, говорящій на незнакомыхъ языкахъ, молись и истолковывай“ (1 Кор. XIV, 6—11, 13).

Обученіе слову Божію есть истинное духовное крещеніе. Крещеніе же погруженіемъ въ воду или обливаніемъ, есть теперь одна обрядность, которая съ пришествіемъ Іисуса Христа отмѣнена, ибо Онъ сказалъ апостоламъ: „Іоаннъ крестилъ водою, а вы чрезъ нѣсколько дней будете крещены Духомъ Святымъ“, (Дѣян. Ап. I, 5), и когда апостолы были всѣ вмѣстѣ собраны, они исполнились Святаго Духа и пошли проповѣдывать Евангеліе. Поэтому сектанты полагаютъ, что теперь, послѣ пришествія Христова, истинное крещеніе заключается въ обученіи слову Божьему, въ духовномъ крещеніи, а не въ погруженіи въ воду. Самъ Іоаннъ Креститель, когда проповѣдывалъ крещеніе погруженіемъ въ воду, говорилъ: „Я крещу васъ водою, но грядетъ сильнѣйшій меня (Христосъ)... Тотъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ“. (Лук. III, 16); слѣдовательно и Іоаннъ Креститель зналъ, что крещеніе водою продолжится только до пришествія Христова, послѣ котораго будетъ крещеніе духовное. Вѣдь не поняла же позднѣйшая церковь слово „огнемъ“ въ тѣсномъ смыслѣ и не творитъ надъ своими чадами обряда крещенія обжиганіемъ въ огнѣ. Отчего же не поняла она всего крещенія въ духовномъ, истинномъ смыслѣ, какъ погруженіе въ Слово Божіе и Любовь Божію? Также духовно понимали крещеніе и Святые Апостолы. Апостолъ Павелъ говоритъ: „Христосъ послалъ меня не крестить, а благовѣствовать, ибо *слово о крестѣ* для насъ спасаемыхъ есть сила Божія“. (I Кор. II 17 10) „Ужели же вы не знаете, что всѣ мы крестившіеся во Іисуса Христа погружались въ смерть Его? И такъ погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть, дабы какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и мы ходимъ въ обновленной жизни. Ибо если мы соединены съ Нимъ подобіемъ смерти, то должны

быть соединены и подобіемъ воскресенія, зная то, что ветхій нашъ человѣкъ распятъ въ Немъ, чтобы исчезло тѣло грѣха, дабы намъ не быть рабами грѣха. Ибо кто умеръ, тотъ свободенъ отъ грѣха. Если же мы умерли со Христомъ, то вѣримъ, что намъ и жить съ Нимъ, зная, что Христосъ воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ, смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти. Ибо когда Онъ умеръ, умеръ однажды для грѣха; а живя, онъ живетъ для Бога. Такъ и вы почитайте себя для грѣха мертвыми, а живите для Бога во Іисусѣ Христѣ" (Римл. VI, 3—12).

О какомъ же крещеніи говоритъ тутъ Святой Апостолъ, о плотскомъ или духовномъ? Сектанты разумѣютъ духовный смыслъ, ибо креститься въ смерть Христову, дабы потомъ вмѣстѣ съ Нимъ воскреснуть, значитъ умертвить въ себѣ всѣ грѣховныя помышленія, и жить въ добродѣтеляхъ и по Закону Божію, а неужели же этого можно достичь однимъ воднымъ крещеніемъ? Омовеніе даетъ намъ только тѣлесную чистоту, духовной же чистоты и непорочности достигнуто имъ быть не можетъ, духовная чистота достигается Богопознаніемъ и изученіемъ Слова Божія, — вотъ истинное крещеніе — такъ понималъ его Христосъ, такъ понимали его якобы апостолы.

Христіанская церковь утверждаетъ свое ученіе о плотскомъ, водномъ крещеніи на словахъ, сказанныхъ Іисусомъ Христомъ Никодиму: „Если кто не родится отъ воды и духа, то не можетъ войти въ Царствіе Божіе" (Іоан. III, 5). Какъ понималъ Христосъ слово „вода"—видно изъ его разговора съ самарянкою. Онъ говорилъ ей: „всякій пьющій сію воду (т. е. реальную, которая течетъ въ ручьяхъ и колодцахъ) возжаждетъ опять, а кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ, но вода, которую я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную" (Іоан. IV, 13—14). Понятно, что подъ словомъ „вода" Христосъ разумѣлъ свое ученіе.

По ученію греко-россійской церкви, крещеніе есть таинство, сектанты же въ немъ никакой таїны не видятъ, считая, напротивъ, что крещеніе есть обнаруженіе и раскрытіе тайны; ибо для незнающаго Слова Божія, для духовно некрещеннаго, Слово Божіе есть тайна, а крещеніе въ томъ и состоитъ, что-

бы онъ научился Божественной истинѣ, чтобы она перестала быть для него тайною. Самъ Спаситель сказалъ Своимъ ученикамъ: „идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча ихъ соблюдать все, что я повелѣлъ вамъ“ (Мѳ. XXVIII, 19—20), „ибо нѣтъ ничего сокровеннаго, чтобы не открылось, и тайнаго, чтобы не было узнано“ (Мѳ. X, 20).

Изъ истиннаго познанія Бога вытекаетъ истинное поклоненіе Богу.

Кто знаетъ Бога, тотъ его любитъ, ибо Богъ есть любовь, а кто любитъ Бога, тотъ исполняетъ заповѣди Его, и для любящаго Бога, заповѣди его не тяжки, ибо, „гдѣ духъ любви, духъ Господень, тамъ свобода“. (2 Кор. III, 17). „Вы, братія, призваны въ свободу—говоритъ святой апостолъ—только чтобы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти, но по любви служите другъ другу. Ибо весь Законъ заключается въ семъ одномъ словѣ:. „люби ближняго, какъ самого себя“. Когда мы исполняемъ волю Божію, мы тѣмъ самымъ любимъ Господа и тогда намъ нечего Его бояться, ибо „страха нѣтъ въ любви, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; ибо въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви“.

Но не довольно намъ познавать Бога, вѣровать въ него, и исполнять волю Его въ тайнѣ; мы должны безбоязненно исповѣдывать Святую Божію Истину предъ людьми. Самъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ: „Куда придете — проповѣдуйте, говоря: близко царствіе Божіе, (Мѳ. X, 7). И будете ненавидимы всѣми за имя Мое; претерпѣвшій же до конца спасется (22), но не бойтесь убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить душу (28); и то, что я вамъ говорю въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и то, что сказывается вамъ на ухо, провозглашайте съ кровель. Зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но въ подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ находящимся въ домѣ.

Второю заповѣдью—въ освѣщеніи сектантовъ—запрещается дѣлать себѣ какія-либо изображенія и изваянія чего бы то ни было, и кого бы то ни было, для того, чтобы поклоняться этимъ изображеніямъ. Поэтому сектанты не имѣютъ никакихъ изображеній и образовъ ни Господа Бога, ибо „Его никто никогда не видалъ“ (Іоан. IV 12), ни кого другого, ибо „намъ не-

зачѣмъ имѣть ихъ: поклоняться и молиться имъ запрещено и есть величайшій грѣхъ противъ Господа Бога". Сектанты не понимаютъ объясненій греко-россійской церкви, что она не поклоняется иконамъ своимъ, а только чтитъ въ нихъ изображенія святыхъ мужей, и что поклоняется не самому образу, а тому, что на немъ изображено *). Во истину исполнились слова пророка Іереміи: „сколько у тебя городовъ столько и боговъ"...

Третьею заповѣдью запрещается намъ ежеминутно и безъ нужды призывать Господа Бога во свидѣтели; въ особенности же грѣшитъ противъ Господа Бога тотъ,—доказываетъ сектантъ—кто не боится, солгавъ, призвать Бога во свидѣтели своей лжи. Имя Господне должно быть между нами свято и употребляемо съ уваженіемъ и не иначе, какъ въ молитвѣ или благочестивой бесѣдѣ. Священное Писаніе вотъ какъ объ этомъ говоритъ: „Не пріучай устъ своихъ къ клятвѣ и не слишкомъ привыкай произносить имя Всевышняго, ибо, какъ рабъ, котораго часто наказываютъ, не освободится отъ рубцовъ, такъ и тотъ, кто клянется именемъ Господа, не будетъ чистъ отъ грѣха. Человѣкъ, клянущійся часто, умножаетъ беззаконія, и бичъ не отступитъ отъ его дома". Но Божественный Учитель нашъ научилъ насъ вовсе не клясться. „Вы слышали — сказалъ Онъ—что сказано древнимъ: не нарушай клятвы, но исполняй, въ чемъ клялся передъ Господомъ. А я вамъ говорю: не клянитесь вовсе". На основаніи этого сектанты считаютъ себя обязанными вовсе не клясться, выражая увѣренность оставаться и безъ клятвы вѣрными своему слову.

Четвертая заповѣдь касается соблюденія праздничныхъ дней. Кромѣ воскресеній сектанты—по крайней мѣрѣ, большая ихъ часть—хранятъ еще слѣдующіе дни: Благовѣщеніе, Рождество, Срѣтеніе, Крещеніе, Преображеніе, Воскресеніе, Вознесеніе и Сошествіе Святого Духа.

Въ дни страданій Іисуса Христа нѣкоторые сектанты выдерживаютъ постъ въ память плотскихъ мученій, которыя добровольно принялъ Іисусъ Христосъ. Въ эти дни они ничего не пьютъ и не ѣдятъ.

*) Трактовка сектантами вопроса объ иконопочитаніи опускается, какъ нѣсколько неудобная.

Всѣхъ же прочихъ постовъ, установленныхъ греко-россійскою церковью, какъ, напримѣръ, посты по средамъ и пятницамъ, сектанты не принимаютъ. Также отвергается раздѣленіе пищи на скоромную и постную. Всякая пища создана Богомъ и одинаково хороша, постной же пищи быть не можетъ, ибо постъ есть воздержаніе отъ всякой пищи, а не наполненіе желудка рыбой и грибами.

Вотъ, что читаемъ о постѣ у Исаіи пророка: „Взывай всею гортанью, не умолкай, какъ трубою греми гласомъ твоимъ и возвѣсти народу моему невѣрность его и дому Іаковлеву грѣхи ихъ. А они изо дня въ день ищутъ меня и хотятъ знать пути мои, какъ бы народъ, который поступалъ праведно, и не оставлялъ законовъ Бога своего, требуютъ отъ Меня судовъ правды, желаютъ близости Божьей. „Почему мы постимся, а Ты не видишь? томимъ душу свою, а ты не знаешь? Се! Въ день поста вашего вы угождаете своей прихоти, и мстите за всякія досады свои. Се! Вы поститесь для ссоръ и распрей, и для того, чтобы кулакомъ беззаконнымъ бить, не для того поститесь теперь, чтобы гласъ вашъ былъ услышанъ на высотѣ. Таковъ ли долженъ быть постъ, который Я люблю, день, въ который томитъ человѣкъ свою душу, когда гнететъ голову свою, какъ тростникъ, и подстилаетъ себѣ власяницу и пепелъ. Это ли назовемъ постомъ и днемъ богоугоднымъ Господу. А вотъ постъ, который Я люблю: развязывай всякій узелъ неправды, облегчи отягощенныхъ, отпусти притѣсненныхъ на волю, и всякое обязательство неправедное разорви. Раздѣли голоднымъ хлѣбъ твой, нищихъ, неимѣющихъ пристанища, введи въ домъ твой, если видишь нагого, одѣнь его, и отъ родственниковъ твоихъ не отворачивайся. Тогда взойдетъ свѣтъ твой, какъ утренняя заря, и пойдетъ предъ тобой правда твоя и слава Божія обниметъ тебя“ (Ис. LVIII, 1—8).

Вотъ въ чемъ заключается постъ духовный, истинный, постъ, пріятный Богу, а не въ воздержаніи отъ такъ называемой скоромной пищи. „Чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцомъ,—говоритъ святой Апостолъ—есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ несчастіи и хранить себя неоскверненными отъ міра“.

Много вниманія удѣляютъ сектанты шестой заповѣди.

„Проливающій кровь человѣка—человѣкомъ кровь его пролита будетъ: ибо по образу Своему Богъ сотворилъ человѣка (Быт. XI, 6). Потому всякое убійство, какое бы оно ни было и гдѣ бы оно ни совершалось, есть грѣхъ противъ Господа Бога и „никакой человѣкоубійца не имѣетъ жизни вѣчной“ (1 Іоан. III, 15). Человѣкъ есть „слава Божія“ (1 Кор. XI, 7), и кто же посмѣетъ умалить славу Божію, убить человѣка? Только одинъ Всевышній Господь Богъ, Творецъ неба и земли, и всего, что есть въ нихъ, имѣетъ право надъ жизнію и смертью человѣка., и кромѣ Него никто, ибо всѣ мы братія о Христѣ и всякій, убивающій человѣка или дозволяющій его, есть человѣкоубійца. Человѣкъ достоинъ смерти только тогда, когда худою жизнью и грѣхами своими изъ славы Творца своего дѣлается Ему позоромъ, когда своими дѣйствіями безславитъ Его святое Имя и затемняетъ въ себѣ Его образъ и подобіе. Изъ Священнаго Писанія видимъ, что такъ было предъ потопомъ, такъ было съ жителями городовъ Содома и Гоморры, такъ было съ Кореемъ, Даѳаномъ и Авирономъ; но всѣ эти люди осуждены были на смерть Самимъ Господомъ Богомъ, пали по Его волѣ и были поражены Его праведнымъ гнѣвомъ, а изъ человѣковъ кто можетъ сказать брату своему: „ты не достоинъ жизни, данной тебѣ Богомъ, или: ты долженъ умереть“, ибо даже „кто скажетъ брату своему — безсовѣстный! подлежитъ гееннѣ огненной“ (Мѳ. V, 22), тѣмъ болѣе же осуждающій брата своего на смерть. „Не судите, чтобъ не быть судимыми—сказалъ Божественный Учитель—ибо какимъ судомъ судите, такимъ судомъ судимы будете“; и потому кто осудитъ брата своего на смерть, можетъ-ли онъ надѣяться, что Господь помилуетъ его? И убійца не можетъ оправдываться: я убилъ человѣка для спасенія собственнаго живота или имущества, ибо такое оправданіе есть безуміе: когда воины и служители первосвященниковъ пришли, чтобы взять Христа и предать Его смерти, Симонъ Петръ, имѣя мечъ, извлекъ его и ударилъ имъ первосвященническаго раба; тогда Іисусъ сказалъ ему: вложи мечъ твой въ ножны, ибо всѣ, поднявшіе мечъ, мечомъ и погибнутъ.

И убійца не будетъ помилованъ, ежели скажетъ: я убилъ не брата своего, а иноплеменника, иновѣрца, человѣка не вѣ-

рующаго во Христа, не знающаго истиннаго Бога. Всякій человѣкъ созданъ Богомъ по образу и подобію Своему и всякій призванъ Христомъ ко спасенію и жизни вѣчной.

„Всѣхъ же изъ страха, раболѣпства, малодушія, лицепріятства и тщеславія сражающихся и убивающихъ, прости, Господи, не вѣдаютъ бо, что творятъ".

Но худшее убійство есть духовное убійство, т. е. когда мы убиваемъ не плоть человѣка, а вводимъ его въ беззаконіе и грѣхъ. „Не бойтесь убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить души, а бойтесь паче могущаго и душу, и тѣло погубить въ гееннѣ" (Мѳ. X, 28); поэтому мы должны заботиться о томъ, чтобы не вводить въ соблазнъ брата нашего, ибо ежели соблазнится и согрѣшитъ, то навлечетъ на себя праведный гнѣвъ Господа нашего.

И всякій, сокращающій жизнь человѣка худымъ обращеніемъ, гнѣвомъ, угрозою, бранью, ненавистью, повиненъ въ преступленіи шестой заповѣди. Самъ Богъ чрезъ Моисея сказалъ: „Никакую вдову и сироту не угнетайте; если же угнетать будешь ихъ, и крикомъ закричатъ онѣ, то слухомъ услышу Я крикъ ихъ—и запылаетъ гнѣвъ Мой, и побью васъ мечомъ, и будутъ жены ваши вдовами и дѣти ваши сиротами". „Гнѣваясь, не согрѣшайте — говоритъ святой апостолъ—да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ. Никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ. Всякая досада, ярость и гнѣвъ, крикъ и злорѣчіе, и всякая злоба должны быть удалены отъ васъ; но будьте другъ къ другу добры, сострадательны; прощайте другъ другу, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ" (Ефес. IV, 26, 29, 31, 32).

„Никто—повелѣваетъ седьмая заповѣдь—не будетъ къ роднымъ своимъ приближаться для открытія наготы ихъ. Наготы отца твоего и наготы матери твоей не будешь ты открывать: мать твоя она — не откроешь наготы ея. Наготы жены отца твоего не будешь ты открывать: нагота отца твоего это. Наготы сестры твоей, дочери отца твоего или дочери матери твоей, рожденной въ домѣ, или рожденной на сторонѣ, — не будешь ты открывать наготу ихъ. Наготу дочери сына твоего или дочери твоей не будешь открывать, ибо нагота ихъ — нагота твоя. Наготу сестры отца твоего не будешь открывать—

родня отца твоего она. Наготу сестры матери твоей не будешь открывать, ибо родня матери твоей она. Наготу брата отца твоего не будешь открывать, къ женѣ его не приблизишься— тетка твоя она. Наготу женщины и дочери ея не будешь открывать; дочери ея и дочери сына ея не будешь брать для открытія наготы ихъ: родня ея онѣ, развратъ это. И жены къ сестрѣ ея не будешь брать для возбужденія ревности, для открытія наготы ея подлѣ нея въ жизни ея. И женѣ ближняго твоего не дашь лежанья сплени твоего, чтобъ оскверниться. И съ мужескимъ поломъ не ляжешь лежаньемъ женскимъ: мерзость это. И никакому скоту не дашь лежанья твоего, чтобы оскверниться имъ; и женщина не должна становиться предъ скотиною для совокупленія; извращеніе это" (Лев. XVIII 6—18, 20, 22—23, 29).

„Бѣгайте блуда — говоритъ апостолъ — ибо всякій грѣхъ, какой дѣлаетъ человѣкъ, есть внѣ тѣла, а блудникъ грѣшитъ противу собственнаго тѣла. Развѣ не знаете, что тѣла ваши суть члены Христовы? Итакъ, отниму-ли я члены у Христа, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы? Сохрани Богъ. Или не знаете, что совокупляющійся съ блудницею становится одно одно тѣло съ нею, ибо сказано: два будутъ одна плоть, а соединяющійся съ Господомъ будетъ одинъ духъ съ Господомъ".

„Не ходи навстрѣчу распутной женщинѣ, чтобъ не попасть въ ея сѣти. Не предавай души своей блудницамъ, чтобъ не погубить наслѣдія своего. Не озирайся по улицамъ города и не броди по переулкамъ. Отврати свое око отъ красивой женщины и не засматривайся на чужую красоту. Красотою женскою многіе уловлены; любовь загорается отъ нея какъ огонь. Съ замужнею женщиною совсѣмъ не садись и не будь съ нею на пирушкѣ за виномъ, чтобы душа твоя не преклонилась къ ней и твоя похоть не ввергла тебя въ погибель" (Іис. Сир. IX, 3, 6—11).

„Хорошо человѣку не касаться женщины, но, во избѣжаніе блудодѣянія, каждый пусть имѣетъ свою жену и каждая жена пусть имѣетъ своего мужа. Не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ постѣ и молитвѣ, а потомъ соединяйтесь опять, чтобы сатана не искушалъ васъ невоздержаніемъ вашимъ" (1 Кор. VII, 1—6).

Брачное сожительство установлено Самимъ Господомъ Богомъ еще во время пребыванія человѣка въ раю. Брачное сожительство не должно быть плотскимъ, тѣлеснымъ сожительствомъ, ибо только животныя, не имѣющія безсмертнаго духа, совокупляются единою плотію. Для человѣка же, для образа и подобія Божія, такое только плотское совокупленіе есть униженіе и безчестіе. Союзъ между мужемъ и женою долженъ быть союзомъ и духовнымъ. Св. апостолъ уподобляетъ брачный союзъ союзу Христа съ церковью. Союзъ же Христа съ церковью есть духовный.

Но земной брачный союзъ не долженъ быть только духовнымъ, ибо Богъ сказалъ: „плодитесь и множьтесь", и потому мужъ отдавай женѣ должное, подобно и жена мужу: жена не властна надъ своимъ тѣломъ, равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, а жена.

Расторженіе брака или разводъ Священное Писаніе не допускаетъ и считаетъ за прелюбодѣяніе. „Вступившимъ въ бракъ — пишетъ святой апостолъ—повелѣваю не я, а Господь, женѣ не разводиться съ мужемъ" (1 Кор. VII). Расторгнутъ бракъ можетъ быть только тогда, когда онъ уже расторгнутъ прелюбодѣяніемъ одного изъ супруговъ, не иначе. На основаніи словъ Спасителя, сектанты не допускаютъ у себя развода. Послѣ смерти одного изъ супруговъ, другой можетъ вступить въ новый бракъ: „жена связана закономъ, доколѣ живъ мужъ; если же мужъ ея умретъ, свободна выйти за кого хочетъ" — говоритъ апостолъ.

Образъ самаго бракосочетанія молоканами, напримѣръ, заимствуется изъ книги Товита VII, 10, на основаніи которой они бракосочетаются слѣдующимъ образомъ:

Обрядъ начинается благословеніемъ отца и матери: „Чадо, помни сотворившаго тя, во днѣхъ юности твоея, и вся дни чти Господа Бога твоего, и да не похощеши согрѣшити и преступати заповѣди Господни; правду творя вся дни живота твоего, внемли себѣ, чадо, отъ всякаго блудодѣянія. Вступили вы во святое и Богомъ благословенное супружество, почтите оное благословеніемъ и сохраните между собою любовь и согласіе, егда благословитъ васъ Богъ и узрите чадъ своихъ, и плодъ чрева своего, привлечете на себя благословеніе Божіе

и мирное житіе; сего ради и наше родительское благословеніе на васъ пребудетъ, да благословитъ васъ Господь Богъ принять супружество и сохранить оное въ чистотѣ; сего усердно желаемъ, да будетъ благословеніе на васъ. Аминь".

Потомъ поется псаломъ CXXXIII. Послѣ того, спросивши жениха и невѣсту, по согласію-ли сочетаются, требуютъ отъ нихъ такое обязательство: „Се ради Всевышняго Бога нашего Іисуса Христа, при собраніи общаго совѣта христіанскаго сословія въ наслѣдіе святымъ, по повелѣнію Божію, желаемъ совокупиться законнымъ бракомъ, по благословенію и желанію нашихъ родителей, съ тѣмъ, чтобы безъ нарушенія Божіей заповѣди и святыхъ преданій апостолъ и пророкъ, между нами наблюдена была вѣрность, ложе не скверно, удалятися отъ блуда и прелюбодѣйства до жизни нашего вѣка, по приказанію апостола Павла, что „женѣ отъ мужа не отлучатися, равно и и мужу жены не отпущати". Какъ я, женихъ, не пойму жены иной, кромѣ той, которую принимаю, и долженъ жену свою любить, не свирѣпо съ нею поступать, но разумнымъ снисхожденіемъ, и исполнять ея слабости и въ общемъ хозяйствѣ, и дѣтей воспитаніи, и имѣть ее за вѣрнѣйшую свою помощницу. Равно и я, невѣста, не буду посягать за другого мужа, кромѣ того, на котораго теперь посягаю, и долгъ мнѣ есть любить и повиноваться, какъ Господу, такъ какъ мужъ есть глава жены, и нравы свои къ его угожденію склонять и самыя его оскорбленія сносить въ кротости духа.

Въ заключеніе обѣта нашего предъ Гсподомъ Богомъ нашимъ и предъ общимъ собраніемъ, обоихъ должность наша есть хранить непорочность ложа своего во вѣки и въ вѣкъ вѣка. Аминь".

Затѣмъ отецъ возглашаетъ: „Благословенъ еси ты Боже во всякомъ благословеніи чистомъ и святомъ; да благословятъ Тебя Святыя твои, и вся созданія твои, и всѣ ангели твои, и избранные твои, но по многой милости Твоей сотвори еси съ нами, Господи, да помилуешь рабовъ твоихъ, нынѣ обоихъ сочетающихся; сотвори имъ милость и соверши ихъ во здравіе, съ веселіемъ и милостію твоею"..

Обрядъ заканчивается наставленіемъ: „Вѣрная во Христѣ сочетанная двоица, вступивъ во Святое и Богомъ благосло-

венное супружество, почтите оное исполненіемъ обѣта, каковой Самъ Богъ соединити благоволилъ. Сохраните между собою любовь и согласіе, яко едина душа въ двухъ тѣлахъ живущая, больше же всего сохраните любовь къ Богу, почтеніе къ Закону Его, такъ какъ Богъ любовь есть, и пребывающій въ любви, въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ".

По окончаніи сего, поется всѣми собравшимися псаломъ CXXXII, „се что добро, или красно, но еже жити братія вкупѣ". И тѣмъ бракосочетаніе заканчивается.

Всѣхъ же обручальныхъ и вѣнчальныхъ обрядовъ, совершаемыхъ греко-россійской церковью, сектанты не исполняютъ, исходя изъ своихъ представленій о церкви. Церковь Христова или храмъ Божій есть общество вѣрующихъ въ Бога согласно ученію, преподанному Іисусомъ Христомъ и его апостолами. „Развѣ вы не знаете, что вы храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ"—(Кор. III, 11), и „не знаете ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святого Духа, который имѣете отъ Бога".

На основаніи этого собственно въ зданіяхъ и украшеніяхъ никакой святости, ни Божества сектанты не признаютъ. „Какая совмѣстность между храмомъ Божіимъ и идолами, ибо вы храмъ Бога живого, такъ какъ сказалъ Богъ, вселюся въ нихъ, и буду ихъ Богомъ, и они будутъ моимъ народомъ" (2 Кор. VI—16).

Ученіе греко-россійской церкви, объ антиминсѣ, освящающемъ храмъ Божій, сектанты также категорически отвергаютъ, какъ необоснованное, по ихъ понятіямъ, на священномъ писаніи. Учредитель и начальникъ церкви есть самъ Іисусъ Христосъ. „Гдѣ соберутся двое и трое во имя мое—сказалъ Онъ—тамъ и Я посреди ихъ" (Мѳ. XVIII, 20). Вотъ начало церкви Христовой: „Послѣ вознесенія Христа Спасителя на небо, всѣ апостолы были единодушно вмѣстѣ. Внезапно сдѣлался шумъ съ небеси, какъ бы отъ несущагося сильнаго дыханія вѣтра, и исполнилъ весь домъ, гдѣ они находились. И исполнились всѣ они Духа Святаго" (Дѣян. Ап. II, 1, 2, 4).

„Самъ Христосъ предалъ себя за нее (церковь) чтобы освятить ее, очистивъ водною банею, посредствомъ слова, чтобы

представить ее себѣ славною церковью, не имѣющею пятна, или порока, но дабы она была свята и безпорочна".

„Христосъ и Священное Писаніе суть единственныя основы, на которыхъ зиждется истинная христіанская церковь, община Христова, и всякое общество, въ основаніи котораго не лежитъ ученіе Христово—не есть истинная церковь, потому что истинная церковь одна, ибо никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ". Поэтому сектанты не признаютъ ни греко-россійскаго ни римско-католическаго вѣроисповѣданія, ни старообрядческихъ согласій, принадлежащими къ истинной вѣрѣ Христовой. Это—*такъ называемыя* церкви...

Глава церкви есть Божественный Учитель нашъ Іисусъ Христосъ, котораго Богъ, воскресивъ изъ мертвыхъ, посадилъ одесную себя на небесахъ, превыше всякаго начальства и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, какимъ именуются не только въ семъ свѣтѣ, но и въ будущемъ и все покорилъ подъ ноги его, и Его поставилъ превыше всего, главою церкви, которая есть Его тѣло, полнота того, который наполняетъ все всѣмъ" (Ефес. I, 20—23).

Никакого другого начальника вѣры и главы у истинной церкви Христовой нѣтъ, и быть не можетъ, ибо если имѣемъ другую главу, то она не Христова, а ежели не Христова, то и не истинная, и потому всякій, именующій себя главою церкви, тѣмъ самымъ какъ-бы хочетъ вступить въ единоборчество со единой истинной главою церкви, съ Христомъ и дѣлается противникомъ Христовымъ.

„Архіерей и первосвященникъ истинной церкви есть единственно Іисусъ Христосъ". „Мы имѣемъ не такого первосвященника, который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ нашихъ, но который, подобно намъ, испыталъ все, кромѣ грѣха". Кромѣ Іисуса Христа никакихъ архіереевъ, первосвященниковъ и священниковъ въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ, и быть не можетъ.

По примѣру церкви временъ апостольскихъ, сектанты собираются для общественнаго богослуженія и поклоненія Богу. Богослуженіе состоитъ: 1) въ чтеніи Священнаго Писанія, при чемъ иногда бываетъ и истолкованіе его для неясно понима-

ющихъ его. 2) въ пѣніи псалмовъ и другихъ мѣстъ священнаго писанія, по выбору собравшихся; 3) въ молитвахъ.

„Слово Христово да обитаетъ въ васъ обильно, со всякою премудростью—говоритъ Св. Апостолъ; научайте и вразумляйте другъ друга, псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, съ благодареніемъ воспѣвая въ сердцахъ вашихъ" (Кн. Ш, 16). Для богослуженія сектанты не имѣютъ особыхъ помѣщеній, а собираются въ обыкновенныхъ своихъ жилищахъ. Сектанты не считаютъ, чтобы зданіе могло придавать святость собранію, напротивъ, полагаютъ, что самое собраніе освящаетъ собою всякое мѣсто, гдѣ оно находится. Во время Ветхаго Завѣта у евреевъ былъ въ Іерусалимѣ храмъ, въ которомъ находился кивотъ завѣта, тогдашняя святыня евреевъ. Съ пришествія же Іисуса Христа это отмѣнено и чрезъ него мы знаемъ, что Богу достойно поклоняться на всякомъ мѣстѣ, ибо „Богъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ", и что „настало уже время, когда истинные поклонники поклонятся Богу духомъ и истиною".

Также изъ различныхъ мѣстъ Священнаго Писанія видимъ, что во времена святыхъ апостоловъ церковь вѣрующихъ въ Господа нашего Іисуса Христа, приносила общее богослуженіе въ домахъ и молилась на всякомъ мѣстѣ.

Самое богослуженіе у большей части сектъ начинается молитвою „Отче нашъ", которую говоритъ проповѣдникъ, или пресвитеръ. Потомъ всѣ собравшіеся садятся и начинается чтеніе Священнаго Писанія и псалмовъ, при чемъ каждый стихъ сперва читается пресвитеромъ, а потомъ поется всѣмъ собраніемъ.

„*Чтеніе Священнаго Писанія есть истинное причащеніе тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа*". „Истинно, истинно говорю вамъ,—сказалъ Онъ—вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную. Я есмь хлѣбъ жизни. Хлѣбъ же сходящій съ небеси долженъ быть таковъ, чтобы ядущій его не умиралъ. Отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ, и померли. Я есмь хлѣбъ живой, сшедшій съ небеси, ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который я дамъ, есть жизнь моя, которую Я отдамъ за жизнь міра... истинно, истинно говорю вамъ, ежели не будете ѣсть плоти сына человѣческаго, и пити кровь Его,

то не будете имѣть въ себѣ жизни. Многіе изъ учениковъ Его, слыша то, говорили: какія странныя слова — кто можетъ это слушать? Но Іисусъ Христосъ, зная, что ученики его ропщутъ, сказалъ, это ли васъ соблазняетъ: *Духъ животворитъ; плоть же не пользуетъ ни мало. Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь*" (Іоан. VI, 47—51, 53, 60, 61, 63). Явное дѣло—разсуждаютъ сектанты—что Спаситель говоритъ здѣсь о пищѣ духовной, которая есть Слово Божіе, и причащеніе Слову Божіему есть истинное причащеніе...

Послѣ чтенія и пѣнія Священнаго Писанія, которое продолжается нѣсколько часовъ, все собраніе встаетъ и начинается общественная молитва, творимая проповѣдникомъ и пѣніе псалмовъ, въ которомъ участвуетъ все собраніе.

Во время молитвы собраніе стоитъ на колѣняхъ, по примѣру Самаго Іисуса Христа, который „преклонивъ колѣна, молился". Крестнаго знаменія сектанты не творятъ, считая это излишнимъ. Христосъ приказалъ намъ нести *духовный* крестъ, т. е. тѣ страданія, которыя намъ ниспосылаются...

Молитвы, произносимыя наставникомъ, чаще бываютъ приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Призри, Господи, отъ обители Святыя Твоея; пріими отъ насъ, Господи, моленія наши за всѣхъ людей, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмятежное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо пріятно есть предъ спасителемъ нашимъ Богомъ, иже хощетъ всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити. Умилосердися, Господи, на приношеніе наше, якоже на Авелеву жертву, пріими отъ насъ угожденія наша, якоже Яноха; соблюди насъ, Господи, отъ потопа мысленнаго, якоже Ноя, сохрани насъ, Господи, отъ огня и жупела, якоже Лота, отъ Содомлянъ; и явися намъ, Господи, Духомъ Святымъ твоимъ, якоже отцу нашему Аврааму, подаждь намъ, Господи, завѣтъ свой, якоже Исааку, прослави насъ, Господи, якоже отрока своего Израиля, и напиши, Господи, на сердцахъ своихъ оправданіе судовъ, якоже Моисею, на горѣ Синайской, проведи насъ, Господи, сквозь источники ложные, якоже Моисея, сквозь моря, избави насъ, Господи, отъ меча летяща, якоже Давида отъ меча Голіафа, сокруши, Господи, предъ нами идола, якоже во дни

Иліи пророка сокрушилъ еси Ваала; пошли къ намъ, Господи, благодѣтельницу Матерь нашу — Твою Премудрость, изведи насъ, Господи, отъ бездны глубокія, отъ ада преисподняго, прегрѣшеній нашихъ, постави насъ, Господи, на горнѣй Твоей лѣствицѣ оправданій нашихъ и судовъ; спаси, Спаситель, души наша отъ нынѣ и до вѣка. Аминь".

Затѣмъ поются 26 и 50 псалмы, которыми и оканчивается богослуженіе. Послѣ него нерѣдко бываетъ братская трапеза, которой, однако, не придается никакого таинственнаго значенія, какъ части богослуженія.

Въ годовщину послѣдней вечери Іисуса Христа съ апостолами сектанты тоже собираются, преломляютъ и ѣдятъ хлѣбъ въ Его воспоминаніе, при чемъ бываютъ у нихъ благочестивыя бесѣды, за таинства же эти трапезы не принимаются.

Таинствъ сектанты вообще никакихъ не признаютъ, ибо — по ихъ толкованію—всякая тайна открыта съ пришествія Іисуса Христа его послѣдователямъ: „вамъ дано знать тайны царствія небеснаго (Мѳ. XIII, 11). сказалъ Іисусъ; такъ же точно учитъ и апостолъ Павелъ: вы можете—говоритъ онъ — читая, усмотрѣть мое разумѣніе тайны Христовой, которая въ другія времена не была показана сынамъ человѣческимъ, а нынѣ открыта Святымъ Его апостоламъ и пророкамъ Духомъ Святымъ". (Ефес. III, 4—5). Слѣдовательно, Христосъ открылъ своимъ ученикамъ тайну и открылъ Онъ ее для того, чтобы они благовѣствовали ее всѣмъ и каждому. „Мнѣ — говоритъ апостолъ Павелъ — наименьшему изъ всѣхъ святыхъ, дана благодать сія, благовѣствовать язычникамъ неислѣдимое богатство Христово и открыть *всѣмъ*, въ чемъ состоитъ домостроительство тайны, сокрывавшейся отъ вѣчности въ Богѣ, дабы нынѣ чрезъ церковь сдѣлалась извѣстною". (Ефес. III, 8—10).

Истина Божія должна быть явлена и открыта, и дѣлающіе изъ нея тайну, принимаютъ великій грѣхъ на душу, ибо утаиваютъ путь ко спасенію, указанный намъ Іисусомъ Христомъ.

„Эта истина состоитъ въ томъ, что Богъ есть Духъ, что человѣкъ есть храмъ Божій, и что Духъ Божій обитаетъ въ каждомъ человѣкѣ; что всѣ заповѣди содержатся въ одномъ: люби ближняго своего; что Богъ есть отецъ нашъ и что человѣкъ есть сынъ Божій".

При богослуженіи сектанты не пользуются ни образами, ни кажденіемъ, ни кропленіемъ водою, ни зажиганіемъ свѣчей.

Вѣруютъ сектанты въ загробную жизнь и въ воскресеніе мертвыхъ, и потому при кончинѣ кого-либо молятся и поютъ псалмы 23 и 145. Въ оправданіе вѣры въ воскресеніе мертвыхъ сектанты приводятъ многія мѣста Священнаго Писанія. Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „А о мертвыхъ, что они воскреснутъ, развѣ вы не читали въ книгѣ Моисеевой, какъ при купинѣ Богъ сказалъ ему: Я, Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ и Богъ Іаковлевъ! Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ (Мрк. XII, 26, 27). „Мы знаемъ,—говоритъ Апостолъ—что когда земной нашъ домъ, сія хижина, разрушится, мы получимъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный". (2 Кор. V, 1).

Такова въ общихъ чертахъ религіозная сторона ученія нашего сектантства, поскольку подобная догма отразилась въ толкованіяхъ наиболѣе просвѣщенныхъ и вдумчиво-спокойныхъ сектантовъ, исключая, конечно, такія крайне энтузіастическія направленія, какъ хлыстовщина и скопчество. Изъ ближайшаго ознакомленія съ исторіею зарожденія и распространенія отдѣльныхъ сектъ мы увидимъ, что трудно провести строго опредѣленную линію между евангелическими и духовными тенденціями нашего сектанства. Можно, по нашему убѣжденію, говорить о большей или меньшей склонности той или другой секты къ построенію своей схемы на чисто евангельскихъ основахъ, можно находить въ ней большую или меньшую степень стремленія состоять въ внутреннихъ, непосредственныхъ отношеніяхъ къ Богу, непосредственно руководствоваться указаніями внутренняго слова, но категорически и опредѣленно отвести какую-либо секту подъ тотъ или другой разрядъ, будетъ просто уступкою установившемуся рутинному взгляду на сектантство, какъ на явленіе, совершенно сложившееся и законченное. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Сектантство, въ отличіе отъ старообрядчества, не имѣетъ за собою мощей былого, лишено маяка позади себя, оно не покоится на мѣстѣ, но, безпрерывно двигаясь впередъ, безконечно разнообразно въ своихъ проявленіяхъ. Сектантство прогрессируетъ по общей для всѣхъ его сочленовъ дорогѣ, и

„евангелизмъ“ съ „духовностью“, или—раціонализмъ съ мистицизмомъ — лишь боковыя, то параллельныя между собою, то во едино сливающіяся тропки, исшедшія изъ общей точки отправленія и къ одной и той же цѣли ведущія. Русскій евангелизмъ—какъ подмѣтилъ П. Н. Милюковъ—за все время своего существованія обнаруживалъ склонность къ духовному пониманію христіанства. „Начало евангелическому христіанству — говоритъ онъ — положила чисто интеллигентская проповѣдь, непрерывную традицію которой надо вести съ тетрадокъ Тверитинова. Распространившись послѣ него въ массѣ и принявъ мѣстами формы жидовства, евангельскія ученія были освѣжены во второй половинѣ XVIII в. соприкосновеніемъ съ духоборчествомъ. Результатомъ этого соприкосновенія явилось новое ученіе—молоканство, быстро распространившееся на подготовленной почвѣ. Наконецъ, еще вѣкъ спустя, идеи евангелическаго христіанства вновь освѣжены были пропагандой меннонитскихъ сектантовъ и баптистскихъ проповѣдниковъ подъ ихъ вліяніемъ русскій евангелизмъ принялъ новую форму штундо-баптизма. Что касается самого духовнаго христіанства,—его происхожденіе было чисто народное. Выйдя изъ того же религіознаго броженія, которое создало и безпоповщину, русское духовное христіанство на первыхъ порахъ сохранило связь съ расколомъ и, отвергнувъ церковныя формы, взамѣнъ ихъ ввело другія, заимствованныя изъ стараго народнаго обихода. Такъ сложилась та промежуточная форма духовнаго христіанства, которую представляетъ хлыстовщина. Своеобразное превращеніе наиболѣе строгой части хлыстовщины въ скопчество не имѣло значенія въ общей связи развитія идей духовнаго христіанства. Несравненно важнѣе было одновременное появленіе со скопчествомъ новаго, болѣе чистаго вида духовныхъ христіанъ въ сектѣ духоборовъ. Ученіе духоборчества, въ самомъ началѣ сильно спиритуализированное его интеллигентными или начитанными вождями, не могло быть сразу усвоено массой въ этомъ чистомъ видѣ; вотъ почему, обновивъ ученіе евангельскаго христіанства, только въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ толстовщины, стало достояніемъ массы. Постепенно ростъ пониманія идей духовнаго христіанства сказался съ самаго начала XIX вѣка и въ старыхъ сек-

тахъ —хлыстовщинѣ и скопчествѣ—углубленіемъ ученія о внутреннемъ духѣ и измѣненіемъ народныхъ формъ стараго культа. Наконецъ, соціальный и философскій элементы сектантства сильно выдвинулись впередъ къ концу XIX в.".

Тотъ же почтенный историкъ дѣлаетъ попытку поставить прогнозъ, „въ какой изъ двухъ основныхъ формъ будетъ развиваться дальнѣйшая исторія сектантства? Сохранитъ ли штундо-баптизмъ то численное преобладаніе, которое онъ унаслѣдовалъ отъ предшествовавшей формы евангельскаго христіанства—отъ молоканства? Или его перегонитъ болѣе спиритуалистическое толкованіе духовныхъ христіанъ, подъ вліяніемъ соціальныхъ и философскихъ идей интеллигенціи?.. На второмъ миссіонерскомъ съѣздѣ (въ Москвѣ, 1891 г.) предполагалось, что со временемъ господствующею формою русскаго сектантства будетъ штундо-баптизмъ, который въ послѣднее двадцатипятилѣтіе получилъ распространеніе не только среди православныхъ, но и между безпоповщиною. Въ настоящее время едва ли можно согласиться съ упомянутымъ предсказаніемъ. Секты наши, въ большинствѣ своихъ послѣдователей, скорѣе всего способны объединиться на почвѣ такого религіознаго ученія, которое, разрѣшая вопросы вѣры, въ то же время не оставляло бы и безъ отвѣта и соціальныхъ интересовъ общественно-государственной жизни. И потому будущность принадлежитъ интеллигентной религіозно-раціоналистической доктринѣ, а не народной, кокою является штундо-баптизмъ... Судя по событіямъ послѣднихъ лѣтъ, въ народной массѣ происходитъ не столько борьба за преобладаніе между интеллигентнымъ и народнымъ элементами сектантства, сколько разграниченіе того и другого элемента... Все отчетливѣе обрисовываются очертанія русской евангельской церкви, принимающей форму одного изъ западныхъ евангельскихъ исповѣданій—баптизма".

. Сектантство твердо стоитъ на томъ, что безъ вѣры жить нельзя. „Вѣра—говорятъ они *) даетъ человѣку необходимую ему духовную свободу, болѣе необходимую для его души, чѣмъ чистый воздухъ для тѣла, и ту твердость и ясность

*) „Мат. къ ист. русск. сектантства"; вып. 9. Женева, 1902.

въ борьбѣ съ внѣшними условіями, безъ которыхъ жизнь человѣка или прекращается или принимаетъ видъ жалкаго растительнаго прозябанія, на какой бы ступени общественной лѣстницы ни находился человѣкъ".

Въ этой борьбѣ за свободу можно различить *) три степени постиженія истины и соразмѣрно этимъ степенямъ можно указать на три главныя группы сектантства.

„Человѣкъ просыпается въ своемъ сознаніи и неудержимо ищетъ духовной свободы. Если это стремленіе къ свободѣ превышаетъ силы его разума, то онъ погибаетъ въ этой борьбѣ за свободу или жизнь его принимаетъ уродливую форму.

„Если онъ ослабѣваетъ въ этой борьбѣ, устаетъ и рѣшается на отдыхъ, но не возвращается назадъ, то онъ становится членомъ болѣе свободной организаціи, удовлетворяющей его умѣреннымъ потребностямъ, увеличивающей его матеріальное благосостояніе, но почти лишающей вмѣстѣ съ тѣмъ возможности дальнѣйшей, самостоятельной борьбы за духовную свободу.

„Наконецъ, третья ступень представляетъ человѣкъ, неуклонно идущій по пути духовной свободы, не остающійся ни въ какой организаціи, но готовый служить своему Богу на всякомъ мѣстѣ Его владычества.

Къ первому роду относятся скопцы, хлысты, ко второй—всѣ вѣтви баптизма, и къ третьей—духоборы.

Практически эволюціи русскаго сектанта можно изобразить такъ:

„Проявленіе религіозной свободы сопровождается мучительнымъ исканіемъ правой вѣры—вѣры Христовой. Ищущій попадаетъ на евангеліе и свѣтъ Христова ученія яркимъ блескомъ освѣщаетъ смыслъ его жизни и онъ рѣшается вступить на новый трудный путь, и отпадаетъ отъ церкви. Встрѣчаетъ онъ проповѣдника, который такъ же, какъ и онъ откололся отъ православія, такъ же какъ и онъ любитъ евангеліе, но который поражаетъ его извѣстіемъ, что такихъ людей много, что они живутъ подобно древнимъ христіанамъ, въ одно тѣло и одну душу, собираются свободно, и понятно славить Бога, и помо-

*) Тамъ же.

гаютъ другъ другу въ трудовой, рабочей жизни. Ищущій находитъ все, что ему надо на первое время, и онъ пристаетъ къ общинѣ евангелическихъ христіанъ, большею частью баптистовъ. Многіе слабые волею или чрезмѣрно удрученные, остаются на этой первой ступени и проживаютъ тамъ всю жизнь. Но другіе, болѣе сильные, идутъ дальше. Увлеченные сначала новизной окружающей ихъ среды, они какъ-будто чувствуютъ полное удовлетвореніе, но вскорѣ начинаютъ замѣчать, что надъ ихъ душой тяготѣетъ новое ярмо—догматъ, и жизнь ихъ связана новыми путами—авторитетомъ руководителей и обычаями ихъ общины, изъ которыхъ далеко не всѣ принимаются ими съ легкимъ сердцемъ. И успокоившійся на время искатель истины снова отпадетъ отъ церкви, хотя и протестантской, но тѣмъ не менѣе церкви, организаціи, требующей отъ него его подчиненія его духовнаго я—внѣшнимъ правиламъ".

„Для народа — говоритъ Д. Куликовскій — религіозное чувство котораго всегда наивнѣе и глубже, мистицизмъ является однимъ изъ излюбленнѣйшихъ суррогатовъ, тѣмъ болѣе, что другія средства, доступныя интеллигентнымъ классамъ, для него недоступны. Интеллигентный человѣкъ можетъ уйти въ науку, которой міръ такъ необъятенъ и гдѣ, при извѣстныхъ вкусахъ и условіяхъ, можно такъ хорошо и уютно устроиться. Тамъ громадный міръ явленій развертывается въ своей таинственной эволюціонной перспективѣ, тамъ широкія обобщенія поднялись изъ хаоса явленій, сгустились въ міровые законы и нависли надъ пестрой вереницей и путаницей фактовъ, причинъ и слѣдствій. На этой высотѣ свободно дышется, оттуда видны широкіе горизонты, а человѣкъ, внизу копошащійся, кажется такимъ крошечнымъ, крошечнымъ пигмеемъ, вся житейская суета-суетъ стушевалась и спряталась гдѣ-то за кулисами. Такихъ кулисъ нѣтъ у народа. Но у него есть способность глубоко и наивно вѣровать. За недостаткомъ удовлетворяющихъ земныхъ связей, простой человѣкъ безъ обиняковъ устанавливаетъ связь съ небомъ. Онъ прямо адресуется къ Божеству: „Сойди къ намъ, Господи, въ крестѣ или въ образѣ, чтобы намъ было кому молиться и вѣровать". Это—голосъ того самаго чувства, которое присуще всѣмъ одинокимъ въ толпѣ. Отсут-

ствіе общественнаго удовлетворенія, недостатокъ органическихъ связей производятъ ощущеніе какой-то гнетущей пустоты. Одинъ, стремясь уйти отъ этой пустоты, попадаетъ въ кабакъ,—другой ищетъ замкнуться въ заманчивой сферѣ созерцательности. Углубляясь въ себя, человѣкъ начинаетъ сознавать и осмысливать то понятіе, гнетущее чувство, внушаемое ему жизнью сверху донизу проникнутой ѣдкимъ и разлагающимъ началомъ антагонизма, развивающейся въ мучительномъ процессѣ борьбы, погони за кускомъ ли хлѣба, за крохой ли счастья, за призракомъ ли жалкаго благополучія. Всякъ самъ по себѣ, всѣ вмѣстѣ составляютъ толпу, и всякій въ этой толпѣ одинокъ"... Начинаетъ человѣкъ самоуглубляться и вотъ „сознательность вспрыскиваетъ живой водой ту безсознательную сферу души, гдѣ копошатся несознанныя боли и тревоги, желанья и страсти. Этотъ психическій міръ пробуждается, выдвигается наружу, громко заявляетъ о себѣ—и вотъ уже человѣкъ не одинъ, у него нашелся какой-то кладъ душевный, въ немъ сидитъ какое-то духовное начало, представляющееся ему несомнѣнно живымъ; и чѣмъ бы это начало ни оказалось, ангеломъ ли спадшимъ съ неба, искрой ли Божьей или Св. Духомъ, воплотившимся въ человѣкѣ, все равно онъ теперь не одинъ и не въ пустотѣ, онъ въ волшебномъ царствѣ мистицизма, гдѣ сама дѣйствительность является въ фантастическомъ освѣщеніи, гдѣ граница, отдѣляющая ее отъ области фантастики все болѣе и болѣе стушевывается и человѣкъ получаетъ возможность жить въ мірѣ грезъ, переходя отъ экстаза къ экстазу, въ вѣчномъ возбужденіи, въ вѣчномъ упоеніи. На этой психологической почвѣ и происходитъ то „таинственное воскресеніе" которое выставляется всѣми мистическими сектами, какъ верховный принципъ. Человѣкъ увлеченъ уже въ ту безпечальную обитель, гдѣ уже нѣтъ мѣста обыкновенной человѣческой логикѣ, но нѣтъ и пустоты. Въ этомъ царствѣ мистицизма, населенномъ призраками, чудеса па чудеса нагромоздились, тамъ въ мужикахъ самъ Господь обитаетъ, какъ поется въ одной сектантской пѣснѣ:

„Дураки вы дураки,
Деревенски мужики!

Ужъ какъ въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ обитаетъ"

Достигнувъ этого блаженнаго состоянія, сектантъ характеризуетъ его словами: „я прихожу въ восторги многіе и чувствую воздыханія неизглаголанныя".

Яркимъ выраженіемъ русскаго народнаго мистицизма явилась такъ называемая „хлыстовщина" (христовщина).

Хлысты или люди Божьи.

Первоначально Богъ сошелъ на землю въ Римѣ и Іерусалимѣ. Съ тѣхъ поръ вѣра Христова сіяла много лѣтъ, но потомъ стала падать и падала триста лѣтъ. Тогда народился антихристъ отъ монашескаго чина (патріархъ Никонъ) и окончательно истребилъ всю вѣру Христову на землѣ. Русскіе же люди все спорили о книгахъ, какія книги приведутъ ко спасенію, старыя или новыя. Жилъ въ то время въ Костромской губерніи, въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, святой человѣкъ Данило Филипповичъ. Былъ перекрещенъ и имѣлъ много старообрядческихъ книгъ. Собралъ онъ всѣ эти книги въ куль и бросилъ въ Волгу. Людямъ же объявилъ, что ни новыя, ни старыя книги не ведутъ ко спасенію, что для этого нужна

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная,
Самъ сударь Духъ Святой

Тогда „Божьи люди" тѣсно соединясь между собою, выбрали изъ среды себя умныхъ людей и послали ихъ на Святое мѣсто И вотъ пришли святые люди на святое мѣсто, стали молиться и плакать и воздѣвать руки къ небу и призывать на землю Самого Бога: „въ крестѣ или въ образѣ, чтобы было намъ кому молиться и вѣровать." И вдругъ послышался гласъ съ неба:

„Послушайте, вѣрные мои!
Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю,
Изберу я плоть пречистую и облекусь въ нее;
Буду я по плоти человѣкъ, а по духу Богъ;

Приму я распятый крестъ,
Въ рученьки и въ ноженьки гвоздильницы желѣзныя,
Пролью слезы горючія,
Проточу кровь пречистую!
Станете вы ко мнѣ въ темницу приходить,
И узы съ меня снимать,
Десятую денежку подавать.

И вотъ по молитвѣ умныхъ людей совершилось великое чудо: въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, на гору Городину, среди облаковъ, „сокатилъ на огненной колесницѣ самъ Господь Богъ Саваоѳъ. Силы небесныя поднялись обратно на небо, а Господь Саваоѳъ остался на землѣ и вселился въ пречистую плоть Данилы Филипповича, чтобы просвѣтить Русь вѣрой божественной. „И сталъ Данило Филипповичъ „живымъ превышнимъ богомъ", поселился въ Костромской сторонѣ, пребывалъ въ деревнѣ Старой, проповѣдывалъ вѣру истинную людей Божьихъ. И свѣдалъ про то патріархъ Никонъ, сталъ онъ превышняго бога преслѣдовать, преслѣдовалъ тридцать лѣтъ и поймалъ у Макарія Нижегородскаго. И посадилъ онъ превышняго бога въ темницу темную въ Богоявленскій монастырь. И стала мгла на всей землѣ. И столько была мгла на всей землѣ, сколько сидѣлъ въ темницѣ Данило Филипповичъ. И освободили его и отпустили въ Кострому въ верховную сторону, гдѣ онъ и далъ людямъ двѣнадцать заповѣдей":

1) Я тотъ богъ, который предсказанъ пророками, сошелъ на землю спасти родъ человѣческій, другого бога не ищите.

2) Нѣтъ и не ищите другого ученія.

3) На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4) Храните заповѣди Божіи и будете ловцами вселенной.

5) Вина и пива не пейте, блуда не творите.

6) Холостые не женитесь, женатые живите съ женами въ посестріи (какъ съ сестрами).

7) Матерными словами не бранитесь, и даже имени діавола не произносите, а называйте его „врагомъ".

8) На крестины и свадьбы и веселыя бесѣды не ходите.

9) Не воруйте. Если же кто хоть копейку украдетъ, то на

страшномъ судѣ положатъ ее на темя головы, и когда монета отъ огня расплавится, только тогда получитъ прощеніе.

10) Вѣру свою содержите въ тайнѣ и никому, ниже отцу родному, ниже отцу духовному, не объявляйте, и ежели придется, то должны вытерпѣть, и огонь, и кнутъ, и топоръ, а о вѣрѣ не объявляйте.

11) Другъ ко другу ходите, хлѣбъ соль водите, любовь творите, Богу молитесь.

12) Духу Святому вѣрьте.

Скоро случилось и еще одно чудо. Въ Муромскомъ уѣздѣ у ветхихъ стариковъ Сусловыхъ народился сынъ. Приходскій священникъ, видя въ этомъ казусѣ что-то недоброе, отказался крестить новорожденнаго, а изъ односельчанъ столѣтняго отца никто не захотѣлъ идти въ крестные отцы. Нашелся одинъ добрый человѣкъ, самъ окрестившій младенца и назвавшій его Иваномъ. Тридцати трехъ лѣтъ отъ роду Иванъ встрѣтился съ Данилою Филипповичемъ, передавшимъ ему свое божество и научившимъ возноситься на небо. Вскорѣ Иванъ былъ уже окруженъ двѣнадцатью апостолами. Провѣдалъ про все про это «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ съ своимъ сподвижникомъ Никономъ. Послѣ долгихъ допросовъ Иванъ Тимоѳеевичъ испустилъ свой духъ, былъ похороненъ, но въ ночь съ субботы на воскресенье возродился. Дважды его раскопали и дважды Иванъ воскресалъ и, наконецъ, былъ отпущенъ на волю.

Такова наивная легенда, пущенная хлыстами о началѣ ихъ ученія. Установить болѣе точныя данныя представляется очень затруднительнымъ уже потому, что правила хлыстовщины вполнѣ опредѣленно запрещаютъ какую-либо письменность относительно самой секты, такъ что свѣдѣнія о первыхъ временахъ ея существованія ограничиваются изустными преданіями, мало, разумѣется, достовѣрными.

Извѣстный Димитрій Ростовскій, въ своемъ „Розыскѣ о брынской вѣрѣ"—сочиненіи современномъ эпохѣ возникновенія хлыстовщины — разсказываетъ о пропагандѣ Ивана Суслова такъ: „обрѣтается нѣкій мужикъ, его же зовутъ христомъ, и яко христа почитаютъ, а кланяются ему, яко христу, но безъ крестнаго знамени. Сказуютъ же того лже-

христа быти турчанина; водитъ съ собою дѣвицу красноличну, и зоветъ ю матерію себѣ, а вѣрующіе въ него зовутъ ю богородицею. А дѣвица (или паче рещи блядка) (!) та посадскаго человѣка дочь. Имать же тотъ лжехристосъ и апостоловъ 12, иже ходяще по селамъ и деревнямъ проповѣдуютъ христа, аки бы истиннаго, простымъ мужикамъ и бабамъ, и кого прельстятъ, приводятъ къ нему на поклоненіе. Той толкъ, глаголемый христовщина, аще и хулитъ церковь Божію. обаче въ церковь входити, ко св. иконамъ и ко кресту прикладыватися и къ іерейскому благословенію приходити не возбраняетъ, тако бо христосъ оный ложный вѣрующими въ онь попускаетъ лицемѣрія ради, не осквернитъ де васъ то, да бысте не познани были".

Всѣ росказни о сверхъестественной личности Суслова, до сихъ поръ пользующееся громаднымъ уваженіемъ у хлыстовъ, его воскресеніи, и т. п. нельзя не разсматривать какъ сплошной мифъ, созданный его учениками. Первымъ оффиціальнымъ источникомъ о дѣятельности хлыстовъ и сути ихъ ученія служитъ синодскій указъ отъ 7 августа 1734 г. *), гдѣ объявляется, что „явившійся собою разбойникъ Семенъ Карауловъ доношеніемъ объявилъ, что въ Москвѣ имѣются четыре дома, въ которыхъ де чинятся непотребства, и собираются въ праздники по ночамъ разныхъ чиновъ люди, старцы, старицы, и прочіе, изъ нихъ де нѣкоторые выбираются начальниками, и садятся въ переднихъ мѣстахъ, а прочіе на лавкахъ, и приходя де имъ кланяются въ землю, и цѣлуютъ у нихъ руки и собирая деньги отдаютъ, а другіе де изъ нихъ пророчествуютъ. И по тому его Караулова показанію означенные 78 человѣкъ, въ томъ числѣ старцы и старицы сысканы, и о чемъ надлежало слѣдовано, и по слѣдствію явилось, что у тѣхъ людей наставница была Ивановскаго дѣвича монастыря старица Настасья, да двѣ старицы и старецъ, которые де приходящихъ къ нимъ людей прельщали ложными пророчествами, а вмѣсто причастія Святыхъ Таинъ подавали рѣзаный кусками хлѣбъ а изъ стакана давали пить квасъ а иногда де и воду. И при томъ вѣденіи для извѣстія Святѣйшему Правительствующему Си-

*) См. Полное Собр. Зак. Р. Имп. т. IX, № 6613.

ноду пріобщенъ и экстрактъ, въ которомъ показаны многія богомерзкія чинимыя оными людьми противности... Юрьева монастыря архимандритъ Андроникъ этой богомерзкой противности объявилъ словесно: въ прошломъ де году въ бытность его въ ростовской епархіи, въ покровскомъ монастырѣ архимандритомъ, увѣдомился онъ города Углича Дмитріевской церкви отъ попа, чрезъ словесной доносъ, о явившихся тогда въ Углицкомъ уѣдѣ еретикахъ, изъ которыхъ де стараніемъ его архимандричимъ въ поимкѣ было больше 20 человѣкъ... У крестьянина Еремея Бурдаева во дворѣ поймано раскольниковъ мужеска пола 11, женска 10, въ томъ числѣ одинъ московскій отставный стрѣлецъ Прокофій Лупкинъ, и по допросамъ оказалося, что оный Лупкинъ производилъ въ богомерзкихъ своихъ сонмищахъ злое свое ученіе, а именно: называлъ себя яко Христа, а учениковъ своихъ, яко апостолы: и во время де бывшаго у нихъ съ тѣми учениками пѣнія молитвъ, якобы на нѣкоторыхъ изъ нихъ сходилъ Духъ Святый овогда на двухъ, овогда же на трехъ человѣкъ, и подымало де ихъ съ лавки, и ходили они де скакуны въ кругъ, по получасу и болѣе и въ то де время клали на столъ калачъ ломтиками и отпѣвъ молитвы, тѣмъ причащалися и прочихъ де приходящихъ къ нему всѣхъ училъ той же богомерзкой противности, которые де ему въ томъ и послѣдовали, и при томъ де же говорилъ имъ, якобы тогда уже послѣднее время и есть де антихристъ на земли отъ манашескаго чина, да о послѣднемъ же времени послѣдовавшіе ему ученики слышали еще и отъ другого такого жъ еретика, котораго де тогда также и понынѣ, въ сыску не явилось, что де антихристъ народился отъ манашескаго чина, и какъ де онъ будетъ на морѣ и возометъ Царь-Градъ и будетъ Богомъ.

„По слѣдствію во учрежденной о оныхъ противныхъ собраніяхъ Комиссіи означилось, что въ прошлыхъ годахъ, какъ въ Москвѣ такъ и въ другихъ различныхъ мѣстахъ, таковой богопротивной ереси сонмища ихъ бывали, по которому слѣдствію сыскано, и собою явилось еще сверхъ вышеобъявленнаго числа, разнаго званія духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ людей обоего пола многое число.

„Дознано слѣдующее:

1) Собирались мужескій и женскій полъ съ прилежнымъ укрывательствомъ въ одно нѣкакое мѣсто, и обѣдавъ въ обществѣ, садились по лавкамъ, по одну сторону мужескій, а по другую женскій полъ, а въ начальномъ мѣстѣ возсѣдалъ оной прелести предводитель, мужъ или жена, якобы по чину пастырскому.

2) Потомъ, взявъ благословеніе у оной предводительной особы съ низкими поклоненіями и цѣлованіемъ руки, по двѣ и по три пары, или и большимъ числомъ, иный мужъ съ мужемъ, иный мужъ съ женою, иная жена съ женою, плясали кругомъ по избѣ, какъ кто могъ высоко подскакивая, и сказывали, что на таковое плясаніе или паче шатаніе поднималъ ихъ Духъ Святый, приводя на то пребезумнымъ развратомъ оное у пророка слово Божіе: вселюся въ нихъ и похожду, что глаголалъ Богъ, обѣщавая вѣрнымъ своимъ благодатное свое неотступное присутствіе, ведущее ихъ на путь спасенія, а не къ шальному движенію.

3) Между тѣмъ нѣкіи изъ нихъ палками и цѣпями били себя.

4) А по таковомъ бѣшеномъ ихъ бѣганіи, нѣкіи же изъ нихъ иногда мужеска, а иногда и женска пола персоны, будто бы Духомъ Божіимъ движимые, нѣчто и прорицали, или паче безусловные и смѣха достойные враки и росказы произносили.

5) Хулили бракъ законный, уставленный и благословенный отъ самаго Бога, вмѣняя ложе брачное, не сквернымъ отъ апостоловъ или паче отъ Святаго Духа нареченное, въ скверну и въ великій грѣхъ. И того ради, приходящимъ въ собраніе ихъ приказывали, неженатымъ никогда впредь не жениться, а кто женатъ, разводиться съ женами.

6) Составили же себѣ весьма богомерзкою продерзостью и нѣкое проклятое таинство. А именно: принимали и ѣли изъ рукъ предводителевыхъ, мужика или женщины, куски хлѣба и пили квасъ, иногда же и воду, вмѣняя то окаянное за Святое Причастіе съ явственнымъ Святыхъ Христовыхъ въ Евхаристіи Таинъ ругательствомъ и отверженіемъ.

7) Они же твердили между собою, что якобы таковое ихъ собраніе и причащеніе, есть крещеніе, бываемое духомъ, а христіанское наше крещеніе водою во имя Святыя Троицы

совершаемое, которое въ себѣ и духъ заключаетъ, раздирая едино таинство на двое, нарицали простымъ воднымъ, и къ спасенію не довольнымъ крещеніемъ, хулительно блядословля, якобы никто крещенный, преданнымъ отъ Спасителя нашего крещеніемъ, есть ли не воспріиметъ и вымышленнаго отъ нихъ мужиковъ крещенія, отнюдь спасенія не получитъ.

8) Во утвержденіе же толь злосоставнаго своего и душегубительнаго суевѣрія, врали прельщаемымъ отъ себя человѣкамъ, будто-бы и всѣ древніе Святые Отцы не инымъ, только отъ нихъ употребляемымъ спасалися образомъ, скаредную свою новость древнимъ путемъ спасенія безстыдно нарицая.

9) А когда въ таковыя собранія сходились, мало когда въ тотъ же день и съ мѣста того расходъ бывалъ, но всегда почитай всѣ тамъ же и ночевали въ одной избѣ, мужескій и женскій полъ, только сказываютъ, по одну сторону мущины, а по другую женщины, что не малое падало подозрѣніе блуднаго ихъ смѣшенія, когда и одну изъ числа ихъ старицу обличено, и сама въ высокоучрежденной комиссіи винилась, что она съ мущиною той же ереси отъ беззаконнаго совокупленія и младенца прижила, и у старицы Настасьи, которая огнемерзкіе соборы созывала, многія кровати во время слѣдованія надъ келіею ея подъ кровлею найдены, и тако они окаянные, весьма дивнымъ развратомъ въ неискусный умъ пришли, законный бракъ отвергая, а беззаконнаго смѣшенія не отстая.

10) Таковое-жъ по всему скверное свое ученіе и дѣйствіе не устрашились злочестивые и призываніемъ имени Божьяго клятвенно утверждать: ибо всякаго первѣе приходящаго къ нимъ, выставивъ икону, приводили къ присягѣ, дабы клялся что онъ преданіе ихъ, яко весьма благочестивое и богоугодное, пріемлетъ, и никогда отъ того не пріемлетъ, такожъ что онъ тайнаго ихъ злодѣянія никому отнюдь не откроетъ, ниже духовному отцу.

11) Исповѣдываться у духовныхъ отцовъ и внѣ ихъ сословія сущихъ, отнюдь не возбраняли, только-бъ никто тайны ихъ, какъ выше упомянуто, не изъявлялъ, такожъ и Святого въ церкви Причастія не запрещали, таковъ обычай былъ и у древнихъ манихеевъ, но что не для чего дѣлали, только для вящаго ереси своей укрывательства.

12) Всего же того богопротивнаго ихъ вымысла, не иное у начальниковъ и начальницъ намѣреніе было, какъ только, какъ сами винилися, хитрый воровскихъ прибылей промыселъ, которые они отъ прельщаемыхъ грубыхъ человѣкъ и получали".

На основаніи сужденія синода о зловредности секты и ея вдохновителей послѣдовала жестокая расправа съ послѣдними. Признанные менѣе виновными были биты кнутомъ и заточены по монастырямъ, а главари подверглись смертной казни.

Тогда же синодъ „въ предостерегательство, дабы таковой богопротивной ереси участницы и того вѣдатели, ни едина персона внѣ вѣденія не оставалась, и отъ того та ересь не возрастала бы болѣе", испросилъ у императрицы Анны Іоанновны приказъ опубликовать синодскій указъ, предлагавшій лицамъ, сочувствовавшимъ новоявленной ереси, явиться съ повинной къ своему духовному начальству.

А вскорѣ поднялось и другое дѣло о хлыстахъ. Появился новый лжехристосъ, Андреянъ Петровъ, успѣвшій привлечь на свою сторону изрядное количество увѣровавшихъ. Взялась за дѣло страшная тайная канцелярія, привлекшая къ слѣдствію 416 обвиняемыхъ въ принадлежности къ хлыстовству, въ томъ числѣ двоихъ священниковъ и одного дьякона. Дыба и батогъ заставили подсудимыхъ наговорить на себя Богъ вѣсть что, и въ результатѣ опять кнутъ, тюрьма и ссылка.

Хлыстовскій процессъ 1745—1752 гг. является послѣднимъ замѣтнымъ фактомъ въ исторіи хлыстовщины. Съ теченіемъ времени хлыстовство все болѣе и болѣе заползаетъ въ подполье, углубляя свою доктрину и мало заботясь о расширеніи прозелитизма, предоставивъ это выдѣлившемуся изъ его среды крайнему элементу, извѣстному подъ именемъ скопчества и притянувшему на себя всю бдительность духовной и свѣтской власти, и тѣмъ отодвинувшему на задній планъ хлыстовщину.

Изъ дѣятелей и организаторовъ хлыстовщины наиболѣе очерченными являются „христы" Копиловъ, Савицкій и особенно популярный пророкъ Радаевъ.

Копиловъ реформировалъ хлыстовщину уже тѣмъ, что всячески боролся съ введеннымъ Даниломъ Филипповымъ — хлыстовскимъ Саваоѳомъ—догмою о необходимости отказаться отъ „наученія книжнаго". Копиловъ явился въ этомъ отношеніи

уже прогрессистомъ, сторонникомъ просвѣщенія. Имъ же развито ученіе о покаяніи и введенъ обрядъ крещенія.

Второй „христосъ"—отставной штабсъ-капитанъ Савицкій,—провозгласилъ себя антихристомъ, толкуя при этомъ послѣднее понятіе въ томъ смыслѣ, что антихристъ не есть противникъ Божій, но означаетъ совсѣмъ противоположное, именно: „агнецъ-крестъ".

Гораздо болѣе замѣчателенъ Радаевъ, талантливый и начитанный распространитель идей хлыстовщины, человѣкъ непоколебимо вѣровавшій въ непреложность духовнаго христіанства, личность настолько свѣтлая, что священникъ Минервинъ, приставленный къ Радаеву въ цѣляхъ возвращенія того въ лоно церкви, не могъ не признать, что его „ученіе состоитъ въ чистотѣ, самоотверженіи, преданности и уничиженіи", а „дѣйствія его обольщенія столько сильны, что оными пораженное сердце впадаетъ въ крѣпкое страданіе тоски, и не могутъ они (хлысты) переносить съ нимъ разлуки, если же удерживаются страхомъ наказанія или какой-бы то ни было строгостью воспрещенія отъ свиданія съ нимъ, то впадаютъ въ какое-то безуміе и начинаютъ юродствовать".

Дальнѣйшая судьба Радаева неизвѣстна. Вѣроятнѣе всего, конечно, что онъ провелъ остатокъ своей жизни гдѣ-нибудь въ заточеніи. По характеристикѣ Н. И. Барсова, Радаевъ въ своихъ писаніяхъ является для хлыстовщины тѣмъ, чѣмъ для безпоповщины былъ знаменитый авторъ „Поморскихъ отвѣтовъ" Денисовъ, т. е. ученымъ систематизаторомъ догмы, особенно рельефно отразившимся въ ученіи о таинственномъ воскресеніи, составляющемъ субъективную черту хлыстовщины ея особую притягательность для мистически-настроенныхъ лицъ.

Съ догматикою хлыстовщины мы уже познакомились по 12 заповѣдямъ, даннымъ „саваоѳомъ"—Данилою Филипповымъ, ясно и опредѣленно заявившимъ себя Богомъ. Вотъ наиболѣе характерный пунктъ хлыстовщины—стремленіе видѣть своего живого Бога, осязать, его не довольствуясь однимъ представленіемъ, идеею Божества Догматъ о единоличности Бога еще при жизни Филиппова подвергся видоизмѣненію въ томъ смыслѣ, что понадобился воплотившійся сынъ Божій—Христосъ. Въ

хлыстовской пѣснѣ, относящейся къ концу XVII в., такое догматическое новшество уже нашло себѣ отраженіе:

„Какъ у насъ было на семъ свѣтѣ, во святой Руси,
Въ славной матушкѣ—каменной Москвѣ,
Во Мѣщанской третьей улицѣ,
Не два солнышка скатились,
Тутъ два гостя ликовалися:
Гость Данила Филипповичъ
Гость Иванъ сударь Тимоѳѣевичъ.
Въ одно они мѣсто соединилися,
Другъ другу поклонилися“...

Также очень рано къ божественному лику былъ сопричисленъ и Святой Духъ, называемый хлыстами „краснымъ солнышкомъ“. Вся божественная Троица постоянно пребываетъ на седьмомъ небѣ.

Богъ-Отецъ или Саваоѳъ признается безспорнымъ творцомъ міра, какъ на это указываетъ хлыстовскій напѣвъ· „я люблю, люблю, люблю Саваоѳа въ небеси. . . . . я за то его люблю, небо, землю сотворилъ“. Къ его личности хлысты преисполнены глубокаго благоговѣнія, съ почтеніемъ вслушиваясь во все, что „писали св. ангелы отъ его свѣтла лица“.

Христосъ въ воззрѣніяхъ хлыстовъ, ничуть не удаляется отъ общехристіанскаго пониманія Его личности, съ тою только разницею, что сектантскій эпосъ надѣляетъ его качествами, видимо заимствованными изъ былинъ, часто рисуя Его въ видѣ „золотого сокола, у котораго крылышки съ брилліантами, съ алмазными каменьями драгоцѣнными, съ перышками, унизанными крупными жемчугами, съ соловушкомъ (св. духомъ) въ сердцахъ и т. п.

Св. Духъ по божественному достоинству равенъ Саваоѳу и Христу, составляя купно съ Ними нераздѣльную Троицу, утѣшая, исцѣляя страждущихъ, укрощая злую силу. „Ты пролей, пролей благодать свою—молится хлыстъ—благодать свою первозданную, первозданную—первозванную“.

Въ хлыстовскихъ пѣсняхъ Св. Духъ фигурируетъ иногда и подъ именемъ „голубя“—птицы кроткой и святой.

„Ай гулюшка голубокъ,
Куда разумъ твой глубокъ,
Птица райская, гуркунокъ!
Когда птицею гуркуешь,
Все про царствіе толкуешь,
Ты про царство про небесно
И про рай про блаженный.
Повелѣньемъ все творишь,
Христосъ воскресъ! говоришь,
Лѣпость творить не велишь *).
Въ страхѣ всѣмъ пребывать,
Завсегда, сударь велишь.
Всякій часъ, всяку минуту
Благодатью ты владаешь,
Всей вселенной управляешь,
Невидимо тамъ бываешь **),
Гдѣ въ смиреньи пребываютъ,
Горьки слезы проливаютъ,
И гдѣ просьбы гадаютъ,
Тамъ сошествіе творишь,
Ко избраннымъ говоришь,
Глаголъ тихій изливаешь
Все тайное открываешь,
Впередъ тайное прорекаешь
Соколомъ туда летаешь,
Внутри дышетъ теплота".

Божественная Троица постоянно сопутствуема небожителями, первое мѣсто среди которыхъ занимаетъ Богородица, занимающая въ догматикѣ хлыстовщины видное мѣсто, „она пресвѣтлая свѣтила всю вселенную освѣтила, рай блаженный растворила, скуку злую затмила.

Все пребывающее на небесахъ свято, безгрѣшно, идеально и совершенно противоположно утопающей въ грѣхахъ землѣ. Чтобы стать просвѣтленнымъ, человѣку нужно умереть и таин-

*) Лѣпостью сектанты мистическаго направленія чаще всего называютъ вообще половое чувство.

**) То-есть на богослуженіяхъ хлыстовъ.

ственно воскреснуть; это существенный пунктъ хлыстовской доктрины и, наиболѣе притомъ своеобразный.

Говоря о „таинственной смерти“, хлысты разумѣютъ состояніе безстрастія и святости. „Смерть о Христѣ“ состоитъ въ умерщвленіи своей воли, эгоистическихъ наклонностей, полномъ подавленіи физическихъ инстинктовъ. Умеревъ такимъ образомъ, человѣкъ „погребается о Христѣ“, т. е. старается отрѣшиться отъ всего земного, и углубиться въ тайники своей души, гдѣ всегда теплится искорка Духа Божія и „спогребшійся“ Христу находится на вѣрномъ пути къ духовному воскресенію. Важнымъ подспорьемъ здѣсь служитъ „молитва Іисусова“. „Первая добродѣтель — указываетъ Радаевъ—вниманіе, т. е. храненіе сердца отъ всякаго неблагороднаго помысла, съ молитвою Іисусовою, непрестанно, безпрерывно, паче дыханія, вопити молитву: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя. грѣшнаго“, въ тайнѣ сердца, ходя, сидя, лежа, за трапезою, за рукодѣліемъ, путешествуя, крайне сказать — какъ дышешь, всегда и во всяко время, вопи сію молитву—и будетъ душа твоя равноапостольна“. Путемъ такого постояннаго, методическаго гипнотизированія своей воли, сосредоточенія всего мышленія въ одномъ фокусѣ, должно и можетъ получиться въ концѣ-концовъ какъ-бы перевоплощеніе въ Христа, гармоническое исчезновеніе души молящагося въ божественной благодати, умираніе отъ грѣха, „обнаженіе всего тварнаго, земного, естественнаго“.

Слѣдующая ступень къ идеальному самоусовершенствованію заключается въ „отверженіи себя отъ всего“. Это не легко. Человѣкъ не только долженъ забыть о самолюбіи, но и совершенно игнорировать всѣ свои способности, всѣ *законы и предписанія*, и подчиняться исключительно мановенію Духа, „въ какомъ-бы видѣ онъ не проявился, покоемъ - ли, страданіемъ-ли“. „Да обнажусь — совѣтуетъ Радаевъ — богатства, славы, чести, разума, памяти, пріобрѣтеннаго просвѣщенія, всей собственности своей, ничего не желати, но единой воли Божіей, что она устроитъ и даруетъ“.

„Смиряйтеся, мои братья, предъ Богомъ и людьми—его же дальнѣйшія наставленія—никто такъ Богу не любезенъ, какъ смиренный человѣкъ, никто такъ Богу не противенъ, какъ

гордый... Кто хочетъ наполниться изобильнѣе Духа Святого, тому должно не на труды и подвиги себя нудить, не на постъ, но стараться болѣе и болѣе себя умалить и смирить предъ Богомъ и людьми всѣмъ":

Достигшій всего этого испытуемый становится уже мертвецомъ, и воскрешается къ новой жизни Духомъ Святымъ. „Духъ, когда вселится въ человѣка—то многіе явные знаки покажетъ сначалу личные того ради, чтобы человѣкъ узналъ ясно, что Духъ имъ дѣйствуетъ". Это *извѣстіе* Божіе или движеніе Св. Духа внутри таинственнаго мертвеца обыкновенно совершается во время молитвеннаго настроенія. „Передъ тѣмъ, какъ нисходитъ Духъ Святый, чувствуется затмѣніе ума, и стѣсненіе въ груди" *). Со времени таинственнаго воскресенія человѣкъ совершенно безотвѣтственъ за свои поступки, какъ лишенный своей воли. „Сила во мнѣ дѣйствующая—признается хлыстъ—не даетъ покоя ни днемъ ни ночью, водитъ меня туда и сюда, никогда эта сила не дастъ ни ѣсть, ни пить, ни итти, куда мнѣ хочется, иногда поведетъ куда и поставитъ на мѣсто. Такой „таинственно воскресшій человѣкъ" совершенно отличенъ отъ прочихъ. Душа его, вмѣстившая въ себѣ Бога, обладаетъ всѣми добродѣтелями, въ ней „любовь къ Богу и брату своему великая, смиреніе и смиренномудріе и смиренномудріе глубокое, вѣра и преданіе къ Богу чистое, беззлобіе безмѣрное; безчестіе любитъ паче всего и хулу и гоненіе; молитва въ немъ Іисусова паче дыханія; страсти утолены, помыслы очищены, похоть плотская вовсе исчезла и увяла; радость и сладость, и умиленіе неизрѣченное въ сердцѣ его всегда безпрерывно кипятъ". „Пророкъ" такой „видъ необыкновенный показываетъ, дѣлается обрадованнымъ, чистымъ, такъ что нельзя смотрѣть, хотя впрочемъ не во всякое время видъ этотъ показывается на лицѣ его".

Подъ руководствомъ подобнаго пророка совершается и хлыстовское богослуженіе, такъ называемое „радѣнье", на которое собирается вся община или „корабль", всегда не многочисленный, ибо хлысты не терпятъ особаго скопленія людей, пред-

*) Ср. съ анализомъ эпилептическаго припадка, сдѣланнымъ княземъ Мышкинымъ въ «Идіотѣ» Ѳ. М. Достоевскаго.

почитая дробленіе на болѣе мелкія и совершенно независимыя другъ отъ друга единицы. Всѣ присутствующіе одѣты обязательно въ длинныя бѣлыя рубахи, подпоясанныя бѣлыми поясами, у женщинъ на ногахъ бѣлые чулки.

Наставникъ—„кормщикъ“ или наставница„—кормщица“, провозглашаетъ:

„Дай намъ, Господи, Іисуса Христа!
Дай намъ, сударь, Сына Божія,
И помилуй, сударь, насъ!
Сошли намъ Духа Святого, утѣшителя!
Пресвятая Богородица! упроси свой свѣтъ, объ насъ
Свѣта сына твоего, Бога нашего,
Свѣтъ тобой спасенъ, Государь, души нашей,
Безъ тебя, мой свѣтъ, много грѣшныхъ на землѣ,
На сырой землѣ, на матушкѣ,
На сударынѣ-кормилицѣ“.

Пропѣта всѣми эта призывная молитва и кто-нибудь изъ участниковъ „радѣнья“, уже заранѣе намѣченный „ходить въ словѣ“, иначе говоря, пророчествовать, начинаетъ сосредоточенно ожидать, пока не „накатитъ духъ“. Почувствовавъ его „приближеніе“ пророкъ быстро начинаетъ разуваться, а радѣльщики снова начинаютъ тотъ же напѣвъ, но теперь уже въ болѣе ускоренномъ темпѣ. Пророкъ, всхлипывая, кружится по комнатѣ, тихо бормоча про себя, потомъ захватываетъ въ горсть воды и кропитъ по стѣнамъ, чтобы „корабль“ не загорѣлся, т. е. не подвергся вообще какой-либо напасти. Всѣ встаютъ и, благоговѣйно глядя на „сподобившагося“, крестятся, а тотъ, все повышая голосъ, провозглашаетъ слѣдующее:

„Ахъ мой батюшка, отецъ—да,
Ты услыши меня—да,
Ты небесный вѣдь творецъ—да,
Ты мой то вѣдь глава—да,
Благослови-кась ти меня—да,
Своего вѣдь раба-то—да,
Въ золоту трубу трубить—да,
Въ небесный колоколецъ—да,

На святомъ кругу звонить—да,
Что могу я для тебя—да,
Ну, мой батюшка родной—да,
Научи же ты меня—да,
Твое слово проповѣдать—да,
А вы-ль други-ль мои—да,
Вы меня то вѣдь простите—да,
Умолите вѣдь его то—да,
Чтобы онъ вѣдь заступилъ—да,
Ужъ за насъ то вѣдь сиротъ—да,
Упросилъ бы изъ рая—да,
У небеснаго царя—да,
Ужъ вѣдь птицу сокола—да,
Что вѣдь духа то вѣдь свята—да,
Ужъ и къ намъ то ли сюда—да,
Утѣшителя благого—да,
Ужъ я вижу чудеса—да,
Что всходились облака—да,
Всколебались небеса—да,
Отворяетъ намъ владыка—да,
Ужъ небесную-то дверь—да,
Наливается сосудъ—да,
Ужъ вѣдь Божьей ли рукой—да,
Что катитъ вѣдь съ неба судъ—да,
Стойте всѣ вы да вѣдь со страхомъ—да,
Дарить вѣдь хочетъ отецъ—да,
Изъ насъ всякаго вѣдь даромъ—да,
Только богу мнѣ служите—да,
Вы имѣйте чистоту—да,
Что вѣдь дѣвство то вѣдь святое—да,
Не своимъ да вѣдь умомъ—да,
Ужъ вамъ вѣдь други говорю—да,
А все божьимъ то вѣдь судомъ—да...,

Продолжительность и содержательность подобнаго рода импровизаціи зависятъ, конечно, отъ большого или меньшаго дара рѣчи лица, сообщающаго „судьбу".

Наиболѣе важное въ „радѣньи"—это самый процессъ ска-

канья или верченья на одномъ мѣстѣ, путемъ котораго искусственно вызывается полу-одурманенное, близкое къ опьянѣнію, состояніе, во время котораго хлысты, по ихъ увѣреніямъ, проникаются святымъ духомъ.

Радѣнья подраздѣляются, по своему выполненію, на три категоріи: круговое, корабельное и крестное.

Въ первомъ случаѣ составляются два круга, въ родѣ хороводовъ, одинъ изъ мужчинъ, другой изъ женщинъ. Хлопая себя по ногамъ, оба круга начинаютъ бѣгать по комнатѣ, мужчины противъ солнца, женщины по солнцу. Запыхавшись отъ круженья, радѣльщики немного пріостанавливаются и, чуть-чуть отдохнувъ, начинаютъ опять кружиться, но теперь уже въ одиночку, мужчины на правую руку, женщины на лѣвую, и непремѣнно на одномъ мѣстѣ, какъ бы поворачиваясь вокругъ оси, которую изображаетъ пятка правой ноги, а лѣвая балансируетъ въ воздухѣ. Пророкъ или пророчица — хлысты въ этомъ отношеніи являются ревностными поборниками женской эмансипаціи—подбадриваютъ кружащихся словами „плотей не жалѣйте, Марфу не щадите“ (?!).

Круженье сопровождается пѣніемъ, рѣзкій и быстрый тонъ котораго съ голосовыми фіоритурами, производятъ впечатлѣніе дѣйствительно жуткое на человѣка посторонняго, свѣжаго наблюдателя—а таковые бывали—какъ-будто онъ попалъ въ общество людей, одержимыхъ психопатическимъ недугомъ.

Чаще всего хлысты поютъ:

Какъ не золотая трубушка жалобненько вострубила,
Ой да жалобненько, жалобненько,
Возставали, заходили тучи грозныя.
Соберемтесь-ка мы, братцы, во единъ соборъ.
Мы посудимте, порядимте таку радость:
Ужъ вы вѣрные, вы изобранные,
Вы не знаете про то, вы не вѣдаете,
Что у насъ нынѣ на сырой землѣ понадѣялось:
Катаетъ у насъ въ раѣ птица,
Она летитъ,
Въ ту сторону глядитъ,
Да гдѣ трубушка трубитъ,
Гдѣ самъ Богъ говоритъ:

Ой Богъ! ой Богъ! ой Богъ!
Ой духъ! ой духъ! ой духъ!
Накати, накати, накати!
Ой ега, ой ега, ой ега!
Накатилъ, накатилъ
Духъ святъ, духъ святъ!
Царь духъ, царь духъ,
Разблажился,
Разблажился,
Духъ святъ, духъ святъ!
Ой горю, ой горю,
Духъ горитъ, богъ горитъ,
Свѣтъ во мнѣ, свѣтъ во мнѣ,
Ой горю, горю, горю,
Духъ, ой ега, ой ега,
Евое
Духъ свой, духъ свой, духъ свой.

По этой пѣснѣ можно наглядно судить о постененномъ нарощеніи энтузіастическаго эффекта среди радѣльщиковъ, нервно взвинченныхъ и готовыхъ каждое слово, срывающееся съ устъ какого-либо наиболѣе впечатлительнаго и подающагося общему настроенію субъекта, принять за непреложную истину, полную глубокаго мистическаго смысла.

Круговое радѣнье продолжается до тѣхъ поръ, пока радѣльщики не вспотѣютъ такъ, что хоть воду изъ рубашки выжми. Тогда, послѣ короткаго отдыха, переходятъ къ корабельному радѣнью, т. е. образуется эллипсисъ и радѣльщики бѣгаютъ другъ за другомъ, потомъ оборачиваются лицомъ другъ къ другу и подпрыгиваютъ на пальцахъ по направленію съ сѣвера на западъ, съ востока на югъ.

Въ крестномъ радѣньи мужчины и женщины становятся по угламъ и быстро-быстро мѣняются мѣстами.

Въ доказательство обоснованности своихъ радѣній „люди Божьи“ обыкновенно ссылаются на то мѣсто въ Откровеніи Іоанна Богослова, гдѣ говорится, что „они поютъ какъ бы новую пѣснь предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами, и никто не могъ научиться сей пѣснѣ, кромѣ сихъ

ста сорока четырехъ тысячъ, искупленныхъ отъ земли. Это суть тѣ, которые не осквернились съ женами, ибо вино дѣственники" (Апок. 14, 34). Подъ конецъ радѣнья, когда, по мнѣнію „людей Божьихъ", Духъ Святой въ достаточной степени „накатилъ" на „кормщика" или „кормщицу", смотря по „кораблю", выступаетъ тотъ или другая, препоясанные бѣлымъ полотенцемъ—знаменемъ, по хлыстовской терминологіи—и, поклонившись иконамъ,—хлысты послѣднія не отвергаютъ—произноситъ нараспѣвъ:

„Благослови, мой государь,
Благослови, батюшка, родной,
На кругъ твой стать,
Изволь мной святымъ Духомъ завладѣть".

Радѣльщики опускаются на колѣни и благоговѣйно выслушиваютъ такъ называемую „общую судьбу" или пророчество, касающееся всего корабля и степень правдоподобности котораго опять таки находится въ прямой зависимости отъ фантазіи „пророка"; чаще всего это бываетъ игра словъ или же эквилибристика риѳмами, въ родѣ того, напримѣръ: „Я, возлюбленные, саваоѳъ, вамъ скажу, въ сердца ваши благодать вложу, покровомъ васъ закрою, и отъ злыхъ звѣрей закрою Я, Богъ, васъ награжу, и хлѣбушка на весну вамъ урожу. Я, св. Духъ, васъ защищу и сюда никакихъ враговъ не допущу. Я, Богъ, благодать вамъ съ седьма неба принесу, и всю вселенную потрясу. Вы живите, возлюбленные, какъ птицы, никакіе не попадутъ на сердце къ вамъ спицы. Я васъ, возлюбленные, защищу и до явнаго острога не допущу. Я васъ не оставлю и ко всѣмъ къ вамъ ангеловъ приставлю и отъ всѣхъ то злодѣевъ васъ избавлю. Я вѣдь вами много дорожу и явной казной васъ награжу. Я сошлю васъ съ седьма неба манну, что не узнаетъ объ ней никакая и Анна. Если на васъ надѣнутъ пути, я велю ихъ долой столкнути".

Затѣмъ слѣдуютъ частныя предсказанія по адресу отдѣльныхъ корабельщиковъ, того же неопредѣленнаго характера, и нерѣдко „пророкъ" отъ усиленнаго разговора приходитъ въ такое изнеможеніе, что совсѣмъ ужъ невнятно выговариваетъ слова, и это опять объясняется воздѣйствіемъ Св. Духа.

Радѣніе заканчивается общимъ пѣніемъ молитвы:

„Царю, свѣтъ небесный, милосердый нашъ Богъ,
Упованіе Божіе, прибѣжише Христово
Покровитель святъ Духъ въ пути!
Богъ съ нами, съ нами Богъ и надъ нами,
За нами, предъ нами! Сохрани насъ, Господи,
Отъ злыхъ отъ злодѣевъ, отъ лихихъ іудеевъ“.

Въ особо важныхъ случаяхъ, при пріемѣ въ общину новыхъ членовъ, въ такъ называемомъ годовомъ радѣніи, богослуженіе сопровождается цѣлованіемъ голаго колѣна (?!) пророчицы, а самое моленіе обязательно затягивается до полуночи, и тогда радѣльщики обнажаютъ себя по поясъ, и начинается взаимное бичеваніе „святыми жгутиками“, то есть скрученными полотенцами, и хороводное радѣніе совершается вокругъ чана съ водою подъ напѣвъ:

Хлыщу, хлыщу, Христа ищу,
Сниди къ намъ Христе, со седьмого небесе,
Походи съ нами, Христе, во святомъ во кругу,
Сокати съ небесе, сударь, Духъ святый.

Хлыстамъ же инкриминируется практикованіе „свальнаго грѣха“, то есть безпорядочнаго полового сближенія и различныя изувѣрства при выборѣ „богородицы“. Разумѣется, къ подобнымъ обвиненіямъ нельзя не относиться не скептически, памятуя, что они исходятъ изъ лагеря такихъ непримиримыхъ гонителей раскола принадлежностью къ которому заявилъ себя хотя бы извѣстный казенный изслѣдователь раскольничьяго быта беллетристъ Мельниковъ, Оставляемъ всецѣло на его совѣсти достовѣрность нижеслѣдующаго разсказа:

„Въ хлысты, въ богородицы, въ пророки выступаютъ не по выбору, а, такъ сказать, по вдохновенію. Привлекается въ корабль молодая дѣвушка чистой жизни. Если замѣчаютъ, что на нее сильно дѣйствуютъ тѣлодвиженія, употребляемыя при радѣніяхъ, а еще лучше, если и безъ радѣній случаются съ нею припадки въ родѣ истерики, при чемъ она впадаетъ въ безпамятное изступленіе („кликуша“ по народному названію), то на нее начинаютъ смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на „избранный

сосудъ". То же самое и относительно мужчинъ. Чрезъ нѣкоторое время, когда молодая дѣвушка участвуетъ въ „бесѣдѣ", подходитъ къ ней „пророчица" и начинаетъ ее соблазнять:

„Молодая ты, юница,
Богу милая пѣвица,
Чистая отроковица,
Красная дѣвица,
Полюбилъ тебя Богъ,
Самъ Господь Саваоѳъ.
Благословенна ты въ женахъ,
Родишь спаса въ пеленахъ,
Въ золотыхъ во теремахъ.
Люди Божьи тебѣ помолятся,
Всѣ цари, короли поклонятся;
Будешь ты святая юродица,
Матушка пресвятая богородица,
Отъ тебя Христосъ народится,
Дай намъ пречистымъ тѣломъ твоимъ причаститься.

„Дѣвушка сначала и сама не знаетъ, что это означаетъ, но чрезъ нѣсколько времени начинаетъ понимать, что ее возводятъ въ величайшій для женщины санъ хлыстовъ, въ санъ богородицы.

„Старыя пророчицы снимаютъ ея одежды и раздѣтую сажаютъ на возвышенное мѣсто подъ образа. Начинается обожаніе. Новой богородицѣ съ крестнымъ знаменіемъ кланяются въ землю и прикладываются, кто къ ногѣ, кто къ рукѣ, кто къ груди, называютъ богородицей, царицей небесной, молятся ей и просятъ сподобить причаститься ея тѣла, а когда отъ духа свята у нея „христосикъ" родится, причаститься и его животворящей кровью.

„Новая богородица на этой же бесѣдѣ или чрезъ нѣсколько времени на другой, радѣетъ, припѣвая:

„Я люблю, люблю дружка
Саваоѳа на Небесахъ.
Ей, ей люблю!
Ей, ей люблю"!

„Радѣніе продолжается... Быстрѣй и быстрѣй всѣ вертятся... Все оканчивается „Христовой любовью“...

„Съ этой поры корабль, воздавая избранной дѣвушкѣ божескія почести, поетъ, обращаясь къ ней на радѣніяхъ, похвалу богородицы:

„Въ чистомъ полѣ, при дорожкѣ стояла свѣтлица, это свѣтлая свѣтлица дѣвственное тѣло, краснѣй солнца, свѣтлѣй свѣта, бѣлѣй снѣга“ и т. д.

Ее дарятъ различными вещами, а когда прислуживающія ей пророчицы и „праведныя“ замѣтятъ, что она беременна, собираютъ корабль и совершаютъ обрядъ причащенія тѣломъ богородицы.

„Для этого среди горницы ставятъ чанъ съ теплою водою. Богородица сначала радѣетъ, какъ и другіе, потомъ ее раздѣваютъ и сажаютъ на престолъ подъ иконы. Послѣ обожанія, пророчицы ведутъ ее къ чану, сажаютъ туда и даютъ въ руки икону нерукотвореннаго Спаса, которую она держитъ надъ головою. Вокругъ чана весь корабль радѣетъ. Наконецъ, одна изъ пророчицъ отрѣзываетъ у ней лѣвую грудь и прижигаетъ рану каленымъ желѣзомъ. Отрѣзанную часть тѣла рѣжутъ на деревянномъ кружкѣ на кусочки и причащаются ими.

„Если отъ изуродованной такимъ образомъ дѣвушки родится дѣвочка, ее отдаютъ матери и эта дѣвочка впослѣдствіи обыкновенно сама дѣлается богородицей или пророчицей. Но если родится мальчикъ, онъ считается сыномъ божіимъ и называется „христосикомъ“. На восьмой день его закалываютъ въ лѣвый бокъ такимъ же копіемъ, какое употребляется въ церквахъ, пронзаютъ ему сердце и причащаются горячею кровью. Тѣло сушатъ и превращаютъ въ порошокъ, съ которымъ послѣ пекутъ калачи, коими и причащаются вмѣстѣ съ водою“.

Подобный анекдотъ изъ „Ундольфскихъ тайнъ“ или т. п., принадлежитъ, конечно, къ числу несомнѣннѣйшихъ инсинуацій, схожихъ съ приписываемыми евреямъ такъ называемыми „ритуальными убійствами“ въ цѣляхъ полученія крови христіанина, нужной имъ для совершенія якобы пасхи. Впрочемъ и самъ Мельниковъ не могъ доказать правдивость своего сообщенія, глухо ссылаясь на признаніе „одного хлыста“. Крайне

жаль, что полное отсутствіе хлыстовской литературы и скудость вообще объективныхъ свѣдѣній о бытѣ хлыстовщины, не надѣленныхъ специфическими качествами, лишаетъ возможности ближе ознакомиться съ внутренними распорядками среди полныхъ таинственности и угрюмо въ себя замкнутыхъ „людей Божьихъ", насчитывающихъ за собою два съ лишнимъ столѣтія, что уже доказываетъ ихъ несомнѣнную жизненность.

Толковать или критиковать такой феноменъ кривизны полета взвинченной русской мысли, какъ христовщина, представляется дѣломъ весьма таки затруднительнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ критеріемъ подойдете вы къ анализированію трудно разрѣшимой психологической загадки о составныхъ элементахъ экстаза. А изъ послѣдняго то именно матеріала и строятся мистическіе „корабли" восторженныхъ пловцовъ по бурному морю житейской неправды.

„— Мы не ошибемся, кажется,—вѣско замѣчаетъ извѣстный историкъ и публицистъ Д. Н. Куликовскій—если станемъ искать источника экстаза у радѣльщиковъ не въ чемъ иномъ, какъ въ ритмѣ, заключающемся въ пляскѣ и въ пѣніи, и если опредѣлимъ экстазъ, какъ *результатъ воздѣйствія ритма движеній пѣнія или музыки на нервную систему человѣка*. Опредѣлить ближе и выяснить это воздѣйствіе,—это ужъ дѣло физіологовъ и психологовъ-спеціалистовъ. Но самое то явленіе, самый фактъ существованія связи между ритмомъ и экстазомъ можетъ быть кажется довольно прямо установленъ на данныхъ изъ исторіи культуры, религій и языка. Если мы вглядимся въ жизнь, насъ окружающую, если мы постараемся вникнуть въ тѣ психическіе процессы, которые развертываются въ насъ самихъ, намъ не трудно будетъ найти въ нихъ несомнѣнные признаки и элементы экстатическихъ состояній.

„Вообразите, что вы попали на балъ, но не танцуете, а забившись въ уголъ, наблюдаете оттуда въ качествѣ посторонняго наблюдателя, развертывающуюся передъ вами картину общаго веселья. Стройно, подъ тактъ музыки, проходятъ пары, бѣшено, но отнюдь не покидая того же такта, кружатся они и галопируютъ. Наблюдая эти кружащіяся фигуры, эти такъ искусно галопирующія одна около другой пары, это общее оживленіе и водоворотъ танца, отнюдь не переходящее въ

простую сутолоку, но въ самомъ разгарѣ соблюданіе ритмъ и тактъ, наблюдая эти оживленныя лица и горящіе глаза, воодушевленные однимъ и тѣмъ же чувствомъ, наконецъ, слѣдя за возникновеніемъ этого чувства, подъ воздѣйствіемъ музыки съ ея ритмами, бальнаго освѣщенія, бальныхъ костюмовъ, встрѣчающихся глазъ и магнетизма ритмическихъ движеній, вы въ своемъ углу придете къ убѣжденію, что предъ вами развертывается картина экстаза. На балу мы находимъ совокупность тѣхъ самихъ факторовъ, которые дѣйствуютъ и на радѣньяхъ „людей божьихъ",—за вычетомъ мистической вѣры, которая сама по себѣ не можетъ еще произвести экстаза... Тѣ случаи, когда мистики приходятъ въ экстазъ путемъ напряженнаго молчанія и сосредоточеніемъ вниманія на извѣстномъ пунктѣ или мысли, представляютъ несомнѣнную аналогію съ тѣмъ психическимъ возбужденіемъ, которое имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ театрахъ или публичныхъ собраніяхъ, гдѣ всѣ хранятъ напряженное молчаніе и всѣ взоры устремлены на сцену или на каѳедру, при чемъ въ головахъ сотенъ или тысячъ людей возникаютъ одни и тѣ же представленія".

На хлыстовщину отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на случайныя собранія неуравновѣшенныхъ людей, связанныхъ между собою потребностью другъ въ другѣ для переживанія моментовъ остраго напряженія нервныхъ центровъ, и придавшихъ религіознымъ запросамъ форму чуть-ли не патологическаго соприкосновенія съ областью половыхъ вождѣленій, какъ это силятся доказать нѣкоторые усердные дѣятели такъ называемой русской богословской школы. Хлыстовщина жила не „свальнымъ грѣхомъ", существованіе котораго сильно отзываетъ апокрифичностью, не цѣлованіемъ голаго колѣна „рослой, дебелой дѣвки", а высокими идеалами, плохо формулированными, но практически проведенными въ соціологическую жизнь секты. Хлысты прекрасно усвоили громадный принципъ теократическаго царства на землѣ, зиждущійся на мистическомъ единеніи „людей Божьихъ". Всѣ существующія организаціи соціологическаго характера, должны по ихъ убѣжденіямъ, уступить мѣсто союзу подданныхъ Бога-Духа. Хлыстовство задается яркою задачею эмансипировать человѣчество отъ тяжелыхъ путъ, наложенныхъ вѣками темнаго

прошлаго, оно гонитъ и уничтожаетъ семью, запрещаетъ бракъ въ смыслѣ моногамическаго института, возводитъ женщину въ высокій санъ матери бога и острымъ, мозгъ и душу пронзающимъ блаженствомъ, одухотворяетъ служеніе Богу, вѣритъ ему глубиною помысла и страстно лобзаетъ въявь. Секта живетъ уже два съ лишнимъ столѣтія и проживетъ еще долго, ибо корнями своими ушла въ землю, служа прямымъ продолженіемъ античныхъ такъ называемыхъ эпоническихъ культовъ, проповѣдующихъ поклоненіе плодородію, началамъ зарожденія новой жизни, благоговѣніемъ предъ материнствомъ. Люди Божьи считаютъ „скверною" бракъ, какъ ярмо, приковывающее мужчину къ женщинѣ, изсушающее ихъ обоихъ, склонность замѣняющее обязанностью, но чтятъ женское обаяніе, и далеко шагнули впередъ по сравненію съ другими вѣроисповѣдными теоріями, отведя женщинѣ чуть-ли не первое мѣсто въ своей религіозной практикѣ. Лжебогородица, которая обязательно должна быть при каждомъ хлыстовскомъ кораблѣ, выбирается въ зависимости отъ ея физической привлекательности и моральнаго вліянія, чтобы не стыдно и не тяжело было отдаться въ ея волю. Перечтите талантливое произведеніе Захаръ-Мазоха „Пророчица"—открывшее новую страницу исторіи психо-сексуальныхъ аффектовъ—и многое въ экстатическихъ наклонностяхъ хлыстовъ станетъ вамъ понятно. Отрѣшитесь отъ предвзятой мысли, что допускаемая хлыстами свободная любовь есть распутство, громимое строгими моралистами, забудьте діагнозъ ученаго психіатра профессора Сикорскаго, обратившаго вниманіе на особенную извилистость черепныхъ сосудовъ у наблюдавшихся имъ мистиковъ-сектантовъ, и налитіе ихъ кровью, что, по его словамъ, не есть слѣдствіе эмоціональнаго возбужденія, а должно быть отнесено къ патологическимъ причинамъ,—встаньте на точку зрѣнія хотя бы нашего глубокаго провидца Василія Васильвича Розанова съ его теоріею о бракѣ—радости тѣла, выставляемой имъ наперекоръ догмѣ о бракѣ—смерти духа, проповѣдуемой церковью съ ея тяжело грустными напѣвами, не дѣлающими различія между бракосочетаніемъ и похоронами,—и тогда вамъ станетъ понятно, что хлыстовщина занесла одну ногу по эту сторону моральнаго шлагбаума, глянула однимъ

глазомъ въ мрачно притягательную глубину полнаго захватывающей жуткости „a bas“, нарисованнаго и перечувствованнаго Гюисмансомъ, и боязливо зажмурилась, готовая вотъ вотъ сорваться. Религіею хлыстовщина стать никогда не сможетъ. Вынесенная изъ подполья на просторъ мірской, ставъ достояніемъ толпы, она разомъ утратитъ свою поэтическую расплывчатость контуровъ, посѣрѣетъ и поблекнетъ. Да и нечего ей дѣлать здѣсь. Царство „людей Божьихъ“ не терпитъ будничнаго отношенія къ религіи, отведеннаго ей часа между завтракомъ и обѣдомъ, „святымъ жгутикомъ“ подбодряетъ она своихъ фанатиковъ рабовъ, требуя отъ нихъ „налитія черепныхъ сосудовъ“, а на это такъ называемые нормальные люди ничуть не способны. Оставимъ хлыстовъ хлестать другъ друга, „радѣть“ со своей красавицей—богородицей, хмѣлѣть отъ переизбытка „накатывающаго“ Духа и стремиться къ своему идеалу—седьмому небу—намъ ихъ трудно понять, а имъ еще труднѣе съ нами согласиться. Двѣ плоскости мышленія, два полюса психическаго космоса, разница темпераментовъ—все это препятствія непреоборимыя.

Но, странно, людей, противоположнаго намъ съ читателемъ уклада, оказывается не такъ ужъ мало.—Нѣтъ, кажется, въ Россіи мѣстности—констатируетъ г. Барсовъ—гдѣ бы хлысты отъ времени до времени, не обнаружили своего существованія. Начиная съ Костромской губерніи, гдѣ секта появилась въ царствіе Алексѣя Михайловича, она обошла сначала всѣ центральныя губерніи, позже перешла въ Поволожье, затѣмъ слѣды ея обнаружились въ Малороссіи, и наконецъ въ сѣверо-западномъ краю и оттуда—добавимъ мы отъ себя—перекинулась въ австрійскую Галицію, прочно обосновавшись среди тамошнихъ русинъ. Есть, слѣдовательно, въ хлыстовщинѣ живительная влага, есть самобытность, соотвѣтствіе народной психикѣ, и выводить ее отъ западныхъ квакеровъ, старыхъ богомиловъ или объяснять ее воздѣйствіемъ проповѣди Кульмана едва ли будетъ правильно. Все заимствованное, наносное, вѣками безъ кнута не существуетъ. А именно столько лѣтъ насчитываетъ хлыстовщина, упрямо противодѣйствуя всѣмъ попыткамъ искоренить сію „вреднѣйшую“ ересь, да еще нашедшая въ себѣ силы выдѣлить изъ себя особую „макси-

малистскую фракцію", рѣшительно порвавшую съ плотью въ порывѣ къ седьмому небу, буквально принявшую „къ свѣдѣнію и руководству" извѣстный евангельскій совѣтъ объ усѣченіи соблазняющаго тѣлеснаго члена, и создавшую новую организацію, сущность которой состоитъ „въ смѣшеніи религіознаго изувѣрства съ сумасбродствомъ, имѣющимъ цвѣтъ политическій"!! „Можно смѣяться — докладывалъ г. Надеждинъ, въ 1845 г. по порученію г. министра внутреннихъ дѣлъ—можно презирать такую невмѣстимую для здраваго ума нелѣпость, но отрицать ея существованіе нѣтъ никакой возможности". Говоря, слѣдовательно о русскомъ расколѣ, касаясь вопроса о мистическомъ его развѣтвленіи, затрагивая исторію хлыстовщины, нельзя не оговориться о глубоко интересномъ осуществленіи аскетическихъ заповѣдей перваго хлыстовскаго Саваофа Данилы Филиппова среди радикальнаго элемента „хлыстовщины" получившихъ названіе „бѣлыхъ голубей" или скопцовъ, горделиво поющихъ какъ

„Отъ бѣлой зари, Отъ Сіонъ-Горы,
Отъ Востокъ страны, отъ Иркутскія,
Отъ Иркутскія, отъ Французскія,
Летятъ голуби, лѣтятъ бѣлые,
Летятъ тучами, летятъ мучимы:
Все скопцы, бѣльцы земли Греческой,
Именитые, знаменитые,
Знамена несутъ, кандалы трясутъ,
Въ колокола звонятъ, сокола манятъ.
Съ ними Богъ Богамъ, съ ними Царь Царямъ,
Съ ними Царь Царямъ, съ ними Духъ Духамъ,
Онъ пришелъ огонь, огонь полымя,
Огонь—полымя, костры огненны,
Онъ идетъ грядетъ въ гради Царскіе,
Въ грады Царскіе, въ мѣста райскія,
Въ Давидовъ домъ, въ тайну Божію!
Тайна Божія совершается,
Ужъ во томъ ли во дому во Давидовомъ!
Благодать Божія и съ гуслями тамъ:
Катаютъ Духи блаженные,

Съ пиками ангельскими, архангельскими,
Съ Херувимами, съ серафимами,
И съ всею силою нобесною.
Люди первенцы земли скуплены,
Они скуплены Искупителемъ,
И Святымъ Духомъ Утѣшителемъ.
Они молятся въ тайну Божію,
Заповѣдано отъ всего міра,
Отъ всего міра, міра темнаго.
Только свѣдомо святымъ ангеламъ,
Святымъ ангеламъ и архангеламъ,
Съ херувимами и серафимами,
Съ Апостолами и Пророками,
Со страдателями вѣрными, праведными,
Не женившими и нельстившими,
Во устахъ лести не пріемшими.
Они молятся въ лицо Агнецу,
Въ лицо Агнецу-Искупителю
И Святому Духу Утѣшителю.
Ихъ моленіе—грому страшнаго,
Грому страшнаго преужаснаго,
Изъ устъ у нихъ огонь—полымя,
Огонь полымя—жарка молонья!

Скопчество.

Вопросъ о „лѣпости“ женской, какъ вѣрнѣйшемъ орудіи дьявольской прелести, всегда сохранялъ свою остроту, подъ вліяніемъ одностороннихъ моралистовъ, неустанно громившихъ человѣческія слабости, между которыми видное мѣсто принадлежитъ женолюбію. Съ глубочайшей древности дѣлались попытки представить половое сближеніе съ женщиною униженіемъ для духовнаго міра человѣка, затемняющимъ его высшую природу, но побѣдить естественныя наклонности, искусственно притупить ихъ возбудимость оказывалось не такъ-то легко, и міръ продолжалъ жить, всецѣло подчиняясь физіологическому инстинкту, иногда сочувственно принимая пред-

лагавшіяся ему теоріи немногихъ загасившихъ плотскій огонь аскетовъ, но не находя, да и не желая находить возможнымъ практически осуществить принципъ воздержанія отъ страстно къ себѣ манящаго женскаго тѣла, съ его поэзіею грѣха и разгадкой тайны всего сущаго и живого. Вотъ почему почти всѣ извѣстныя намъ этически-религіозныя системы, обыкновенно санкціонировали бракъ, становясь въ данномъ случаѣ на чисто раціоналистическую точку зрѣнія, и отказываясь отрицательно относиться къ основному нерву жизненнаго распорядка.

Намъ, конечно, извѣстны, случаи, и даже многочисленные, добровольнаго аскетическаго уклоненія отъ соблазновъ и наслажденій земного существованія, но подобные факты обязаны своимъ происхожденіемъ сильному волевому напряженію, способности поставить самому себѣ такъ называемый категорическій императивъ, т. е. дать перевѣсъ запретительнымъ движеніямъ психики—средству, находящемуся далеко не въ распоряженіи всѣхъ и каждаго, слѣдовательно, для дюжиннаго человѣка недоступному. И опять мы знаемъ, что съ давнихъ поръ человѣчество додумалось до атрофированія—иначе сказать—умерщвленія половыхъ позывовъ путемъ примѣненія мѣръ радикальныхъ, прибѣгнувъ къ помощи хирургіи, дабы, въ извѣстныхъ цѣляхъ, лишить мужчину способности сближаться съ женщиною. Историческія данныя сообщаютъ намъ, что на древнемъ востокѣ, въ Египтѣ, Ассиріи, Персіи, а впослѣдствіи и въ Римѣ и Греціи, существовалъ институтъ евнуховъ—категоріи мужчинъ, въ дѣтствѣ подвергнутыхъ операціи изуродованія половыхъ органовъ, и состоявшихъ затѣмъ въ качествѣ надзирателей за женщинами, очень удобныхъ въ смыслѣ абсолютной ихъ безстрастности. Подобные хранители женской вѣрности были всюду, гдѣ имѣла мѣсто полигамія—многоженство, при которомъ создавались гаремы, или общежитія женщинъ, слѣдить за порядками въ которыхъ и предназначены были евнухи. Такого сорта люди, не смотря на спросъ на нихъ, никогда и нигдѣ не пользовались ни малѣйшимъ уваженіемъ. На нихъ глядѣли съ совершенно противоположнымъ чувствомъ, какъ на искаженныя существа, утратившія свой нормальный видъ и общечеловѣческія качества. Еврейское религіозное

законодательство (Второзаконіе XXIII, 1), рѣшительно осудило оскопленіе, какъ противорѣчащее предначертаніямъ Іеговы. Въ греко-латинскомъ мірѣ всякаго рода произвольное измѣненіе половыхъ органовъ было разсматриваемо, какъ уголовное преступленіе, отвѣтственность за которое возлагалось на совершителей и участниковъ оскопленія, одинаково подвергавшихся смертной казни. Значительно позже, въ эпоху упадка чистоты античнаго духа, оскопленіе пользовалось попустительствомъ въ Византійской имперіи, гдѣ очень часто евнухи добирались до высокихъ государственныхъ должностей, пользуясь своею интимностью съ императорами. Нѣкоторый фаворитизмъ скопчества въ средневѣковой Италіи, объясняется тѣмъ, что оскопленный, кастрированный мужчина, пріобрѣтавшій благодаря этому женственный голосъ, считался хорошимъ пріобрѣтеніемъ для папскаго пѣвческаго хора. Какъ видно изъ изложеннаго, оскопленіе практиковалось въ цѣляхъ чисто практическихъ, но были поползновенія свести вопросъ къ религіозной этикѣ.

Несомнѣнно, что дѣятели александрійской философской школы въ духѣ мистицизма, не прочь были усматривать въ оскопленіи одно изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ для поддержки духа въ борьбѣ съ плотью. Изъ послѣдователей послѣдняго теченія извѣстенъ знаменитый философъ христіанства скопецъ Оригенъ. Во второмъ вѣкѣ по Р. Х. открылась секта „энкратитовъ", ратовавшихъ противъ брака, употребленія мясной пищи и т. п.

Христіанство ортодоксальное, правовѣрное, съ самаго начала выступило съ осужденіемъ произвольнаго толкованія извѣстнаго евангельскаго текста: „аще око твое деспое соблазняетъ тя, изми е, и вверзи отъ себе, и аще десная твоя рука соблазняетъ тя, усѣцы ю, и вверзи отъ себе". Іоанъ Златоустъ „отсѣченіе членовъ" прямо называетъ „дѣйствіемъ сатанинскихъ козней", объясняя приведнныя слова Спасителя единственно въ отношеніи къ удаленію злыхъ помысловъ.

Вселенскіе соборы, создавшіе основанія общехристіанскаго каноническаго права, высказали неумолимую строгость къ скопчеству, объявивъ его тяжкимъ грѣхомъ, подвергающимъ клирика изверженію изъ сана, мірянина же отлученію. Постановленіе на этотъ счетъ Константинопольскаго Собора снабжено такимъ предисловіемъ: „Божественное и Священное Пра-

вило Святыхъ Апостолъ признаетъ скопящихъ самихъ себя за самоубійцъ. Отсюда явнымъ становится, яко, аще скопяющій самого себя самоубійца есть, то скопящій другого, безъ сомнѣнія, есть убійца. Можно же праведно рѣщи, яко таковый оскорбляетъ и самое созданіе". Но съ теченіемъ времени христіанство утратило значительную долю своего строгаго взгляда на оскопленіе и въ византійской церковной іерархіи появляется рядъ скопцовъ, чѣмъ папа Левъ IX не мало попрекалъ Восточную церковь.

Если взглянуть синхронистически на русскую исторію древняго періода, то выведемъ, что скопчество было явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ, тщательно регистрировавшимся добросовѣстными лѣтописцами, съ омерзеніемъ относившимися къ подобнымъ фактамъ. Но все это были единичные случаи аскетическаго фанатизма, обще религіознаго характера, составляя, такъ сказать, его деталь, его желательное усовершенствованіе, а не конечную цѣль, его необходимое условіе. Скопчество, какъ секта, какъ систематизированное ученіе людей, сорганизовавшихся на почвѣ единой идеи, и практически ее осуществившихъ, впервые оффиціально засвидѣтельствовано въ именномъ указѣ императрицы Екатерины II отъ 2 іюля 1772 г., гдѣ повелѣвалось полковнику Волкову отправиться въ Орелъ для принятія мѣръ противъ „новаго рода нѣкоторой ереси", раздѣливъ участниковъ ея на три категоріи: 1) начинщики, или тѣ, которые изуродовали, 2) тѣ, кои, бывъ уговорены, другихъ на это приводили и 3) тѣ простаки, кои, бывъ уговорены слѣпо повиновались безумству наставниковъ. На самую новизну и необычайность для того времени скопческой ереси, указываетъ то обстоятельство, что слѣдователю прежде всего предлагалось тщательно удостовѣриться, „дѣйствительно ли тамъ состоитъ такое дѣло". О результатахъ разслѣдованія Волкова намъ ничего неизвѣстно. И ровно черезъ двадцать восемь лѣтъ послѣ его командировки въ той-же Орловской губерніи снова обнаружились слѣды полузабытой ереси. Восьмеро случайно открытыхъ скопцовъ показали, что они были оскоплены лѣтъ тому тридцать назадъ появившимся въ ихъ околоткѣ бѣглымъ человѣкомъ Андреемъ Ивановымъ. Съ тѣмъ не поцеремонились и засадили въ Шлиссельбургскую крѣпость. Чиновникъ Юрашкевичъ, посланный

для доклада о вновь объявившейся сектѣ, далъ отзывъ, что „тонъ сектантовъ есть тотъ, что они мяса никогда не ѣдятъ, перестаютъ довольно съ молодыхъ лѣтъ исполнять супружескія обязанности съ своими женами, предполагая за то прощеніе грѣховъ, и не хотятъ дочерей своихъ выдавать замужъ, поставляя замужество въ грѣхъ, а тѣ, которые имѣютъ болѣе твердости духа, скопятъ себя равномѣрно для спасенія души и чтобъ укротить любострастныя желанія“. Всѣ обнаруженные или просто заподозрѣнные скопцы были сконцентрированы въ крѣпости Динамюнде, близъ Риги, откуда уже невѣдомыми путями пошла пропаганда далѣе. Съ воцареніемъ Александра I всякія преслѣдованія скопцовъ прекратились и для скопчества наступила золотая эпоха его расцвѣта, давшая ему возможность широко раскинуться по Россіи и съ успѣхомъ бороться съ послѣдовавшими затѣмъ репрессіями.

Во всѣхъ донесеніяхъ духовныхъ и гражданскихъ разслѣдователей того времени, посылавшихся въ Орловскую губернію для сыска зарождавшейся секты, главнымъ зачинщикомъ фигурировалъ таинственный „неизвѣстный“ наставникъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи скопческимъ „Лже-Искупителемъ“, личность, облеченная, по словамъ Надеждина, „глубокимъ мракомъ“, самое имя котораго точно не установлено, хотя чаще всего его называли Кондратіемъ Селивановымъ. Селивановъ происходилъ, какъ и большая часть скопцовъ, изъ хлыстовъ, началъ свою дѣятельность въ „кораблѣ“ весьма популярной между „Божьими людьми“ богородицы Акулины Ивановны. Въ началѣ на Селиванова какъ-то не обращали вниманія. Былъ онъ „молчаливъ и не смѣлъ“, въ собраніяхъ „садился всегда у самаго порога и за порогомъ, и никогда не отверзалъ устъ своихъ“, но въ душѣ обдумывая планъ о распространеніи всюду „чистоты“.

Къ этой порѣ старые идеалы хлыстовства уже давно отошли въ область преданія. Подвигъ воздержанія отъ всяческихъ соблазновъ, особливо отъ „женской лѣпости“, столь усиленно рекомендовавшійся когда-то „Саваоѳомъ“ признавался теперь довольно таки дѣломъ труднымъ и возникли новыя теоріи, вносившія извѣстнаго рода практическіе компромиссы на темы о позволительности взаимнаго сожитія мужчины съ женщиною по обоюдной другъ къ другу склонности. По словамъ того же

Селиванова „во всѣхъ корабляхъ, куда бы онъ только ни приходилъ“, всѣ лѣпостью связаны, то и норовятъ, гдѣ бы съ сестрою въ одномъ мѣстѣ посидѣть“. Ясное дѣло, что истинная, чистая религія падаетъ, грѣхъ объялъ человѣчество, нужно его спасти. И вотъ въ умѣ хлыстовскаго Лойолы обработана мысль создать особый полумонашескій орденъ застрахованныхъ отъ всѣхъ увлеченій любителей „чистоты“, сплотить прочно организованное общество людей, объединенныхъ между собою положеніемъ, что „чистота есть отъ всѣхъ слабостей удаленіе, какъ то въ началѣ отъ женской лѣпости, а потомъ отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и праздности“. Въ представленіяхъ Селиванова ясно, проскальзываетъ старый престарый принципъ всѣхъ аскетовъ, что женщина—наиболѣе опасный спасающемуся человѣку врагъ. Отнимите у человѣка его стремленія къ женщинѣ, и вы разомъ вознесете его на степень идеальной безстрастности, гдѣ нѣтъ уже надобности собирать богатство, притѣсняя своего ближняго, такъ какъ тогда потеряется всякій смыслъ роскоши и всѣхъ земныхъ наслажденій, сводящихся къ удовлетворенію наиболѣе развитаго инстинкта сластолюбія.

До 1775 г. продолжался первый періодъ скопческой пропаганды Селиванова, съумѣвшаго постепенно внести серьезный расколъ въ среду „людей Божьихъ“ и подорвать авторитетъ ихъ пророковъ и христовъ, возненавидѣвшихъ за это талантливаго и осторожнаго реформатора, совершенно чуждаго какихъ-либо эгоистическихъ разсчетовъ, и твердо увѣровавшаго въ необходимость оскопленія гибнущаго въ грѣхахъ человѣчества, человѣка только и жившаго своею идеею. „Спалъ онъ на доскахъ,—разсказываетъ лицо, близко знавшее Селиванова,—только простынею, бывало, ихъ накроетъ. И ѣлъ мало—самую малость. Когда яблоко откуситъ, вишенку съѣстъ, земляники попробуетъ. Точно восковой... Молчаливъ былъ очень. Сидитъ бывало у столика, ручки сложитъ крестомъ, пальчиками крестное знаменіе, обѣими руками и голову на нихъ положитъ, значитъ молится. И такъ цѣлые часы, а то и цѣлые дни сидитъ“. Вообще на всѣхъ, когда-либо съ нимъ встрѣчавшихся, Селивановъ производилъ самое отрадное впечатлѣніе своимъ мягкимъ обращеніемъ и полною незлобивостью, ярко сказы-

вавшеюся въ замѣчательно тепломъ отношеніи ко всѣмъ пошатнувшимся людямъ.

Ближайшимъ единомышленникомъ и распространителемъ идей Селиванова былъ нѣкто Александръ Шиловъ, личность тоже мятущаяся, въ поискахъ за истиною бросившій жену и дѣтей. „Онъ превзошелъ всѣ вѣры и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ", но не одна изъ нихъ не удовлетворила его душевнаго голода, настолько сильнаго, что, по его же собственнымъ словамъ, „если бы нашелъ самую истинную вѣру Христову, то не пощадилъ бы своей плоти, радъ бы головушку за оную сложить, и отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить".

Проповѣдь Селиванова и Шилова была далеко небезуспѣшною; за самое короткое время они успѣли оскопить изрядное количество увѣровавшихъ въ нихъ людей. Наконецъ, на нихъ былъ сдѣланъ доносъ, какъ говорятъ, хлыстами, и Селивановъ былъ арестованъ, и послѣ обычныхъ по тому жестокому времени мучительныхъ пытокъ былъ отправленъ въ Сибирь

Такимъ образомъ Селивановъ былъ „изъятъ изъ обращенія" и вся тяжесть учительства легла на плечи Шилова, проведшаго скопческія тенденціи въ западныя губерніи и познакомившаго съ ними и Петербургъ, за что и попалъ, наконецъ, въ 1789 г., въ Динамюндскую крѣпость.

Какъ жилъ Селивановъ въ Сибири—неизвѣстно; фактъ лишь тотъ, что онъ оттуда бѣжалъ и въ 1795 г. появился въ Московской губерніи, выдавая себя за императора Петра Третьяго. Вотъ тутъ-то и вносится въ скопчество любопытнѣйшій, чисто политическій элементъ, рѣзко отличающій его отъ другихъ проявленій религіознаго разномыслія среди русскихъ людей. Для скопцовъ Селивановъ незыблемо, до нашихъ дней, остался несомнѣннѣйшимъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, государемъ самодержавнымъ, съ неограниченною властью, чѣмъ и объясняется строгая централизація, на которой зиждется постановка всей скопческой организаціи, въ отличіе отъ хлыстовской. Сочиненное Селивановымъ самозванство навѣяно, вѣроятно, тогдашними темными слухами о загадочной смерти бывшаго императора и безумно-смѣлою попыткою Пугачева „тряхнуть Москвою".

Въ самой личности Петра III для раскола всѣхъ развѣтвленій было много притягательнаго. Лютеранинъ по воспитанію, императоръ не думалъ относиться сурово къ отщепенцамъ чужой ему русской церкви; напротивъ, онъ былъ воодушевленъ желаніемъ сдѣлать кое-что для улучшенія юридическаго положенія раскольниковъ. До народа глухо доходили слухи, что молодой государь не жалуетъ сановныхъ баръ, что онъ высказывается за уничтоженіе крѣпостного права и не сегодня-завтра, якобы, положитъ конецъ старому безправію мужика. Трагическая, таинственная смерть Петра создала ему еще большую популярность, павъ на совѣсть близкихъ къ покойному лицъ. Эпоха, послѣдовавшая за 1762 г., выдвинула рядъ самозванцевъ, пользовавшихся среди темнаго люда большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Самозванство Селиванова относится къ послѣднему году жизни Екатерины II. Приказано было навести обстоятельныя справки, но пользоваться ими императрицѣ не пришлось. Селивановъ былъ арестованъ въ Москвѣ, и, какъ увѣряютъ многіе достовѣрные источники, былъ доставленъ въ Петербургъ къ только что вступившему на престолъ императору Павлу, свято чтившему память своего отца и все, что такъ или иначе относилось къ нему. Есть указанія, что на вопросъ Павла: „ты мой отецъ?" Селивановъ отвѣчалъ: „грѣху я не отецъ; прими мое дѣло (оскопленіе) и я признаю тебя своимъ сыномъ". Павелъ будто бы разсердился на дерзкаго старика, а тотъ предсказалъ ему недолгое царствованіе. Свиданіе Селиванова съ императоромъ окончилось водвореніемъ перваго въ Обуховскую больницу, тогдашній сумасшедшій домъ, гдѣ тотъ и просидѣлъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Александръ I, всегда глубокій мистикъ въ душѣ, посѣтившій больницу, бесѣдовалъ лично съ Селивановымъ, и приказалъ перевести его въ богадѣльню при Смольномъ монастырѣ, но послѣ трехмѣсячнаго тамъ пребыванія старикъ былъ совершенно освобожденъ отъ какого бы то ни было наблюденія за нимъ.

За періодъ времени отъ 1802—90 гг., скопчество и вообще мистическое отношеніе къ всему происходящему, пережило свой золотой вѣкъ. Объясняется это чисто политическими событіями, а болѣе того душевными особенностями императора Александра I, чисто гамлетовская натура котораго до

сихъ поръ не поддается какому бы то ни было аналитическому освѣщенію. „Въ душѣ императора съ 1812 г. совершается сильный переломъ, впослѣдствіи наполняющій всю его нравственную и политическую жизнь борьбой двухъ элементовъ: прежнихъ замѣчательно либеральныхъ и великодушныхъ идей и стремленій съ новыми вліяніями, мистическими и реакціонными“... „Въ общежитіи,—говоритъ тонкій наблюдатель александровскаго времени,—какъ въ воздухѣ, здѣсь вѣтеръ. тамъ мысли перемѣняются. Съ аустерлицкаго похода стало движеніе совсѣмъ иного духа, по тогдашнему прозванію религіознаго, и съ такимъ успѣхомъ, что даже изъ людей съ высшимъ взглядомъ выходили люди религіознаго взгляда, Вчастую, бывало, слышишь, отъ кого и не ожидалъ: пора прійти въ разумъ истины, искать прежде Царствія Божія и правды Его“. Въ бесѣдѣ съ нѣмецкимъ епископомъ Эллертомъ Александръ сказалъ: „пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи преисполнилъ мое сердце теплотою вѣры. Тогда я позналъ Бога, какъ намъ открываетъ его священное писаніе; съ тѣхъ только поръ я понялъ Его волю и законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славѣ“. Знать съ восхищеніемъ прислушивалась къ проповѣди близкой императору дамы—Крюденеръ, громившей старый порядокъ и утверждавшей, что пришло то время, „когда царства земная возопіютъ и имъ будутъ отвѣчать только бури... Государь и правители бываютъ только рабами тьмы, если Христосъ не будетъ для нихъ царемъ и избавителемъ, и Евангеліе ихъ закономъ“. Подобное піэтистическое направленіе, пользовавшееся полною благосклонностью императора, явно выступило противъ государственной церкви, состоящіе въ которой, по выраженіямъ оффиціально разрѣшенной мистической литературы, „при всей тщетной славѣ и ложномъ упованіи на устную вѣру и наружно честное житіе, остаются чадами діавола и зла“. При такомъ настроеніи интеллигенціи, а особенно правящихъ сферъ, немудрено, что піэтистическое направленіе искренно и не искренно пропитало общественную жизнь послѣднихъ годовъ царствованія Александра, усердные подданные котораго по мѣрѣ силъ и разумѣнія подражавшіе импе-

ратору, причемъ „библейское“ настроеніе не обошлось и безъ пересоловъ, какъ, напримѣръ, обильнаго уснащенія чиновничьихъ бумагъ цитатами изъ священнаго писанія.

Скопцы и хлысты, совершенно уже вышедшіе изъ подполья, живо оцѣнили всю благодѣтельность для нихъ наступившаго правительственнаго переворота, и никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемые, принялись на всѣ лады славословить такой счастливый оборотъ дѣла, называя нечестивую, по понятіямъ прочихъ раскольниковъ, столицу „Сіономъ градомъ“, „земнымъ райскимъ садомъ“ и т. п.

„Среди Питера встроенъ былъ домъ,
Самому Христу было прибѣжище въ немъ,
Протекалъ тамъ живой воды тихій Донъ,
Разливалась тамъ Сладимъ рѣка,
На стражѣ были евангелистами Марко да Лука,
Стеречь всему дому мастера;
Тамъ написаны были златыя литера,
Подъ названіемъ: „святой храмъ“.
Сходилися, съѣзжалися со всѣхъ сторонъ,
Не боялись іудеевъ черныхъ воронъ,
Въ Лаврѣ были бѣлосвѣтскіе скопцы,
А садовники были все духовные дѣльцы,
Торговали иноземные купцы,
Это было злато время и пора,
Къ намъ явилась благодатная гора,
Посвѣщала благоутренняя заря.
Искупитель назвалъ Питеръ „Сіонъ градъ“.
Пресчастливы, преблаженны тѣ года.
Приходили къ нему царскіе рода,
Всѣ со страхомъ покоряли сердца,
Прославляли искупителя-отца.

Вотъ въ это-то исключительно благопріятное для сектантства время въ скопчествѣ особенно ярко выразился элементъ чисто политическій, обнаружились попытки создать довольно-таки оригинальный теократическій строй общественнаго распорядка, химерическій по своей идеѣ и невозможный для практическаго осуществленія, но крайне любопытный по за-

мыслу. Въ средѣ малоинтеллигентныхъ, въ сущности, скопцовъ появляется личность высоко культурная, европейски образованная, съ глубоко развитою способностью мистическаго мышленія.

То былъ камергеръ Алексѣй Еленскій, полякъ родомъ, служившій при дворѣ послѣдняго польскаго короля Станислава Лещинскаго, и съ раздѣломъ Польши переименованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Еленскій горячо увѣровалъ въ скопческую догму, принялъ „огненное крещеніе", и послѣ своего извѣстнаго письма къ тогдашнему фавориту Александра Перваго, угодилъ въ Спасо-Евфиміевскій монастырь, гдѣ и умеръ.

Письмо, адресованное Новосильцеву „яко таинственно возрожденному и по сердцу цареву избранному мужу", дѣлится на двѣ части: проектъ государственнаго переустройства Россіи и апологію скопчества. И то, и другое настолько интересно, что заслуживаетъ быть переданнымъ полностью. Еленскій стоитъ на строго монархической почвѣ. Онъ и писанія свои начинаетъ съ того, что „возвѣстила премудрость небесная устами Іисуса Спрахова и гласомъ многихъ пророковъ: аще кто не любитъ царя и вѣрности ему не хранитъ, всякую клевету на себя привлечетъ; аще же кто не радитъ о отечествѣ, въ числѣ живыхъ людей да не именуется.

„Затѣмъ церковь, таинственно управляемая святымъ Духомъ, подвергнувшись волѣ Отца свѣтовъ, получила небесное повелѣніе, дабы вышла на службу отечества, прославила-бы, яко съ нею воистину Богъ есть, и тѣмъ подвигомъ увѣнчала бы новымъ лавромъ Всероссійскаго Монарха. Такъ во истинѣ и правдѣ содѣйствуется слава Божія, яко было при Іисусѣ Навинѣ, который гласомъ небеснымъ управлялся и всѣ царства языческія разорилъ. Да то же слово Божіе, которое пречистыми устами Господа Іисуса Христа возвѣщало: глаголетъ той же истинный Духъ Его и нынѣ: воздайте Божіе Богови, и Царская Цареви, а паче еще строжайше грозитъ намъ, дабы таланту, даннаго отъ небесъ, не скрывали въ землю, яко оный лѣнивый и лукавый рабъ, но обязаны явить силу Отца свѣтовъ и сколько Россійская Имперія, пріятная правленію Непостижимаго и какъ отъ давнихъ временъ дланію Всесиль-

ною руководствуется и небеснымъ покровомъ отъ всѣхъ окружающихъ враговъ и недоброжелателей одѣвается.

По предложенію Еленскаго должно учредить особую „небесную концелярію“, вѣдующую всѣми дѣлами государства, превращеннаго въ подчиненную императору федерацію „кораблей“.

„Какъ таинственной церкви люди, вкусившіе дару небеснаго и причастницы животворящимъ и безсмертнымъ Тайнамъ Христовымъ, да и питаясь отъ премудрости сокровенной, довольно всѣ Богомъ учены, а при томъ есть нѣкакое число и грамотныхъ людей, то изъ грамотныхъ, которыхъ Святый Духъ назнаменуетъ своимъ судомъ небеснымъ, долженъ я буду въ сію Канцелярію оныхъ представлять, а правительство, имѣя именное Высочайшее повелѣніе, обязано будетъ таковыхъ людей препроводить архіерею, ради постриженія въ монахи, произведенія въ іеромонахи и обученія церковной службѣ, а изъ таковыхъ іеромонаховъ опредѣляетъ на корабли, присоединивъ ко всякому іеромонаху по одному пророку на каждый корабль. Іеромонахъ, занимаясь изъ устъ пророческихъ гласомъ небеснымъ, долженъ будетъ секретно командиру того корабля совѣтъ предлагать, какъ къ сраженію, такъ и во всѣхъ случаяхъ, что Господь возвѣститъ о благополучіи или о скорби, а командиръ оный долженъ имѣть секретное повелѣніе заниматься у іеромонаха полезнымъ и благопристойнымъ совѣтомъ, не уповая на свой разумъ и знаніе.

„Іеромонахъ съ пророкомъ пребудутъ всегда въ истинной молитвѣ, яко очищенные сосуды, и гдѣ таковыхъ избранныхъ два будетъ человѣка, то и Господь посреди ихъ; затѣмъ градъ, корабль и полкъ сохранитъ Господь отъ всякаго вреда и непріятельскихъ нашествій или повреждевія.

„Сіе производство дабы не было извѣстно никому, даже и архіереямъ, чтобы не знали, каковые люди и съ каковымъ намѣреніемъ таковое основаніе Правительство производитъ, и ежели случится, въ числѣ таковыхъ избранныхъ людей найдутся скопцы, то архіереи, безъ сомнѣнія, невѣдѣніемъ произведутъ въ священнодѣйствіе, ибо обряды законные соблюдаютъ древнихъ евреевъ, а въ законѣ Моисеевомъ сказано:

скопецъ да не будетъ служай алтарю, яко самъ жертвенникъ и приношеніе есть, затѣмъ свободенъ отъ всѣхъ службъ и приношеній.

„А по новой благодати плотская цѣлость пренебрежена Христомъ, а только душевныя качества, цѣломудріе и возрожденіе, да и довольно ясно видно, отъ тачала христіанства въ теченіе вѣковъ десяти не мало было архіереевъ и священнодѣйствующихъ скопцовъ въ новую тварь соблюдены, да и во святыхъ довольно церковь изъ скопцовъ имѣетъ, ибо таковымъ очищеннымъ сосудамъ и прилично приносить жертву безкровную.

„Минувши доказательства отъ Священнаго Писанія, дѣйствительно надѣемся, яко самъ Господь, присутствующій святымъ Своимъ Духомъ, докажетъ, явитъ силу свою и дастъ почувствовать, сколько Господомъ Іисусомъ Христомъ Богъ Отецъ печется о народѣ Россійскомъ и сколько возлюбилъ Россію. Ибо не безъ промыслу таинственнаго Богъ своими избранными людьми жертвуетъ. Видно отъ древняго писанія, яко славился Богъ на земли не премудрыми и разумными вѣка сего, но простяками, безчестными и поносимыми на земли; однако, имя Его въ вѣкъ и во вѣкъ вѣки цвѣтущее, да и вси Россіяне уразумѣютъ, яко жилище живаго Бога въ Россіи водворилося.

«На меня—говоритъ далѣе Еленскій—возложена должность отъ непостижимаго Отца свѣтовъ, какъ грамотныхъ въ іеромонахи, такъ и простячковъ, въ духѣ пророческомъ находящихся истинныхъ и сильныхъ, набрать не только на корабли, но даже и въ сухопутную армію, и я съ двѣнадцатью пророками обязанъ буду находиться всегда при главномъ арміи правителѣ небеснаго ради совѣта и воли Божіей, которая будетъ открываться намъ при дѣлахъ, нужныхъ на мѣстѣ. Нашъ настоятель—боговдохновенный сосудъ, въ которомъ полный Духъ небесный Отцемъ и Сыномъ присутствуетъ, обязанъ быть при лицѣ самого Государя Императора, и какъ онъ есть вся сила пророковъ, такъ всѣ тайные совѣты, по волѣ премудрости небесной, будетъ апробовать и намъ благословеніе и покровы небесные будетъ посылать и молитвы изливать, яко кадило, на всѣхъ людей, ищущихъ Бога.

„А я, слыша гласъ пророческій, и если бы что невѣдомо было, то на разсужденіе и апробацію долженъ буду письменно представлять, на чіе имя приказано будетъ, ради растолкованія боговдохновенному нашему настоятелю и путеводителю, а иногда и самъ лично предстать для исполненія совѣта небеснаго и обязаны будемъ наблюдать во всѣхъ частяхъ благочестіе яко на вся полезное, чтобы, воюя противу наружнаго врага, не дать власти во плоти и духѣ врагу Божію дѣйствовать и не уподобилась бы армія, какъ нѣкогда, по совѣту Валаама пророка, царь Валакъ прельстилъ на всѣ Богу противныя дѣла израильтянъ, и сколько пострадали въ бою преступленій находясь, то всегда умнѣе око надобно обращать на дѣла впредь текущія.

„Несомнѣнно надѣюсь, яко правительство, прилежно вникнетъ въ Церковь таинственную, одушевленную, Христовую, которая Духомъ Божіимъ водится, то дѣйствительно узритъ, яко не новость въ нашемъ согласіи, а всѣ дѣла отъ апостольскихъ временъ на земли въ избранныхъ людяхъ утверждены и преданы, у насъ хранятся, а въ Россіи отъ временъ князя Владиміра въ чертогахъ княжескихъ хранились, послѣ въ монастыряхъ обитали, а напослѣдокъ духъ Господень, какъ гордости противится, а смиреннымъ даетъ благодать, такъ въ простолюдинахъ донынѣ и скрывался, доколѣ не созрѣли плоды смиренномудрія, какъ видѣть можно всякому въ Высочайшей Персонѣ Монаршей...

„Токмо премилосердній Отецъ Небесный, изливая и открывая премудрость свою сокровенную, требуетъ отъ избранныхъ, дабы не помѣшать святая и бисеръ, и ежели сіе таинство министерія россійская соблюдаетъ и иностраннымъ землямъ не откроетъ, будетъ всѣхъ сильнѣйшею побѣдительницею всего міра, ибо вся жизнь, сила и слава царства въ таинствѣ совѣта содержится, а кольми паче, сокровище совѣта Небеснаго слѣдуетъ въ тайнѣ скрывать, дабы видя не видали, и слушая не уразумѣли, какъ довольно скрыто въ Апокалипсисѣ величайшее таинство и сколько вѣковъ разные толкователи трудились и не могли почерпнуть глубины богатства сокровеннаго, потому что время временъ было не истекшее, и сій духъ, ко-

торымъ видѣнное описывалъ, не былъ водворившимся въ человѣкѣ, доколѣ время не созрѣло.

„Само собою разумѣется, что химерѣ восторженно настроеннаго камергера, мечтавшаго стать во главѣ „небесной канцеляріи“, ни на минуту не придали ни малѣйшаго значенія, а сочли достаточнымъ поводомъ для ознакомленія его съ монастырскою кельею, гдѣ онъ и могъ на досугѣ обдумывать дальнѣйшіе планы. Гораздо любопытнѣе и осмысленнѣе вторая часть сочиненія Еленскаго—„Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается“—дающая собою чуть-ли не единственный памятникъ скопческой литературы догматическаго характера.

„Нѣсть другого имени—полагаетъ Еленскій—имянуемаго подъ небесемъ, яже есть Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца.

„Живъ Господь Іисусъ Христосъ, жива церковь Христова, живъ образъ Его, живо слово Его, но вся сія не въ мертвыхъ, но въ живыхъ. Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ Израилевъ, и святіи, еже суть на земли Его. Удиви Господь вся хотѣнія своя въ нихъ.

„Истинная церковь Христова, одушевленная духомъ не животнымъ, но животворящимъ, и украшена всѣми добродѣтельми, яко невѣста; она соборна, собрана отъ разныхъ родовъ людей, въ которой самъ Отецъ Свѣтовъ Господомъ Іисусомъ Христомъ присутствуетъ. И она построена изъ единовѣрныхъ и единодушныхъ, основана на апостолахъ, утверждена пророками и прочими силами небесными, чистѣйшая, не имущая скверны, или порока, омыта банею паки бытія, и въ оную воспрещенъ входъ падшему естеству по Адамѣ, ибо живущіе по Адамѣ умираютъ, а по Христѣ живутъ, и отъ тлѣнія въ нетлѣніе измѣнившеся, преходятъ на вѣчное жилище. О сіи матеріи достаточное доказательство отъ Священнаго Писанія.

„Первоначальный Израиль взялъ свое возрожденіе отъ одного Авраама, выведенъ отъ всѣхъ отеческихъ боговъ. И явлено таинство, яко сынъ рабынинъ, не наслѣдуетъ дому, а токмо сынъ благодатный, и всегда отъ малочисленнаго Израиля, и до временъ устроенія царства Израильтянъ, занимался гласомъ Божіимъ, устами пророческими возвѣщаемымъ, яко то

при Моисеѣ, Іисусѣ Навинѣ, Гедеонѣ, и при всѣхъ царяхъ Израильскихъ водими были. Напослѣдокъ вѣкъ вѣку, подавая въ людяхъ ученость и имѣя достаточную науку, написали книги, составили священство, и они пренебрегли пророковъ и тѣмъ отвергли гласъ небесный, довольствуясь книгами Моисеевыми и Пророческими, составили законъ, обряды, уставы и назвали преданія отцовъ и стали тѣми поступками собственной славы и чести искати, а славу Божію отметать, и какъ только пророки, Святымъ Духомъ глаголющіе, являлися и ихъ дѣла обличали, то они не довольно, что не слушали пророковъ, но ихъ гнали и на смерть убивали за то, что они отступили отъ истины и Бога живого, а покорилися суетѣ, и такъ далеко Священство Израильское вознеслося, яко безъ вождовъ небесныхъ, безъ царей земныхъ, сами архіереи народомъ Израильскимъ правили, и царство потеряли.

„Во исполненіе обѣтованій пророческимъ гласомъ, непостижимый Отецъ Свѣтовъ, видя гладъ на земли слова Божія по силѣ таинственнаго совѣта, отъ Духа Свята воплотилъ и отъ Дѣвы Маріи вочеловѣчилъ Сына своего или Предвѣчное Слово Свое, которымъ „вся быша". Да мало пріостановися, читатель, вниди въ таинство Господне, какъ и нынѣ рождается Іисусъ отъ Духа Свята, и какъ въ чистѣйшей Маріи вочеловѣчивается, какъ въ ясляхъ рождается, затѣмъ въ Египетъ бѣжитъ, тамъ рукотворенныя разоряетъ, отъ Египта возвращается въ Галилейскую область, въ градъ безчестенъ, Назаретъ, въ трудахъ воспитывается... (слѣдуетъ краткое изложеніе евангельскихъ событій).

«Сей свѣтъ человѣкомъ своимъ ученіемъ освобождаетъ отъ суетнаго преданія отцовскаго, отъ обрядовъ законныхъ, отъ суевѣрія и невѣрія, отъ плотской жизни по Адамѣ, отъ мудрости наружной, отъ плоти угодія, даже и самое плотское родство во ничто вмѣняетъ, говоря: кто есть мати моя, и кто братія мои и сестры? Сіи, иже слушаютъ Слово Божіе и сотворятъ е. Соблазняющіе уды тѣла руби, ломай, только дѣло Божіе соблюдай, и тако своимъ воплощеніемъ исполняетъ законъ, а изъ-подъ закона, яко изъ подъ опекуна, освобождаетъ родъ человѣческій, новую тварь творитъ и Святымъ Духомъ обновляетъ, мужей небесныхъ усовершаетъ и младенцами ихъ

нарекаетъ, безвѣстная и тайная премудрости Господней являя, Святымъ Духомъ возрождаетъ. „На увѣреніе людей, что всесильное Слово отчее чудеса дѣлаетъ, нѣмымъ уста, глухимъ уши, слѣпымъ очи отверзаетъ, мертвыхъ воскрешаетъ, да еще кто говоритъ: аще кто въ моемъ ученіи пребудетъ, то недовольно, яко все сіе, что я дѣлалъ, сдѣлаетъ и больша сихъ. (Іоан. 14, 12). Духъ истинный, его же міръ не можетъ принять, яко не видитъ его, ниже знаетъ его (Іоан. 14, 17), да тѣмъ же Духомъ Святымъ обѣщается вѣрнимъ самъ являться, а напослѣдокъ въ исполнители воли Отца небеснаго: Азъ и Отецъ прійдемъ и обитель у него сотворимъ. Безъ мене не можете творити ничего же. Во увѣреніе сего обѣщанія сослалъ благодать Святого Духа на своихъ учениковъ, раздѣляя дары небесные, давъ однимъ посольство, другимъ пророчество, и прочія блаженства по созиданію церкви соборной, въ которой есмь Богъ, свое жилище имѣть на землѣ восхотѣлъ, а не таковую, какъ Соломонъ созда ему храмъ, но Вышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, и не отъ рукъ человѣческихъ угожденіе пріемлетъ; видно, церкви, никто не можетъ руками построить. И такъ избранные сосуды церковные своею проповѣдью строили соборную церковь на основаніи новой благодати, Святымъ Духомъ утверждая. Также и на вѣрующихъ ихъ проповѣди явно сходилъ Святый Духъ, и многіе получали даръ пророчества, какъ пространно книги Новаго Завѣта повѣствуютъ. Филиппа благовѣстника четыре дочери были пророчицы (Дѣян. 21, 8—10); Агавъ пророкъ, Тимоѳей, Павла ученикъ, имѣлъ даръ пророчества и во всѣхъ городахъ, гдѣ были собранія христіанскія, пророки находились, но какъ всегда, были хулители Святаго Духа (Мѳ. 12, 31), и міръ его не могъ принимать, то отъ міра апостолы и воспріемники ихъ тайно хранили единственно изъ человѣколюбія и изъ послушанія Господу, который заповѣдывалъ хранить и не пометать бисера, дабы міролюбцы, нанося хулу на Святаго Духа, не подвергли себя вѣчному наказанію; затѣмъ, въ своихъ посланіяхъ, употребляя хитрость, именовали помазаніемъ, обрученіемъ и тому подобными изображеніями (Іоан. 2, 27) и Господь самъ Іисусъ Христосъ нарекалъ водою живою, текущею въ животъ вѣчный (Іоан. 4, 14) также говаривалъ хотя-

щимъ принять Святаго Духа, отъ чрева истекутъ воды живы (Іоан. 7, 38, 39); и апостолъ Павелъ, описывая порядокъ соборной церкви (1 Кор. 14), дабы по чину и порядочно было говорить, замѣчаетъ, что явленіе странныхъ языковъ ради невѣрныхъ увѣрять, а пророчество только ради вѣрныхъ открывать, и болѣе пророчествуяй, нежели глаголяй языки; и тамъ же сказано: если внидетъ невѣренъ, или невѣжда, и всѣ пророчествуютъ и обличатъ его тайныя сердечныя дѣла или помыслы, тогда падъ ницъ, поклонится Господеви, возвѣщая, яко во истинну Богъ съ вами есть. Тако и нынѣ, въ тайной церкви, егда сопираются всѣ вкупѣ, то и дѣйствія ея видимы суть; ибо Новый Завѣтъ не письменный, но духовный; письмо убиваетъ, а Духъ животворитъ. Затѣмъ и мы нынѣ ни единаго вѣмы по плоти, хотя и разумѣли по плоти Христа, но нынѣ къ тому не разумѣемъ. Да и Апостолы никому въ мірѣ, растворяя вѣру, не говорили о родствѣ или о родѣ Христовѣ, а только о страданіи, ученіи и воскресеніи, а рождество, всякъ вѣрующій во Христа долженъ ощущать въ себѣ и во глаголѣ пророческомъ Христа, зане Богъ бѣ, во Христѣ міръ примиряя себѣ, и таковымъ избраннымъ христіанамъ сказано: вы бо есте церкве Бога живаго, яко же рече Богъ: яко вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тіи будутъ мнѣ людіе. И таковое мы имѣя упованіе очистили себя отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святинѣ въ страсѣ Божіемъ.

„Книжное писаніе, по откровенію Святаго Духа, достаточно разумѣемъ (Лук. 24, 45), и ради обличенія и утвержденія приходящихъ ко Христу держимъ, а ради службы Божьей и наслѣдія царствія Небеснаго стараемся въ кротости и смиреніи исполнять то, что Духъ святой повелѣваетъ; ибо отъ мала до велика вси обоего пола души прикосновеніе Святаго Духа въ себѣ ощущаютъ, а иное и по всей плоти разливающагося чувствуютъ, и отъ наружнаго гласа устами пророческими утѣшеніе и обличеніе нашей совѣсти слышимъ, ибо какъ сей даръ Божій являетъ всѣхъ дѣла, такъ подаетъ силу на побѣду плотскихъ дѣяній и возрастаетъ душа, яко есть истинная пища душамъ.

„Начальные христіане при апостолахъ и по нихъ были во-

димы Святымъ Духомъ; ибо елицы Духомъ Божіимъ водятся, сіи сынове Божіи нарекутся, и аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ (Римл. 8, 9).

„Въ Откровеніи Іоанна Богослова (2, 7) сказано, что Духъ церквамъ глаголетъ, а не книга, и Господь ни единой книги не написалъ на бумагѣ, а только въ сердцахъ, Духомъ писалъ, и наружной церкви не созидалъ, даже и Соломонову камень на камнѣ не оставилъ, явныя церкви домомъ молитви, а не жилища своего нарекъ, своихъ учениковъ училъ и учитъ внутрь себе царствіе Божіе построить и каждому церковію быть.

„Довольно видно, чѣмъ первый разбойникъ съ креста въ рай введенъ былъ, чѣмъ мученики въ царствіе небесное шествовали въ скоромъ времени по Христѣ, безъ законныхъ обрядовъ усыновили себя Богу, слухомъ вѣры и причастіемъ Святаго Духа воспламенили сердца любовію къ Богу и, отдавъ сердца, отдали и жизнь, и тѣмъ свободилися на вѣчность.

„Послѣ христіане привыкши обрядамъ мірскимъ, идолопоклонническимъ, стали сами, преобразуя малою разницею, составлять обряды, вѣру и дѣла вѣры основывать на законѣ, дабы было все видимо, и то все учредили съ проклятіемъ, какъ и древній законъ, всякъ проклятъ висяй на древѣ, а самъ Христосъ, бывъ повѣшенъ, затвори вся писанія подъ грѣхомъ, да обѣтованіе Духа отъ вѣры пріимемъ (Гал. 3, 14, 22).

„Не трудно видѣть сію истину, что христіане уподобилися древнему Израилю, лишилися живаго Бога:—Духъ есть Богъ— лишилися гласу небеснаго, устами пророческими возвѣщающаго, лишилися таинства Святаго Духа, стали водиться книгами, а не Духомъ (Матѳ. 6, 9), вcѣ таинственныя молитвы избраннымъ Божіимъ отъ Господа Іисуса Христа преданныя, вынесли въ міръ, и вѣру совершенную Святыя Троицы исповѣдываютъ, а дѣлъ Христовыхъ чистыхъ и непорочныхъ отверглися и не пріемлютъ. Священство назвалося воспреемниками апостольскими, а дѣлами чужды, уподоблены жрецамъ, книжникамъ и фарисеямъ, кои взяли ключъ разумѣнія, сами въ церковь Христову не входятъ и входящимъ запрещаютъ выйти.

„Такъ низкое и дешевое христіанство сдѣлалось, яко вси богоотступники и злѣйшіе міра любители, блудники, пьяницы, христіанами называются, а съ начала христіане были подъ именемъ святые и сынове Божіе вси нарекутся. Удаляясь живой съ дѣлами вѣры, стали довольствоваться обрядами, преданіемъ Святихъ Отецъ, дабы какъ можно побольше читать книги, сдѣлали духовный законъ, машинное моленіе и все то основано соборами на клятвахъ, отъ чего санъ духовный, церковный, лишившися Святаго Духа, только одеждами отличается отъ міра. Сія правда хотя и колка, однако нельзя умолчать, ибо сколько слаба ихъ жизнь и не воздержна, столько далеки отъ благодати Святаго Духа, заключены въ невѣріи и суевѣріи, ибо ихъ вѣра на языкахъ, а не въ чистійшихъ и непорочныхъ дѣлахъ, такъ какъ Илія пророкъ спрашивалъ Бога въ горѣ Хоровской, говоря: „Господи, гдѣ ты обитаешь, и гдѣ домъ и жилище твое?“ Отвѣтъ Божественный ему: „Нѣсть Богъ въ страстяхъ, нѣсть Богъ въ блудѣ“ (3 Цар. 19).

„Сказано,. яко будутъ учители, по своимъ похотямъ ходящіе, всегда учащіеся, и никогда навыкнути могущіе, да еще яснѣе видите можно, ежели учитель не отъ собственнаго житія учитъ, и не есть образъ стаду, а отъ чужихъ главъ книжныхъ учитъ и путь проповѣдываетъ, то таковой лживый пророкъ и лживый христосъ прельщаетъ многихъ, и аще бы возможно было, и избранныхъ прельщаетъ; да и апостолъ Павелъ въ Посланіи къ евреямъ довольно объяснилъ, который убо священникъ стоитъ на всякъ день служя, и тыжде множищею принося жертвы, яже никогда же могутъ отняти грѣховъ. Христосъ нача учити и творити то и послѣдователи таковы должны быть; аще кто хощетъ бысти Христовъ, тако же ходитъ, яко онъ ходилъ есть“.

Все приведенное нами изъ сочиненія Еленскаго до сихъ поръ представляетъ скопческую аргументировку противъ православія и церкви. Далѣе слѣдуетъ изложеніе сути и ритуала скопчества.

„Общество наше возрастаетъ на истинныхъ словахъ Христовыхъ: никто же пріидетъ ко мнѣ, аще ни Отецъ мой небесный привлечетъ; тако собрани отъ всѣхъ странъ земли не че-

ловѣками, но самимъ Святымъ Духомъ. Духъ идѣже хощетъ, дышетъ и гласъ его слышите, но не вѣсте, откуда пришелъ, и камо идетъ, тако и человѣкъ отъ Бога рожденъ. Чиновний и простой—вси единочадцы Отца свѣтовъ Господемъ Іисусомъ Христомъ и такъ покорены воли Отца небеснаго, яко никто свое имущество своимъ именуетъ, но вся Бога-отца, а не наше. И ежели что есть чистаго и цѣломудреннаго, то также не наше, а Божіе дѣйствіе, а наши собственныя слабости и немощи, которыми во плоти обложены есми, наша должность отдать себя на волю Божію, а его силы въ немощахъ нашихъ совершается.

„Сбираясь на слово Божіе, стараемся быть всѣ примирившіеся Богу, въ единовѣріи и единодушіи, въ любови нелицемѣрной, въ простотѣ сердца, а о чемъ молимся, никогда не знаемъ, но Духъ Божій за кого и какъ молиться и поститься указуетъ, то только и стараемся сердечно воздыханіе неизглаголанными исполнять; обрядное же моленіе не есть въ употребленіи, книгъ никакихъ не употребляемъ, ниже ихъ чуждаемся; ибо разумѣемъ, что всѣ книги тѣмъ Духомъ Святымъ писаны, который съ нами есть, а онъ, истинный, намъ живая книга, а въ книгахъ духа нѣтъ, тамъ бумага и чернила, мертвы буквы, ради мертвыхъ книжниковъ и фарисеевъ принадлежатъ, всѣ книги не ради Бога, но ради человѣковъ, а человѣкъ долженъ быть книга Божія.

„Занимаемся таинственными псалмами, пѣніемъ Сіонскихъ пѣсней, кои на землѣ чуждей не поются: тимпаны, гусли, струны, органы, подвигаемъ, яко Давидъ предъ кивотомъ Господнимъ былъ пляшущимъ.

„Сіе не тайна: всякой, возвратясь на древность, видѣть можетъ, какъ устроился обрядъ духовный, какъ покорился суевѣрію и когда лишилися благодати святаго Духа, по новому завѣту устами пророкъ гласовшаго, какъ сдѣлавшись пустовѣрами, впали въ ересы, свары, здоры, споры и расколы, раздѣлилися греки съ римлянами и армянами, римляне съ лютеранами, лютеране съ кальвинами, и сколько еще мелкихъ ересей и несогласій во всякой религіи и всякомъ царствѣ находится. И числа имъ нѣтъ, а всѣ они, бывши земного плотскаго мудрованія, ненавидятъ истинныхъ духовныхъ лю-

дей, которые въ тайнѣ отъ Еммануила питаются манной небесною. Убилъ Каинъ плотскій духовнаго Авеля, гналъ Исавъ плотскій духовнаго Іакова, и ближе видѣть можно—по наущенію Архіерея вопилъ народъ: „Распни, распни, разбойника пусти, а Христа распни!", также и нынѣ дѣйствуется съ духовными людьми отъ ненависти отъ плотскихъ міролюбителей.

„Наблюдается духовная чистота въ высочайшемъ смиреніи; не ищите мудрости, а кротости: Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать; не дѣти бывайте умы, но злобою младенчествуйте.

„Чистота плоти отъ главы до ногъ, и изъ устъ никогда не выходитъ гнилое слово ругательное или клятвенное, но тихіе и смиренные глаголы, даже не годится имени темнаго врага Божія ни въ какомъ разговорѣ, всякаго рода напитки хмельные запрещены, и кофія не употребляется, яко разжиганіе плоти дѣлаетъ, и во ядѣніи со искусствомъ того не ядятъ, отъ чего вѣтры возбуждаются и похоть воюетъ на душу, по большей части отъ мясоядѣнія удаляются; однако не подъ грѣхомъ если въ нуждѣ кто поѣстъ а напитки хмельные подъ грѣхомъ, запрещены, яко они не отъ нужды, а отъ слабости. Не дозволяется на пиры, на свадьбы, на пиры,—на маскарады, на качели ходить, а подобныя зрѣлища запрещены, яко они не отъ христа, а отъ міра заведены, лучше ходить въ церковь явную, слушать литургію, яко она наша и отъ истиннаго духа съ небесъ составлена, и прочаго чтенія и пѣнія; ибо взявши отъ ихъ книгъ, да ихъ же книжниковъ обличать можно за неисполненіе и злоупотребленіе. Не дозволяется ближнему лгать, запрещено всякаго человѣка обманывать явностію, а быть хитрымъ и мудрымъ, яко змія, скрывая дѣло Господне, скрывать въ тайнѣ посты, молитвы, милостины и всѣ добродѣтели духовныя; въ такомъ дѣлѣ ради Бога можно лгать, какъ іерихонская блудница; Раавъ, ради Господа, солгала и похвалу отъ Господа имѣетъ, или какъ Юдифь Голоферну солгала, и ему голову срубила, да и пастухъ скрывшій Варвару мученицу, похвалу имѣетъ.

„Подаянія всѣмъ бѣднымъ по возможности подаемъ, но паче сами ищемъ, кому подать, въ бѣдахъ и тюрьмахъ братіи

меньшей христовой, нищимъ, святымъ и твердымъ въ вѣрѣ, въ духѣ Божіи извѣщаемъ, гдѣ и кому подать.

„На послѣдокъ всѣ посланія апостольскія, евангеліе и всѣ боговдохновенныя книги могутъ засвидѣтельствовать наши дѣла, ибо той истинный Духъ, который ихъ училъ и насъ учитъ и вѣщаетъ вся сокровенная премудрости: ежели чего не уразумѣемъ, отъ гласу пророческаго,—апостольскія письма растолкуютъ; кто говоритъ во Славу Господню, на спасеніе души, и на службу Божію, тому не надобно ни одной книги. Сыне, даждь сердце, и не ищи мудрости, а кротости, то и довольно. Ни малѣйшей новости не заводимъ, а старое потерянное отыскиваемъ, и преображенное воздвигаемъ, яко Богъ съ нами есть.

„Хотя постъ и чистота отъ главы до ногъ насъ Святымъ Духомъ возложены, но еще если малолѣтки млекомъ, а не крѣпкою пищею, насыщены, и не усовершены въ дѣла Божіи (1 Кор. 3,2), потому какъ скрываемся отъ міра, то даже и слабости нѣкоторыхъ и не искореняемъ, опасаясь всегда отъ своихъ, дабы не возсталъ предатель и не разорилъ бы церкви Христовой, яко случалися и во времена апостольскія.

„При всѣхъ обстоятельствахъ стараемся сильнѣйшія немощи немощныхъ носить и тако исполняемъ законъ Христовъ, аще кто хочетъ быть болѣе, буди всѣмъ слуга. Также въ Богопознаніе приводимъ, отъ суевѣрія освобождаемъ, дабы знали живаго Бога, который Духъ есть, не имѣющій никакого вида, а видимые образы ради вида. И до насъ были люди, подобны намъ и угодили Богу, а мы должны въ тую же силу подвизаться, дабы тому же Богу угодить, и въ чистотѣ непорочный ему Свѣту, служить, ибо рече Богъ: будьте святы, яко и азъ святъ есмь, такая заповѣдь тяжелая избранными, а по отшествіи, въ чемъ застану, въ томъ сужду. И такъ по смерти не надѣемся ни на чужія молитвы, ниже на кадило и кутью священническую. Слѣдуетъ каждому не довольно вѣрою но и житіемъ, вообразить въ себѣ Христа и во Христа вообразиться: его же призва, того и оправда, а его же оправда, того и прославъ въ образѣ Сына своего быть.

„Относительно до скопчества, то оно на твердомъ основаніи Слава Божія, чрезъ уста пророка Исаіи сказаннаго, что скоп-

цамъ лучшее мѣсто сыновъ и дочерей Господнихъ дастся (56, 4,7) и устами Христовыми дозволено, по силѣ и ревности, исказить себя, или отъ человѣкъ обрѣзаться (Матѳ. 19—12 и таковое дѣло есть истинное постриженіе монашеское и утвержденіе иноческаго сана, настоящая схима, печать дара Духа Святаго, крещеніе Христово огнемъ и духомъ, единое крещеніе въ оставленіе грѣховъ, очищеніе плоти отъ похотныхъ соковъ. Камень бѣлъ и на камнѣ имя ново написано, котораго никтоже вѣсть, только пріемляй его. Сіе тайное дѣло было отъ начала. Если кто удостоился получить сію печать, дабы за грѣхи не отвѣчать, то скрывали, ибо рѣдкимъ даетъ самъ Богъ духомъ своимъ, гласомъ Небеснымъ, и просящему не каждому дается сей камень бѣлъ, а безъ гласу Небеснаго никто ни надъ собою, ниже надъ другимъ, не можетъ сдѣлать, и сказано: Могій вмѣстить, да вмѣститъ нѣсть на сіе дѣло ни обряда, ниже обыкновенія и тайное отъ Промысла непостижимаго и получившіе скрываютъ, яко драгоцѣнный алмазъ, дабы міръ не могъ узнать, а буде узнаютъ, то тяжело жить на землѣ такому человѣку, ибо его всѣ ненавидятъ, яко нагло наступили на главу змія и искоренилъ въ себѣ грѣхъ Адамовой, то уже всѣмъ земнымъ, Адамову сѣмени чужой, нѣтъ сродства, за то и не навидятъ, готовы бы были бы живого огню предать. Только которые возродилися свыше и имѣютъ Христовъ духъ, тѣмъ терпимой, яко ради Христа побѣдилъ плоть и всю силу вражью. Сей человѣкъ значитъ убѣленной, какъ Христова пелена, такъ и плоть его убѣлена.

„Въ прежнія времена, до седьмого вѣку отъ Христа, было открыто скопчество отъ временъ апостольскихъ и были нарочитые монастыри, бѣлоризцами нареченные, яко изъ убѣленныхъ людей составлялись. Было много архіепископовъ въ Греціи и Римѣ, какъ достаточно о сей матеріи свидѣтельствуютъ книги Баронія 12 вѣковъ, Прологи, Четьи—Минеи, какъ-то: Меѳодія 14 іюня, Мурина скопца, Оригена; архіереи и даже славные воины были скопцы, какъ то: Стипиліонъ (?) въ Греціи, который всю Африку побѣдилъ. И такъ скопцы въ монахахъ въ святыхъ причтены, а въ свѣтскихъ славные мужи были. Ежели жъ ихъ тогда Богъ благословилъ, и нынѣ не оста-

витъ, яко той же Богъ Отецъ. Моисей въ Законѣ написалъ: скопецъ да не будетъ служай дому Господню, яко самъ онъ есть жертвенникъ и не будетъ служай алтарю, и не будетъ приносяй жертвы и службы, яко свободенъ есть отъ земной службы. Но законъ Моисеемъ данъ бысть, а благодать и истина Іисусъ Христосъ бысть (Іоан. 1,17) и для того по благодати, яко сосуди очищенные, были не только иноками, священниками но и архіереями скопци были поставляемы, ибо сіи скопци не ради корыстолюбія не ради чести міра, но прямо ради Царствія Небеснаго.

„Достаточно и сіе понимать, что нужны царю и отечеству министры, полководцы, воины, судьи, земледѣльцы и прочаго званія люди, но кольми паче нужны, яко соль земли, молитвенники; ибо ради всѣхъ дѣлъ и производства надобно присутствіе святаго Духа, имъ же вся быша. И то надобно знать, что Богъ грѣшника не послушаетъ (Іоан. 9,31), а только праведнаго молитва поспѣшествуетъ во благое, то долженъ быть молитвенникъ свободенъ отъ всѣхъ преданій человѣческихъ (Колос. 2, 21 — 23), дабы слово было къ Богу, а Богъ было слово, и такъ чистъ, яко хрустальный сосудъ въ руцѣ Царской, тако предъ очами Божіими и молитвенникъ долженъ быть непороченъ.

„Затѣмъ повергаемся подъ покровъ Небесный и просимъ Отца Свѣтовъ, дабы открылъ глаза сердечные всѣмъ властямъ земнымъ видѣть истину Господню, чтобы не прогнѣвали Отца небеснаго, не вознесли бы хулу на Святаго Духа и, очистивши чувствія, узрѣли бы неприступный свѣтъ.

„Непостижимый Отецъ Свѣтовъ прежде изволилъ избрать рыбарей и простыхъ людей, такъ и нынѣ соизволилъ обитать съ простяками и безчестными людьми: ибо если бы Богъ прежде зашелъ къ вельможамъ, гдѣ бы простымъ дойти и услышать гласъ Божій на освобожденіе грѣховъ, а къ простымъ людямъ всякой можетъ зайти и слышати безвѣстная и тайная премудрости Господней. Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцахъ благоволеніе. Сіи слова, пастухамъ сказанныя, первая благовѣсть о Рождествѣ Господнемъ“.

Проектъ „Россъ Мосоха“—въ каковой санъ возвелъ себя мечтательный эксъ-камергеръ—не былъ, конечно, осущест-

вленъ, но все же спустя годъ состоялся извѣстный визитъ императора Александра I къ Селиванову, что дало скопцамъ небезосновательный поводъ считать правительство несомнѣнно расположеннымъ къ мистическому союзу „бѣлыхъ голубей“. По скопческой редакціи, Александръ задалъ якобы Селиванову вопросъ объ исходѣ предполагавшейся войны съ Наполеономъ, на что получился отвѣтъ отрицательный.

„Не даю благословенья
Тебѣ, явному царю:
Не ходи ты на войну;
Безъ тебя врага уйму.

Къ этому то счастливому періоду жизни Селиванова и относится написаніе имъ его извѣстныхъ „Строкъ“, т. е. трогательнаго и безыскусственнаго повѣствованія о прежнихъ горестяхъ, перенесенныхъ имъ во время ссылки. Единственное ограниченіе свободы скопческой пропаганды, достигнутое усиліями духовенства, состояло въ запрещеніи продѣлывать надъ прозелитами обрядъ „огненнаго крещенія“, въ остальномъ же скопчество пользовалось полнѣйшою терпимостью со стороны властей, нерѣдко санкціонировавшихъ своими визитами скопческія собранія.

Тихо и мирно протекала жизнь скопческихъ „кораблей“ до 1818 г., начавшаго собою распадъ скопческой организаціи постепенно подорвавшая его силу. Вся бѣда въ томъ, что скопчество въ лицѣ своихъ вожаковъ, не сумѣло сдержаться въ предѣлахъ осторожнаго благоразумія, и изрядно зарвалось, неустанно вербуя новыхъ сочленовъ изъ всевозможныхъ классовъ населенія. Быстро стала развиваться скопческая пропаганда и въ рядахъ арміи, что, наконецъ, уже встревожило петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, по настойчивымъ представленіямъ котораго рѣшено было „подтянуть“ скопцовъ. Вскорѣ Милорадовичъ получилъ доносъ, что у скопцовъ появилась дѣвица, именующая себя супругою цесаревича Константина Павловича. 17 февраля 1820 г. по высочайшему повелѣнію составленъ былъ особый „секретный комитетъ“ изъ митрополита Михаила, архіепископа тверского Филарета, министра духовныхъ дѣлъ князя

Голицына, гр. Милорадовича и кн. Кочубея, постановившій убрать Селиванова въ монастырь, что и было исполнено, но съ большою деликатностью, „изъ уваженія къ человѣчеству, сколь впрочемъ ни суть преступны правила ереси, какія онъ столь долго разсѣевалъ“. Архимандриту Суздальскаго Спасо-Евфимьева монастыря предписано было принять ссылаемаго старца „съ человѣколюбивою ласковостью и помѣстить его въ кельѣ, которая бы служила, по уединенію своему, къ спокойствію его и ко благоразмышленію“. Ссылка Селиванова, его тайный увозъ изъ дома, гдѣ онъ за послѣднее время проживалъ, переполошили скопцовъ. Бросились по разнымъ дорогамъ отыскивать „батюшку“ и нагнали его въ Тоснѣ, гдѣ и разыгралась умилительная сцена разставанья осиротѣвшихъ скопцовъ съ дорогимъ для нихъ старцемъ.

Одна за другою посылались на Высочайшее имя петиціи именитыхъ скопцовъ, умолявшихъ возвратить имъ „искупителя“, но всѣ подобнаго рода домогательства остались теперь безрезультатными.

Селивановъ умеръ въ монастырѣ 20 февраля 1832 г., но въ вѣрованіяхъ скопцовъ его смерть представляетъ простую фикцію, вымыселъ правительства. Селивановъ живъ, онъ „спрятанъ въ земляхъ иркутскихъ“, а придетъ пора—нагрянетъ онъ въ Москву и произойдетъ полный переворотъ во всемъ религіозно-политическомъ строѣ русскаго государства.

„Людямъ остается только удивляться—пожимаетъ плечами премудрый изслѣдователь скопчества Надеждинъ,—что безвѣстный и безымянный бродяга, невѣжда, не знавшій грамоты, каторжникъ, высѣченный кнутомъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, на глазахъ правительства, могъ играть и доиграть до конца такую невообразимо чудовищную роль: роль самозванца—Царя и Самозванца—Бога“.

Наступившая николаевская эпоха смяла исторію скопчества на поверхности, но не смогла побороть его движеніе въ глубь. Секта расползлась по самымъ отдаленнымъ уголкамъ русской имперіи, перекинулась даже за ея рубежъ, обосновавшись въ Молдавіи. И если въ наши дни наступательное движеніе скопчества остановилось, то приписать это можно исключительно новому руслу нашей религіозно-моральной мысли,

которую скопчество и хлыстовство съ ихъ выспренностью мало удовлетворяютъ и заставляютъ искать иныхъ, менѣе сложныхъ и болѣе осязаемыхъ путей.

И хлыстовство и скопчество, какъ мы говорили, являются наиболѣе ярко выраженными предѣлами мистической тоски русскаго народа по невидимому, но гдѣ-то существующему и подмѣченному „закону трудовому, закону слезовому". Сектантство тѣмъ и дорого нашему простолюдину, что оно идетъ черпать за насъ своей жизненности въ самой гущѣ человѣческаго горя. „Святая, сѣрая скотина" съ раскрытою душою жадно воспринимаетъ сектантское ученіе, для котораго и умственная слабость и низкое происхожденіе ничуть не являются препятствіями къ наслажденію божественнымъ духомъ. Сектанты тонко подмѣтили эту психологическую струну, утверждая, что именно

„Въ нищенскихъ домахъ,
Въ чистыхъ душахъ
Ангелы поютъ
Христа даруютъ.

Вотъ почему и хлыстовство, и скопчество—вообще все сектантство, всячески оберегаетъ себя отъ перегруженія догмою, справедливо полагая, что послѣдняя лишь сушитъ душу, заводитъ ее въ казуистическія тенета, въ которыхъ поневолѣ гибнетъ живой взлетъ человѣческой души. И если говорить о догмѣ крайняго крыла лагеря мистическихъ толкователей религіозной сферы, то приходиться сознаться, что формулированіе ея есть дѣло чисто искусственное, механическое, своего рода ремесленная реставрація потемнѣвшей отъ времени и небрежнаго храненія художественной живописи, работа, сомнительная по своему результату.

Систематическаго ученія скопчества не существуетъ. Его нужно создавать по обрывкамъ, складывать, какъ мозаику, подбирать кусокъ къ куску, часто руководствуясь внѣшнею формою. Мы имѣемъ нѣсколько капитальныхъ сочиненій, посвященныхъ разбору скопчества, и установленію оригинальной точки зрѣнія на его смыслъ, но главный недостатокъ которыхъ и заключается именно въ доктринерскихъ попыткахъ навязать міровоззрѣнію

„людей Божьихъ“ и „бѣлыхъ голубей“ систему, планомѣрность и логическую, что ли, обдуманность выводовъ. Но дѣло то въ томъ, что разсматриваемый нами вопросъ о народномъ вѣрованіи прошелъ такую пеструю школу, подвергался столькимъ привнесеніямъ и наслоеніямъ, сплошь и рядомъ чисто индивидуальнаго характера, что отгадать здѣсь первобытное отъ позднѣйшаго, найти связь построенія не такъ то легко. Находятся смѣльчаки, какъ по нотамъ разобрать сложную композицію сектантской души и не могущіе въ то же время рѣшить гораздо болѣе, повидимому, простую задачу: имѣемъ ли мы дѣло съ явленіемъ чисто русскаго корня или, напротивъ, иноземнымъ продуктомъ.

Мы уже видѣли, что хлыстовство зиждется на идеѣ о перевоплощеніи Іисуса Христа въ земныхъ „христовъ“. Скопчество, сохраняя принципъ, значительно сузило его практическое, такъ сказать, примѣненіе, всячески ратуя за централизацію. Селивановъ во всѣхъ своихъ посланіяхъ особенно подчеркивалъ необходимость „вѣрить въ него, яко во *единаго* всѣмъ судію“, пришедшаго на землю и для того, между прочимъ, чтобы „сокращать пророковъ“. По понятіямъ скопцовъ всего было два Христа. Первый „пришелъ, принялъ на себя рабій зракъ, проповѣдывалъ спасеніе нищимъ и самъ былъ нищимъ“. Второй—Селивановъ—пришелъ во славѣ, въ лицѣ императора Петра III, и послѣ его-то смерти наступитъ великое торжество распространенія повсемѣстнаго скопчества.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что возникшее въ послѣднее время такъ называемое ново-скопчество опять отошло къ первоисточнику, то-есть къ хлыстовству, допуская возможность появленія третьяго и даже четвертаго воплотившагося „христа“.

Искупитель „Христосъ“, по вѣрованіямъ скопцовъ, родился отъ „пренепорочной дѣвы“ императрицы Елизаветы Петровны, скрывшейся въ Орловскую губернію подъ именемъ Акулины Ивановны. Самое рожденіе произошло такимъ образомъ: „наша матушка Акулина свѣтъ Ивановна ко престолу поклонилася, святымъ духомъ разблажилася, во злату трубу раструбилася, утробушкой растворилася, вознѣженное дитятко на бѣлыхъ ручкахъ явилося. Акулина свѣтъ Ивановна залилася горючими слезами, весьма она удивилася; хорошо дитя родилося,

вся вселенная покорилася, земля, небо обновилися, сила божья помолилася, стѣны ада повалилися". Столь необыкновенно рожденный сынъ и былъ одновременно Христомъ и русскимъ императоромъ, лицомъ, превосходившимъ по благодати прежде снисшедшаго на землю Іисуса. Ему Господь далъ такую власть, что „помимо него ни одна душа не спасется". Событія послѣдующей жизни Искупителя скопцами рисуются примѣняясь приблизительно къ историческому фону дѣятельности Петра III, вплоть до Ропшинской катастрофы, окончившейся, однако, для него не такъ плохо, какъ на самомъ дѣлѣ. Заранѣе предупрежденный о заговорѣ, Петръ успѣлъ бѣжать заграницу, гдѣ принялъ „огненное крещеніе" и, возвратясь обратно въ Россію, „пріялъ обѣтъ безмолвія", и подъ именемъ Селиванова началъ свое общественное служеніе человѣчеству. Но въ такомъ скромномъ видѣ Царь-Богъ останется не надолго.

Я дождуся той поры времячка,
Перебирать буду всяко сѣмячко,
Я отъ чистыхъ не укроюся,
Надъ царями царь откроюся;
Завладѣю всѣми престолами
И короною со державою:
Всѣ цари, власти мнѣ поклонятся.

Такъ надѣется Петръ Селивановъ, а за нимъ и все скопчество, задаваясь широкими космополитическими мечтами объ объединеніи подъ властью „Бѣлаго царя" русской, французской и турецкой націй. Вожделѣнія, какъ видите, достаточно реальныя, на чисто политической почвѣ, хотя и созданы отвлеченною легендою.

Вообще, если мы говоримъ, что въ хлыстовствѣ абстрактность, оторванность является конечною самоцѣлью, идеаломъ всего бытія, то скопчество, отринувъ надежду для отдѣльныхъ личностей путемъ погруженія въ небытіе, достигнуть высшихъ стипеней святости, измѣнило и способы огражденія себя отъ жизненныхъ искушеній, давъ указанія болѣе радикальныя и выставивъ самымъ опаснымъ соблазномъ „лѣпость", которая „весь свѣтъ поѣдаетъ, и отъ Бога отвращаетъ и къ Богу не

допускаетъ. И потому многіе отъ пагубной лѣпости угодники и подвижники своихъ подвиговъ лишились, не доходили до царствія небеснаго, промѣняли вѣчное сокровище на тлѣнное и пагубное житіе". Лѣпость „яко моль, точитъ и поѣдаетъ добродѣтель, и изгоняетъ благодать божію. А безъ благодати божіей, яко нива необработанная пуста есть и безплодна, тако и человѣкъ безъ Св. Духа пустъ есть и безплоденъ".

Необходимо, слѣдовательно, „обезплотиться", то есть вернуться къ первобытному своему виду, благоугодному Господу Богу, создавшему первыхъ людей безъ половыхъ органовъ, а получившихъ таковые послѣ грѣхопаденія, при чемъ шарообразная форма предложенныхъ дьяволомъ яблокъ отразилась на мужскихъ testiculi и женскихъ грудяхъ.

Процессъ размноженія человѣчества, по замыслу Творца, долженъ былъ совершаться какимъ-либо инымъ, теперь для насъ скрытымъ способомъ, но возможнымъ въ силу всемогущества Божія. Заповѣдь, данная Моисею объ обрѣзаніи, несомнѣнно, по мнѣнію скопцовъ, имѣла въ виду дать намекъ на полезность оскопленія.

Прозорливые люди якобы такъ и поняли это предуказаніе Божіе. Къ числу таковыхъ слѣдуетъ отнести Николая Чудотворца, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, а изъ современныхъ богоугодныхъ людей—епископа иркутскаго Иннокентія, въ своей книгѣ „Указаніе пути въ царствіе небесное", прямо сказавшаго, что „во всякомъ человѣкѣ есть грѣхъ, а грѣхъ—это язва, которая сама собою то-есть безъ всякихъ лекарствъ не излечивается; а у нѣкоторыхъ людей эта язва такъ опасна и глубока, что излечиться можно не иначе, какъ прижиганіемъ и вырѣзываніемъ".

Совершенно отказываясь отъ какой бы то ни было критики подобнаго рода взгляда, процитируемъ изъ донесенія Надеждина описаніе хирургическихъ пріемовъ, употребляемыхъ скопцами при обрядѣ „огненнаго крещенія".

„Сколько извѣстно, — говоритъ изслѣдователь, — операція оскопленія у первыхъ скопцовъ состояла только въ отнятіи сѣменныхъ ядеръ или яичекъ, которыя называются у нихъ „удесными близнятами". Это дѣлалось посредствомъ отжиганія мошонки раскаленнымъ желѣзомъ. Впослѣдствіи утвердился

обычай довольствоваться просто бритвою, ножомъ или другимъ вообще острымъ орудіемъ, которымъ мошонка отрѣзывается, послѣ предварительной, крѣпкой перевязки ниткой или тоненькой веревочкой; прижиганіе употребляется потомъ иногда какъ средство къ остановленію кровотеченія. Но изувѣрство не остановилось на этомъ только видѣ самоискаженія. По сознанію самихъ скопцовъ, отнятіе одних ядеръ не уничтожаетъ вовсе плотскаго вожделѣнія и оскопленные такимъ образомъ особенно оъ молодости, не лишаются даже способности къ совокупленію, только это происходитъ безъ изліянія сѣмени и съ долговременнымъ напряженіемъ", простирающимся до крайности изнеможенія. Посему для достиженія совершеннаго безстрастія и полной чистоты, фанатики рѣшились подвергать себя отнятію самаго ствола, называемаго у нихъ „ключемъ бездны". Эту операцію, которая большею частью производится вторично, иногда спустя много лѣтъ послѣ отнятія ядеръ, надъ иными же совершается и вдругъ, за одинъ разъ, скопцы именуютъ „полнымъ крещеніемъ" или наложеніемъ „царской печати". Орудіемъ для совершенія ея употребляется топоръ, а иногда и простое долото, которымъ стволъ отсѣкается. По всему видно, что этотъ второй видъ есть позднѣйшаго происхожденія: здѣшніе скопцы увѣряютъ, что онъ началъ распространяться въ Петербургѣ не прежде 1816 г. Это подало поводъ къ нѣкоторому расколу въ скопческой сектѣ, слѣды коего примѣчаются и понынѣ. Такъ называемые „старые скопцы", оставшіеся при одномъ отнятіи ядръ, почитаютъ „царскую печать" преступнымъ нововведеніемъ, получившимъ начало свое отъ скопцовъ Замосковныхъ, коихъ поэтому чуждаются и называютъ „псами, не постигающими истиннаго разума св. Писанія", повелѣвающаго скопчество якобы только въ первоначальномъ видѣ отнятія „удесниихъ близнятъ". Если вѣрить имъ, то Лже-Искупитель Селивановъ нисколько не одобрялъ такого неистовства, напротивъ, рѣшительно воспрещалъ его своимъ ученикамъ. Это, однако, сомнительно. Селивановъ едва ли не былъ самъ полный скопецъ; иначе какъ объяснить его сказаніе о себѣ въ „Страдахъ", что „когда онъ пошелъ въ Иркутскъ, то у него было товару только за одной

печатью, а какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію, тогда вынесъ товару за тремя печатями".

„Это суть главные и общіе, но отнюдь не единственные способы оскопленія, употребляемые изувѣрами. Во внутреннихъ губерніяхъ, особенно въ Тамбовской, существуетъ особый родъ скопцовъ, называемыхъ „перевертышами". Они не лишаютъ себя никакихъ частей тѣла, но,—вѣроятно, еще съ дѣтства—перекручиваютъ себѣ „сѣменные канатики", къ которымъ привѣшены ядра и тѣмъ разрываютъ всякую органическую связь между ними и остальнымъ тѣломъ, что препятствуетъ приготовленію въ нихъ сѣмени, и оттого, по своимъ послѣдствіямъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ оскопленію. Сверхъ того въ послѣднихъ (1841—42 г.г.) открытая въ Дерптскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи между существующими тамъ закоренѣлыми раскольниками новая секта, основанная крестьяниномъ Куткинымъ, даетъ сильный поводъ къ подозрѣнію, что въ ней употреблялось оскопленіе посредствомъ прорѣзыванія или прокалыванія „сѣмянныхъ канатиковъ", послѣдствія котораго должны быть тѣ же, что отъ перекручиванія у „перевертышей".

„Что оскопленіе, или по крайней мѣрѣ, попытки оскопленія, производятся и надъ женщинами, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такія женщины, для которыхъ существуетъ и особое наименованіе „скопчихъ", открываются безпрерывно. Признаки оскопленія встрѣчаются у нихъ обыкновенно на грудяхъ или въ самыхъ дѣтородныхъ частяхъ. Первыя иногда отрѣзываются на-чисто, иногда вырѣзываются, выжигаются или вытравливаются на нихъ только сосцы, а иногда все ограничивается вырѣзкою подгрудныхъ железокъ, особенно изъ-подъ лѣвой груди. У дѣтородныхъ частей отрѣзываются клиторъ, малыя губы, а иногда и большія губы. Подобныя изуродованія въ сущности не могутъ имѣть того же значенія, какъ у мужчинъ отнятіе или поврежденіе сѣменныхъ ядеръ. Дѣйствительное оскопленіе женщины можетъ быть произведено только вырѣзкою „яичниковъ", а эта операція по трудности выполненія признается въ современной медицинѣ если не совсѣмъ невозможною, то весьма затруднительною. Всѣ прочія изуродованія,

находимыя у скопчихъ, должно почитать только мнимыми оскопленіями, физически нисколько не достигающими цѣли".

„Чтобы подвергнуть себя такимъ варварскимъ, нерѣдко опаснымъ и во всякомъ случаѣ сопряженнымъ съ болѣзненными страданіями, мучительствамъ, нужна—соглашается Надеждинъ—высшая степень фанатическаго изступленія".

„Судебно-медицинское изслѣдованіе скопчества"—произведеніе пера г. Пеликна и относящееся къ 1875 г., приходитъ къ довольно-таки грустному выводу о психологическихъ особенностяхъ скопца, „крещеннаго" еще въ дѣтствѣ.

Все,—констатируетъ авторъ,—что составляетъ принадлежность мужского характера, остается у нихъ недоразвитымъ. Въ тотъ переходный періодъ жизни человѣка, когда онъ изъ мальчика, предававшагося невиннымъ развлеченіямъ дѣтскаго возраста, становится юношею, и когда въ немъ пробуждается цѣлый рядъ новыхъ ощущеній, новый взглядъ на жизнь, на свой долгъ и обязанность по отношенію къ обществу,—у нормальнаго человѣка въ это время, вслѣдствіе развитія половой дѣятельности, появляется влеченіе къ другому полу, онъ сперва инстинктивно начинаетъ испытывать потребность любви, вмѣстѣ съ тѣмъ у него возникаютъ высокія стремленія души къ благородной дѣятельности, къ совершенію подвиговъ, чувство преданности къ отечеству и пр. Все это чуждо юношѣ-кастрату: въ это время онъ остается безразличнымъ къ окружающей его средѣ; въ душѣ его нѣтъ и зачатка благородныхъ стремленій, сознанія долга, обязанностей гражданина; у него нѣтъ будущности и онъ живетъ только жизнью окружающей его среды, гдѣ видитъ онъ лишь примѣры необходимости оскопленія и вся обстановка этой жизни подчиняетъ его вліянію секты, инстинктивно привязываетъ его къ ней. При наступленіи возмужалости для него не существуетъ счастія семейной жизни, ему чужды мужество и высшая фантазія, всего чаще у него развиваются взамѣнъ этихъ качествъ многіе пороки людей съ ограниченнымъ кругозоромъ, съ низкимъ уровнемъ нравственности: эгоизмъ, хитрость, лукавство, коварство, алчность къ деньгамъ и т. п.".

Ничуть не закрывая глазъ на нѣкоторую напыщенность

такого рода сентенціи, все же приходится согласиться съ ея извѣстною приближенностью къ истинѣ.

Горячо и прочувствованно возсталъ противъ скопчества извѣстный Пилецкій, ревностный сочленъ „духовнаго союза Татариновой"—о послѣднемъ рѣчь будетъ впереди,—издавъ въ 1819 г. съ одобренія Александра I рѣдчайшую въ наши дни брошюру „О скопцахъ", предназначенную служить контръ-агитаціоннымъ средствомъ. Книжка эта имѣетъ глубокій интересъ, уже потому, что полно отражаетъ въ себѣ мистическое настроеніе эпохи Благословеннаго вообще, и въ частности кружка Татариновой и Дубовицкаго, съ которыми мы встрѣтимся въ слѣдующей главѣ. Да проститъ насъ лицо, которому доведется пробѣжать нашу книжку, если мы задержимъ нѣсколько его вниманіе и воспроизведемъ страничку плода религіозно-нравственнаго вдохновенія глубоко проникновеннаго духовнаго христіанина затрагиваемой нами эпохи.

„Въ нынѣшнее время—тихо радуется Пилецкій—болѣе, чѣмъ когда-либо примѣтно въ народѣ всеообщее стремленіе познать Бога. Сіе стремленіе столь сильно, что души, жаждущія спасенія, но не просвѣщенныя внутреннимъ ученіемъ отъ Духа Святого, имѣя самую благороднѣйшую цѣль, хватаются, по невѣжеству, и за ложныя средства, прилѣпляются къ онымъ, утверждаются въ заблужденіи и дѣлаются, наконецъ, жертвами онаго, оттого что не познали всѣмъ сердцемъ истины, и что люди, познавшіе оную, не имѣютъ возможности подойти къ нимъ, дабы открыть имъ глаза, что царствіе Божіе внутри насъ обрѣтается, то-есть въ сердцѣ, которое единъ токмо Духъ Святый обновить и просвѣтить можетъ. Кромѣ молитвенныхъ храмовъ, въ коихъ священнообрядно совершается искупительная жертва явною властію установленнымъ духовенствомъ, еще съ апостольскихъ временъ продолжались особыя собранія христіанъ, въ коихъ они радовались о своемъ Господѣ и Спасителѣ, исполняясь Духа Святого посредствомъ вдохновенныхъ божественныхъ пѣсней и притомъ назидались, укрѣплялись и утѣшались пророческимъ славамъ, которое было прорекаемо для вѣрующихъ въ явленіи Святого Духа, чрезъ христіанъ, получившихъ даръ пророческій. Таковыя собранія всегда были, но только скрывались отъ тѣхъ людей

кои не имѣли участвовать въ оныхъ. Пока сіе ученіе продолжалось, до тѣхъ поръ и дары Святаго Духа, какъ-то: пророчество, языки и пр., были чисты и обращены во славу Божію. Но когда въ ученіе Св. Духа вмѣшивалось человѣческое, тогда вдохновенія ослабѣвали и уступали мѣсто школьному богословію и премудрости, умомъ человѣческимъ сплетенной. Когда же вкрадывалось ложное ученіе, тогда люди, получившіе дары Святаго Духа, теряя мало-по-малу чистоту сердца, принимали въ себя нечистыя и ложныя внушенія, тогда и дары сіи, помрачаясь таковыми внушеніями, обращались въ судъ и заблужденіе тѣмъ, въ пользу коихъ они были даны. Такъ самый чистый ручей, протекая грязныя мѣста, принимаетъ въ струи свои чуждыя примѣси, и, дѣлается наконецъ, мутнымъ, а подъ конецъ, къ употребленію вовсе негоднымъ. Такъ всегда образовывались лже-учители или лже-пророки, которые были прежде на пути къ истинѣ, но потомъ отпали отъ истинныхъ учителей и пророковъ и увлекали другихъ въ свои заблужденія. Для избѣжанія сихъ заблужденій весьма нужно вѣрнымъ просить у Господа Духа Истины того помазанія, которое всему учитъ, и различенія духовъ, которое также есть даръ Духа Святаго, какъ даръ пророчества, даръ исцѣленія и пр.

„Сіе несчастіе, то-есть отпаденіе отъ истиннаго ученія, случилось, вѣроятно, въ послѣдствіи времени съ обществомъ скопцовъ, съ тѣхъ поръ, какъ оно признало оскопленіе единственнымъ средствомъ къ спасенію.

„Въ обширномъ смыслѣ слово скопецъ означаетъ здѣсь такого человѣка, у котораго умерщвлены всѣ страсти и похоти распятіемъ оныхъ, безпрестаннымъ противоборствомъ закону ихъ, воюющему въ членахъ нашихъ и побѣжденіемъ ихъ бдѣніемъ надъ мыслями и желаніями своими и сокрушенною сердечною молитвою, слѣдовательно, духомъ, внутренно, а не по наружности, тѣмъ менѣе тѣлеснымъ себя оскопленіемъ. Въ подобномъ же заблужденіи находятся и тѣ именующіеся христіанами и поставляющіе духовную жизнь и христіанство въ однихъ только наружныхъ, по мнѣнію ихъ, благочестивыхъ упражненіяхъ, безъ сошествія и вселенія въ сердца ихъ Духа Святого, безъ котораго вкусить вѣчную

жизнь Христа, познать Его и поклоняться Ему, слѣдовательно и истиннымъ христіаниномъ быть невозможно.

„...Скопецъ столь же безразсудно поступаетъ, какъ поступилъ одинъ человѣкъ, незнающій часового дѣла, съ испорченными часами. Видя, что часы дурно идутъ, вмѣсто того, чтобы починить ихъ внутренность, онъ снялъ скорѣе стрѣлку, не разсудя, что стрѣлка ни мало не виновата; напротивъ, она даже нужна: ибо показываетъ внутреннее состояніе часовъ, а не есть причиною ихъ порчи. Часы—человѣкъ; внутренняя ихъ разстройка—грѣхи въ сердцѣ; стрѣлки—членъ, коимъ грѣхъ обнаруживается.

„...Скопецъ, разрушивъ тѣлесные свои уды и неиспытавъ на себѣ Божественной любви и духовнаго обновленія, обратилъ всю любительную силу на самого себя и усилилъ чрезъ то многія другія страсти злѣйшія, нежели любовь естественная къ подобной себѣ твари.

„Человѣкъ сотворенъ для любви, въ этомъ все его блаженство. Всякъ имѣетъ уже отъ природы въ себѣ эту силу. Сія сила ищетъ своей пищи, любимаго своего предмета. Блаженъ, кто обратилъ ее на существо самое чистѣйшее, слѣдовательно достойнѣйшее любви и поклоненія, а именно на Бога; ибо чѣмъ небеснѣе и святѣе любимый предметъ, тѣмъ небеснѣе и святѣе любовь, тѣмъ блаженнѣе и тотъ, кто ее ощущаетъ: слѣдовательно, любящій Бога долженъ ощущать высочайшее блаженство. Природную и нечистую любовь Господь, духомъ своей благодати, перерождаетъ въ любовь духовную, небесную, но гдѣ истребленъ корень природной любви, тамъ перерожденіе оной мѣста имѣть не можетъ, а это величайшее несчастіе для человѣка".

Заканчивая краткое изложеніе исторіи скопчества и хлыстовства, приглашаемъ читателя припомнить по сему поводу слова русской души, съ головою бросившейся въ бурный потокъ революціонной бури и кончившей обильнымъ возліяніемъ на главу свою лампаднаго елея—именно Кельсіева: „Религія, вмѣшавшись въ половыя отношенія, не могла не прійти къ двумъ крайностямъ. Она потребовала съ одной стороны *свалку*, съ другой—полное воздержаніе и скопчество. Во время возник-

новенія христіанства были уже терапевты, эссены; фиваидскіе пустынножители создали цѣлую систему монашества. Монашество принялось и развилось съ страшною силой, такъ что Западная и Восточная церковь скорѣе терпятъ и допускаютъ бракъ, чѣмъ его дѣйствительно благословляютъ. Мудрено ли, что при дурномъ мнѣніи о бракѣ, которое существуетъ въ нашемъ народѣ, у насъ появилось скопчество. Мужикъ съ дѣтства слышитъ порицаніе плотской и житейской мудрости, и, отвергая незнакомую ему мірскую науку, идетъ спасаться; спасеніе въ скитахъ или въ келіяхъ его не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворить—онъ или пускается въ полный разгулъ или скопится. У насъ почва для того и другого давно готова, тѣмъ болѣе, что крестьянская и купеческая семья дѣйствительно удушлива. Безпоповцы пошли на сдѣлку и изобрѣли новый бытъ, который едва ли гдѣ встрѣчается. У нихъ дѣвкѣ запрещается выходить замужъ, а между тѣмъ семья довольна, что дѣвка приноситъ ей новыхъ работниковъ и работницъ. Безбрачная семья все же связана кровными узами и такъ же крѣпка, какъ и благословенная церковью. На Западѣ, гдѣ протестантство благословило бракъ и сдѣлало его обязательнымъ, вышло другое. Сектъ отвергающихъ бракъ въ Америкѣ очень не много, зато тамъ есть мормоны, которые возвели въ догматъ многоженство. Мормоны и скопцы послѣднее выраженіе двухъ религіозныхъ міровъ — Западнаго и Восточнаго. Въ нихъ какъ въ выпукломъ зеркалѣ отразились слабыя стороны православія и протестантства, и въ нихъ великій урокъ учителямъ той и другой вѣры; напрягая благочестіе своихъ паствъ, они пробиваютъ дорогу всякаго рода ересямъ и толкамъ".

„Духовный союзъ" Татариновой.

За два года до изданія брошюрки Пилецскаго въ руки тогдашняго министра полиціи Вязьмитинева попало случайно письмо проживавшей въ Михайловскомъ замкѣ жены полковника Катерины Филипповны Татариновой, которое показалось подозрительнымъ фразою о желательности „соблюдать

тайну собраній“. Стали поприсматривать за Татариновой, и вскорѣ узнали, что тамъ происходятъ собранія членовъ такъ называемаго „духовнаго союза“, поставившаго себѣ главною цѣлью „хожденіе въ присутствіи Божіемъ и самое точное соблюденіе заповѣдей Божьихъ“.

„Въ смыслѣ религіозномъ—писалъ потомъ одинъ изъ „союзниковъ“ генералъ-лейтенантъ Головинъ—это не есть секта, ибо слово секта предполагаетъ отсѣченіе послѣдователей ея отъ церкви или отъ того вѣроисповѣданія, къ которому они принадлежали. Здѣсь ничто подобное никогда не имѣло мѣсто, ибо всѣ тѣ, кои находились въ кругу знакомства съ г-жею Татариновой, не только не охладѣли къ церкви, но еще болѣе съ нею сблизились, особенно въ отношеніи къ отличительнымъ догматамъ православнаго вѣроисповѣданія, какъ то: почитанію Божьей Матери, признаванію Ея и святыхъ заступленія, уваженію и любви къ иконамъ, предпочтенію обрядовъ грекороссійской церкви въ богослуженіи всѣмъ другимъ и пр.“

На всякій случай донесли о богомольной полковницѣ императору Александру. Тотъ приказалъ оставить ее въ покоѣ.

Тѣмъ дѣло на первый разъ и окончилось, такъ какъ ничего предосудительнаго на собраніяхъ не творилось, и хотя особенно бросавшейся въ глаза гласности, указывавшей на стремленіе къ пропагандѣ тоже не наблюдалось, но и упрекнуть Татаринову въ полной конспиративности трудно было. А „къ правительственнымъ властямъ Татаринова вселяла покорность и уваженіе не пустымъ многоглаголаніемъ и фразами, а чувствомъ истиннаго смиренія, при видѣ немощей человѣческой природы, бороться съ которыми призываетъ насъ законъ Христовъ“.

Екатерина Татаринова, урожденная Буксегвденъ, была женщиною далеко не заурядною. „Сердце ея горѣло любовью къ Господу Спасителю съ такою необыкновенною силою которую только одна могла изъяснить живыми словами. По искренности и благоразумной простотѣ своей, она желала открыть радость, которую нашла въ Господѣ, всякому, кто только могъ ей произнесть сладчайшее для нея имя Спасителя. Всѣ слова ея запечатлѣвались необыкновенною силою духа и сообщали любовь“. Благодаря такимъ душевно подчиняющимъ ка-

чествамъ Татаринова пользовалась крупнымъ вліяніемъ среди лицъ разныхъ слоевъ общества.

„Общество Катерины Филипповны — сообщаетъ близко ее знавшій беллетристъ Кукольникъ—составилось случайно, безъ всякой мірской или эгоистической цѣли. Жизнь ея была безпрерывною стезею тяжкихъ страданій, тѣлесныхъ и душевныхъ страданій, недостатка преслѣдованій, съ которыми суждено было бороться около 30 лѣтъ... Лишась послѣдняго утѣшенія съ кончиною сына Татаринова была близка къ отчаянію. Одна знакомая ей женщина, простого званія, пришла ей на помощь съ утѣхою вѣры, убѣждая ее искать на небесахъ подкрѣпленія, а чтобы занять умъ и сердце ея духовными упражненіями, ввела ее въ многочисленное тогда въ Петербургѣ, общество скопцовъ. Татаринова не принимала участія въ радѣніи, но пророчество сдѣлало на нее сильное впечатлѣніе. Со времени появленія ея въ этомъ обществѣ насталъ рѣшительный переворотъ въ ея чувствіяхъ и стремленіяхъ души“.

Составившійся вокругъ Татариновой „духовный союзъ“, принялъ скоро чисто хлыстовскій богослужебный ритуалъ, всю суть его полагая въ радѣніи—„видимомъ ликованіи Духа, которое вмѣстѣ съ пѣніемъ и пророчествами составляло какъ бы духовный балъ, торжественный и радостный, на которомъ души и тѣла радуются о своемъ Господѣ, ибо живое дѣйствіе и присутствіе св. Духа въ это время бываютъ весьма ощутительны“.

Татаринова нерѣдко и сама пророчествовала, отличаясь, видимо, весьма удобною для этого натурою. „Мы видѣли ее въ скорби — говорилъ авторъ воспроизведенной у насъ брошюры „О скопцахъ“ — и въ слезахъ, часто въ совершенномъ изнеможеніи и вслѣдъ затѣмъ веселою, съ лицомъ свѣтлымъ, на коемъ выражались покой, свобода, сила, мудрость и простота святаго младенчества. Въ присутствіи другихъ — даются ей сила, здоровье, радость и свобода духа. Даръ святаго пророчества открылся въ ней въ великой полнотѣ“.

Императоръ отнесся очень милостиво къ начинаніямъ Татариновой на почвѣ объединенія духовнаго его подданныхъ, во многомъ отвѣчавшимъ его сокровеннымъ замысламъ.

О кружкѣ Татариновой ходили по Петербургу въ свою оче-

редь и нелестные слухи, приписывавшіе ей довольно-таки скандальныя похожденія, что нашло себѣ отраженіе въ одномъ изъ псалмовъ, распѣвавшихся на собраніяхъ союза:

Пусть громко міръ ругаетъ насъ,
Злословитъ и клевещетъ,
Не вреденъ намъ завистныхъ глазъ,
Коль свѣтъ съ востока блещетъ.
Вся тайна истины—въ любви,
Но міръ того не знаетъ.
Питая тщетно желчь въ крови,
Онъ много самъ теряетъ.
Хоть міръ противъ насъ жестокъ,
Хоть много намъ онъ зла творитъ
Мы тайно слезный льемъ потокъ,
Но міръ не судимъ строго.
Любовь превыше всѣхъ отрадъ
Вмѣщаетъ всѣ блаженства,
Она любезнѣй всѣхъ наградъ,
Источникъ совершенства.
О чемъ же больше намъ тужить!
Чтобъ въ полной радости прожить,
Мы будемъ, мы будемъ всѣхъ любить.

Всѣ члены кружка Татаринова руководствовались идеею, выразившегося въ сочиненіи „О приведеніи всѣхъ христіанскихъ церквей въ первоначальное единство“. Церковь раздѣляется на священно-обрядовую и внутреннюю, созидающую въ сердцѣ, и образующуюся изъ отдѣльныхъ обществъ, возникновеніе которыхъ восходитъ къ эпохѣ апостольства. Нѣкогда и обрядовая церковь не лишена была благодати Святаго Духа, но съ теченіемъ времени и порчею нравственности связь эта утратилась, ввиду чего и исповѣдуемая нынѣ у насъ греко-православная религія дескать безсильна обновить человѣка и какимъ бы то ни было образомъ содѣйствовать его духовному общенію съ Богомъ. Вотъ почему таинство причащенія не дѣйствительно, какъ основанное на обрядности. Церковь православная мертва и безгласна, не прилагая никакихъ стараній разогнать

тьму невѣжества, окутавшую христіанство. Только въ тайныхъ общинахъ, отказавшихся отъ стараго богослужебнаго ритуала, и можно еще обрѣсти людей, облеченныхъ апостольскою силою. Они то и помогутъ истинно вѣрующимъ душамъ найти въ себѣ присутствіе Святаго Духа, и когда послѣдняя благодать станетъ всеобщимъ достояніемъ, тогда и произойдетъ наступленіе единой, святой, апостольской церкви.

Пропаганда Татариновой имѣла чисто, такъ сказать, мѣстный характеръ, не выходя изъ предѣловъ петербургскаго раіона, и весь интересъ „союза" покоится лишь на его роли какъ проводника „мужицкаго" хлыстовства со всѣми его аттрибутами въ барскіе салоны, гдѣ и теорія и практика „божьихъ" людей подверглись рафинированію въ смыслѣ приноровленія къ особенностямъ нивы. Наблюдалось нѣчто въ родѣ „хожденія въ народъ" нашихъ семидесятниковъ. Великосвѣтскіе хлысты самоотверженно рѣшили „отложить и попрать ногами всю мудрость людскую со всѣми ея приличіями", и на радѣніяхъ, сильно пришедшихся имъ по вкусу „приходили въ такой восторгъ, что забывали себя, играли, пѣли, предавались святому скаканію и плясанію, плескали руками и т. п.".

Благоволеніе властей, съ усиленіемъ общаго реакціоннаго тона послѣднихъ годовъ царствованія Александра I, сильно понизилось по отношенію къ Татариновой и приняло совсѣмъ скверный для послѣдней оборотъ съ наступленіемъ суроваго періода фаворитизма гг. Бенкендорфа и Дуббельта, совершенно не примирявшихся съ возможностью существованія какого-то религіознаго сообщества внѣ оффиціальной церкви, къ которому принадлежатъ „люди, желающіе нарушить спокойствіе въ государствѣ". Нашлись услужливые радѣтели, состряпавшіе доносъ, что „Татаринова есть таинственная женщина, проповѣдующая особую философію о братскомъ равенствѣ, что, скрывая истинную цѣль своего ученія, она стремится къ тому, чтобы всѣ крѣпостные ея кружка были отпущены на волю, а находящимся въ услуженіи проповѣдуется равенство и съ этою цѣлью ихъ сажаютъ за однимъ столомъ съ собою и даже даютъ мѣсто выше, чтобы утвердить ихъ въ идеѣ равенства". Съ подобнаго рода поползновеніями въ ту пору шутить не любили и кружокъ Татариновой подвергся полному

разгрому, а его вдохновительница была отправлена въ Кашинскій женскій монастырь, гдѣ и пробыла до 1847 г., пока, наконецъ, не дала письменнаго обязательства отказаться отъ своего ученія. Умерла Татаринова въ Москвѣ 13 іюля 1856 г.

Ересь есаула Котельникова.

„Духовный союзъ“ Татариновой правильнѣе всего разсматривать какъ вставочный эпизодъ въ исторіи русскаго сектантства, не давшій какихъ-либо ощутительныхъ результатовъ, но любопытный именно самою возможностью своего существованія, обязаннаго хаотичности эпохи, полной нелѣпыхъ курьезовъ. Ураганомъ пролетѣвшій надъ Европою, мимоходомъ взрывшій Россію, „апокалипсическій звѣрь“ Наполеонъ, являвшій на себѣ примѣръ чудовищнаго развитія человѣческой воли въ связи съ слѣпымъ счастьемъ, безгранично вѣровавшій въ таинственность вѣчнаго промысла Александръ Благословенный, готовый ввести у своихъ подданныхъ чуть ли не новую реформацію, полицейскіе урядники съ евангеліемъ въ рукахъ—все это не мало смутило россіянъ. Слухи ходили Богъ вѣсть какіе. Легенды разростались съ каждымъ днемъ. Тамъ появлялись знаменія, тутъ находились провидцы; точно указывавшіе день и часъ наступающаго второго пришествія. Паства сбилась съ вѣры, пастыри не знали, чему учить. Вотъ въ это то время на Дону выступилъ новый «ересіархъ» отставней есаулъ, Евлампій Котельниковъ. Начитавшись мистической литературы, Котельниковъ организовалъ общину, состоявшую всего изъ пяти сочленовъ, на подобіе первобытныхъ христіанъ устраивая съ ними ежедневное причащеніе въ формѣ символическаго преломленія хлѣба. Написалъ Котельниковъ книгу „Начатки съ Богомъ остраго серпа“, и представилъ ее чрезъ министра духовныхъ дѣлъ императору; приписывалось ему также мнѣніе, что „антихристъ стоитъ въ нашей святой церкви и мерзость запустѣнія; церковь есть блудница великая, Вавилонъ, жилище бѣсовъ, народъ въ ней собирается не чашу Господню пить, а чашу антихриста, чашу бѣсовскую, которую растворяютъ они мерзостью; она съ таинствами своими

разрушена будетъ императоромъ Александромъ. Вмѣсто православной церкви въ царствованіе Александра откроется и распространится новая секта духоносцовъ, подъ именемъ единовѣрія, по всеії вселенной, такъ быстро, что не успѣетъ еще Библія всѣмъ роздана быть. Эта новая церковь есть невѣста Христова, есть перворожденная нынѣшнеіі эпохи церковь. Къ сеіі новой религіи назначена отъ Бога быть вратами императрица Марія Θеодоровна. А дабы ввести ее, для сего родился духовно въ императорѣ Александрѣ Іисусъ Христосъ. Императоръ Александръ есть мужъ новой церкви, есть Христосъ Господень, который распространитъ ее своими указами. Императоръ Александръ древнюю Христову церковь, яко любодницу истребитъ, а новую религію и самъ приметъ и синодъ благословитъ". По ученію Котельникова, всякій христіанинъ есть свѣтильникъ, священникъ, царь, Христосъ, Сынъ Божій, Богъ, и потому всякій можетъ совершать богослуженіе.

Котельникова рѣшили „призвать къ порядку". Доставленный въ Петербургъ, по распоряженію графа Аракчеева Котельниковъ былъ посаженъ въ тюрьму, освобожденъ изъ нея только послѣ принесенія чистосердечнаго раскаянія, вызваннаго якобы миссіонерскимъ талантомъ пресловутаго архимандрита Фотія и, получивъ тысячу рублей, уѣхалъ къ себѣ на родину. Несомнѣнно, что религіозный есаулъ совмѣщалъ мистическія наклонности съ чисто финансовыми разсчетами, что явствуетъ изъ нижеслѣдующаго его письма къ тому же Фотію.

„Я теперь понимаю—лукавитъ Котельниковъ—смыслъ слогъ новыхъ *книгъ, изданныхъ во время изданія Библіи* (?!). Гдѣ только смыслъ относится къ дѣйствію Духа, тамъ, по мистическому, сокровенному отъ простаго дѣйствія, разумѣть должно демона. Почему чтеніе Библіи должно кажется вовсе прекратить. Спасетъ ли душу чтеніе ея, когда читая, толкуютъ во вредъ, и когда толкованіе предоставлено единственно соборной апостольской церкви Христовой, и что никакого пророчества въ писаніи нельзя разрѣшить самому собою? „Мнѣ съ ума неіідутъ важныя послѣдствія, какія могутъ возродиться отъ толкуновъ Библіи. Зло надлежитъ истреблять вскорѣ. Истребленіе сдѣлается непримѣтнымъ образомъ, нужно только побывать въ извѣстныхъ мѣстахъ, познакомиться ересіархами и въ

ученикахъ ихъ пустить одно сомнѣніе, которое удобно другъ отъ друга распространяется". Развивъ такой маккіавеллистическій планъ, Котельниковъ въ элегическомъ тонѣ описываетъ злоключенія съ своимъ домомъ, назначеннымъ къ продажѣ за долги и кончаетъ довольно таки недвусмысленною просьбою помолиться за него, „чтобъ сей демонъ смущающій исчезъ".

Всѣ члены семьи Котельникова, имъ же вовлеченные въ новое ученіе, остались ему вѣрны, что не мало смущало отрекшагося есаула. Разсчеты Котельникова на Фотія не оправдались, самолюбіе его было уязвлено опубликованнымъ для свѣдѣнія донскаго казачества его отреченіемъ, и вотъ онъ снова отшатнулся отъ православія. Опять Котельникову пришлось подневольникомъ путешествовать въ Петербургъ и предстать предъ духовнымъ соборомъ. На этотъ разъ онъ велъ себя съ полнымъ достоинствомъ, разразившись цѣлою филиппикою противъ оффиціальной церкви. Участвовавшій въ разборѣ дѣла Котельникова тотъ же Фотій высказался, что мнѣнія еретичествующаго казака „для черни есть ядъ самый вреднѣйшій, не хуже морового повѣтрія". Всевозможнѣйшія увѣщанія нисколько не помогли и стойко державшагося на своемъ ученіи Котельникова заточили въ Соловки. Тамъ онъ не долго выдержалъ, и въ 1827 году подалъ игумену Досиѳею свою обстоятельную, и на этотъ разъ вполнѣ чистосердечную исповѣдь съ признаніемъ, что онъ сильно поколебался въ правотѣ своихъ мнѣній, послѣ того, какъ предсказанная имъ кончина міра въ 1826 г. не осуществилась. Интересна въ данномъ случаѣ попытка Котельникова дать классификацію теченій христіанскаго разномыслія, подраздѣляемыхъ по существу на три категоріи, полностью имъ же пройденныя, а именно:

1) «На ересь душевную, безъ духа удаляющую себя отъ вѣры, которая принимаетъ Священное писаніе и толкуетъ, какъ и я толковалъ—скорбитъ Котельниковъ—своимъ собственнымъ умомъ, безъ дѣйствія Св. Духа и заблуждается, потому что всяко пророчество книжное по своему сказанію не бываетъ; ни бо волею бысть когда человѣкомъ пророчество, но отъ Св. Духа просвѣщаемы глаголаша святіи Божіи человѣцы. Сею ересью заражены западныя церкви, коихъ былъ я защит-

никомъ и всѣ русскіе раскольники, кои суть по жизни своей христіанскіе лицемѣры. Изъ нихъ запрещено духовнымъ регламентомъ избирать на должности не только на духовныя, но и на гражданскія, яко государю и государству непрестанно зломыслящихъ людей. Къ нимъ принадлежатъ и внутренніе враги церкви, кои суть церковные лицемѣры, ибо всѣ они толкуютъ по святому писанію, какъ и я тольковалъ, что Богъ милосердъ и все живущему во грѣхахъ прощаетъ. А по сему толку великій грѣхъ причиняется государственной и ближняго своего экономіи во всѣхъ отношеніяхъ и случаяхъ по торговлѣ, хозяйству, службѣ, или должности безъ страха Божія и пощады. Сіи ереси, яко бѣсовскія, вредоносныя и заразительныя, отвергаю и проклинаю...

2) „Еще раздѣляются ереси на душевныя же безъ духа, которыя принимаютъ нѣсколько текстовъ священнаго писанія, а прочее все отвергаютъ и составляютъ себѣ тексты по своему уму. Таковы суть разныя общества иконоборцевъ, кои явно отвергаютъ поклоненіе иконамъ: къ нимъ принадлежатъ церковные вольнодумцы, кои ежегодно причащаются св. таинъ какъ масоны, не для полученія благодати на спасеніе, но по, обычаю, для избѣжанія порицанія за непричащеніе и для права опредѣленія себя къ должностямъ. Сихъ непочитаніе къ святымъ иконамъ бываетъ столь же явно, когда предъ иконами не только не дѣлаютъ имъ чести, но въ присутствіи ихъ яко изображающихъ Всемогущаго Бога, сквернословятъ и всячески грѣшатъ; различіе имѣютъ отъ иконоборцевъ въ томъ, что иконоборцы, между собою живутъ одни любострастно, а другіе воздержно, между собою дружелюбно, непостоянно по слову: чего себѣ не желаешь, того другому и желай, а сіи никакого ни съ кѣмъ постояннаго дружества и ни къ кому кромѣ себя доброжелательства не имѣютъ, какъ и вышеписанные лицемѣры, иногда благотворящіе другимъ изъ тщеславія, въ чемъ я первый, и способный на преклонность къ сектѣ масонской и карбонарской, въ непризнаніи Тріедина Бога, религіи и государя. Подобные вольнодумцамъ церковные суевѣры, кои содержатъ и употребляютъ тетрадки съ волшебными стихами, *съ моря кіяна*, *острова буяна*,

т. е. изъ общества нечистыхъ духовъ начало имѣющими, въ которыхъ якобы Божіи духи и угодники Божіи участвуютъ для приговоровъ къ любви, отговоровъ и заговоровъ болѣзней и прочаго; и по опыту знаю, что стихи сіи дѣйствуютъ. Еще есть *легкоспасенники*, отъ коихъ имѣлъ я тетрадки. „*Сонъ Богородицы*“ „свитокъ іерусалимскій“, „двѣнадцать пятницъ и крестъ“ недавно на листахъ въ Россію явившіяся, раздаваемыя отъ еретиковъ; въ нихъ предписывается вѣрить, что однимъ причитаніемъ и блюденіемъ ихъ можно спастися и обогатитися. Сіи съ перваго взгляда пустоши, суть начальныя буквы къ волшебству и чернокнижеству и связи съ нечистыми духами, какъ и ворожба.

3) „Еще ереси раздѣляются на *духовныя злодатныя*, которыя принимаютъ святое писаніе, явно исковываютъ изъ него мечъ на пораженіе самаго же святаго писанія, въ тайнѣ отвергаютъ оное, съ самимъ издавшимъ оное Богомъ. Они умствуютъ, что если бы Богъ былъ всемогущъ, то онъ не сотворилъ бы человѣка слабымъ къ паденію, а если милосердъ, то наказывать ни за что не долженъ ни самъ, ни человѣческою властію. Симъ умозаключеніемъ отвергаются царская и прочія власти. Таковы суть масоны, карбонары и скопцы, живутъ между собою въ любовной связи, утверждаютъ, что Богъ никого не проклинаетъ и слова: „*проклятъ всякъ, не творящій по всѣмъ словамъ закона Божія, и отыдите проклятіи въ огнь вѣчный*“, отмещутъ и надъ святыми угодниками ругаются, государя признаютъ по наружности, а внутренно всегда ему непримиримые злодѣи, какъ и раскольники, за царя немолящіеся. Политики и наружные виды добродѣтели такъ сокрываютъ духовныя тайны и секреты ихъ, и жизнь на счетъ другихъ, что никакъ невозможно способами судебнаго порядка доказать недоброжелательство ихъ ко всѣмъ. Одни токмо скопцы явны по скопчеству; они отличны отъ масоновъ и карбонаровъ еще и тѣмъ, что у нихъ имѣются видимый лжехристосъ, котораго стараются возвести на престолъ царскій, и что ему поклоняются всѣ цари и племена земныя; у нихъ употребляется духовное сладострастіе, каковымъ я зараженъ былъ самъ“.

Такая несомнѣнная „религіозная благонадежность“ не по-

могла, однако, Котельникову и остатокъ своей жизни онъ провелъ въ монастырскомъ заключенiи, скончавшись въ 1854 г., „святымъ человѣкомъ“ по отзыву соловецкаго игумена.

Новохлыстовство.

Упоминанiе о „духовномъ союзѣ“ Татариновой и метаньяхъ есаула Котельникова, вызвано необходимостью—на нашъ взглядъ,—подчеркнуть роль первыхъ десятилѣтiй минувшаго столѣтiя въ исторiи развитiя „таинственнаго“ пониманiя связи между творцомъ и тварью. Теперь приходится въ цѣляхъ соблюденiя цѣльности плана сдѣлать маленькiй хронологическiй скачекъ къ недавно еще отжитому времени и прослѣдить эволюцiю хлыстовскаго развѣтвленiя духовнаго христiанства, зарожденiе въ немъ стремленiя къ установленiю точно опредѣленнаго взгляда на взаимоотношенiе людей, путемъ выработки чисто религiознаго критерiя жизненныхъ условiй быта, т. е. попытки метафизически обосновать соцiальный строй. Хлыстовство выдѣлило изъ себя новохлыстовъ и шалопутовъ. Первые являются теоретиками, носителями хотя и философской, но все же догмы—вторые—чистые практики, люди земли, утилизаторы, такъ сказать, христiанской этики, начавшiе мистикою и постепенно отъ нея отрѣшающiеся.

Новохлыстовство возникло въ восьмидесятыхъ годахъ въ Кубанской области, дѣятельно распространявшееся тамъ нѣкимъ Евдокимомъ Козинымъ. Хлыстъ по своимъ первоначальнымъ вѣрованiямъ, Козинъ задумалъ реформировать хлыстовскую догму и создалъ новую, глубоко продуманную систему, имѣющую въ нѣкоторыхъ частяхъ много схожаго съ метемпсихическою теорiею Платона, и во всякомъ случаѣ доказывающую мыслительную силу Козина.

Въ ученiи о Богѣ, Козинъ проповѣдуетъ такъ называемый пантеизмъ, называя его силою, внутренно пребывающею въ каждой крупицѣ органическаго мiра, отъ которой и зависитъ существованiе и движенiе окружающей насъ жизни и ея процессовъ. Сущность Бога тѣсно слита съ мiромъ, внѣ его Богъ не можетъ быть. Богъ всюду, въ любомъ зоологическомъ экзем-

плярѣ, но сознаетъ себя, какъ мощь, только въ человѣкѣ. Новохлысты немножко ужъ сбиваются далѣе съ пантеистическаго міросозерцанія и надѣляютъ Бога антропоморфическими качествами. До творенія міра Богъ пребывалъ „аморфною", безличною силою, воодушевлявшею хаотическую массу. Въ напряженіи Божественной воли, направленной къ созиданію космоса,—родилось Лицо Бога, „набравшаго на Себя плоть пречистую, подобно тому, какъ бабочка набираетъ сама на себѣ красивую окраску".

Воплотившійся Духъ словомъ своимъ создалъ весь видимый міръ. Такимъ образомъ зародилась божественная Троица: Духъ, Плоть и Слово. Иными словами это сводится къ тому, что Богъ надѣленъ общечеловѣческою плотью, но съ большимъ, чѣмъ обыкновенный смертный, могуществамъ. По ученію новохлыстовъ, Адамъ вовсе не былъ первымъ человѣкомъ. И до него были люди, но съ затемненнымъ разумомъ, не позволявшимъ имъ видѣть свое различіе отъ животнаго міра. Адамъ же явился только избранникомъ Божіимъ, познавшимъ свою связь съ Богомъ, по образу и подобію Котораго онъ сотворенъ. Отъ такого то Адама и пошелъ родъ благочестивыхъ людей, т. е. новохлыстовъ, рѣшительно отрицающихъ ученіе о первородномъ грѣхѣ, ибо, по ихъ понятіямъ, дѣти согрѣшившихъ прародителей, получили полную возможность получить Святаго Духа чрезъ просвѣщеніе словомъ.

Совершенно расходятся новохлысты съ ученіемъ обще-христіанскимъ, о существованіи безплотныхъ духовъ, пытаясь въ данномъ случаѣ аргументировать чисто физическими пріемами, доказывая, что духи, лишенные плотской оболочки, должны бы слиться воедино, подчиняясь общему закону соединенія отдѣльныхъ водяныхъ частицъ, не разобщенныхъ между собою какимъ-либо постороннимъ, матеріальнымъ тѣломъ. Подъ понятіе объ ангелахъ, новохлысты подводятъ всѣхъ вообще людей, раздѣляя ихъ по ихъ качествамъ на видимыхъ, невидимыхъ, и злыхъ. Новохлыстъ—видимый, ибо онъ постоянно видитъ Бога; невидимый—непринадлежащій къ сектѣ, и, наконецъ, злыми ангелами считаются люди, принявшіе ученіе новохлыстовъ, но практически его не осуществляющіе.

Рѣзко расходятся новохлысты предъ просто хлыстами въ

догмѣ о перевоплощеніи Христа, рѣшительно ими отвергаемомъ. Чудесъ Христосъ никакихъ никогда не творилъ, а носилъ въ себѣ Духъ Святой уже потому, что былъ несомнѣннѣйшимъ новохлыстомъ. Второе пришествіе Христа произойдетъ исключительно для осужденія всѣхъ не хлыстовъ, которые и погибнутъ, сожженные своею совѣстью.

Крайне любопытно метемпсихическое ученіе новохлыстовъ о переселеніи душъ ихъ, имѣющихъ форму человѣческаго тѣла, но въ уменьшенномъ видѣ, и заключенныхъ въ видимомъ организмѣ.

По смерти каждаго новохлыста, его душа тотчасъ же переселяется въ другого сектанта, почему каждый новохлыстъ долженъ просвѣтить своимъ ученіемъ другого человѣка, чтобы подготовить вмѣстилище для своей души. Особенно же благоугодные сектанты попадаютъ на небо. Это ихъ-то души и блестятъ звѣздами.

Есть связь между душами животныхъ и людей. Тѣ и другія имѣютъ цѣлыя градаціи своихъ качествъ. Чѣмъ понятливѣе, разумнѣе животное, тѣмъ и душа его стоитъ на высшей степени; покончитъ свое земное существованіе и душа его переходитъ въ другое животное, но уже болѣе смышленное, и такъ далѣе. Тоже происходитъ и съ человѣкомъ, пока его душа послѣ различныхъ странствованій не попадетъ, наконецъ, въ новохлыста. Промежутки могутъ быть очень долговременные, въ сотни, даже въ тысячи лѣтъ.

Эсхатологическое ученіе новохлыстовщины не сложно, ограничиваясь отрицаніемъ мнѣній, сложившихся на этотъ счетъ въ христіанской догмѣ. Конца существованія міра, при его постоянномъ круговоротѣ, нѣтъ, и быть не можетъ.

Всѣ увѣруютъ въ новохлыстовство, составится единое стадо, и всѣ будутъ одинаково близки къ Богу, никому не желающему зла.

Въ области этики новохлысты не дали ничего новаго, придерживаясь общеизвѣстныхъ моральныхъ предписаній. Сюда же относится строжайшее соблюденіе вегетаріанства, необходимое для борьбы съ темными и злобными велѣніями плоти. Въ особенности возстаютъ новохлысты противъ употребленія въ пищу

яицъ, потому что въ нихъ заключается зародышъ будущаго существа.

Религіознаго ритуала новохлыстовщина пока еще не выработала, сохранивъ общехристіанскій культъ; относительно радѣній на новохлыстовскихъ собраніяхъ точно нельзя утверждать, что они безусловно приняты.

Новохлыстовщина, несомнѣнно, прямолинейнѣе и радикальное хлыстовщины, что особенно ярко сказывается въ ея соціальныхъ тенденціяхъ, весьма свободомыслящихъ, и рѣзко контрастирующихъ съ политическимъ индифферентизмомъ хлыстовъ. Въ то время какъ правовѣрные хлысты всячески уклоняются отъ пропаганды своего ученія, ихъ продолжатели сильно наклонны къ прозелитизму, не упуская случая ораторовать противъ указаній господствующей церкви. Новохлыстовство въ настоящее время находится еще въ стадіи развитія, почему его дальнѣйшее направленіе представляется неопредѣленнымъ.

Шалопуты.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ съ юга и юго-востока Россіи стали получаться офиціальныя донесенія о быстромъ распространеніи секты шалопутовъ, весьма нежелательной для мѣстной администраціи своими увлеченіями по „шальному“ пути, достаточно расходящемуся съ установившимися бытовыми условіями „святой сѣрой скотинки“.

Актъ 19 февраля, приглашавшій многомилліонную массу русскихъ смердовъ, скинуть съ себя ярмо вѣкового рабства и „призвать благословеніе Божіе на свой свободный трудъ,— всколыхнулъ застывшее сермяжное море. До сихъ поръ мужикъ жилъ въ ежевыхъ рукавицахъ помѣщика, въ потѣ лица своего работалъ на него, не имѣлъ своей воли, и это отчасти предохраняло его отъ надобности жить своимъ умомъ. Выпущенный на всѣ четыре стороны, онъ въ сущности не ахти что и выигралъ на первыхъ порахъ, завертѣвшись въ разомъ обрушившихся на него экономическихъ невзгодахъ, въ видѣ реформированной финансовой системы, тяжелымъ бременемъ

подавившей безденежное, захудалое крестьянство. Сошелъ со сцены всесильный помѣщикъ, народился новый, не лучшій, типъ—кулака-міроѣда. Вотъ когда довелось нашему сыну земли познакомиться съ прелестью капитализма, съ которымъ ему, совершенно неподготовленному, пришлось вступить въ борьбу.

Ярче, чѣмъ когда либо прежде, предъ глазами крестьянина всталъ роковой вопросъ о причинахъ нищенства однихъ и процвѣтанія другихъ. Отвѣтъ, грустный, безотрадный напросился самъ собою... Грѣхъ замѣшанъ всюду,—отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ...

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось. А на дѣлѣ выяснилось что не всегда-то это правда. И нашлось подтвержденіе.—Отыскались странные „шалые„ люди, сплотившіеся между собою на религіозной почвѣ, и давшіе своеобразную соціально-экономическую организацію. Шалопутство нельзя назвать сектою въ строгомъ значеніи этого слова, ибо оно не составляетъ однаго цѣльнаго выраженія, а распадается на нѣсколько отдѣльныхъ толковъ. Извѣстный знатокъ шалопутства Левицкій говоритъ, что все внутреннее содержаніе шалопутства, вся совокупность особенностей его, какъ секты, заключается въ суммѣ извѣстныхъ нравственныхъ предписаній, извѣстныхъ обрядовыхъ формъ и, наконецъ, въ извѣстной внутренней организаціи послѣдователей секты, что собственно и выдѣляетъ ихъ изъ среды окружающаго православнаго населенія“.

Шалопуты не религіею начали, а насущными вопросами жизни, и создали свою догматику, такъ сказать искусственно, вызванные на полемику.

Съ другой же стороны есть достаточныя основанія вѣрить что въ началѣ шалопутство въ религіозной сферѣ, если не все, то значительная часть его, была проникнуто мистическимъ настроеніемъ, близкимъ къ типу хлыстовъ, но съ теченіемъ времени оно выравнялось и весь мистицизмъ шалопутовъ уже близокъ къ міровоззрѣнію духоборовъ.

Вѣроученіе шалопутовъ основано все на томъ же исканіи внутренняго человѣка, то-есть на попыткахъ, и не безрезультатныхъ, обосноваться на началахъ совѣсти и разума, проникающихъ, напримѣръ, Св. Писаніе, разсматриваемое шалопу-

тами не какъ безусловный авторитетъ, а какъ изложеніе нравственной системы, понимать которое надлежитъ только въ духовномъ смыслѣ.

Библейское повѣствованіе о всемірномъ потопѣ шалопуты объясняютъ иначе, чѣмъ ортодоксальная церковь. „Не вода потопила землю, а пороки людскіе, и вообще грѣхопаденіе; а подъ ковчегомъ надо разумѣть истинную церковь, въ которой нашли спасеніе всѣ вѣрующіе и сохранили для потомства вѣру и святость добродѣтелей во всей чистотѣ.

Рай и адъ помѣщаются въ сердцѣ человѣка. Если человѣкъ позналъ Бога, то онъ блаженствуетъ, и у него въ сердцѣ рай, а если онъ не знаетъ Бога, то онъ въ аду.

Съ ученіемъ о Троицѣ шалопуты не соглашаются.

Сынъ Божій есть Слово Божественное, сила духовная, проявляющаяся въ каждомъ человѣкѣ.

Святыми признаются лишь принесшіе практическую пользу человѣчеству, проникнутые идеею человѣколюбія, вродѣ Варвары великомученицы, Алексѣя—человѣка Божьяго и т. п.

Фигурально шалопуты понимаютъ и самый институтъ таинствъ. Водное крещеніе омываетъ только тѣло, а не душу, покаяніе въ его обычной формѣ не достигаетъ цѣли, причащеніе тоже.

Гораздо детальнѣе разработана въ шалопутствѣ его главная и наиболѣе энергичная идея—идея братства всѣхъ людей, погубившая шалопутство въ мнѣніи свѣтскихъ и духовныхъ властей, занесшихъ его въ рубрику „особо вредныхъ сектъ".

Во главу жизненныхъ условій ставится знаменитое „право на трудъ", категорически отвергающее праздность. Вопіющею несправедливостью шалопутъ считаетъ торговлю, финансовыя операціи и т. п. Лишь одинъ физическій трудъ священенъ. Почти всѣ шалопуты землепашцы.

Всецѣло исповѣдуя мужицкій символъ вѣры о принадлежности земли одному только Богу, шалопуты широко осуществляютъ принципъ общности орудій производства, являются прямыми послѣдователями кооператива.

Намъ извѣстно нѣсколько шалопутскихъ общинъ на чисто коллективистическихъ началахъ, объ организаціи одной изъ которыхъ очевидцы разсказываютъ слѣдующее:

„Въ станицѣ около сорока шалопутскихъ семействъ. Разселились они въ пяти мѣстахъ, по концамъ станицы. Каждый конецъ составляетъ отдѣльную общину. Между дворами отдѣльныхъ семействъ общины уничтожаются изгороди и заборы, такъ что у каждой общины получается одинъ громадный дворъ. Общинность не распространяется лишь на предметы личнаго потребленія—одежду, домашнюю утварь и т. п. Все остальное общее. Особый домъ имѣетъ не каждая семья; въ нѣкоторыхъ домахъ живетъ по двѣ и по три семьи. У такихъ семей является общимъ рѣшительно все, за исключеніемъ носимой одежды, которая составляетъ личную собственность отдѣльныхъ лицъ. Всѣ общины составляютъ одинъ экономическій союзъ; полевое хозяйство ведется всѣми общинами сообща. Для этого шалопуты выбираютъ участокъ земли, отстоящій возможно далѣе отъ станицы, чтобы вести дѣло безъ посторонняго наблюденія. Участокъ они раздѣляютъ межниками на загоны, какъ-будто каждый загонъ обрабатывается отдѣльнымъ семействомъ. Въ дѣйствительности же всѣ работы, начиная съ пахоты и кончая молотьбой, производятся сообща. Полученное зерно дѣлится на четыре части: сѣмена для будущаго посѣва, запасъ на случай неурожая, хлѣбъ на продовольствіе и на продажу. Хлѣбъ, назначенный на продовольствіе, распредѣляется между общинами по числу ѣдоковъ. Деньги, вырученныя отъ продажи хлѣба, дѣлятся на три части. Одна часть, конечно, самая большая, распредѣляется между общинами, сообразно съ ихъ нуждами и предстоящими расходами. Такъ, напримѣръ, если у какой-нибудь общины палъ скотъ или нужно произвести новыя постройки, то такой общинѣ даютъ больше, чѣмъ той, которой предстоитъ производить только обыкновенные расходы. Другая часть идетъ въ общую шалопутскую кассу цѣлой области; наконецъ, третья часть идетъ въ Тамбовскую губернію въ центральную кассу". Вообще духомъ взаимопомощи проникнуты всѣ шалопутскія общины, отнюдь не ограничивая свою дѣятельность облегченіемъ положенія единомышленниковъ, и эндѣ:а:1 этъвомъ отношеніи никакой разницы между своими и чужими.

Въ жизни шалопутской общины большое значеніе имѣетъ ея юстиція, которой подлежатъ всевозможные моральные проступки

общинниковъ. Юрисдикція шалопутовъ очень нехитрая. Въ разбирательствѣ принимаютъ участіе и женщины. Всѣ усилія судей бываютъ направлены къ выясненію факта и этической погрѣшности виновной стороны. Такой судъ воспитывающе дѣйствуетъ на шалопутовъ, пріучая ихъ къ опасенію общественнаго мнѣнія и давая возможность тяжущимся тщательнѣе вникать въ сущность обще-моральныхъ принциповъ. Налагаемая на виновнаго кара, состоящая въ просьбѣ о прощеніи, ничуть не деморализируетъ его, а помогаетъ только уяснить свои слабыя стороны. Рѣшенію суда шалопутъ повинуется безпрекословно, глубоко и искренно признавая авторитетъ общины.

Шалопутскія собранія обыкновенно начинаются чтеніемъ слова Божія, и оканчиваются скромною братскою трапезою, безъ какого бы то ни было, разумѣется, участія алкоголя. „Здѣсь на этихъ собраніяхъ—говоритъ изслѣдователь шалопутской секты Я. Абрамовъ—шалопутъ находитъ удовлетвореніе своей любознательности и пищи для работы ума; здѣсь удовлетворяется его чувство общественности; здѣсь среди людей онъ чувствуетъ себя такъ хорошо, что его не тянетъ въ кабакъ; сюда несетъ шалопутъ свое горе и свою радость; и здѣсь же встрѣчаетъ людей, которые дѣлятъ съ нимъ и радость, и горе“.

Кромѣ еженедѣльныхъ собраній у шалопутовъ бываютъ еще такъ называемые „соборы отцовъ“, на которые съѣзжаются представители многихъ общинъ, которые и обсуждаютъ сообща дѣла, касающіяся шалопутовъ цѣлыхъ областей.

Вообще, у шалопутовъ необыкновенно сильно развито чувство общественности, побуждающее ихъ къ сплоченію.

Вопросъ о бракѣ разсматривается у шалопутовъ очень трезво. Воздержаніе отъ половой жизни, правда, ставится шалопуту въ плюсъ, но сношеніе съ женщиною представляется актомъ вполнѣ естественнымъ и, стало быть, ничуть не предосудительнымъ, но взамѣнъ оформленнаго, церковнаго брака шалопуты выдвинули бракъ „по духу“—по взаимной склонности, безъ чего половое сожитіе, съ шалопутской точки зрѣнія, является прямо-таки преступленіемъ. Въ шалопутствѣ можно сплошь и рядомъ встрѣтить лицъ, перешедшихъ изъ

православія и вѣнчанныхъ прежде церковнымъ бракомъ. Для такихъ прозелитовъ допускается нѣкоторый коррективъ брака, состоящій въ томъ, что мужъ можетъ выбирать себѣ изъ шалопутокъ „духовницу“, а жена обзавестись „духовникомъ“, и такимъ образомъ хотя нѣсколько осложняются семейныя отношенія, но цѣлость семьи отъ этого не страдаетъ. Не диво поэтому среди шалопутовъ наблюдать такое курьезное на поверхностный взглядъ явленіе: шалопутъ, имѣя на сторонѣ, въ чужой семьѣ, дѣтей отъ своей „духовницы“, въ то же время воспитываетъ чужихъ дѣтей, прижитыхъ его законною женою отъ „духовника“.

Мирный характеръ шалопутовъ кладетъ отпечатокъ и на ихъ дѣятельность. Статистикъ Левицкій, наблюдавшій шалопутскій бытъ въ Малороссіи, даетъ о нихъ самый теплый отзывъ. „Всѣ—говоритъ онъ—имѣвшіе съ ними какія-либо дѣла, отдаютъ полную справедливость ихъ честности и добросовѣстности. Между ними не замѣтно ни воровства, ни мошенничества; напротивъ, чистота нравовъ, трезвость, трудолюбіе, отсутствіе ссоръ и дрязгъ, взаимное попеченіе другъ о другѣ въ трудныхъ случаяхъ—вотъ качества, которыми справедливо могутъ гордиться шалопуты“.

На сходѣ одной станицы въ Терской области одинъ казакъ шалопутъ въ отвѣтъ на укоризны по поводу его уклоненія отъ православія отпарировалъ такъ: „Прежде я ничего не понималъ, былъ какъ въ туманѣ, и потому въ праздничные дни пьянствовалъ или ѣздилъ съ блудницами за городъ, а теперь у меня открылись глаза; я узналъ правду, и въ праздники читаю священное писаніе и вообще провожу время въ дѣлахъ Божьихъ.

Такъ живутъ и вѣруютъ „шалые“ люди, причислявшіеся миссіонерскимъ усердіемъ то къ хлыстамъ, то къ безпоповцамъ, и зарегистрированные прежде въ соотвѣтствующихъ гражданскихъ установленіяхъ, какъ элементъ зловредный.

Много тяжелыхъ минутъ пережили шалопуты, попадая изъ огня-да въ полымя. Вдумайтесь только въ полный тревоги смыслъ шалопутской пѣсни о томъ, какъ

При большой было, большой дорогѣ,
Выросталъ зеленый, виноградный садъ.

Во саду стояли древочки, древа кипарисовыя,
На нихъ цвѣтутъ цвѣтики, цвѣты царскіе.
Прилетали и пташечки, птицы райскія,
Воспѣвали пѣсенки херувимскія.
Среди того садика винограднаго
Стояло тамъ древико благодатное.
Расцвѣлъ на ней цвѣтъ во весь бѣлый свѣтъ.
Это было времячко—златые годы.
Протекала по садику живая вода.
Наслаждалися пташечки счастливой порой.
Царемъ былъ у пташечекъ золотой орелъ,
Воспитывалъ пташечекъ духовною ѣдой,
А поилъ онъ пташечекъ живою водою;
Сберегалъ онъ пташечекъ подъ своимъ крыломъ.
Выростайте, пташечки, милыя дѣтушки,
Поправляйте быстрыя свои крылушки!
А когда придетъ, други, осень темная,
Неравно взойдутъ на васъ тучи грозныя,
Понесутся на васъ вѣтры буйные,
Зашумятъ на васъ лѣса темные,
Закричатъ на васъ враны черные.
Возьмутъ эту пташечку за оба крыла,
Поведутъ ее отъ дѣтушекъ съ широкаго двора.
Пошлютъ эту пташечку въ страны далекія,
Въ страны далекія, въ тюрьмы крѣпкія.
Одни вѣрные будутъ вспоминать,
Вспоминать ее, плакать и рыдать,
А невѣрныя дѣтушки станутъ забывать,
Станутъ забывать—въ землю зарывать.
Безъ поры, безъ времени завянетъ мой садъ,
Покривятся древочки многія назадъ.

Духоборчество (община всемірнаго братства) и связь его съ толстовствомъ.

„Во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія открылось въ Россіи такое общество,—гласитъ относящаяся къ 1805 г.

„анонимная записка",—существованіе коего во всемъ государствѣ по всѣмъ обстоятельствамъ казалось бы невозможнымъ среди простого народа, народа, по большей части непросвѣщеннаго и привязаннаго къ однимъ наружностямъ въ религіи безъ познанія духа оной. Вдругъ являются люди, не только отвергающіе всѣ обряды и наружныя установленія греко-россійской церкви, но даже не пріемлющіе и наружнаго крещенія водою и причащенія тѣла и крови Христовой—подъ видомъ хлѣба и вина.

„По натуральному слѣдствію таковые люди не могли быть оставлены въ покоѣ какъ со стороны самаго правительства, такъ и со стороны сосѣдей, тѣмъ, паче что никто не зналъ и не понималъ ихъ духа. Они отовсюду терпѣли безпрестанныя гоненія, каждая ихъ встрѣча съ попомъ, съ исправникомъ или съ засѣдателемъ вовлекала ихъ въ слѣдствіе и въ заключеніе; каждая встрѣча съ сосѣдями сопровождаема была ужасными для нихъ ругательствами и обидами, каждый ихъ поступокъ дѣлалъ ихъ въ глазахъ другихъ извергами и возмутителями общаго спокойствія. Высшее правительство судило о нихъ большею частею по донесеніямъ низшаго начальства и они не рѣдко посылались въ ссылку, какъ государственные преступники.

„Названіе духоборовъ дано имъ уже въ 1785 г. и, вѣроятно, бывшимъ тогда екатеринославскимъ архіепископомъ. Симъ названіемъ, конечно, хотѣли тогда означить ересь, содержащую ученіе духоборовъ, такъ какъ непоклоненіе иконамъ названо иконоборческою ересью, но духоборы сами, производя названіе свое отъ „духа", къ объясненію онаго, говорятъ, что они духомъ Богу служатъ и духомъ бодрствуютъ. Чернь называла ихъ всякими ругательными именами, но болѣе всего молоканами и фармазонами; молоканами потому, что они не наблюдали постовъ и ѣли во время оныхъ молоко и мясное, а слово фармазонъ есть испорченное и есть то же, что масонъ. Что касается до нихъ самихъ, то они всегда называли и называютъ себя христіанами, а прочихъ мірскими людьми. Начало ихъ происхожденія имъ самимъ неизвѣстно, ибо они, какъ простолюдины и безграмотные, не имѣютъ у себя никакой исторіи; преданіе также не сохранилс между ними о томъ памяти. Они

говорятъ только, что происходятъ отъ трехъ отроковъ, Ананія, Азарія и Мисаила, пострадавшихъ за непоклоненіе образу Навуходоносора. Безъ сомнѣнія, чрезъ то сказать хотятъ, что они также страждутъ, готовы страдать за непоклоненіе иконамъ и за отверженіе церемоніи и обрядовъ наружной церкви".

И дѣйствительно, о происхожденіи духоборческой секты нѣтъ никакихъ ясныхъ историческихъ данныхъ, кромѣ сообщенія что около 1750 г. на югѣ Россіи появился отставной прусскій унтеръ-офицеръ, распространявшій какое-то новое религіозное ученіе, быстро разошедшееся по Харьковской губерніи, а оттуда перекинувшееся въ Екатеринославскую и Тамбовскую губерніи—центръ будущаго духоборческаго движенія.

Нѣсколько попозже, въ 1791 г., екатеринославскіе духоборы подали тамошнему губернатору Каховскому обстоятельную докладную записку, составленную въ цѣляхъ реабилитаціи своего вѣрованія, запятнаннаго разными не въ мѣру усердными чиновниками, доведшими до тюрьмы наиболѣе замѣтныхъ вожаковъ духоборчества, откуда тѣ и надумали аппелировать къ высшей мѣстной администраціи.

. Хотя авторы посланія и считаютъ себя „въ языкѣ предъ всякимъ сильно косненными", и всячески извиняются „за непорядокъ мыслей, за неясность, за нечистоту словъ", тѣмъ не менѣе произведеніе ихъ представляетъ драгоцѣннѣйшій памятникъ творчества русскаго народнаго ума въ религіозной сферѣ, изложеніе цѣлой системы, анализъ чувствованій вѣрующей души и влеченіе въ ней отъ формы къ духу.

„Родились,—вспоминаютъ духоборы,—и вдругъ надъ каждымъ изъ насъ церемоніальны наружны обряды христіански свершены, какъ и нынѣ надъ дѣтьми нашими свершены; росли мы, возрасли, нѣкіи и состарились, ходя во все время жизни своей въ церковь, но что же? Истину скажемъ: какъ ивы, со скукою стаивали мы токмо въ ней, и малѣйше не понимая труднаго и неудобопонятнаго намъ слога книжнаго, къ тому скоро, смѣшанно и спѣшно, что мало и паче велегласно пѣваемаго. Милліоны душъ тако ведутся къ Богу. Умъ нашъ отъ стоянія въ церквяхъ ничуть не приходилъ во познаніе ни себя, ни каковъ Господь Богъ нашъ есть, и какова святая

воля есть его. А оттель въ слѣпотѣ, отъ коей и теперь недалеко ушли, жили мы, какъ и многи сыны міра, во всѣхъ злыхъ нераскаянно".

„Случилось въ жизни намъ,—повѣствуютъ далѣе духоборы,—что сожительствовавшій намъ въ селѣ Никольскомъ простой боголюбивъ мужъ Степанъ Колесниковъ, старикъ, всему селенію нашему извѣстно добродѣтельнѣйшій, благотворительнѣйшій, въ нуждахъ премногимъ изъ своего достатка, собственнымъ трудомъ, съ дѣтьми нажитаго, пособствовавшій, разновременно, по сосѣдству, сходясь съ нами, и паче въ праздничные дни, благосклонно, въ тихомъ видѣ, предлагалъ разсужденія изъ святаго слова Божія разныя. Напримѣръ: одно изъ нихъ, хотя рѣчьми и не такъ точь въ точь, но мыслей, сколько припомнить можемъ, точно, слѣдующихъ: о мірѣ семъ, о краткости состоянія его и премѣненіи его, что есмы? И сколько кратко жизнь наша въ немъ? Изъ словъ священныхъ: „У Господа тысяща лѣтъ аки единъ день нашъ" внемля умно: что за великость единъ часъ времени въ году? Что же онъ во времени ста лѣтъ? О, малость! О, краткость! Все же время стоянія міра сего въ сравненіи съ вѣчностью, тысячекратно еще короче. Когда-жъ стояніе міра столь кратко, что жъ есть вся жизнь наша противу вѣчности? Мигъ гласа единъ лишь. О! суетный и оплакиванія достойный всякъ человѣче, обмысли и разсуди, для чего заключенъ духъ твой на толь краткое время въ міръ сей, въ темноту сію, въ копть, въ плоть твою, въ коей еси? Безсомнѣнно прежде заслужилъ ты темнощу сію, и за вину всажденъ въ нее... Отъ нестройства мѣръ стихій въ плоти нашей ломается скорлупа—плоть наша, портится весь строй ея, и, наконецъ, вылетаетъ въ вѣчность духъ нашъ...

„Старикъ (Колесниковъ) всякому, слушать его желавшему, говаривалъ слѣдующее, что Господь, Отецъ нашъ, въ Сынѣ, во явленномъ святомъ словѣ своемъ, точно не хощетъ, и, любя насъ, точно не требуетъ отъ человѣковъ больше ничего, какъ токмо, чтобы и мы отреклись себе, то есть прельщающаго Еву змѣя, злыя воли плоти нашея, попустили ему входъ въ насъ, содѣлалъ бы онъ въ совершенъ образъ существа своего плоть и духъ нашъ...

„Въ жизни сей всякъ человѣкъ долженъ попустить прему-

дрости Божіей, созидалъ бы Господь единъ оною въ духѣ его храмъ святъ, чистъ, духовенъ, въ жилище вѣчно свое; воспротивиться же всякъ и хранить себя долженъ, моляся о помощи ко Господу, не ворвалися бы въ сердце его духи злобы, выше поименованные, вселясь бо, воздвигаютъ они и непримѣтно человѣку работаютъ, ежечасно зиждутъ въ немъ, въ духѣ его храмъ мерзостенъ вѣченъ врагу...

„...Въ заключеніе говорилъ старикъ: Когда содѣлаемъ единожды навсегда въ память обѣтъ нашъ предъ Господемъ, вездѣ сущимъ и вся видящимъ: 1) чтобы, отрекшись злыя воли своея, сколько есть силъ, бѣгать сатаны злого, и дѣлъ его; 2) чтобы, не упуская времени, во всѣ свободные часы поучаться во словѣ Божьемъ, и 3) взывать къ нему о помощи намъ въ томъ, то непримѣтно намъ содѣлаетъ Господь, что въ кратки часы житія нашего во плоти прейдемъ мы духомъ нашимъ степени: 1) въ покаяніи очищенія, 2) поученіи просвѣщенія, и 3) въ единеніи съ Богомъ сладостнаго въ сердцѣ, сколь благъ есть Господь, вкушенія, *но возродимся въ тварь новую, иже не отъ похоти мужескія, но отъ Бога въ духъ*, словомъ животнымъ, вся носящемъ, держащемъ, движущемъ, во свѣтѣ несказанно, блаженно, радостно, божественно новорождаются.

„Таково новорождаться и возрастать въ тварь новую, есть духомъ любви вписываться на вѣкъ въ книгу живота вѣчны, въ книгу агнца Христова, запечатлѣваться въ вѣкъ словомъ симъ въ душѣ Богу Отцу въ сыны вѣчны, быть въ числѣ избранныхъ, освященныхъ различными изліяньми въ духъ даровъ Духа Святаго, Бога въ числѣ изкравшихъ чисто ризы своя и убѣлившихся кровію Агнца, въ числѣ засѣменяющихся въ духѣ въ неизрѣченъ образъ всеблагого Бога, кой и да воздвигнетъ въ насъ Господь во храмъ святъ, вѣченъ свой, въ вѣчно жилище свое, молимся и покланяемся духомъ нашимъ ему единому.

„...Все же неложно христіанство есть: ходить въ вѣрѣ омовенну кровію агнца, въ единеніи, дружествѣ, общеніи, связи сердца нашего, внутренностей нашихъ съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и чрезъ него питаясь въ сердце различными дѣяньми Духа Свята, приноситься святымъ житіемъ

Богу отцу вышнему въ жертву святу благоугодну, благоуханну, вѣчну, умъ имѣя и поя въ сердцѣ пѣснь...

Вся записка слишкомъ пространна и мѣстами страдаетъ затемненностью изложенія. Суть ея въ томъ, что—Богъ, то есть Святая Троица—существо непостижимое, Отецъ—свѣтъ, Сынъ—животъ, Духъ Святой—покой. По отношенію къ человѣку эту тріаду слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Отецъ—память, Сынъ - разумъ, Духъ Св.—воля. Вся душа человѣка, слѣдовательно, состоитъ изъ трехъ элементовъ, соединившихся въ одно цѣлое и сопричастныхъ Богу. Нѣкоторая часть душъ, еще до окончанія творенія міра, дерзнула возстать противъ Создателя и была Имъ за это низринута въ видимый, физическій, и наказана лишеніемъ въ себѣ сознанія о своемъ божественномъ происхожденіи и подверженностью чрезъ то всѣмъ мірскимъ соблазнамъ. Вотъ почему плоть человѣческая, въ глазахъ духоборовъ, является препятствіемъ полету души, ея вѣковѣчному стремленію къ древу жизни. Пока душа замкнута въ такой темницѣ, она должна всячески трудиться надъ освобожденіемъ себя отъ гнетущей ее матеріи и вновь приблизиться къ своему божественному прообразу. Такое напряженіе возвышенныхъ инстинктовъ человѣка духоборы изображаютъ аллегорически, путемъ уподобленія химическому процессу, сравнивая плоть съ водою, мірскую, грѣховную жизнь—съ кипѣніемъ, при чемъ идеалъ, цѣль жизни—„перечищеніе въ чистый спиртъ вѣчный“. Вотъ почему человѣкъ, къ чему-либо пристрастившійся на землѣ, уже засѣялъ зло въ своей душѣ. Въ человѣчествѣ издавна наблюдается борьба двухъ началъ—добраго и злого, нашедшая себѣ отраженіе еще въ библейской исторіи о соревнованіи Каина и Авеля, при чемъ отъ послѣдняго то именно и произошелъ родъ истинныхъ людей божіихъ. Съ теченіемъ времени перевѣсъ въ духовной борьбѣ оказался на сторонѣ плоти, и тогда человѣчество, не нуждавшееся доселѣ ни въ какихъ внѣшнихъ формахъ, почувствовало склонность къ видимости, къ различнымъ

Царившая въ человѣчествѣ любовь уступила мѣсто обостренной борьбѣ, и, тогда, въ видахъ схраненія людей отъ дальнѣйшаго взаимоистребленія, учреждены были различныя власти и законы. „Передрались бы они, перегрызлись бы, когда бы не

совсѣмъ еще угасшая маленькая искра ума Господня, не учредила бы на нихъ благословеннаго во зломъ мірѣ средства, правительствъ, началъ, удерживающихъ, вяжущихъ злость ихъ", Устройство закона гражданскаго повлекло за собою измѣненіе и въ религіозной сферѣ жизни человѣчества. Появились обряды и писанія.

„Теперь слѣдуетъ внять, что Сынъ Божій—символическая фигура обновленія грѣховнаго человѣка, сознавшаго свое паденіе—не что иное, какъ велика несказанно искусна Строителя міра сего и подобныхъ сему неисчетныхъ, превѣчна, пренебесна Бога, вседержца, пренебесная, вѣчная, непостижимая, духовная въ началѣ въ натурѣ міра и потомъ въ буквы и картины откровенна слова и дѣлавшаясь премудрость, одѣвшаясь сразмѣрно величеству его, великая, сильная къ намъ созданнымъ въ образѣ его сыномъ, любовь его, воплотившаяся благость, святыня, милосердіе, животъ, коимъ здѣсь жили бы, и коего слава на вѣчность себѣ вожделѣли бы мы, Слово Отца, умъ Господень...

Такой Христосъ „сходитъ внутрь, благовѣстіемъ Гавріиловымъ и засѣменяется въ немъ духовно, яко въ Маріи". Вновь возродившійся человѣкъ освобождается отъ всѣхъ путъ общественной жизни, „Въ чьемъ сердцѣ въ полуденномъ свѣтѣ взойдетъ солнце вѣчныя правды, луна и звѣзды губятъ свѣтъ, тамъ истинно не нужны для чадъ Божіихъ Царіе, власти и никакіе человѣческіе законы, не страха бо ихъ ради бѣгутъ они отъ зла, но возродиться бо имъ въ душахъ благомъ вѣчнымъ; все попеченіе ихъ есть жить, какъ Іисусъ заповѣдалъ. И такъ праведнику никаковъ законъ не положенъ, то есть законъ принудительный, ни божескій, ни человѣческій".

„Праведники" стоятъ выше вѣроисповѣдныхъ преградъ. „Убо и нынѣ членамъ Церкви своея, во всемъ мірѣ единыя, невидимо намъ сущія, позволяетъ Іисусъ входить въ храмы папски ль, гречески ль, лютеровы ль, кальвиновы ль, и проч. и ходить свободно, въ наружныхъ ихъ благое образующихъ". Буквально подчиниться велѣнію каждой строки писанія, сонно отправлять всяческія обрядности, не будучи одухотвореннымъ пламенною любовью къ Богу и ближнему—есть проступокъ. „Всѣхъ церквей наружныхъ въ мірѣ различнообразны обряды,

учрежденія, церемоніи и пр., всѣ чины служителей ихъ, одежды ихъ, дѣйствіи ихъ, суть вымышлены разновременно по восшествіи на небеса Христовы, и не иное что суть, какъ токмо различнообразны мертвы знаки, фигуры, буквы, священно-таинственную, невидимую, живую, умную силу, въ различіи свѣтосолнечныхъ лучей отъ всевышна, всесвятѣйша существа Бога, въ души избранны, свѣтящіесь, изливающуюся, въ нихъ живущую, дѣйствующую, ихъ просвѣщающую, Богу единящую, наружно являющіе, изражающіе".

„А сколь тяжекъ грѣхъ, и каковъ отвѣтъ дадутъ, не указывающіе обманывающусь міру, мнящу, яко отъ исполненія наружныхъ обрядовъ спасеніе имъ! Премнога учрежденная наружная не понимаемая преградою служатъ многимъ приближаться умомъ ко Господу отъ познанія коего и себѣ непремѣнно бы послѣдовало свято житіе у населяющихъ землю".

Дивнымъ аккордомъ кончается записка духоборовъ, полною тихой прелести, дѣтской вѣры молитвою:

„Отче, любящій всѣхъ человѣковъ! Освятись навѣкъ въ памяти вѣчныхъ сыновъ твоихъ, возцарствуй премудростью твоею въ сердцахъ ихъ, наполни совершенно Духомъ Святымъ твоимъ волю ихъ, дѣйствуй въ нихъ, ими и надъ ними, яко же хощещи во вѣки".

Духоборчество любопытно уже занятымъ имъ положеніемъ на границѣ чистаго „духовничества" и такого же „евангельства". Съ одной стороны приходится наблюдать чисто мистическую эквилибристику понятій, въ родѣ того, напримѣръ, что идея божественнаго тринитаризма — троичности, представляется въ видѣ излюбленныхъ старою мистикою геометрическихъ соотношеній: Отецъ—высота, Сынъ—широта, Духъ—глубина.— съ одной стороны какіе то прорывы раціоналистическаго мышленія, что особенно ярко отразилось въ сужденіяхъ мелитопольскихъ духоборовъ о сущности Второго Лица Св. Троицы. „Онъ родился отъ Божьей Матери—говорятъ они—какъ рождается и у насъ. Творилъ ли онъ тѣлесныя чудеса, т. е. воскрешалъ ли мертвыхъ, давалъ ли слѣпымъ зрѣніе, глухимъ слухъ и пр., мы того не знаемъ, но вѣруемъ, что сами грѣхами были мертвы, слѣпы, глухи, а онъ насъ оживилъ и грѣхи простилъ. Онъ распятъ плотью, и показалъ намъ образъ страданія; воскресъ

же духомъ, а плотію воскресъ ли и какою—того не знаемъ и знать намъ не нужно! Духоборчеству же принадлежитъ совершенно новый варіантъ трактованія новозавѣтныхъ событій, по которому „распяли Христа жиды, а жиды (житы) значитъ жители—т. е. православные. Опять образчикъ отклоненія въ область символистики, аллегорическаго пониманія между строкъ.

Іисусъ Христосъ представляется духоборамъ идеаломъ человѣческой жизни, величиною, стало быть, до извѣстной степени доступною обхвату ея нашимъ разумомъ, и даже, пожалуй, доступною для силъ человѣческихъ.

„Въ какой мѣрѣ человѣкъ долженъ исполнять велѣнія Господни"?—спросите вы духобора, и услышите, что, въ мѣрѣ исполненія ихъ Іисусомъ Назареемъ.

Вполнѣ естественно, что, отрицая физическое воскресеніе Іисуса Христа, подобный же взглядъ духоборы перенесли на все христіанское ученіе о воскресеніи мертвыхъ. „Догматы вѣры—говорятъ они—содержимъ, какъ въ символѣ написано, только касательно воскресенія мертвыхъ вѣримъ, что плоть мертвая отъ земли не возстаетъ". Отсюда уже одинъ шагъ до отрицанія всей догмы искупленія грѣховъ. „Кто не водворяетъ въ себя царствія Божія—тотъ уже осужденъ своимъ беззаконіемъ: кто не идетъ къ жизни, тотъ идетъ къ смерти. Судъ же Божій состоитъ въ томъ, что каждый судится въ самомъ себѣ по законамъ жизни и смерти".

Главнымъ источникомъ вѣроученія духоборы признаютъ собственный разумъ, озаряемый присутствіемъ Божественнаго Свѣта, отвергая Св. Преданіе въ православномъ его пониманіи и признавая въ Св. Писаніи „указаніе законовъ жизни и законовъ смерти, возвѣщеніе радостной вѣсти, что возможно для насъ, находящихся въ смерти, стать безсмертными чадами Божіими, которые не отъ плоти и крови, не отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились".

Любопытная черточка въ практикѣ духоборчества это уклоненіе отъ соблюденія какихъ бы то ни было опредѣленныхъ праздничныхъ дней. „У насъ бываетъ праздникъ—отнѣкиваются они—когда голоднаго насыщаемъ, нагого одѣваемъ, больного и заточеннаго посѣщаемъ, когда врагамъ прощаемъ. Каждый день у насъ свѣтлый Христовъ день. Празднуемъ мы тогда,

когда отъ трудовъ отдыхаемъ. Такъ Господь сказалъ: не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка".

Короче ученіе духоборовъ въ его чистомъ видѣ отражаетъ намъ извѣстная духоборческая рукопись. „Разъясненіе жизни христіанъ", въ которой догма духоборчества излагается такъ.

...Что значитъ „духоборы"? Мы духомъ познаемъ слово Божіе и радуемся и духомъ бодрствуемъ во образѣ Господа нашего Бога и Духомъ избираемся, и отъ Духа мечъ беремъ, духовнымъ мечемъ и воюемъ—познаніемъ духомъ слова Божьяго. Настоящее намъ названіе не духоборы, а мы называемся истинные, православные христіане, потому что чистосердечно вѣруемъ въ Господа Іисуса Христа и содерживаемъ его Святой законъ.

...Вѣруемъ мы во единаго Бога отца, Вседержителя, Творца, который сотворилъ небо и землю и всѣхъ людей живущихъ на землѣ и свѣтъ намъ открылъ. Молимся мы Богу истинному и духомъ истиннымъ. Исповѣдуемъ мы Бога небеснаго, яко благъ Господь, во вѣкъ милость Его. Онъ понеже оставляетъ намъ всѣ наши согрѣшенія. Причащаемся мы ко святымъ его же тайнамъ божественнымъ, животворящимъ, страшнымъ, безсмертнымъ, ко Христовымъ, во оставленіе грѣховъ, которые проходятъ скрозь мозговъ, костей человѣческихъ, то бо есть наше причастіе отъ Господа Бога. Словомъ Божіимъ пріобщаемся мы на будущій вѣкъ къ самому Христу. Желаемъ получить новую силу и благодать Божію, а впредь желаемъ жить свято, по христіански. Выясняемъ, что пріобщеніе ко святымъ Его тайнамъ для полученія слова Христова—отъ худыхъ дѣлъ удаляться. Ходимъ мы также въ церкву Божію, во единую, святую, соборную, апостольскую, церкву, которая есть собраніе истинныхъ христіанъ; ее же самъ Господь Іисусъ Христосъ евангеліемъ своимъ собралъ, осіялъ и осіяваетъ и украшаетъ дарованіемъ Духа Святаго. А покланяемся мы во образъ Пресвятой Троицы, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Мы не поклоняемся дѣлу рукъ человѣческихъ, не вѣруемъ рукотворнымъ образамъ, потому что Господь запрещаетъ поклоняться бездушному. Выясняемъ: Господь сотворилъ человѣка по образу и подобію Божьему, онъ же есть образъ Божій, ликъ небесный, который поетъ и глаголетъ. Господь сказалъ:

тою икону чтите, которая изображена на доскѣ, тою икону чтите, которая происходитъ отъ сына Назарянина, она есть моя и глаголетъ мое о Бозѣ, изъ нея же превосходитъ кровь и вода. Имѣемъ и постъ: мысли воздержанія,—отыми отъ насъ, Господи, всякую неправду. Священника мы себѣ имѣемъ праведнаго, преподобнаго, чистосердечнаго, верховнаго, одного, который отлученъ отъ грѣшниковъ, который освѣщаетъ и просвѣщаетъ лучезарнымъ свѣтомъ разумъ человѣческій, то есть священникъ самъ Господь Іисусъ Христосъ.

„Бракъ имѣемъ—дѣло вѣчнаго блаженства. Сосчитываемъ законный бракъ—съ обѣихъ сторонъ любовь и слово законъ. На вопросъ, кто насъ вѣнчаетъ, отвѣчаемъ: вѣнчаетъ насъ самъ Господь съ честью и славою. Онъ покорилъ еси нози наши до подноэій ногъ своихъ, дастъ намъ вѣнецъ, будетъ намъ, яко отецъ.

„Болѣе всего усматриваемъ на завѣтъ Спасителя и очень большимъ благоповеденіемъ внимаемъ себѣ ученіе, то есть мы закону Божьяго, а вѣры Іисусовой.

„Вѣра Іисусова уповаемая и желаемая, а законъ Божій состоитъ на двухъ заповѣдяхъ, изрѣченныхъ Спасителемъ. Первая заповѣдь поучаетъ каждаго изъ насъ возлюбить Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею, всею крѣпостью своею, всѣмъ разумѣніемъ своимъ; сіе же есть первая заповѣдь, она и большая въ законѣ Божьемъ; а вторая подобная ей поучаетъ каждаго изъ насъ возлюбить ближняго своего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ весь законъ Божій состоитъ.

„Кресту вѣруемъ животворящему. Отвѣчаемъ, что крестъ есть страданіе за Христа. Крестъ тѣлесный—терпѣніе, терпи обиды безъ отомщенія. Крестъ небесный—кротость и смиреніе. Общій христіанскій крестъ—тѣсный путь, вольная скорбь, вольная нищета и странство.

Вѣра наша сущая, пришедшая отъ ученія самого Іисуса Христа. Исповѣдали законъ Его—это были древніе христіане, и это христіанство не утерялось до сего времени; оно сохранилось въ людяхъ, вѣрующихъ и надѣющихся на Господа, достойные были несть дѣло Его. Это, дорожающее въ свѣтѣ, христіанство переходило изъ устъ въ уста“.

Духоборцами насъ наименовалъ государь Александръ Павловичъ, потому что предки наши крѣпко боролись духомъ, по тому и были наименованы духоборцами. Настоящее намъ названіе есть: истинные христіане православной вѣры, потому что мы исповѣдуемъ законъ Господа Бога своего Іисуса Христа и понимаемъ объ немъ не внѣшнѣ, а внутренно. Прежде это христіанство было втайнѣ скрыто отъ тѣхъ людей, которые не вѣровали въ Бога и законъ его, а напротивъ того мучили и убивали за слово Божіе, за свидѣтельство Іисуса Христа.

„Вотъ еще отъ самаго начала христіанства было установлено самимъ Іисусомъ Христомъ, между братьями христіанскаго, или какъ названіе, духоборческаго семейства, такое братство и любовь другъ къ другу, такъ что каждый христіанинъ, по своему вѣроученію, долженъ быть смиренъ, и кротокъ и благъ, и любить ближняго, какъ самого себя. Любить не только друга-пріятеля, а даже и недруга, и врага своего и заботится о душахъ ихъ".

Пониманіе духоборцами Божественной личности сводится къ тому, что „должно замѣчать, что сынъ Божій, если смотрѣть на Него въ Ветхомъ завѣтѣ, есть не что иное, какъ пренебесная вѣчная, непостижимая, духовная Премудрость Бога Вседержителя, которая въ началѣ облеклась въ натуру міра, а потомъ въ буквы и карты откровеннаго слова; оно есть Слово Божіе, разглагольствующее съ нами въ книгѣ міра и въ писаніи; Сила сквозь солнце на твореніе и во твари живая чудесно просіявоищая, все движущая, все живящая, въ числѣ, вѣсѣ и мѣрѣ вездѣ считая Сила Божества въ праотцахъ, какъ и нынѣ въ насъ, разнообразно дѣйствуемая. Если же смотрѣть на Него въ Новомъ Завѣтѣ, то онъ былъ и есть не иное что, какъ Духъ воплотившійся Премудрость, Богопознанія, истины; Духъ воплотившійся Любви, человѣколюбія, дружелюбія, пріязненности, и Духъ свыше воплотившейся Божественной, несказанной, священнѣйшей радости, утѣшеня, веселія, мира въ полнотѣ всѣхъ играній сердца; Духъ цѣломудрія, трезвость, умѣренность въ яствѣ, питіи, одѣяніи и во всѣхъ удовольствіяхъ плоти".

Мы уже говорили, что центромъ распространенія духоборче-

ства въ его началѣ явились губерніи Екатеринославская и Тамбовская, наложившія на него каждая свой особый отпечатокъ пониманія идеала духовнаго христіанства. Конечно, географическія условія тутъ не при чемъ, но фактъ тотъ, что тамбовцы не смогли окончательно освободиться отъ сильно развитаго тогда хлыстовства. Вожакъ тамбовскихъ духоборовъ Илларіонъ Побирохинъ принялъ чисто хлыстовскую доктрину о перевоплощеніи Іисуса Христа, посему и принялъ на себя роль Верховнаго Судіи, окруженнаго 12 „апостолами" и сошедшаго на землю ради разбора дѣлъ человѣческихъ. Екатеринославскіе же духоборы никогда на той точкѣ не стояли, и впослѣдствіи оказались въ меньшинствѣ. Продолжатель Побирохина Савелій Капустинъ видоизмѣнилъ догму духоборчества, признавъ, что хотя Богъ и имѣетъ свое мѣстопребываніе въ сердцѣ каждаго истиннаго христіанина, но Христосъ переселяется только въ души особо ему угоднаго человѣка. Объ этомъ то и говорила фраза Христа: „азъ съ вами буду до скончанія вѣка". Первоначально такимъ земнымъ жилищемъ Іисуса былъ глава всего христіанства римскій первосвященникъ, папа, но затѣмъ папство поколебалось, на престолѣ Св. Петра стали появляться совершенно недостойныя лица и тогда Христосъ выбралъ себѣ меньшую паству вѣрныхъ ему духоборовъ. Дальше—больше и въ концѣ концовъ теорія Капустина свелась къ тому, что Христосъ склоненъ якобы пребывать исключительно въ его потомствѣ. Отсюда то и пошла „христовская" династія, просуществовавшая почти до нашихъ дней.

Нѣкоторые чисто хлыстовскіе оттѣнки сразу бросаются въ глаза при ознакомленіи съ запискою архимандрита, впослѣдствіи митрополита кіевскаго, Евгенія, о его разговорѣ — (въ 1802 г.) съ двумя духоборами—тамбовцами, присланными къ нему „для увѣщанія".

На вопросъ: „что разумѣете чрезъ небо?"—послѣдовалъ отвѣтъ, что „первое небо — смиреніе, второе — разумѣніе, третье—воздержаніе, четвертое—братолюбіе, пятое—милосердіе, шестое—совѣтъ, седьмое—любовь; тамъ живетъ и Богъ"... словомъ, перепѣвъ давно знакомаго намъ хлыстовскаго мотива о семи небесахъ.

Такъ же замѣтенъ и косой взглядъ въ сторону „лѣпости“, ибо все искушеніе человѣку на землѣ „отъ людей и отъ плоти“.

Крайне уклончиво высказали тамбовцы и относительно Священнаго Писанія свои сужденія, отговорившись тѣмъ, что у нихъ „лишняго сверхъ Писанія нѣтъ, а изъ него довольно имъ того, что у нихъ есть; изъ обоихъ Завѣтовъ берутъ себѣ полезное“.

Фактъ существованія „христа„ тамбовцы тщательно замолчали, и на вопросъ—„нарушилъ ли Христосъ въ церкви своей кому нибудь видимое начальство?“—отвѣтили, что у нихъ всѣ равны.

„Какъ думаете о бракѣ?—перешелъ къ щекотливому предмету владыка и услышалъ равнодушно якобы выраженное мнѣніе, что духоборы“ желающимъ не воспрещаютъ, а только разумѣютъ; что женившійся печется о женѣ, а не женившійся о Богѣ и о людяхъ.

...Кто хочетъ, вѣнчается въ нашихъ церквахъ, а кто хочетъ, такъ живетъ. Мы даемъ на волю... Угожденія плоти ненадобно дѣлать, а исполнять нужно.

Еще нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ.

„Въ какомъ возрастѣ человѣкъ способенъ принять въ себя слово Божіе и засѣмениться во спасеніе? Младенцы спасаются ли?

— Способенъ всякъ, когда въ силѣ ума, а младенцы ни грѣха, ни спасенія не имѣютъ, а все равно, что щенята и котята безъ молитвы.

— Молитесь вы за Царя и за вся, яже во власти суть?

— Всякъ молится о себѣ, а не о другихъ.

— Какъ думаете о властяхъ? Всѣ ли онѣ отъ Бога?

— Милостивыя отъ Бога, а немилостивыя не знаемъ отъ кого.

— Не позволяется ли у васъ въ какихъ-либо случаяхъ убійства или самоубійства.

— У насъ нѣтъ ни убійства, ни самоубійства.

На основаніи своего разговора съ тамбовцами владыка вывелъ совершенно правильное заключеніе, что духоборы „вся

вѣру относятъ къ внутреннему ощущенію духа, а наружнаго ничего не считаютъ нужнымъ".

Духоборчество сразу стало въ рѣзкую оппозицію не только основамъ господствующей православной церкви, но и выразило свое полное несочувствіе соціально-политическому строю государства, рѣшительно отказываясь примириться съ существованіемъ крѣпостного права, но на ряду съ такимъ укрѣпленіемъ въ принципахъ, можно было замѣтить и признаки несомнѣннѣйшаго разложенія чистаго духоборчества, ударившагося въ символистику и уже искусственное мышленіе, лишенное прежней непосредственности и наивной вѣры, и вызвавшее затѣмъ выдѣленіе изъ духоборческой массы сторонниковъ евангельскаго направленія, стараніями которыхъ и возникла новая секта—молоканъ.

„Кладя въ основу ученія духовное совершенствованіе путемъ чтенія священнаго писанія и пѣнія псалмовъ въ собраніи вѣрующихъ, духоборы, при укрывательствахъ не могли фактически удовлетворить этой потребности, отчасти за нераспространенностью въ тѣ времена книгъ священнаго писанія, отчасти же, вслѣдствіе безграмотности большинства адептовъ новой вѣры. Пришлось ограничиться пѣніемъ псалмовъ, заученныхъ наизусть, но при отсутствіи лицъ, могущихъ исправлять ошибки, допускаемыя неизбѣжно при такого рода передачѣ, въ эти псалмы постепенно стали вкрадываться извращенія текста, часто совершенно искажающія весь смыслъ псалма. Чѣмъ далѣе—тѣмъ эти извращенія все болѣе и болѣе извращали смыслъ священныхъ пѣсенъ и въ концѣ концовъ получилась какая-то рифмованная импровизація. Форма такимъ образомъ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ сектахъ, поглотила внутренній смыслъ".

Введенная въ духоборчество строжайшая централизація тоже не мало способствовала общему упадку духоборческой общины; скоро обнаружилось совсѣмъ невыгодное для духоборовъ явленіе, подмѣченное посторонними наблюдателями, констатировавшими, что „въ образѣ ихъ жизни и обычаяхъ усматривается теперь между ними великое развращеніе нравовъ". Старая исторія.. Въ 1802 г. возникъ въ Тамбовской

губерніи первый духоборческій процессъ, разрѣшившійся исключительно благопріятнымъ для духоборовъ финаломъ.

Дѣло въ томъ, что одно духоборчерское село поголовно отказалось подчиниться требованіямъ православнаго священника. Поднялось дѣло, доходившее до усмотрѣнія императора Алексанера I, и послѣ различныхъ перипетій, 16 декабря 1804 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе всѣмъ духоборамъ Тамбовской губерніи „въ огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религіи"—переселиться въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи на особо для нихъ отведенной казенной землѣ, называвшейся „Молочными водами".

Восторгу духоборовъ не было предѣла. Осуществилась, наконецъ, ихъ заповѣдная мечта объ отдѣльной территоріи „духовнаго царства", вдали отъ чуждыхъ имъ по міросозерцанію людей. По усиленной просьбѣ духоборовъ имъ было разрѣшено сохранить ихъ старое, столь для нихъ дорогое именованіе. „Еще болѣе укрѣпились духоборы въ сознаніи правоты своего ученія и въ чудесной помощи Бога, невидимо покровительствующаго своимъ избраннымъ сынамъ. Тутъ же на новой почвѣ, собранные изъ разныхъ мѣстъ и оставленные въ покоѣ, они продолжали детально разрабатывать свое вѣроученіе и выработали, наконецъ, свой особый религіозный культъ, или вѣрнѣе соціально-этическій кодексъ".

„Разорвавши связь съ родной народностью, правительствомъ—говоритъ М. Тебеньковъ — у духоборовъ тѣмъ не менѣе сохранилось сознаніе, что они не могутъ прожить безъ связи съ какою-либо территоріей, составляющей соединительное звено и точку опоры для жизни въ семъ мірѣ". Для удовлетворенія такого сознанія ими было изобрѣтено совершенно своеобразное, какъ все въ этой сектѣ—„отечество"—иначе говоря пресловутый „Сиротскій домъ", исторія и задачи котораго излагаются въ приводимой ниже драгоцѣнной для каждаго духобора рукописи, служащей своего рода настольнымъ руководствомъ для духоборчества.

„Былъ у насъ христіанъ,—повѣствуется въ ней—сиротскій домъ съ большимъ капиталомъ... Именно: какъ предками нашими и раньше, такъ и нашими трудами, не былъ расхищенъ,

а все болѣе старались прибавлять, и по трудамъ христіанскаго общества былъ наполненъ сиротскій домъ весьма большими капиталами и существовалъ до смерти руководительницы нашей Лукерьи Васильевны (Калмыковой). Раньше смерти своей она же сама изволила взять молодого человѣка Веригина, который прожилъ въ сиротскомъ домѣ пять лѣтъ. Какъ онъ былъ обученъ ко всему христіанскому содержанію, то ему извѣстно было обо всемъ нажитіи и капиталѣ. По наукѣ Лукерьи Васильевны онъ зналъ обо всемъ наличномъ и неналичномъ, весьма великомъ капиталѣ. Во время кончины нашей управительницы христіанскаго капитала, родственники ея дерзнули расхитить нашихъ предковъ и насъ, а именно: старались изгнать того молодого человѣка, который обученъ былъ ко всему этому имѣнію, такъ какъ хотѣлось имъ загладить слѣды хищности своей... Словомъ, пошли дрязги, и въ результатѣ „капиталъ", о которомъ съ такимъ уваженіемъ трактуетъ рукопись, испарился.

„Сиротскій домъ" имѣлъ для сектантовъ огромное матеріальное и моральное значеніе. Изъ него щедро лилась субсидія попавшему въ затруднительное положеніе, онъ же служилъ постоянною резиденціею главы духоборческой общины, съ вѣрою взиравшей на жилище своего „богочеловѣка",— копію ветхозавѣтной еврейской скиніи. „Духоборчество — какъ гласило одно административное донесеніе—безъ „Сиротскаго дома" положительно не можетъ существовать, какъ тѣло безъ головы, думающей, и рѣшающей, и направляющей дѣйствія всѣхъ остальныхъ членовъ". Получилось нѣчто близкое къ особенностямъ секты американскихъ мормоновъ, и все развивавшееся приближеніе къ хлыстовщинѣ, задержанное уже сліяніемъ части духоборчества съ толстовствомъ, сообщившимъ ему новый притокъ жизненной силы.

Суровая эпоха императора Николая не прошла безслѣдно для духоборчества. Въ 1841 г. пришлось перебраться въ Закавказье, на турецкую границу, въ пустыню, на высотѣ 6000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Въ 1864 г. пресѣклась мужская линія Калмыковской династіи, и главенство перешло къ только что упоминавшейся Лукерьѣ Калмыковой, время правленія которой считается зо-

лотымъ вѣкомъ духоборческой секты, достигшей предѣловъ своего благосостоянія и снискавшей себѣ большое уваженіе своимъ полнымъ достоинства поведеніемъ на далекой окраинѣ русскаго государства среди инородческаго населенія.

Возведеніе въ почетный санъ „управляющаго Сиротскимъ домомъ“ досталось Веригину не даромъ и стоило духоборчеству распадомъ его на два лагеря—„большой партіи“—согласившейся съ волей покойной Калмыковой, и „малой партіи“, принявшей сторону своего оффиціальнаго старшины Зубкова и не пожелавшей Веригина. Хотя „меньшевики“ и остались въ меньшинствѣ и избраніе Веригина состоялось, но по ихъ проискамъ новый вождь, „выдававшій себя за Христа“, попалъ подъ арестъ, повлекшій за собою продолжительное пребываніе возлѣ полярнаго круга. Распри между двумя фракціями духоборчества не прекратились съ изъятіемъ Веригина и окончились выдѣленіемъ особенно оппозиціонно настроеннаго элемента такъ называемыхъ „постниковъ“ или „бѣлыхъ“, то-есть людей постомъ предъ Богомъ обѣленныхъ, рѣшительно высказавшихся за возвращеніе Веригина и противъ какого бы то ни было административнаго контроля духоборческаго быта. Среди нихъ происходило какое-то глухое, мало понятное на внѣшній взглядъ, броженіе, разрѣшившееся въ 1895 г. категорическимъ отказомъ духоборческаго населенія Закавказья отъ несенія военной службы, повлекшимъ за собою примѣненіе репрессивныхъ мѣръ, въ родѣ разселенія „постниковъ“ по разнымъ мѣстамъ.

Все это духоборческое движеніе, измѣненіе его міровоззрѣнія во многихъ пунктахъ, послѣдовавшая затѣмъ эмиграція части сектантовъ въ Америку—вызвано почти исключительно сильнымъ вліяніемъ Веригина.

Что такое Веригинъ? Отвѣтъ даетъ намъ его переписка съ разными лицами, собранная В. Д. Бончъ-Бруевичемъ, дающая намъ возможность познакомиться съ физіономіею этого недюжиннаго носителя крупной религіозно-нравственной идеи, виднаго проводника интеллигентской проповѣди Толстого въ чисто народную массу, способствовавшаго практическому осуществленію схемы жизненнаго строя, набросанной нашимъ великимъ „непротивленцемъ“.

„Религіозныя наши воззрѣнія,—пишетъ Веригинъ,—которыя мы стараемся проводить въ жизнь, основываются на томъ, чтобы любить Господа Бога всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею и любить ближняго, какъ самого себя. Бога же мы представляемъ, что Онъ есть неограниченная любовь. По силѣ этой неограниченной, всеобъемлющей любви держится все существующее. Зло разрушаетъ, любовь созидаетъ. Любить ближняго—значитъ осуществить любовь къ Богу. Пріобрѣтая любовь, мы разумѣемъ, что пріобрѣтаемъ Бога въ сердца наши. Въ частности, мы поэтому и стараемся по возможности не разрушать жизнь, въ чемъ бы она ни была, въ особенности человѣка. Человѣкъ есть храмъ Бога живого и разрушать его нехорошо".

...„Мы Бога чтимъ, которому подвластно все существующее, не только земля, и то, что на ней есть, но и все, что находится во вселенной. Богъ есть жизнь и присутствуетъ во всемъ существующемъ и равно присутствуетъ—покровительствуетъ, какъ человѣку, такъ и самой маленькой птичкѣ или насѣкомому... Богъ, котораго мы чтимъ, безмѣрно великъ и обширенъ и вмѣстить Его въ какую-либо рамку невозможно, а тѣмъ менѣе изобразить Его. Бога возможно только ощущать душою, сердцемъ и выражать Его свойства любовью къ всему живущему, въ которомъ мы вращаемся"...

„Смерть тѣлесная не опасна и и не прекращаетъ существованія человѣка, а, напротивъ, возрождаетъ. Но нѣтъ, человѣкъ и сейчасъ ужасно боится смерти, хотя и не можетъ умереть безслѣдно"...

„Узнавать, что хорошо, что дурно, намъ даны совѣсть и разумъ, только надо быть строго внимательнымъ къ своимъ дѣламъ. И такъ какъ жизнь дана для радости, а не для борьбы, то мы должны сожалѣть. А сожалѣніе есть состраданіе; состраданіе же заставляетъ любить, помогать, и пока мы будемъ ненавидѣть зло въ людяхъ, до тѣхъ поръ мы сами злы"...

„Главною основою жизни христіанина можно считать то, чтобы быть добрымъ и постояннымъ, то-есть чтобы не озлобляться и не унывать—это свойство божественнаго Духа".

...„При стремленіи войти въ законную истинную жизнь для

насъ необходимъ тѣлесный трудъ и воздержаніе въ пищѣ, такъ какъ ненормальное питаніе много причиняетъ намъ вреда. Отъ неправильнаго питанія организмъ приходитъ въ неестественное состояніе и вмѣсто того, чтобы человѣку, созерцая, совершенствоваться духовно, онъ долженъ употреблять труды на борьбу съ тѣломъ, которое самъ же сдѣлалъ своимъ врагомъ".

„Для жизни одной нравственно-моральной проповѣди недостаточно, потому что наша моральная система соединена съ вещественной, то-есть потому, что духъ соединенъ съ плотью, душа наша облечена въ плоть. Такъ какъ труду есть препона наша ѣда, и наоборотъ, ѣда есть препона труду, въ особенности усиленной физической дѣятельности, то въ основу жизни человѣка нельзя ставить трудъ. Чѣмъ больше мы будемъ ѣсть и изнашивать одежды, тѣмъ мы должны больше работать и наоборотъ. Трудъ необходимъ и для того, чтобы убивать силу, бодрость тѣла, но если вы будете мало ѣсть, то само по себѣ у васъ не будетъ лишней силы и бодрости. Если возможно—а это возможно—воспитать дитя совершенно законно, то тому человѣку и въ зрѣломъ возрастѣ можно бы свободно обходиться безъ труда, чтобы жить человѣчно".

...„Историческое преданіе, что человѣкъ долженъ доставать хлѣбъ въ потѣ лица своего, можно считать достовѣрнымъ. Произошло это естественно. Человѣкъ утратилъ состояніе гостя, возмечталъ стать хозяиномъ на землѣ; отъ этого родился страхъ отвѣтственности за свою личную сохранность. Онъ сталъ усиленно заботиться о своей жизни и власти, чтобы удержать ихъ. Измучился и, увидавъ тщету своихъ заботъ, онъ пришелъ въ раскаяніе и тогда родился богочеловѣкъ, который провозгласилъ, что не однимъ хлѣбомъ можетъ быть живъ человѣкъ. Этимъ призывомъ Христосъ освободилъ человѣка отъ рабства физическаго неестественнаго труда, какъ вола отъ ярма, и соединилъ его съ Богомъ, то-есть, чтобы человѣкъ довѣрился законамъ природы и сталъ на прежнее положеніе гостя, столъ же съ яствами будетъ для него ниспосылаемъ отъ хозяина.

...„Что мы находимся и подвержены болѣе физической дѣйствительности—во грѣхѣ родила меня мать моя—это фактъ,

но мы должны постепенно выходить изъ прежняго до-Христа родства, и строго принять къ свѣдѣнію первый призывъ Спасителя: „Оставьте сѣти и слѣдуйте за мной, я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ“. Изъ этого ясно вытекаетъ то, что люди постепенно, если желаютъ сдѣлаться христіанами, должны оставлять физическій трудъ и идти благовѣствовать Христа, то-есть Евангеліе, и слѣдовать за Христомъ; надо жить такъ, какъ Онъ жилъ—а мы видимъ, что Христосъ физически ничего не работалъ, а также и апостолы. А полагать, что такая жизнь возможна только ограниченному числу людей—тоже неправильно. Неужели Христосъ призывалъ апостоловъ къ такой жизни, и, увидя идущихъ почти на половину или все человѣчество, сказалъ бы: „Нѣтъ, это очень много. Что же вы будете ѣсть или во что одѣваться?“. На совершенство или на святость нельзя смотрѣть, какъ на исключительность: это удѣлъ каждаго человѣка. Что апостолы и Христосъ носили одежды и ѣли хлѣбъ, это естественно, потому что хлѣба и одежды было много, и надо сказать, что нельзя же было сразу ходить нагими, хотя бы Христу и апостоламъ. Говорю о совершенствѣ ихъ. Я полагаю, что къ наготѣ тѣлесной—духовная нагота куда печальнѣй—постепенно люди тоже привыкли бы. Переносивъ всю одежду и съѣвъ весь хлѣбъ, человѣчество пришло бы къ тому состоянію, о которомъ я говорилъ выше. Мнѣ говорятъ, что невозможно провести въ фактическую жизнь такую теорію, хотя бы и теорію самого Христа. „Всѣмъ людямъ такъ жить нельзя, какъ жили апостолы и Христосъ“—говорятъ люди. Вѣрю, что можно. Важно главное, чтобы быть истинными послѣдователями Христа, идти и проповѣдывать Евангеліе истины, хлѣба же тѣлеснаго можно попросить. Если которые желаютъ работать, то пусть, мы же должны работать только въ пользу Христа. Хлѣбъ умѣренности и такъ долженъ быть отъ Отца небеснаго каждому человѣку, работай онъ или нѣтъ: „птицы небесныя ни сѣютъ, не жнутъ, но сыты“. А что люди, по жадности забираютъ его въ однѣ руки и называютъ своимъ, это насъ также не должно смущать: все имѣющееся принадлежитъ Богу, какъ и мы, и тѣ, которые имѣютъ хлѣбъ.

„Наука-грамотность, въ частности, можно сказать, только

тормазитъ развитіе человѣка, развитіе знанія истины. По нашему міровоззрѣнію, міровое теченіе времени постоянно обновляется, а, слѣдовательно, и весь живущій міръ, то есть, атомы должны развиваться подъ вліяніемъ времени. По отношенію къ человѣку здѣсь сразу вытекаетъ крупное противорѣчіе: возьмите вы всѣ эти многотомныя сочиненія съ ихъ профессорскими кафедрами,—какъ убійственно онѣ насилуютъ современнаго человѣка! Мальчикъ или человѣкъ переживаетъ обновляемое время: умственная его сила, какъ тѣлесная, должна бы развиваться сама по себѣ. Нѣтъ, его пичкаютъ, а иногда и просто вбиваютъ—двухъ-трехъ тысячнымъ періодомъ лѣтъ прошедшаго времени".

„Вспомните, сколько было нравственно-разумныхъ людей совершенно неграмотныхъ, да можетъ сейчасъ есть нѣсколько милліоновъ: наоборотъ, всмотритесь въ грамотный людъ и безъ пристрастія можно сказать, что очень и очень громадный процентъ изъ нихъ мошенники и шуллера".

„Сейчасъ народъ жаждетъ не просвѣщенія, а освобожденія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, освобожденія личности вообще отъ опеки человѣческой".

„Самое главное, надо по возможности оставлять всѣ искусственно вырабатывающіяся просвѣтительскія химеры, которыя сами живутъ на народныя средства. А дать народу вздохнуть свободно и народъ самъ окрѣпнетъ и разовьется подъ вліяніемъ міровой эволюціи жизни впередъ. Намъ не надо только стѣснять этого движенія. По своей малочисленности мы эволюціоннаго движенія стѣснить, остановить, конечно, не можемъ, но мы тормазимъ, уродуемъ свою же собственную жизнь".

Изъ предлагаемаго, нѣсколько мозаичнаго, подбора цитатъ изъ писемъ Веригина вполнѣ выясняются лейтмотивы всей философіи Веригина, почерпнутой, несомнѣнно, изъ знакомства съ теоріями графа Толстого, сильно отразившагося на ученіи и практикѣ современнаго намъ духоборчества, сумрачно пытающагося устроиться на новыхъ началахъ подъ гостепріимнымъ флагомъ сѣверо-американской республики. Вся грустная духоборческая эпопея, скитанье 7000 русскихъ крестьянъ по непривѣтливымъ степямъ Канады, ихъ стремленіе къ основан-

ному на „непротивленческомъ принципѣ“ жизненному распорядку,—все это обязано своимъ происхожденіемъ понынѣ здравствующему въ Канадѣ Веригину, посѣявшему среди духоборовъ черты толстовства.

Уже за океаномъ, т. е. стало быть въ самое послѣднее время въ духоборствѣ обнаружилось новое разслоеніе: выдѣлились „свободники“—порѣшившіе довести до конца практическое осуществленіе идеи освобожденія всякаго живаго существа, разумнаго и неразумнаго, отъ неволи, примѣняя байкотъ тѣмъ предметамъ жизненнаго обихода, съ потребленіемъ которыхъ такъ или иначе связано доставленіе болѣзненнаго ощущенія или даже умерщвленіе организма, законами зоологіи имѣющее равное съ человѣкомъ право на жизнь. „Свободники“ отказались, напримѣръ, отъ домашняго скота. Простились съ своими коровами и лошадьми, принесли имъ самую теплую благодарность за понесенные имъ труды при обслуживаніи разныхъ человѣческихъ нуждъ и отпустили въ лѣсъ. Но канадская администрація и не подумала охать да ахать по поводу такого, какъ будто не подходящаго къ меркатильному вѣка, поступка, а весьма хладнокровно распорядилось переловить бродившій скотъ и продать его съ аукціона въ казенный доходъ въ возмѣщеніе за занятые духоборами землю. Но „свободники“ не остановились на этомъ. Мысль, съ чуткою болѣзненностью уцѣпившись за схваченный на лету принципъ „непротивленія“ и „опрощенія“, сдѣлала нервный скачекъ далѣе—и получилось умозаключеніе о безнравственности всякоі одежды и обуви, такъ какъ первая шьется вѣдь иглою, а добывать металлъ—работа очень суровая, нужно слѣдовательно, всюду способствовать прекращенію такого чуть ли не убійственнаго промысла; что же касается второй—то негодится матеріалъ—кожа, добываемая уже, конечно, не отъ живыхъ животныхъ. И вотъ „свободники“ стали ходить безъ платья... Нѣкоторые отказались даже пахать землю, находя, что это портитъ ее; да и не къ чему, такъ какъ можно питаться фруктами.

Вообще, духоборчество доставило американцамъ не мало непріятныхъ минутъ своимъ укладомъ жизни и упорнымъ нежеланіемъ подчиниться мѣстнымъ законамъ, такъ что не обошлось и безъ репрессій.

Еще въ 1896 г., изъ обдорской тундры, Веригинъ предложилъ духоборамъ разстаться съ ихъ исконнымъ наименованіемъ и принять новое названіе „Христіанской Общины Всемірнаго Братства". „Слово духоборы—поясняетъ свой совѣтъ Веригинъ—непонятно для посторонныхъ; мы хотя и впредь будемъ призывать Духъ Господень, чтобы бороться противъ плотскихъ немощей и грѣха, но новое званіе будетъ говорить яснѣе на то, что мы на всѣхъ людей смотримъ какъ на братьевъ по завѣту Господа Іисуса Христа".

При этомъ же сообщалась и новая программа духоборства, безпрекословно и съ большимъ уваженіемъ принятая духоборами, свято чтущими авторитетъ Веригина, изъ далекой Сибири руководившаго своею общиною, рѣшившеюся даже отказаться отъ дорогого имъ по традиціи имени. 10 пунктовъ „общихъ взглядовъ", выработанныхъ Веригинымъ, являются теперь послѣднимъ катехизисомъ „всебратьевъ", всецѣло отражающимъ міровоззрѣніе послѣднихъ. Содержаніе ихъ таково:

1. Члены и общины уважаютъ и любятъ Бога, какъ начало всему существующему.

2. Уважаютъ достоинство и честь человѣка, какъ въ самомъ себѣ, такъ равно и въ себѣ подобныхъ.

3. Члены общины смотрятъ на все существующее любовно и съ восхищеніемъ. Въ томъ направленіи стараются воспитывать дѣтей.

4. Подъ словомъ Богъ члены общины разумѣютъ: силу любви, силу жизни, которая дала начало всему существующему.

5. Міръ состоитъ изъ движенія; все стремится къ совершенству и чрезъ этотъ процессъ старается соединиться со своимъ началомъ, какъ бы возвратить созрѣвшій плодъ сѣмени.

6. Во всемъ существующемъ нашего міра мы видимъ переходныя ступени къ совершенству, какъ, напримѣръ, начинается съ камня, переходитъ къ растеніямъ, потомъ животнымъ, изъ которыхъ самымъ крайнимъ можно считать человѣка въ смыслѣ жизни въ смыслѣ мыслящаго созданія.

7. Уничтожать, разрушать что бы ни было, члены общины считаютъ предосудительнымъ. Въ каждомъ отдѣльномъ пред-

метѣ есть жизнь, а слѣдовательно и Богъ въ особенности же въ человѣкѣ. Лишить жизни человѣка ни въ какомъ случаѣ непозволительно.

8) Члены общины въ своемъ убѣжденіи допускають полнѣйшую свободу всему существующему, въ томъ числѣ и существованію. Всякая организація, установленная насиліемъ, считается незаконной.

9) Главною основой существованія человѣка служитъ энергія мысли разумъ. Пищей вещественной служатъ: воздухъ, вода, фрукты, и овощи.

10) Допускается общинная жизнь въ человѣкахъ, держащаяся на законѣ нравственной силы, правиломъ котораго служитъ: чего себѣ не хочу, того не долженъ желать другому.

— „Богу нашему слава" докончили „всебратья" и возвели „взгляды" на степень своего „псалма"—иначе говоря исповѣданія вѣры. Реформа духоборчества была произведена и при томъ крупная. До 1896 г. духоборы,—на основаніи своихъ догматовъ, мнили себя „народомъ избраннымъ", всячески ратовали за обособленность отъ остального „не озареннаго" человѣчества. Теперь же духоборчество отрѣшилось отъ своей добровольной изолированности и, обновившись, изъявило готовность войти въ общехристіанскій союзъ.

Переписка Веригина служитъ несомнѣннѣйшимъ доказательствомъ глубокой пытливости, съ которою онъ вчитывался, вдумывался въ смыслъ писаній яснополянскаго отшельника, глубоко ими заинтересованный. „Общіе взгляды" безусловно уже сильно отражаютъ воззрѣнія Толстого, а сужденія духоборовъ, о „незаконности" земного суда и земной власти, представляютъ простой пересказъ общеизвѣстныхъ на сей счетъ сужденій его же. Толстовство не пересоздало, конечно, духоборчества, для этого оно слишкомъ индивидуально, но что оно влило свѣжую струю въ начинавшее было застаиваться духоборческое движеніе—несомнѣнно, и безъ своего видоизмѣненія старо-духоборческое,не приспособленное къ вѣяніямъ времени, ученіе обречено было бы на мертвящую безжизненность.

„Мы видимъ—говоритъ г. Бончъ—Бруевичъ, тонко изучившій наше сектантство—что еще за долго до выступленія

Л. Н. Толстого, какъ моралиста, философа, мыслителя и критика современнаго порядка вещей, въ Россіи не пережившей еще церковной реформаціи, въ народныхъ нѣдрахъ, въ этихъ неграмотныхъ массахъ, давно уже зародилось большое броженіе правда оно рѣдко поднималось до поверхности общественной жизни и потому мало обращало на себя вниманіе интеллигентнаго общества и, наоборотъ, постоянно приковывало вниманіе русскаго правительства вообще, и святѣйшаго синода въ особенности. Это движеніе, совершающееся въ нашемъ крестьянствѣ, то усиливается, то уменьшается,—Начавъ съ критики господствующей государственной церкви, они постепенно все ближе и ближе подвигается къ подробному разсмотрѣнію существующаго гражданскаго порядка. Стригольники, духоборы, молокане, шалопуты, хлысты, штундисты, баптисты и просто толстовцы—вообще все то, что принято у насъ называть не расколомъ, а сектантствомъ,—все болѣе и болѣе распространяется въ простомъ народѣ. Всѣ эти секты обыкновенно ставятъ въ край угла своей обновленной жизни моральныя основы ученія Христа. Большинство изъ нихъ существуютъ и по нынѣ. Нѣкоторыя же изъ нихъ признаются особенно вредными въ „церковномъ и государственномъ отношеніяхъ", послѣдователи которыхъ, отвергая всѣ церксвные обряды и таинства, не только не признаютъ никакихъ властей, но и проповѣдуютъ соціалистическіе принципы.

„Вотъ именно эти то секты, насчитывающія по официальной статистикѣ сотни тысячъ людей и являются наиболѣе удобнымъ полемъ для распространенія идей Л. Н. Толстого, такъ какъ всѣ эти религіозно-евангельски-коммунистическія ученія русскихъ сектантовъ несомнѣнно носятъ въ себѣ тѣ или другіе зачатки—развитые у однихъ больше у другихъ меньше,—которые достаточно полно разсмотрѣны и проанализированы во многихъ сочиненіяхъ Льва Николаевича. Мы думаемъ, что именно въ этомъ и заключается вся та тайна довольно значительнаго успѣха сочиненій послѣднихъ годовъ Л. Н. Толстого въ простомъ народѣ, который несомнѣнно имѣется въ наличности. Сравнительно же незначительный успѣхъ и отрицательное отношеніе къ идеямъ Л. Н. Толстого въ нашемъ городскомъ и интеллигентномъ обществѣ объясняется, на нашъ

взглядъ, именно тѣмъ, что оно живетъ теперь совершенно другими интересами, другимъ строемъ своей жизни и вообще всѣмъ укладомъ взаимныхъ отношеній".

„— Мнѣ лично—воспоминаетъ дальше г. Бончъ Бруевичъ— приходилось наблюдать духоборовъ при чтеніи сочиненій Толстого.

— Да это все какъ у насъ! И откуда только узналъ все это дѣдушка! —воскицали удивленные слушатели.

„Нѣкоторые же прямо и опредѣленно высказывались, что „дѣдушка Толстовъ просвѣтлѣлъ разумомъ, какъ узналъ отъ нашихъ стариковъ всѣ завѣты нашихъ предковъ; научившись и постигши всю эту великую премудрость онъ теперь и сталъ столбомъ до небесъ".

„Эти восклицанія и разсужденія ясно указываютъ до какой поразительной степени соотвѣтствія дошло міросозерцаніе Л. Н. Толстого съ психологіей массъ русскаго народа, русскаго сектантства и здѣсь Л. Н. является воистину народнымъ русскимъ писателемъ, до тонкости познавшимъ движеніе души и біеніе сердца русскихъ крестьянъ".

На 3-мъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани было установлено, что толстовство, какъ сектантство, начало догматически формироваться и распространяться среди православнаго населенія и сектантовъ съ конца 80-хъ годовъ. Движеніе, вызванное Толстымъ въ простомъ народѣ, представилось настолько серьезнымъ и заслуживающимъ противодѣйствія, что 20 февраля 1901 г. состоялось извѣстное опредѣленіе святѣйшаго Синода, констатировавшее, что „извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери Церкви православной, и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки, и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ

и письмахъ, во множествѣ разсѣиваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ Православной церкви а самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго живого Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя Вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа—Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Дѣвы Маріи, не признаетъ загробной жизни и мздовоздаңія, отвергаетъ всѣ таинства церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ всѣми самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ Таинствъ—Святую Евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ не прикровенно, но явно предъ всѣми, сознательно и намѣренно отторгъ себя отъ всякаго общенія съ Православною церковью. Бывшія же къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею".

Такова сумма религіозныхъ сомнѣній Толстого, сводъ его убѣжденій—по крайней мѣрѣ, въ оффиціальномъ освѣщеніи, до которыхъ онъ дошелъ путемъ долголѣтней умственной работы, уже во второй половинѣ своей жизни, все болѣе и болѣе разочаровывавшей его, и чуть было не доведшей его—по чистосердечному его признанію—до самоубійства. Медленно и осторожно, шагъ за шагомъ порывая съ прошлымъ, съ каждымъ днемъ углубляясь умомъ и духомъ въ постиженіе истиннаго смысла человѣческаго существованія, знаменитый романистъ, яркій художникъ слова, бытоописатель русскаго общества во всѣхъ его слояхъ превращается въ философа „ловца душъ", дерзновенною рукою срывающаго мистическій покровъ, обволакивающій связь человѣка съ высшимъ воспріятіемъ и проповѣ-

дующаго новую религію, религію не метафизики, не догматики, а нравственности.

„Жилъ я до 50 лѣтъ—вспоминаетъ Толстой, думая, что та жизнь человѣка, которая проходитъ отъ рожденія и до смерти, и есть вся жизнь, и что поэтому цѣль человѣка есть счастье въ этой смертной жизни; но чѣмъ дольше я жилъ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что счастья этого нѣтъ и быть не можетъ. То счастье, которое я искалъ, не давалось мнѣ, то же, котораго я достигалъ, тотчасъ же переставало быть счастьемъ. Несчастій же становилось все больше и больше и неизбѣжность смерти становилась все очевиднѣе, и я понялъ, что послѣ этой безсмысленной и несчастной жизни меня ничего не ожидаетъ. кромѣ страданія, болѣзни, старости и уничтоженія; я спросилъ себя: зачѣмъ это? и не получилъ отвѣта. И я пришелъ въ отчаяніе".

На вопросъ, заданный Толстымъ самому себѣ „зачѣмъ это?", удовлетворительнаго отвѣта не получилось и онъ „пришелъ въ отчаяніе".

Внимательно изучая вопросы вѣры, Толстой рѣшилъ, что не можетъ вернуться ни къ той, которой былъ наученъ съ дѣтства, ни повѣрить въ какую-либо изъ тѣхъ, которую исповѣдовали другіе народы, потому что узаконенная христіанская догма была ему не понутру предъявляемою ею требованіемъ довѣрія своему ученію. Слѣдуетъ помнить, что повсюду въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ, Толстой является убѣжденнымъ агностикомъ, то есть мыслителемъ, совершенно отвергающимъ возможность познанія природы божества, души человѣческой и конечной цѣли бытія міра, что ясно опредѣляетъ его строго раціоналистическое отношеніе къ вопросу о религіи вообще, какъ враждебно относящейся, по его мнѣнію, къ величайшему дару человѣка—разуму, помимо котораго онъ не можетъ приблизиться къ истинѣ; именно на это то и указывалъ вѣтхозавѣтный Моисей, объявившій народу, что законъ Бога не надо искать ни за моремъ, ни на небѣ, а въ своемъ сердцѣ и это повторилъ въ новомъ завѣтѣ самъ Христосъ, говоря евреямъ, что они не знаютъ истины, потому что вѣрятъ преданіямъ человѣческимъ, а не тому, кого Богъ послалъ. И потому чтобы быть свободнымъ отъ обмановъ вѣры въ чудесное, человѣкъ

долженъ признавать нетлѣннымъ только то, что естественно, т. е. согласно съ разумомъ. Толстой убѣжденъ, что разумъ универсаленъ, иначе говоря, что онъ всегда и во всѣхъ случаяхъ давалъ и даетъ одни и тѣ же отвѣты на вопросы, что хорошо, и что худо, какъ должно относиться къ людямъ и т. п. Разумъ соединяетъ то, что разъединяетъ вѣра. Откуда берется у человѣка вообще потребность въ вѣрѣ, въ религіи? По Толстому, подобное чувство вызывается у человѣка сознаніемъ своего ничтожества и своей грѣховности. Выйдя изъ почти животнаго состоянія дѣтства и отрочества и придя къ порѣ разумнаго отношенія къ окружающему, человѣкъ не можетъ не замѣтить, что все вокругъ него подчиняется какому-то непонятному закону круговращенія, исключающаго вопросъ о смерти, и только онъ одинъ не захваченъ этимъ благодѣтельнымъ теченіемъ, и тотчасъ же возникаетъ для него необходимость болѣе или менѣе освѣтить свое отношеніе къ безконечному міру. Сущность всякой религіи и состоитъ только въ разрѣшеніи именно этой загадки о смыслѣ человѣческой жизни. Вся же метафизика религіи, т. е. ученіе ея о божествѣ, о происхожденіи міра и проч., есть только сопутствующій ей, соотвѣтствующій различнымъ географическимъ, этнографическимъ и историческимъ условіямъ, признакъ. Метафизика религіи есть, слѣдовательно, нѣчто не существенное, но измѣнчивое, и по своему содержанію должна приспособляться къ извѣстнымъ требованіямъ этики. Религія сводится въ сущности къ тому, чтобы жить по Божьи, т. е.—по правдѣ, по любви, по разуму, желать блага всему и всѣмъ, проще—любить. Теперь есть три рода грѣховъ, мѣшающихъ любви: 1) грѣхи, вытекающіе изъ неискоренимаго влеченія человѣка, пока онъ живетъ въ тѣлѣ, къ благу своей личности—грѣхи прирожденные, естественные; 2) грѣхи, вытекающіе изъ иредапія человѣческихъ преданій, человѣческихъ учрежденій и обычаевъ, направленныхъ на увеличеніе блага отдѣльныхъ лицъ — грѣхи наслѣдственные, общественные; 3) грѣхи, вытекающіе изъ стремленія отдѣльнаго человѣка къ большему и большему увеличенію блага своего отдѣльнаго существа—грѣхи личные, придуманные. Грѣхи производятъ въ людяхъ величайшія бѣдствія двухъ родовъ; отъ однихъ страдаютъ люди, подпавшіе грѣху, отъ другихъ—лица посто-

роннія. Къ первой категоріи бѣдствій относятся: изнѣженность, пресыщенность, скука, тоска, апатія, забота, страхъ, подозрительность, злоба, ненависть, ожесточеніе, ревность, безсиліе и всякаго рода мучительныя болѣзни. Бѣдствія же тѣ, отъ которыхъ страдаютъ другіе: воровство, грабежи, истязанія, убійства.

Есть пять соблазновъ, губящихъ человѣка: соблазнъ личный или соблазнъ приготовленія, соблазнъ семейный или соблазнъ продолженія рода, соблазнъ дѣла или соблазнъ пользы, соблазнъ товарищества, соблазнъ государственный, и во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ, погрѣшая противъ законовъ нравственности, стремится оправдать такія нарушенія ссылкою на могущія изъ того проистечь блага или для него лично, или для его близкихъ, друзей, или, наконецъ, соотечественниковъ.

Не будь всѣхъ этихъ соблазновъ, люди не могли бы жить въ грѣхахъ, такъ какъ каждый грѣхъ казнитъ самъ себя, люди прежнихъ поколѣній указали бы послѣдующимъ губительность грѣха, а послѣдующія поколѣнія воспитались бы, не впадая въ привычку грѣха. Но человѣкъ употребилъ данный ему разумъ не на познаніе грѣха и избавленіе отъ него, а на оправданіе его и явился соблазнъ и грѣхъ узаконился и укоренился. Это происходитъ потому, что разумъ людей, воспитанный въ человѣческомъ обществѣ, никогда не бываетъ свободенъ отъ неправильностей, т. е. главнымъ образомъ отъ внушаемаго ему съ дѣтства понятія о религіи, вѣрѣ. Пробуждаясь къ сознанію, человѣкъ всегда испытываетъ раздвоеніе и страданіе отъ совершеннаго грѣха, и хочетъ уничтожить раздвоеніе и происходящее отъ него страданіе не борьбой съ грѣхомъ, а оправданіемъ его, то есть—ложью.

Человѣкъ, давшій ходъ своему разуму, не можетъ не видѣть, что жизнь его отдѣльнаго существа, не имѣетъ смысла и потому готовить для этого существа нельзя ничего. Всякое дѣло человѣческое можетъ оказаться безполезнымъ, можетъ прерваться и не быть конченнымъ; дѣло же Божье, совершаемое человѣкомъ, исполненіе воли Бога не можетъ быть прервано. Великій соблазнъ состоитъ и въ томъ, что допустивъ какое-либо дѣло—будетъ ли это запахиваніе разсѣянныхъ сѣменъ или освобожденіе цѣлаго народа отъ рабства—важнѣе того, часто самаго ничтожнаго на судъ людской дѣла Божьяго, т. е.

сейчасной помощи и служенія ближнему, всегда найдутся дѣла, которыя нужно прежде закончить, чѣмъ исполнить требованіе дѣла Божія, и человѣкъ навсегда освободитъ себя отъ служенія Богу, т. е. исполненія дѣла жизни, замѣнивъ служеніемъ мертвому—служеніе живому.

Ложь и вредъ есть соблазнъ семейный, который состоитъ въ томъ, что люди, во имя исключительной любви къ своимъ ближнимъ, считаютъ себя свободными отъ обязанности къ другимъ людямъ и спокойно совершаютъ грѣхи, не считая ихъ грѣхами. Чтобы не подпасть этому соблазну, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что любовь только тогда истинная любовь, дающая любовь и благо, когда она не ищетъ, не ждетъ, не надѣется на награду такъ же, какъ всякое проявленіе жизни, которая не ждетъ награды за то, что она есть, а что любовь къ своимъ семейнымъ, есть животное чувство, и хорошо только до тѣхъ поръ, пока оно въ предѣлахъ инстинкта, и человѣкъ не жертвуетъ для него своими духовными требованіями.

Какъ же человѣку бороться съ соблазномъ и вытекающимъ изъ него грѣхомъ?

Есть два средства: первое—ясно понимать послѣдствія грѣховъ, именно, что грѣхи не достигаютъ той цѣли, и не увеличиваютъ, а скорѣе уменьшаютъ животное благо отдѣльнаго человѣка; во вторыхъ—знать, съ какими грѣхами надо начинать бороться, съ какими раньше и съ какими послѣ. Надо ясно понимать, что положеніе человѣка въ мірѣ таково, что всякое исканіе имъ личнаго блага послѣ того, какъ въ немъ пробудилось разумное сознаніе, лишаетъ его этого самаго блага, и что напротивъ онъ полагаетъ благо лишь тогда, когда не думаетъ о личномъ благѣ, отдавая всѣ свои силы на служеніе Богу. Ищите царства и правды его, и остальное приложится вамъ.

Итакъ,—скажемъ еще разъ—борись съ грѣхомъ, и одно изъ особенно дѣйствительныхъ средствъ въ такой борьбѣ слѣдуетъ признать молитву. Истинно христіанская молитва бываетъ двоякая: та, которая уясняетъ человѣку его положеніе въ мірѣ,—молитва временная, и другая, та, которая сопутствуетъ каждому его поступку, представляя его на судъ Богу, провѣряя его—молитва ежечасная. Молитва перваго рода—это такая молитва, которою человѣкъ въ лучшія свои минуты, отвлекаясь отъ

всего житейскаго, вызываетъ въ себѣ наиболѣе ясное сознаніе Бога и свое отношеніе къ нему. Такою молитвою было и всегда будетъ для человѣка повтореніе выраженій и мыслей прежде насъ жившихъ людей, высказывавшихъ свое отношеніе къ Богу и единеніе душой съ этими людьми и съ Богомъ. Такъ Христосъ молился, повторяя слова псалма, и мы молимся, повторяя слова Христа,—и не только Христа-Сократа, Будды, Паскаля и др., если мы переживаемъ то духовное состояніе, которое переживали эти люди. Такая молитва движетъ человѣка отъ низшей ступени жизни къ высшей; отъ животнаго къ человѣку, отъ человѣка къ Богу. Такая молитва не можетъ совершаться въ опредѣленные часы и дни, а совершается только въ минуты высшаго духовнаго настроенія, такія минуты, которыя находятъ на каждаго человѣка, которыя иногда вызываются страданіями или близостью смерти, и такими минутами человѣкъ долженъ дорожить, какъ высшею драгоцѣнностью и пользоваться ими для все большаго и большаго уясненія своего сознанія, потому что только въ эти минуты совершается наше движеніе впередъ и приближеніе къ Богу. Молитва ежечасная состоитъ въ томъ, что она напоминаетъ человѣку во всѣ минуты его жизни, при всѣхъ поступкахъ его, въ чемъ его жизнь и благо, и потому въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ человѣкъ еще властенъ побѣдить животную природу духовнымъ сознаніемъ, содѣйствуетъ ему въ этомъ.

Рожденіе къ новой жизни, освобожденіе себя отъ узъ животной природы, освобожденіе себя отъ грѣха, совершается только медленными усиліями. Временная молитва, освѣщая сознаніе человѣка, открываетъ ему его грѣхъ. Грѣхъ сначала кажется ему неважнымъ, переносимымъ, но чѣмъ дальше живетъ человѣкъ, тѣмъ настоятельнѣе становится необходимость освободиться отъ грѣха. Но съ первыхъ же попытокъ преодолѣть грѣхъ, человѣкъ чувствуетъ свое безсиліе: грѣхъ влечетъ къ себѣ всей сладостью привычки грѣха; противопоставить же грѣху человѣкъ ничего не можетъ, кромѣ сознанія того, что грѣшить не хорошо, и человѣкъ, зная, что онъ дѣлаетъ, дурно, продолжаетъ дѣлать это дурное.

Выходъ изъ этого положенія — указываетъ Толстой—есть, но толкуетъ его каждый по своему. Одни религіозные учители

видятъ его въ томъ, что существуетъ особенная сила, называемая благодатью, поддерживающая человѣка въ его борьбѣ, пріобрѣтаемая таинствами. Другіе учители усматриваютъ спасеніе въ вѣрѣ въ искупленіе, совершившееся смертью за людей Іисуса Христа. Третьи все приписываютъ молитвѣ къ Богу о подкрѣпленіи силъ человѣка въ борьбѣ его съ грѣхомъ.

Всѣ такого рода упованія представляются Толстому ошибочными, потому что какъ всѣ великіе перевороты въ физическомъ мірѣ совершаются не вдругъ, а медленнымъ и постепеннымъ отпаденіемъ или наростаніемъ, такъ и въ духовномъ мірѣ освобожденіе отъ грѣха и приближеніе къ совершенству, совершаются только медленнымъ противодѣйствіемъ грѣху—упичтоженіемъ одпой за другой мельчайшихъ частицъ его".

Грубыми штрихами мы набросали общіе контуры міровоззрѣнія Толстого, поскольку оно касается религіозно-этической проблемы бытія человѣческаго. Мнѣніе по сему вопросу, нашей интеллигенціи, какъ „по просту вѣрующей", такъ и „инако" мыслящей, наиболѣе рельефно отразилось въ извѣстномъ докладѣ Д. С. Мережковскаго, состоявшемся въ 1901 г. въ засѣданіи петербургскаго философскаго общества, гдѣ и находимъ страстную по тону и, во всякомъ случаѣ, не лишенную глубокаго проникновенія, трактовку толстовства, призывающаго насъ „къ религіи безъ Бога, христіанству безъ Христа". Анти-христіанство Толстого Мережковскій склоненъ видѣть уже въ томъ, что въ основу своей нравственности авторъ „христіанскаго ученія" кладетъ поглощеніе начала плотскаго, началомъ духовнымъ, то-есть подавленіе матеріи идеею, чего у Христа нѣтъ, а есть стройная гармонія, равновѣсіе того и другого. Толстой абсолютно не выноситъ мистики. Догматъ о троичности Божества въ лицахъ онъ хладнокровно отмѣняетъ ссылкою на математическую аксіому о невозможности одновременнаго пребыванія трехъ въ одномъ. „Въ воззрѣніи Толстого находитъ г. Мережковскій,—немного романо-германской теоріи борьбы за существовованіе, немного буддійскаго недѣланія, протестантская смѣсь ветхаго завѣта съ новымъ завѣтомъ, нѣчто ни теплое—ни холодное—вчерашнее подогрѣтое блюдо".

Толстой опрощаетъ религію, и въ своемъ стремленіи къ ея несложности дошелъ до идеала трехъ старцевъ, которые моли-

лись только словами: „трое васъ, трое насъ, Господи, помилуй насъ“, т. е. срывая съ религіи весь ея таинственно-привлекательный покровъ, замѣняя символику сѣрою будничностью.

Наиболѣе общее правило нравственно-соціальной доктрины Толстого заключается въ сужденіяхъ его относительно непротивленія злу, въ зависимости отъ которыхъ находится и вся его соціальная теорія.

„Мѣсто,—говоритъ Толстой,—которое послужило мнѣ ключемъ, были стихи 33—39 изъ 5 главы Евангелія отъ Матѳея: „Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ, а Я вамъ говорю: не противься злу“. Мгновенно и въ первый разъ понялъ и я этотъ стихъ прямо и просто. Чувствовалось, что хорошо было бы слѣдовать имъ, но чувствовалось также, что я никогда не въ состояніи слѣдовать имъ только для того, чтобы слѣдовать, т. е. страдать. Но вѣдь въ такомъ случаѣ я не буду имѣть никакой жизни, между тѣмъ какъ она не дана мнѣ напрасно. Теперь ясно увидѣлъ я, что Христосъ не преувеличиваетъ и отнюдь не требуетъ страданій ради страданій. Онъ говоритъ: не противьтесь злу; дѣлая же это, напередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивши васъ въ правую щеку, ударятъ васъ и въ лѣвую, если вы не окажете никакого сопротивленія; воспользовавшись одной вашею работою, заставятъ еще больше работать на себя. И вотъ, когда все это будетъ происходить съ вами, вы все-таки не противьтесь злу. Въ первый разъ понялъ я, что центръ тяжести всей мысли лежитъ въ словахъ—*не противься злу*, а послѣдующее есть лишь разъясненіе этого положенія. Я понялъ, что Христосъ отнюдь не требуетъ, чтобы мы, только ради страданій, подставляли щеку и отдавали верхнюю одежду, но что Онъ требуетъ, чтобы мы не противились злу, и замѣчаетъ, что при этомъ мы, можетъ быть, будемъ и страдать. Понявши простой смыслъ Христова ученія,—резонируетъ Толстой,—я ясно увидѣлъ странное противорѣчіе съ самими собою, въ которомъ мы находимся. На дорогѣ къ этому ученію стоятъ человѣческіе кумиры, отъ которыхъ должно отречься. Напрасно говорятъ, будто христіанское ученіе имѣетъ въ виду личное спасеніе, а не касается вопросовъ общественныхъ, государственныхъ. Это не болѣе, какъ смѣлое и голословное утвержденіе самой оче-

видной неправды, которая разрушается при первой серьезной мысли объ этомъ. Хорошо, я не буду противиться злу, подставлю щеку, какъ частный человѣкъ, но идетъ непріятель или угнетаются одни народы другими и меня призываютъ участвовать въ борьбѣ со зломъ—идти и убивать. Что же дѣлать мнѣ, частному человѣку? Какъ мнѣ рѣшить, что священно, гдѣ истинный Богъ—въ заповѣди ли о непротивленіи злу или въ учрежденіи войны?.. Нѣтъ такого частнаго человѣка, которому не предстояло бы это рѣшеніе между служеніемъ Богу, исполненіемъ Его заповѣдей, или служеніемъ учрежденіямъ государственнымъ. Какъ же поступать людямъ въ такомъ случаѣ? Придутъ непріятели—нѣмцы, турки, дикари—говорятъ обыкновенно—и если вы не будете воевать—то перебьютъ васъ. Это—неправда. Если бы существовало общество христіанъ, не дѣлающихъ никому зла и отдающихъ весь излишекъ своего труда другимъ людямъ, то никакіе непріятели, не стали бы убивать или мучить такихъ людей. Они брали бы себѣ все то, что и такъ отдавали бы эти люди, для которыхъ нѣтъ различія между русскимъ и нѣмцемъ и дикаремъ. Если же христіане находятся среди общества нехристіанскаго, защищающаго себя войною, и христіанинъ призывается къ участію въ войнѣ, то тутъ-то и является возможность помочь людямъ, незнающимъ истины. Свидѣтельствовать же о ней онъ можетъ только самимъ дѣломъ. Дѣло это состоитъ въ отреченіи отъ войны и въ оказываніи всякаго добра людямъ, безъ различенія такъ называемыхъ враговъ и своихъ. Самое же зло, которое подавляетъ міръ, это сплоченность людей, связанныхъ между собою подчиненіемъ силѣ.

Въ анти-государственномъ ученіи Толстого и заключается именно его „точка опоры“ а не въ религіозномъ. Толстовство ограничиваетъ смыслъ философской этики чисто соціальными рамками. Какъ можетъ глубоко иной разъ захватить толстовство народныя массы, наглядно свидѣтельствуетъ исторія духоборческаго движенія, гдѣ восьмитысячная толпа „всебратьевъ“ подъ вліяніемъ убѣжденнаго толстовца Веригина, беззавѣтно приняла анархическія тенденціи. Тотъ старый протестъ противъ укоренившихся формъ общественно-государственной жизни, который проходитъ сквозь все наше сектантство, въ толстовской докт-

ринѣ, перемѣшивается съ началами евангельскими и пріобрѣтаетъ благодаря этому вѣсскость. Вотъ почему толстовство пользуется немалымъ уваженіемъ среди „евангелическихъ христіанъ"—молоканъ и штундо-баптистовъ.

Знаменитая формула свободы, равенства и братства Толстымъ выставляется, напримѣръ, какъ цѣль, величайшее благо жизни, непосредственно вытекающее изъ указаній человѣчеству Самого Бога.

Глубоко отрицательное отношеніе Толстого къ какой бы то ни было государственности достаточно ясно иллюстрируется хотя бы такимъ отрывкомъ изъ его „Христіанскаго ученія": „Особенность государственнаго соблазна та, что во имя его совершаются самыя ужасныя массовыя злодѣянія, какъ казни и войны, и поддерживаются самыя жестокія преступленія противъ большинства, какъ прежде рабство и теперешнее отнятіе земли у рабочихъ. Люди не могли бы совершать эти злодѣянія, еслибы не были придуманы пріемы, посредствомъ которыхъ отвѣтственность за эти совершаемыя злодѣянія такъ распредѣляются между людьми, что никто не чувствуетъ тяжести ея. Пріемъ распредѣленія этой отвѣтственности такъ, чтобы никто не чувствовалъ тяжести, состоитъ въ томъ, что признается необходимость власти, которая для блага подданныхъ людей должна предписывать эти злодѣянія; подданные же люди для блага всѣхъ должны исполнять предписанія власти".

Недаромъ, извѣстный террористъ С. Кравчинскій-Степнякъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ и убѣжденнѣйшихъ русскихъ революціонеровъ въ одной изъ своихъ статей съ видимымъ удовольствіемъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что „Левъ Николаевичъ оставляетъ въ покоѣ Бога и церковь и принимается за власть и государство".

Впрочемъ, за послѣднее время Толстой не могъ, конечно, не устрашиться тѣхъ печальныхъ возможностей, которыми такъ богаты только что пережитые нами годы, и рѣшительно возсталъ противъ „революціи". Еще разъ сказался геній проникновенія, крупный даръ осужденія.

Какъ уже упоминалось, толстовство болѣе всего осѣло въ простомъ народѣ, среди безхитростныхъ искателей „новой

вѣры", которымъ сильно пришлись по душѣ идеи Толстого, его сочиненія, написанныя яснымъ, общедоступнымъ пониманію всѣхъ и каждаго, языкомъ. Кромѣ духоборовъ, подхваченныхъ, такъ сказать, толстовствомъ, можно наблюдать и отдѣльные очаги уже чистаго толстовскаго сектантства, вызваннаго къ жизни исключительно вѣяніями Л. Н.

Первымъ пропагандистомъ толстовства явился молодой харьковскій помѣщикъ, отставной подполковникъ гвардіи, князь Дмитрій Александровичъ Хилковъ, начавшій свою дѣятельность въ родовомъ своемъ имѣніи селѣ Павловкахъ, гдѣ уже черезъ 2—3 года оказалось до 200 человѣкъ ревностныхъ послѣдователей ученія Толстого и его пяти заповѣдей, запрещающихъ клясться, воевать, судиться, противиться злу и предлагающихъ любить ближняго своего. А отсюда толстовство широкою волною разлилось по всему югу Россіи, видоизмѣняясь, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и завися отъ контингента новыхъ прозелитовъ. Въ Воронежской губерніи толстовство пополнилось новымъ пунктомъ о самостоятельности— такъ сказать, совѣсти, какъ единственнаго безошибочнаго руководителя человѣческой души. Совѣсть и указываетъ человѣку путь, по которому онъ долженъ слѣдовать, потому что „человѣкъ человѣку указывать добро не можетъ. Но такъ какъ отношенія человѣка къ окружающему иногда бываютъ совершенно непохвальны, то приходится дѣлать уступку и признать, что человѣкъ нуждается въ исправленіи, но только „внушеніемъ". Практически это предлагается осуществлять такъ: поймавшій вора съ поличнымъ не долженъ помѣшать ему скрыться съ добычей, а обязанъ доказать ему нежелательность его поступка. Перенесенное въ „нижніе слои" толстовство окончательно свелось къ отрицанію Второго Лица Пресвятой Троицы и непризнанію за Іисусомъ Христомъ Божественнаго достоинства, отрицанію церковности вообще и всякой обрядности въ частности—съ религіозной стороны—и къ полному порицанію идеи человѣческаго сообщества,—что является уже соціально-этическимъ синтезомъ, вопросъ о качественности котораго и соотвѣтствіи міровымъ законамъ—дѣло совсѣмъ уже другое.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей упоминавшагося уже

миссіонерскаго съѣзда въ Казани, резюмировалъ всѣ сужденія о толстовствѣ въ томъ смыслѣ, что „въ послѣдніе 10—15 лѣтъ эта новѣйшая форма нашего сектантства укрываетъ подъ своею ферулою интеллигентовъ соціалистическаго образа мыслей, которые въ свою очередь начали безнаказанно посѣвать сѣмена безбожія и анархіи и въ средѣ народной, маскируя религіей въ глазахъ правительства и предъ народомъ свои адскія противогосударственныя затѣи. Прямая проповѣдь въ народѣ анархіи, какъ извѣстно, не удалась соціалистамъ 70-хъ годовъ и вотъ теперь подысканъ новый путь „къ походу въ народъ“ чрезъ мостъ сектантства. Толстовщина въ этомъ отношеніи является наиболѣе удобною формою, чѣмъ всѣ другія наши новѣйшія секты, какъ напримѣръ, штунда или пашковщина, ибо въ послѣднихъ все-таки преобладающій элементъ религіозный; штунда присматривается къ св. Писанію вѣруетъ въ Спасителя и въ будущую жизнь, а толстовство разрушаетъ въ народѣ вѣру во Христа и Церковь, въ св. Писаніе. Религіозная сторона въ ученіи Толстого выражена туманно—оно (ученіе) слишкомъ грубо, кощунственно въ отношеніи ко Христу и Церкви, и потому не можетъ быть настолько плѣнительно и понятно для вѣрующей массы, какъ соціальная сторона, сулящая „царство Божіе на землѣ“.

Вполнѣ согласившись съ подобнымъ опредѣленіемъ, съѣздъ прибавилъ, что „для борьбы съ толстовщиною недостаточно одного духовнаго увѣщанія, а необходима рѣшительная мѣра ограничительнаго правительственнаго воздѣйствія и не только въ отношеніи распространителей секты, но и ея послѣдователей которые должны нести отвѣтственность предъ закономъ за самую принадлежность свою къ толстовству“.

Евангелическое христіанство.

Молоканство.

Сліяніе толстовства съ духоборствомъ въ наши дни есть фактъ совершившійся. „Духовное христіанство“ свернуло поближе къ религіозному раціонализму, по скольку подъ этимъ философ-

скимъ терминомъ принято понимать теченіе мысли, дѣйствующей въ предѣлахъ разсудительности и подчиняющейся общимъ законамъ логики. Раціонализмъ нашего сектантства. за исключеніемъ изъ него „модернизированнаго“ общества „всебратьевъ“ весь зиждется на такъ называемомъ „библеизмѣ“ и имъ въ сущности и ограничивается. Вотъ почему правильнѣе сохранять за такимъ теченіемъ его новое имя „евангелическаго христіанства“, какъ согласія людей, черпающихъ свои религіозныя утѣшенія изъ св. Писанія и считающихъ его достаточно яснымъ опредѣлителемъ сущности истинной религіи, высшимъ, незыблемымъ авторитетомъ, имѣющимъ за собою по ихъ мнѣнію, преимущество предъ св. Преданіемъ, подверженнымъ, разнымъ измѣненіямъ, совершенно конечно, непроизвольнымъ, но тѣмъ не менѣе крайне огорчительнымъ. „Евангелическое“ сектантство пошло въ этомъ смыслѣ за протестантствомъ, не согласующимся съ православіемъ и католицизмомъ въ ихъ глубокой точкѣ зрѣнія на равноцѣнность св. Писанія и св. Преданія.

Полной лирики взглядъ на достоинства св. Писанія, интересный намъ по его общности съ ученіемъ нашихъ евангеликовъ, не обладающихъ, однако, такимъ даромъ краснорѣчія, находимъ въ „Вопросахъ религіи“ извѣстнаго американскаго богослова и соціальнаго реформатора Теодора Паркера, не мало потрудившагося надъ освѣщеніемъ темныхъ мѣстъ Библіи, но, къ сожалѣнію, проявившаго затѣмъ нѣкоторую неумѣренность критическаго діагноза, приведшаго его къ крайнимъ конечно нежелательнымъ обобщеніямъ.

„Съ какой точки зрѣнія ни смотрите—читаемъ мы у него—библія представляетъ удивительное явленіе. Всѣ христіанскія страны считаютъ ее священною въ противоположность всѣмъ остальнымъ книгамъ. Собраніе книгъ, составляющихъ библію, пріобрѣло такое значеніе повсюду, какъ ничто другое въ мірѣ. Литература Греціи, поднимающаяся, какъ ѳиміамъ, изъ страны храмовъ и героическихъ подвиговъ, и на половину не имѣетъ того вліянія, какъ эта книга, принадлежащая народу, который презирали и въ старое и въ новое время. Ее читаютъ по воскреснымъ днямъ на 30 тысячахъ каѳедръ въ нашей странѣ. Во всѣхъ христіанскихъ храмахъ каждую недѣлю раздаются

ея слова: солнце никогда не перестаетъ озарять ея страницы. Ее встрѣтишь и въ хижинѣ бѣдняка и въ царскомъ дворцѣ. Ея изрѣченія попадаются въ ученыхъ произведеніяхъ и пестрятъ въ уличной бесѣдѣ. Купеческое судно не поплыветъ безъ нея. Военный корабль не начнетъ сраженія безъ нея. Ее найдете въ кабинетахъ, встрѣтите при всякихъ событіяхъ въ жизни человѣка—радостныхъ и горестныхъ. Невѣста проситъ Бога, произнося заученныя молитвы, чтобы онъ далъ ей силу при исполненіи ея новыхъ обязанностей; люди женятся по установленнымъ въ библіи формамъ. Библія благословляетъ насъ при рожденіи, даетъ имена половинѣ всѣхъ христіанъ, сопутствуетъ намъ въ радостяхъ, въ несчастіяхъ; измѣряетъ наше горе, указывая намъ лучшія цѣли. Если, человѣкъ со страхомъ покидаетъ этотъ міръ, стоитъ ему только взглянуть на библію, и его лицо просвѣтляется. Онъ перестаетъ бояться неизвѣстнаго, далекаго и одинокаго пути; онъ безъ страха беретъ за руку ангела смерть. Люди возлагаютъ на нее самыя дорогія свои надежды. Она говоритъ съ ними о Богѣ, о его Сынѣ, о земныхъ обязанностяхъ, о небесномъ блаженствѣ. Въ ней видятъ источникъ мудрости Платона, науки Ньютона, искусства Рафаэля. Люди, которымъ недоступно все духовное, все же вѣрятъ въ библію; безъ нея—говорятъ они—они не вѣрили бы и въ Бога.

„Но если библія имѣетъ такое огромное значеніе въ жизни человѣка, должна же быть для этого серьезная причина. Изъ ничего—ничего и не выходитъ,—эта истина справедлива во всѣхъ случаяхъ. Не такъ легко, хотя бы на одинъ часъ, сдержать, точно цѣпью сердецъ, волнующихся и трепещущихъ съ лихорадочнымъ волненіемъ. Какая же сила держитъ въ своей власти христіанскій міръ втеченіе стольких столѣтій? Тысячи „знаменитыхъ" писателей, которые прогремятъ въ этомъ столѣтіи, будутъ неизвѣстны въ будущемъ. Но проходятъ десятки столѣтій, а библія не теряетъ своей силы, ея значеніе не уменьшается. Время дѣйствуетъ, какъ очиститель металловъ. Чистое золото переживаетъ вѣка и сохранитъ свою цѣнность. Чтобы просуществовать такъ долго, надо имѣть дѣйствительную цѣнность. Только то вѣчно, что обладаетъ истиннымъ, глубокимъ сердцемъ, говорящимъ нашему сердцу, умомъ, питающимъ

нашъ умъ, что имѣетъ душу, находящуюся въ созвучіи съ нашею душою; мудрость, удовлетворяющую мудраго; религію, вдохновляющую благочестиваго. Значитъ и библія заключаетъ въ себѣ умъ, совѣсть, сердце, душу, мудрость, религію. Если бы было иначе, могли-ли бы милліоны людей видѣть въ ней своего руководителя, друга, пророка? Нѣкоторыя величайшія человѣческія учрежденія основаны на библіи, но они могутъ держаться лишь на грудѣ камней, а не на кучѣ соломы . . . Библія написана языкомъ, который легко понять всякому честному человѣку. Это, кажется, одна изъ главныхъ причинъ почему библія стала предметомъ обожанія для христіанъ. Не приписывайте библіи того, чего нѣтъ въ ней, и тогда первая глава Бытія станетъ величественнымъ гимномъ въ честь сотворенія міра, достойной прелюдіей къ послѣдующимъ вдохновеннымъ пѣснямъ. Отбросьте все, что чуждо библіи, и вы увидите, какъ изъ могильнаго склепа, высѣченнаго мрачной теологіей, выйдетъ восточное благочестіе во всей своей красотѣ; у нея свои слова надежды и утѣшенія; она поетъ свою мифологическую поэму, согрѣваетъ сердце, но не учитъ теологіи, и не даетъ свѣдѣній по физикѣ.

„Библіи уже нанесенъ огромнѣйшій вредъ со стороны ея друзей, которые сдѣлали ее своимъ идоломъ, и хотятъ, чтобы всѣ люди поклонялись ей; мы ни передъ кѣмъ не должны преклоняться, кромѣ Бога. Однако библія, при разумномъ пользованіи ею, все еще прекрасный учитель. Несмотря на суевѣрія и безразсудства ея почитателей, она послужила для милліоновъ людей тѣмъ источникомъ, изъ котораго черпали Моисей, Іисусъ и всѣ святые люди всѣхъ временъ. Мы видимъ ошибки ея писателей, потому что, какъ бы они не были благородны и велики, они все же не понимали этого. Мы отбрасываемъ ихъ заблужденія, но мы имѣемъ предъ собою ихъ слова истины, которыя предостерегаютъ насъ, ободряютъ и утѣшаютъ. Отъ времени до времени Богъ посылаетъ пророка, чтобы указать путь человѣчеству. Пророкъ даетъ то, что можетъ, оказываетъ на время услугу для людей и, наконецъ, устраняется, чтобы дать мѣсто новому утѣшителю. Человѣчество никогда не умираетъ. Опытъ прошлаго живетъ въ настоящемъ. Тотъ свѣтъ, который свѣтилъ изъ Ниневіи, Египта, Индіи, Аѳинъ, Рима

уже не исходитъ оттуда, теперь онъ всюду. Развѣ можетъ погибнуть истина? Развѣ можетъ заглохнуть на всегда какая-нибудь хорошая идея? Человѣчество торжественно идетъ по назначенному пути изъ вѣка въ вѣкъ; впереди идутъ его учители, озаряя его своимъ свѣтомъ, утѣшая своей работой и обливая своею кровь. Но выше всего, вѣчно неразлучно съ нами—истина нашъ Богъ. Пророки—тѣ же уличные фонари, мимо которыхъ мы проходимъ; ихъ свѣтъ нѣсколько въ туманѣ; они какъ будто мѣняютъ мѣста, пока мы двигаемся по улицѣ, кажутся темными на разстояніи, пока совсѣмъ не пропадутъ во мракѣ ночи. Но высоко надъ нашей головой горятъ звѣзды, которыя никогда не мѣняютъ мѣста, и свѣтъ которыхъ не ослабѣваетъ. Такъ и истины библейскія будутъ вѣчно блистать для насъ, хотя бы погибли записи о нихъ и были забыты ихъ авторы. Онѣ явились отъ Бога и проникли въ душу нашу. Онѣ не исчерпали ни Бога, ни души человѣческой. Человѣкъ выше библіи. Библія одинъ только лучъ солнца, одна капля изъ безконечнаго океана. Внутренній Христосъ, одинъ живущій вѣчно, можетъ сказать много такого, чего никогда нé говорила библія, чего никогда не зналъ историческій Іисусъ. Библія для человѣка, а не человѣкъ для библіи. И стоны ея стары, какъ міръ, и повторяются въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ на всѣхъ языкахъ. Пусть же не будутъ насильно навязывать благочестивымъ людямъ ея ошибокъ и нелѣпостей пусть онѣ навсегда погибнуть. Пусть слово Божіе такъ же проходитъ чрезъ разумъ, совѣсть и святое чувство, какъ утренній свѣтъ чрезъ окно".

Приведенныя нами строки отражаютъ доктрину такъ называемыхъ унитаріанъ—наиболѣе критическаго теченія въ протестантствѣ, и наиболѣе осуществляющаго указанія такъ назызаемаго религіознаго раціонализма. Мы говоримъ „такъ называемаго" потому, что философскаго раціонализма, т. е. чистой и единственной манеры мыслить понятіями, выводами, а не представленіями и образами, въ религіи нѣтъ и быть не можетъ. Религія исключаетъ раціонализмъ и наоборотъ. Для убѣжденнаго раціоналиста — возьмемъ хотя бы недавнія сухія фразы Плеханова и Максима Горькаго—вопросъ о религіи рѣшенъ безповоротно въ смыслѣ необходимости полнаго искорене-

нія того инстинкта, который и называется религіознымъ запросомъ томленіемъ души, стремленіемъ бросить дерзновенный взглядъ „по ту сторону“ земного бытія. У философа раціоналистическаго склада отъ природы или примѣненіемъ волевой, критической хирургіи совершенно спилена та часть черепа, гдѣ заключается наклонность къ метафизическимъ погруженіямъ. Вѣрующій раціоналистъ--дѣло другое. Пока въ немъ теплится хотя слабая искорка вѣры во что-то неосязаемое, неуловимое, незримое, но чувствуемое органомъ четвертаго измѣренія, пока въ немъ не атрофировалась потребность и способность познавать свою безвольность, безсильность, мизерность въ огромномъ мірѣ, окрестъ него лежащемъ, пока онъ не сможетъ считать себя исключительно послѣдствіемъ простыхъ физіологическихъ процессовъ, легко запоминаемою и легко объяснимою, безъ капли волненія, химическою формулою,—до тѣхъ поръ такой человѣкъ не врагъ религіи, но другъ ея, быть можетъ не совсѣмъ столковавшійся съ мистикомъ, не совсѣмъ понимающій его экспансивности, но безусловно способный въ концѣ концовъ примириться съ пока странными для него особенностями.

Вотъ почему мы еще разъ подчеркиваемъ ту точку зрѣнія, что раціоналистическія секты, опирающіяся исключительно на св. Писаніе, совершенно лишены какого-бы то ни было критически-разъѣдающаго отношенія къ основамъ религіи, неизмѣнно сопутствующаго истинному раціонализму.

Между нашими мистиками и раціоналистами—по старой терминологіи, или „духовниками“ и „евангеликами“—по новой, глубокой, непроходимой пропасти нѣтъ, если отбросить въ сторону вопросу объ „эксцесахъ“, а есть простое несогласіе въ теоріи и взаимоотношеніи между *писаніемъ* и *внутреннимъ откровеніемъ*.

„Духовные христіане“, какъ, напримѣръ, духоборцы, относясь съ уваженіемъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ Писанія, не признавали его неоспоримымъ авторитетомъ въ цѣломъ, какъ объ этомъ въ довольно характерной формѣ и было заявлено на упоминавшемся уже у насъ допросѣ духоборовъ митрополитомъ Евгеніемъ, когда осторожные сектанты заявили, что „много-де въ Писаніи: иное тому, иное другому пригодно; а мы-де мы принимаемъ, что намъ слѣдуетъ“.

Находились и среди духоборовъ протестанты, недовольные такимъ отношеніемъ своихъ вожаковъ къ Библіи—„хлопотницѣ“ по образному духоборческому выраженію, и возраставшее неудовольствіе разрядилось наконецъ выдѣленіемъ изъ среды крайнихъ, тамбовскихъ духоборовъ—умѣреннаго элемента, послужившаго ядромъ молоканской секты, сложившійся по ученію зятя тамбовскаго пророка Побирохина — Семена Укмина, человѣка начитаннаго въ Писаніи и постоянно стоявшаго въ оппозиціи своему тестю. Намѣреніе Поборохипа „судить вселенную“ окончательно разсорило его съ Укминомъ, и, тотъ, отколовшись отъ духоборства, сталъ проповѣдовать свое собственное ученіе, въ началѣ сводившееся къ признанію единственнаго авторитета въ библіп и отвергавшее при этомъ, конечно, обрядовую церковность. Послѣ долгихъ мытарствъ, скитаньямъ по тюрьмамъ, Уклеминъ близко сошелся съ нѣкимъ Семеномъ Далматовымъ и совокупными ихъ усиліями создалась формулировка новой доктрины, послѣдователи которой получили отъ православнаго населенія имя молоканъ, намекающее на уклоненіе ихъ отъ поста, выражавшееся, между прочимъ, въ употребленіи молока въ недозволенные по обычаю церкви дни.

Богъ есть Духъ—гласитъ догматика молоканства—въ трехъ лицахъ: Отца, Сына и Св. Духа. Сынъ Божій и Духъ Святой, хотя и единосущны Отцу, но не равны Ему въ Божественномъ достоинствѣ. Сынъ Божій, для спасенія рода человѣческаго безсѣменно родился отъ Дѣвы Маріи. Плоть Его была не человѣческая, но такая, какую имѣлъ архангелъ Рафаилъ, сопутствовавшій младшему Товиту. Плоть Свою Онъ принесъ съ неба и вселился съ нею въ утробу Богородицы. Не имѣя дѣйствительной плоти человѣческой, Христосъ не умиралъ подобно людямъ. Онъ же есть единый священникъ и архіерей, „иже сидитъ одесную Бога“. Кромѣ него нѣтъ никакихъ пастырей.

„Знаменуются Духомъ обѣтованія святымъ“, то есть по извѣстному наказу Іисуса Христа: Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа.

Крещеніе состоитъ въ покаяніи, другъ передъ другомъ своихъ согрѣшеній, на основаніи 110 псалма Давида: „Испо-

вѣмся тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ, въ совѣтѣ правыхъ и сонмѣ".

О причастіи разсуждаютъ такъ: кто боится Бога и хранитъ заповѣди Его, тотъ Ему и причастникъ.

Церковью считается собраніе вѣрующихъ. Подтвержденіе находятъ въ 8 стихѣ 20 главы „Дѣяній": „Бесѣдова, простерши слово до полунощи въ горницѣ, идѣже бѣхомъ собраны, и бесѣдова даже до зари той".

Моленіе заключается въ пророческихъ и апостольскихъ молитвахъ, произносимыхъ лицомъ другъ ко другу.

Образамъ не поклоняются, кромѣ „Образа Бога невидимаго".

Бракъ совершается по примѣру вѣтхозавѣтнаго Товита; достаточно одного родительскаго благословенія и обѣщанія брачущихся не измѣнять другъ другу.

Царей и власти почитаютъ по свидѣтельству 15—16 стиховъ 8 главы Притчей Соломоновыхъ; по скольку, однако, это не противорѣчитъ словамъ апостола Павла (2 Кор. 3, 17): „идѣже Духъ Господень, ту свобода". Истинный христіанинъ—понимай: молоканинъ—не нуждается въ опекѣ какихъ-либо законовъ, потому что къ нему непосредственно относятся слова Господа: „Не суть отъ міра, яко же и Азъ отъ міра пѣсмь".

Во время земной своей жизни Христосъ основалъ церковь. Сначала ее составляли апостолы, а потомъ и всѣ увѣровавшіе во Христа. Но истинная Христова церковь существовала только до IV вѣка, когда вселенскіе соборы и учители Церкви произвольнымъ толкованіемъ библіи извратили христіанство и смѣшали его съ христіанствомъ".

Въ настоящее время истинную церковь составляютъ только истинно-духовные христіане, которые не принимаютъ ни преданій, ни постановленій соборныхъ, ни писаній учителей, а исповѣдуютъ только то, что научаетъ библія.– (Болѣе подробное изложеніе ученія молоканъ заняло собою главу: „Общая догма сектанства". Молоканство и есть именно „общая" центральная точка сектантства, наиболѣе удаленная отъ крайностей въ ту или другую сторону).

Сличая ученіе Уклеина съ вѣрованіями духоборовъ, находимъ, что, онъ большую часть своей догмы, заимствовалъ отъ нихъ же. Мнѣніе о воскресеніи мертвыхъ, взглядъ па право-

славную церковь, обрядность и отношеніе къ правовымъ нормамъ—все цѣликомъ взято у духоборовъ. Заимствуя теорію духоборовъ о духовности истиннаго христіанства, Укминъ всталъ на оригинальную почву буквализма, черпая свои доводы изъ текстовъ Св. Писанія, понимая ихъ въ буквальномъ смыслѣ, и чисто механически соединяя ими отдѣльные пункты своего ученія. Человѣческія разсужденія, толкованія Уклеинъ считалъ слишкомъ недостаточными, слишкомъ шаткими, неспособными опредѣлить божественный характеръ вѣры истинной, первобытно апостольской.

Послѣдователи Уклеина, продолжая дѣло его по возвращенію къ идиллическимъ временамъ апостольства, пытались было реставрировать и церковность апостольскую.

Крупный и непоправимый ущербъ быстро распространявшемуся молоканству, нанесло его дробленіе на воскресниковъ и субботниковъ или жидовствующихъ.

Уклеинъ цѣликомъ принималъ всѣ ветхозавѣтныя постановленія касательно обыденной жизни, чѣмъ и вызвалъ неудовольствіе среди нѣкоторой части молоканства. Наиболѣе ревностные субботники приняли было даже обрѣзаніе,—но вопросъ о свининѣ оказался роковымъ для единства молоканства.

Субботники остались на почвѣ вѣтхаго завѣта, приблизившись въ его пониманіи къ еврейству, воскресники держались за евангелизмъ, и, какъ болѣе сильные и развитые, отодвинули въ сторону ритуальную сторону исповѣданія, въ противовѣсъ субботникамъ, видѣвшимъ въ ней громадную цѣнность. Будущее царство Мессіи представляется іудействующимъ молоканамъ—въ различіе отъ отъ взглядовъ подлинныхъ евреевъ—царствомъ духовнымъ, областью разума и, правды, а вовсе не какою-нибудь опредѣленною территоріею. Субботники низвели Христа до степени боговдохновеннаго мужа, подобнаго вѣтхозавѣтнымъ пророкамъ, но никакъ не воплощеннаго Богочеловѣка, Второго лица св. Троицы—совсѣмъ ими отвергаемой.

Молокане—воскресники значительно продвинули впередъ первоначальныя воззрѣнія Уклеина на Писаніе, признавъ въ немъ существованіе внутренняго, нравственнаго смысла, истиннаго нравственнаго усовершенствованія, которое и получаетъ человѣкъ въ томъ случаѣ, если согласуетъ свои поступки съ

указаніями Писанія, иначе—воли Божіей. Развивая въ этомъ направленіи такое толкованіе молокане стали усматривать въ св. Писаніи всюду иносказанія, приноровленныя къ исправленію человѣческихъ грѣховъ; они допускаютъ правдоподобность историческихъ фактовъ, переданныхъ намъ Евангеліемъ, но смыслъ ихъ внутренній, нравственный.

Цѣпляніе за Писаніе, стремленіе отыскать таинственную суть, невидимую на внѣшній взглядъ, привели молоканство къ тому, отъ чего бѣжитъ все сектантство: къ мертвящей буквѣ. Непослѣдовательное пониманіе евангелизма, перепутавшись съ „мозаизмомъ", способствовало разложенію молоканства, роль котораго въ исторіи сектантства сводится къ изображенію моста, по которому „духовные"—худо ли хорошо—могутъ перейти къ евангиликамъ. Молоканство, какъ вѣроученіе умѣренное по своему характеру, совершенно лишенное какихъ-бы то ни было порывистыхъ стремленій, наиболѣе подходящее къ средѣ „умѣренности и аккуратности", въ теченіе цѣлаго столѣтія сохранило свою неизмѣнность, но неспособность къ внутреннему броженію и погубило его, затянувъ постепенно безжизненностью, словно болото тиною. Молоканство сдѣлалось „скучнымъ". Религіи въ немъ ужъ не осталось и возникъ вопросъ о цѣлесообразности его существованія вообще. Мирная позиція молоканства, отсутствіе у него, такъ сказать, мартиролога, лишило его поэзіи, жуткой привлекательности, столь нужной въ дѣлѣ обладанія душою человѣческою, примирительное отношеніе къ суровой жизненности, неприспособленность къ рѣшенію крупныхъ вопросовъ вѣры и этики привела, какъ мы увидимъ ниже, къ поглощенію молоканства штундо-баптизмомъ. Чуть ли не въ сотый разъ повторилась старая исторія; злой рокъ, висящій надъ нашимъ расколомъ во всѣхъ его теченіяхъ, оказался и тутъ.

На съѣздѣ молоканъ въ 1905 г. Н. Ф. Кудиновъ, представитель прогрессивнаго крыла молоканства, съ болью въ сердцѣ, съ дрожью въ голосѣ, имѣлъ немалое мужество прочесть отходную вѣроученію, въ которомъ онъ выросъ и провелъ лучшіе годы своей жизни, вѣрно передающую стадіи разложенія заповѣданнаго Уклеинымъ ученія:

„Второстепенные вопросы—говорилъ Кудиновъ—являются

причиною постоянныхъ споровъ и разногласій. Благодаря этому болѣе важные вопросы, рѣшеніе которыхъ составляетъ главную сущность нашей жизни, отодвигаются на задній планъ. Отсюда вытекаетъ охлажденіе вѣры, потеря всякаго интереса ко всему живому, возвышенному, святому. Вслѣдствіе того, что у насъ громадная отсталость въ пониманіи истинныхъ великихъ задачъ, у насъ съ ужасною быстротою падаетъ нравственность. Благодаря мелкому самолюбію, тщеславію и гордости, охватившимъ особенно руководителей нашихъ общинъ, у насъ наблюдаются очень печальныя явленія. Нѣтъ среди братства единенія и чистыхъ братскихъ отношеній, которыя указывали бы на принадлежность нашу къ церкви Божіей, основанной на святомъ писаніи ветхаго и новаго завѣтовъ. Въ культурномъ отношеніи братство наше представляетъ собою нѣчто ужасное. Нѣтъ среди насъ ученыхъ, ни дикторовъ, ни лицъ съ юридическимъ образованіемъ, которые могли бы быть намъ полезны своими познаніями".

Но влить новое вино въ старые мѣхи не такъ то легко, особенно если со стороны послѣднихъ наблюдается сильная склонность къ сопротивленію. Мѣры, предлагавшіяся Кудиновымъ для поднятія молоканства, въ родѣ рѣшенія всякихъ вопросовъ путемъ голосованія всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ общины, широкой постановки школьнаго дѣла и т. д.— не болѣе не менѣе какъ палліативы, искусственное дыханіе, частичная, временная вспышка потухающаго огня. Безкровный организмъ обреченъ на медленное умираніе.

А тѣмъ часомъ наступаетъ новая сила, куда сплоченнѣе, куда энергичнѣе молоканства, вся подтянувшись, съ книжкой въ рукахъ, готовая, и, надо сознаться, умѣющая вливать „кипящій ядъ сомнѣнія" въ слабыя души.

„Мы наканунѣ самаго широкаго распространенія баптизма— оповѣстилъ три года тому назадъ г. А. Платоновъ, воспріявшій руководительство „Миссіонерскимъ Обозрѣніемъ"— т. е. событія, которое теперь должно стать предметомъ особеннаго нашего вниманія въ виду того, что русскій баптизмъ имѣетъ прекрасную, строго выдержанную организацію, крупные капиталы, большое книгоиздательское дѣло, прекрасныхъ проповѣдниковъ и ораторовъ, громадную плеяду дисциплиниро-

ванныхъ и преданныхъ своему дѣлу миссіонеровъ, заявилъ себя въ сильной степени своимъ нравственнымъ укладомъ жизни, и, наконецъ, что для насъ особенно важно, направляетъ свои усилія къ тому, чтобы поглотить десятки тысячъ молоканъ. Молоканство и баптизмъ въ сектанческомъ мірѣ то же, что безпоповщина и поповщина у старообрядцевъ. И какъ, напримѣръ, австрійщина, все болѣе и болѣе развивается за счетъ безпоповщины, такъ то же самое повторяется въ исторіи болѣе положительнаго баптизма въ его отношеніяхъ къ молоканству.

Раціонализмъ наивный гораздо легче поддается проповѣдническому вліянію, нежели научный или вообще усвоенный развитымъ культурнымъ сознаніемъ, потому и борьба съ молоканствомъ гораздо легче, нежели съ баптизмомъ".

Посмотримъ теперь, что такое баптизмъ, или какъ его теперь называютъ.

Штундо-баптизмъ.

Если при изложеніи исторіи возникновенія, и особенностей упоминавшихся у насъ сектъ, мы говорили о возможности вліянія на ихъ зарожденіе инославныхъ исповѣданій и чуждаго вліянія, то подобную трактовку слѣдуетъ признать безспорною и совершенно обоснованною въ отношеніи развивающейся теперь съ часу на часъ штунды, пришедшей къ намъ съ запада, слившейся съ также западнымъ явленіемъ—баптизмомъ, нѣсколько видоизмѣнившейся подъ вліяніемъ особенностей русскаго духа, русскаго уклада, русской страстности и создавшей квинтъ-эссенцію своеобразнаго, прямолинейно выведеннаго протестантизма, шагнувшаго далеко впередъ завѣтовъ Лютера своими строго практическими выводами изъ теоретическихъ разсужденій.

Изслѣдователи штундизма и по сейчасъ еще ломаютъ копья по вопросу о корнѣ, такъ сказать, происхожденія этой наиболѣе въ наше время широко раскинувшейся секты, то выводя ее изъ протестантской пропаганды, то силясь обрѣсти въ ней слѣды чисто русскаго творчества.

По существу правы выразители обоихъ мнѣній: въ нашей штундѣ отразились вліянія и протестантскаго евангилизма и русскаго возбужденнаго, подчасъ изломаннаго, искательства, но уже самый фактъ зарожденія штунды въ ея первичномъ видѣ именно между южно-русскими нѣмцами-колонистами, можетъ считаться достаточно опредѣленнымъ показателемъ источника штунды.

Югъ Россіи съ давнихъ поръ, съ царствованія императрицы Елизаветы, колонизировался западными иммигрантами, пользовавшимися покровительственною политикою со стороны нашего правительства, всячески старавшагося привлечь населеніе въ безлюдныя степи Новороссійскаго края, Крыма и Бессарабіи. Особенно широко это практиковалось при Екатеринѣ II, манифестомъ 22 іюля 1763 г. гарантировавшимъ переселенцамъ ихъ вѣроисповѣдное и гражданское положеніе, подъ условіемъ, однако, „дабы изъ живущихъ въ Россіи въ христіанскихъ законахъ никто и никого въ согласье своей вѣры или сообщества ни подъ какимъ видомъ не склонялъ и не привлекалъ, подъ страхомъ взысканія по всей строгости законовъ. Иммиграція иностранцевъ, главнымъ образомъ, нѣмцевъ, все усиливаясь, къ пятидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія, привела южный край къ полному онѣмеченію, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ достаточно безпристрастные изслѣдователи вопроса о заселеніи черноморскихъ областей.

Среди новыхъ поселенцевъ было очень много представителей различныхъ сектъ, которыми такъ богато протестанство. Въ 1817 г. виртембергскіе нѣмцы занесли въ Россію идеи братства такъ называемой „штунды“ (Stunde—часъ), основанной извѣстнымъ протестантскимъ проповѣдникомъ Шпенеромъ (+1705 г.), особенно распространившейся въ Виртембергѣ и получившей свое названіе отъ привычки членовъ секты собираться въ опредѣленные часы.

Изъ Германіи „штунда“ перекинулась въ сосѣднія страны и даже черезъ океанъ въ Америку. Протестантскіе пасторы сразу и всюду вступили въ борьбу съ новообразовавшейся сектою, казавшеюся имъ опасною уже и потому, что своимъ домашнимъ молитвеннымъ собраніямъ штундисты придавали

несравненно большее значеніе, нежели присутствованію при церковномъ богослуженіи.

Въ 50 и 60 годахъ между колонистами происходило сильное религіозное броженіе, вызванное ознакомленіемъ съ тоже заимствованными изъ за границы сектами „скакуновъ“ и „іерусалимскихъ друзей“, стремившихся къ полному реформированію христіанской общины на началахъ „истиннаго благочестія“ и пріобрѣтенія „невещественныхъ благъ“.

Тогда же проникло въ Россію ученіе баптизма, стараго протестантскаго направленія, отрицающаго крещеніе взрослыхъ и признающаго правильнымъ только крещеніе взрослыхъ. Всѣ эти секты встрѣтили у колонистовъ теплое сочувствіе.

Броженіе среди нѣмцевъ не могло, конечно, не передаться ихъ русскимъ православнымъ сосѣдямъ, переживавшимъ „дни свободы“ послѣ знаменитаго манифеста 19 февраля 1861 г.

„Когда всюду заговорили о свободѣ, жизни, движеніи, когда съ общимъ подъемомъ духа, сознанія своей личности до высокой степени возросъ въ средѣ простого народа—указываетъ священникъ Рождественскій—интересъ къ религіознымъ вопросамъ, болѣе всего симпатичнымъ его уму; когда на мѣсто пропагандистовъ-протестантовъ выступили приверженцы разныхъ сектантскихъ оттѣнковъ,—тогда умъ простого народа не могъ не поддаться вліянію сектантскихъ идей. Тяга въ сторону этихъ идей постепенно усиливалась, потому что пропаганда велась очень искусно; у пропагандистовъ было въ рукахъ Евангеліе на русскомъ языкѣ (только что начавшееся распространяться); они словами Св. Писанія, авторитетъ котораго у народа всегда стоялъ очень высоко, старались оправдать свое ученіе. При существовавшемъ въ народѣ недовѣріи къ своимъ пастырямъ, нѣмецкіе сектанты могли всецѣло овладѣть умами нѣкоторыхъ членовъ приходскихъ общинъ; эти послѣдніе сдѣлались ихъ довѣрчивыми учениками. Требованіе сектантами строгой нравственной жизни отъ своихъ адептовъ находило себѣ законное оправданіе въ пониженіи нравственнаго уровня, какое тогда существовало и отъ котораго страдали многіе члены православныхъ приходовъ. Требованіе проповѣдниковъ сектантства отъ своихъ послѣдователей грамотности, также встрѣчало сочувствіе въ проснувшейся въ это время у

народа потребности къ развитію. Въ принятіи штундизма для русскаго человѣка было много привлекательнаго. Воспитанный православіемъ въ сознаніи своей грѣховности, онъ, по вступленіи въ секту, считалъ себя возрожденнымъ, оправданнымъ, святымъ; онъ произвольно разрывалъ связь съ своею церковью, духовенствомъ, односельчанами, отказываясь отъ своихъ прежнихъ обязанностей по отношенію къ нимъ и вступалъ въ другое общество, отъ котораго можно было ждать нравственной и матеріальной поддержки.

„Посты, продолжительное стояніе въ церкви во время богослуженія онъ считалъ для себя ненужными. Каждый изъ вступившихъ въ сектантское общество могъ надѣяться получить право церковнаго учительства, о чемъ прежде онъ не смѣлъ и мечтать. Воздержаніе отъ водки, прелюбодѣянія, усиленный трезвый трудъ, бережливость—скоро поднимали его благосостояніе. Все это вмѣстѣ взятое не могло не соблазнять малоросса къ вступленію въ сектантство. Нѣкоторымъ отступникамъ отъ православія приходилось много выстрадать, но за эти страданія ихъ братья и сестры по вѣрѣ окружали ихъ почетомъ и всевозможными средствами помогали не только имъ лично, но и ихъ семействамъ. Благодаря такого рода условіямъ, сектантская пропаганда нашла себѣ послѣдователей среди южнорусскихъ и раскинулась впослѣдствіи на широкія пространства“.

„Появленію штунды—читаемъ у вдумчиваго наблюдателя сектантства И. Харламова—точно также какъ и современнымъ ей шалопутамъ, во всей Украйнѣ предшествовало смутное, трудно опредѣлимое умственное броженіе. Старыя секты дробились, вырождались и отличались всевозможными дикостями. Являлись люди, провозглашавшіе себя ни больше, ни меньше, какъ Саваоѳами, къ немалому соблазну окружающихъ; одинъ Саваоѳъ приходилъ обличать и сокрушать другого и сообща устраивали такимъ образомъ, увеселительныя зрѣлища. А между тѣмъ, мысль, толкнутая освобожденіемъ, работала. Возникали то и дѣло вопросы: какъ жить праведно и свято, въ виду паденія всѣхъ прежнихъ устоевъ жизни, въ виду сознаваемой необходимости заполнить чѣмъ-нибудь пустоту послѣ выброшенныхъ за бортъ старинныхъ принциповъ подневоль-

наго крѣпостного существованія. Къ голосамъ проповѣдниковъ-сектантовъ естественно чутко прислушивались, зорчо присматривались къ ихъ поведенію. Неудовлетворенные однимъ проповѣдникомъ, слушали другого и т. д. Отрывки всякихъ поученій не могли, разумѣется, не оставаться въ памяти. Кружки заинтересованныхъ въ данныхъ вопросахъ лицъ, сходясь въ общемъ направленіи одного интереса, могли, однако, расходиться въ частностяхъ его пониманія; съ каждымъ новымъ членомъ, входящимъ въ кружокъ ищущихъ спасенія, приносились новые элементы, каждая новая индивидуальность дѣлала новый вкладъ въ общую сокровищницу. Въ зарождавшемся такимъ образомъ циклѣ идей, не могло не быть противорѣчій и несообразностей. И штундисты, даже теперь, напримѣръ, не имѣютъ цѣлостной, послѣдовательно развитой доктрины. Обыкновенно такъ и бываетъ, что секта, органически выростающая изъ народной среды, отдѣляющаяся отъ церкви не по поводу только опредѣлительно отмѣченныхъ подробностей обряда или догмата, а стремящаяся образовать цѣлое міровоззрѣніе, слагаясь, испытываетъ цѣлый рядъ метаморфозъ"...

„Въ русскомъ народѣ ни одно начало не высказалось точно опредѣленными выраженіями, катехизисами и символами вѣры—напомнимъ мы фразу Кельсіева—у насъ всегда были безотчетныя стремленія, которыхъ мы не умѣли высказать, но за которыя умѣли страдать".

Сектантскіе кружки на югѣ Россіи, послужившіе ячейками развившихся изъ нихъ потомъ штундо-баптистскихъ общинъ, были организованы по образцу нѣмецкихъ сектантовъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ дѣйствовалъ въ Херсонской губерніи извѣстный реформатскій пасторъ Боннекемперъ, много содѣйствовавшій распространенію штунды среди православнаго населенія, выдѣлившаго изъ себя такихъ видныхъ впослѣдствіи дѣятелей штунды, какъ крестьянъ: Ратушнаго, Рябошапку и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ 1867 г. одесскій исправникъ уже оффиціально доносилъ херсонскому губернатору, что въ деревняхъ Основѣ и Игнатовкѣ, исключительно между временно обязанными крестьянами „образовался расколъ, схожій съ реформатскимъ", что собираются общества, которыя занимаются чтеніемъ Евангелія

подъ руководствомъ нѣмцевъ изъ сосѣдней колоніи Рорбахъ. Послѣдователи раскола въ православную церковь не ходятъ, иконъ не чтутъ и не исполняютъ никакихъ обрядовъ".

Вскорѣ послѣ этого донесенія мѣстный благочинный посѣтилъ поименованныя исправникомъ деревни и бесѣдовалъ съ сектантами, придя къ заключенію, что послѣдніе „дѣйствительно находятся подъ вліяніемъ лютеранизма, но упорно и искусно скрываютъ источникъ этого вліянія". Напрасно о. благочинный внушалъ отщепенцамъ, что „напѣвъ ихъ нѣмецкій" убѣждаетъ его, что „у нихъ есть враги, которые влекутъ ихъ къ погибели души, лестью и обманомъ уязвляютъ ихъ, какъ потаенные псы уязвляютъ безпечныхъ и неосторожныхъ".

Главари только-что народившейся секты были арестованы.

Духовенство встревожилось новымъ врагомъ церкви. Священникъ Ногачевскій доводилъ до свѣдѣнія херсонской консисторіи, что „штунда выходитъ чѣмъ-то въ родѣ революціоннаго направленія противъ государства; штундисты стремятся признать все настоящее устарѣлое, основанное на одной только рабской подчиненности, ничтожнымъ, и основать что-то въ родѣ избирательнаго правительства, зависимаго отъ всѣхъ и контролируемаго всѣми безъ исключенія; нѣмцы употребляютъ штунду, какъ опытъ въ видахъ переустройства государства". Высокопреосвященный Димитрій, епископъ херсонскій, ознакомившись на мѣстѣ съ направленіемъ штунды, убѣдился, что „сектанты преслѣдуютъ далекія цѣли, въ родѣ коммунистическихъ, которыя, впрочемъ, тщательно скрываютъ. Кромѣ ученія о равенствѣ всѣхъ, они пускаютъ въ народѣ такія мысли, что священники изъ корыстолюбивыхъ цѣлей, опутавъ народъ безполезною, вымышленною и ни къ чему не нужною обрядностью, держатъ его въ невѣжествѣ".

Священникъ Игнатовичъ, которому были отданы нѣкоторые штундисты его прихода на увѣщаніе, сообщалъ „куда слѣдуетъ", что „сектанты сначала отъ всего отказывались и говорили, что они ни въ чемъ не виноваты, что во всемъ слѣдуютъ ученію православной церкви, а только иногда собираются въ какомъ-нибудь домѣ для молитвы, чтенія Св. Писанія и для пѣнія стиховъ и псалмовъ. Наконецъ, послѣ долгихъ увѣщаній высказали нѣкоторыя заблужденія. Они гово-

рили, что Пресвятая Богородица и Святые—обыкновенные люди, не могущіе ходатайствовать за насъ передъ Богомъ; что каждый человѣкъ долженъ молиться самъ за себя, а не надѣяться на молитвы церкви и святыхъ; что Богу надлежитъ поклоняться только духомъ и истиною, что наружное богослуженіе не дѣйствительно, что поклоненіе иконамъ и Кресту—идолопоклонство, мощи святыхъ также не могутъ быть предметомъ поклоненія. Посѣщеніе мѣстъ увеселенія грѣшно, употребленіе спиртныхъ напитковъ—также".

Прот. Пахомовичу штундисты заявили, что ихъ напрасно называютъ сектантами, на самомъ же дѣлѣ они истинные христіане, потому что принимаютъ за основаніе своей вѣры одно только евангеліе, другихъ руководствъ, какъ измышленій человѣческихъ, не признаютъ, а также учительства и пасторства не признаютъ, кромѣ одного пастыря и учителя Христа. При этомъ прибавляли, что Кресту Господню не хотятъ кланяться, ни знаменіе его возлагать на себя, потому что крестъ былъ безчестнымъ орудіемъ казни Спасителя и это не приказано въ Евангеліи.

До начала семидесятыхъ годовъ штундисты окончательно не порывали еще связей съ церковью, и только съ указаннаго времени они обособляются и начинаютъ самостоятельную жизнь, подъ вліяніемъ баптизма, что привело, конечно, штунду къ раздѣленію на фракціи, не отразившуюся, впрочемъ, на дѣеспособности и упругости секты, а способствуютъ крѣпости организаціи.

Подъ именемъ баптизма разумѣются различныя подраздѣленія старой христіанской секты, отвергающей общепринятую въ церкви форму крещенія младенцевъ, и требующей совершенія этого обряда надъ взрослыми и не посредствомъ окропленія, а погруженіемъ въ проточную воду по примѣру Спасителя. Правда, послѣднее условіе не пріемлется всѣми безъ исключенія баптистскими толками, но обычай перекрещивать всѣхъ переходящихъ въ секту объединяетъ баптизмъ. Въ Англіи и Америкѣ утвердился такъ называемый старо-баптизмъ, допускающій общеніе съ членами другихъ церквей въ причащеніи (open communion), что рѣзко расходится съ взглядами ново-баптистовъ Германіи,

придерживающихся „закрытаго причащенія" (strict communion).

Естественно, что въ Россію перешелъ и пустилъ здѣсь корни второй видъ баптизма, благодаря нѣмецкой пропагандѣ, сыгравшей, что тамъ ни говори сторонники самобытности русскаго сектантства, огромную роль въ исторіи насажденія въ народѣ нашемъ евангелическихъ идей.

Различіе баптизма отъ штунды заключается въ сохраненіи пресвитерскаго чина, обязанности котораго возлагаются на наиболѣе соотвѣтствующихъ этой цѣли сектантовъ, которые и совершаютъ отправленія различныхъ подробностей церковнаго ритуала, вродѣ, напримѣръ, крещенія, вѣнчанія, причащенія и погребенія.

Крупный перевѣсъ баптизму дала его выработанная организація, и контингентъ богословски образованныхъ проповѣдниковъ, получавшихъ большой запасъ законченныхъ познаній въ гамбургской баптистской семинаріи, выпустившей изъ своихъ стѣнъ цѣлый рядъ глубокихъ знатоковъ баптистскаго ученія, систематически продуманнаго и обоснованнаго. Разумѣется, баптизмъ, перенесенный на русскую почву, утратилъ значительную долю своей стройности и принаровился къ уровню массы, но прочный фундаментъ его все же остался.

Пока сектантство евангелическое сохраняло свой чисто штундовый характеръ, т.-е. отрицательную позицію по отношенію къ догматикѣ церкви и ея установленіямъ, не пытаясь создать своего рода церковь въ церкви, до тѣхъ поръ и духовная и свѣтская власть не желала прибѣгать къ карательнымъ мѣрамъ, ограничиваясь „назидательнымъ" воздѣйствіемъ, авторитетомъ моральнымъ. Выступленіе же баптизма съ его ярко выраженною тенденціею реформированія христіанской церкви на почвѣ якобы возвращенія къ древне-апостольской практикѣ, недоброжелательное отношеніе къ нему мѣстами на западѣ, вызвало болѣе энергичное вмѣшательство нашей гражданской и церковной администраціи.

Въ концѣ 1870 г. прокуратура нашла возможнымъ подвести распространеніе штундо-баптизма подъ 196 ст. „Уложенія о наказаніяхъ" и суду были преданы главари секты крестьяне Михаилъ Ратушный—баптистъ и Герасимъ Балабанъ—штундистъ и другіе. Благодаря неприспособленности юстиціи того времени

къ разсмотрѣнію такого рода дѣлъ, неполнотѣ судебнаго кодекса, предварительное слѣдствіе затянулось на цѣлыхъ восемь лѣтъ и разбирательство состоялось уже въ 1878 г.

Защитительная рѣчь нехитраго на словахъ Ратушнаго достаточно выясняетъ психику простонароднаго сектанта-евангелика, убѣжденнаго въ своей правотѣ. „Что же тутъ такого— не понимаетъ онъ—что я, что всякій христіанинъ могъ пріобрѣсть евангеліе, читать его? Дай Богъ, чтобъ читалъ. Я не могу сказать, что христіанинъ тотъ, кто воруетъ, лжетъ, пьянствуетъ, такой человѣкъ не есть истинный христіанинъ"... „Вы не думайте, что наше ученіе богопротивное. Нѣтъ, мы вѣруемъ въ божью руку, что рука божья насадила это, и въ томъ себя защищаемъ"... „Скажите, можетъ-ли кто опровергнуть слова Спасителя, который говоритъ: „Неисполняющаго слова моего я не сужу. Но слово мое будетъ васъ судить". Для чего же это написано? Неужели для того, чтобы языкъ могъ говорить, а не для того, чтобы направлять жизнь свою по слову божьему". „...Мы иначе не принимаемъ въ общество, какъ если человѣкъ раскаивается во всѣхъ его неправильныхъ поведеніяхъ, чтобъ онъ вновь могъ родиться, и почувствовалъ бы въ сердцѣ своемъ и душѣ своей свои прежніе грѣхи, что онъ долженъ жить для одной правильности и святости, а если человѣкъ не можетъ возродиться, то онъ не можетъ войти въ царствіе небесное".

Послѣ пятиминутнаго совѣщанія присяжные засѣдатели вынесли оправдательный вердиктъ, сильно подѣйствовавшій на быстрое распространеніе штундо-баптизма въ губерніяхъ и уѣздахъ, дотолѣ сектою не захваченныхъ. Удачный для сектантовъ исходъ процесса былъ, конечно, истолкованъ пропагандистами секты, какъ прямое и вѣрное доказательство неоспоримости ученія.

Центромъ штундизма и по сію пору является деревня Игнатовка, Херсонской губерніи, резиденція Балабана, а деревня Основа, считается своего рода Меккою баптизма. Здѣсь живетъ Ратушный. По крайней мѣрѣ, еще очень недавно оба они были еще живы.

Уже при самомъ своемъ формированіи догма штундистскаго направленія евангелически чувствующей религіозной

мысли носила явный оттѣнокъ двойственности, позволявшій усматривать въ ней смѣшеніе „евангелическаго“ элемента съ „духовнымъ“.

„Мы вѣруемъ—говоритъ одинъ изъ катихизаторовъ стараго штундизма—отъ духовнаго озаренія, отъ духа пророчества, не по словамъ и стихамъ, а укрѣпляемся благодатью, которая намъ обѣщана черезъ святыхъ пророковъ“.

Въ противовѣсъ штундистскому положенію, что религія должна быть въ сердцѣ, а Спаситель есть единственный пастырь души человѣческой, болѣе реально настроенный баптизмъ выставилъ уже апостольскую точку зрѣнія, склонивъ часть штунды къ признанію необходимости существованія пресвитерскаго сана, святость ученія о св. Троицѣ, преломленія хлѣба въ память тайной вечери и т. д.; это отразилось на спутанности понятій штундизма и баптизма, послѣдователи которыхъ нерѣдко заимствуютъ понятія, выработанныя первымъ и вторымъ.

Догматика, весьма краткая, русской штунды исчерпывается, главнымъ образомъ, „вѣроисповѣданіемъ“ чаплинскихъ штундистовъ, записаннымъ ихъ наставникомъ Яковомъ Ковалемъ, о которомъ увѣщавшій его нѣкогда іеромонахъ Евстафій высказался, что онъ „назойливъ, какъ оса, на языкъ остеръ, какъ коса, дикій, какъ звѣрь и стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ діаволъ во злѣ“.

Послѣдователи штунды—„закона духа“—не имѣютъ сообщенія съ тѣми, которые возобновляютъ нелѣпость языческихъ гаданій изъ желанія постичь совѣты Божіи, и не учатся вѣрѣ слабыми познаніями, „не ведутъ комплекта или комерсіи, иначе религіозныхъ церемоній, а соединяются между собою исключительно любовію и дарами благодати; получая назиданіе изъ Священнаго Писанія измѣняютъ фантазіи и природныя физіономіи, не руководствуются плотскимъ надменнымъ духомъ, чтобы не впасть въ пагубныя ереси и богохульства, а стремятся къ тому, чтобы имѣть дары Св. Духа“, и во главѣ ихъ стоитъ Іисусъ Христосъ, который воплощеніемъ своимъ, непонятнымъ для міра, приращаетъ ихъ Самъ къ Себѣ и дѣлаетъ ихъ теперь участниками тайнаго тѣла Своего, какъ дѣлалъ Онъ въ свое время причастниками Своими пророковъ,

апостоловъ и другихъ лицъ. Іисусъ Христосъ пришелъ на землю съ цѣлью возвратить Богу Отцу славу, похищенную у Него суетнымъ мудрованіемъ вѣка сего, уничтожить ложное въ богопознаніи, заключающееся въ одной наружности; утвердить вѣру истинную, избавить людей отъ пораженія странностями, избавить людей отъ ихъ стремленія уподоблять Бога существу человѣка или чему-нибудь другому и возстановить плоть нашу, сдѣлавши ее храмомъ Божіимъ, жилищемъ Св. Духа, благословеніемъ любви Отца небеснаго. Вѣрою въ его правду взимается съ насъ грѣхъ и усвояется намъ благодать, такъ что мы умираемъ и воскресаемъ предъ судомъ правды Божіей. Превращеніе такого умирающаго, т. е. грѣшника—въ воскресающаго—или праведника—совершается посредствомъ крещенія вѣрою въ Іисуса Христа, для чего, однако, вовсе не слѣдуетъ ходить къ берегамъ Іерусалимскимъ, ибо водою можно омыть только тѣло, а не душу. Духовно крестившійся Христу духовно же и пріобщается Ему принятіемъ Его живыхъ словъ, которыя сильнѣе всего наружнаго, потому что послано слово къ людямъ чрезъ пророка Исаію (Исаія, гл. 55, 10—11), а вино многихъ обмануло (Осія, 9 гл. 2 ст.).

„Димiевскіе“ штундисты, также отрицая причащеніе какъ таинство, не отвергаютъ преломленіе хлѣба и вкушаніе вина въ память Тайной Вечери. Признается отчасти и исповѣдь, но при условіи ея публичности. Священниковъ не имѣютъ, но наиболѣе уважаемыхъ изъ своей среды лицъ считаютъ за пресвитеровъ. На христіанъ не-штундистовъ „димiевцы“ смотрятъ съ состраданіемъ, какъ на людей затемненныхъ и могущихъ, въ случаѣ желанія, быть сопричисленныхъ къ праведникамъ.

Штундистъ Сливка, имя котораго носитъ цѣлый штундистскій толкъ, склоненъ считать Бога проявленіемъ любви, чуждой какого бы то ни было внѣшняго образа. До Іисуса Христа людьми правилъ плотскій законъ, каравшій за грѣхъ; его смѣнила благодать, принесенная людямъ Христомъ подъ видомъ прощенія, открывшее людямъ животворящее Слово Божіе, т. е. истину. Христосъ, пострадавъ за людей, на дѣлѣ доказалъ свою любовь къ нимъ, и только въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова Евангелія о плотскомъ пришествіи

Іисуса Христа. Правильно усвояющій смыслъ Евангелія человѣкъ не можетъ быть грѣшникомъ, а наоборотъ въ немъ живетъ Богъ. Когда всѣ люди воспримутъ внутренній законъ—т. е. христіанскую любовь—тогда самъ собою упразднится всякій человѣческій судъ.

Положительная творческая часть штундизма въ сущности и исчерпывается приведенными положеніями и въ такой несложности догмы, отсутствіи запутанныхъ метафизическихъ измышленій, быть можетъ кроется значительная доля успѣха штунды у простонародья, удовлетворяющагося евангельскою основою ученія штундистовъ, ясно, по его мнѣнію, вытекающаго изъ Писанія. Въ области отрицанія догматовъ и обрядностей православной церкви, штундисты стоятъ уже на почвѣ дѣйствительнаго раціонализма, категорически отказываяся признавать какія бы то ни было таинства, въ смыслѣ таинственно въ нихъ заключающагося воздѣйствія Св. Духа на вѣрующаго. Также скептически относятся штундисты къ ученію православной церкви о силѣ ходатайства угодниковъ Божіихъ, особенно почему-то не уважая Святителя Николая Чудотворца, особенно якобы поощрявшаго принесеніе присяги—величайшій человѣческій грѣхъ, по представленію штундистовъ въ частности, и поголовно всего нашего сектанства вообще.

Все богослуженіе штундистовъ состоитъ только въ произнесеніи импровизированной молитвы кѣмъ-либо изъ участниковъ собранія и пѣніи духовныхъ псалмовъ, которыхъ у евангеликовъ имѣется всего болѣе шестидесяти; въ нихъ-то, главнымъ образомъ, и отражается настроеніе сектантовъ, подчасъ трогательное и полное своебразной поэзіи.

Превыше разума любовь твоя,

поетъ штундистъ,—

„Господь, Спаситель мой; но жажду я
„Любви Твоей всю полноту познать,
„И въ ней всю силу, высоту, блаженство созерцать.

„Превыше словъ, Господь, любовь твоя;
„Но жаждетъ словъ живыхъ душа моя,
„Чтобъ грѣшникамъ погибшимъ возвѣщать
„Любовь, могущую спасти и всѣ грѣхи прощать.

„Любовь превыше всей хвалы земной;
„Но жаждетъ сердце пѣть, Спаситель мои,
„Хвалу любви, нисшедшей до меня,
„Изъ тьмы грѣховъ призвавшей въ чудное сіянье дня.

„Но если нѣтъ познанья у меня,
„Словами и хвалою бѣденъ я;
„Пустой сосудъ къ Тебѣ я приношу,
„Живой струей, Господь, наполни сердце, я прошу.

„Пустой сосудъ, не льется изъ него
„Ни словъ любви, ни взора одного,
„И все-жъ къ Тебѣ придти дерзаю я,
„И право мнѣ, Господь, даетъ одна любовь Твоя.

„Зажги, Господь, любовь въ моей груди!
„Къ источнику Ты самъ меня веди;
„Дай вѣрою мнѣ жажду утолить
„И отъ земныхъ источниковъ все сердце отвратить.

„Когда-жъ лицомъ къ лицу увижу я
„Тебя, Спаситель мой, то пѣснь моя
„Твоей любви прославитъ широту,
„И глубину, и безпредѣльную всю глубину".

Штунда насквозь проникнута лирикою, постоянными мечтами скорбной души подняться въ высь небесъ, къ престолу Сидящаго и прильнуть къ его ногамъ горячимъ лобызаніемъ воспаленныхъ отъ странствій по пустынѣ жизни губъ.

„Дай мнѣ съ тобою быть тамъ, гдѣ Ты,
„Спаситель мой, вѣчный покой;
„Не будетъ сердцу пустоты,
„Вполнѣ утѣшится тобой.

„Дай мнѣ съ Тобой быть тамъ, гдѣ Ты,
„Дай славу Твою созерцать,
„Не будетъ сердцу темноты,
„Не будетъ отъ грѣха стенать.

„Дай мнѣ съ Тобой быть тамъ, гдѣ Ты,
„Гдѣ всѣ уста полны хвалой,
„Не будетъ сердцу тѣсноты.
„Польется пѣснь струей живой.

„Дай мнѣ съ Тобой быть тамъ, гдѣ Ты,
„Гдѣ нѣтъ разлуки, нѣтъ тоски;
„Сердцу обиліе полноты
„Блаженства, жизни и любви".

Штундистъ чуждается открытаго изліянія своей души на виду у всѣхъ и каждаго, онъ элегиченъ по своему складу, ему нужно единеніе съ заоблачнымъ міромъ, единеніе при томъ сокровенное отъ нескромныхъ глазъ.

„Сокрой свое горе
„Отъ взоровъ чужихъ;
„Слезъ много ужъ въ мірѣ
„Безъ вздоховъ твоихъ.
„Пойди и подумай
„Въ ночную пору,
„Скажи твое горе
„Іисусу Христу.
„Христосъ ужъ все знаетъ
„О горѣ твоемъ;
„Тебя Онъ утѣшитъ
„На лонѣ своемъ.
„Свѣтъ Божій сіяетъ
„На нашемъ пути;
„Для мрачныхъ и грустныхъ
„Сбирай тѣ лучи.
„Сердца изнываютъ
„Подъ гнетомъ нужды;
„Пойди къ нимъ съ любовью,
„Утѣшишь ихъ ты.
„Сокрой свое горе,
„Дай радость другимъ;
„Въ Христѣ ищи помощь
„Страданьямъ Твоимъ".

Спросите штундиста, какъ онъ молится, и вы услышите отъ него глубоко проникновенныя строфы:

„Дай святость мнѣ, Боже,
„Дай кротость, Твой страхъ,
„Дай твердость въ страданьяхъ,
„Дай плачъ о грѣхахъ;
„Умножь въ Христа вѣру
„И любовь къ Нему;
„Дай радость въ молитвѣ
„И въ службѣ Ему.

„Дай мнѣ благодарность
„Въ надеждѣ всего;
„Дай вѣровать въ славу
„И въ слово Его!

Съ Нимъ, въ горѣ, страданьяхъ
„Дай слезы, чтобъ я,
„Смирясь въ испытаньи,
„Прославилъ тебя.

„Дай чистое сердце
„И духъ правый мнѣ,
„Все сбросивъ земное,
„Стремиться къ тебѣ!
„Быть къ Царству готовымъ,
„Миръ, святость стяжать,
„И жизнью, дѣлами
„Тебѣ подражать".

А помолиться вѣрующему человѣку есть объ чемъ. Посмотрите вокругъ себя,—скажетъ вамъ штундистъ,—и вы увидите, что „человѣчество достигло въ настоящее время крайнихъ предѣловъ своего развращенія. Богъ родитъ хлѣбъ и даетъ человѣку всевозможные предметы, необходимые для его жизни, а человѣкъ торгуетъ этою благодатью, торгуетъ даже совѣстью, вѣрою и человѣческими существами. Богъ разгнѣвался за это на человѣчество и попустилъ его въ рабство. Въ

настоящее время человѣчество находится во второмъ египетскомъ рабствѣ. Человѣкъ теперь порабощенъ новыми египтянами—сильными міра сего. Эти египтяне пользуются нашимъ трудомъ, распоряжаются нашими силами. Вотъ почему въ настоящее время такъ много несчастій на землѣ. На войнѣ проливается невинно кровь человѣческая, въ обыденной жизни свирѣпствуютъ разбои, грабежи, насиліе, взаимныя неудовольствія, воровство и мошенничество. Что такое, напримѣръ, саранча, градъ, падежъ. рогатаго скота, эпидеміи?—Все это казни Божіи посылаемыя Отцомъ Небеснымъ на людей за ихъ грѣхъ, за идолопоклонство, поклоненіе иконамъ и въ особенности за враждебныя, небратскія отношенія другъ къ другу".

Міръ, стало-быть, гибнетъ. Вотъ-вотъ на него нахлынетъ огромная волна второго потопа, еще болѣе грознаго, нежели его библейское предшествіе и нужно заблаговременно думать о построеніи спасительнаго ковчега, прилѣпляясь къ указаніямъ Божественнаго Архитектора. „Именующіе себя христіанами"—православные, католики, церковники-протестанты—не сумѣли заслужить благоволеніе Божье, запутавшись въ нагроможденномъ ими лабиринтѣ книжнаго богословія, хитроумнымъ сплетеніемъ входовъ и выходовъ котораго предполагалось дать пищу изворотливому уму человѣческому, отвлекши его вниманіе отъ истиннаго служенія Предвѣчному въ духѣ и правдѣ. Къ счастью, князь тьмы не всѣхъ еще осилилъ. Подобно драгоцѣннымъ камнямъ среди общей безцвѣтицы блещутъ кое-гдѣ сохранившіяся христіанскія общины, задачею себѣ поставившія тщательное сбереженіе изъ глуби вѣковъ переданное имъ ученіе „великаго галилеянина", на знамени котораго и по сю пору не стерлось радостное предвѣщаніе „симъ побѣдиши".

Ратники, готовые встать на защиту стяга Христова, пламенѣютъ ревностью по горнемъ Іерусалимѣ, преисполнены рѣшимости распространить по лицу погрязшей въ грѣхахъ земли спасительный лозунгъ

Къ труду!

„Всѣ къ труду! всѣ къ труду! слуги Господа силъ
„Въ путь пойдемъ, что Спаситель нашъ Самъ проложилъ;

„Духъ совѣта Его будетъ насъ направлять,
„Вѣру, силу и жизнь каждый день обновлять!
„Всѣ къ труду! всѣ къ труду!
„Бодрствуй и молись,
„Уповай, трудись,
„Доколѣ нашъ Господь придетъ.
„Всѣ къ труду! всѣ къ труду! хлѣбъ, кто алчетъ—найдетъ,
„Всякій жаждущій пусть воду жизни беретъ;
„Искупленье крестомъ возвѣщать всѣ должны:
„Не заслугой своей—мы Христомъ спасены.
„Всѣ къ труду! всѣ къ труду! въ мірѣ много труда;
„Царство мрака и лжи пасть должно навсегда,
„Имя Господа силъ мы прославить должны,
„Съ торжествомъ воспѣвать: мы Христомъ спасены.
„Всѣ къ труду! всѣ къ труду! Нашъ небесный Отецъ
„Когда кончится трудъ, намъ даруетъ вѣнецъ,
„Какъ въ обитель святыхъ будемъ мы введены,
„Съ ними пѣснь воспоемъ: мы Христомъ спасены.

Пашковщина.

Стародавнее подозрительное отношеніе нашего народа къ вторженіямъ въ его жизнь интеллигентскаго посредничества, способнаго служить связующимъ ферментомъ, сдерживающимъ авторитетомъ въ случаяхъ грозящаго распада между указаніями ума и проявленіями дѣйствительности, гдѣ особенно ощущается потребность въ опытномъ руководительствѣ, несговорчивое отстаиванье каждою фракціею расколо-сектантской массы своихъ догматовъ во всей ихъ неприкосновенности, нежеланіе слиться въ компактный матеріалъ, объединенный крупною идеею, подчиняющею себѣ мелкія, лишили многомилліонный осколокъ русскаго народа возможности создать изъ себя нѣчто сплоченное, обладающее смѣлостью

взглянуть въ глаза будущему, стать вѣскимъ факторомъ-участникомъ въ процессѣ измѣненія государственно-бытовыхъ условій, на подобіе западно-европейскаго протестантства, зародившагося на исключительно религіозной почвѣ и выросшаго до переоцѣнки многихъ историческихъ и моральныхъ цѣнностей.

Расколъ, расколовъ православную церковь, одержалъ Пиррову побѣду, и, словно не выдержавъ тяжести борьбы съ могучимъ противникомъ, самъ раскололся на милліонъ трещинъ, въ каждой изъ которыхъ таится его рокъ, его вѣчное momento mori.

Прочная организація не подъ силу русскому человѣку. Способность ввести свою индивидуальную волю въ уровень, въ подчиненность волѣ коллективнаго цѣлаго, дисциплинированность мельчайшихъ движеній организма—дары, не присущіе славянству. Исторія наша, особенно послѣднихъ дней — даетъ такому выводу весьма достаточную обоснованность.

Чуть ли не единственная серьезная попытка объединить раздробленное русское диссидентство, по крайней мѣрѣ, выяснить сущность разногласій между различными толками, принадлежитъ „проповѣднику христіанства въ великосвѣтскихъ гостиныхъ", отставному гвардіи полковнику Василію Александровичу Пашкову, ревностному сектанту въ духѣ евангелизма, человѣку богатому и вліятельному, надумавшему организовать съѣздъ представителей всѣхъ сектантскихъ общинъ, чтобы выяснить пункты разногласій, и, если возможно, выработать почву для соглашеній. И вотъ въ 1883 г., по иниціативѣ Пашкова и барона Корфа разослано было по общинамъ приглашеніе, въ которомъ говорилось, что „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, посвящая Себя за церковь Свою и готовясь идти на крестную смерть, чтобы, подобно зерну пшеничному, падши на землю, умереть и не остаться однимъ, но принести много плода,—обратился къ Отцу своему съ предсмертною молитвою, въ которой высказывается завѣтное Его желаніе. Онъ молитъ Отца не только о тѣхъ, которые послѣдовали за Нимъ, но и о вѣрующихъ въ Него, по слову ихъ прося: „Да будутъ всѣ едино. Да будутъ совершенни во едино". Это завѣщаніе Христово, переданное церкви Его еще

восемнадцать вѣковъ назадъ, по сіе время остается неисполненнымъ. Не кажется ли вамъ, дорогіе братья, что надлежитъ намъ, членамъ тѣла Христова, напоеннымъ однимъ Духомъ и составляющимъ одно тѣло съ Нимъ, намъ, которые призваны къ общенію съ Отцомъ и Сыномъ, вспомнить, что Христосъ жаждетъ совершенія единства единаго Его тѣла. Не кажется ли вамъ, что настала пора привести въ исполненіе завѣщаніе Главы церкви? Предлагаемъ вамъ, братія, вооружившись этою мыслью, прислать отъ церкви вашей одно лицо изъ тѣхъ, кого Духъ Святой поставилъ у васъ блюстителемъ стада, для совмѣстнаго молитвеннаго предъ Господомъ изслѣдованія путей, Имъ Самимъ указанныхъ для совершенія единства церкви Христовой".

Съѣхалось въ Петербургъ свыше ста баптистовъ, штундистовъ и молоканъ, нѣсколько англійскихъ и американскихъ проповѣдниковъ; на собраніяхъ присутствовали лица изъ высшихъ круговъ столицы. Съѣздъ не закончилъ своихъ работъ, ибо члены его были высланы изъ Петербурга. Объединенія сектантства не было достигнуто, цѣлый рядъ вопросовъ былъ оставленъ открытымъ, но точки расхожденія между различными теченіями евангелизма опредѣлились вполнѣ ясно.

Вообще, Пашковъ поработалъ для сектантства не мало и собравшійся около него кружокъ евангеликовъ, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, принялъ, наконецъ, и характеръ и размѣръ цѣлой секты, получившей наименованіе „пашковщины", той же штунды, но охватившей уже сѣверо-западъ Россіи.

Пашковщина тоже не представляетъ собою что нибудь оригинальное, выработавшись изъ теорій прогремѣвшаго въ Петербургѣ семидесятыхъ годовъ извѣстнаго „лорда-апостола" англичанина Гренвилля Редстока, проводившаго свою миссіонерскую дѣятельность преимущественно среди аристократіи. Объѣхавъ всю Англію и западно-европейскій континентъ, всюду увлекая силою краснорѣчія и религіознымъ энтузіазмомъ своихъ эффектныхъ проповѣдей, основанныхъ на ультра протестантскомъ, отвергающемъ всякую церковность, взглядѣ на сущность и задачи христіанства и вербуя адептовъ сво-

бодной религіи, не нуждающейся въ церкви, какъ источникѣ благодати и довольствующейся обильною пищею, даваемою евангеліемъ. Самъ Редстокъ не ушелъ впередъ раньше его высказывавшихся сужденій въ области религіи и этики, вызывая интересъ лишь своею пропагандою въ индиффирентныхъ, въ сущности, къ такимъ вопросамъ свѣтскихъ слояхъ.

Пашковъ серьезно увлекся проповѣдью Редстока, близко принявъ къ сердцу идеалы умнаго и вѣрующаго англичанина и весь ушелъ въ распространеніе симпатичнаго ему ученія. Организовалось общество „редстокистовъ" во главѣ съ самимъ Пашковымъ, княгинею Гагариною, женою генералъ-адъютанта Елизаветою Чертковою и графомъ Корфомъ, создавшее и, съ разрѣшенія правительства, широко развившее „Общество поощренія 'духовно-нравственнаго чтенія", поставившее себѣ задачею „доставленіе народу по возможности пріобрѣтать на самомъ мѣстѣ его жительства и за дешевую цѣну книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта и сочиненія духовно-нравственнаго содержанія". Успѣхъ новаго издательства былъ громадный. Хорошо составленныя брошюрки расходились по Россіи въ очень значительномъ числѣ; такому сбыту не мало способствовали книгоноши общества, умѣло комментировавшіе содержаніе продаваемыхъ ими книжекъ. Это же общество въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издавало журналъ „Русскій рабочій"—простое, нравоучительное наставленіе относительно жизни и дѣятельности человѣка-христіанина. Всѣ изданія общества проникнуты господствующею идеею о необходимости для спасенія одной вѣры въ Христа и единенія со Христомъ посредствомъ чтенія Слова Божія, молитвы и стремленія ко Христу сердцемъ.

Не довольствуясь литературною пропагандою евангелизма, Пашковъ открылъ въ Петербургѣ. на Выборгской сторонѣ дешевую народную столовую, охотно посѣщавшуюся чернорабочимъ людомъ, получавшимъ тамъ и пищу и очень часто денежное пособіе, а поступавшему въ общество Пашкова вручался особый талонъ съ адресомъ магазина, гдѣ прозелитъ могъ получить даромъ экипировку.

Нѣкоторое время гражданская власть совершенно инертно

относилась къ пропагандѣ Пашкова, зато духовенство сразу заявило себя, какъ и понятно, рѣзкимъ противникомъ ех-полковника.

Особенно интересна переписка Пашкова съ протоіереемъ І. Л. Янышевымъ, въ которой первый ставитъ на видъ, что „всячески старается доказать Словомъ Божіимъ, что всѣ христіанскія добродѣтели суть нѣчто иное, какъ плодъ Духа Святаго, даруемаго Богомъ вѣрующему, т. е. принадлежащему отъ сердца Іисусу Христу, и что, поэтому, никакая плоть не можетъ хвалиться передъ Богомъ, получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христѣ Іисусѣ“.

„Я не могу,—пишетъ далѣе Пашковъ,—не признавать установленныхъ Господомъ и Его апостолами таинствъ, но не могу также не убѣдиться словомъ Божіимъ, что всѣ таинства установлены исключительно для вѣрующихъ, для которыхъ однихъ они имѣютъ благодатное дѣйствіе; обращаясь для всякаго, кто приступаетъ къ нимъ недостойно, т. е. безъ вѣры въ осужденіе“.

Пашкову пришлось оставить Петербургъ и поселиться въ провинціи. Въ своихъ Московскихъ, Нижегородскихъ и Тамбовскихъ имѣніяхъ Пашковъ привлекъ въ свою секту не мало крестьянъ, быстро усвоившихъ суть евангелизма, доступнаго пониманію даже очень мало развитаго элемента.

Въ 1884 г. „пашковщинѣ“ пришлось ликвидировать свои дѣла, а Пашкову—убраться за-границу.

Организація Пашкова не погибла и „пашковщина“ представляетъ въ наши дни весьма реальную величину, секту, пользующуюся большимъ вліяніемъ къ сѣверу отъ пояса распространенія штунды и богатую при томъ наличностью въ ея рядахъ людей интеллигентскаго образа мышленія, присутствіе которыхъ несомнѣнно отражается на подвижности секты и постоянному эволюціонированію. А это не малый плюсъ для ея жизнеспособности.

Хиліастическое теченіе въ сектантствѣ.

Сектантство осмысливается неудовлетворенностью наиболѣе порывисто настроенныхъ натуръ средствами, предла-

гаемыми церковью для достиженія нравственнаго совершенства, возсоединенія Божеству и возстановленія утраченной человѣчествомъ гармоніи между духомъ и плотью. Канонически регулируемое христіанство соглашается съ трудностью для „дѣтей вѣка сего“ осуществить высокіе идеалы, преподанные въ галилейскихъ пустыняхъ; оно пыталось приспособить природу человѣческую къ большей воспріимчивости завѣтовъ Христа путемъ указаній на гибельность скользкихъ инстинктовъ „лѣпости“, но очутилось лицомъ къ лицу съ грозной дилеммой: быть вообще человѣку или не быть? Явился компромиссъ, вынужденное игнорированіе быстротечной земной жизни и перенесеніе обители законченнаго служенія Богу въ высь, въ міръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій, т. е. въ абстракцію, въ грезу.

Но всегда находились люди, томившіеся землею и въ то же время страстно къ ней привязанные, вѣрящіе въ ея чудодѣйственную силу, заглушаемую нынѣ стономъ неправды житейской, прикрытую тяжелымъ налетомъ грѣха и злобы. Изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ переходила дивная легенда о неминуемомъ наступленіи на землѣ золотого вѣка царствія Божія, затмѣвающаго своимъ величіемъ всѣ существующія и когда либо существовавшія державы подъ скипетрами земныхъ владыкъ. Со страхомъ вчитываясь въ „откровеніе въ грозѣ и бурѣ“, предъ величіемъ котораго благоговѣйно падалъ ницъ любимѣйшій ученикъ Христа, находили тамъ темныя по формѣ, загадочныя по образности, указанія на время наступленія свѣтозарнаго вступленія на престолъ Царя Царей. Тысячу лѣтъ продлится благоденствіе потомковъ Адама подъ теплыми и благодатными лучами божественной любви, проистекающими отъ воплотившагося въ родѣ Давидовомъ обѣтованія Божьяго. Ветхозавѣтный грозный Адонаі уже разъ послалъ людямъ Мессію, послалъ на тридцать слишкомъ лѣтъ, пошлетъ и на тысячу. Тысячу лѣтъ будетъ скрежетать зубами связанный сатана, на тысячу лѣтъ угомонится змѣиный шипъ злобы, на тысячу лѣтъ растаетъ ледяная кора человѣконенавистничества. Тысячу лѣтъ изстрадавшееся человѣчество будетъ лечить свои раны душевныя и тѣлесныя, тысячу лѣтъ будетъ покрыта ржавчи-

ною отъ бездѣйствія смертоносная коса завистливо бродящей старушонки, тысячу лѣтъ человѣчество, привѣтствуя бодрый крикъ новорожденныхъ, не услышитъ предсмертнаго, тоскливаго стона. Тысячу лѣтъ просвѣтитъ солнце безъ заката, солнце животворное, солнце не палящее, солнце всѣми желаемое, всѣми привѣтствуемое. На тысячу лѣтъ основные элементы міра—воздухъ, земля, огонь и вода, заключатъ межъ собою братскій союзъ на служеніе безобидное гражданамъ Божьимъ, на тысячу лѣтъ возстанутъ чудныя картины библейскаго прошлаго, тысячу лѣтъ вѣтви райскихъ кущей будутъ осѣнять земной Эдемъ безтрепетнаго счастія, захватывающаго дыханіе блаженства.

„Μακάριος καὶ ἅγιος ὁ ἔχον μέρος ἐν τῇ ἀναστάσει τῇ πρώτῃ. Ἐπὶ τούτων ὁ θάνατος ο δεύτερος οὐκ ἔχει ἐξουσίαν, ἀλλ' ἔσονται ἱερεῖς τοῦ Θεοῦ καὶ τοῦ Χριστοῦ, καὶ βασιλεύσονται μετ' αυτοῦ χίλια ἔτη“.

Такъ сотни лѣтъ читаетъ эллинское православіе, въ беззвучномъ экстазѣ упованія, и ждетъ, безропотно ждетъ... Ждетъ, что вотъ-вотъ наступятъ „хиліа“, прислушиваясь къ горделиво несущемуся пѣнію взволнованной, „воинствующей церкви“ западной, вѣрующей въ тѣ же пророческія слова:

Beatus et sanctus qui habet partem in resurrectione prima; in hos enim secunda mors non habet potestatem, sederunt sacerdotes Dei et Christi et regnabunt cum eo mille annos.

„Хиліастическіе“ взгляды раздѣляли многіе пастыри христіанства, какъ, напримѣръ, Папій сп. Гіеропольскій, св. Іустинъ Философъ и св.Ириней Ліонскій. Въ III в. по Р. Х. образовалось цѣлое направленіе „монтанистовъ“, и между послѣдними Тертулліанъ, св. Ипполитъ, Комлодіанъ, Сульпицій Северъ, Лактанцій и др.

Въ всѣхъ западныхъ сектахъ, выросшихъ на почвѣ несогласія съ указаніями ортодоксальныхъ католичества и протестанства, хиліазмъ всегда пользовался уваженіемъ; онъ вошелъ въ тенденціи анабаптизма, въ ученіе социніанъ, въ проповѣдь севеннскихъ пророковъ при Людовикѣ XIV, его идею всецѣло восприняли такіе религіозные мыслители, какъ Жюрье, Пуаре, Серарій—старыхъ временъ—и частью нынѣшніе теологи, вродѣ Делича и др.

Хиліазмъ не минулъ и наше сектантство, послуживъ „символомъ вѣры“ „десняго братства“, „малеванцевъ“ и „адвентистовъ“.

Секта „десного братства“, называемая также „сіонскою вѣстью“ или „сектою іеговистовъ“ обязана своимъ возникновеніемъ отставному артиллерійскому штабсъ-капитану Николаю Созонтовичу Ильину, человѣку, несомнѣнно, даровитому, получившему общее образованіе въ Полоцкой іезуитской коллегіи,— превосходно поставленномъ учебномъ заведеніи, откуда, помимо солидной научной подготовки, онъ вынесъ и склонность къ изученію религіозныхъ вопросовъ. Въ 1845 г., служба занесла Ильина въ Екатеринбургъ. Послѣ обычнаго душевнаго надрыва, свойственнаго ищущимъ и не находящимъ личностямъ. Ильинъ покончилъ съ православною церковью, и въ содружествѣ съ двумя интеллигентными тоже единомышленниками принялся за толкованіе новаго религіознаго ученія, изложеннаго имъ въ его сочиненіи „Сіонская Вѣсть“. Пропаганда Ильина, конечно, не прошла безнаказанною и въ 1856 г., по постановленію суда, онъ былъ водворенъ въ Соловецкій момастырь, затѣмъ наказаніе было смягчено до Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастырь, а кончилъ свои дни Ильинъ уже на свободѣ въ Митавѣ около 1890 г. „Сіонская вѣсть“—документъ большого интереса и опубликованіе его слѣдуетъ всецѣло поставить въ активъ редакціи „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, на своихъ страницахъ дающаго много любопытнаго матеріала, требующаго однако, извѣстнаго процѣживанія. Ильинъ— фанатикъ идеи объединенія всѣхъ религіозно мыслящихъ людей. „Я думаю, читатель, скорбитъ Ильинъ,—что и ты уже видишь, глазно, очима своима, что настали тѣ лютыя времена и дни лукавые, о которыхъ предрекъ еще св. апостолъ... Путь къ явленію антихриста уже широко проложенъ: лже пророцы, лже—апостолы, лже—учители, лже—братія разорвали единое стадо Христово на 666 клочковъ по числу имени звѣринаго“ ибо „вѣръ, толковъ, раздѣленій, преданій и споровъ и сваровъ и распрей о законѣ уставовъ о пищи и питіи... великое множество явилось у христіанъ, такъ что и не знаешь, которой и вѣрять, чреватаго ли или поджараго попа слушать... Но какъ тутъ человѣку прійти въ разумъ истины отъ стольких тол-

ковъ и ученій, ибо къ которой изъ сихъ вѣръ ни прилѣпись, а совѣсть все неспокойна, все ясно видишь, что къ какой припряжкѣ не припрягись, а вожжи то все будутъ въ рукахъ антихристовыхъ". Средство для избѣжанія разнорѣчивости такое: „кто нынѣ іудей, тотъ сдѣлайся христіаниномъ, не отмѣтаяся Закона Божія, даннаго чрезъ Моисея и пророковъ, а кто не іудей или язычникъ, тотъ сдѣлайся іудеемъ, не отметаясь христіанства и, такимъ образомъ, разрушивши средостѣніе вашей, доселѣ бывшей вражды, соединитесь духомъ въ единый, нераздѣльный союзъ братопророческій и клеврето-ангельскій".

Главная задача „іеговиста" состоитъ въ самомъ широкомъ распространенія Евангелія, то есть тѣмъ самымъ раздѣлить человѣчество на „десную" и „ошуюю". Каждый членъ братства долженъ „раздавать сіонскую вѣсть всѣмъ тѣмъ грамотнымъ людямъ, о которыхъ извѣстно, что они сомнѣваются въ толкѣ ихъ и ищутъ себѣ путей къ истинѣ спасительной"! Человѣку, отдавшему себя распространенію „сіонской вѣсти" слѣдуетъ не довѣряться самому святѣйшему человѣку; слѣдуетъ бросить, всякое питаніе отъ ума своего" и положиться всецѣло на волю Господню, познаваемую черезъ усердную молитву.

Раздѣленіе Господомъ всего человѣчества на стоящихъ ошуюю Его и одесную, завершится тѣмъ, что когда разгласится оно во всѣхъ царствіяхъ и народахъ, и когда уже не тайно, а гласно заговорятъ о приблизившемся тысячелѣтнемъ царствіи Христовомъ (Апок. XX 3—7), тогда праведники возлягутъ въ благодатномъ царствіи съ избраннымъ древне народомъ еврейскимъ. Собраніе праведниковъ состоится на Сіонской горѣ. Наступитъ идилическая пора, рисуемая намъ книгами пророковъ Іезекіиля и Исаіи. Всякій, попавшій въ ту пору на Сіонъ зачисленъ будетъ въ святые и граждане Іерусалима, получающаго тогда названіе Герренбурга.

„Іеговистамъ" достовѣрно извѣстенъ контитентъ „ошуйцевъ" которые не удостоятся „Божьяго царства" и попадутъ въ хилорійскій рай сатаны", путь къ которому „весьма широкій и роскошный и потому по немъ идутъ и ѣдутъ въ колясках, каретахъ и верхами многіе милліоны сатанистовъ: съ музыкой, катавасіями, со звонами и барабанами, съ пушками, шты-

ками и мечами, съ парадами, маскарадами, съ торжественными праздниками и разгулами, и въ постъ и въ святки во всѣ лопатки, съ христіански-блудными плясками и торжествами, съ презабавными моленіями творцу всѣхъ безчисленныхъ солнцевъ, планетъ и кометъ въ безконечномъ пространствѣ и владѣльцы какого-то міра, съ великими и чуть ли не факирскими чудесами отъ досокъ и камней, разнаряженныхъ въ шелкъ, бархатъ, золото, серебро и драгоцѣнныя каменья, съ пестами, крестами, досками, съ дорогими окладами и съ шестами, съ прицѣпленными на нихъ тряпками, лошадиными хвостами и съ индульгенціями отъ папъ трехъ Римовъ, католиковъ, патріарховъ, шейхъ-исламовъ, далай ламовъ, преталмуднѣйшихъ раввиновъ, разныхъ сортовъ поповъ, ксендзовъ. суперинтендентовъ, пасторовъ (протестантскихъ, сбокустанскихъ и сзадистанскихъ) или двуногихъ деспотовъ и брюховныхъ владыкъ или кнутобойно-грѣхоснимателей, и многіе изъ нихъ идутъ съ кнутами, батогами и шпицрутенами, для лупленія шкуръ съ дѣтей Божьихъ; іудеи же идутъ съ ихъ жидовскими ханствами и съ ротшильдовскими хищеніями золота"... Всѣ такіе противники Божьи присваиваютъ истинному Іеговѣ человѣческій титулъ: господинъ, панъ, доминусъ, лордъ и т. д., а Лютеру сатана внушилъ написать „герръ, герръ"—выраженіе собачьей злости".

Іеговисты же отнюдь не должны презирать или ненавидѣть сатанистовъ и не дѣлать имъ никакого вреда и обмана, позволять имъ дѣлать, что имъ угодно надъ усопшими іеговистами, и крестить и зачислять ихъ дѣтей въ какія угодно сатанинскія вѣры. Кромѣ того іегвисты должны отдавать кесарево кесареви, а „Іеговино-Іеговѣ".

„Сіонская вѣсть" представляетъ пеструю смѣсь ярко выраженнаго мистицизма съ самымъ холоднымъ раціонализмомъ. Съ одной стороны Ильинъ непоколебимо вѣритъ въ неизбѣжность реализированія апокалипсическихъ, туманныхъ пророчествъ, съ другой—соглашается, что „неопровержимо доказано, что такимъ безмысленнымъ множествомъ солнцъ, планетъ и кометъ, вращающихся на разстояніи квадриліоновъ, окталіоновъ, билліоновъ верстныхъ миль не можетъ владѣть одно такое существо, которое, подобно человѣку, ограничено въ два

аршина семь вершковъ, какъ Іегова, обѣдавшій у Авраама, а тѣмъ болѣе онъ не могъ создать ихъ не только въ шесть дней, но даже и въ 666666666666 окталіоновъ тысячелѣтій".

Разновидностью „іегвизма" можно считать выдѣлившуюся въ 50-хъ годахъ изъ закавказскихъ моноканъ секту „прыгуновъ", восхожденіе которыхъ на обѣтованную гору Сіонъ должно было состояться посредствомъ прыжковъ, въ которыхъ они и практиковались на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ, носившихъ несомнѣннѣйшій характеръ „радѣній". Прыгуны настолько были увѣрены въ неминуемости скораго наступленія тысячелѣтняго царства Мессіи, что забросили всѣ работы и сидѣли сложа руки, по примѣру ничего не сѣющихъ и не жнущихъ птицъ небесныхъ. Да и для чего было трудиться, если

Возсталъ, возсталъ весь Сіонъ,
Онъ готовъ въ походъ идти!
Иди, иди, Царь Сіона,
Воины твои всѣ готовы!
Всѣ страдальцы на мѣстахъ.
Готовы идти въ кандалахъ!
Мы желѣзовъ не боимся,
Кандаловъ не устрашимся,
Надѣемся на тебя,
Спасешь міръ чрезъ себя!
Тогда вдругъ вооружимся,
Въ убѣжище отлучимся,
Пойдемъ къ царю всѣхъ побѣдъ
И намъ дастъ нашъ царь отвѣтъ—
Духъ святой и самъ Богъ съ нами;
Поразилъ его словами.
Слава отцу и сыну,
Святому Духу. Аминь.

Во главѣ прыгуновъ, при образованіи этой мистической фракціи евавгелическаго молоканства, стоялъ „главный толкователь", именовавшій самъ себя „богомъ", проповѣдывавшій о скорой кончинѣ міра, о необходимости умереть очищенными отъ грѣха, для каковой цѣли назначались особыя довѣренныя лица, получившія отъ „бога" титутъ „искупителей грѣховъ"

„Богъ“, оказавшійся нѣкимъ Уколомъ Любавинымъ, на мысль о будущемъ царствѣ напалъ при чтеніи тринадцатой главы пророка Іезексія, процессъ же прыганья у него происходилъ помимо желанія, по наитію свыше. Прыгунство охватило около 400 семействъ молоканъ, и такъ застыло, а къ концу 60-хъ годовъ оффиціальное разслѣдованіе обнаружило, что новая секта не представляетъ рѣшительно никакихъ опасеній, ибо медленно разлагается и къ тому же ничуть не стремится расширить свое вліяніе пропагандою. Гораздо болѣе хлопотъ доставили власти послѣдователи Кондратія Малеваннаго, отпавшаго отъ баптизма и вызвавшаго цѣлую паническую эпидемію въ Кіевской губерніи.

Внимательно читая библію Малеванный нашелъ, что событія, излагаемыя ею, фактически не существовали, и изображеніе ихъ является прообразомъ будущаго, личность Христа—есть синонимъ вѣковѣчной правды, такъ какъ самъ Спаситель говоритъ: „Истинно, истинно говорю вамъ; прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь“.

Баптистская община сочла такое толкованіе главнаго авторитета секты—св. писанія, явно еретическимъ, и Малеванный, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ числомъ увѣровавшихъ въ проповѣдь и новаго пророка, вышли изъ состава общины. Дѣятельность Малеваннаго приняла самый экзальтированный оттѣнокъ, его „ученики“ подпали подъ гипнозъ чисто болѣзненнаго воодушевленія Малеваннаго, и признали въ немъ Спасителя. Малеванный былъ явно неуравновѣшанный человѣкъ, что и подтвердилось затѣмъ произведенною надъ нимъ экспертизою извѣстнаго психіатра Сикорскаго, давшаго повышенному энтузіазму Малеваннаго чисто патологическое объясненіе, и въ результатѣ Малеванный въ 1893 г. попалъ въ домъ умалишенныхъ. Малеванный своими проповѣдями съумѣлъ вызвать въ простонародьѣ нетерпѣливое ожиданіе наступленія будущаго царства небеснаго, въ которомъ будутъ всѣ равны, не будетъ ни врага, ни его жертвы, ни богатаго, ни бѣднаго.

Малеванный, конечно, мистикъ. Человѣкъ для него является не просто органическимъ созданіемъ, одареннымъ способоостью мышленія, а храмомъ, вмѣстилищемъ богочеловѣческаго достоинства, съ огромною способностью внутренняго богопознанія;

законы котораго пишутся на скрижаляхъ сердца, а не на бумагѣ, и этой живой книги не уничтожатъ никакіе человѣческіе законы, какъ бы строги они не были. Книга эта раскрывается для людей самимъ Богомъ, чрезъ посредство избранныхъ имъ людей, а Евангеліе, на которое возлагаютъ такіе упованія евангелики, есть адресъ пути въ городъ спасенія, дойдя до котораго можно адресъ и забросить.

Нѣсколько своеобразно представляютъ себѣ малеванцы будущее воскресеніе мертвыхъ.

— Неужели же вы думаете—говоритъ Малеванный—что взаправду настанетъ время, когда вдругъ раскроются всѣ гробы и повыходятъ оттуда сгнившіе покойники, какъ вотъ ихъ на картинкахъ рисуютъ. Да нѣтъ же. Въ гробахъ люди живые, бродятъ эти люди, какъ звѣри, захваченные грѣхомъ, а спадетъ съ нихъ пелена, бросятъ беззаконія,—раскроются ихъ гробы, и воскреснутъ они тутъ вонъ, на этой землѣ, да и теперь уже воскресаютъ—воскреснутъ всѣ, познавъ истину, Бога въ Его любви, и станутъ люди любить другъ друга, а не терзать, какъ терзаютъ теперь.

...Всѣ будутъ тогда ходить во свѣтѣ, увидятъ правду и неправду, и поклонятся Христу и все покорится Ему, прежде пастухи, потомъ мудрецы, потомъ и цари и всякая власть, тогда правда озарится, и любовь обновиться, и тогда будетъ одинъ Богъ и весь народъ будетъ сыномъ Божіимъ.

Малеванный преклоняется предъ величіемъ всеочищающаго страданія. „Страшный судъ—исповѣдуютъ малеванцы—для вѣрующихъ въ Іисуса наступаетъ тогда, когда бить начинаютъ за Іисуса“... Въ такомъ страданіи истинно вѣрующій черпаетъ новый запасъ духовныхъ силъ, привязанности къ Распятому Богу... Старая идея, чисто русская идея, присущая чутко-проникновеннымъ натурамъ, умѣющимъ по выраженію старца Зосимы, улавливать трепетъ жизни въ каждой травинкѣ.

Профессоръ Сикорскій, близко наблюдавшій проявленія малеванскаго движенія, объясняемаго имъ массовымъ психозомъ, вылившимся въ своеобразную пассивную оппозицію установившемуся общежитейскому распорядку, передаетъ, что малеванцы рѣзко измѣнили свой обычный образъ жизни, про-

дали большую часть имущества, переведя его на деньги, отказываются отъ работы, и, оставаясь въ бездѣйствіи, находятся въ особенно, ненормально благодушномъ настроеніи духа. Малеванцы, зорко ожидающіе второго пришествія, увѣренные въ своей подготовленности къ встрѣчѣ таинственнаго момента, словно доживаютъ послѣдніе дни своей старой жизни. Счеты съ нею подведены, всѣ невыясненности ея малеванцами представляются устраненными и они погрузились въ нѣжно ласкающую пѣну философскаго квіетизма,—состояніе тихой недвижимости страстей, при которомъ постепенно понижается способность волевого напряженія. Такую загадку, какъ малеванщина, мудрено анализировать, въ нее можно только вѣрить, или не вѣрить, къ ней безцѣльно подходить со скальпелемъ въ рукахъ, а остается только признавать существованіе до сихъ поръ еще тускло освѣщенныхъ феноменовъ, можетъ быть и патологическихъ, какъ утверждаетъ цитируемый выше Сикорскій, но можетъ быть и нѣть, если встать на дикую для вооруженнаго наукою психіатра точку зрѣнія. Да и вѣдь и вся вообще религія въ сильныхъ неладахъ живетъ съ экспериментальнымъ знаніемъ. Авторитетъ длинныхъ рядовъ математическихъ выкладокъ, прокипѣвшій на днѣ химической реторты, съ постояннымъ сарказмомъ давно уже грозитъ разрушить воздушный миражъ, нѣсколько тысячелѣтій висящій надъ міромъ, но есть что то въ фантомѣ, предъ чѣмъ останавливается замахнувшаяся было рука.

Мелкія развѣтвленія сектантства.

Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія крестьянинъ Максимъ Поповъ, принадлежавшій къ сектѣ молоканъ, нашелъ ее недостаточно радикальной въ смыслѣ соціальной стороны ея ученія, и составилъ „уставъ упованія общаго ученія“, предлагавшій истиннымъ христіанамъ разбиться на федераціи отдѣльныхъ общинъ, построенныхъ на принципѣ общности всего хозяйства, исключающей всякое частное владѣніе, даже и орудіе производства. Поповъ всталъ на сторону эмансипаціи половъ, предлагая обучать совмѣстно дѣтей обоего пола въ

школахъ, поддерживаемыхъ всѣми безъ исключенія сторонниками „общаго ученія“. Поповъ отъ словъ быстро перешелъ къ дѣлу, роздалъ свое довольно крупное состояніе нуждающимся, привлекъ на свою сторону много сочувствующихъ по Заволжью, и сдѣлался наставникомъ быстро соорганизовавшейся секты. „*общихъ*“, обдумывать дальнѣйшее развитіе которой горячей головушкѣ Попова пришлось въ прохладныхъ пространствахъ Енисейской губерніи.

Поповъ близко принялъ къ сердцу 44 стихъ 2-й главы „Дѣяній Апостольскихъ“, указывающій, что въ первое. послѣ отшествія Господа Іисуса Христа время „всѣ вѣровавшіе“ „бяху вкупѣ, и имѣху вся обща“. Послѣдователи Попова такъ и сдѣлали. Избрали они изъ своей среды, двѣнадцать апостоловъ, отдали въ ихъ распоряженіе свое имущество, и устроили общественный складъ, которымъ завѣдывалъ выборный казначей, но вскорѣ обнаружились нѣкоторыя практическія неудобства полнаго отказа отдѣльныхъ личностей отъ собственности, и коммуна подверглась измѣненіямъ въ томъ смыслѣ, что въ общественное пользованіе каждая семья вносила десятую часть всякаго имущества и дохода.

Изъ 12 апостоловъ, управляющихъ каждою общиною, девять мужчинъ и три женщины. Первые исполняютъ общеадминистративные функціи, сфера дѣйствія вторыхъ ограничивается надзоромъ за поведеніемъ слабаго пола, и руководительствомъ хоровымъ пѣніемъ при богослуженіи.

„Судья“, „видѣтель“ и „членъ“ рѣшаютъ наиболѣе серьезныя дѣла общины; „жертвенникъ“, „молитвенникъ“ и „тайникъ“, выступаютъ лишь въ случаяхъ достодолжной скрытности, и принимаютъ покаяніе, а „распорядитель“, „словесникъ“ и „мысленникъ“ наблюдаетъ за спокойствіемъ общины.

Всѣ распри рѣшаются въ силу „мысленнаго закона“, состоящаго въ томъ, что „судья“ собираетъ мнѣніе прочихъ восьми членовъ президіума по данному вопросу, непремѣнно путемъ тайной подачи голосовъ и сообразно съ сужденіемъ большинства постановляетъ приговоръ, безапелляціонный для каждаго сектанта.

Въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ семействъ „общіе“ сохра-

нились еще и посейчасъ, облюбовавъ себѣ окрестности города Ленкорани въ Закавказьи.

На полтара десятка лѣтъ позже Попова, въ 1836 г., малярь Борисъ Моргуновъ, жившій въ Донецкомъ округѣ, додумался, что все черное происходитъ отъ чернаго духа, попросту—отъ дьявола; а бѣлый цвѣтъ, наоборотъ, составляетъ принадлежность свѣтлаго міра небожителей—идеала душевныхъ вожделѣній вѣрующаго человѣка. Необходимо, значитъ, „обѣлиться", отречься отъ темноты, подъ покровомъ которой злая сила стремиться подчинить себѣ нашу слабую природу. И вотъ создался лозунгъ; „прочь отъ чернаго". Нашлись люди, живо увѣровавшіе въ гибельность для спасенія себя чернаго цвѣта въ предметахъ домашняго обихода и принявшіеся старательно отъ него отдѣлываться, не останавливаясь даже предъ убійствомъ чернаго скота.

Основываясь на томъ, что Спаситель былъ погребенъ въ бѣлыхъ ризахъ, Моргуновъ рекомендовалъ имѣть исключительно бѣлую одежду, откуда и пошло названіе секты. Моргуновъ былъ посаженъ въ тюрьму за свои поученія, не отвѣчавшія установившимся церковнымъ традиціямъ, подвергся увѣщанію со стороны мѣстнаго архіерея и былъ затѣмъ выпущенъ на свободу.

Въ 1865 г. преосвященный владимірской епархіи сдѣлалъ „куда слѣдуетъ" сообщеніе о новой сектѣ, появившейся въ предѣлахъ губерніи и именующей своихъ сочленовъ „*бѣлоризцами*". „Подобно перекрещенцамъ — писалъ владыка — бѣлоризцы бракъ считаютъ блудомъ и живутъ повидимому, цѣломудренно, какъ иноки; по наружности сектанты эти тощіе, истомленные, за царя не молятся; подобно нѣтовцамъ говорятъ, что ни въ чемъ нѣтъ благодати; денегъ въ руки не берутъ и паспортовъ не принимаютъ; всѣ ереси и толки раскольничьи осуждаютъ, считая себя однихъ истинными и духовными христіанами. Подобно западнымъ иллюминатамъ, считая себя просвѣщенными свыше, твердятъ слѣдующую, самую употребительную между ними молитву: „Отче Господи небеси и земли! Ты утаилъ еси вся сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси сія младенцамъ простымъ".

Главаремъ секты владимірскихъ бѣлоризцевъ указывался

крестьянинъ Николай Лукинъ. На допросѣ онъ показалъ, что онъ вѣры истинной, но великороссійскую церковь не признаетъ истинной, ибо единый архіерей и священникъ есть Спаситель. Цѣль найденныхъ у него мѣдныхъ крестовъ Лукинъ объяснилъ ихъ прочностью сравнительно съ деревянными, менѣе, слѣдовательно, пригодными для спасенія. Изъ дальнѣйшихъ собесѣдованій съ бѣлоризцами выяснилось, что, кромѣ „бѣлыхъ ризъ", все остальное сектантами заимствовано отъ разныхъ теченій старообрядчества и сектантства.

Существуетъ въ Псковской губерніи Никандрова пустынь однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ иноковъ которой въ семидесятыхъ годахъ былъ ризничій Серафимъ, пользовавшійся особою любовью окрестнаго населенія, видѣвшаго въ немъ человѣка строгаго благочестія и духовнаго провидѣнія. Келья Серафима была всегда мѣстомъ паломничества разныхъ любителей „назиданія". И Серафимъ назидалъ, да только не такъ, какъ это практикуется строго православнымъ духовенствомъ Каждому приходящему къ нему монахъ втолковывалъ, что истиннаго христіанства въ наше время нѣтъ нигдѣ, а есть только смрадъ и духота отъ нечестія, и царитъ въ мірѣ антихристъ Ему же, Серафиму, препоручено составить избранное стадо изъ лучшихъ христіанъ и подготовить ихъ къ близкому второму пришествію что выразится въ страшныхъ пыткахъ надъ ними со стороны грѣховнаго міра, вслѣдъ за которымъ наступитъ всеобщее прощеніе.

Вновь назначенный въ пустынь настоятель не могъ примириться съ такою странною проповѣдью, и послѣ его запрещенія Серафимъ тайкомъ покинулъ обитель, съ годъ жилъ въ глуши лѣсной, былъ тамъ пойманъ и отправленъ въ Петербургъ.

Оказалось, что существуетъ уже цѣлая секта *„серафимовцевъ"* значительный процентъ, членовъ которой состоитъ изъ женщинъ, которымъ предоставлены многія священическія прерогативы, вродѣ благословенія, отпущенія грѣховъ и т. п. Желающіе сдѣлаться „серафимовичемъ" или „серафимовною" должны были трое сутокъ молиться Богу, положивъ въ это время до 3000 поклоновъ. Послѣ такого искуса женщины обрѣзали себѣ косы, опоясывались ремнемъ и надѣвали обручальное кольцо т. е.

прощались со всѣми свѣтскими утѣхами, вѣнчаясь съ Христомъ.

Въ противоположность бѣлоризцамъ, серафимовцы постоянно носятъ темныя платья. Собираются онѣ по вечерамъ наканунѣ праздничныхъ дней и поютъ подъ аккомпаниментъ различныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

Въ 1871 г. нѣкій г. Заволжскій, изслѣдовавшій экономическій бытъ населенія Вятской губерніи, обнаружилъ совершенно новую секту „*Медальщиковъ*“, въ ученіи которыхъ, однако, религіознаго элемента не было обнаружено, и вся секта, по мнѣнію того же г. Заволжскаго, „есть живой протестъ населенія противъ несоразмѣрныхъ съ его платежными силами податей“. „Медальщики“ порѣшили бросить свою землю, дома, на томъ основаніи, что Царь-Освободитель хорошо зналъ о невеселомъ мужицкомъ житьѣ-бытьѣ, освободилъ народъ отъ земли и податей и приказалъ вычеканить медаль въ память 19 февраля 1861 г. Медаль эта имѣетъ огромное значеніе. Стоитъ ее показать приказному и онъ рта не откроетъ насчетъ разныхъ тамъ платежей. Подушную подать еще—куда ни шло—платить, пожалуй, можно, а по остальнымъ пунктамъ — ни-ни. Вотъ и разыскиваютъ медальщики такія спасительныя для нихъ медали, обладающія магическою силою не меньше знаменитаго „фармазонскаго рубля“. Пассивное сопротивленіе платежу податей оказываютъ и такъ называемые „неплательщики“.

Крупнѣйшій расколовѣдъ нашихъ дней Александръ Степановичъ Пругавинъ, работающій въ этой области почти три десятка лѣтъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ рельефно освѣтилъ любопытную личность основателя секты „*сютаевцевъ*“—немудраго па первый взглядъ тверского мужичка Василія Сютаева. Сютаевъ слыхалъ, что есть „наука философія, которая учитъ, какъ бы капиталъ нажить“. „До этой философіи—рѣшилъ онъ—не надо дотыкаться, а надобны тѣ науки, которыя учатъ, какъ лучше жить людямъ. Надо доискиваться, какъ бы грѣшники не грѣшили, какъ бы воры не воровали“...

Сютаевъ—не сектантъ. Онъ—„истинный христіанинъ“ и стремится только къ тому, чтобы „устроить жисть по правдѣ, чтобы другъ дружкѣ не вредно было“. А для этого „нужно жить по-Божьему. Поле не должны дѣлить, лѣсъ не должны

дѣлить, дома не должны дѣлить... Первое дѣло—замковъ не надо, сторожей не надо, торговли не надо, судовъ не надо, войны не надо". Нужна истинная вѣра. А она въ любви. Сютаевъ твердо увѣренъ, что несомнѣнно наступитъ пора, когда любовь охватитъ весь міръ и заполнитъ его „смиренство".

Сютаевъ до своихъ убѣжденій дошелъ чрезъ чтеніе Евангелія и твореній Св. Тихона Задонскаго—его любимаго духовнаго писателя. Въ концѣ концовъ Сютаевъ кончилъ уже отрицаніемъ всей церковной обрядности и существующаго нынѣ бытового строя, и пытался даже устроить изъ своихъ односельчанъ маленькую братскую общину, на основаніяхъ „обчихъ".

Сютаевъ—оптимистъ. Трудно онъ сживается съ невозможностью переработать человѣческую природу, такъ свыкнутся вѣками съ положеніемъ вещей. Но вѣритъ Сютаевъ, что непорядки когда-нибудь кончатся, только бы дознаться, придетъ ли Спаситель. Но, съ другой стороны, Сютаевъ и его единомышленники—а такихъ не мало въ Новоторжскомъ уѣздѣ, убѣждены, что старый порядокъ, при которомъ творится всякая житейская неправда, не можетъ навсегда сохраниться, „наемникъ" долженъ исчезнуть съ лица земли, ибо брать въ наемъ или идти самому въ наемъ—не по Писанію.

Къ сожалѣнію, А. С. Пругавинъ не сообщаетъ о дальнѣйшей судьбѣ Василія Сютаева, видѣлъ котораго онъ въ 1881 г. Сопричислился ли Сютаевъ къ разряду людей „неудобныхъ" или оставленъ на покоѣ доживать свой вѣкъ, хотя въ защиту его могло послужить и то обстоятельство, что, какъ подмѣтили газеты, „пропагандой" въ специфическомъ смыслѣ этотъ слова этотъ „Божій ратникъ" не занимался.

Трудами церковной и гражданской власти зарегистрованы еще и такія секты, какъ „сѣкачи", „варсонофцы", „дыропеки", „дырники", „никодимцы", „обнищеванцы" и нѣкоторыя другія. Всѣ онѣ представляютъ одни и тѣ же перепѣвы, мало индивидуальны и распространеніе ихъ ограничивается очень узкимъ раіономъ.

Теперь нѣсколько словъ о продуктѣ послѣдняго времени,— такъ называемыхъ „*іоаннитахъ*". Это—отъ начала до конца одно недоразумѣніе, отчасти грустное, а отчасти и вызывающее улыбку.

Газеты чуть ли не каждый день сообщаютъ новыя свѣдѣнія о дѣятельности агентовъ этого полулегальнаго сообщества, занимающихся усиленною вербовкою легковѣрныхъ людей, готовыхъ добродушно открыть свой тощій кошелекъ и пересыпать его содержимое въ бездонную мошну кронштадтскихъ „богородицъ“ и „архангеловъ“. Секта возникла на почвѣ эксплоатированія имени популярнаго въ извѣстныхъ слояхъ общества протоіерея Іоанна Сергіева, всячески своихъ не въ мѣру ревностныхъ поклонниковъ образумляющаго, но не всегда достигающаго цѣли. „Іоаннитство“ является безспорно гнойнымъ нарывомъ на и безъ того изнервничавшемся организмѣ русскаго сектантства. Разумѣется, говорить о немъ сколько-нибудь серьезно не приходится, ибо вопросъ объ „іоаннитахъ“—вопросъ просто времени, такъ какъ существованіе подобной „секты“ не сопряжено съ какою-либо идеею, а находится въ прямой зависимости отъ своеобразныхъ условій момента.

Мертворожденность „іоаннитства“, его полнѣйшая безъидейность и объясняютъ то гибельное для него обстоятельство, что, до нѣкоторой степени еще прозябая между небогатыми мыслительною силою обывателями, оно не выдвинуло ни одного чуть замѣтнаго дѣятеля, если не считать, конечно, всевозможныхъ „сателлитовъ“ надъ описаніями подвиговъ которыхъ не мало поработали перья петербургскихъ репортеровъ.

У „іоаннитовъ“ нѣтъ ничего того, что, обыкновенно, составляетъ внутренній смыслъ любой секты, нѣтъ ни религіознаго, нѣтъ ни этическаго ученія, нѣтъ даже какой-либо оригинальной формы культа. Одинъ только „нимбъ“ да и то изъ фольги.

Библіографическія указанія.

Авторъ считаетъ не безполезнымъ дать краткій перечень наиболѣе существенныхъ изысканій въ области расколовѣдѣнія, ограничиваясь, понятно, ссылкою на работы, гдѣ-либо и когда-либо изданныя, а потому болѣе доступныя ознакомленію, нежели рукописные матеріалы, пользованіе которыми затруднительно уже въ силу ихъ храненія за семью замками и столькими же печатями, и требуемой ими кропотливой усидчивости.

Роль раскола въ жизни русскаго народа талантливо выяснена прежде всего въ статьяхъ А. С. Пругавина, безъ котораго нельзя двинуться ни шагу. См. «Русскую мысль» 1881, № 1, «Недѣлю» 1877, № 49—50, «Голосъ» 1880, № 51, его же брошюру «Расколъ и сектантство», книгу «Расколъ внизу, расколъ вверху».

Много пищи даетъ объемистый трудъ П. Н. Милюкова «Очерки по исторіи русской культуры». Рекомендуется прочесть «Русскихъ диссидентовъ» І. Юзова (Каблиуа), «Земство и расколъ» А. Щапова, «Современное значеніе раскола» И. Харламова («Страна» 1880, № 64), «Религіозныя основы жизни» В. С. Соловьева, «Историческія судьбы раскола» В. В. Андреева, его же «Расколъ и его значеніе въ русской исторіи», (Всемірный трудъ» 1870, № 1—4), «Русскій расколъ» Н. Кашкарова, («Новое время» 1879, № 1244), «Что такое нашъ расколъ?» («Мысль» 1881, № 2) «Культурные піонеры», Куликовскаго («Слово» 1878, № 4) и январьскую статью въ «Новомъ Словѣ» 1897). Сравнить все это съ брошюрою «Н. С.» «О значеніи и сущности раскола» и «Письмами о расколѣ» П. Мельникова, помѣщенныхъ въ первыхъ 15-ти №№ «Сѣверной Пчелы» за 1862 г. Сюда же можно отнести «Планъ полнаго собранія свѣдѣній, относящихся къ расколу» Н. Надеждина, напечатанный въ «Братскомъ Словѣ» (1876, № 2). Нельзя обойти составленный В. Кельсіевымъ «Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» (Лондонъ, 1860—64 г.г.). Въ журналѣ «Странникъ» (1886—1888), найдете рядъ «Записокъ» о расколѣ П. И. Мельникова, Т. С. Лазаревскаго, А. Крыжина, Н. И. Ивановскаго, и И. Ѳ. Нильскаго, а на 75 стр. «Р. старины» 1881 г.; прочтете «Мысли» на ту же тему князя Н. А. Орлова.

О «стригольникахъ», «жидовствующихъ» и вообще о раннемъ періодѣ противоцерковничества см. 6-й томъ «Исторіи Русской Церкви» Макарія, «Исторію русской церкви» Е. Голубинскаго, «Исторію русской церкви» Филарета, «Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ» Костомарова, «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи» В. Иконникова, «Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ» А. Архангельскаго, «О зарожденіи религіозныхъ сектъ въ Россіи съ раціоналистическимъ направленіемъ въ Россіи» И. Малышевскаго (въ «Труд. Кіев. Дух. Акад.» 1883), «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ» Н. Руднева, «Ересь жидовствующихъ» И. Панова («Журн. Мин. Нар. Пр.» Т. 189, 190), «Собр. русск. лѣтоп.» Т. IV, «Русскую Исторію» Н. Карамзина и В. Соловьева, «Русскіе еретики» М. Кояловича («Христ. Чт.» 1871, № 2), «Ученіе Ѳеодосія Косого» И. Емельянова («Тр. Кіев. Дух. Акад.» 1862, «Великорусскіе религіозные вольнодумцы» Н. Костомарова («Отеч. Зап.» 1862, № 10), «Опытъ изслѣдованія ереси жидовствующихъ» А. Сервицкаго («Прав. Обозр.» 1862, № 6—8, «Ересь жидовствующихъ», М. Толстого («Душеп. Чт.» 1867, № 3, «Житіе Іосифа Волоколамскаго» (Приб. къ твор. св. Отцовъ» 1874, V, 256, «Изслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Волоколамскаго» Хрущова, Акты Археогр. Комм., Т. I, Акты Историческіе, Т. I, «Истины показаніе къ вопрошающимъ о новомъ ученіи» Зиновія Отенскаго, «Письма о человѣкахъ» А. Горскаго («Приб. къ творен. св. отцовъ» 1851), «Митрополитъ Даніилъ» Жма-

кина, «Секта стригольниковъ» Ѳ. Титова («Миссіон. Обозр.» 1896, № 3), «Дьяка Ѳедора Курицына» Ѳ. Ильинскаго («Р. Арх.» 1895, № 1), «О ереси жидовствующихъ».—Новые матеріалы, собранные Бѣлокуровымъ, Долговымъ, Евсѣевымъ и Соколовымъ. (Рецензія А. Соболевскаго въ октябрьской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1902 г.).

Исправленіе богослужебныхъ книгъ и начало раскола.

Статья подъ тѣмъ же названіемъ А. Пыпина Вѣстн. Евр. 1894, № 9. «Соборъ Русской церкви, бывшій по поводу исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ» А. Гренкова въ № 9 «Прав. Обозр.» 1870, «Стоглавъ»—изданъ два раза: Каз. Дух. Академіею и Д. Кожанчиковымъ; «Дѣянія Московскаго Собора 1654», изд. въ Москвѣ (1873) г.) и Псковѣ (1875), о московскомъ соборѣ 1666—1667 гг. см. статью В. Богословскаго въ «Прав. Обозр.» 1871, №№ 2, 3, 6 и 7, всѣ оффиціальные акты и челобитныя того же времени напечатаны въ «Матеріалахъ для исторіи раскола», редактированныхъ Н. Субботинымъ; «Арсеній Сухановъ» С. Бѣлокурова; «Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковнаго обряда» Н. Каптерева (прод. см. въ № 1 «Прав. Обозр.» за 1888); «Патріархъ Никонъ» Гюббенета; «Русскій расколъ старообрядства» А. Щапова, «О происхожденіи раскола въ русской церкви» Н. Благовѣщенскаго («Тр. Кіев. Дух. Акад.» 1866, № 4); «Причины появленія раскола» И. Харламова («Страна» 1880, № 53); «Протопопъ Аввакумъ» В. Мякотина; «Протопопъ Аввакумъ» Н. Ивановскаго («Прав. Собес.» 1869 № 1; «Боярыня Морозова» Н. Тихонравова («Русскій Вѣстникъ» 1869, № 9); «Протопопъ Аввакумъ» Д. Жижиленко («Странникъ» 1883, №№ 3, 4, 8, 9, 10); «Возмущеніе соловецкихъ монаховъ» И. Сырцова; «Очеркъ Исторіи соловецкаго мятежа» И. Соколова въ «Душепол. Чтеніи» 1887, № 2; «Стрѣлецкіе бунты» М. Погодина («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1873, № 12); его же статья «Раскольники въ управленіе царевны Софіи и князья Хованскіе» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1874 г. № 12; «Варлаамъ Левинъ» Г. Есипова; «Самуилъ Выморковъ» М. Семевскаго; («Отеч. Зап.» 1866, №№ 8 и 9); «Монахъ Самуилъ» С. Соловьева въ № 7 «Прав. Обозр.», за 1860 г.

Поморцы.

„Братья Денисовы", Н. Барсова въ „Прав. Обозр.", 1865, I. 17 и 18; „Выговская пустынь», И. Чистовича («Чт. въ общ. ист. и др. Росс.», 1859, № 3); «Выговскіе піонеры», Я. Абрамова—«Отеч. Зап.» 1884, № 34; «Выгорѣцкій лѣтописецъ» («Братское Слово», 1888, № 10); «Исторія Выговской пустыни», И. Филиппова; «Поморскіе отвѣты»—(есть нѣсколько изданій).

Ѳедосѣевцы.

«Исторія преображенскаго кладбища»—въ первомъ выпускѣ Кельсіевскаго «Сборника правит. свѣд. о раскольникахъ»; «Матеріалы для исторіи безпоповшинскихъ согласій», Н. Попова; «Историческая записка о Преображ. кладбищѣ», А. Сорокина («Истина», 1876, т. 45); «Уставъ ѳедосіанъ», («Истина», 1871, кн. 19); «Извѣстна ли сущность ѳедосѣевской секты», («Голосъ» 1866, № 310).

Филипповцы.

«Ученіе филипповской секты»,—4 вып. «Сборн. прав. свѣд. о раскольник.» «Филипповская старообрядческая часовня въ Москвѣ», А. В—скаго («Правит. Обозр.», 1864, № 1).

Странники.

«Странники», А. Розова («Вѣстн. Евр.» 1872, № 11, 12), «Бродячая Русь», С. Максимова, «Странники» И. Харламова («Р. Мысль», 1884, № 5 — 6); «Бѣгуны» А. Щапова печатались сперва въ «Отеч. Зап.» (1861, № 12), а потомъ въ

«Времени», 1862, № 10—11); «Краткая записка о бѣгунахъ», И. Аксакова «Р. Арх. 1866, № 4; «Странники», С. Приклонскаго, «Сѣв. Вѣстн.», 1888, № 9—10; «Возникновеніе страннической секты», И. Пятницкаго, «Странникъ» 1884, №№ 5=7.

Бѣглопоповцы. Вятка и Стародубье.

«Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», И. Алексѣева («Лѣтопись Русской Литер. и Древн.», 1862, № 4; «Исторія о краденомъ священствѣ»—«Истина», 1875, кн. 43); «О попыткахъ снабдить раскольниковъ епископомъ», (Прав. Соб., 1867, № 1—2; «Историческіе очерки поповщины» И. Мельникова (Рус. Вѣстн.» 1863—1867 гг.

Австрійское согласіе.

«Исторія Бѣлокриницкой іерархіи», Н. Субботина; «Бѣлая Криница» («Библ. для чт.», 1862, № 12; «Совр. лѣтописи раскола», Н. Субботина: «Окружное посланіе» см. въ 19-ой книгѣ «Истины» за 1871 г.; «Сказаніе объ учрежденім Бѣлокриницкой іерархіи» («Братское Слово», 1891, № 14; «Къ Исторіи русскаго раскола» И. Юдина («Р. Стар.», 1894, № 1).

Единовѣріе.

«Историческій очеркъ единовѣрія», М. С—каго; «Правила единовѣрія («Изв по Каз. епархіи», 1870, № 3); Историческій очеркъ единовѣрія» П. Смирнова («Вѣра и Разумъ», 1893, № 12); «Современные вопросы церковные» Т. Филиппова; «Исканіе старообрядцами въ XIV в. законнаго архіерейства», Т. Верховскаго.

Сектантство.

Происхожденіе сектантства. Исторія протестантизма въ Россіи Кульмана и Тверитинова.

«Матеріалъ для исторіи мистицизма въ Россіи», П. Сладкопѣвцева, ст. «Дух. Бес.», 1865, № 1, 27, 29, 1874, № 40, 41; «Странникъ», 1878, т. 3—4; «Исторія протестантизма въ Россіи», П. Соколова; «Памятники къ исторіи протестантизма въ Россіи», Д. Цвѣтаева (Чт. въ общ, ист. и др. Росс.», 1889; «Квиринъ Кульманъ», Тихонравова, «Р. Вѣстн:», 1867, № 11 — 12; «Дѣло о лекарѣ Тверитиновѣ»; «Пам. древней письменности», 1882; «Московскіе вольнодумцы XVIII в. и Стефанъ Яворскій», Н. Тихонравова, «Р. Вѣстн.», 1870. 1871; «Слѣдственное дѣло о московскихъ еретикахъ въ царствованіе Петра 1, I. Терновскаго.

Хлыстовщина и скопчество.

«Секта хлыстовъ», К. Кутепова; «Люди Божьи», И. Добротворскаго; «Люди Божьи», Н. Реутскаго; «Иванъ Сусловъ и Прокопій Лупкинъ», И. Снегирева, «Прав. Обозр.», 1862, № 7; «Русскій простонародный мистицизмъ», Н. Барсова; «Хлыстовщина и скопчество», А. Рождественскаго; «Секта людей Божьихъ», Д. Куликовскаго, «Слово», 1880, № 9; «Дѣло о скопцѣ Елеонскомъ», И. Липранди, «Чт. въ общ. ист. и др. Россіи», 1867, № 8; «Излѣдованіе скопческой ереси», П. Надеждина; «Судебно-медиц. изсл. скопчества», Д. Е. Пеликана; «О скопцахъ» Пилецкаго; «Бѣлые голуби», П. Мельникова, «Р. Вѣстн.», 1869, № 3, 5.

„Духовный союзъ“ и ересь Котельникова.

«Наши мистики сектанты», Н. Дубровина, «Р. Стар.» 1895—1896; «Изъ исторіи мистицизма. Татаринова и Головина», В. Фукса, «Р. Вѣстн.» 1892, № 1; «О сектѣ Татариновой», Липранди, «Чт. въ общ. ист. и др. Росс.», 1868, № 4; «Ересь Котельникова», В. Жмакина, «Хр. чт.», 1882, № 11 — 12; «Библейская секта 20-хъ годовъ», «В. Евр.», 1871, № 3.

Духоборчество.

«Духоборцы. Ихъ ученіе», М. Тебенькова; «Русская Старина», 1896, № 8; «Духоборцы», И Харламова, «Р. Мысль», 1884, № 11; «О духоборцахъ» О. Новицкаго; «Записки о духоборахъ», И. Лопухина, «Чт. въ общ. ист. и др. Росс.», 1874, № 4; въ II книгѣ то же изданія за 1871 г. напечатано «Исповѣданіе духоборовъ»; «Матеріалы по исторіи русскаго сектантства», изданные за-границею. О толстовствѣ см. библіографическій указатель Ю. Битовта.

Молоканство.

«Воспоминанія о молоканахъ», Н. Костомарова, «Отеч. Зап.», 1869, № 3; «Молокане», Т. Эмера, «В. Евр.» 1879, № 9; «Вѣроисповѣданіе духовныхъ христіанъ», изд. въ Женевѣ.

Штундо-баптизмъ

«Южно-русскій штундизмъ», А. Рождественскаго; «Религіозное движеніе на югѣ Россіи», К. Старинкевича, «Слово», 1880, № 6, 8; «Штундисты», В. Маврицкаго, «Прав. Обозр.», 1881, № 2—3; «Прошлое и настоящее штунды», Я. Абрамова, «Дѣло», 1889; «Раціонализмъ на югѣ Россіи», «Отеч. Зап.», 1878, № 3, 5; «О причинахъ появленія раціоналистическихъ ученій», А. Ушинскаго; «Штундисты», И. Харламова, «Р. Мысль», 1885, № 10, 11; «Баптизмъ», А. Б—ва, «Тр. Кіев. дух. акад.», 1890, № 10, 11.

Пашковщина

«Секта пашковцевъ», Г. Терлецкаго, «Прав. Обозр.», 1899; «Религіозныя мнѣнія пашковцевъ», І. Янышева, «Церк. Вѣстн.», 1880, № 11, 13; «Пашковцы» А. Пругавина, «Р. Мысль», 1884, № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

оружія. Въ этой борьбѣ за существованіе человѣкъ тоже долженъ принять участіе: онъ долженъ защищаться отъ растеній, животныхъ, и своихъ собратьевъ. И именно борьба съ послѣдними самая трудная, такъ какъ она существуетъ повсюду: индивидуумъ борется съ индивидуумомъ, классъ народа съ классомъ народа, племя съ племенемъ, раса съ расой. Книга эта интересна и поучительна.

ОСНОВЫ ОБЩЕДОСТУПНОЙ ПСИХОЛОГИИ и ея примѣненіе къ воспитанію. Джемсъ Селли. Переводъ съ англійскаго подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб., 1908 г. Цѣна 1 р. 35 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебн. зав.

ВУЛКАНЫ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ. Профессора Неймайръ. Переводъ С. Чернова 98 рисунковъ, 277 страницъ. С.-Петербургъ., 1903 годъ. Цѣна 90 коп. Физическія свойства земли.—Форма земли.—Вѣсъ земли.—Температура внутри земли.—Толщина земной коры и состояніе внутренности земли.—Вулканы.—Везувій.—Продукты вулканическихъ изверженій.—Теорія поднятія и теорія накопленія.—Флегрейскія поля. Прочіе вулканы Италіи. — Вулканы Атлантическаго океана. —Вулканы Европы, расположенные за предѣлами Италіи.—Вулканы Азіи, восточной Африки и Индійскаго океана.—Вулканы Америки.—Вулканы Великаго океана.—Число вулкановъ.—Дѣленіе вулкановъ.—Разрушеніе вулканическихъ горъ.—Причины вулканическихъ явленій. Землетрясенія.—О характерѣ землетрясеній.—Число и продолжительность землетрясеній.—Моретрясенія.—Всемірный потопъ.—Причины землетрясеній.—Способы изслѣдованія землетрясеній.

НАРОДОВѢДЕНІЕ. Гиберландтъ. Приватъ доцента въ Вѣнѣ. Перев. Гренсбурга. Спб. Съ 150 рисунками, ц. 60 к. Описаніе народовъ Америки, сѣверной и южной Австраліи. Папуасы, малайцы, японцы, индійцы, азіаты. монголы, популярные народы. Африканскіе народы. Бушмены, готентоты, негры. Суданскіе негры. Народы средиземныхъ расъ. Семитическое племя. Индоевропейскіе народы. Исторія—цивилизація, культура—климатъ, міръ растеній, міръ животныхъ, минеральныя богатства, питаніе, сонъ, жилища, одежды, украшенія оружія, промышленность. Искусства, семья—родъ. Общество Государство, собственность, торговля, языкъ, музыка, театръ, религія, наука, письменность, обряды, обычаи. Масса рисунковъ дѣлаютъ эту книгу весьма наглядной и доступной всякому пониманію.

ЧУДЕСА ДРЕВНЕЙ СТРАНЫ ПИРАМИДЪ. Путешествіе за три тысячи лѣтъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра Карла Оппеля. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Страхова, исправленный и дополненый по 4-му изданію подъ редакціею А. А. Быкова. Съ 182 рисунками, помѣщенными въ текстѣ, и планомъ съ птичьяго полета египетскихъ памятниковъ Нильской долины. Спб. 1897 г. 3-е изд. 542 стр., ц. 3 р. 50 к.

ВОЗДУХЪ. ВОДА, СВѢТЪ И ТЕПЛО. Весьма общедоступн. лекціи по химіи профессора Р. Блохмана, переводъ В. Вольфсона 103 рисун. Спб. ц. 40 к. Предлагаемая книжка содержитъ изложеніе въ самой общедоступной формѣ важнѣйшихъ химическихъ свѣдѣній, крайне интересныхъ вообще, но пріобрѣтающихъ особый интересъ еще потому, что они составляютъ основу жизни нашего тѣла. Опыты, которыми поясняется изложеніе, просты и очень наглядны; многіе изъ нихъ могутъ быть воспроизведены домашними способами, при помощи самыхъ нехитрыхъ приспособленій.

ПЯТЬ ЧУВСТВЪ ЧЕЛОВѢКА. Соч. д-ра I. К. Крейбиха. Общедост. лекціи. Съ 30 рисунками. Перев. съ нѣмец. подъ редакц. д-ра I. А. Шапиро Спб. 1903 г. 148 стр. Ц. 45 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебн. заведеній.

КАРТИНЫ РАСТИТЕЛЬНОСТИ.

ЖИЗНЬ и НРАВЫ ПТИЦЪ И ЖИВОТНЫХЪ. Соч. Мазіуса. Перев. съ нѣмецкаго женщины-врача К. Вурафтъ. Подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго и Ф. Александрова. Спб. 1906 г. 300 стр большого формата, съ рисунками и въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к. Лѣсныя деревья: Кипарисъ.—Пинія. Сосна.—Пихта.—Ива —Тополь.—Черный тополь. серебристый тополь—Осина,береза.—Ольха.—Дубъ.—Букъ. (Fagus silvatica). Вязъ.—Липа.—Изъ жизни птицъ: Голубь.—Лебедь.—Аистъ.— Орелъ. — Коршунъ.—

Соколъ.—Ястребъ. — Вальдшнепъ. — Тетеревъ. — Рябчикъ. —Скворецъ.—Соловей.—Лягушка.—Ракъ и омаръ.— Лисица.—Лугъ.—Степь.—Хвойный лѣсъ.—Лиственный лѣсъ.—Нива.—Изъ жизни животныхъ: Верблюдъ. Лось.—Лошадь.—Кошка.— Ящерица.—Змѣя.—Китъ.—Муравьи.— Бамбукъ.—Слонъ.—Тюлени.—Нилъ.—Облака.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОЛОДОГО НАТУРАЛИСТА. Соч. Біара Перев. съ 15 изданія С. Бриліанта, съ 130 рисунками, въ папкѣ, 400 стр., ц. 1 р. 35 к. Кто мы такіе?—Гренгале.—Восходъ солнца.—Сахарный тростникъ.—Ночлегъ.—Сахаръ.—Гренгале въ потокѣ.—Идея. Энкюрадо.—Ужинъ индѣйцевъ.—Пробужденіе.—Міръ лиллипутовъ.—Энкюрадо и бутылки.—Чертопологъ.—Индѣйскіе угольщики.—Трудное восхожденіе.—Коза.—Индѣйцы.—Табакъ—Игра съ быкомъ.—Люсьенъ вооружается.—Вступленіе въ пустыню.—Лѣсъ.—Вороны—Первый бивуакъ.—Бѣлки.—Маленькій путеводитель. Гимнъ въ пустынѣ.—Кофе.—Скипидаръ—Трогонъ.—Сосновыя иглы.—Три вулкана въ виду.—Жужелица.—Скорпіоны.—Саламандры.—Тревога.—Мазь изъ кошачьихъ ногъ. Тату. — Папоротникъ. — Обрушившаяся гора.—Пикъ.—Василискъ.—Новая затѣя. Энкюрадо.—Пиръ коршуновъ.—Драконовое дерево.—Коралловая змѣя.—Филинъ.—Мексиканскіе кроты.—Туканы.— Сороконожки.—Энкюрадо портной.—Захожденіе солнца.—Южный вѣтеръ.—Ураганъ.—Дурно проведенная ночь.—Бивуакъ у входа въ гротъ.—Гренгале и жукъ —Гнѣзда термитовъ.—Импровизированная лампа.—Первый осмотръ грота.—Свѣтящіеся щелкуны.—Готическій залъ.—Сталактиты и сталагмиты.—Кладбище хихимеговъ.—Дерево трескалка.—Двуутробка съ дѣтьми.—Земляныя орѣхи. Пиръ дикихъ кошекъ.—Новая экскурсія въ гротъ.—Раскопка могилы.—Ускореннымъ маршемъ.—Лапчатоногія.— Крестоцвѣтныя растенія.—Растительное мыло.—Блюдо Энкюрадо.—Зонтичное растеніе.—Піявка.—Неожиданный гость.—Дикіе георгины.—Печальное приключеніе.—Молочайники. —Энотъ-полоскунъ.—Потокъ. — Энкюрадо шляпочный мастеръ.—Новый способъ изгонять злыхъ духовъ.—Ангина.—Муравейникъ.—Стадо зайцевъ.—Черный игуанъ.—Новая страна.—Воспоминаніе дѣтства. Миражъ.—Огонь въ долинѣ.—Роса и туманъ.—Холодная земля.—Вѣтры.—Фиговое дерево.—Кактусъ.—Визнага Потерянная надежда.—Донъ Бенито Кайотенекъ.—Чернокожіе и бѣлые люди.—Мы дѣлаемся столярами.—Энкюрадо—проповѣдникъ—Латаніи.—Ястребъ.—Затруднительное положеніе.—Энкюрадо устраиваетъ балъ.—Наросты на листьяхъ.—Бездна.—Настурціи.—Портулаковый салатъ.—Обманутые охотники.—Насѣкомые копатели.—Цицинделлы.—Кактусъ и Кошениль.—Мексиканское вино.—Прощаніе съ нашими хозяевами.—Въ дорогу!—Паукъ птицеѣдъ. Тараканъ. — Куница и вонючій хорекъ.—Бѣлка-летунья—Дерево курма.—Выдра. —Энкюрадо раненъ.—Трудный переходъ.—Липы.—Голуби.—Антильскія вишни.—Ужъ Жаркая полоса.—Земляная бѣлка.—Мышиное гнѣздо.—Птицы-мухи и колибри.—Лѣсная курица.—Стручковое дерево. — Тлалькойлоты— Сверчки — Переходъ черезъ лѣсъ.—Форсированный маршъ.—Волшебный ручей.—Москиты.—Обѣтованная земля. Обезьяны.—Энкюрадо и попугаи.—Гренгале приводитъ гостя.—Кугуаръ или американскій левъ.—Рѣка.—Пальмовая вилла.—Черепашьи яйца.—Каравайка —Цапля и фламинго.—Кампешевое дерево.—Муравьи за работой.—Насѣкомыя — паразиты.—Дикая кошка и муравьѣдъ.—Ваниль.—Розовыя колпицы.—Обезьяны.—Мы заблудились.—Ночное посѣщеніе.—Паденіе дерева.—Печальная ночь.—Ускоренный маршъ. Обезьяны.—Змѣя.—Мы отдѣлываемся страхомъ.—Буря.—Мы строимъ плотъ. Змѣя-олень.—Прощанье съ Пальмовой виллой.—Слѣпни.—Гремучая змѣя.—Окотчотли.—Ара.—Ходули.—Бѣгство охотниковъ.—Мексиканскія свиньи.—Неудачный маневръ. Тополсо.—Ягуаръ—Ибисъ.—Американскій крокодилъ.—Токари.—Битва Энкюрадо. Буйволы.—Царь коршуновъ.—Pinolillos.—Испугъ Энкюрадо—Тапиры —Прощанье съ рѣкой. Добыча Льва.—На ночь.—Отправленіе въ путь.—Саванна.—Носухи.—Исчезновеніе Энкюрадо.—Мы покидаемъ Жонс и Верде.—Яша осужденъ на смерть. Жажда.—Возвращеніе Энкюрадо.—Маленькая Одиссея.—Жонс, Верде и Ружетта.—Охота за дикими лошадьми.—Чудовище.—Послѣднее приключеніе.— Умѣренная полоса.—Возвращеніе.

Учен. Ком. Мин. Нар. Прос. допущ. въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

ПОПУЛЯРНАЯ АСТРОНОМІЯ К. ФЛАММАРІОНА. Съ 190 рисунками, чертежами и картинами. Переводъ Гальперина. Спб. 1903 г. 292 стр., ц. 80 к.

„Можно безошибочно сказать, что имя Камилла Фламмаріона одинаково популярно и во Франціи и въ Россіи. Причина этого та, что въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ этотъ астрономъ удивительно удачно умѣетъ соединять серьезную

научность съ популярнымъ, живымъ изложеніемъ. Такими же достоинствами отличается и предлагаемое капитальное сочиненіе. Вообще, слѣдуетъ признать, что, благодаря разсматриваемой книгѣ Фламмаріона, можно изучить астрономію постольку, поскольку астрономическія данныя доступны для пониманія безъ математической подготовки".

ПОПУЛЯРНАЯ АСТРОНОМІЯ въ вопросахъ и отвѣтахъ д-ра Клейна. Перев. съ нѣмецкаго, послѣднее изд. Спб. съ многочислен. рисунками, ц. 1 руб. предлагаемый катехизисъ астрономіи, составленный извѣстнымъ ученымъ популяризаторомъ д-ромъ Клейномъ, явится желаннымъ руководствомъ. Здѣсь они найдутъ изложенное въ ясной и общедоступной формѣ объясненіе новѣйшихъ данныхъ строенія, системы и законовъ движенія небесныхъ тѣлъ. Особая глава посвящена объясненію астрономическаго основанія календаря, близко касающагося всѣхъ и каждаго, но мало кому понятнаго. Избранная авторомъ форма катехизиса, наименѣе утомляя вниманіе читателя, чрезвычайно облегчаетъ отысканіе отвѣтовъ на интересующіе его отдѣльные вопросы, не вредя системѣ изложенія и цѣльности впечатлѣнія при послѣдовательномъ чтеніи книги.

ПОЧЕМУ И ПОТОМУ. По системѣ Отто Уле для учащихся въ семьѣ и школѣ. Зоологія и Ботаника. 800 вопросовъ и отвѣтовъ, по зоологіи и ботаникѣ съ 111 рисунками, составилъ Р. Гротріанъ. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. Френкеля. Спб., 1904 г. ц. 65 к. Книга, которую мы предлагаемъ вниманію читателей, написанная вполнѣ доступнымъ языкомъ и охватывая въ своемъ содержаніи не только вопросы общаго характера, но и (даже преимущественно) частные факты, могущіе возбудить любознательность каждаго человѣка, при столкновеніи его съ окружающей природой,—книга эта можетъ быть рекомендована даже, какъ популярное руководство для изученія жизни животныхъ и растеній. Форма изложенія, авторомъ принятая, имѣетъ за себя многое: нѣтъ сомнѣнія, что-либо, изложенное въ видѣ вопроса и отвѣта, гораздо легче, чѣмъ при описательномъ изложеніи.

ГИБЕЛЬ ІЕРУСАЛИМА. Историческая повѣсть временъ римскихъ императоровъ: Веспасьяна и Тита. Сочиненіе Генти. Переводъ М. И. Ловцовой. Съ рисунками англійскихъ художниковъ. С.-Петербугръ. Ц. 1 р. 25 к. Г. Іерусалимъ—священный городъ іудейскаго народа, былъ основанъ въ глубокой древности царемъ Давидомъ. Сынъ его, царь Соломонъ, воздвигъ въ немъ въ 1012 г. до Р. Х. знаменитый Храмъ на Сіонскихъ высотахъ. Храмъ этотъ, по свидѣтельству древнихъ писателей, „превосходилъ великолѣпіемъ всѣ другія человѣческія сооруженія".

Римское владычество надъ Іерусалимомъ установилось при Помпеѣ въ 63 г. до Р. Х. Сначала оно, казалось, удовлетворяло условіямъ жизни іудейскаго народа, но подчиненіе язычникамъ, хотя и относящимся съ уваженіемъ къ церковнымъ учрежденіямъ страны, само по себѣ уже казалось іудеямъ грѣхомъ противъ закона Моисеева, и присутствіе римскихъ воиновъ въ Іерусалимѣ близъ храма сильно раздражало ихъ. Разстройство государственнаго и общественнаго порядка достигло высокой степени въ послѣдніе 20—30 лѣтъ передъ паденіемъ Іерусалима, которое произошло послѣ четырехъ-лѣтней осады при Веспасьянѣ и Титѣ.

Междоусобныя распри іудеевъ, и раздѣленіе ихъ на партіи, ослабили ихъ, и вовлекли въ борьбу съ побѣдоносною римской имперіею, которая, несмотря на мужественное сопротивленіе евреевъ, разгромивъ Іерусалимъ и разсѣявъ громадное населеніе страны, овладѣла несмѣтными сокровищами храма.

БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРІЯ, ветхаго и новаго завѣта. Протоіерея Іоанна Базарова съ 110 картинками художника Крюкова, и 16 отдѣльныхъ картинъ художника Дорэ. Отпечатаны въ два тона, въ красивой хромолитографированной папкѣ 285 стр. Цѣна 1 руб.

ИСТОРІЯ РЕЛИГІИ Краткій очеркъ религіозныхъ вѣроисповѣданій. Сочиненіе Англійскаго Священника Е. Д. Прайса, переводъ съ послѣд. изд. М. Ловцовой. Церковь первыхъ шести вѣковъ, Римско-католическая Церковь, Греческая Церковь, Протестантскія Церкви, лютеранская Церковь, Англиканская Церковь, Пресвитеріанская Церковь, Баптисты, Индепенденты, Методисты, Квакеры, Свендеборгіанизмъ, Секта Ирвингіанъ, Унитаризмъ, различныя другія секты. Ц. 60 к.

Лучи свѣта. Сочиненіе философа Шопенгауэра. Извлечено изъ полнаго сочиненія Ю. Францевштедтомъ, переводъ В. Н. Маракуева. 2-ое изд., 327 стр., ц. 1 р.

Эстетика. Популярное изложеніе. Ученіе о прекрасномъ и объ искусствѣ. Сочиненіе Прельса, переводъ съ нѣмецкаго В. Владиміровa, подъ редакціею В. В. Чуйко. Спб., ц. 1 р. 20 к.

Популярная политическая экономія. Соч. Фаусеттъ. Переводъ съ 7-го англійскаго изданія М. Н. Ловцовой, подъ редакціею и съ предисловіемъ Н. Дружинина. 2 изд. Спб., ц. 80 к.

Руководство къ выразительному чтенію. Сост. М. М. Бродовскій. (Искусство художественнаго чтенія вслухъ и декламированія). Съ приложеніемъ образцовой хрестоматіи для практическихъ упражненій въ техническихъ и художественныхъ пріемахъ искусства выразительнаго чтенія, 2-ое, значительно дополненное, съ 17 объяснительными рисунками и чертежами. Спб. 1904 г. 416 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чтеніе, какъ искусство Сост. академикъ Легувэ. Перев. съ 31-го французскаго изданія. 4-е изданіе. Спб., 1903 г., ц. 1 р.

Наука о нравственности (этика). Изложеніе этическихъ принциповъ и ихъ примѣненіе къ частнымъ жизненнымъ отношеніямъ. Соч. профессора копенгагенскаго университета д-ра Гаральда Геффдинга. Переводъ подъ редакціею Л. Е. Оболенскаго. Спб., 1898 г. ц. 1 р. 75 к.

„Во время оно". Бэнъ Хуръ. Повѣсть временъ земной жизни Іисуса Назорея. Соч. Уоллеса. 2-е изданіе съ 75 рисунками. Спб. 1906 г., ц. 1 р. 50 к.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Соч. Герберта Спенсера. Новый полный переводъ съ англійскаго М. А. Лазаревой. Спб., 2-е изданіе, ц. 75 к.

Исповѣдь. Соч. Жанъ Жакъ Руссо. Переводъ подъ редакціей Н. А. Бердяева. 604 стр. ц. 2 р.

Историческія женщины. человѣческая траги-комедія Іоганна Шерра. 2-е изданіе 1906 г., ц. 1 р. 50 к.—Аспазія.—Туснельда.—Мессалина.—Элоиза.—Іоанна д'Аркъ.—Двѣ королевы: Елисавета и Марія Стюартъ.—Нинона де Ланкло.—Матильда Датская Марія Антуанетта.—Каролина Англійская.—Сѣверная Семирамида, Екатерина II.

Историческіе дѣятели. Человѣческая траги-комедія Іоганна Шерра. Переводъ Н. Мазуренко. Спб. 1906 г., ц. 1 р. 20 к.—Грозный царь, Іоаннъ IV.—Лже-Дмитрій.—Кромвель. Трагедія русской государств. жизни.—Король-сумасбродъ.—КарлъXII.—Мирабо и Марія Антуанетта.—Парижъ 1789—1793 (во время террора). Декабрьскій терроръ 1848—1851 г.г.—Пророкъ Магометъ и пр.

О свободѣ. Соч. Джонъ Стюартъ Милль. Переводъ съ послѣдняго англійск. издан. М. Ловцовой. Спб., изд. 2-ое, 75 к.

Ученіе современнаго соціализма коммунизма. Г. Зибеля. Спб., ц. 15 к.

Эгоизмъ. Популярный соціально-психологическій этюдъ (Индивидъ, семья, соціальная группа —Пролетаріатъ и общественный строй будущаго). О. Н. Ивановой, ц. 15 к.

М. А. Бакунинъ. Біографическ. очеркъ политич. дѣятельности съ портретомъ сост. Андерсонъ, ц. 20 к.

Парадоксы въ поискахъ за истиной. Соч. Максъ Нордау. Полный переводъ М. С. Модель, 359 стр., ц. 1 р. Спб. Отъ переводчика.—Предисловіе въ первому изданію. Внушеніе (Suggestion).—Благодарность.—Содержаніе поэтической литературы.—Очеркъ естественной исторіи любви.—Эволюціонная эстетика.—Симметрія.—Обобщеніе.—Гдѣ истина?—Государство и индивидъ.—Національность.—Взглядъ на будущее. Нужно прибавить, что сочиненіе Нордау „Парадоксы" одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ.

Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка, умственное и общественное состояніе дикарей. Соч. сэра Джона Леббока, 2-е изд. и доп. по 5-му англійскому изд. (1899 г.) подъ редакціею Д. А. Коробчевскаго. Спб. 1896 г., ц. 2 руб.

Соціалъ-демократическія картинки будущаго. (Записки соціалъ-демократа). По Бебелю. Евгеній Рихтеръ, членъ германскаго рейхстага. Переводъ съ нѣмецкаго М. Е. Гюнсбурга, Спб., ц. 20 к.

Буддизмъ. Очеркъ жизни и ученія Гаутамы Будды профессора Т. Рисъ-Дэвидсъ. Переводъ съ 16 англійскаго изданія М. Гюнсбурга. Спб., 254 стр., ц. 80 к. ОГЛАВЛЕНІЕ: 1) Введеніе. 2) Жизнеописаніе Будды. 3) Существенныя ученія буддизма. 4) Буддская мораль. 5) Орденъ нищенствующихъ. 6) Легенда о Буддѣ. 7) Тибетскій буддизмъ. 8) Риспрестанскій буддизмъ. Книга написана популярно, и предметъ обхваченъ всесторонне.

„Самовоспитаніе воли" Ж. Пэйо. Перев. И. Ронгофа. Спб., ц. 30 к.

Борьба человѣка съ животными. Профессора К. Экштейна. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. А. Френкеля. Съ 31 рисункомъ 160 стр. ц. 50 к.

Самовоспитаніе умственное, нравственное и физическое. Соч. Джонъ Стюартъ Блэки, перев. съ 20-го англійскаго изданія, съ дополненіемъ и примѣчаніями В. Вольфсона. Спб. ц. 50 к.

Пять чувствъ человѣка. Соч. д-ра I. Е. Крейбиха. Общедост. лекціи. Съ 30 рисунками. Перев. съ нѣмец. подъ редакц. д-ра I. А. Шапиро. Спб. 148 стр. ц. 45 к.

Юный гражданинъ, его права и обязанности. Соч. Арнольда Форстеръ. Съ рисунками. Спб. ц. 35 к. Задача этой книги—обучить мальчиковъ и дѣвочекъ, занимающихся въ начальныхъ школахъ, правамъ, обязанностямъ и привилегіямъ британскихъ граждапъ. Въ простой и доступной формѣ въ ней приводятся свѣдѣнія о началахъ законодательнаго и административнаго устройства страны, объясвяется значеніе и цѣнность главныхъ народныхъ вольностей и излагаются обязанности британскихъ гражданъ къ своей родинѣ, соотечественникамъ и себѣ самимъ.

Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственвая теорія автора, Н. Fave (Фаие), члена парижской академіи наукъ съ добавленіемъ защиты гипотезы Лапласа и теорій Кирквуда, Троубриджа, Ньюкомба, Г. Х. Дарвина, а также критика теоріи Н. Faye (изъ соч. Космогоническія гипотезы (Les gipotéses cosmodoniques), К. Вольфа, члена парижской академіи, астронома обсерваторіи. 3-е изданіе. Спб. 1905 г., п. 1 р. 25 к.

Характеры и нравственное воспитаніе. Соч. Ф. Кейра. Пер. Мазуренко. Спб. 1906 г., 130 стр., ц. 40 к. Цѣль книги—критическое опредѣленіе характера имѣстѣ съ классификаціей и изученіемъ главныхъ его разновидностей; разслѣдованіе качествъ, развить и вызвать, которыя должно быть цѣлью воспитанія, и въ то же время указаніе главныхъ средствъ, которыми оно можетъ располагать для достиженія этихъ цѣлей. Примѣры, приводимые въ подтвержденіе описаній и разслѣдованій, большей частью взяты изъ среды историческихъ личностей, потому что у нихъ извѣстныя черты характера, притомъ всѣмъ знакомыя, проявляются болѣе ярко и отчетливо. Дѣло каждаго разобраться въ этомъ отношеніи и примѣнить къ себѣ то, что имѣетъ къ нему отношеніе.

Народовѣдѣніе. Габерландтъ, привать-доцента въ Вѣнѣ. Перев. Гренсбурга. Спб. 1907 г. Съ 150 рисун. ц. 60 к.

Божественная комедія. Соч. Данте-Аллегіери. 1 т. Адъ. Переводъ В. В. Чуйко, со вступительною статьею переводчика о жизни и произведеніи автора. Съ 68 рисунками извѣстныхъ французскихъ художниковъ и съ портретомъ автора., Спб. 1895 г., ц. 1 р. 50 к. 2 т. Чистилище. Пер. В. В. Чуйко, съ 75 рисунками. ц. 1 р. 25 к. 3 т. Рай. Переводъ В. В. Чуйко, съ 74 рисунками, ц. 1 р. 25 к.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ. Поэма Джона Мильтона. Полный переводъ съ англійскаго П. А. Каншина, съ рисунками и портретомъ автора.—Эта замѣчательная поэма знаменитаго англійскаго поэта выдержала безчисленную массу изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Своему широкому распространенію она обязана оригинальности замысла и творческому выполненію его, обезсмертившему имя автора, блестяще справившагося со своею мудреною задачею—изобразить первобытнаго человѣка.—1 р. 50 к.

ПУТЬ КЪ СЧАСТЬЮ. Какъ надо жить (Der Weg zum Glück). Соч. доктора философіи, проф. Фридриха-Кирхнера, автора „Исторія философіи". Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Алексѣя Маркова подъ редакціею съ примѣчаніями А. А. Быкова. Спб. 358 стр., ц 75 к.

СТРАСТИ И ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Любовь, ненависть, ревность, измѣна и порожденныя ими преступленія. Сост. М. А. Орловъ. Спб. 1902 г., ц. 85 к.

ИЗБРАННЫЯ АФОРИЗМЫ И МЫСЛИ Ф. НИЦШЕ. Перевелъ М. Моделя. 231 стр., ц. 75 к. Въ предлагаемой книжкѣ читатель найдетъ прекрасную біографію Ницше, составленную профессоромъ Лихтенбергеромъ, въ которой широкими штрихами обрисована его личность и условія развитія его умственныхъ способностей, характера, нравственныхъ качествъ и всей внутренней жизни вообще, а также собраны лучшіе и наиболѣе интересные отрывки изъ всѣхъ сочиненій Ницше, не исключая и тѣхъ, которые не появлялись въ отдѣльномъ изданіи.

Типографія Первой СПБ. Трудовой Артели. Лиговская, 31.